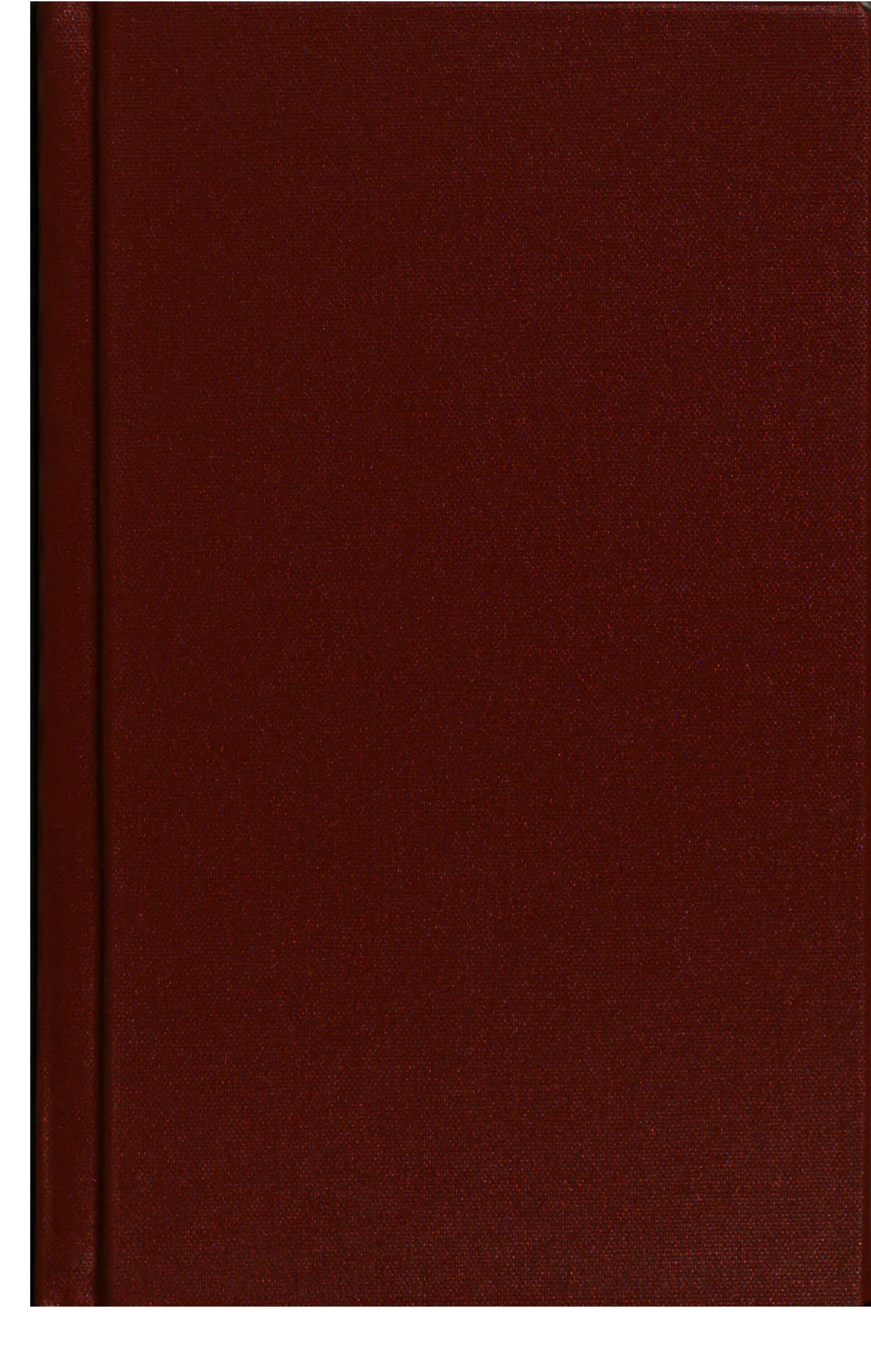

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

АВГУСТЪ. 1909.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 8.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ **М. П. МЕЛЬНИКОВА,**

Литейный пр., 57. С.-Петербургъ.

Печатается вторымъ изданіемъ и въ скоромъ времени поступитъ въ продажу книга: Арс. И. Введенскаго.

„ЛИТЕРАТУРНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ".

Содержаніе: Послѣднія произведенія Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Салтыкова-Щедрина, литературное народничество, Гл. Успенскій, Н. Златовратскій. Спб. 1910 г. Цѣна 2 р.

Того-же автора имѣется въ продажѣ

Общественное самосознаніе въ русской литературѣ.

Критическіе очерки. Содержаніе: Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій Л. Толстой. 2-е изд. Спб. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к. Цѣны безъ пересылки, каталоги безплатно.

ЗАИКАНІЕ

ЛѢЧЕНІЕ ПО МЕТОДУ **ЭРНСТА.**

КАРТАВОСТЬ. **Вѣрнѣйшій психолог. способъ (внушеніе). Блестящіе результаты даже въ самыхъ тяжелыхъ случаяхъ.**

БЕЗПЛАТНО **ВЫСЫЛАЕТСЯ ПРОСПЕКТЪ** лѣчебницы **К. Ю. ЭРНСТЪ,** **Москва,** Чистопрудный бульваръ, д. Тупицына.

Руководство (изложеніе метода Эрнста) къ самолѣченію— 4 руб. съ пересылкой у автора и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ВѢНСКІЕ СТУЛЬЯ

Фабрик Тонет, Кон, Войцѣхов и других русских и заграничных от 17 р. 50 к. дюабр Всевозможная мебель, Англійскія кровати, Мраморн. роскошн. умывальник. Опжово-розничный склад Москва, Каретный ряд, № 25, Т/д А. И. Усанов и К°

Фирма „Конкурент". Цѣны на всѣ товары дешевле фабричных.

Прейс-курант высылается безплатно.

Новѣйшая усовершенствованная дѣтская молочная мука

АЛЬПИНА

ЛОЗАННА (ШВЕЙЦАРІЯ).

На каждой банкѣ синяя марка и подпись Александръ Венцель

Главнаго представителя для всей Россіи, С.-Петербургъ, Гороховая улица, № 33.

Продается въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

АВГУСТЪ. 1909.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

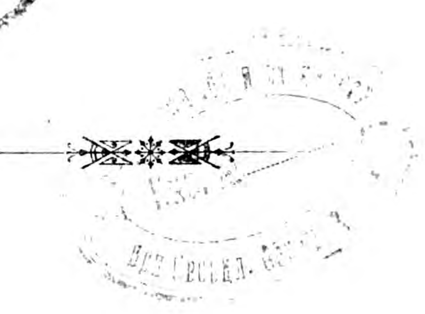
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1909.

(*Продолженіе см. на стран. 9*).

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

БѢЛАЯ СМЕРТЬ.

I.

Новенькіе.

Годъ спустя послѣ казни жениха у нея еще довольно часто возникали новыя знакомства. Приходили смотрѣть, какая невѣста могла быть у человѣка, чье имя вспыхнуло, какъ яркая, короткая молнія. Приходили слушать, какъ онъ проводилъ послѣдніе свободные часы. Хотѣли понять и разгадать тайну. И всѣмъ казалось, что она погребена въ душѣ дѣвушки, которой только что исполнилось двадцать лѣтъ.

Новичковъ, обыкновенно, приводили старые друзья, Дудкевичъ и Коганъ, имѣвшіе прочныя связи со студенчествомъ. Внизу лѣстницы молодежь вела себя самымъ непринужденнымъ образомъ: толкали Когана въ спину; перекидывались шутками, какъ мальчишки снѣжками; напоминали другъ другу веселыя исторіи. На предпослѣдней площадкѣ шумъ прекращался. Дудкевичъ доставала маленькій скомканный платокъ, сморкалась, бранила погоду и говорила, что у нея, кажется, начинается насморкъ. Коганъ застегивалъ распахнутое пальто и наново повязывалъ голубое шелковое кашнэ. Новенькіе чаще—всего ихъ было двое—безпомощно жались другъ къ другу, жалѣли, что не пошли въ другое мѣсто, и читали фамиліи на желтыхъ металлическихъ дощечкахъ и на визитныхъ карточкахъ.

Квартира, гдѣ она жила, была въ шестомъ этажѣ и обозначалась пятнадцатымъ номеромъ. Останавливались передъ обитой новой клеенкой дверью. Глаза бродили по круглымъ головкамъ гвоздей, по металлической дощечкѣ Ивана Антоновича Жеребина, страхового агента, и по визитной карточкѣ Каролины Карловны Бухштабъ, зубного врача. Коганъ медленно разстегивалъ пальто, развязывалъ и складывалъ голубое кашнэ, осторожно нажималъ на пуговку электрическаго звонка. Дудкевичъ, словно отъ удивленія, раскрывала ротъ

и прятала руки въ карманы короткаго жакета. Новенькимъ дѣлалось не по себѣ.

Почему-то думалось, что надо принести себя въ жертву за человѣческое счастье, и что жертва эта должна быть красивой и тихой, какъ полетъ бѣлаго голубя къ ясному небесному куполу. Батмановъ принесъ себя въ жертву, невѣста Батманова принесла,—и они должны. Было совѣстно, что въ боковомъ карманѣ пальто—книжка рыночныхъ декадентскихъ стиховъ, что вчера весь вечеръ ушелъ на бильярдную игру, а завтра надо готовиться къ репетиціи по аналитической геометріи.

По крайней мѣрѣ, Иваницкій и Пугачовъ признавались, что съ ними происходило что-то въ этомъ родѣ. Иваницкій даже утверждалъ, что, прочитывая имя и отчество страхового агента Жеребина, онъ давалъ себѣ слово отказаться отъ пустяковъ и цѣликомъ посвятить себя какой-нибудь плодотворной дѣятельности. Надъ нимъ подтрунивали, но онъ горячился и доказывалъ, что ничего смѣшного тутъ нѣтъ.

Пугачовъ соглашался, что перехвачено черезъ край, и объяснялъ свое сантиментальное настроеніе зеленой молодостью и вліяніемъ Иваницкаго.

— Въ идеалисты хотѣлъ прыгнуть. Дескать, и мы изъ той же глины вылѣплены. Анъ не тутъ-то было. Уши выше лба не растутъ.

Вѣра Владиміровна всегда бывала дома, и прислуга пропускала, молча, не спрашивая, къ кому. Только когда всѣ пальто были сняты и калоши парами размѣщались подъ вѣшалкой, она кричала вглубь коридора:

— Барышня, къ вамъ гости.

Вѣра Владиміровна отзывалась короткимъ: „я сейчасъ“. Въ первыхъ дверяхъ показывалось недовольное заспанное лицо съ помятыми сѣдыми бакенбардами. Старикъ, которому оно принадлежало, оглядывалъ пришедшихъ и стоялъ, протестующій и злобный. У него шевелились мясистыя отвислыя губы и двигался кадыкъ на шеѣ. Дудкевичъ рѣзко двигала плечомъ и громко шептала: „Сумасшедшій“. Каждый думалъ: „а мы, кажется, не во время“. Минуты двѣ проходило въ напряженномъ ожиданіи. Старикъ шумно дышалъ, и было слышно, какъ хрипитъ въ его испорченной груди.

Но вотъ Вѣра Владиміровна выходила изъ комнаты. Коганъ, указывая на незнакомыхъ, называлъ фамиліи.

Новенькіе кланялись, а она говорила:

— Очень пріятно. Андріевская.

И крѣпко по-мужски жала руку.

Неловко было разглядывать лицо, которое заранѣе представлялось милымъ и привлекательнымъ, а потому память

сохраняла послѣ перваго свиданія только черный кожаный кушакъ, нитку жемчуга на тонкой открытой шейкѣ и гладко-причесанные свѣтлорусые волосы.

— Васъ напугалъ Иванъ Антоновичъ?—вполголоса спрашивала она.—Онъ очень боится простуды и сердится, когда съ улицы заразъ приходитъ нѣсколько человѣкъ.

— Старый чортъ!—громко говорила Дудкевичъ.

Иванъ Антоновичъ протестующе хлопалъ дверьми, надрывисто кашлялъ и сердито звалъ прислугу. И всѣ слышали, какъ онъ кричалъ:

— Зачѣмъ пускаете этотъ сбродъ? Что имъ надо? Скажите, что я ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ вами и барышней вашей метлой прогоню. Пусть жалуются мировому.

На цыпочкахъ шли по коридору. Въ сосѣдней квартирѣ играли на піанино. Въ пріемной Бухштабъ умирали со скуки „Нива“ за прошлые годы и старые номера газетъ. Въ тотъ вечеръ, когда Коганъ и Дудкевичъ привели Иваницкаго и Пугачова, въ сосѣдней квартирѣ играли полонезъ Огинскаго. Пугачовъ сказалъ, покачивая головой:

— Люблю эту штуку.

Иваницкій замыкалъ шествіе. „Грубый человѣкъ я“, думалъ онъ про себя, и на лбу складывались упрямыя морщинки. Зачѣмъ онъ пришелъ сюда со вздорнымъ любопытствомъ? Что ему надо? Въ голову приходили мысли, что недавно по коридору шелъ тотъ, чье имя вспыхнуло, какъ молнія. И отъ думъ о короткой, быстрой молніи, крупными буквами написавшей никому до этого дня невѣдомое имя Батманова и огненно разсказавшей о разорванномъ въ клочки человѣческомъ сердцѣ, — и коридоръ, и Иванъ Антоновичъ Жеребинъ, и прислуга, открывавшая двери, показались на вѣкъ таинственными, видѣвшими особенное, жуткое, сохранившими отблескъ кровавой молніи... Какъ будто передъ глазами замелькали блуждающіе огоньки, сдѣлали намекъ на что-то возможное въ каждой жизни и сжали сердце предчувствіемъ рокового пути въ будущемъ.

Настроеніе это еще сгустилось, когда Вѣра Владиміровна остановилась, пропуская гостей въ комнату.

— Проходи,—шепнулъ Иваницкій замедлившему въ дверяхъ Пугачову.

— А ты папиросы не забылъ?

— Не знаю.

Онъ даже разсердился на пріятеля. Спрашивать о табакѣ въ такую минуту. И сѣлъ нарочно въ сторонѣ отъ него, задумчивый и углубленный въ себя.

Мягко и сдержанно горѣла лампа съ зеленымъ абажуромъ. Темнѣли и кружились въ темнотѣ складки на зеле-

ныхъ шелковыхъ занавѣскахъ. Отъ большого ковра, коричневыхъ обоевъ съ золотистыми переливами и стекляннаго книжнаго шкафа, стоявшаго въ тѣни, излучалась вкрадчивая, оплетающая, какъ паутина, тишина. Навѣвались думы-птицы, которыя порывались летѣть къ звѣздному небу. Забывалась своя жизнь, такая грубая, такая земная, какъ сосна, выросшая въ лѣсу. Воображеніе рисовало алтарь, воздвигнутый во имя неизвѣстнаго Бога. И хотѣлось служить этому Богу трудными подвигами. И хотѣлось отдать свою жизнь за что-то неизвѣданное, свѣтлое и радостное.

Бѣлая дѣвичья постель съ кружевными наволочками на подушкахъ и сверкавшимъ отъ чистоты одѣяломъ ласкала глаза и говорила про себя, что она тихая монашенка, что ея любимое—воскресный колокольный благовѣстъ, весеннія кудри облаковъ и Вѣра Владиміровна, упершаяся подбородкомъ въ маленькую верхнюю подушку и о чемъ-то задумавшаяся. Блѣдное молчаливое небо смотритъ въ комнату. Солнце золотитъ кудрявыя облака. А у Вѣры Владиміровны слезы на глазахъ. И она сама не знаетъ, о чемъ ей думается.

Разговоръ начался самый обычный.

Дудкевичъ авторитетно обругала декадентовъ, положила ногу на ногу, закурила тоненькую изогнутую папироску и обвела всѣхъ вызывающимъ на споръ взглядомъ прыткихъ круглыхъ глазъ, почему-то напоминавшихъ мягкихъ жирныхъ головастиковъ.

— Ну, завели свою шарманку... — отмахнулся отъ нея Коганъ и оправилъ черепаховое пенснэ.

Дудкевичъ, въ волненіи, сильно затянулась табачнымъ дымомъ и раскашлялась до того, что слезы выступили у нея на глазахъ. Она отдохнула и брезгливо возразила:

— По моему, важная общественная тема. Наша обязанность поднимать эти вопросы.

Вѣра Владиміровна чуть улыбнулась, пододвинула Дудкевичъ пепельницу и закрутила жемчужную нитку.

Пугачовъ оторвался отъ альбома и приготовился слушать. Онъ былъ поклонникомъ молодой литературы. Вѣра Владиміровна подошла къ книжному шкафу и достала какую-то книгу.

Вотъ она купила этотъ сборникъ.

Сборникъ попалъ въ руки Когана, который подсѣлъ къ лампѣ, увеличилъ огонь и углубился въ чтеніе. Пугачовъ было подошелъ посмотрѣть, что за книга, постоялъ надъ головой Когана, но ничего не выстоялъ. Взялъ одну изъ папиросъ, лежавшихъ передъ Дудкевичъ, закурилъ отъ лампы и шепнулъ Иваницкому на ухо:

— Ну, какъ тебѣ она? По моему, ничего особеннаго. Рѣзкой индивидуальности нѣтъ.

Иваницкій сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ. На лицѣ у него было напряженное страдальческое выраженіе. Онъ уперся глазами въ большую фотографію Батманова, висѣвшую надъ письменнымъ столомъ. Близко поставленные глаза устремлены въ одну точку, и въ нихъ ясно выражено внутреннее горѣніе. Во всѣхъ линіяхъ лихорадочная изломанность, точно слѣды изнурительной нервной болѣзни. Очевидно, всякую минуту большая сосредоточенная на одномъ пунктѣ мука. И въ то же время громадная сила воли. Она давила и крутила душу, и душа мучилась. Иваницкій чувствовалъ въ себѣ эту чужую тревожно-ищущую душу, и его порывало подойти къ портрету вплотную и крикнуть: „Зачѣмъ? Вѣдь тебѣ самому было больно“.

Онъ сжималъ руки, пряталъ ихъ между колѣнями, и ему было совѣстно за свои высокіе сапоги, за то, что Дудкевичъ вѣчно споритъ, и что у него пріятель Пугачовъ, котораго знаютъ и уважаютъ всѣ маркеры, который читаетъ уличныя газеты и черпаетъ изъ нихъ всю свою мудрость.

Дудкевичъ съ декадентовъ перешла на оперу. Безъ болтовни она чувствовала себя, какъ рыба безъ воды. Въ прошлый вторникъ давали Онѣгина, но Собиновъ былъ не въ голосѣ. Вообще, онъ пѣвецъ изъ сомнительныхъ. А Татьяну пѣла... Татьяну пѣла... Позвольте, кто пѣлъ Татьяну? Пугачовъ услужливо перечислилъ всѣхъ оперныхъ пѣвицъ, прибавивъ даже двухъ итальянскихъ. Дудкевичъ презрительно поморщилась. Вотъ удивительно, никакъ не можетъ вспомнить.

Она, волнуясь, зашагала по комнатѣ и, напрягая память, закрыла глаза. Потомъ призналась, что у нея скверная память на собственныя имена. Еще въ гимназіи всего труднѣе ей давались географія и исторія.

— Говорятъ: есть такая болѣзнь мозга. Бугорокъ какой-то недоразвитъ.

Пугачовъ выпалилъ и растерялся. Онъ прочелъ про такую болѣзнь въ какой-то газеткѣ, въ отдѣлѣ „смѣсь“ за бутылкой Дурдинскаго пива. „Ну, кто меня тянулъ за языкъ?“ укорялъ онъ себя и искалъ сочувствія и поддержки у Иваницкаго, но тотъ сидѣлъ въ прежней напряженной позѣ и не говорилъ ни слова. Пугачовъ чувствовалъ, что между ними начинается отчужденіе. „Эхъ, братъ...“ думалъ онъ про Иваницкаго и поникъ головой.

Счастливые, они ходятъ въ оперу. Вотъ она никуда не ходитъ, рѣшительно никуда. Вѣра Владиміровна вздохнула.

А на толпѣ иногда бываетъ хорошо. Отдыхаешь отъ себя

самой. Яркое освѣщеніе, музыка и нарядная публика наполняютъ душу, какъ будто въ большой умирающей залѣ стараго дома дается балъ. Брилліантовыми ожерельями сіяютъ люстры, оживаютъ колонны, пожилой господинъ во фракѣ вздыхаетъ о прошломъ. Дамы порхаютъ парочками и говорятъ свѣтскія любезности. Ѣдешь потомъ въ саняхъ домой, освѣженная и усталая. Снѣжинки вертятся около глазъ. И спать хочется, какъ въ дѣтствѣ хотѣлось.

Глаза у Вѣры Владиміровны размечтались и ушли на помѣщичій балъ. Отъ длинныхъ рѣсницъ на лицо легли тѣневыя полоски.

„Вотъ она какая...“ удивился Иваницкій и опять взглянулъ на портретъ. Конечно, Батмановъ долженъ былъ любить ее. И ему стало не по себѣ, что онъ, неуклюжій и громоздкій, сидитъ въ низенькомъ креслѣ, въ уютной комнатѣ, бережно хранящей слѣды шаговъ того изящнаго и болѣзненнаго, который бросилъ жизнь свою въ лицо несправедливости.

Иваницкій хватился за голову.

„Мы должны мучить ее...“

— Хотите я достану вамъ билетъ на Шаляпина?—предложилъ Пугачовъ.

— Куда ужъ мнѣ.

Вѣра Владиміровна махнула рукой, и мечтательное выраженіе слетѣло съ ея лица, точно она съ мѣста, освѣщеннаго солнцемъ, быстро перешла въ тѣнь.

Она поднялась, подула себѣ на ладони и неопредѣленнымъ разсѣяннымъ взглядомъ всмотрѣлась въ Иваницкаго.

— Вы скучаете? Простите, я занимать не умѣю. Сейчасъ самоваръ подадутъ. Коганъ, бросьте читать. Скатерть накрывать буду.

Коганъ положилъ себѣ книгу на колѣни.

— Вотъ онъ всегда такъ. Придетъ, усядется въ уголъ и читаетъ. Самый невѣжливый гость,—бросивъ новый взглядъ на Иваницкаго, пошутила Вѣра Владиміровна.

— За то самый удобный,—не подымая глазъ, сказалъ Коганъ и перевернулъ страницу.

Послѣ чая сидѣли недолго. Дудкевичъ скучала. Она зѣвнула, вынула маленькіе черные часики и объявила, что уже десятый часъ.

— Д-да, засидѣлись,—со вздохомъ произнесъ Пугачовъ.— Пора и честь знать. Дорогіе гости, не надоѣли ли вамъ хозяева?

„Опять не совсѣмъ умно“ оборвалъ онъ самъ себя и, чтобы скрыть смущеніе, началъ одергивать тужурку.

Вѣра Владиміровна не задерживала. Коганъ оторвался

отъ книги, попросилъ разрѣшенія взять ее на домъ и завернулъ въ газетный листъ.

Снова шли гуськомъ по коридору. Вѣра Владиміровна всѣмъ по-мужски крѣпко пожала руку.

— О, какъ вы жмете!—замѣтилъ ей Пугачовъ.

— Меня Георгій выучилъ этому,—сказала она и, какъ бы извиняясь, улыбнулась.—Заходите, господа, если не боитесь скучать.

— Ваши гости,—низко раскланялся Пугачовъ.

По лѣстницѣ спускались, молча. Пугачовъ подымалъ плечи, надувалъ щеки и крутилъ усы. Дудкевичъ дулась на Когана и шла впереди. Ея короткая жакетка нахохлилась, какъ озябшій дроздъ. У барашковой шапочки, сдвинувшейся на бокъ, былъ задорно-разочарованный видъ.

— Какъ вашъ насморкъ?—насмѣшливо спросилъ Коганъ.

Дудкевичъ сердито фыркнула, ничего не отвѣтила и пошла еще быстрѣе.

На углу Невскаго стали прощаться. Коганъ торопился дочитывать книгу. Потомъ ему надо было готовиться къ реферату по русской исторіи: „Земскіе соборы при Алексѣ Михайловичѣ“.

Дудкевичъ слушала иронически и вертѣла платокъ въ муфтѣ.

— Еще нѣтъ половины десятаго. Я хотѣла позвать всѣхъ къ себѣ. Пива куплю.

— Да, еще рано,—согласился Пугачовъ, взялъ Когана за пуговицу пальто и началъ убѣждать, что рефератъ—плевое дѣло, одна формальность.

— Нѣтъ, я отказываюсь.

Коганъ быстро перешелъ на другую сторону улицы.

— Подождите,—крикнула ему Дудкевичъ.—Я васъ провожу.

Она побѣжала за нимъ слѣдомъ. И отъ этой маленькой комической сценки въ душѣ у Иваницкаго осталась маленькая ранка.

— Любовь, братъ, не картошка,—меланхолически замѣтилъ Пугачовъ.—Постой. Смотри, какая роскошь.

Они проходили мимо ярко-освѣщеннаго ресторана „Швейцарія“. Главныя двери были гостепріимно раскрыты. Слышался басъ органа.

— Зайдемъ на часокъ?—предложилъ Пугачовъ, вынулъ кошелекъ и при свѣтѣ электрическаго фонаря принялся считать монеты.

— Я не пойду.

Пугачовъ съ сожалѣніемъ спряталъ кошелекъ. Шли частыми, крупными шагами. „Упрямится“... думалъ онъ про

Иваницкаго. И ему хотѣлось сказать: „Эхъ ты, братъ... Зря вѣдь, все равно“. Онъ не зналъ, что именно зря. Только чувствовалъ напряженную работу въ душѣ пріятеля, которая ихъ отчуждала.

Дома засвѣтили лампу. Пугачовъ, какъ былъ въ пальто, такъ и развалился на диванѣ. Его очень манила „Швейцарія“, и онъ рѣшалъ: не идти ли ему одному. Медленно курилъ папиросу и ждалъ, что будетъ дѣлать Иваницкій. А самъ думалъ: „какого чорта... Точно я завишу отъ него. Ну, хочу пить и буду. Играть на билльярдѣ—и буду. Пусть ерепенится“.

Иваницкій подсѣлъ къ столу и началъ писать.

— Письмо домой?

Иваницкій кивнулъ утвердительно.

— Правильно придумано. И мнѣ надо. Второй мѣсяцъ не пишу. Поди, отецъ громы мечетъ.

Пугачовъ обмакнулъ перо въ чернильницу, извѣстилъ о своемъ здоровьи и перечислилъ предметы, которые читаются въ институтѣ. Потомъ заклеилъ конвертъ, размашисто набросалъ адресъ и прочелъ вслухъ:

— Рязань. Губернаторская улица. Его высокоблагородію Сергѣю Анисимовичу Пугачову. Собственный домъ.

Иваницкій разсматривалъ Наполеона на перѣ.

Въ душѣ было что то тревожное, неясное, только что зарождавшееся. Новый жизненный путь намѣчался, и неизвѣстность ждала впереди. И ему казалось, что онъ безсиленъ, и первое препятствіе будетъ для него роковымъ. Онъ сжималъ виски руками и шепталъ про себя:

„Тоска“.

Портретъ Батманова смотрѣлъ на него.

И Иваницкій писалъ матери жалобы на громадный городъ, захлестнувшій его, на свое одиночество: „Боюсь за себя, мама. Кто-то пришелъ въ душу, поселился въ ней, и изъ моихъ глазъ смотритъ этотъ чужой. Ѣхать къ тебѣ, что ли?“

Въ полночь, когда съ кровати Пугачова шелъ спокойный свистящій храпъ, письмо было перечеркнуто и разорвано. Иваницкій подошелъ къ окну и приложился лбомъ къ холодному стеклу. На небѣ былъ ясный двурогій мѣсяцъ. Около него клубились облака.

II.

Похороны товарища.

Иваницкій спалъ безпокойно, часто просыпался, чиркалъ спичкой и смотрѣлъ на часы. На утро надо было рано вставать. Хоронили товарища по курсу, умершаго отъ скарлатины, и надо было проводить гробъ на кладбище. Вспыхнувшая спичка каждый разъ освѣщала фигуру спящаго Пугачова, который лежалъ на спинѣ, до подбородка закрывшись одѣяломъ. Одѣяло сползало съ ногъ на полъ, и Иваницкій видѣлъ пальцы съ давно нестриженными ногтями и помятыя штрипки отъ кальсонъ. Иваницкій хмурился. Пугачовъ опять пришелъ въ два часа ночи и долго и сбивчиво разсказывалъ про игру съ какимъ-то жуликомъ, котораго онъ обыгралъ за милую душу. Кончая разсказъ, онъ икнулъ, обдалъ сожителя запахомъ перегорѣлаго спирта и извинился:

— Прости, братъ... Я немного того...

Покрутилъ головой, посмотрѣлъ осоловѣлыми глазами на пламя свѣчки и завалился спать. Иваницкому и тогда было противно. А просыпаясь, онъ думалъ, что Пугачовъ—настоящее животное, и имъ слѣдуетъ разъѣхаться по разнымъ квартирамъ.

Представилось, что отъ кровати Пугачова идетъ испорченный трактирами и пивными грязный потный воздухъ, что, вбирая этотъ воздухъ въ грудь, онъ дышетъ липкими пьяными думами, испареніями одурманеннаго тѣла, статьями уличныхъ газетъ, отъ чего ложится отвратительный налетъ на него самого. И, хотя Пугачовъ собирался идти на похороны, Иваницкій рѣшилъ, что будить сожителя не будетъ. Поэтому, когда подошелъ нужный часъ, онъ осторожно всталъ и приподнялъ занавѣску наполовину.

День оказался яркимъ и солнечнымъ. Полоса свѣта попала на лицо Пугачова. Такой возможности Иваницкій не предусмотрѣлъ, и только хотѣлъ исправить свою оплошность, какъ Пугачовъ протеръ глаза кулаками и осмотрѣлся. Сѣлъ на корточки и спросилъ:

— Уже?

— Уже,—сухо отвѣтилъ Иваницкій.

— Значитъ, братъ, одѣваться?

— Значитъ.

— Скорбно.

Пугачовъ босой подбѣжалъ къ столу, взялъ стаканъ съ водой и прополоскалъ ротъ.

— Во рту, братъ, какъ послѣ деревенской ярмарки. Очень не скусно. И врагу не пожелаю.

Онъ скинулъ рубашку и быстро продѣлалъ передъ зеркаломъ нѣсколько гимнастическихъ пріемовъ. Потомъ подошелъ къ окну, открылъ форточку и подставилъ грудь струѣ свѣжаго морознаго воздуха.

— Важно, братъ. Лучше нарзана.

И подсѣлъ къ Иваницкому, полуголый, зѣвая и почесываясь, ласково поглаживая мускулы и внимательно разглядывая тѣло.

— А ловко я вчера профессіонала-то. Онъ думалъ въ лицѣ моемъ пижона изловить. Физіономію перекосилъ. Какъ кинетъ кій на билльярдъ.

Пугачовъ удивленно покачалъ головой. Но Иваницкій трактирными событіями не интересовался и взялся за фуражку.

— Миша, погоди.

Пугачовъ быстро зашнуровывалъ сапоги, натянулъ брюки на ноги, раза два-три плеснулъ водой въ лицо, на скоро вытерся полотенцемъ.

— Понимаешь, на двѣнадцать партій. Чисто на чисто. Первую играли на полтину, вторую на рупь-цѣлковый. Потомъ пошли по трешнѣ. Кончили на большомъ золотомъ. Да еще ужины и напитки прибавь.

Идти было далеко, и они сѣли въ конку. Пугачовъ надувалъ щеки и крутилъ усы. Уличный воздухъ освѣжилъ его, и онъ чувствовалъ себя, какъ хорошо откормленный котъ, только что вдоволь наигравшійся съ мышью. Память рисовала счастливую рѣзку шаровъ, пятнадцатаго, положеннаго въ правый уголъ черезъ весь билльярдъ, удачные дуплеты и часто вынимаемый кошелекъ противника. Когда кондукторъ подошелъ получать за билеты, Пугачовъ досталъ скомканную трехрублевку и небрежно пробурчалъ:

— За него и за меня.

Онъ видѣлъ, что Иваницкій не въ духѣ, но разспрашивать, что такое съ нимъ, не пытался. Ударилъ каблукомъ сапога въ носокъ другого и думалъ: „Накатило на человѣка; ну, и чортъ съ нимъ; все равно не споешься“.

Конка свернула въ переулокъ. Пугачовъ вышелъ на площадку, вступилъ съ кондукторомъ въ разговоръ и разсказалъ про свои вчерашніе успѣхи. Попотчивалъ десятикопѣечными папиросами.

Кондукторъ пріятно улыбался.

— Здóрово вы его. Запомнитъ теперь. Больше не заманите.

Морозило. Отъ мороза небо начало мутнѣть. А потомъ

поднялся крѣпкій, похожій на натянутое обледенѣлое полотно, вѣтеръ, и посыпался мелкій, сухой снѣжокъ. У Иваницкаго зябли руки и ноги. Но онъ не обращалъ вниманія на холодъ и ворчливо и непріязненно осуждалъ свою прошлую жизнь, похожую на жизнь Пугачова. „Нѣтъ, съ билльярдомъ и выпивкой теперь разъ навсегда покончено. Сойдусь съ другими людьми". И мысленно онъ намѣчалъ книги, которыя ему слѣдуетъ прочесть. А неясныя тревожныя думы нашептывали что-то, чего-то требовали и навѣвали непонятную тоску.

„Изучу партійныя программы и выберу себѣ партію по душѣ. Вступлю въ нее зрѣлымъ и сознательнымъ работникомъ".

Иваницкій пробовалъ разбираться въ своемъ настроеніи логически и пытался свести все на математику. Но думы въ сѣть логическихъ умозаключеній не шли. У нихъ былъ свой собственный путь.

Онъ уныло сжался и поднялъ воротникъ.

Передъ подъѣздомъ студенческаго общежитія уже выстраивалась траурная процессія. Стояла черная, неуклюжая колесница, запряженная тремя парами лошадей въ черныхъ попонахъ съ черными султанами на головахъ. Лошади были худы, какъ скелеты, и казалось, что попоны накрыты нарочно, чтобы скрыть ихъ безобразныя кости. По лѣстницѣ вверхъ и внизъ бѣгали студенты. Внизу толпились любопытные. Студентъ въ башлыкѣ, папахѣ, съ загнутыми узкими брюками и дѣвушка въ каракулевомъ жакетѣ держали по вѣнку.

Началось пѣніе.

— Въ самую центру угодили,—сказалъ Пугачовъ, освободившій усы отъ ледяныхъ сосулекъ.

Лѣниво покачиваясь, сошелъ священникъ съ рябымъ скучнымъ лицомъ и передалъ мальчугану кадило. Пѣвчіе прошли впередъ.

Гробъ несли на рукахъ. Первой за гробомъ шла маленькая высохшая, какъ сухарь, старушка. Она спотыкалась и плакала. И растерянные, заплаканные глаза безпокойно слѣдили за нырявшимъ въ толпѣ гробомъ.

Молодые голоса пѣли вѣчную память. И было такъ ясно, что на душѣ у старушки слѣпая тоска, что душа ея, сухенькая и хилая, тоже плачетъ и спотыкается, что Иваницкому пришла въ голову мысль, будто жизнь несправедлива въ самомъ корнѣ, и поэтому ее слѣдуетъ отвергнуть. Онъ шагалъ въ хвостѣ процессіи, хмурый и отчужденный.

Старушка спотыкалась и устало трясла головой. Длинный черный крепъ вился у нея за шляпой. Вѣтеръ его под-

хватывалъ и сбоку бросалъ на лицо. Старушка остановилась и обвила его кругомъ шеи. И опять поплелась, крестясь и плача.

— Не люблю я похоронъ,—замѣтилъ Пугачовъ Иваницкому,—скука сногсшибательная, и здорово жрать хочется.

На немъ едва держалась заломленная на затылокъ фуражка, и густыя рыжеватыя кудри выбивались изъ-подъ нея молодцевато и задорно, точно онѣ всѣмъ хотѣли показать, что до горя маленькой старушки имъ нѣтъ никакого дѣла; старушка сама по себѣ, и онѣ, Пугачовскія кудри, тоже сами по себѣ. Пугачовъ покачивался на ходу, держалъ руки въ карманѣ и локтемъ касался Иваницкаго. Потомъ сошелъ съ мостовой на панель, купилъ газету и началъ читать, широко развернувъ большой газетный листъ.

Снѣжокъ закрутился гуще и чаще, и его мельканіе рѣзко и весело выдѣлялось на фонѣ черныхъ одеждъ, понурыхъ фигуръ и печально нырявшаго гроба.

Въ душѣ смутно рождалась тоскливая скука, и скучной и унылой казалась предстоящая заупокойная обѣдня. Напряженіемъ памяти Иваницкій вызвалъ образъ покойнаго товарища—блѣднаго и молчаливаго молодого человѣка съ пушкомъ вмѣсто бороды, безъ усовъ, съ тихими сѣрыми глазами и бѣлыми нервными руками. Они иногда сидѣли рядомъ на лекціяхъ, и Иваницкій помнилъ, какъ внимательные глаза умершаго товарища напряженно глотали математическія формулы, какъ въ нихъ вспыхивалъ огонекъ увлеченія и восторга; спина молодого человѣка выпрямлялась, блѣдное лицо озарялось внутреннимъ свѣтомъ, и онъ принималъ такую позу, что вотъ-вотъ подымется съ мѣста, сдѣлаетъ что-то особенное, подчиняясь своей мысли, и опять сядетъ, тихій и сосредоточенный. Вспомнилъ Иваницкій и молодой надорванный теноръ, и фразу, сказанную какъ-то въ курительной, что онъ хочетъ быть хорошимъ инженеромъ и ничего больше не хочетъ. И когда рядомъ съ товарищемъ въ форменной студенческой тужуркѣ и въ скромномъ невысокомъ воротничкѣ встало обычное представленіе о Богѣ, о страшномъ судѣ, объ ангелахъ и демонахъ—Иваницкій не удержался отъ иронической усмѣшки. Что̀ могутъ сказать другъ другу высокій молодой человѣкъ, увлекавшійся математикой и постройкой мостовъ, и старый неученый Богъ, творившій шесть дней и въ седьмой почившій отъ дѣлъ своихъ? Развѣ только пожмутъ плечами и разойдутся.

И Иваницкому захотѣлось подойти къ маленькой сгорбленной старушкѣ и растолковать ей, что она можетъ не тревожиться. Не надо трясти безсильной старческой головой и шептать непослушными губами молитву: плохо сыну не

будетъ. Знаніе механики, дифференціальнаго и интегральнаго счисленія, которое было въ головѣ ея сына, и его стремленіе къ инженерской работѣ не улетѣли, какъ она думаетъ, на небо и не подвергнутся Божьему суду. Они умерли въ тотъ мигъ, какъ перестало биться его сердце, и теперь вмѣсто нихъ въ черепъ стучится вонючая густая жидкость.

„Вѣчная память“ пѣлось далеко впереди, и за сотнями головъ трудно было разобрать медленно и неуклюже колыхавшійся гробъ.

Сворачивали на кладбище. Потянулись безконечные заборы, и, свѣсившись на нихъ, съ любопытствомъ глядѣли на процессію вѣтки березъ и рябинъ, изукрашенныя мелкимъ кружевомъ инея. Отъ снѣжинокъ воздухъ сталъ мягче, не рѣзалъ и не кололъ ноздрей. И пѣніе далекое, свернувшее къ кладбищенскимъ воротамъ, представилось вдругъ не человѣческимъ пѣніемъ, а самостоятельнымъ живымъ существомъ, которое изнывало и жаловалось на судьбу маленькой старушки и тихаго молодого человѣка.

Оно, это странное существо, еще вѣрило въ традиціоннаго Бога, въ желтыя восковыя свѣчи, въ траурную процессію и въ лошадей-скелетовъ въ нарядныхъ черныхъ попонахъ.

И неожиданно послѣ этого представленія вспомнился Иваницкому женихъ Вѣры Владиміровны, вспомнилась сама Вѣра Владиміровна, и мысли о нихъ окутались въ хрустальное пѣніе, провозглашавшее вѣчную память.

„Мы провожаемъ Георгія Батманова, и она гдѣ-то здѣсь въ толпѣ идетъ и плачетъ“... думалось Иваницкому, и онъ сталъ подтягивать пѣвчимъ.

Подбѣжалъ Пугачовъ. Онъ что-то жевалъ. Изъ кармана у него торчала французская булка.

— Колбаса, братъ, такая, что самому царю въ пору. Совѣтую испробовать.

Онъ протянулъ Иваницкому кусокъ колбасы и булку. Настроеніе у Иваницкаго подъ вліяніемъ похоронъ смягчилось и, хотя ѣсть не хотѣлось, онъ не обидѣлъ сожителя отказомъ. Пугачовъ подхватилъ его за руку и потащилъ впередъ.

Они обогнали процессію, сѣли на чьей-то могилѣ и разложили провизію на снѣгу. Пугачовъ вытеръ бумагой пальцы и губы, свернулъ ее въ комокъ, бросилъ за палисадникъ, закурилъ папиросу и сказалъ:

— Въ церковь не стоитъ. Что тамъ нашему брату дѣлать? Развѣ согрѣться.

Иваницкій дожевывалъ послѣдній кусокъ и не могъ отвѣтить. Кивнулъ только головой.

— Пойдемъ на Тургеневскую могилу. Кстати я тамъ не бывалъ. „Нужны намъ великія могилы, если нѣтъ величія въ живыхъ"—продекламировалъ Пугачовъ.

Тонкія черныя вѣтки кустовъ и деревьевъ плели въ воздухѣ причудливую черную сѣть, въ которой купалось мутно-молочное небо. Мостки тянулись впередъ и назадъ, и отовсюду смотрѣли деревянные, металлическіе и мраморные кресты. Бѣлый снѣгъ прибралъ темную, некрасивую наготу земли. Пушистая сіяющая бѣлизна была кругомъ. Вѣяло тихимъ, спокойнымъ сномъ, теплой дремотой и извѣчной усталостью.

„Мы успокоились",—говорили кресты, дощечки съ надписями, слабо мерцавшія, озябшія лампадки и палисадники, осѣвшіе подъ тяжестью навалившагося снѣга. „Они успокоились", подтверждалъ тихо падавшій снѣжокъ. Голуби ворковали. Ворохами виднѣлись на вершинахъ голыхъ деревьевъ вороньи гнѣзда. Дремало сѣрое небо.

Сколько было дремлющей усталости, сколько измученныхъ, навсегда заснувшихъ душъ. И хорошо дѣлалось отъ сознанья, что безпокойное человѣческое море, здѣсь похороненное, никогда не проснется.

— Смотри: Батмановская невѣста собственной персоной.

Иваницкій вздрогнулъ и сталъ всматриваться впередъ.

— Правѣе. Не туда смотришь. Она и есть.

Дѣйствительно, на Тургеневской могилѣ чернѣла женская фигурка. И Иваницкій разобралъ, что это Вѣра Владиміровна. На ней была шапочка изъ горностая, жакетъ, опушенный какимъ-то мѣхомъ, и вуалька съ крупными черными крапинками.

Они подошли къ рѣшеткѣ. Вѣра Владиміровна о чемъто думала и смотрѣла въ сторону. Пугачовъ громко кашлянулъ. Она оглянулась.

— А... новые знакомые. Какими судьбами?

— Хоронимъ товарища, который третьяго дня волею Божію помре,—низкимъ басомъ прогремѣлъ Пугачовъ.—А вы чѣмъ занимаетесь?

— А я...

Андріевская конфузливо улыбнулась и, освобождая ротъ, подняла вуаль. Щеки у нея цвѣли свѣжимъ румянцемъ, и въ глазахъ было веселое сіяніе.

— Я каждый праздникъ здѣсь бываю. Своей могилки нѣтъ, такъ сюда прихожу. Все равно Георгій такой-же, какъ они...—она запнулась и поглядѣла на обоихъ студентовъ вопросительными глазами.—Право. Онъ тоже думалъ, все думалъ и мучился. И вотъ я теперь у него въ гостяхъ. Такое чувство.

Она замолчала и опять глядѣла въ сторону.

— А мы вамъ не мѣшаемъ?—спросилъ Иваницкій.

— Нѣтъ. Зачѣмъ мѣшать? Вы сами по себѣ, я сама по себѣ.

„Можетъ, у васъ молитвенное настроеніе"... хотѣлъ сказать Пугачовъ, но понялъ, что выйдетъ не совсѣмъ ладно, и прикусилъ языкъ. Сказалъ только:

— Такъ-съ.

Иваницкій стѣснялся и не зналъ, уходить или нѣтъ. Уходить не хотѣлось. Отъ присутствія Вѣры Владиміровны Тургеневская могила и кладбище стали для него родными. Онъ сидѣлъ и чувствовалъ, какъ дороги для него чужіе сосѣдніе кресты и маленькіе узкіе мостки, сворачивающіе вглубь березъ. Онъ напряженно дышалъ и ничего не говорилъ. Молчали такъ-же Пугачовъ и Андріевская.

Неподалеку попъ визгливо выкрикивалъ слова панихиды, смѣшно, точно колдуя, размахивалъ руками и смѣшно дергалъ кадильницу. Крестились незнакомые мужчины съ непокрытыми головами, и кадильный дымъ старался пробраться между падавшихъ снѣжинокъ. Невзыскательная, спокойная простота кладбища напоминала покорное бабье лицо съ ясными прозрачными глазами—доброе лицо простой трудящейся женщины, которая родилась подъ солнцемъ и безропотно понесла тяготу земную.

— Какъ тихо здѣсь!—сказалъ Иваницкій.—Попъ кричитъ и всетаки тихо.

— Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Георгій, я больше всего люблю эту тишину. Слушаю ее и стараюсь понять. Особенно, когда снѣжокъ падаетъ. Душа бываетъ раскрыта. Она сливается съ зимнимъ днемъ, и въ ней тоже падаетъ свой бѣлый снѣжокъ, заботливо заметаетъ дорожки, кружится вмѣстѣ съ думами и когда-нибудь...

Она остановилась и поглядѣла на нихъ сіяющими глазами, точно хотѣла сообщить о какой-то особенной радости.

— И когда-нибудь замететъ всѣ дорожки, ни одной не оставитъ.

Она спрятала руки въ муфту, поджала ноги и замолчала.

— Пойду обозрю памятники. На счетъ тишины я профанъ, а потому—имѣю честь.

Пугачовъ приложилъ руку къ козырьку фуражки и, кокетливо покачиваясь, зашагалъ по направленію къ церкви.

— Вотъ вамъ примѣръ довольнаго и счастливаго человѣка.

— Чѣмъ счастливаго?

— Чѣмъ?—переспросилъ Иваницкій.—Да всѣмъ рѣши-

тельно. Собственной глупостью, глупостью жизни и глупостью людей. Душа—все равно, что турецкій барабанъ. Ничѣмъ не проймешь, а ударишь, такъ такіе звуки услышишь, что и самъ радъ не будешь.

Вѣра Владиміровна улыбнулась.

— Ну а вы... вы несчастны?

— Я никуда не годенъ,—рѣзко отвѣтилъ Иваницкій,—думаю все, осуждаю и сержусь.

— На что же вы сердитесь?

— На все рѣшительно.

И онъ покраснѣлъ, какъ мальчикъ.

Улыбался памятникъ Тургенева. Бѣлый тихій снѣжокъ смѣялся. И фигурка Вѣры Владиміровны казалась смѣющейся, подтрунивающей. Иваницкій поднялъ плечи и нахмурился. Андріевская къ чему-то прислушивалась. Она приподнялась и облокотилась на палисадникъ. Доносилось сдержанное печальное пѣніе.

— Вашего товарища отпѣваютъ. Вы не пойдете?

— И безъ меня обойдутся.

— А вы, и въ самомъ дѣлѣ, сердитый.

— Сейчасъ нѣтъ,—подчеркнулъ Иваницкій.

Разговоръ опять оборвался. Или говорить больше не о чемъ было, или въ послѣдней фразѣ Иваницкаго Вѣра Владиміровна уловила намекъ.

Нѣтъ! Онъ только былъ откровененъ, онъ ни на что не намекалъ. На кладбищѣ ему стало хорошо, и обидчивая душа смягчилась. Обвѣялъ мягкій пушистый уютъ, приласкала бѣлая тишина. Больше ничего. Вотъ развѣ думы изъ головы ушли. Одна пріятная истома, и не надо ни Бога, ни смысла жизни.

Иваницкій угловато усмѣхнулся.

— Простите меня, если я позволилъ себѣ лишнее. Не считайте меня такимъ, какъ всѣхъ. Я вовсе не любезности говорю. Вы мнѣ очень нравитесь, и потому...

Онъ не договорилъ, не умѣя объяснить то, что творилось на душѣ.

Вѣра Владиміровна собралась уходить, опустила вуаль и муфтой потерла кончикъ озябшаго, раскраснѣвшагося носа.

— Ну, я къ дому. Проводите, коли не лѣнь, до конки.

Ноги скользили по мосткамъ. Между вѣтками голыхъ деревьевъ виднѣлась блѣдная желтизна зимняго неба. Весь небесный куполъ былъ залитъ молчаливой скорбью, и, казалось, эта молчаливая блѣдная скорбь отъ того, что такъ покорно умерли люди, что бунтующая совѣсть усопшихъ уже не проснется.

Небу хотѣлось, чтобы она проснулась.

А кресты и могилки не скрывали. Они говорили прямо и откровенно: „мы умерли и не проснемся". Голуби ворковали надъ ними, и снѣжокъ заботливо окутывалъ ихъ чистой, пушистой бѣлизной.

Странно было... Георгій Батмановъ, одинъ изъ самыхъ безпокойныхъ людей, успокоился, онъ принялъ смерть, принялъ забвеніе, и ничего больше не скажетъ и не сдѣлаетъ. Бомба разорвала человѣческое сердце, петля затянула шею и въ прахъ превратились нѣжная пѣвучая любовь, пламенныя мысли и жажда высокаго подвига. И все давно сгнило, превратилось въ вонючую жидкость, напитало корни травы, трава насытилась, раздобрѣла и тоже сгнила.

Искоса поглядѣлъ Иваницкій на свою спутницу.

Чего ждетъ она? Чего томится? Или пусть дѣлаетъ, какъ другія женщины, или уходитъ вслѣдъ за своимъ женихомъ.

У конки они перекинулись нѣсколькими фразами.

— Заходите ко мнѣ какъ-нибудь, — пригласила Вѣра Владиміровна.—Только, пожалуйста, не на оффиціальный осмотръ, а за-просто. А то смотрятъ на меня, какъ на рѣдкость изъ музея, въ родѣ клыка мамонта, и такъ и кажется, что вотъ возьмутъ и начнутъ щупать руками: крѣпкая ли, не поддѣлана ли нарочно. Для живого человѣка, какъ хотите, немножко обидно.

Кондукторъ дернулъ за звонокъ. Она вскочила на площадку, держала муфту у носа и кричала:

— Такъ буду ждать.

Иваницкій пошелъ отыскивать Пугачова. Бѣлый снѣжокъ крутился у него въ душѣ и заметалъ дорожки. И думы о Вѣрѣ Владиміровнѣ, объ ея женихѣ и о самомъ себѣ смѣшались съ думами о математикѣ и объ умершемъ товарищѣ по курсу, и каждая изъ думъ была маленькой пушистой снѣжинкой.

„Не вѣрю я ни во что—вотъ бѣда"...—вздохнулъ Иваницкій.

Но тотчасъ же успокоился.

Для чего вѣрить, если и безъ вѣры хорошо. Проходитъ вотъ одинъ изъ дней его жизни. Голуби воркуютъ около. Паровозъ свиститъ за заборомъ. Пушистая бѣлизна кругомъ. Дышется легко и спокойно.

III.

Люблю Платона, но еще больше люблю истину.

Красноватыя пятна солнца лежали на снѣгу. Снѣгъ былъ бѣлый, крупнозернистый съ синеватымъ отливомъ. Тѣни рисовались четко, и отъ нихъ вѣяло тягучимъ холодкомъ. Новенькія желѣзныя крыши хвастливо поблескивали. Оконныя стекла сгорали въ багровомъ пламени, и стѣны домовъ лизали огненные языки невидимыхъ костровъ. Синѣло и улыбалось небо. И, какъ-будто, спрашивало: „каковъ денекъ?"

— Ого-го,—обрадовался Пугачовъ, натягивая рукавицы.— Ай да дѣдушка морозъ. Молодчага.

Около лошадиныхъ мордъ крутился густой паръ. Шерсть дымилась. Извозчики спрыгивали съ козелъ и, притопывая ногами, танцовали на панели. Мелькали прислуги въ платочкахъ. Шли гимназистки съ пухлыми, пунцовыми щечками.

Пугачовъ похлопалъ одной рукою о другую, потеръ кончики ушей, и они стали у него ярко-красныя и блестящія, точно ихъ только что полили растопленнымъ саломъ.

— Люблю матушку-зимушку,—дурачился онъ, прокатываясь на калошахъ, какъ на конькахъ.—Люблю Рассеюшку. Жизнь люблю, Мишка, ты понимаешь?

И онъ съ размаху ударилъ Иваницкаго по спинѣ.

Дворники посыпали панели пескомъ и скребли снѣгъ желѣзными скребницами. Небо улыбалось и спрашивало: „каковъ морозъ?"

Иваницкій выдохнулъ воздухъ, заклубившійся волнами густого пара, поскользнулся и едва удержался на ногахъ.

— Смотри, какая цыпулька. Ахъ, бутонъ...—подмигивая глазомъ въ сторону прошмыгнувшей въ ворота модистки, сказалъ Пугачовъ и закрутилъ заиндевѣвшіе усы.—Ишь, какъ сегодня разбѣгались. Никакого тебѣ вниманія. Ну какъ, Мишка? Славно?

— Славно,—согласился Иваницкій.

Дойдя до конки, они распростились и разъѣхались въ разныхъ направленіяхъ. У обоихъ были репетиціи, и каждый, занявъ мѣсто въ вагонѣ, развернулъ лекцію. Иваницкому повезло: онъ получилъ пять. Еще веселѣе стало на душѣ. Накинувъ пальто, черезъ большой институтскій дворъ онъ прошелъ въ столовую и, пережевывая жесткое мясо, разсказывалъ однокурсникамъ, что и какъ спрашивалъ профессоръ.

Солнце уже садилось, и вмѣстѣ съ таяньемъ короткаго зимняго дня таяла душевная бодрость. Назойливо напоми-

нало о себѣ одиночество, и когда Иваницкій возвращался домой, въ него опять уже заползло томительное безпокойство.

Рыхлыя клочковатыя сумерки плавали надъ городомъ. Въ темноватой массѣ воздуха, среди огромныхъ домовъ неувѣренно замелькали жидкіе, желтые огни фонарей. Такой же неувѣренный, желтый огонекъ вспыхнулъ въ комнатѣ, Иваницкаго, когда онъ зажегъ лампу. Тоска сжала сердце неяснымъ, нехорошимъ предчувствіемъ. Иваницкій вздохнулъ и выложилъ изъ кармановъ пальто на столъ готовальню, тетрадку и карандашъ. Мелькнула мысль: не сходить ли сегодня къ Вѣрѣ Владиміровнѣ, все равно вечеръ свободенъ. Но онъ еще вчера обѣщалъ Пугачову идти вмѣстѣ въ баню. Пугачовъ и то откладывалъ изъ за него свое омовеніе раза два. Не рѣшая еще, какъ быть, Иваницкій принялся умываться: намылилъ руки, шею и лицо, облился холодной водой и натерся Пугачовскимъ одеколономъ. Всталъ передъ комодомъ на колѣни и досталъ изъ нижняго ящика ни разу ненадѣванную свѣтло-голубую рубашку—подарокъ сестры-гимназистки, облачился въ нее, затянулся поясомъ-шнуркомъ съ красивыми густыми кистями, почистилъ брюки на кухнѣ и старательно причесался передъ зеркаломъ.

Онъ уже чувствовалъ, что пойдетъ къ Андріевской, а не въ баню, но все еще набирался смѣлости и пока не признавался самъ себѣ, объясняя свой туалетъ тѣмъ, что надоѣло сидѣть дома неряшливымъ и растерзаннымъ.

Высморкался въ чистый платокъ и заказалъ самоваръ. На столъ накрылъ новую скатерть, выполоскалъ чайникъ и наново перемылъ стаканъ и ложку. Пріятно пахло ароматическимъ, только что заваренным̀ъ чаемъ, пріятно было смотрѣть на янтарную, прозрачную жидкость, которой чистое стекло стакана и глазурь новаго блюдечка придавали веселый блескъ. Иваницкій опустилъ въ стаканъ большой кусокъ сахара, подымалъ его на ложкѣ и наблюдалъ за забившимися фонтанчиками воздуха. Онъ уже рѣшилъ, что пойдетъ къ Андріевской, и велѣлъ прислугѣ почистить тужурку. Вѣдь она сама просила заходить его за-просто, такъ чего тутъ разсуждать.

Въ шесть часовъ Иваницкій взялъ блокъ-нотъ, на листкахъ котораго они съ Пугачовымъ писали для свѣдѣнія другъ-друга, кто, куда и на какое время уходитъ, и неразборчиво набросалъ: „Я иду къ Андріевской и пробуду у нея до восьми, не позже. Если не хочешь послѣдовать моему примѣру, приготовь бѣлье и жди меня дома. Пойдемъ въ баню“.

Вмѣсто подписи онъ нарисовалъ голову Мефистофеля, посмотрѣлъ еще на часы и обождалъ, пока стрѣлка не показала двадцати минутъ седьмого.

Сначала онъ шелъ быстро, но чѣмъ ближе придвигалась темная, молчаливая улица, на которой жила Вѣра Владиміровна, тѣмъ медленнѣе и неувѣреннѣе дѣлались его шаги. Онъ даже думалъ было спуститься въ освѣщенную портерную съ жаворонками и канарейками, но убѣдилъ себя, что надо выдержать характеръ, а то смѣхотѣ подобно. Не преступникъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ. И портерная потеряла одного посѣтителя.

„Чего я разсуждаю, урезонивалъ онъ себя. Скучно стало, ну и пошелъ симпатичнаго человѣка провѣдать. Самая простая вещь“.

Онъ дошелъ до знакомаго шестиэтажнаго дома, рѣшительно вошелъ въ подъѣздъ и быстро поднялся по устланной коврами лѣстницѣ.

Однако волненіе нисколько не улеглось, и голосъ скрипнулъ особенно, точно доносчикъ, когда онъ коротко бросилъ прислугѣ:

— Дома?

И тутъ въ первый разъ пришла ему мысль, что онъ влюбленъ, но она затерялась въ водоворотѣ другихъ мыслей. Показалось, что шаги звучатъ грубо и нахально, что онъ непрошеннымъ врывается въ чужую жизнь, и его ожидаетъ холодный пріемъ. Въ комнатѣ Вѣры Владиміровны раздавался незнакомый мужской смѣхъ, звучавшій увѣренно и непринужденно. Кровь ударила въ лицо Иваницкаго. Что же это она распространялась о своемъ одиночествѣ? На мгновеніе онъ остановилъ дыханіе. Сосущая обида завередила сердце. Идти ли? Но возвращаться было поздно. Иваницкій предупредительно кашлянулъ. За оживленной бесѣдой никто не отозвался. Звонко смѣялась Вѣра Владиміровна, и ея веселый смѣхъ обжигалъ мозгъ мучительной болью.

— Ага...—почему-то сказалъ Иваницкій, изобразилъ „нѣчто“ на своемъ лицѣ и постучалъ въ дверь такимъ манеромъ, точно говорилъ: „именемъ закона отворите“. Странное преступное чувство неуклюже заворочалось въ душѣ. И чувство это говорило: „они пойманы!“ И душа окрасилась злой невеселой радостью.

Они сидѣли интимно и уютно за круглымъ столикомъ, накрытымъ ковровой скатертью, на диванчикѣ и играли атласными финляндскими картами. Иваницкій скользнулъ глазами по незнакомому, но уже непріятному университетскому студенту. На первый взглядъ, ему было лѣтъ около двадцати восьми, и можно было сказать, что онъ любитъ и холитъ свое тѣло, что онъ самоувѣренъ и ждетъ отъ жизни однихъ успѣховъ. На немъ былъ хорошо сшитый сюртукъ съ ши-

роко разставленными накладными пуговицами и высокимъ свѣтло-голубымъ воротникомъ, такой, какой въ то время носили университетскіе франты. Изъ-подъ рукавовъ сюртука выглядывали манжеты съ золотыми запонками; длинные пальцы имѣли холеные розовые ногти; онъ какъ-то особенно двигалъ подбородкомъ и особенно взглядывалъ голубовато-ледяными глазами, имѣвшими холодный, ледяной блескъ, носилъ прическу „короткій ежикъ“ и сапоги на англійскій манеръ съ тупыми обрубленными носками и толстыми подошвами.

Иваницкій насупился, сдѣлался мрачнымъ и помѣстился въ неосвѣщенный уголокъ, тоскливо думая, что онъ пришелъ не впопадъ, и что для приличія ему придется просидѣть самое меньшее около часа. Вѣра Владиміровна спросила, какъ идутъ его занятія. Онъ пробурчалъ себѣ подъ носъ, что недурно, и сдѣлалъ видъ, будто наблюдаетъ за карточной игрой.

Университетскій студентъ, улыбаясь, раскрылъ рядъ крѣпкихъ и бѣлыхъ, какъ миндалины, зубовъ и, закусывая бумажный мундштукъ папиросы, сказалъ:

— Вотъ на пари оставляю Вѣру Владиміровну пятый разъ глупой женщиной. Оставлю еще пять разъ, и съ женскимъ вопросомъ будетъ разъ навсегда покончено.

— Любопытное разрѣшеніе женскаго вопроса,—усмѣхнулся Иваницкій.

Онъ рѣшилъ, что имѣетъ дѣло съ бѣлоподкладочникомъ, и не скрывалъ своего враждебнаго отношенія, а про Вѣру Владиміровну думалъ: „хороша... нечего сказать, съ кѣмъ водится“. И когда она подымала глаза въ его сторону, Иваницкій отворачивался.

— Вы находите, что любопытное. Вотъ и я также думаю,—поднявъ брови, холодно сказалъ красивый студентъ и разложилъ передъ Андріевской пять картъ вѣеромъ.— Люблю Платона, но еще больше люблю истину. Воспитаніе учило насъ быть рыцарски-предупредительными по отношенію къ нѣжному полу. Но тамъ, гдѣ дѣло касается борьбы за существованіе, тамъ увольте. Принимаете, madame... Ну и великолѣпно.

Онъ отсчиталъ пять картъ съ колоды. Вѣра Владиміровна вскочила, бросила карты, вырвала ихъ у студента и со смѣхомъ заявила:

— Больше не играю. Вы плутуете.

Незнакомый студентъ—фамиліи его Иваницкій не разслышалъ, о чемъ теперь сожалѣлъ—лѣниво размялся, вынулъ изъ кармана массивный серебряный портсигаръ съ голу-

бымъ шнуркомъ, постучалъ папиросой по крышкѣ. И когда закуривалъ, пожалъ плечами и небрежно бросилъ:

— Что-жъ подѣлаешь. Женская логика. Все наоборотъ. Люблю истину, но еще больше люблю Платона.

Онъ пустилъ къ потолку струйку синеватаго бархатистаго дыма, подсѣлъ къ Иваницкому, заложилъ ногу на ногу и вступилъ въ разговоръ.

— Товарищъ, вы не знаете у себя въ институтѣ Оппенлендера? Онъ на третьемъ курсѣ. Глуповатъ, но малый ничего себѣ. У отца три милліона, и онъ единственный сынъ. Еще когда говоритъ, то картавитъ. Яуоеасъ вмѣсто ловеласъ.

Вѣрѣ Владиміровнѣ понравилось, и она переспросила:

— Какъ вы говорите? Скажите еще разъ.

— Яуоеасъ, —повторилъ студентъ и превратилъ свое умное лицо въ идіотски-глупое.

— Не знаю такого,—мрачно отозвался Иваницкій и хотѣлъ еще прибавить, что и очень радъ, что не знаетъ.

— Вы бы у него могли доставать чертежи. Онъ хорошо платитъ.

Вѣра Владиміровна въ эту минуту отвернулась. Въ холодныхъ глазахъ студента промелькнуло странное, непонятное выраженіе, по которому Иваницкій догадался, что вся веселость его была поддѣльной. Страшное существо смотрѣло изъ ледяныхъ глазъ, направленныхъ въ одну точку, Но вотъ по губамъ студента пробѣжала короткая усмѣшка, точно онъ засмѣялся надъ какими-то своими думами. Онъ сталъ прежнимъ и потрогалъ Иваницкаго по обшлагу рубашки.

— Недурной шелкъ. Вѣрно, подарокъ отъ какой-нибудь дѣвицы. И какъ расшито.

— Сестра вышивала.

— Такъ я и думалъ.

Студентъ всталъ, провелъ рукою по коротенькому ежику и щелкнулъ каблуками передъ Вѣрой Владиміровной. Взялъ ее фамильярно подъ руку и пошелъ съ ней къ туалету, съ котораго подалъ маленькій коричневый кошелекъ.

— Ну, угощайте насъ булками отъ Филиппова. Вотъ вамъ одинъ пятиалтынный, вотъ другой, а вотъ и двугривенный. Ба, ба, ба, да тутъ и золотые есть. Чортъ возьми, какъ мы богаты! А бывало время,—онъ скрестилъ руки на груди и закачалъ головой.—Вѣра, Вѣра! и вы, невѣста неневѣстная, побратались съ золотымъ тельцомъ. Значитъ, съ родственниками примиреніе и высылка монетъ возобновлена. Ну, что же. Люблю Платона, а еще больше люблю истину.

— Какъ вы мнѣ надоѣли съ вашей новой поговоркой,—кокетливо упрекнула его Вѣра Владиміровна.—Потомъ это

честно заработанныя деньги. Жалованье изъ страхового общества.

— Да, вѣдь сегодня первое число. Въ нѣкоторомъ родѣ именины клерковъ, бухгалтеровъ и барышенъ, пишущихъ на машинкахъ. Поздравляю съ днемъ ангела... Позвольте поцѣловать ручку.

Она отбивалась, пряча руки за спиной, и ловко скрылась за дверью; пришла въ кружевномъ передничкѣ, который къ ней очень шелъ, попросила Иваницкаго приподнять лампу и накрыла поверхъ ковровой скатерти другую. Опять вышла и вернулась нагруженная двумя подносами, заставленными чайной посудой.

Студентъ наклонился и поцѣловалъ сначала одну ручку, потомъ другую.

— Пустите. Лучше бы помогли, чѣмъ нападать на беззащитную.

Настроеніе у Иваницкаго омрачилось еще больше. Студентъ казался ему нахальнымъ и навязчивымъ, а себя онъ чувствовалъ лишнимъ. Вѣра Владиміровна предоставила его самому себѣ, не обращалась ни съ какими вопросами и суетилась около стола. Когда маленькія фарфоровыя чашечки, хрустальныя блюдечки для варенья, ваза съ янтарнымъ ананаснымъ вареньемъ, пирожное и сдобныя булочки размѣстились кругомъ лампы, студентъ сѣлъ на центральное мѣсто, наложилъ себѣ варенья и пригласилъ Иваницкаго садиться рядомъ:

— Товарищъ, идите справлять именины.

— Онъ сегодня не въ духѣ... — мелькомъ взглянувъ на Иваницкаго, сказала Вѣра Владиміровна и пододвинула ему чашечку съ чаемъ.

— Не съ чего быть въ духѣ,—мрачно и сердито пробурчалъ Иваницкій и сразу откусилъ полбулки.

— Товарищъ, вѣроятно, думаетъ о міровыхъ вопросахъ,— съострилъ студентъ. — И мрачные выводы свирѣпствуютъ въ его душѣ, какъ штормъ на Черномъ морѣ. Онъ допрашиваетъ своего Бога и говоритъ: бей, но выслушай.

— Леонидъ Аполлоновичъ, будетъ.

Вѣра Владиміровна облизала ложку, погрозила студенту мизинцемъ и осталась съ поднятой рукой, потому что въ передней прозвучалъ звонокъ. Прислуга пошла открывать двери. Послышался разговоръ. Потомъ все затихло.

— Славу Богу, не къ вамъ. Признаться, терпѣть не могу всѣхъ этихъ ходящихъ на поклоненіе. Изгналъ бы ихъ плетью, какъ Христосъ торгующихъ изъ храма.

Леонидъ Аполлоновичъ ласково посмотрѣлъ на Андріевскую, и въ этомъ откровенномъ взглядѣ Иваницкій прочелъ:

„Я тебя люблю, и ты меня любишь. Намъ хорошо вдвоемъ. Зачѣмъ же ты пускаешь всякую шушеру?“

„Невѣжа!“...—подумалъ Иваницкій и началъ прощаться. Его не задерживали. Но въ это время задергали дверной ручкой. Вошла Дудкевичъ, сняла передъ туалетомъ шапочку и сказала:

— Это я.

Прежде чѣмъ поздороваться, высморкалась и окинула недружелюбнымъ взглядомъ Иваницкаго и студента, котораго Андріевская называла Леонидомъ Аполлоновичемъ.

— А Когана развѣ нѣтъ? У меня къ нему важное дѣло. Я пришла спеціально для него.

Она сѣла на мѣсто Иваницкаго, отодвинула его варенье и стала разсказывать Вѣрѣ Владиміровнѣ о какой-то курсисткѣ, которая выходитъ замужъ за жандармскаго офицера.

Леонидъ Аполлоновичъ наклонился къ уху Иваницкаго и, какъ своему, шепнулъ:

— Какой дьяволъ принесъ эту дуру.

Но Иваницкій не раздѣлялъ недовольства красиваго студента. Напротивъ, появленіе Дудкевичъ было ему пріятно, и онъ злорадно слушалъ ея разсказъ съ попутными комментаріями о любви курсистки и жандарма, о томъ, какъ жандармъ дежурилъ у подъѣзда курсовъ, какъ они садились на извозчика, и какъ подбѣжавшій городовой застегивалъ полость саней. По лицу Дудкевичъ, неумному и самомнительному, было видно, что она смакуетъ всю эту исторію. И Иваницкій радовался, что Вѣра Владиміровна, какъ хозяйка, должна выслушивать и поддерживать нелѣпыя и вздорныя замѣчанія Дудкевичъ, и что Леониду Аполлоновичу волей-неволей приходится отодвинуться на задній планъ.

И онъ нарочно спросилъ:

— Неужели городовой такъ-таки и усаживалъ вашу курсистку?

— Собственными глазами видѣла...—отвѣтила Дудкевичъ, стряхивая пепелъ съ папиросы.

Вѣра Владиміровна и Леонидъ Аполлоновичъ, молча, пили чай. Леонидъ Аполлоновичъ небрежно раскинулся на диванѣ и, заломивъ красивую голову, точно разсматривая комнатный потолокъ, едва дымилъ папиросой. Онъ не скрывалъ, что ему нестерпимо скучно, и что онъ не слушаетъ разсказа Дудкевичъ. Голубовато-ледяные глаза были въ другомъ неизвѣстномъ мѣстѣ. Вѣра Владиміровна смотрѣла въ свою чашку, и постепенно и ея глаза уходили... уходили туда, куда унеслись мысли сосѣда. И интимное чуялось въ томъ, что у нихъ былъ таинственный уголокъ, куда они могли

скрываться при постороннихъ, и это интимное непріятно и оскорбительно дѣйствовало на Иваницкаго.

Дудкевичъ, окончивъ разсказъ, презрительно дрогнувъ ноздрями, спросила университетскаго студента:

— Вы эсдекъ?

— Я—Ходоровскій, — насмѣшливо отвѣтилъ студентъ и колѣнкомъ чуть-чуть приподнялъ столъ.

— Этакъ-то и я могу отвѣтить, что я—Дудкевичъ.

— Разница есть. Я—Ходоровскій, а вы—Дудкевичъ. Понимаете?—И онъ, произнося фамиліи, придалъ своему голосу такія различныя интонаціи, что Дудкевичъ вспыхнула, рѣзко и очевидно оскорбленная.

Вѣра Владиміровна растерялась, налила въ полоскательницу воду и принялась мыть чашки. Она опустила глаза. Иваницкій разгуливалъ по комнатѣ. Все случилось, какъ онъ ожидалъ, и теперь можно было уходить. Настроеніе у всѣхъ испортилось. Дудкевичъ постарается дать реваншъ и долго не уйдетъ.

Она, въ самомъ дѣлѣ, скоро принялась разсуждать о современной молодежи и съ сожалѣніемъ вспоминала старое студенчество, которое прославилось на весь свѣтъ.

— Я студентъ съ 1899 года,—сказалъ Ходоровскій.

Но она пропустила это замѣчаніе мимо ушей. У нея уже была приготовлена фраза, которою она не хотѣла пожертвовать... И она торжественно произнесла:

— Я курсистка стараго закала и горжусь этимъ.

Оглядѣла всѣхъ, приподняла голову и приняла такой видъ, что ею можно было залюбоваться. Иваницкій воспользовался этимъ моментомъ, чтобы напомнить о своемъ намѣреніи уходить. Теперь его стали удерживать, и онъ довольно ядовито улыбнулся. Вѣра Владиміровна этой тонкости не поняла. Она взяла изъ его рукъ фуражку и держала ее за спиной. А онъ насмѣшливыми глазами пояснялъ: „конечно, я знаю, что сейчасъ вамъ помѣшать не могу, поэтому-то я и ухожу отъ васъ, только поэтому“.

— Нѣтъ, мнѣ никакъ нельзя. Я и такъ пересидѣлъ.

Она пошла провожать его и, пока онъ надѣвалъ пальто и калоши, стояла, молчаливая и опечаленная, точно въ чемъ-то виноватая. Онъ нарочно задерживался и долго натягивалъ на руки перчатки, расправляя ихъ въ пальцахъ. Хотѣлъ помучить и подразнить ее. И ему казалось, что передъ нимъ маленькая провинившаяся дѣвочка, которую онъ ошибочно считалъ за взрослую, что жизнь у нея незамѣтная и сѣренькая, и она заботливо прячетъ ее отъ чужого глаза, какъ птичка прячетъ гнѣздо въ густомъ ракитникѣ.

— Вамъ скучно... Простите... Вѣдь я самый обыкновенный человѣкъ.

— Чего извиняетесь?—оборвалъ ее Иваницкій, завязывая концы башлыка, и голосъ-доносчикъ снова его выдалъ.

— Вамъ не понравился Леонидъ Аполлоновичъ. Онъ многимъ не нравится. Но я привыкла къ нему, какъ къ товарищу Георгія.

„Ага, оправдываешься...“—чуть не сорвалось у Иваницкаго.

Онъ торопливо протянулъ руку.

— Заходите,—безпомощно сказала Вѣра Владиміровна.

— Нѣтъ ужъ...—чувствуя, что проваливается въ какую-то пропасть, со слезами въ голосѣ бросилъ Иваницкій и такъ хлопнулъ дверью, будто навсегда отрѣзывалъ себѣ отступленіе.

Въ одну минуту онъ пробѣжалъ лѣстницу, махая сразу по двѣ, по три ступеньки и, разгоряченный и взволнованный, выскочилъ на улицу. Свѣжій воздухъ обдалъ щеки. Мучительно-стыдно стало вспоминать, какъ заботливо натирался онъ Пугачовскимъ одеколономъ, какъ разодѣлся въ свѣтло-голубую шелковую рубашку. „Чортъ знаетъ, что такое!“ думалъ онъ и почему-то сердился на сестру, которая расшила ее пѣтушками и павлинами. Въ головѣ возникла эта картина: сестра сидитъ у окна и вышиваетъ, онъ читаетъ программы высшихъ учебныхъ заведеній, а старуха-мать трясущимися руками перелистываетъ страницы сонника. Ей приснилось, будто она ѣла крутыя яйца съ лукомъ, и она хочетъ отыскать, что значитъ: ѣсть во снѣ крутыя яйца. Къ добру это, или къ худу?

И онъ краснѣлъ сейчасъ за мать, за сестру и за себя.

Костры горѣли на улицахъ, и ихъ багровое пламя бросало причудливыя красныя тѣни на темный снѣгъ. Автомобили неслись мимо, какъ допотопныя чудовища, которыя, наклонивъ морды, вынюхивали на землѣ какіе-то слѣды и быстро бѣжали по нимъ, преслѣдуя неизвѣстную жертву.

„Такая-же, какъ всѣ“....мысленно повторилъ Иваницкій про Вѣру Владиміровну. Ну, что же, у него голубая рубашка, расшитая провинціалкой - сестрой, и мать, вѣрующая въ сны; у нихъ—карты и флиртъ.

„А еще невѣста русской революціи. Хороша. Играетъ въ дуры съ первымъ попавшимся франтомъ!“...—зло подумалъ онъ, подымаясь къ себѣ по лѣстницѣ.

Пугачова не было. Подошелъ къ столу и взялъ блокънотъ. Подъ его записью была запись сожителя, насмѣшливо гласившая:

„Я, сударь, вѣрный слову, отправился въ баню. Долго-ли буду париться—неизвѣстно“.

Вмѣсто подписи Пугачовъ нарисовалъ скалящую зубы, смѣющуюся голову сатира, увѣнчанную гирляндой розъ. Иваницкій отбросилъ блокъ-нотъ, опустилъ голову и просидѣлъ такъ нѣкоторое время, ни о чемъ не думая. Потомъ вздохнулъ, раскрылъ постель и раздѣлся.

„Д-да, дѣла“.

И онъ попробовалъ пошутить, произнеся вслухъ поговорку Леонида Аполлоновича:

— Люблю Платона, но еще больше люблю истину.

Дня черезъ три онъ возвращался изъ института домой на конкѣ, какъ дѣлалъ это обыкновенно. Снѣжный вихрь билъ въ лицо, и у кондуктора уши были повязаны черной косынкой. Морозъ былъ такой, что казалось, будто отъ него гудитъ воздухъ. Иваницкій не прошелъ въ вагонъ и остался на площадкѣ. Онъ любилъ смотрѣть, какъ конка въѣзжаетъ на мостъ. На остановкѣ впрягли третью лошадь. Кондукторъ затрубилъ, и три конскихъ скелета, плохо обтянутыхъ кожей, скользя ногами по обледенѣлымъ камнямъ, понеслись смѣшной рысью, подымая вагонъ на горбъ моста. Вниманіе Иваницкаго привлекъ высокій студентъ въ шинели... Онъ велъ подъ руку барышню и искалъ глазами извозчика. Въ это время околоточный, стоявшій на посту, вытянулся въ струнку. Мимо пронеслись парныя сани. Сидѣвшій въ нихъ сѣдой господинъ съ портфелемъ увидѣлъ студента въ шинели и обмѣнялся съ нимъ взглядомъ, точно узналъ хорошо знакомаго человѣка, съ которымъ почему-то не кланялся. Студентъ отвернулся и, низко наклонивъ голову, пошелъ съ барышней противъ вѣтра. Барышня защищала лицо муфтой.

— Видѣли?..—усмѣхнулся кондукторъ.—Начальникъ тайной полиціи. Нашъ и вашъ защитникъ.

Иваницкій присмотрѣлся къ студенту. Тотъ повернулся. Всталъ къ конкѣ лицомъ, увидѣлъ извозчика и поманилъ рукой.

„Леонидъ Аполлоновичъ“... узналъ Иваницкій и барышню узналъ тоже. Черезъ минуту они перегнали конку на извозчичьихъ санкахъ. Ходоровскій держалъ Андріевскую за талью и, смѣясь, что-то шепталъ ей на ухо.

Иваницкій вспыхнулъ. Опять у него было чувство, что онъ застигъ Вѣру Владиміровну на мѣстѣ преступленія.

Новыя, еще неясныя мысли, точно струя воздуха высокаго атмосфернаго давленія, ударили въ мозгъ и своимъ напоромъ вытѣснили недавнія, тѣ, что были навѣяны посѣщеніемъ института, морознымъ вихремъ и конскими скелетами. Не думалось больше о репетиціи по механикѣ и о

чертежѣ парового котла. Не думалось также о багровыхъ вспухшихъ щекахъ кондуктора и о городскихъ конюшняхъ, гдѣ по ночамъ зябнутъ коночныя клячи. „Она, навѣрное, выйдетъ за него замужъ“... изъ многихъ мелкихъ мыслей слагалась одна большая, распиравшая черепную крышку. Иваницкій надвинулъ фуражку на уши. Болѣзненное представленіе заговорило въ немъ. Вотъ... вотъ... еще минута – и черепная крышка не выдержитъ, треснетъ по всѣмъ швамъ, мозгъ его выльется и на коночной площадкѣ останется фигура безъ головы въ форменномъ пальто съ руками, запрятанными въ карманы, вродѣ всадника безъ головы.

Онъ поднялъ воротникъ и спрыгнулъ съ конки.

Было тяжело, до того тяжело, что онъ не нуждался ни въ Богѣ, ни въ смыслѣ жизни. Брелъ чужимъ и покинутымъ въ торопливой людской толпѣ. И, если бы хватило физическихъ силъ, могъ бы брести безъ конца, сворачивая съ одной улицы въ другую, чтобы на одной изъ нихъ свалиться безчувственнымъ и неподвижнымъ трупомъ.

Но онъ скоро опомнился. Для уничтоженія жизни есть болѣе комфортабельные и удобные пути. А то все равно,— свалишься безъ сознанія, а городовой подберетъ и отправитъ въ больницу. Исторія мало интересная. Выйдешь оттуда— и начинай жизнь-волынку сначала!

IV.

Сонъ про Георгія, Лизу и Маню.

Сѣрый непривѣтливый туманъ бродилъ по улицамъ; какъ живое существо, заглядывалъ въ лица прохожимъ; искалъ кого-то и не находилъ. Опускался низко, ползъ по панели, припадалъ къ окнамъ подваловъ. Думалъ, что тамъ онъ нуженъ.

Убогій, приниженный видъ былъ у города. Рядъ оттепелей загрязнилъ снѣгъ, и онъ, смѣшанный съ землей, лежалъ буровато-грязный, безсильный и словно раздавленный. Низкое, темное небо опустилось надъ домами, и какая-то безнадежность чуялась въ немъ, молчаливая и безпредѣльная. Тяжело было жить и тяжело выносить одиночество.

Иваницкій сказалъ, что онъ не такой, какъ всѣ, и хотѣлъ доказать правоту собственныхъ словъ. Вмѣстѣ съ туманомъ бродилъ онъ по улицамъ. Туманъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, приглядывался къ нему и думалъ, что вотъ въ Иваницкомъ отыскалъ того, кого ему нужно. И жуткія, непривѣтныя рѣчи шептали сырыя волокна, заползая

въ одинокую душу. Холодно и непривѣтно становилось тамъ. Зрѣло рѣшеніе проклясть жизнь и бѣжать отъ нея.

„Она такая, какъ всѣ, и я такой, какъ всѣ"... мучительно повторялось въ мозгу. И онъ безцѣльно ходилъ по улицамъ, забросивъ институтскія занятія.

Разъ встрѣтился съ Коганомъ. Тотъ взялъ его подъ руку, и они пошли вмѣстѣ. Коганъ потащилъ его къ витринѣ книжнаго магазина и указалъ на полемическую брошюрку. Три видныхъ соціалъ-демократа разбивали въ ней аграрную программу эсеровъ.

— Вотъ прочтите, товарищъ. Вамъ будетъ очень полезно. Вы еще не опредѣлились, и брошюрка многое для васъ выяснитъ.

Коганъ очень ласково произносилъ слово „брошюрка". Онъ указалъ и на другія полезныя книги. А Иваницкій не слушалъ и думалъ:

„Я влюбленъ... да... я влюбленъ".

Онъ позволялъ Когану болтать о чемъ угодно и, когда Коганъ кончилъ, уныло сказалъ:

— Я, кажется, сдѣлаюсь анархистомъ.

Божья безнадежность смотрѣла съ низкаго, сѣраго неба, туманъ свивался сырыми волокнами, грязный, буроватый снѣгъ томилъ глаза. Инстинктъ разрушенія просыпался.

— Вотъ что, Коганъ... Я хочу васъ спросить.

Иваницкій нерѣшительно замолчалъ.

— Спрашивайте.

— Вы знаете Ходоровскаго. Что это за типъ?

— Я мало его знаю... Слышалъ, что года два назадъ онъ пользовался большимъ авторитетомъ въ эсеровскихъ кругахъ и былъ членомъ Петербургскаго комитета. Потомъ поостылъ, перешелъ съ юридическаго факультета на факультетъ восточныхъ языковъ и готовится стать дипломатомъ. У него вліятельные родственники. А вамъ что?

— Такъ, просто. Встрѣтилъ его у Андріевской и поинтересовался.

Иваницкій замолчалъ. Зимній погожій день вдругъ выглянулъ изъ-за сѣрыхъ думъ: бѣлый снѣжокъ, вороха вороньихъ гнѣздъ и надгробный памятникъ Тургенева, а за памятникомъ чуялась изящная женская фигурка, сказанныя и несказанныя фразы, такія пушистыя, такія милыя. Онъ криво усмѣхнулся.

Да, онъ сдѣлается анархистомъ.

И въ его представленіи анархизмъ обозначалъ непріязненное отношеніе ко всей жизни, боевыя выступленія противъ нея и вѣчное, ничѣмъ не нарушаемое, одиночество.

Коганъ пошелъ въ университетъ, и они распростились.

На прощанье все-таки Коганъ высказалъ нѣсколько доводовъ противъ анархизма и предупредилъ:

— Не увлекайтесь очень, товарищъ. Почитывайте теперь хорошія книжки. Самое лучшее.

На улицѣ замѣчалось необычное оживленіе. Увеличились полицейскіе посты, появились пристава и ихъ помощники. Городовые натягивали на руки чистыя перчатки. Среди прохожихъ засновали странныя личности, среди которыхъ выдѣлились поддѣльные рабочіе и поддѣльные мужики, и этихъ странныхъ личностей становилось все больше.

Подозрительный субъектъ толкнулъ Иваницкаго съ такой силой, что онъ принужденъ былъ остановиться. Неопрятные каріе глаза обшарили всю его фигуру.

— Господинъ студентъ, не останавливайтесь,—крикнулъ Иваницкому околоточный.

Онъ не понималъ, чѣмъ вызвана перемѣна въ физіономіи улицы, но ему было противно. Зашелъ въ первую попавшуюся портерную и сѣлъ за столъ около окна. Моментально выросли три громадныя фигуры: двѣ у окна и одна у дверей.

Темное предчувствіе томило Иваницкаго. Онъ глоталъ теплое невкусное пиво и раскусывалъ соленые хлѣбные сухари.

Анархистъ-одиночка—вотъ что выпало на его долю. И онъ рисовалъ себѣ безмолвное, гонимое существованіе, жизнь звѣря, который, скаля зубы, выскочитъ изъ-за угла и перекуситъ чье-нибудь горло, чтобы отомстить за свою звѣриную жизнь. Или на него изъ-за угла набросятся, свалятъ, свяжутъ руки, и тогда—мертвая петля и синій высунутый языкъ.

Но какъ же у Батманова былъ свѣтлый, сіяющій подвигъ, точно сіянье ангельскихъ крыльевъ? Отчего у него, когда онъ думаетъ, выходитъ звѣриная схватка?.. Въ чемъ разница?

Онъ бросилъ пятачокъ на мраморный столикъ и направился къ выходу. Но только что открылъ дверь, какъ на него навалилась огромная человѣчья туша въ бараньемъ полушубкѣ, втиснула его обратно и спиной придавила дверь.

Въ это время по улицѣ пронеслась карета, запряженная парой прекрасныхъ сѣрыхъ лошадей. Туша и фигуры, стоявшія у окна портерной, смѣшно замахали шапками. Жидкое „ура" перемахнулось на сосѣдній проспектъ. И въ этомъ жидкомъ привѣтственномъ кликѣ было неуловимое сходство съ полинявшимъ мокрымъ отъ дождя флагомъ, который треплется осеннимъ вѣтромъ.

Иваницкій, огорошенный неожиданнымъ толчкомъ, озло-

бился и, выйдя на улицу, отыскивалъ глазами три знакомыя фигуры. Но ужъ онѣ куда-то исчезли. Улица быстро принимала обычный видъ. Пристава и ихъ помощники снимали шапки и вытирали красные потные лбы. Городовые весело ухмылялись и стягивали съ рукъ чистыя парадныя перчатки.

Проѣздъ кончился благополучно, и со стороны полиціи къ публикѣ наблюдалось улыбающееся, благодушное отношеніе.

Иваницкій взглянулъ на важнаго пристава съ рыжими бакенбардами, отдававшаго козырявшему городовому какое-то приказаніе:

„Вы считаете меня звѣремъ? Хорошо"...

И злая угроза перекосила его хмурое и блѣдное лицо.

Съ этого дня онъ засѣлъ дома и ничего не дѣлалъ. Только лежалъ и думалъ и повторялъ про себя:

„Чего я жду, чего я хочу!"

Новенькая парадная тужурка Пугачова съ бархатнымъ зеленымъ воротникомъ и блестящими свѣтлыми пуговицами, висѣвшая въ углу, разсказывала объ обывательскомъ характерѣ своего хозяина. Въ квартирѣ было тихо. Въ комнатѣ прибирали поздно, и неприбранныя постели со смятыми простынями, съ подушками, скатившимися въ простѣнокъ, и съ одѣялами, свернутыми въ комокъ, вызывали непріятное раздраженіе. На столѣ стоялъ неуклюжій мѣдный самоваръ; полусъѣденная булка и остатки талаго желтаго масла на подбитомъ блюдечкѣ. Пугачовъ передъ отходомъ воткнулъ въ булку перочинный ножъ, и старый, поломанный и заржавленный ножъ упорно твердилъ о бѣдности и убожествѣ ихъ жизни.

„Надо бы прибрать... Распеку эту Афросинью, какъ слѣдуетъ"... все собирался Иваницкій, но не вставалъ съ дивана и лишь перевертывался съ боку на бокъ.

Наконецъ, рѣшилъ, что пойдетъ на улицу. Необходимо пройтись. Не выходилъ нѣсколько дней, и голова болитъ.

Онъ налилъ себѣ стаканъ спитого холоднаго чая, глотнулъ и поморщился. Кожа на лбу собралась складками. Непріятно чувствовалась своя некрасивость, помятое бездѣятельное тѣло и пустая душа. Онъ еще не умывался и не причесывался, сидѣлъ полуодѣтымъ. Подъ руки попалась газета. Развернулъ ее и, было, уже собирался откинуть въ сторону, какъ на глаза попался случай двойного самоубійства. Двѣ проститутки, одна 14 лѣтъ, другая 15-ти, подошли къ городовому, заявили ему, что имъ надоѣло быть игрушками мужчинъ и на глазахъ у него выпили каждая по стклянкѣ уксусной эссенціи.

Иваницкій проглотилъ немного чая и отломилъ кусокъ

булки. Онъ задумался и защипалъ бороду. Случай навелъ его на нѣкоторыя размышленія.

Двѣ дѣвочки апеллировали къ общественному порядку въ лицѣ городового. Произошло это въ полночь. На улицахъ шла торговля тѣломъ. Мужчины и женщины переглядывались и дѣлали циничные жесты. Электрическіе и газовые фонари горѣли. Сани скользили по снѣгу. Городовой стоялъ на посту, дремалъ и олицетворялъ порядокъ.

Имъ надоѣли похожія одна на другую ночи, грубые, озорные мужчины, циничные жесты, синіе и желтые огни фонарей. Кто-то далъ такое скучное однообразное теченіе ихъ жизни. Онѣ не долго думали, кто именно. Рѣшили сразу, что тотъ, кто олицетворялъ порядокъ. Ну, что-же? Надо сказать ему, что имъ скучно, что онѣ не могутъ больше, не желаютъ больше и потому пьютъ уксусную эссенцію.

Маленькія умницы, дорогія маленькія умницы!.. Ему, Иваницкому, тоже скучно, очень скучно. И онъ не знаетъ, что дѣлать съ собой, сидитъ дома съ парадной тужуркой Пугачова и съ потухшихъ самоваромъ и пьетъ спитой чай. Можетъ быть, тоже апеллировать къ городовому? Но это такъ наивно. Дѣти, привыкшія жаловаться папѣ и мамѣ, могутъ придумать такую штуку, а онъ никогда не жаловался мамѣ, даже когда былъ маленькимъ.

Правда, и ему хочется выпить уксусной эссенціи, потому что очень скучно.

На исходѣ дня вернулся Пугачовъ, бросилъ на столъ спички и коробку папиросъ. Потеръ руки и объявилъ, что здорово морозитъ. Потомъ, въ пальто и фуражкѣ, всталъ передъ диваномъ, на которомъ валялся Иваницкій, подперъ бока руками и, поднявъ одну бровь выше другой, спросилъ:

— А ты, сударь, такъ и не выходилъ?

— Не выходилъ.

Пугачовъ отошелъ къ окну и задумчиво побарабанилъ по стекламъ, высвисталъ: „Разскажите вы ей, цвѣты мои"... Перевернулъ клапанъ на пальто и оторвалъ отъ стекла льдинку.

— А какъ-же репетиція по механикѣ?

— Безъ движенія.

— Вѣдь больше и откладывать нельзя!

— Нельзя.

Пугачовъ неодобрительно замоталъ головой.

— Тебѣ, Миша, не выдержать экзаменовъ.

Иваницкій, помолчавъ, сказалъ:

— Я, можетъ быть, брошу институтъ.

Пугачовъ тоже помолчалъ, подсѣлъ къ Иваницкому на диванъ и переложилъ его ноги.

— Бросить институтъ не трудно. Но что-же дѣлать ты будешь? На почту поступишь?

— На почту поступлю.

Пугачовъ издалъ губами неодобрительный звукъ и оттянулъ одинъ усъ книзу.

— И какъ подумаешь, всему причиной госпожа Андріевская!

Онъ раздѣлся, порылся въ лекціяхъ, почиталъ что-то на потолкѣ и вздохнулъ. Опять подсѣлъ къ Иваницкому и затянулъ на немъ ремень.

— Зря, братъ. Ругаютъ, ругаютъ дипломъ, а какъ безъ него, диплома? Чижало, какъ говорилъ одинъ мой знакомый мужикъ. Не, братъ, передумать надо. Учиться тебѣ и мнѣ— вó какъ необходимо.

И онъ провелъ рукой по горлу, изображая петлю.

Неожиданно расхохотался.

— Нелѣпый инцидентъ сегодня со мною вышелъ.

Иваницкій лежалъ съ руками, заломленными за голову. Онъ не разспрашивалъ, что за инцидентъ. Съ Пугачовымъ всегда что-нибудь случается.

— Понимаешь, братъ, въ такую стыдобу попалъ, прямо курамъ на смѣхъ. Сегодня у насъ практическія занятія по орнитологіи или въ переводѣ на русскій—по опредѣленію птицъ. Чучелъ этихъ самыхъ въ зоологическомъ кабинетѣ конца-краю нѣтъ. Выбираю себѣ солидную сѣрую птицу съ обстоятельнымъ клювомъ. Съ облика, будто, знакома. Но себѣ не довѣряю —ищу по опредѣлителю, переходя отъ признака къ признаку. Нашелъ... Что-то мудреное... Сейчасъ не помню. Иду къ руководителю и докладываю. Онъ смѣется и студенты хохочутъ. Что за притча? Присаживаюсь къ столу, ковыряю глазъ, заглянулъ даже подъ хвостъ. Подхожу... Докладываю. Опять не то. Бился два часа, а оказалась самая простая, обыкновенная ворона, чуть ли еще не изъ Крыловской басни.

Онъ прошелся по комнатѣ, потирая руки и добавилъ:

— Случай этотъ навелъ меня на философскія размышленія. Предупреждаю—въ твой огородъ камешекъ брошу,— и Пугачовъ подмигнулъ глазомъ. Параллель уловилъ нѣкоторую съ тѣми господами, что отыскиваютъ смыслъ жизни. Кряхтятъ, кряхтятъ и вотъ выкряхтятъ что-нибудь вродѣ райской птицы или перуанскаго кондора. Готово. Пожалуйте. Не тутъ-то было. Пальцемъ въ небо, почтенные господа попали. И снова кряхтѣть приходится. Кричатъ: нашли...

королевскій павлинъ! И такъ, братъ, безъ конца. А на провѣрку простая ворона выходитъ.

Иваницкій слушалъ иронически и не возражалъ. Ума за Пугачовымъ онъ не признавалъ и споръ съ нимъ считалъ ниже своего достоинства. Нужна ему ворона, ну и пусть беретъ ее. Онъ подогнулъ колѣни. Поза его стала еще болѣе разочарованной, чѣмъ прежде, и, затягиваясь папиросой, онъ медленно выпускалъ лѣнивыя, меланхоличныя колечки, тихо подымавшіяся къ потолку. Темнѣло. Сѣрыя, отяжелѣвшія отъ сырости сумерки наполняли комнату и превращали воздухъ въ сѣрую тоскливую муть.

Иваницкому вспомнилось, что онъ не обѣдалъ, и что сейчасъ закроютъ институтскую столовую. Но сдвинуться съ мѣста и одѣваться ему не хотѣлось, да и аппетита не было. И онъ рѣшилъ, что обойдется сыромъ и колбасой.

Лампу не зажигали. Пугачовъ сидѣлъ за столомъ, болталъ ногами и мялъ въ рукахъ фуражку. Онъ собирался поговорить съ Иваницкимъ по душамъ. Такъ, въ самомъ дѣлѣ, можно известись въ конецъ. Запилъ бы хоть, что-ли. Ну, приглянулась тамъ Вѣрочка Андріевская—и слава Те, Создателю. Начинай ухаживать, фортели кругомъ и около разводи, умникомъ, если надо, прикинься. А то Шекспиръ и трагедія. Къ чему? Такія дѣла просто разрѣшаются: „permettez-moi, mademoisele?“ Permettez—хорошо, а не permettez—такъ и того лучше. Вотъ тебѣ и весь мой сказъ.

Онъ поглядѣлъ въ сторону Иваницкаго съ нѣкоторой опаской.

Только какъ съ нимъ начнешь? Обрѣжетъ безпремѣнно. Вѣдь за дурака считаетъ. Пойдетъ это сыпать о „хочу“ и „не хочу“, о пріятіи или непріятіи. Они у насъ не кто-нибудь. Это тебѣ не Петька Пугачовъ. Забирай много выше. Они—господинъ Раскольниковъ или вродѣ этого. На иномъ не помирятся.

Въ темнотѣ говорить было легче и для начала Пугачовъ кашлянулъ. Потомъ положилъ усъ на зубы и для начала сказалъ:

— Такъ-съ.

Но ничего кромѣ этого „такъ-съ“ придумать не могъ.

Совсѣмъ стемнѣло... Въ церквахъ зазвонили ко всенощной... Въ сосѣднихъ комнатахъ началось оживленіе. Въ одной—консерваторка играла на піанино. Въ другой—пріятный мужской голосъ читалъ вслухъ о соединеніяхъ азота съ кислородомъ.

„Такъ-съ“... уже про себя подумалъ Пугачовъ.

Ну, чего ломается? Не учится и голоднымъ сидитъ. Развѣ не видать.

И онъ нарочно сказалъ:

— А вчера я Катьку вечеромъ на Невскомъ встрѣтилъ. Про тебя спрашивала, что давно не былъ. На новую квартиру переѣхала.. Екатерининскій каналъ, а дальше не помню. Подруга-же Нюша, къ прискорбію, угодила въ Калинкинскую.

Иваницкій сердито двинулся, привсталъ и бросилъ окурокъ къ печкѣ.

„Что, братенникъ, не очень-то скусно, какъ старые грѣхи напомнятъ. Ничего, это вмѣсто валерьяновыхъ капель. Не задавайся чрезмѣрно. Держи въ мысляхъ, что всѣ—люди, всѣ—человѣки“.

Пугачовъ вопросительно оглянулся, пустилъ въ сторону Иваницкаго клубъ дыма и, поправляя штрипки на брюкахъ, дѣланно-безразлично спросилъ:

— На билльярдѣ не будешь?

— Нѣтъ.

— И подзакусить не пойдешь? Бефъ-Строгановъ или сосиски съ капустой? А?

— Не пойду.

— И къ Глѣбовымъ на журфиксъ тоже?

— Тоже.

Всѣ соблазны были пущены въ ходъ и неудачно. Какъ же быть при такихъ обстоятельствахъ? Не сидѣть же около, когда и слова человѣческаго не дождешься. Лучше къ Глѣбовымъ. Тамъ польскій банчокъ сварганить можно... Э-эхъ, чудакъ человѣкъ.

Пугачовъ со вздохомъ засвѣтилъ лампу, вытерся губкой до пояса и посмотрѣлъ въ зеркало на свои мускулы. Досталъ чистое бѣлье и, вытянувъ шею, надѣвалъ тугой высокій воротникъ. Отъ старанія онъ стискивалъ зубы, но запонка не застегивалась.

— Вотъ чортовъ хомутъ. Кто только придумалъ?

— Какой ты сегодня чистенькій,—насмѣшливо замѣтилъ Иваницкій.—Совсѣмъ пай-мальчикъ.

— Въ самдѣлѣ,—улыбнулся Пугачовъ, засучилъ рукава новенькой тужурки, поставилъ ногу на кровать, поплевалъ на сапогъ и нѣсколько разъ провелъ по немъ щеткой. Продѣлавъ такую же операцію съ другимъ сапогомъ, онъ сполоснулъ руки и, вытирая ихъ полотенцемъ, подсѣлъ на краешекъ дивана.

— Да, чистоту навожу. И у меня любовь, не у одного тебя. Съ младшей кузиной Глѣбовыхъ шуры-муры завелъ. Замѣтилъ, что нѣкоторое впечатлѣніе произвожу, и вотъ пользуюсь. Она сидитъ въ уголку, а я какъ метну глазена-

пами, потомъ второй разъ, потомъ третій... Ну, такъ какъ же, Мишка, плохи наши дѣла? Тоскуемъ все?

Онъ попытался облапить Иваницкаго, но тотъ рознялъ руки и холодно сказалъ:

— Знаешь: твоихъ медвѣжьихъ ухватокъ не терплю.

— Какъ хошь.

И Пугачовъ отошелъ. Вотъ и про Катьку напомнилъ, и любовь свою изобрѣлъ, и всетаки столковаться не удалось. Долго съ вызывающимъ видомъ оправлялъ усы и, когда придалъ имъ лихой офицерскій видъ, расшаркнулся передъ Иваницкимъ.

— Au revoir, mon ange...

— Когда вернешься?—крикнулъ Иваницкій въ догонку.

— По обыкновенію, на разсвѣтѣ.

Постепенно на Иваницкаго находила дремота. Колокольный звонъ слышался. Вѣрно, всенощныя окончились. Афросинья отдавала консерваторкѣ сдачу и перечисляла: восьмушка чаю—четвертакъ, четверка масла—пятіалтынный, калачъ—десять, два пирожныхъ—шесть копѣекъ. Консерваторка никакъ не могла сосчитать. Иваницкій началъ, но не кончилъ. Воображеніе стало рисовать темныя улицы, по которымъ бродили силуэты людей. Силуэтъ мѣсяца сіялъ надъ кривыми крышами. Силуэтъ городового стоялъ на перекресткѣ.

„Это со мной отъ голода"... сообразилъ Иваницкій.

Болѣзненная фантазія продолжала рисовать дальше. Улицу перебѣгали двѣ дѣвушки въ легкихъ жакеткахъ и дешевыхъ шляпкахъ, неумѣло нарумяненныя, съ испуганными глазами. Одна подняла грязный подолъ юбки и показала наполовину зашнурованный ботинокъ и сѣрый полосатый чулокъ. Она задыхалась. Другая, постарше, не такъ нарумяненная, бѣжала тише:

— Постой, я скажу.

— Нѣтъ, я.

Онѣ подбѣжали къ городовому и на перебой залепетали заученную фразу. Городовой не понялъ. Тогда головки запрокинулись, увѣреннымъ движеніемъ были приложены стклянки къ губамъ, что-то забулькало. Усадили на извозчиковъ и увезли въ больницу.

Пугачовъ и здѣсь разберется по своему. Скажетъ: не везло, и дѣвчонки сдурили.

Иваницкій ворчалъ и засыпалъ. И свѣтлый, свѣтлый сонъ ему приснился. Воздухъ былъ голубой и сіяющій, точно живой, весь составленный изъ маленькихъ алмазныхъ пылинокъ, испускавшихъ свѣтъ. Глазамъ было немного больно, но лицу и тѣлу пріятно. Теплая истома текла вмѣстѣ съ

кровью по жиламъ. Непонятная ласка грѣла душу. Невидимый, но любимый и любящій стоялъ по близости, ничего не говорилъ и утѣшалъ одними взглядами. Онъ принесъ Иваницкаго сюда на небольшую планетку, шарообразная форма которой была замѣтна простому глазу. Иваницкій оглядѣлся. Мѣсто, гдѣ онъ находился, походило на огороженный скверъ. Вблизи стояла маленькая деревянная скамейка, такая, какія обыкновенно бываютъ въ городскихъ садахъ и паркахъ. Надъ ней разрослось деревцо, подстриженное и круглое, съ рѣдкой листвой. Иваницкій сѣлъ на скамейку. Надо было подождать; онъ не зналъ, кого именно, но кто-то назначилъ ему въ этомъ мѣстѣ свиданье. Песочная дорожка пробѣгала мимо скамейки. А прямо передъ глазами были раскинуты клумбы и газоны скромныхъ бѣлыхъ и красныхъ цвѣтовъ. Зеленѣла молодая, только что пробившаяся травка. Дорожка изъ краснаго песку переплеталась съ другими дорожками, на которыхъ тоже стояли скамеечки въ видѣ дивановъ, и каждую изъ нихъ караулило невысокое деревцо съ рѣдкой листвой и сдѣланными изъ папье-маше густо-накрашенными яблочками. По песку прыгали птички, похожія на синицъ, но наряднѣе и пестрѣе и. какъ будто, не живыя, а заводныя, механическія. Металлическій палисадникъ, окружавшій скверъ, блестѣлъ свѣжей бѣлой масляной краской. Одна калитка была заперта на замокъ; другая—полуоткрыта.

Сзади раздались шаги, и Иваницкій сразу узналъ, что къ нему идетъ Георгій. Черезъ минуту передъ нимъ стоялъ стройный, выше средняго роста, человѣкъ въ наглухо застегнутомъ черномъ сюртукѣ съ бѣлой перчаткой на правой рукѣ. Лица почему-то не удалось разсмотрѣть. Можетъ быть, свѣтъ помѣшалъ.

— На птичекъ смотрите?—спросилъ онъ и сѣлъ рядомъ.— Хорошія птички.

— Очень свѣтло у васъ,—сказалъ Иваницкій.

— Да, у насъ свѣтло.

Иваницкому хотѣлось заговорить, но онъ не зналъ, о чемъ. Думалъ спросить, какъ полагаетъ Георгій насчетъ одиночекъ-анархистовъ. Но фраза не складывалась. Заводныя синички осмѣлѣли и прыгали у ногъ. Одна взяла въ клювъ соломинку и блестящимъ глазомъ посматривала на Иваницкаго. На густо-синемъ небѣ выдѣлялся желтый картонный кругъ солнца, облупленный съ одного края, плохо вырѣзанныя пятиугольныя звѣзды и серебряный серпъ мѣсяца съ профилемъ человѣческаго лица, обритаго, похожаго на актерское.

— Что же, вамъ очень скучно? — помолчавъ, задумчиво спросилъ Георгій и зашевелилъ тонкими длинными пальцами.

— Очень скучно, — поспѣшно признался Иваницкій. — Просто не знаю, чтобы такое сдѣлать.

— Плохо, что не знаете.

Онъ повернулъ голову къ незакрытой калиткѣ, прислушался къ чему-то, а потомъ предложилъ:

— Оглянитесь.

За спиною слышались голоса. Иваницкій оглянулся. Двѣ молоденькія дѣвушки съ голубыми лентами въ косахъ шли по дорожкѣ. Каждая держала по зонтику: брюнетка—красный; блондинка—оранжевый. На ножкахъ свѣтлыя бальныя туфельки съ высокими каблуками. Тонкія шейки были обмотаны кисейными шарфами.

— А вотъ Лиза и Маня.

— Какія Лиза и Маня?

Георгій усмѣхнулся, что Иваницкій успѣлъ про нихъ забыть.

— Вы ихъ знаете... Вы про нихъ читали въ газетѣ. Онѣ выпили уксусной эссенціи и обожгли себѣ горло.

Прыгали нарядныя пестрыя птички. Воздухъ сіялъ, какъ мелкая бертолетовая соль. Цвѣточки на газонахъ и клумбахъ выпрямились. Становилось жарко, точно былъ іюльскій полдень.

— Вотъ этой рукой я бросалъ бомбу и теперь никогда не снимаю перчатку. Къ сожалѣнію, одной пуговки нѣтъ. Оборвалась, когда застегивалъ.

Георгій вытянулъ правую руку, обращенную ладонью кверху. Одна петелька, дѣйствительно, была свободной.

Иваницкій вздохнулъ и, погодя, спросилъ:

— Что все-таки вы посовѣтуете мнѣ сдѣлать?

Внимательные глаза устремились на него. Дѣвушки остановились и зашептались. Иваницкій понялъ, что онѣ говорятъ о немъ.

— Умрите бѣлой смертью,—глухо отвѣтилъ Георгій и положилъ руки на сдвинутыя колѣни.

— А правда, что вы... умерли, что вы теперь не тотъ?— задалъ Иваницкій новый вопросъ.

Отвѣта не было. Волшебная перемѣна произошла кругомъ. Стая заводныхъ птичекъ поднялась и, шумя жестяными крылышками, упорхнула изъ игрушечнаго садика. Упала бумажная звѣзда. Картонъ, изъ котораго она была сдѣлана, оказался грубымъ и толстымъ. Маня и Лиза стояли съ раскрытыми зонтиками у калитки. Брюнетка вытряхала песокъ изъ одной туфельки. Блондинка просовывала въ петлю калитки замокъ.

— Георгій, пойдемте.

„На что онѣ обидѣлись? Я, кажется, ничего такого“...

встревожился Иваницкій. Начало темнѣть, и темнѣло сверху слоями. Сыпалось что-то вродѣ бертолетовой соли. Вяли бѣлые и красные цвѣточки на газонахъ и клумбахъ. Повѣяло холодомъ, и холодъ тоже опускался сверху слоями, какъ въ извѣстномъ физическомъ опытѣ разноокрашенныя жидкости. Лицо чувствовало морозъ, плечамъ было теплѣе, но все-таки холодно, а ноги казались опущенными въ кипятокъ.

Иваницкій проснулся. Ощущеніе слоистой температуры еще осталось. Уши горѣли отъ холода, а пальцы ногъ отъ жара.

Пугачовъ еще не вернулся. Керосинъ въ лампѣ почти выгорѣлъ, и она свѣтилась неполнымъ чадящимъ пламенемъ.

„Сколько-то времени?“ подумалъ Иваницкій.

Э... все равно. Онъ опять заснулъ, но уже спокойно, безъ сновъ. А на утро рано поднялся и сѣлъ за лекціи. Въ головѣ вертѣлось:

„Умрите бѣлой смертью“.

V.

Холодный вѣтеръ.

Вѣра Владиміровна додѣлала вторую розетку изъ цвѣтной бумаги, достала новыя свѣчи и вставила ихъ въ бронзовые подсвѣчники. Одинъ подсвѣчникъ поставила на туалетъ, зажгла свѣчу и сѣла въ низенькое кресло съ вышиваньемъ. Наклонила голову надъ работой и что-то напѣвала. Рядомъ на стулѣ стояла раскрытая шкатулка съ клубками шерсти. Ходоровскій сидѣлъ къ ней спиной за письменнымъ столикомъ и перелистывалъ только что купленную книгу, разрѣзая страницы широкимъ роговымъ ножомъ съ черной ручкой. Передъ нимъ горѣла лампа. Пламя было большое. Онъ опустилъ свѣтильню, понюхалъ пальцы и пошелъ вымыть руки подъ умывальникъ. Возвращаясь, взялъ съ дивана газету и развернулъ иллюстрированное приложеніе.

— Вѣра, откуда у тебя „Новое Время“?

— Иванъ Антоновичъ прислалъ. Хочетъ, чтобы я прочитала какую-то статью о новомъ еврейскомъ заговорѣ. Она подчеркнута синимъ карандашомъ,— не отрываясь отъ работы, отвѣтила Вѣра Владиміровна.

— Просвѣщаетъ тебя?

— Очень просвѣщаетъ. Крестить въ новую вѣру собирается.

Въ маленькой комнаткѣ было уютно и трогательно. Скрип-

нула неплотно прикрытая дверь и, выгибая спину и подымая хвостъ, мурлыча, вошелъ солидный рыжій котъ. Онъ принялся тереться у ногъ Вѣры Владиміровны и смотрѣлъ на нее свѣтлыми желтыми глазами, ожидая, когда она возьметъ его на колѣни. Андріевская въ притворномъ гнѣвѣ отодвинула ногу и прикрикнула:

— Рыжка, не мѣшай.

Ходоровскій, пересмотрѣвъ картинки, углубился въ созерцаніе первой страницы, гдѣ подъ заголовкомъ „наши общественные и государственные дѣятели“ былъ помѣщенъ портретъ вліятельнаго реакціоннаго министра.

— Вѣра, хочешь я убью этого господина?

И онъ протянулъ ей газетное приложеніе.

Она скользнула по портрету машинально невнимательными глазами и уронила листъ. Вниманіе кота было привлечено шуршащей бумагой. Онъ развалился на ней, показалъ свою бѣлую грудку и откусывалъ кусокъ за кускомъ, начиная съ уголка. Занятіе ему нравилось, и онъ ласково поводилъ хвостомъ.

— Зачѣмъ его убивать?—со вздохомъ спросила Андріевская.

Ходоровскій не отвѣтилъ. Онъ опять взялся за книгу и игралъ разрѣзальнымъ ножемъ. Опять тихо позвалъ:

— Вѣра.

Она повернула къ нему полуосвѣщенное свѣчкой лицо съ оживленными глазками, взяла вышиванье въ обѣ руки, полюбовалась имъ и показала Ходоровскому.

— Красиво, Леонидъ?

— Красиво.

— Хочешь, и тебѣ что-нибудь вышью?

— Буду благодаренъ.

Они замолчали. Ходоровскій всталъ, шумно отодвинулъ стулъ и, заложивъ руку за бортъ сюртука, принялся расхаживать по комнатѣ, всякій разъ обходя кота, который слѣдилъ за нимъ недоумѣвающими глазами и скребъ по полу лапой. Вѣра Владиміровна ясно видѣла, что Леонидъ волнуется, и думала, что готовится окончательное объясненіе. Онъ сегодня такой странный. Объясненій ей не хотѣлось, потому что она рѣшила не выходить замужъ; а отказать Ходоровскому разъ навсегда значило перестать видѣть его—объ этомъ она даже боялась думать. Она вздохнула и прошептала, грустно покачивая головой:

— Трудно все-таки быть женщиной.

Ходоровскій не разслышалъ, но почему-то встревожился.

— Ты что колдуешь?

— Нѣтъ, я такъ про себя. Насчетъ работы.

— Эхъ, Вѣра, Вѣра, невозможный ты человѣкъ,—озирая себя въ зеркалѣ, печальнымъ голосомъ заговорилъ Ходоровскій.—Вѣдь любишь меня? Такъ чего ради эти проволочки. Аскетизмъ твой, все равно, рано или поздно въ трубу вылетитъ. И опять повторю: чего ради? Во имя прошлаго. Такъ вѣдь прошлое—это то, чего уже нѣтъ.

Онъ всталъ передъ ней, прямой и высокій, и ждалъ отвѣта. Но она нагнула надъ работой голову еще ниже и дѣлала частые крестики. Сбилась и не поправила. Сердце билось шибко, шибко и гнало кровь къ лицу. Горѣли щеки и кончики ушей. Казалось, что въ комнатѣ невозможно жарко, что вотъ сердце возьметъ и выпрыгнетъ и заскачетъ по полу, какъ лягушка, или она не выдержитъ и расплачется, словно ребенокъ.

Ходоровскій скрестилъ на груди руки.

— Хочешь, я сдѣлаюсь милліонеромъ, и мы навсегда уѣдемъ изъ Россіи, перемѣнимъ имена и фамиліи, купимъ виллу на какомъ-нибудь островѣ и станемъ знатными иностранцами? Вѣра, мнѣ откажешь, а предсказываю: года черезъ два все равно отдашь себя другому.

Она вспыхнула отъ стыда, какъ дѣвочка, и закачала головой, наклоняясь все ниже и ниже, такъ что глаза не видѣли ни канвы, ни крестиковъ. Больно уколола себя въ палецъ иголкой и не обратила вниманія. Крестики сбивались, и на это не обращала вниманія.

Котъ, про котораго забыли, рѣшилъ напомнить о себѣ: онъ попытался прыгнуть къ ней на колѣни, но она отстранила его рукой. Прошептала совсѣмъ тихо:

— Рыжка, уйди.

Но съ мѣста не двинулась, не желая мѣнять выгодной для себя позы. Котъ, разочарованный и огорченный, пошелъ къ дверямъ, оглянулся и мяукнулъ, но, видя, что его окончательно забыли, пріоткрылъ лапкой дверь и скрылся.

— И этого не хочешь... Экая ты какая... Ну, знаменитымъ государственнымъ мужемъ стану. Оставлю имя свое на страницахъ исторіи, какъ преобразователь родины. Я не шучу, Вѣра. Я говорю серьезно. Ты знаешь, что я на многое способенъ.

Онъ сжалъ руку въ кулакъ и сталъ разсматривать жилки на кожѣ. Гордая и горькая вмѣстѣ усмѣшка странно измѣнила выраженіе его лица.

Вѣра Владиміровна, съ грѣхомъ пополамъ, докончила одинъ изъ узоровъ и перекусила зубками нитку. Узоръ вышелъ плохо, и она въ раздумьи покачала головкой.

— Это-то мнѣ и не нравится, что ты на все способенъ,—

съ удареніемъ сказала она и неожиданно поглядѣла ему прямо въ лицо пытливыми глазами.

Онѣ сказали:

„Какъ ты меня мучишь, если бъ ты зналъ".

Ходоровскій повернулся на каблукахъ. Онъ взялся рукой за голову, и была минута, когда казалось, что онъ, ни слова не говоря, возьметъ фуражку и уйдетъ. Но онъ остался, небрежно развалился на диванѣ и сталъ насмѣшливо наблюдать за Вѣрой Владиміровной. Она скручивала кончикъ нитки, помуслила ее и вставляла на свѣтъ свѣчки въ ушко иголки. Чуть-чуть сощурила глаза. По коридору кто-то прошелъ. Ходоровскій всталъ и прикрылъ дверь. И когда вернулся на диванъ, насмѣшки на его лицѣ уже не было.

— Брось работу. Поговоримъ.

— Мы и такъ послѣдніе дни слишкомъ много говорили. Постой, кончу.

Она крѣпко стояла на своемъ, и онъ терялъ терпѣніе. Перевелъ свои холодные глаза съ Андріевской на портретъ Батманова и началъ глядѣть на него такимъ образомъ, точно вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Сначала онъ обвинялъ Батманова въ чемъ-то, потомъ вспыхнулъ, и лицо приняло вызывающее, дерзкое выраженіе. Губы плотно сжались. Ходоровскій обнялъ колѣно рукой и отвернулся въ сторону. Но не выдержалъ и снова повернулся. Холодные глаза загорѣлись. Всталъ и близко подошелъ къ портрету. „Я ей все скажу про себя. Ты думаешь, я боюсь?" беззвучно прошепталъ онъ. Отодвинулъ портретъ отъ стѣнки.

— Смотрю, не завелось ли клоповъ.

И съ рѣзкой насмѣшкой прибавилъ:

— Всю жизнь у васъ висѣть будетъ?

Вѣра Владиміровна, молча, кивнула головой. Она поняла, что онъ вызываетъ ее на ссору, и рѣшила сдержаться.

Ходоровскій чувствовалъ, что сейчасъ онъ весь состоитъ изъ горючаго матеріала, сердился на это и то подходилъ къ окну, то вертѣлся около дверей. Искоса онъ взглядывалъ на Вѣру Владиміровну и уже не зналъ, что говоритъ въ немъ: любовь или ненависть. Но привычка постоянно сдерживаться взяла верхъ надъ страстью. Онъ притихъ.

— Гдѣ скамеечка, которую я люблю?

— Кажется, подъ диваномъ.

Поползалъ на колѣняхъ, перепачкался въ пыли, а все-таки ее отыскалъ и, когда вычистился, сѣлъ къ ногамъ Вѣры Владиміровны.

Она отложила работу и положила ему руку на голову. Прижала его къ своей груди и поцѣловала въ лобъ.

— Ну, зачѣмъ ты такой?

— Подожди, еще жалѣть будешь, что со мной знакома,— вырвалось у него.—Вѣдь я падшій ангелъ. Я...

Онъ не договорилъ. Въ голову пришло другое. Вѣра Владиміровна ничего не поняла и опять взялась за свои крестики.

Ходоровскій оправился. Онъ пересталъ горячиться, и голосу его вернулась обычная холодная ясность. Отъ неловкаго движенія Андріевской съ колѣнъ скатился клубокъ синей шерсти. Онъ поднялъ его, положилъ въ шкатулку и, похваливъ рисунокъ на крышкѣ, заговорилъ съ шутливой усмѣшкой:

— Если ты не согласишься стать моей женой добровольно, я возьму тебя насильно. Подожди... Не перебивай. У меня на это есть естественное право. Ты меня любишь, и я тебя люблю. Вполнѣ достаточно... На мѣстѣ, гдѣ въ прошломъ случилось крупное несчастье, ставятъ храмы... У тебя этотъ храмъ виситъ на стѣнѣ. А жизнь идетъ своимъ порядкомъ: извозчики ѣздятъ, и газетчики торгуютъ газетами. Слѣдовательно, раздумывать нечего.

Она оторвалась отъ работы и спросила:

— Какъ это ты меня возьмешь насильно?

Взглянула на него и поняла, что онъ не шутитъ. Но притворилась хладнокровной. А у самой колѣни задрожали и въ горлѣ пересохло. „Ахъ, если бы кто подошелъ. Хоть бы Дудкевичъ“...—съ тоской думала она и ждала звонка.

— Намотайте вотъ. Чѣмъ болтать ерунду, лучше займитесь дѣломъ.

Ходоровскій курилъ и наматывалъ нитку на клубокъ. Она назвала его на „вы“. Хорошо. Онъ отнесъ потухшую папиросу въ пепельницу и спокойно продолжалъ:

— Какъ я тебя возьму насильно, дурочка? Да какъ обыкновенно берутъ васъ, женщинъ. И ты напрасно думаешь, что возненавидишь меня послѣ моей грубости. Еще больше любить будешь. Ваша женская природа такова. Почитай книжки по половому вопросу, какъ разъ это самое вычитаешь, конечно, если на сантиментальнаго автора не наткнешься. А сантименты—надо знать—человѣческаго происхожденія. Отъ худосочія и отъ малокровія. Природа ихъ не признаетъ.

Вѣра Владиміровна быстро оправила юбку. Поднялась, собрала работу и затушила свѣчу.

— Вѣра, я еще не кончилъ.

Она не отвѣтила, гордо посмотрѣла на него и взялась за книгу.

— Вѣра...—и Ходоровскій отнялъ отъ нея книгу.

— Все равно, слушать разныхъ гадостей я не буду,—холодно отвѣтила она и искала глазами, чѣмъ бы ей заняться.

— Нѣтъ, ты прослушаешь...—рѣзко и зло крикнулъ онъ

и съ силой хватилъ ее за руки, повелъ къ дивану, усадилъ рядомъ съ собой и продолжалъ держать сначала около локтей, потомъ ниже. Отъ напряженія и злобы онъ покраснѣлъ, крѣпко стиснулъ зубы и дышалъ ей прямо въ лицо. Маленькая жилка забилась у него на правомъ вискѣ, набухала все больше, и Вѣрѣ Владиміровнѣ стало страшно, страшно и противно.

Одно мгновеніе думала даже схватить его за руку зубами и впиться крѣпко, крѣпко. Они зло посмотрѣли одинъ на другого.

— Пусти, я крикну...—еле произнесла она.

Но онъ сжалъ ее еще сильнѣе и навалился всѣмъ тѣломъ... „Ужасъ, ужасъ...“ мелькнуло у нея въ головѣ, но ей какъ-то удалось изловчиться, и она крикнула:

— Даша!..

Ходоровскій выпустилъ ее, пробурчалъ что-то и отвернулся къ окну. Его широкая спина вздрагивала. Вѣра Владиміровна разсматривала синіе обручи у себя на рукахъ и чуть не плакала. Вошла Даша. Увидѣла, что у господъ ссора, и опустила глаза.

— Поставьте самоваръ,—коротко приказала Вѣра Владиміровна.

Ей было уже жалко Леонида. Слезы стояли на глазахъ. Такой сумасшедшій. Она заставляла себя думать, что онъ шутилъ, и съ легкимъ укоромъ сказала:

— Ты мнѣ сдѣлалъ больно.

— Сама виновата.

На него было страшно смотрѣть. Возбужденіе въ немъ еще не улеглось, и воздухъ порывисто выходилъ изъ ноздрей. Онъ старался не встрѣчаться съ ней глазами. А она, въ самомъ дѣлѣ, чувствовала себя виноватой, только не могла понять, въ чемъ. Своя воля терялась. Часто билось сердце. Хотѣлось подойти къ нему, прижаться головой къ груди и выплакаться. И взять обѣщаніе, что онъ никогда такимъ не будетъ.

— Ты бы хоть извинился, Леонидъ,—тихо произнесла она, потупивъ глаза.

— Не въ чемъ извиняться.

Онъ сказалъ это сухимъ тономъ, и она испугалась: вдругъ онъ возьметъ и уйдетъ. Она останется тогда одна-одинешенька и совсѣмъ растеряется въ громадной, непосильной для нея жизни. Или пусть лучше уходитъ.

„Тукъ... тукъ.. тукъ...“ застучали грустныя мысли. Вѣра Владиміровна приложила палецъ къ губамъ и пыталась сообразить, какъ слѣдуетъ поступить ей въ настоящемъ затруднительномъ положеніи. Но воля терялась, и только ласка

и прощеніе были въ сердцѣ. Онъ такъ мучится. Она сама довела его до такого состоянія своимъ неопредѣленнымъ отношеніемъ. „Тукъ... тукъ... тукъ...“ стучали мысли и разсказывали, какъ непріятно одиночество, какъ скоро можетъ пройти молодость и какъ непріятно будетъ въ старости.

Ходоровскій взялся за фуражку и глухо сказалъ:

— Я уйду, Вѣра, и никогда больше не приду.

У нея безсильно свѣсились руки. Хотѣла что-то сказать и не могла. Слезы запросились и, тихо вздрагивая, отвернувшись къ стѣнкѣ, она начала плакать. Не выдержала и шепнула:

— Останься.

Онъ рѣшительно взялся за ручку двери и ждалъ. Вѣра Владиміровна подошла къ нему и положила руку на плечо. Голову спрятала на груди.

— Посиди немного. Не уходи сразу. Только не надо ничего этого. Вѣдь, если бы я умерла, ты бы полюбилъ другую, Леня. Полюби.

Онъ снисходительно улыбнулся и снялъ ея руку съ плеча. Она опять положила.

— Ты, къ сожалѣнію, жива.

— А ты не считай живой: ты говоришь, что все можешь.

— Все, кромѣ этого.

Она вытирала лицо маленькимъ платочкомъ, держала его за рукавъ и не отпускала. Дѣтская обида звучала въ ея голосѣ. Смотрѣла на него и спрашивала глазами: „Ты не уйдешь, ты не сердишься?“

— Хорошо, я останусь... Только наврядъ ли ты будешь довольна.

Онъ скосилъ глаза на портретъ Георгія, и непріязненное что-то отразилось на его лицѣ. Манеры сразу перемѣнились. Онъ сѣлъ и ударилъ себя ладонью по колѣну. Повторилъ:

— Хорошо. Я останусь.

Даша принесла самоваръ, но чай не заварили. Чайникъ такъ и остался стоять съ висящей на цѣпочкѣ крышкой, по которой стекали хрустальныя водяныя капельки. Самоваръ шумѣлъ, и его мурлыкающія пѣсни старались напомнить, что нехорошо ссориться, что лучше сѣсть тихо-мирно къ столу и напиться чаю со сдобными булками. Его совѣтовъ не послушали. Онъ посердился, поворчалъ и затихъ. Вѣра Владиміровна накинула платокъ на плечи. Ей было холодно. Открыла печку и посмотрѣла, есть ли дрова. Хотѣла опять звать Дашу.

— Позвольте, я это устрою,—предложилъ Ходоровскій.

Онъ присѣлъ на корточки передъ печкой, переложилъ

дрова по своему, набилъ бумаги и поджегъ въ разныхъ мѣстахъ. Дрова весело затрещали.

— Ну, будетъ великолѣпно.

Отъ него попахивало сырымъ дымкомъ. Онъ взялъ стулъ, поставилъ передъ печкой и усѣлся на него, опустивъ голову на руки.

— Знаете что?—потушите лампу.

Вѣра Владиміровна взглянула вопросительно. Онъ пожалъ плечами. Тогда она дунула въ ламповое стекло, и по комнатѣ, вмѣсто мирнаго, уютнаго свѣта, разлился красный загадочный полумракъ. Ходоровскій всталъ, прошелся, потомъ прислонился къ стѣнѣ, скрестивъ руки на груди, и закурилъ папиросу. Вся его фигура была въ багровыхъ отсвѣтахъ и въ полутемнотѣ странно выдѣлялось лицо, похожее на лицо краснокожаго.

— Вѣра, я хочу напомнить тебѣ объ одномъ вечерѣ. У тебя тогда сидѣли Батмановъ, я и еще одинъ человѣкъ по прозвищу „Хорекъ“. Маленькій такой и щупленькій, съ тараканьими глазами. „Хорекъ“ молчалъ. Ты молчала. А я и Батмановъ разсуждали, и фантазія подсказывала намъ одно предпріятіе, которое мы тутъ же поручили „Хорьку“. Объ этомъ предпріятіи, кромѣ насъ четверыхъ, никто не зналъ, а „Хорекъ“ былъ преданъ и угодилъ на висѣлицу. Кто его предалъ, какъ ты думаешь?

Вѣра Владиміровна молчала. Она старалась вспомнить этотъ вечеръ и что случилось послѣ. Вспоминала плохо, но ощущеніе холода появилось въ плечахъ, и она плотнѣе закуталась въ платокъ.

— Развѣ его предали?

— Его и многихъ другихъ,—усмѣхнулся Ходоровскій.— Большой фантастическій планъ былъ у одного человѣка. Усыпить бдительность высшихъ властей, заслужить неограниченное довѣріе, а потомъ воспользоваться этимъ довѣріемъ и заставить взволноваться весь міръ однимъ крупнымъ фактомъ. Но объ этомъ разсказывать нечего. Все это не реализовалось и осталось въ мечтахъ и возможности, въ головѣ у того, пока неизвѣстнаго человѣка.

— Это не Георгій,—раздумывая, какъ бы про себя, сказала Вѣра Владиміровна.

— Нѣтъ, не онъ. Ты догадлива,—насмѣшливо бросилъ Ходоровскій.—Но слушай дальше. Подвигъ, который совершилъ Батмановъ, былъ только подходящей шахматной фигурой—пѣшкой, если ты не обидишься, и онъ, самъ того не зная, служилъ плану неизвѣстнаго человѣка. Надо было убрать министра и на его мѣсто посадить другого. Боевая организація, повинуясь единичной волѣ, дала соотвѣтствен-

ныя директивы твоему жениху. Все случилось, какъ по писанному. Батмановъ оказался на высотѣ долга. Но тотъ, неизвѣстный, запутался въ провокаціи, какъ въ паутинѣ, связалъ себя по рукамъ и ногамъ...

— Леонидъ...

Вѣра Владиміровна вскочила, потрясенная внезапной догадкой. Она приложила руку къ тому мѣсту груди, гдѣ находилось сердце. Потомъ подняла плечи, уронила платокъ и, словно испытывая ужасную боль, закрыла глаза.

— Леонидъ! признавайся: этотъ человѣкъ ты?

Онъ не двинулся съ мѣста.

— Я и не думаю отрицать. Ясно, что не Вѣра Андріевская.

Въ его голосѣ звучалъ вызовъ. Она зажгла лампу и строго и гордо поглядѣла на него, словно смѣрила своимъ взглядомъ. Выждала одну минуту и непреклонно-твердо сказала:

— Господинъ Ходоровскій, прошу меня оставить.

Для этой маленькой фразы и для спокойнаго тона пришлось собрать весь запасъ силъ. Нельзя же было обнажать свою муку передъ гадиной. Она стояла въ величавой позѣ и указывала рукой на дверь.

Ходоровскій взялъ фуражку и перчатки.

— Сдѣлаю одно предупрежденіе. Ты не вздумай меня выдать передъ вашимъ трибуналомъ. Только навредишь сама себѣ. Знаешь: кому повѣрятъ больше—„польской дѣвѣ иль русскому царевичу“.

— Знаю.

Силы ее оставили, и она боялась, что при немъ упадетъ въ обморокъ. Дошла до туалета, оперлась о него руками. Ходоровскій вышелъ и вернулся въ пальто, когда она нюхала нашатырный спиртъ. Она холодно оглянулась.

— Вы еще здѣсь?

Онъ сильно взялъ ее за плечо.

— Ты не смѣешь меня презирать... Слышишь? Если хочешь, можешь ненавидѣть. Я—падшій ангелъ. Я—не прохвостъ. И сейчасъ я убѣдился въ одномъ... Ты не можешь быть моей подругой. Слышишь?

Пальцы его впились такъ, что она извивалась. Но она удерживалась отъ крика, ожидая, когда онъ уйдетъ. Слышно было, какъ онъ сильно дышетъ. Струя выдыхаемаго воздуха коснулась ея щекъ, и она вздрогнула отъ гадливаго чувства. Онъ разжалъ руку.

Она видѣла теперь большое красивое тѣло... мертвое тѣло. Оно было въ форменномъ пальто дорогого сукна. Блестѣли накладныя пуговицы. Голубовато-ледяные глаза отсвѣ-

чивали стекломъ. И такъ понятно было, что оно, это тѣло, разложится и сгніетъ, что оно сейчасъ—сильное—немощно. Хотѣлось замахать руками, чтобы оно скорѣе скрылось... И тѣло знало это, пятилось къ двери и уходило.

Подъ ноги Ходоровскому попался котъ. Онъ отшвырнулъ его къ стѣнѣ. Котъ жалобно замяукалъ. Даша въ коридорѣ спросила:

— Что же сегодня такъ скоро, баринъ?

— Не посидѣлось,—отвѣтилъ Ходоровскій.

Вѣра Владиміровна прислушивалась, ждала, когда за нимъ захлопнется дверь, и только когда услышала лязгъ цѣпи и шаги Даши по направленію къ кухнѣ, отдалась тоскѣ и страданію. Вотъ она—страшная, непосильная для нея жизнь, дыханіе которой она чувствовала съ шестнадцати лѣтъ! Пришла, огромная и таинственная, и стоитъ, какъ колоссальная каменная статуя, въ ея маленькой комнатѣ. Оторвала отъ родителей, отняла жениха, превратила Леонида въ шпіона. Скрестила могучія руки на могучей груди и смотритъ незрячими, каменными глазами.

Странная боль ломила голову. Точно въ каждой клѣточкѣ мозга загорѣлось по мысли, и мысли эти растутъ и хотятъ вырваться изъ мозговой оболочки.

Вѣра Владиміровна взялась за голову, постояла такъ, а потомъ машинально, ни о чемъ не думая, принялась прибирать въ комнатѣ. Расплела волосы передъ туалетнымъ зеркаломъ и сложила шпильки въ коробочку.

Боль въ головѣ увеличилась. По верху мозга разливалось пламя, какъ будто подъ черепную крышку ей налили спирту и поднесли къ нему зажженную спичку. Спиртъ вспыхнулъ.

Одно мгновеніе она боялась, что загорятся волосы. Нажала на педаль умывальника и подставила ихъ водяной струѣ. Выжимала воду и пыталась думать. Что-то надо было вспомнить, но вспомнить не удавалось. Что-то случилось, но что—нельзя было сообразить.

Она сѣла на свою кровать и опустила руки. Потомъ легла, свернувшись калачикомъ. А спиртовое пламя лизало мозгъ, и опять было страшно, что загорятся волосы...

Завтра она вспомнитъ о чемъ-то ужасномъ, выспится и вспомнитъ. Сегодня она очень устала и ей нездоровится. Мозгъ отказывается работать. Ну, такъ скорѣе спать!.. Да... лампа горитъ. Лампу можно потушить послѣ.

Вѣра Владиміровна разстегнула и сбросила блузку, расшнуровала ботинки и юбки. Юбки, шурша, опустились на полъ. Вынула изъ нихъ ноги и стянула чулки. Въ одинъ изъ нихъ спрятала розовыя подвязки, свернула ихъ клуб-

комъ и сунула подъ подушки. Какъ долго всегда приходится раздѣваться.

А пламя переходило съ головы на лицо и плечи. Скоро стало нестерпимо жечь все тѣло. Она вскочила, подбѣжала къ окну, влѣзла на подоконникъ, распахнула обѣ рамы и подставила грудь морозному воздуху.

Налетѣлъ вѣтеръ... Какъ хорошо! Онъ обнялъ ее сначала за талію и пытался склонить къ землѣ, цѣлуя въ плечи, въ щеки, въ грудь... Рубашка трепетала. Вѣтеръ ощупывалъ ее всю... Цѣловалъ... Она протягивала ему навстрѣчу руки.

Какой онъ холодный! Какой большой и сильный! Каждый волосокъ холодитъ... Вотъ сейчасъ, сейчасъ сдуетъ пламя съ головы на полъ, а ее тихо положитъ и прильнетъ къ ней осторожно и бережно.

Волосы развѣвались по вѣтру... Пламя въ лампѣ вспыхивало... Газета спустилась со стола на полъ и шумно понеслась къ дверямъ.

Глаза дѣвушки лихорадочно блестѣли...

Онъ женихъ ея, онъ мужъ, большой, сильный, порывистый и холодный.

Зубы у нея стучали. Со всего размаху хлопнула дверь. Она сейчасъ... только одну минутку. Спрыгнула съ подоконника, побѣжала закрыть двери и упала безъ чувствъ.

В. Башкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Западный соціализмъ и „русскій соціализмъ" Герцена.

(*Окончаніе*).

IV.

Здѣсь возникаетъ прежде всего вопросъ: какая общая идея служила у Герцена переходомъ отъ западно-европейскаго соціализма къ русскому? Что оправдывало въ его глазахъ одновременную вѣру въ главныя основанія общечеловѣческаго міровоззрѣнія труда и въ возможность нѣкоторыхъ особыхъ рѣшеній соціальной задачи на русской почвѣ? Этимъ переходомъ, этой сближающей идеей являлась глубоко продуманная, если не во всѣхъ деталяхъ, то въ существенныхъ пунктахъ мысль о томъ, что допущеніе нѣкоторыхъ общихъ законовъ процесса эволюціи отнюдь не противорѣчитъ крайнему разнообразію конкретныхъ путей развитія, наблюдаемыхъ въ безчисленномъ количествѣ конкретныхъ случаевъ.

Ограничусь цитированіемъ одной-двухъ формулировокъ этой мысли, которая высказывалась Герценомъ многократно и по различнымъ поводамъ. Возражая схоластикамъ принципа законосообразности, грозно вопрошающимъ: «какъ будто исторія можетъ дать въ сторону, какъ будто она не двигается по своимъ законамъ, какъ планеты, которыя никогда не даютъ въ сторону и не срываются съ орбитъ?», Герценъ энергично отвѣчаетъ: «На послѣднее можно сказать, что всяко бываетъ, и нѣтъ причины, чтобы иной разъ планета и не сорвалась. У Сатурна кольцо уцѣлѣло и вертится съ нимъ; у Юпитера оно лопнуло и изъ него сдѣлались бусы, у земли одна луна, какъ бѣльмо на глазу. Но вмѣсто обсерваторіи стоитъ заглянуть въ любую больницу, чтобъ видѣть, какъ живые организмы *даютъ въ сторону*, развиваются въ своемъ отклоненіи и доводятъ его до относительнаго совершенства, искажая, а иногда и убивая весь организмъ. Шаткое равновѣсіе всего живого колеблется и до нѣкоторой степени уступаетъ уклоненіямъ: но еще шагъ въ ту же сторону—и худо стянутый узелъ, связую-

щій ихъ, развязанъ, и освобожденные элементы идутъ въ другія сочетанія... Разумѣется, что общіе законы остаются тѣ же, но въ частныхъ приложеніяхъ они могутъ разниться до совершенно противоположныхъ явленій. Повинуясь одному и тому же закону, пухъ летаетъ, а свинецъ падаетъ» *).

Или: «общій планъ развитія допускаетъ безконечное число варіацій непредвидимыхъ, какъ хоботъ слона, какъ горбъ верблюда. Чего и чего не развилось на одну тему: собаки, волки, лисицы, гончія, борзыя, водолазы, моськи... Общее происхожденіе нисколько не обусловливаетъ одинаковость біографій... То же самое во всѣхъ нравственныхъ родахъ или общеніяхъ... Въ «genus europeum» есть народы, состарѣвшіеся безъ полнаго развитія мѣщанства (Кельты, нѣкоторыя части Испаніи, южной Италіи и пр.), есть другіе, которымъ мѣщанство такъ идетъ, какъ вода жабрамъ—отчего же не быть и такому роду, для котораго мѣщанство будетъ переходнымъ, неудовлетворительнымъ состояніемъ, какъ жабры для утки?» **).

Послѣднее, разумѣется, относится, по мнѣнію Герцена, къ Россіи, судьбы которой и вдохновляли главнымъ образомъ работу его мысли, когда онъ направлялъ ее на отысканіе путей, какими страстно любимая имъ родина можетъ осуществить соціалистическія требованія, поставленныя передовыми умами Запада. Въ этой области Герценъ становился особенно краснорѣчивъ, какъ читатель скоро и самъ увидитъ изъ приводимыхъ ниже цитатъ. Намъ придется только предварительно устранить нѣкоторыя недоразумѣнія и ошибочныя представленія, пущенныя въ ходъ идейными противниками Герцена.

Возьмемъ, напр., извѣстный желчный и въ высокой степени несправедливый отзывъ о Герценѣ, сдѣланный Марксомъ въ «Капиталѣ», гдѣ нашему соціалисту—«полурусскому и вполнѣ москвичу», язвительно значится въ текстѣ, — бросается обвиненіе, что онъ и русскую-то общину «открылъ» въ сочиненіи прусскаго реакціонера Гакстгаузена. И кто съ тѣхъ поръ изъ западно-европейскихъ, а порою даже и русскихъ марксистовъ не повторялъ этого упрека!.. Спрашивается, однако, неужели Герценъ, Герценъ, который чуть

---

*) *Концы и начала* (письмо третье отъ 10 августа 1862 г.); т. X „Сочиненій", стр. 214—215.

**) Ibid. (письмо восьмое отъ 15 января 1863 г.); стр. 276—277, passim. Кстати: г. Ивановъ-Разумникъ справедливо, по моему мнѣнію, замѣчаетъ, что у Герцена можно найти „въ зародышевомъ видѣ" теорію степеней и типовъ развитія, такъ полно выработанную Михайловскимъ. Ср. Ивановъ-Разумникъ, *Исторія русской общественной мысли*; Спб., 1908, изд. 2-е, т. I, стр. 354. Гораздо менѣе основательно утвержденіе г. Ч. Вѣтринскаго, автора довольно объемистой и разсчитанной на большую публику книги о Герценѣ, будто „сущность" статей Михайловскаго была „въ значительной мѣрѣ изложеніемъ и развитіемъ міровоззрѣнія, которое разлито въ общефилософскихъ статьяхъ и построеніяхъ самого Герцена" (Ч. Вѣтринскій, *Герценъ*; Спб. 1908, стр. 418).

не десять лѣтъ провелъ въ ссылкѣ среди разныхъ захолустій и уже просто по службѣ долженъ былъ сталкиваться съ различными дѣлами, касающимися земельныхъ отношеній крестьянъ, неужели этотъ всегда столь вдумчивый и тонкій наблюдатель не зналъ о существованіи общины, или, если и зналъ, то представлялъ русское общинное владѣніе въ видѣ чего-то небывалаго, не имѣющаго нигдѣ на земномъ шарѣ себѣ подобія?

Факты говорятъ иное. Сочиненіе барона Гакстгаузена появилось, - въ трехъ томахъ,—въ теченіе четырехъ лѣтъ (Aug. Freiherr von Haxthausen, *Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands*; Ганноверъ, 1847—1851). Но началъ Гакстгаузенъ свое путешествіе по Россіи въ 1843 г. и весною этого же года встрѣтился съ Герценомъ. Что же говоритъ объ этомъ Герценъ? Въ дневникѣ, отъ 13 мая 1843 г., читаемъ: «Баронъ Гакстгаузенъ и Козегартенъ, путешественники изъ Пруссіи, занимающіеся изслѣдованіемъ славянскихъ племенъ и въ особенности бытомъ и состояніемъ крестьянъ въ Европѣ. Я имѣлъ случай говорить съ Гакстгаузеномъ, меня удивилъ ясный взглядъ на бытъ нашихъ мужиковъ, помѣщичью власть, земскую полицію и управленіе вообще. Онъ находитъ важнымъ элементомъ, сохранившуюся изъ древности, общинность, ее-то надобно развивать, сообразно требованіямъ времени. Индивидуальное освобожденіе съ землею и безъ земли онъ не считаетъ полезнымъ, оно противопоставляетъ единичную, слабую семью всѣмъ страшнымъ притѣсненіямъ земской полиціи... Онъ хотѣлъ, чтобъ ему сказали нормальное отношеніе помѣщичьихъ крестьянъ къ господину, напримѣръ, въ Московской губерніи, алгебраическую формулу, такъ сказать. Но это вздоръ; если бъ отношеніе общины сельской къ помѣщику измѣнялось съ ея величиною, съ количествомъ земель или иныхъ условій жизни, тогда можно бы понять какую-нибудь норму. Это не такъ. Состояніе общины N зависитъ отъ того, что помѣщикъ ея богатъ или бѣденъ, служитъ или не служитъ, живетъ въ Петербургѣ или въ деревнѣ, управляетъ самъ или приказчикомъ. Вотъ это-то и есть жалкая и безпорядочная случайность, подавляющая собою развитіе» *).

Видно-ли изъ этого отрывка, что Герценъ впервые узналъ о существованіи земельной общины въ Россіи со словъ Гакстгаузена? Наоборотъ, впечатлѣніе при чтеніи такое, что люди разговаривали между собою о вещахъ, уже знакомыхъ и живо интересовавшихъ ихъ. Да и какъ бы это могло быть иначе, когда община уже служила въ Россіи предметомъ жаркихъ споровъ между восточниками и западниками, когда въ 1842 г. одинъ изъ крупнѣйшихъ славянофиловъ, Алексѣй Хомяковъ, съ жаромъ защищалъ въ «Москвитянинѣ» русское общинное владѣніе. Другой очень выдаю-

*) *Дневникъ*; т. I «Сочиненій», стр. 102—103.

щійся славянофилъ, Константинъ Аксаковъ, какъ видно изъ сочувственнаго некролога, написаннаго Герценомъ, раскрывалъ именно тому самому прусскому путешественнику, о которомъ идетъ рѣчь, смыслъ нашихъ аграрныхъ учрежденій: «онъ въ началѣ сороковыхъ годовъ проповѣдывалъ сельскую общину, міръ и артель. Онъ научилъ Гакстгаузена понимать ихъ» *).

Подъ конецъ же своей жизни Герценъ приписываетъ славянофиламъ въ русскомъ аграрномъ вопросѣ еще болѣе раннюю и важную роль, хотя и указываетъ слабую сторону ихъ политическаго символа вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ выясняетъ окончательно отношенія между Гакстгаузеномъ и славянофилами: «Середь ночи, слѣдовавшей за 14 декабремъ, за польскимъ возстаніемъ 1831 г., середь поразительной легкости, съ которой николаевскій гнетъ придавилъ всѣ ростки—первые, закричавшіе *земля*, были московскіе славянофилы, хоть они и лѣвой ногой стали на дѣйствительную почву, но все же первые. Они поняли нашу экономически-соціальную особенность въ надѣлѣ землей, въ передѣлѣ земли, въ сельской общинѣ и общинномъ землевладѣніи; но, понявши одну сторону вопроса, они опустили другую—*волю*, къ которой рвалась личность, закабаленная селомъ, царемъ, церковью...»

«Первый піонеръ, пошедшій на открытіе Россіи, былъ Гакстгаузенъ. Случайно попавши на слѣды славянскаго общиннаго устройства гдѣ-то на берегахъ Эльбы, вестфальскій баронъ поѣхалъ въ Россію и, по счастью, адресовался къ Хомякову, К. Аксакову, Кирѣевскимъ и др. Гакстгаузенъ былъ, дѣйствительно, однимъ изъ первыхъ, повѣстившихъ западному міру о русской сельской коммунѣ и ея глубоко автономическихъ и соціальныхъ началахъ—и когда?

«Наканунѣ февральской революціи, т. е. наканунѣ перваго широкаго, но неудачнаго опыта ввести соціальныя начала въ государственный строй. Европѣ былъ недосугъ—за своимъ печальнымъ fiasco она не замѣтила книгу Гакстгаузена...

«За Гакстгаузеномъ, почти непосредственно идутъ наши опыты ознакомить Западъ съ неоффиціальной Россіей» **).

Приведенныя цитаты окончательно, какъ намъ кажется, рѣшаютъ вопросъ, дѣйствительно ли Герценъ почерпнулъ свои знанія аграрныхъ русскихъ отношеній у Гакстгаузена и въ какомъ смыслѣ можно говорить объ «открытіи» послѣдняго. Остается еще другое недоразумѣніе: будто ужъ такъ-таки Герценъ видѣлъ въ славянской, особенно русской, общинѣ совершенно исключительное, безпримѣрное явленіе, и будто это-то и заставляло его проповѣдывать ученіе соціальнаго «мессіанизма» Россіи, какъ единствен-

*) *Былое и Думы* (1838—1847); т. VII „Сочиненій“, стр. 306.

**) „Колоколъ“ (№ 230 отъ 1 декабря 1866 г., и слѣд.); стр. 656—657 passim.

ной истинно коммунистической страны въ мірѣ? И здѣсь на основаніи цитатъ изъ самого Герцена легко увидѣть, что родоначальникъ «русскаго соціализма» отлично зналъ о существованіи общиннаго владѣнія не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ, что онъ считалъ это учрежденіе даже признакомъ неразвитаго и патріархальнаго состоянія обществъ, но что онъ вѣрилъ въ возможность превратить эту первобытную коммуну въ основу истиннаго соціалистическаго строя при содѣйствіи сознательной мысли. Слѣдуетъ, пожалуй, прибавить, что въ началѣ 40-хъ годовъ, живя въ Россіи, Герценъ больше подчеркивалъ отрицательныя стороны русской общины, тогда какъ, переселясь въ Западную Европу и испытавъ тамъ ужасное разочарованіе въ возможности скоро рѣшить соціальный вопросъ, временно отодвинутый послѣ февральской революціи на задній планъ свирѣпой реакціей имущихъ и правящихъ классовъ, онъ сталъ крѣпко надѣяться на гораздо болѣе счастливую перспективу для Россіи (хотя порою и здѣсь у него проскользывали ноты пессимизма).

Вотъ, прежде всего, какъ смотритъ Герценъ на общій характеръ всякой патріархальной общины: «Наши славянофилы толкуютъ объ общинномъ началѣ, о томъ, что у насъ нѣтъ пролетаріевъ, о раздѣлѣ полей; все это хорошіе зародыши и долею они основаны на неразвитости. Такъ, у бедуиновъ право собственности не имѣетъ эгоистичнаго характера европейскаго; но они (славянофилы. Н. Р.) забываютъ, съ другой стороны, отсутствіе всякаго уваженія къ себѣ, глупую выносливость всякихъ притѣсненій, словомъ, возможность жить при такомъ порядкѣ дѣлъ. Мудрено ли, что у нашего крестьянина не развилось право собственности въ смыслѣ личнаго владѣнія, когда его полоса не его полоса, когда даже жена, дочь и сынъ—не его? Какая собственность у раба? Онъ хуже пролетарія—онъ *res*, орудіе для обработыванія полей» *). И далѣе, подъ вліяніемъ чтенія соціалистической «Исторіи десяти лѣтъ» Луи Блана: «Удивляюсь, какъ славянобѣснующіеся не понимаютъ исторіи, не понимаютъ Европейскаго развитія—это помѣшательство. Славяне въ будущемъ, вѣроятно, призваны ко многому, но что же они сдѣлали въ прошедшемъ со своимъ стоячимъ православіемъ и чуждостью отъ всего человѣческаго?» **).

Годомъ позже у Герцена прорываются даже, въ результатѣ сравненія германскаго и славянскаго міровъ, жесткія ноты по отношенію къ родственнымъ племенамъ: «Славяне всегда рабы, вездѣ холопы—смирные, пассивные холопы. Демократическій элементъ, на который они опираются, утраченъ, крѣпостное состояніе достаточное доказательство. И когда цвѣло это общинное устройство? Въ

---

*) *Дневникъ* (іюнь 1843); т. I „Сочиненій“, стр. 112.
**) Ibid., стр. 113—114.

періодъ величайшей неразвитости» *). Тогда какъ «германецъ съ перваго появленія является съ характеромъ, несравненно болѣе освобожденнымъ отъ всего непосредственнаго, отъ почвы, отъ поколѣнія, даже отъ семьи, личность—вотъ идея, которую онъ вноситъ въ міръ, и, исчерпавъ все необъятное содержаніе своей мысли, онъ, будто оканчивая свое призваніе, какъ завѣщаніе будущему, оставляетъ Déclaration des droits de l'homme» **).

Это сопоставленіе даетъ даже поводъ Герцену непосредственно вслѣдъ за тѣмъ высказать слѣдующую многозначительную мысль: «Но имѣли ли мы право сказать, что грядущая эпоха, которая на знамени своемъ поставитъ не личность, а общину, не свободу— а братство, не обстрактное равенство, а органическое распредѣленіе труда, не принадлежитъ Европѣ? Въ этомъ весь вопросъ. Славяне ли, оплодотворяясь Европой, одѣйствоворятъ (sic! одно изъ выкованныхъ самимъ Герценомъ, часто употребляемыхъ имъ словъ. Н. Р.) идеалъ ея и пріобщатъ къ своей жизни дряхлую Европу, или она насъ пріобщитъ къ поюнѣвшей жизни своей. Славянофилы разрѣшаютъ этого рода вопросы скоро, какъ будто дѣло давно рѣшенное» ***).

И такихъ мѣстъ, лишенныхъ безподмѣснаго восхищенія нашей общиной и славянской жизнью, можно было бы найти очень много, вплоть до негодующаго недоумѣнія Герцена при мысли о томъ, что наши мужики и не глупы, и не трусы, и оклеветаны высшими классами съ нравственной стороны, а слагающаяся изъ нихъ «эта община, понимающая всю беззаконность нелѣпаго требованія, не признающая въ душѣ неограниченной власти помѣщика, трепещетъ и валяется въ ногахъ его при первомъ словѣ!!» ****).

Недаромъ Герценъ кратко, но ярко опредѣлилъ свое отношеніе къ восторгавшимся всѣми особенностями славянской и преимущественно русской жизни славянофиламъ: «Странное положеніе мое, какое-то невольное juste milieu въ славянскомъ вопросѣ: передъ ними я человѣкъ запада, передъ ихъ врагами человѣкъ востока» *****). Недаромъ онъ былъ исполненъ искренняго энтузіазма къ нѣкоторымъ сторонамъ Западной Европы, напр., высоко развитому сознанію личнаго достоинства и мужеству въ борьбѣ за

*) Ibid. (февраль 1844); стр. 171—172.

**) Ibid. стр. 175. Читателю, можетъ быть, покажется страннымъ, какъ знаменитое Déclaration французской революціи приписывается Герценомъ „германцу". Дѣло очень просто: несмотря на несравненную энергичность формы, французская декларація представляетъ собой, какъ извѣстно, отраженіе предшествовавшихъ декларацій различныхъ Штатовъ сформировавшейся нѣсколько раньше Сѣверо-Американской республики, этого созданія англо-саксонской и, говоря общѣе, германской расы.

***) Ibid., стр. 175.

****) Ibid. (іюль 1844), стр. 211.

*****) Ibid. (май 1844), стр. 200.

право: «Святая почва Европы, благословенье ей, благословенье!» *)

Но, когда Герценъ ступилъ, наконецъ, на эту давно желанную «святую» почву, которая какъ разъ вскорѣ послѣ его пріѣзда стала колебаться подъ напоромъ надвигающагося соціальнаго землетрясенія; а въ особенности, когда онъ увидалъ, что въ результатѣ этого великаго столкновенія силы реакціи взяли, какъ ему казалось, надолго, чуть не навсегда, рѣшительный верхъ надъ силами революціи,—Западъ потерялъ всякое очарованіе въ его глазахъ и, наоборотъ, вдвойнѣ дорогой и многообѣщающей стала ему представляться далекая, трудовая, народная Россія.

Еще до февральской революціи, еще находясь подъ обаяніемъ пылавшей тогда огнемъ демократическаго энтузіазма Италіи, онъ писалъ, однако, при видѣ свирѣпо охраняемыхъ оградами владѣній частныхъ собственниковъ на лазурномъ побережьѣ Средиземнаго моря, возлѣ Ниццы: «Русскаго села въ Европѣ нѣтъ. Смыслъ деревенской коммуны въ Европѣ только полицейскій; что общаго между этими разбросанными домами, огораживающимися другъ отъ друга? У нихъ все особое, они связаны только общей межой; что можетъ быть общаго между голодными работниками, которымъ коммуна предоставляетъ le droit de glaner, и богатыми домохозяевами? Да здравствуетъ, господа, русское село—будущность его велика» **)

Среди полнаго разгрома европейскаго революціоннаго движенія, въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ, возражая на рѣзкое сужденіе знаменитаго историка Мишле о русскомъ народѣ, Герценъ уже съ жаромъ защищаетъ особенности нашего быта, но при этомъ, связывая будущность Россіи съ развитіемъ въ Европѣ соціалистической мысли: «У русскаго крестьянина нѣтъ нравственности, кромѣ вытекающей инстинктивно, естественно изъ его коммунизма; это нравственность глубоко народная... Община спасла русскій народъ отъ монгольскаго варварства и отъ императорской цивилизаціи, отъ выкрашенныхъ по европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой бюрократіи. Общинная организація, хоть и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательствъ власти; она благополучно дожила *до развитія соціализма въ Европѣ.* Это обстоятельство безконечно важно для Россіи» ***).

---

*) Ibid. (сентябрь 1844), стр. 234.

**) *Письма изъ Франціи и Италіи* (письмо пятое изъ Рима, декабрь 1847); т. IV «Сочиненій», стр. 204—205.

***) *Русскій народъ и соціализмъ* (*письмо къ Мишле*); т. V „Сочиненій", стр. 194—195. Во французскомъ оригиналѣ письма послѣдняя фраза выражена немножко на старомодный романтическій ладъ: „Для Россіи это—провиденціальный фактъ" (Pour la Russie c'est là un fait providentiel). См. A. Herzen, *Le peuple russe et le socialisme. Lettre a M. J. Michelet*; Сэнтъ—Элье (Джерси), 2-ое изд., 1855, стр. 33 (1-ое изд. вышло въ 1851, въ Ниццѣ).

Эта мысль въ особенности рельефно объясняется и доказывается въ главѣ «Былого и Думъ» о славянофилахъ: «Непосредственныхъ основъ быта недостаточно. Въ Индіи до сихъ поръ и спoконъ вѣка существуетъ сельская община, очень сходная съ нашей и основанная на раздѣлѣ полей; однако индѣйцы съ ней недалеко ушли. Одна мощная мысль Запада, къ которой примыкаетъ вся длинная исторія его, въ состояніи оплодотворить зародыши, дремлющіе въ патріархальномъ быту славянскомъ. Артель и сельская община, раздѣлъ прибытка и раздѣлъ полей, мірская сходка и соединеніе селъ въ волости, управляющіяся сами собой, все это краеугольные камни, на которыхъ созиждется храмина нашего будущаго свободно-общиннаго быта. Но эти краеугольные камни все же камни... и безъ западной мысли нашъ будущій соборъ остался бы при одномъ фундаментѣ.

«Такова судьба всего истинно *соціальнаго*, оно невольно влечетъ къ круговой порукѣ народовъ... Отчуждаясь, обособляясь, одни остаются при дикомъ общинномъ бытѣ, другіе при отвлеченной мысли коммунизма, которая, какъ христіанская душа, носится надъ разлагающимся тѣломъ» *).

Далѣе слѣдуетъ замѣчательная характеристика славянъ, которую, пожалуй, можно было взять эпиграфомъ и къ политической исторіи цѣлыхъ славянскихъ племенъ, и къ личной исторіи отдѣльнаго славянина: «Воспріимчивый характеръ славянъ, ихъ *женственность*, недостатокъ самодѣятельности и большая способность усвоенія и пластицизма дѣлаетъ ихъ по преимуществу народомъ, нуждающимся въ другихъ народахъ, они не вполнѣ довлѣютъ себѣ... Возбужденные другими, они идутъ до крайнихъ слѣдствій; нѣтъ народа, который глубже и полнѣе усвоивалъ бы себѣ мысль другихъ народовъ, оставаясь самимъ собою» **).

Надо, значитъ, найти такого возбудителя. Надо проникнуться передовою мыслью болѣе культурныхъ народовъ.

Между тѣмъ, оглядываясь вокругъ себя, Герценъ констатируетъ, что въ данный моментъ—дѣло происходило въ началѣ крымской войны—передъ Европой стоитъ грозная альтернатива: «деспотизмъ или соціализмъ—выбора нѣтъ». И, однако, «Европа показала удивительную *неспособность* къ соціальному перевороту». Герценъ полагаетъ, что «Россія не такъ неспособна къ нему». Во всякомъ случаѣ, изъ этого анализа Герценъ считаетъ возможнымъ вывести такое заключеніе: «одна вещь узнана нами и не искоренится изъ сознанія грядущихъ поколѣній, это — то, что *разумное и свободное развитіе русскаго народнаго быта совпадаетъ съ стремленіями западнаго соціализма*» ***).

---

*) *Былое и Думы* (1838—1847); т. VII „Сочиненій", стр. 287—288.
**) Ibid., стр. 288.
***) Ibid., стр. 289—290, passim.

Стоя на этой точкѣ зрѣнія, Герценъ прежде всего борется съ мнѣніемъ людей, которыхъ можно было бы охарактеризовать, какъ русскихъ «марксистовъ до марксизма»; кстати было бы очень любопытно знать, какія группы или, по крайней мѣрѣ, какія конкретныя личности имѣлись при этомъ Герценомъ въ виду: «Есть люди, до сихъ поръ поддерживающіе пользу освобожденія безъ земли, освобожденія въ голодъ и безпріютность, воображая, что въ этомъ новомъ пролетаріатѣ непремѣнно разовьется революціонное начало.

«Быть голоднымъ и пролетаріемъ вовсе не достаточно для того, чтобы сдѣлаться революціонеромъ... Вообще пролетарій полей очень миренъ, кругъ его понятій тѣсенъ, онъ слишкомъ подавленъ и сгнетенъ къ землѣ, чтобъ быть болѣе, нежели недовольнымъ. Его не надобно смѣшивать съ работникомъ большихъ торговыхъ и политическихъ центровъ...

«Русскіе, говорящіе такъ легко о разрушеніи сельской общины, никогда не думали, что же останется, что будетъ, когда этотъ послѣдній узелъ народной жизни, насильственно развязанный, распустится.

«Народъ русскій все вынесъ, но спасъ общину, община спасла народъ русскій; уничтожая ее, вы отдаете его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, помѣщику и полиціи. И коснуться до нея въ то время, когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится къ какому-нибудь общинному устройству» *).

Герценъ неоднократно и каждый разъ краснорѣчиво, и почти всегда развивая новую сторону аргументаціи, еще оставшуюся въ тѣни, примѣняетъ къ Россіи свою общую мысль о неодинаковости путей развитія. Такъ, къ одномъ изъ писемъ къ радикальному англичанину Линтону онъ говоритъ: «Но должна ли Россія пройти всѣми фазами европейскаго развитія, или ея жизнь пойдетъ по инымъ законамъ? Я совершенно отрицаю необходимость этихъ повтореній. Мы, пожалуй, должны пройти трудными и скорбными испытаніями историческаго развитія нашихъ предшественниковъ, но такъ, какъ зародышъ проходитъ до рожденія всѣ низшія ступени зоологическаго существованія. Оконченный трудъ и добытый результатъ входятъ въ общее достояніе всѣхъ понимающихъ, это— круговая порука прогресса, маіоратъ человѣчества» **)...

И здѣсь Герценъ вводитъ роль сознательной мысли Запада, отразившейся и подвергшейся преломленію въ головахъ образованныхъ и чуткихъ русскихъ, знакомыхъ съ результатами чужого опыта и, цѣною жестокихъ преслѣдованій со стороны правительства, стремящихся помочь народу въ его выработкѣ новыхъ, высшихъ формъ общественности: «Народу русскому не нужно начи-

---

*) *Крещеная собственность* (1853); т. V «Сочиненій», стр. 237—238.
**) *Старый міръ и Россія*; т. V «Сочиненій», стр. 278.

нать снова этотъ тяжкій трудъ. Зачѣмъ ему проливать кровь свою для достиженія тѣхъ полу-рѣшеній, до которыхъ мы дошли и которыхъ вся важность состоитъ только въ томъ, что мы черезъ нихъ дошли до иныхъ вопросовъ, до новыхъ стремленій.

«Мы за народъ отбыли эту тягостную работу, мы поплатились за нее висѣлицами, каторжною работою, казематами, ссылкою, разореніемъ и нестерпимою жизнью, въ которой живемъ» *)...

И Герценъ произноситъ здѣсь, однимъ изъ первыхъ въ рядахъ русской интеллигенціи, не мистическую славянофильскую, а исполненную соціальнаго реализма формулу «возвращенія въ народъ», формулу, въ которой мы можемъ видѣть раннее выраженіе клича 70-хъ годовъ «идти въ народъ»: «Образованная Россія должна возвратиться къ народу». И, дѣйствительно, «самыя тяжкія времена распаденія проходятъ: развитое меньшинство встрѣчается съ народомъ тогда, когда оно вовсе того не ожидало». А эта встрѣча образованныхъ русскихъ, знакомыхъ съ соціалистической мыслью Запада и съ практическими трудностями ея осуществленія въ культурныхъ странахъ, и народа, сохранившаго формы первобытной общинности, эта встрѣча, по глубокому убѣжденію Герцена, дастъ возможность проявиться во всей силѣ «грядущей революціи» въ Россіи, «на болѣе родной почвѣ» и рѣшить основное противорѣчіе назрѣвающаго соціальнаго переворота:

«Государство и отдѣльная личность—власть и свобода—коммунизмъ и эгоизмъ (въ обширномъ смыслѣ слова), вотъ геркулесовы столбы великой борьбы, великой революціонной эпопеи. Европа даетъ рѣшеніе изуродованное и отвлеченное, Россія—изуродованное и дикое. Революція соединитъ ихъ» **).

Это соціальное народничество характерно для Герцена. Какъ бы ни былъ великолѣпенъ соціалистическій идеалъ, до котораго доработалась передовая мысль западной цивилизаціи, онъ, по мнѣнію Герцена, не можетъ осуществиться, если не будетъ соотвѣтствовать особенностямъ быта и потребностямъ массъ въ болѣе отсталой странѣ. Въ этомъ отношеніи Россія, которую такъ жестоко обдѣляла до сихъ поръ судьба, находится за то въ исключительно благопріятномъ положеніи. Нашъ мужикъ является инстинктивнымъ, но могучимъ носителемъ принциповъ будущаго общества. И здѣсь, этой своей вѣрой въ трудовое міросозерцаніе народа, Герценъ поднимается до трогательной высоты убѣжденія, до страстной любви къ русскому крестьянству, которое, какъ неоднократно же заявлялъ нашъ геніальный публицистъ, должно играть у насъ такую же революціонную роль, какую играютъ въ Западной Европѣ рабочіе большихъ центровъ. Особенно ярко эта глубокая и вмѣстѣ пламенная симпатія къ трудовымъ массамъ Россіи прорывается у

*) Ibid., стр. 278—279.
**) Ibid., стр. 283.

Герцена въ первые годы «Колокола», когда начинавшаяся «эпоха великихъ реформъ» и ожиданія освобожденія крестьянъ наполняли душу великаго эмигранта по истинѣ апокалипсическимъ трепетомъ чаянія новой земли и новыхъ небесъ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ, когда европейская реакція еще и не думала складывать своего оружія, отточеннаго на слѣдующій же день послѣ февральской революціи, противъ четвертаго сословія и его вожаковъ, Герценъ писалъ: «Представьте же себѣ то удивленіе, которымъ было поражено наше образованное меньшинство, когда оно, обращая съ отчаяньемъ взглядъ свой средь этого караблекрушенія, въ эту темную ночь, и, не находя нигдѣ ни совѣта, ни помощи, ни указанія, ни маяка, увидѣло какой-то тусклый свѣтъ, и этотъ свѣтъ мерцалъ отъ лучины—зажженной въ избѣ русскаго мужика!

«... Этотъ дикій, этотъ пьяный, въ бараньемъ тулупѣ, въ лаптяхъ, ограбленный, безграмотный, этотъ парій, котораго лучшіе изъ насъ хотѣли изъ милосердія оболванить, а худшіе продавали на свозъ и покупали по счету головъ, этотъ нѣмой, который въ сто лѣтъ не вымолвилъ ни слова и теперь молчитъ—будто онъ можетъ что нибудь внести въ тотъ великій споръ, въ тотъ нерѣшенный вопросъ, передъ которымъ остановилась Европа, политическая экономія, экстраординарные и ординарные профессора, камералисты и государственные люди??

«Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ онъ внести, кромѣ продымленнаго запаха черной избы и дегтя?

«Вотъ подите тутъ и ищите справедливости въ исторіи, мужикъ нашъ вноситъ не только запахъ дегтя, но еще какое-то допотопное понятіе о *правѣ каждаго работника на даровую землю*. Какъ вамъ нравится это? Положимъ, что еще можно допустить *право на работу*, но *право на землю*?

«А между тѣмъ оно у насъ гораздо больше, чѣмъ право, оно фактъ; оно больше, чѣмъ признано, оно существуетъ. Крестьянинъ на немъ стоитъ, онъ его мѣритъ десятинами и для него его право на землю естественное послѣдствіе *рожденія и работы*. Оно также несомнѣнно въ народномъ сознаніи, такъ же логически вытекаетъ изъ его понятія родины и необходимости существованія возлѣ отца, какъ право на воздухъ, пріобрѣтаемое дыханіемъ, вслѣдъ за отдѣленіемъ отъ матери.

«Право каждаго на пожизненное обладаніе землею до того вросло въ понятія народа русскаго, что, переживая личную свободу крестьянина, закабаленнаго въ крѣпость, оно выразилось, повидимому, безсмысленной поговоркой: *мы господскіе, а земля наша*.

«И это не все. Сверхъ признанія права каждаго на землю, въ народномъ бытѣ нашемъ есть другое начало, необходимо пополняющее первое, безъ котораго оно никогда не имѣло бы своего

полнаго развитія. Это начало состоитъ въ томъ, что земля, на пользованіе которою каждый имѣетъ право, съ тѣмъ вмѣстѣ не принадлежитъ *никому* лично и потомственно.

«Далѣе, *право на землю и общинное владѣніе* ею предполагаютъ сильное *мірское устройство,* какъ родоначальную базу всего государственнаго зданія, долженствующаго развиться на этихъ началахъ... Этотъ характеръ мірского управленія русскихъ деревень поразилъ Гакстгаузена, потомъ разныхъ американскихъ путешественниковъ и въ томъ числѣ извѣстнаго экономиста Каррея (Кэри. Н. Р.), который мнѣ самъ говорилъ, возвратясь изъ Россіи въ нынѣшнемъ году, „что въ мірскомъ началѣ нашихъ коммунъ лежитъ великая основа самоуправленія“.

«Итакъ, элементы, вносимые русскимъ крестьянскимъ міромъ— элементы стародавніе, но теперь приходящіе къ сознанію и встрѣчающіеся съ западнымъ стремленіемъ экономическаго переворота, состоятъ изъ трехъ началъ, изъ: 1. *Права каждаго на землю,* 2. *Общиннаго владѣнія ею,* 3. *Мірского управленія.* На этихъ началахъ и *только на нихъ* можетъ развиться будущая Русь» *).

Слѣдуетъ замѣтить, что третьему изъ этихъ началъ Герценъ придавалъ не меньшее значеніе, чѣмъ двумъ первымъ. Для него это третье начало было переходомъ отъ чистой экономики къ политикѣ. Именно идеализируя его, Герценъ (вмѣстѣ съ Огаревымъ) вызвалъ однажды страстную отповѣдь никого другого, какъ Бакунина, который возсталъ на издателей «Колокола» за ихъ, по его мнѣнію, неумѣренное восхищеніе русской общиной, выносившей— доказывалъ пламенный агитаторъ — цѣлые вѣка страшный гнетъ помѣщиковъ и правительства и выработавшей ужасающую мораль рабовъ. Эта идеализація становилась все замѣтнѣе и замѣтнѣе подъ перомъ Герцена по мѣрѣ того, какъ онъ терялъ вѣру въ соціалистическій исходъ европейскаго нестроенія и съ жаркимъ упованіемъ обращался къ Россіи, которая, по его глубокому убѣжденію, и осуществитъ ни за что не дававшійся Западу переворотъ на основѣ торжества труда.

Герценъ не ограничивался тѣмъ, что рядомъ съ лозунгомъ «земля» вдвигалъ въ психологію мужика лозунгъ «воля»,—этимъ онъ воспроизводилъ лишь начавшую становиться популярною въ самой Россіи среди наиболѣе революціонно настроенныхъ соціалистовъ формулу «Земля и Воля». Нѣтъ, забывая, сколько разъ онъ самъ, несмотря на свой энтузіазмъ передъ экономической стороной русской общины, сѣтовалъ на недостаточность развитія въ ней политическаго чувства, на подавленіе личности, расцвѣтавшей на почвѣ Запада, Герценъ разрисовывалъ черезчуръ розовыми крас-

*) Изъ „пятаго отрывка“ статей *Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе,* помѣщенныхъ въ №№ 53—59 „Колокола“ (1 октября 1859 г. и слѣд.). См. „Колоколъ“, стр. 191—192.

ками зародыши первобытной, патріархальной, искаженной вѣками угнетенія народной «воли».

Въ первой половинѣ 50-хъ годовъ Герценъ находилъ «долю правды» въ томъ мнѣніи, что «община поглощаетъ личность и что она несовмѣстна съ ея развитіемъ», ибо «всякій неразвитой коммунизмъ подавляетъ отдѣльное лицо». Но, съ другой стороны, онъ полагалъ, что «русская жизнь находила сама въ себѣ средства отчасти восполнять этотъ недостатокъ». Рядомъ съ «неподвижной и мирной деревней» она создала подвижную общину работниковъ: «артель», которая доказываетъ «естественное, безотчетное сочувствіе славянъ съ соціализмомъ; и «общиннаго дружинника, казака», который «не хотѣлъ знать никакого правительства, кромѣ своего выборнаго», принадлежа къ общинѣ «славянскихъ витязей, витязей мужиковъ, странствующихъ рыцарей чернаго народа» *).

Пятнадцать лѣтъ спустя, обращаясь на французскомъ языкѣ къ людямъ Запада въ «Колоколѣ», переставшемъ за недостаткомъ сочувствія выходить на русскомъ, Герценъ набрасываетъ слѣдующую оптимистическую картину сельской общины, которая, по его словамъ, всего нѣсколько лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ уже способствуетъ быстрому росту личности: «Недавніе факты показываютъ, что нѣтъ ничего несовмѣстимаго между началами (termes) общиннаго владѣнія и личной свободы. Грандіозное зрѣлище развертывается нынѣ бокъ о бокъ съ міромъ, который продѣлалъ всевозможные безплодные эксперименты, начиная съ фаланстера и Икаріи и вплоть до ассоціацій, организованныхъ на основѣ равенства. Сельская коммуна и индивидуумъ - поселянинъ сдѣлали въ Россіи гигантскіе шаги впередъ со времени 1861 г. Зачатокъ принципа самоуправленія, который былъ задавленъ полиціей и помѣщикомъ, все болѣе и болѣе высвобождается изъ пеленокъ и узъ; выборный элементъ пускаетъ корни, изъ мертвой буквы дѣлается реальностью. Староста (maire), сельскіе судьи, сельская полиція, все основано на выборахъ, и права крестьянина расширяются и уходятъ уже далеко за предѣлы общины. Онъ представляетъ ее въ губернскомъ земствѣ, въ судѣ присяжныхъ, и надо читать газеты, чтобы видѣть, какъ онъ принимается тамъ за дѣло. Онъ оправдываетъ, когда только можетъ, онъ оправдываетъ при всякомъ сомнѣніи и т. д.» **).

Но еще тремя годами раньше, еще говоря со своими соотечественниками, Герценъ уже разсматривалъ рѣшеніе соціальнаго вопроса при помощи русской общины, какъ рѣшеніе идеальное, дающее нѣкоторымъ существеннымъ требованіямъ личности даже большее удовлетвореніе, чѣмъ любой изъ предложенныхъ въ Западной

*) См. очеркъ *Крещеная собственность*; т. V „Сочиненій", стр. 238 — 239, passim.

**) Статья *Prolégomènes* въ „Kolokol", № 1 отъ 1 января 1868 и слѣд. „Колоколъ", стр. 715.

Европѣ соціалистическихъ плановъ: «Люди недовольны экономическими условіями труда, упроченнымъ неравновѣсіемъ силъ, ихъ потерей, рабствомъ работы, злоупотребленіемъ накопленныхъ богатствъ, но они

не хотятъ переѣзжать въ рабочія казармы,
не хотятъ, чтобъ правительство гоняло ихъ на барщину,
не хотятъ разрушать семьи и очага,
не хотятъ поступиться частной собственностью,

т. е. они хотятъ при обновленіи, при перерожденіи сохранить насколько возможно свою привычную жизнь, согласуя ее съ новыми условіями. На какихъ же разумныхъ основаніяхъ можно сдѣлать, согласить такія сложныя и противорѣчащія потребности? Въ этомъ то и задача, весь соціальный вопросъ такъ и становится, освобожденный отъ громовыхъ тучъ своихъ и молній.

«Есть-ли рѣшенья?.. Я взялъ на себя смѣлость, j'ai hasardé сказать, что одно изъ *дѣйствительныхъ* рѣшеній представляетъ русскій народный бытъ въ его современномъ развитіи. Бѣдное село наше, съ своей скромной общинной жизнью, съ своимъ общиннымъ землевладѣніемъ, наша черная Русь и крестьянская изба, невольно вырѣзываются на сценѣ, съ которой больше и больше исчезаютъ въ туманѣ—фаланстеры, Икаріи, національныя рабочія мастерскія, государственные подряды и пр.» *).

Такимъ образомъ, наше «бѣдное село» и наша «скромная общинная жизнь»—здѣсь у Герцена смиреніе паче гордости—оказываются способными рѣшить соціальный вопросъ, о который разбились всѣ попытки западно-европейской мысли. И какъ рѣшить? Отнюдь не касаясь частнаго производства, частной собственности и существующей семьи. Здѣсь Герценъ повертывался спиной къ коммунистическимъ и вообще коллективнымъ формамъ организаціи будущаго общества и видимо платилъ дань рѣзкому индивидуализму Прудона, который жестоко ополчался именно противъ положительныхъ плановъ соціализма съ его, какъ ему казалось, «государственной барщиной» и «рабочими казармами». Въ своей идеализаціи «черной Руси» и «крестьянской избы» Герценъ отказывался даже отъ той центральной, уравновѣшенной точки зрѣнія, на которой онъ обыкновенно стоялъ при обсужденіи задачи о коренной реформѣ производства и собственности: «артельной организаціи работъ». «Анархія по Прудону» увѣковѣчивала въ представленіи отца «русскаго соціализма» какъ разъ тѣ черты нашего деревенскаго уклада, съ которыми на самомъ-то дѣлѣ еще можно было примиряться, какъ съ отправнымъ пунктомъ развитія въ сторону общественной организаціи труда, но въ которыхъ отнюдь

---

*) *Письма къ путешественнику* (№№ 197—203 „Колокола", отъ 25 мая 1865 г. и слѣд.); „Колоколъ", стр. 566 (письмо четвертое).

нельзя было видѣть окончательнаго и образцоваго строя человѣческаго общежитія.

Вліяніе Прудона на Герцена было гораздо плодотворнѣе въ области внѣшнихъ политическихъ задачъ, поставляемыхъ исторіей передъ тогдашней Россіей. Герценъ былъ горячимъ приверженцемъ „федерализма" и жестокимъ врагомъ «централизаціи». Онъ съ особеннымъ сочувствіемъ подчеркивалъ тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ Прудонъ критиковалъ централистическія замашки соціалистовъ - государственниковъ и пропагандировалъ свободный союзъ различныхъ человѣческихъ группировокъ.

Еще въ письмѣ къ Мишле Герценъ приписывалъ славянамъ тяготѣніе къ такому роду политическаго сожительства. «Централизація—утверждалъ онъ—противна славянскому духу; федерализація гораздо свойственнѣе его характеру. Только сгруппировавшись въ союзъ свободныхъ и самобытныхъ народовъ, славянскій міръ вступитъ, наконецъ, въ истинно-историческое существованіе. Историческія государственныя формы, въ которыхъ жили славяне, не соотвѣтствовали внутренней національной потребности ихъ, потребности неопредѣленной, инстинктивной, если хотите, но тѣмъ самымъ заявляющей необыкновенную жизненность и много обѣщающей въ будущемъ»*).

И этотъ болѣе или менѣе теоретическій взглядъ Герценъ вполнѣ послѣдовательно примѣнялъ къ самымъ жгучимъ практическимъ проблемамъ, не отступая даже передъ грозной для всякаго убѣжденнаго публициста перспективой потерять вліяніе на своихъ читателей-друзей, на своихъ политическихъ единомышленниковъ. Это ярко выразилось въ той позиціи, какую занялъ Герценъ въ польскомъ вопросѣ и до, и послѣ глубоко печальнаго, глубоко трагическаго столкновенія Польши и Россіи. Въ концѣ 50-хъ годовъ Герценъ, обращаясь къ автору одной польской брошюры о дѣятельности вольного русскаго станка въ Лондонѣ, заявляетъ вполнѣ опредѣленно: «Польша, какъ Италія, какъ Венгрія, имѣетъ *неотъемлемое, полное* право на государственное существованіе, *независимое* отъ Россіи. Желаемъ ли мы, чтобы свободная Польша отторглась отъ свободной Россіи, это другой вопросъ. Нѣтъ, *мы этого не желаемъ*, и можно ли этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды составляютъ одну изъ главныхъ плотинъ, удерживающихъ общечеловѣческое свободное развитіе. Глубоко ненавидя всякую централизацію, я убѣжденъ, что соплеменныя федерализаціи даютъ среду государственную несравненно болѣе широкую, чѣмъ раздробленіе одного рода на отдѣльныя части. Федеральное соединеніе должно быть вольнымъ даромъ; Россія не имѣетъ правъ на Польшу, она должна *заслужить* то, что взяла насильно; она должна *загладить*

---

*) *Русскій народъ и соціализмъ*; т. V „Сочиненій", стр. 184.

то, что сдѣлали ея руками, и, если Польша не хочетъ этого союза, мы можемъ скорбѣть, можемъ не соглашаться съ ней, но не предоставить ей воли мы не можемъ, не отрекаясь отъ всѣхъ основныхъ убѣжденій нашихъ»*).

А въ самый разгаръ кроваваго подавленія польскаго возстанія войсками старой, оффиціальной Россіи, Герценъ писалъ, обращаясь къ «людямъ, смѣшивающимъ родственную любовь къ своему народу съ готовностью безсмысленно повиноваться всякому правительству»: «Мы съ Польшей, потому что мы за Россію. Мы со стороны Польши, потому что мы русскіе. Мы хотимъ независимости Польши, потому что мы хотимъ свободы Россіи. Мы съ поляками, потому что одна цѣпь сковываетъ насъ обоихъ. Мы съ ними, потому что твердо убѣждены, что нелѣпость имперіи, идущей отъ Швеціи до Тихаго океана, отъ Бѣлаго моря до Китая—не можетъ принести блага народамъ, которыхъ ведетъ на смычкѣ Петербургъ... *Да, мы противъ имперіи, потому что мы за народъ*!»**)

Эта вѣрность федеративнымъ убѣжденіямъ въ дни кроваваго кошмара дѣлаетъ тѣмъ большую честь Герцену, что въ польскомъ вопросѣ онъ сталъ на совершенно иную точку зрѣнія, чѣмъ его учитель федерализма и вдохновитель Прудонъ, который,—было бы отвлеченіемъ въ сторону объяснять, по какимъ причинамъ,—бросилъ въ лицо героически защищавшейся Польшѣ свирѣпый упрекъ, что она «не хочетъ и не умѣетъ умирать».

Читателю, можетъ быть, покажется парадоксомъ, если мы скажемъ, что политическій оппортунизмъ, обнаруженный Герценомъ въ «эпоху великихъ реформъ», особенно въ первые годы ея, годы не столько мизернаго выполненія, сколько радужнаго чаянія коренныхъ преобразованій, объясняется въ немалой степени опять-таки его тяготѣніемъ къ анархическимъ идеаламъ, развивавшимся съ такой энергіей и страстью Прудономъ. Говоримъ «въ немалой степени», ибо вопросъ этотъ сложнѣе и нуждается въ кой-какихъ дополненіяхъ. Но прежде всего напомнимъ, въ чемъ заключается упомянутый оппортунизмъ.

Суть его состояла—и въ этомъ особенно обвиняли Герцена крайніе соціалисты и демократы молодой Россіи—въ томъ, что онъ могъ мириться съ самодержавіемъ и даже видѣлъ въ немъ цѣлесообразный органъ осуществленія реформъ, а къ самому носителю неограниченной власти, императору Александру II, въ теченіе довольно долгаго времени, несмотря на грубые факты, разрушавшіе иллюзіи, относился съ симпатіей, порой чуть не съ энтузіазмомъ, столь ярко выразившимся, напр., въ исторической фразѣ: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ». Мы знаемъ, что и вообще

---

*) *Россія и Польша* (№№ 32—37 „Колокола“ отъ 1 января 1859 и слѣд.): „Колоколъ“, стр. 95.

**) „Колоколъ“ (№ 160 отъ 1 апрѣля 1863); стр. 385.

Герцена раздражала та принципіальная оппозиція правительству, на почву которой (насколько это возможно было для легальнаго изданія) «Современникъ» сталъ еще въ концѣ 50-хъ годовъ и, стоя, жестоко выслѣживалъ умѣренный и аккуратный либерализмъ, восторгавшійся реформаціоннымъ пыломъ нашихъ верховъ. Извѣстно и то столкновеніе двухъ точекъ зрѣнія и двухъ тактикъ, которое со стороны Герцена выразилось въ несправедливыхъ нападкахъ на «свистуновъ» и «желчевиковъ» изъ «Современника» и которое не было совсѣмъ устранено и свиданіемъ Чернышевскаго съ Герценомъ въ Лондонѣ.

Какъ бы то ни было, политической линіи поведенія Герцена нельзя, конечно, объяснять ни желаніемъ выслужиться, ни какимъ-либо традиціоннымъ предубѣжденіемъ въ пользу монархіи. Великій русскій эмигрантъ былъ слишкомъ крупною историческою фигурою и черезчуръ независимымъ въ своихъ общественныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ человѣкомъ, чтобы можно было поставить хотя бы въ самую отдаленную связь сравнительно умѣренныя требованія, которыя онъ предъявлялъ императорскому реформизму, и его личныя побужденія или рутинные предразсудки.

Наоборотъ, станьте на точку зрѣнія анархіи. Для Герцена—прудониста, для Герцена—анархиста скептическое отношеніе къ единоспасательности тѣхъ или иныхъ политическихъ формъ или, лучше сказать, ко всякой правительственной организаціи было совершенно естественнымъ, мало того, послѣдовательнымъ выводомъ изъ общаго взгляда на природу власти. Но именно этотъ политическій скептицизмъ и давалъ возможность Герцену снисходительно относиться къ тому, что ему казалось оболочкой, внѣшностью, лишь бы подъ этими пестрыми покровами могло развиваться соціальное зерно. Или, какъ по обыкновенію картинно и ярко выражается Герценъ: «не смѣшно ли человѣку второй половины XIX столѣтія, вынесшему на своихъ плечахъ, стоптавшему своими ногами столько правительственныхъ формъ, однихъ бояться, передъ другими идолопоклонствовать? Форма, какъ ее разумѣютъ на языкѣ военныхъ приказовъ—«мундиръ», и онъ поневолѣ прилаживается къ живому содержанію... а не прилаживается, такъ внутри слабо и пусто. Поправляйте живое тѣло—мундиръ непремѣнно лопнетъ, если узокъ. И будьте увѣрены, что нѣтъ ни очень хорошихъ, ни безусловно скверныхъ мундировъ. Для насъ мѣщанская камера народныхъ представителей, не представляющая народа, также противна, какъ правительствующій сенатъ, ничѣмъ не правящій»*).

Въ сущности, въ этомъ разсужденіи Герцена заключается большой обломокъ того колоссальнаго недоразумѣнія, подъ бременемъ котораго погибъ прудонизмъ, какъ тактика: «политическая революція есть цѣль, соціальная революція есть средство». Если, молъ,

*) „Колоколъ", стр. 659—660 (№ № 233—234, 1867 г.).

хотите, разорвать или снять неудобный мундиръ, то упражняйте тѣло, пока оно естественнымъ развитіемъ своихъ мускуловъ не заставитъ расползтись одежду. Но что, если мундиръ представляетъ собою горячечную рубашку, надѣтую силою на вполнѣ здороваго человѣка, котораго корыстные враги хотятъ удержать во что бы то ни стало въ домѣ умалишенныхъ, чтобы пользоваться его имуществомъ? А такимъ «мундиромъ» и было самодержавіе, которое подъ предлогомъ незрѣлости и неполной вмѣняемости народа держало всю Россію въ угнетеніи и какъ разъ не позволяло ей ни свободно развиваться, ни на просторѣ упражнять свои силы. Какъ бы то ни было, Герценъ, увлекавшійся либеральными аллюрами правительства Александра II, — которое, несмотря на характерные зигзаги и топтанье на мѣстѣ, составляло контрастъ съ николаевскимъ режимомъ,—въ теченіе, по крайней мѣрѣ, шести лѣтъ съ безкорыстнымъ сочувствіемъ слѣдилъ за дѣйствіями «формы», особенно когда она принялась за выращиваніе соціальнаго зерна: освобожденіе крестьянъ. И много нужно было Герцену испытать жестокихъ разочарованій, начиная свирѣпой расправой съ Польшей и кончая общей реакціонной вакханаліей, быстро усиливавшейся съ 1862 г., чтобы изъ звона «Колокола» совершенно исчезли звуки радостнаго благовѣста.

Мы сказали, впрочемъ, нѣсколько выше, что вопросъ объ оппортунизмѣ Герцена не можетъ цѣликомъ рѣшаться на основаніи его внутренней тяги къ анархизму, облегчавшему ему возможность обходиться безъ принципіальнаго отрицанія именно той или иной политической формы, хотя бы даже самодержавія, а скептически относиться ко всѣмъ. Кромѣ этого отрицательнаго стимула, былъ еще положительный. Жизнь въ Англіи, гдѣ совокупность различныхъ историческихъ причинъ давала со второй половины XIX столѣтія рѣшительный перевѣсъ эволюціоннымъ стремленіямъ надъ революціонными, оказала свое дѣйствіе на чуткаго Герцена, у котораго боевой и при томъ республиканскій соціализмъ 1848 г. значительно поблѣднѣлъ при видѣ реакціи, быстро разыгравшейся за ликвидаціей февральско-мартовскаго движенія на континентѣ Европы. Въ уже цитированномъ нами письмѣ къ поляку читаемъ такую исповѣдь Герцена: «Бывало, я это очень помню, при одномъ словѣ *республика* билось сердце, а теперь, послѣ 1849, 50, 51 г., слово это возбуждаетъ столько же надежды, сколько и сомнѣній. Развѣ мы не видали, что республика съ правительственной иниціативой, съ деспотической централизаціей, съ огромнымъ войскомъ, гораздо меньше способствуетъ свободному развитію, чѣмъ англійская монархія безъ иниціативы, безъ централизаціи? Развѣ мы не видали, что французская *демократія*, т. е. равенство въ рабствѣ, самая близкая форма къ петербургскому самовластью?» *).

*) *Россія и Польша*; „Колоколъ", стр. 87.

Уже раньше мы видѣли, что у Герцена стремленіе къ мирному рѣшенію соціальнаго вопроса стало въ послѣдніе годы его жизни однимъ изъ основныхъ требованій его общаго міровоззрѣнія. Пусть читатель припомнитъ его разсужденія въ перепискѣ со «Старымъ товарищемъ». Но въ частности, по отношенію къ Россіи мирная эволюція подчеркивалась имъ еще въ тѣ времена, когда у него не прошла окончательно вѣра въ близость революціоннаго переворота на вулканической почвѣ Европы.

Въ одномъ изъ писемъ къ Линтону (1854) Герценъ проводитъ, напр., такой контрастъ между востокомъ и западомъ Европейскаго континента: «Соціализмомъ—революціонная идея можетъ у насъ сдѣлаться народною. Въ то время, какъ въ Европѣ соціализмъ принимается за знамя безпорядка и ужасовъ, у насъ, напротивъ, онъ является радугой, пророчащей будущее народное развитіе» *). Три года спустя (въ 1857) Герценъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ постановку въ Россіи соціальнаго вопроса: «Эпоха, въ которую Россія вступаетъ теперь, необыкновенно важна; вмѣсто небольшихъ политическихъ реформъ, для которыхъ мы не опытомъ, а умомъ слишкомъ стары, мы стоимъ лицомъ къ лицу съ огромнымъ *экономическимъ* переворотомъ, съ освобожденіемъ крестьянъ. И это не все, вопросы наши такъ поставлены, что они могутъ быть разрѣшены общими соціально-государственными мѣрами безъ насильственныхъ потрясеній. Мы призваны перебрать права поземельнаго владѣнія и отношеній работника къ орудію работы,—не есть ли это торжественное вступленіе въ будущій возрастъ нашъ?» **)

Въ предисловіи ко второму изданію «Писемъ изъ Франціи и Италіи» (1858), когда въ пробуждавшейся Россіи уже подготовлялось освобожденіе крестьянъ, Герценъ прямо убѣждалъ робкихъ соотечественниковъ не смущать себя перспективой русской революціи, отъ которой мы, молъ, ограждены нашими аграрными отношеніями: «Полноте бояться, успокойтесь, на нашемъ полѣ есть громоотводъ—*общинное владѣніе землею*» ***).

А въ «Колоколѣ» эта мысль о мирномъ, въ извѣстномъ смыслѣ консервативномъ, характерѣ русскаго соціальнаго вопроса развивается безконечное число разъ. Укажу хотя бы на слѣдующее очень выпуклое мѣсто: «Въ гоненіи на соціализмъ, поднятомъ у насъ въ подражаніе Западу, есть что-то неимовѣрно безсмысленное и тупоумное, трусливое и невѣжественное. Европа боялась соціальнаго переворота потому, что онъ былъ страшенъ для нея; встрѣтивъ суровый отпоръ, онъ шелъ путемъ отчаянія и насилія

*) *Старый міръ и Россія*; т. V „Сочиненій", стр. 289.

**) *Еще варіація на старую тему* (*Письмо къ...*); т. X „Сочиненій", стр. 292—293.

***) „Сочиненія", т. IV, стр. 126.

на разрушеніе узкаго, но вѣками слѣпленнаго и привычнаго государственнаго устройства. У насъ *этотъ бытъ* не привыченъ, у насъ онъ чужой; гдѣ же, въ чемъ вредъ, причиненный Россіи соціализмомъ, или чѣмъ можетъ онъ повредить ей? Развѣ освобожденіе крестьянъ *съ землею* не *соціальный переворотъ*? Развѣ общинное владѣніе и право на землю *не соціализмъ* (какъ тамъ себѣ ни голоси наши славянофильскія кликуши)? Ненависть къ соціализму крѣпостника, оплакивающаго землю свою и барщину свою, понятна, такъ, какъ понятенъ былъ страхъ откупщика, боявшагося отмѣны откупа; но нашихъ теоретическихъ, литературныхъ враговъ соціализма нельзя понять» *).

Да и вообще Герценъ съ особой энергіей возставалъ противъ примѣненія насильственныхъ пріемовъ и «террора» (принимая это слово въ широкомъ, а не спеціальномъ смыслѣ) именно въ Россіи, полагая, что у насъ дѣло складывается не на революціонный ладъ. Такъ, обращаясь въ самомъ началѣ правительственной реакціи къ «Молодой Россіи», онъ пишетъ: «Она думаетъ, что „мы потеряли всякую вѣру въ насильственные перевороты“. Не вѣру въ нихъ мы потеряли, *а любовь къ нимъ*. Насильственные перевороты бываютъ неизбѣжны... но выкликать ихъ въ началѣ рабочаго дня, не сдѣлавъ ни одного усилія, не истощивъ никакихъ средствъ, останавливаться на нихъ съ предпочтеніемъ, намъ кажется такъ же молодо и незрѣло, какъ *неразсчетливо и вредно* пугать ими... Терроръ революцій съ своей грозной обстановкой и эшафотами нравится юношамъ такъ, какъ терроръ сказокъ съ своими чародѣями и чудовищами нравится дѣтямъ... Мы давно разлюбили обѣ чаши, полныя крови, штатскую и военную, и равно не хотимъ ни пить изъ черепа нашихъ боевыхъ враговъ, ни видѣть голову герцогини Ламбаль на пикѣ... Французскій терроръ всего менѣе возможенъ у насъ...

«Да и обстоятельства совершенно иныя... У насъ нѣтъ ни новыхъ догматовъ, ни новыхъ катехизисовъ для оглашенія. Нашъ переворотъ долженъ начаться съ сознательнаго возвращенія къ народному быту, къ началамъ, признаннымъ народнымъ смысломъ и вѣковымъ обычаемъ... А потому оставьте революціонную риторику и займитесь дѣломъ. Соединяйтесь плотнѣе между собой, чтобъ вы были сила, чтобъ вы имѣли единство и организацію, соединяйтесь съ народомъ, чтобъ онъ забылъ вашъ отколъ; проповѣдуйте ему не Фейербаха, не Бабефа, а понятную для него *религію земли*... и будьте готовы. Придетъ роковой день, станьте грудью, лягте костьми, но не зовите его, какъ *желанный день*. Если солнце взойдетъ безъ кровавыхъ тучъ, тѣмъ лучше, а

---

*) *Письма къ путешественнику* (№№ 197—203 „Колокола“ отъ 25 мая 1865 и слѣд.); „Колоколъ“, стр. 562.

будетъ ли оно въ мономаховой шапкѣ или въ фригійской—все равно» *).

И даже послѣ жесточайшаго припадка правительственной и общественной, оффиціальной и добровольной реакціи 1866 г. Герценъ, продолжая развивать прежнюю точку зрѣнія, говоритъ: «Мысль о переворотѣ безъ кровавыхъ средствъ намъ дорога, все, что было говорено противоположнаго о насъ, такое же вранье, какъ то, что *мы* увѣряли поляковъ, что Россія была готова къ возстанію въ 1862 г. Въ ней, впрочемъ, не было ничего фантастическаго; въ русской жизни нѣтъ тѣхъ непримиримыхъ, упорныхъ, взаимно уничтожающихъ силъ, которыя вели западную жизнь отъ одного кроваваго конфликта къ другому. Если такая непримиримость существовала, то это между крестьяниномъ и помѣщикомъ, но она-то первая и разрѣшилась мирно, и разрѣшилась бы вовсе безъ крови, если бъ трусливое правительство и враждебные къ крестьянскому дѣлу исполнители его—не натянули ее безъ нужды» **).

Къ этому совершенно искреннему предпочтенію мирныхъ средствъ насильственнымъ,—при чемъ Герценъ не всегда, можетъ быть, вѣрно оцѣнивалъ остроту положенія въ Россіи,—слѣдуетъ добавить еще одну черту великаго эмигранта. Не будучи правовѣрнымъ ученикомъ-прудонистомъ, онъ не могъ доходить до такой односторонней теоріи и вытекающей изъ нея тактики экономизма, какая порою достигала геркулесовыхъ столбовъ подъ могучимъ и страстнымъ перомъ его вдохновителя — Прудона, особенно въ періодъ, послѣдовавшій за разгромомъ февральской революціи. Герценъ, можетъ быть, цѣною нѣкоторой непослѣдовательности (см. выше, гл. III) придавалъ зачастую очень большое значеніе политическимъ и культурнымъ моментамъ и съ живой симпатіей, не исключавшей даже преувеличеній, слѣдилъ за каждымъ самомалѣйшимъ шагомъ впередъ русской власти и русскаго общества. Здѣсь, именно на этой почвѣ, онъ сходился нерѣдко съ либералами и прогрессистами, вызывая упреки со стороны революціонно настроенныхъ соціалистовъ въ излишней постепеновщинѣ. Это, впрочемъ, не мѣшало ему рядомъ съ признаніемъ относительнаго значенія самыхъ крошечныхъ, порою двусмысленныхъ начинаній, выдвигать свое собственное рѣшеніе вопроса. Но у него была несомнѣнная склонность благожелательно отмѣчать все, что могло, по его мнѣнію, способствовать хоть самому легкому поступательному движенію страны.

Мы не говоримъ уже о требованіяхъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, введенія гласнаго суда, установленія свободы слова: тутъ съ нимъ сходились даже крайніе революціонеры. Но Герценъ при-

*) „Колоколъ“ (№ 141 отъ 15 августа 1862), стр. 343—346, passim.
**) „Колоколъ“, стр. 660 (№№ 233—234, 1867 г.).

вѣтствовалъ, напр., и попытку крупныхъ русскихъ (петербургскихъ) дворянъ добиться олигархической конституціи въ серединѣ 60-хъ годовъ, забавно называя этотъ шагъ «прививкой конституціонной оспы»: «Вмѣсто Земскаго Собора, Земской Думы, потребовали Думу боярскую, явилась попытка жмудскихъ нормановъ и татарскихъ бароновъ, сто лѣтъ тому назадъ избавленныхъ Петромъ Ѳедоровичемъ отъ тѣлесныхъ наказаній и выросшихъ теперь до требованій временъ крестовыхъ походовъ — ограничить бѣлой, дворянской кровью царскій произволъ. Бѣды нѣтъ, успѣхъ невозможенъ, а за починъ имъ спасибо... Словомъ, вреда никакого, а путь указанъ, слово произнесено, печать молчанія сломана—не въ главномъ заведеніи, въ которомъ все подпечатываютъ, а всенародно, въ дворянскомъ собраніи» *).

Политическимъ же идеаломъ самого Герцена, выставившаго его въ письмѣ къ Гарибальди, было «созваніе собора безсословнаго, всенароднаго, безъ различія вѣроисповѣданій, съ предоставленіемъ *каждому избирать каждаго*», собора, въ которомъ Герцену казалось особенно желательнымъ присутствіе «старообрядцевъ», составлявшихъ, по его мнѣнію, «самую энергическую, здоровую часть огромнаго земледѣльческаго населенія Россіи» и имѣвшихъ миссію «принести на общій совѣтъ народную идею, народный геній, преданіе, бытъ и обычай», тогда какъ «смѣшанная среда» образованныхъ людей принесла бы «идею современной науки» **).

Выдвигать свой идеалъ, но привѣтствовать малѣйшее проявленіе реформистскихъ тенденцій наверху и въ обществѣ—такова была линія поведенія «русскаго соціализма» Герцена въ вопросахъ тактики, его своеобразная оппозиція Его Величества, въ непониманіи которой Герценъ упрекалъ своихъ противниковъ и справа, и слѣва: «Наше простое отношеніе къ правительству не хотѣли понять ни доктринеры вѣрноподданничества, ни пуритане демагогіи. Оппозиціонный характеръ нашей пропаганды, такъ точно, какъ и обличительный, составлялъ для насъ одну изъ практическихъ необходимостей, а не цѣль, не основу; твердые въ нашей вѣрѣ, мы не боялись никакого *мірщенья* и, легко мѣняя оружіе, продолжали ту же битву. Сбиться съ дороги было для насъ невозможно» ***).

Такимъ образомъ, повидимому, противорѣчивыя стремленія анархизма, съ одной стороны, эволюціоннаго пониманія исторіи и культурно-политической жилки—съ другой, образовали своимъ переплетеніемъ почву, на которой могла создаваться и крѣпнуть оппортунистическая тактика Герцена, особенно умѣстная, какъ казалось ему, въ примѣненіи къ Россіи.

*) „Колоколъ" (№ 195 отъ 1 марта 1865), стр. 544.
**) „Колоколъ" (№ 177 отъ 15 января 1864), стр. 459.
***) „Колоколъ", стр. 659 (№№ 233—234, 1867 г.).

Этимъ мы можемъ закончить очеркъ соціально-политическихъ воззрѣній Герцена, по крайней мѣрѣ, въ существенныхъ вопросахъ теоріи и практики. Намъ хотѣлось бы надѣяться, что, несмотря на неполноту этой журнальной статьи, въ ней есть достаточно указаній для того, чтобы читатель могъ оріентироваться въ главнѣйшихъ мысляхъ Герцена и выяснить для себя ихъ смыслъ въ связи съ западно-европейскимъ соціализмомъ и въ зависимости отъ условій русской среды, преломлявшихся въ геніальномъ умѣ родоначальника «русскаго соціализма».

Во всякомъ случаѣ, кончая этотъ этюдъ, авторъ испытываетъ чувство неудовлетворенности, котораго нельзя устранить соображеніями объ относительной полезности хотя бы и очень несовершенной работы. А именно, приходится горько сожалѣть, что, можетъ быть, порою остались нецитированными еще болѣе удачныя формулировки мыслей Герцена, чѣмъ тѣ, которыя найдетъ здѣсь читатель. Но Герценъ писалъ всегда такъ ярко и такъ разнообразно, что отъ этого сожалѣнія вамъ не отдѣлаться ни въ какомъ случаѣ: иначе пришлось бы сдѣлать въ десять разъ больше выдержекъ. Порою рѣшительно не знаешь, какое выраженіе идеи предпочесть. И, если останавливаешься на той или другой формулировкѣ Герцена, то почти наудачу, ослѣпленный новизною и блескомъ деталей, съ какими одна и та же основная аргументація развивается въ сотый разъ этимъ чародѣемъ мысли и слова...

Н. С. Русановъ.

ОТРАДА.

Пришелъ Соболь. Голосъ его подъ окномъ:

— Пожалуйте вставать, баринъ. Пора. Звонятъ... Надо хочь къ обѣднѣ, чтобы честь честью... По крайней мѣрѣ, у всенощной не были, хочь къ обѣднѣ...

Не открывая окна, отзываюсь:

— Сію минуту, Соболь!

— Ничего не составляетъ, мы обождемъ,—предупредительнымъ тономъ отвѣчаетъ за окномъ голосъ Соболя.

Соболь—мѣстный чичероне. Господа, отдыхающіе отъ городской жизни въ здѣшнемъ уголкѣ, пользуются его разнообразными услугами. Я вчера условился съ нимъ вмѣстѣ идти на престольный праздникъ въ „мужицкую" Отраду. Дачи расположены на территоріи господской Отрады, а мужицкая—за боромъ, верстахъ въ трехъ. Дачъ всего четыре. Поэтому господъ въ Отрадѣ немного, но, какъ всегда бываетъ въ нѣсколько тѣсномъ мѣстѣ, гдѣ сначала познакомятся, а потомъ раззнакомятся, есть глухая рознь. Соболь играетъ роль отчасти какъ бы нѣкоего цемента, отчасти освѣдомительнаго бюро. Всѣмъ онъ одинаково нуженъ и не нуженъ. Съ искусствомъ опытнаго дипломата распредѣляетъ онъ между господами свои услуги и, разумѣется, безъ промедленія всѣхъ обложилъ соотвѣтствующей данью.

Выхожу на террасу. Ахаю отъ удивленія: неужели солнце? Такъ рѣдко оно здѣсь въ этомъ году... Такъ свыкся глазъ съ водянисто-сѣдой, дрожащей, шелестящей сѣткой, которая ежедневно выливаетъ на грязную землю ненужныя слезы неба. Нѣжная лазурь, жаркое солнце, зеленыя кружевныя тѣни въ бору забыты, какъ милыя дѣтскія грезы...

И вотъ неожиданно—голубой клочекъ надъ боромъ. Теплый свѣтъ трепещущихъ лучей ткетъ и играетъ на мягко закругленныхъ вершинахъ лѣса, на мокрой зелени клевернаго поля. Почернѣвшія копна клевера горятъ брилліантами, и незнакомой красотой изумляетъ издали сквозистая

колоннада сосенъ. У жидкой, коричнево-черной дороги кокетливо сверкаетъ бѣломраморный стволъ березки, а ободранный пень ветлы, на поворотѣ въ усадьбу, на самой опушкѣ, похожъ теперь на празднично-одѣтаго мужичка: чистая бѣлая рубаха, полосатыя штаны, на плечи накинулъ новую черно-бурую сермягу,—стоитъ свѣтлый и радостный. Весело подмигиваетъ: праздникъ, молъ... покуримъ, выспимся... Стоитъ и слушаетъ плывущій изъ-за лѣса звонъ колокола, мягко пѣвучій и медленно тающій. Стоитъ, поглядываетъ въ бездонную глубь неба и шлетъ ему пріятельскую, ясную улыбку...

Вотъ и Соболь—во всей своей живописной красотѣ, босой, безъ шапки, та же рубаха и тѣ же порты, кажется, за все лѣто ни разу не смѣнявшіеся. Лицо — не унывающее, пріятное, особой славянской ласковой мягкостью: конечно, курносъ, пышная, нечесаная шевелюра, свѣтлая бородка, въ сѣрыхъ глазахъ искорка лукаво-добродушнаго комизма. Ростомъ не великъ, сложенъ непрочно, узкогрудъ. Чувствуется что-то артистическое въ узкихъ, небольшихъ рукахъ, черныхъ и не рабочихъ. Гармонистъ и балалаечникъ, но инструменты давно пропилъ.

— А шапка?—спрашиваю я.

Вѣроятно, въ вопросѣ моемъ есть нѣчто, смущающее Соболя. Преданный, исполненный всяческой готовности взглядъ, какимъ онъ меня встрѣтилъ, какъ-то сразу застилается, уходитъ въ сторону, смущенно шмыгаетъ по полу террасы.

— Видите, какое вышло дѣло, баринъ... Сейчасъ я вамъ объясню...

— Не купилъ?

— Потому что вчерашняго дня торговли настоящей не было... Подторжье у насъ называется... Самый торжокъ онъ нынче живетъ, съ обѣдни...

— Но деньги-то... деньги цѣлы? Вѣдь ты полтину на картузъ выпросилъ!..

— Видите, какое дѣло вышло... Заложился я съ однимъ тутъ объ одномъ сапогѣ...

— Пропилъ, значитъ,—говорю я безнадежно, со спокойной ясностью отчаянія и падаю духомъ. Не потому, что жалко полтины, которую выпросилъ Соболь на шапку, а потому, что обидно „свалять дурака", ибо Соболь въ двадцатый разъ подрываетъ мою вѣру въ россійскаго человѣка, въ твердость его слова, обѣщаній, клятвъ, крестнаго знаменія и призыванія Бога въ свидѣтели.

— А божился...—говорю я подавляюще обличительнымъ тономъ:—гдѣ же у тебя Богъ? Не былъ и нѣтъ его у тебя!

— Какъ нѣтъ?.. У Соболя Богъ есть...

Съ особой, шутовской серьезностью, которою онъ привыкъ потѣшать господъ, Соболь проворно вывернулъ потемнѣвшій мѣдный крестъ изъ-за пазухи.

— Вотъ вамъ... крестъ животворящій... И на немъ написано даже: да воскреснетъ Богъ и да разыдутся враги его... Вотъ...

Онъ постучалъ пальцемъ по кресту и побѣдоносно-яснымъ взглядомъ поглядѣлъ на меня.

— Подлецъ ты, Соболь. Больше я тебѣ ни въ чемъ не вѣрю. Лгунъ. Потерянный человѣкъ!..

Соболь съ нѣкоторымъ сокрушеніемъ склоняетъ взлохмаченную голову и покорно разводитъ руками.

— Что-жъ подѣлаете, такое дѣло вышло...—начинаетъ онъ оправдываться нѣсколько менѣе увѣреннымъ тономъ:—Заложился съ Иванъ Васильевымъ объ одномъ сапогѣ. Говорится: спорь, сколько хошь, а не закладывайся. Проспорилъ вѣдь, ежъ твою семнадцать рукавицъ!.. Онъ говоритъ: „вотъ починку починилъ, выпить охота, да заказчикъ нейдетъ". Я говорю:—и не придетъ!—„Долженъ придтить"...—Не придетъ!—„Давай объ чемъ заложимся, что придетъ!"—Давай! хошь на двадцать копѣекъ?—„Ладно",—говоритъ:—„только какъ у меня денегъ нѣтъ, я сапогъ заложу, что онъ явится"... Заложились. Хлопъ, а онъ на лошадѣ явился къ вечеру, ежъ твою семнадцать рукавицъ! Заказчикъ эстотъ... Такъ и пропили: моихъ 20 копѣекъ, потомъ Иванъ Васильева двадцать... А послѣ, какъ хватили ерша, опять мои тридцать копѣекъ пошли...

Дѣло въ томъ, что вопросъ о шапкѣ Соболя уже двѣ недѣли является предметомъ горячаго обсужденія, споровъ, клятвенныхъ обѣщаній, кредитныхъ операцій и роковыхъ сцѣпленій обстоятельствъ, отвлекающихъ займы къ нежелательному употребленію. Старый картузъ Соболя попалъ на дно рѣчное. И при обстоятельствахъ, въ сущности нелѣпыхъ.

Г. Бенземанъ, одинъ изъ дачниковъ, представитель торговаго дома „Стерилизаторъ", былъ страстный охотникъ въ душѣ и имѣлъ „ирландскаго" сеттера Кайзера, собаку необычайно благородныхъ кровей и необычайныхъ качествъ, по его словамъ. Ружья у г. Бенземана не было, потому что нѣжная супруга его, опасаясь несчастія отъ неосторожнаго обращенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, не разрѣшала держать въ домѣ даже монте-кристо. Не выходя изъ супружескаго подчиненія, г. Бенземанъ вооружался обыкновенной тростью и въ сопровожденіи Кайзера бродилъ цѣлыми днями по берегу рѣки, по бору, по болотамъ. И, конечно,

Соболь, изучившій весь боръ, какъ свои карманы, въ совершенствѣ знавшій жизнь птицъ и звѣрей, чувствовавшій травъ прозябанье,—первое время неизмѣнно сопутствовалъ г. Бенземану, велъ съ нимъ безконечные охотничьи разговоры, дѣлалъ компетентныя указанія и былъ горячо преданъ—до тѣхъ поръ, впрочемъ, пока не прекратилась выдача авансовъ.

Соболь обыкновенно поступалъ такъ со всѣми по очереди: сначала „охаживаетъ", выказываетъ самую искреннюю, подкупающую преданность, потомъ выпрашиваетъ двугривенные подъ грибы, подъ малину, подъ капусту; потомъ, когда сумма надѣланныхъ долговъ принимаетъ безнадежные размѣры, вдругъ исчезнетъ. Это значитъ, перенесъ симпатіи еще на кого-нибудь, охаживаетъ другого. Но когда, по его соображеніямъ, его долговыя обязательства должны были быть преданы забвенію, онъ снова появлялся съ открыто преданнымъ лицомъ. Выслушивалъ со скорбной покорностью упреки въ измѣнѣ, винился или слабо оправдывался и затѣмъ опять предлагалъ услуги, которыя на этотъ разъ должны были быть неизмѣнно-вѣрными чуть не до гробовой доски. Такъ и кружилъ все лѣто.

Охаживая г. Бенземана, Соболь завоевалъ особое расположеніе самодовольнаго нѣмца тѣмъ, что выражалъ неумѣренное восхищеніе передъ Кайзеромъ. Собака была самая обыкновенная, даже глуповатая. Ирландское происхожденіе ея было подвержено сильному сомнѣнію. Дядя Саша, управляющій, не лишенный остроумія, когда былъ въ легкомъ подпитіи, увѣрялъ, что ирландская кровь въ Кайзерѣ есть ли, нѣтъ ли, а „дворянская"—несомнѣнно есть, судя по неравнодушію его къ курамъ. И прозвалъ его куроцапомъ.

Г. Бенземанъ любилъ демонстрировать передъ юной отрадской публикой высокую дрессировку Кайзера: сниметъ калошу, размахнется и броситъ въ траву; Кайзеръ побѣжитъ, разыщетъ и принесетъ. Дѣло обыкновенное. Но присутствовавшій въ числѣ зрителей Соболь неизмѣнно ахалъ, крутилъ головой, чмокамъ языкомъ,—словомъ, восторгался на разные лады. Г. Бенземанъ съ гордостью смотрѣлъ тогда на публику и трепалъ Кайзера по шеѣ.

— А что, онѣ картузъ, ежели я зашибну, подадутъ?—спросилъ какъ-то разъ Соболь.

— О, да!.. Конечно... Хоть съ самой середины рѣки...

— Н-ну?. Вродѣ какъ вутку?!

— О, да! Конечно...

Желая доставить г. Бенземану случай лишній разъ испытать удовольствіе заслуженнаго торжества и нисколько не

сомнѣваясь, что Кайзеръ оправдаетъ надежды, Соболь съ особой готовностью сдернулъ свой пѣгій, выцвѣтшій картузъ, размахнулся и запустилъ имъ въ рѣку.

— Кайзеръ, пиль!

Г. Бенземанъ торжественно показалъ тростью на лѣниво перевертывавшійся въ глинисто-красной, мутной отъ дождей водѣ картузъ, сразу почернѣвшій, надувшійся и принявшій щегольской видъ. Кайзеръ вопросительно поглядѣлъ на трость и повилялъ хвостомъ.

— Кайзеръ!..—строго повторилъ г. Бенземанъ.

Кайзеръ затанцовалъ на мѣстѣ, радостно и довѣрчиво повизжалъ. Картузъ тѣмъ временемъ медленно, словно нехотя, нырнулъ подъ воду.

Соболь поскребъ затылокъ и мягко, льстиво, прикрывая тщательно рабью иронію, сказалъ:

— Умнѣющая собачка, баринъ! Лишь не говоритъ... Потому что вода холодная,—она не хуже насъ съ вами понимаетъ: купаться, дескать, изъ-за мужицкаго картуза—не кадрель...

Но г. Бенземанъ, разсердившійся въ серьезъ, ударилъ Кайзера тростью, потомъ ногой: такъ обиденъ былъ ему конфузъ передъ хохочущей на берегу мелкотой, которая потѣшалась не надъ Кайзеромъ,—поведеніе его признавалось вполнѣ резоннымъ,—а надъ комически опечаленнымъ Соболемъ, оставшимся безъ картуза.

— Что стоитъ эта шляпа?—мрачно спросилъ Соболя г. Бенземанъ. Лицо его было красно, а въ отрывистомъ тонѣ слышалось сдержанное негодованіе не только на Кайзера, но и на Соболя.

Соболь политично отвѣтилъ:

— Оставьте безъ вниманія, баринъ. Теперь время дозволительное,—на кой она мнѣ лядъ, шляпа!

— Сколько тебѣ стоитъ твоя шляпа, я спрашиваю?—еще строже повторилъ г. Бенземанъ.

А Соболь, какъ бы не замѣчая этой раздраженной настойчивости, съ заложенными назадъ руками умильно и дружески кивалъ головой Кайзеру и льстиво пѣлъ:

— Онѣ понимаютъ, что вещь мужицкая, безполезная,— потому и постѣснялись. А собачка образованная вполнѣ...

Г. Бенземанъ бросилъ ему полтинникъ. Потомъ строгимъ, настойчивымъ голосомъ подозвалъ къ себѣ Кайзера, взялъ его за ошейникъ и двумя ударами трости взыскалъ съ него гражданскія издержки.

Соболь, изливаясь въ благодарностяхъ, полтинникъ взялъ, но и на другой, и на третій день, и во все остальное время ходилъ все-таки безъ шапки.

И затѣмъ поочередно, въ обычномъ порядкѣ, и на дачахъ, и въ усадьбѣ появлялась осторожно, вкрадчиво, неслышно, какъ тѣнь, его босоногая, взлохмаченная фигура, выжидательно топчась гдѣ-нибудь на кухнѣ, вела долгія, льстивыя, подкупающія бесѣды съ кухарками и, наконецъ, съ лукавой робостью проскальзывала къ террасѣ, въ поле господскаго зрѣнія.

— Рыжичковъ, барыня, принесъ. Какъ, значитъ, за мной вашихъ чистыхъ денегъ тамъ 60 копѣекъ...

— Ну, хорошо, хорошо... Сколько же тебѣ за нихъ?

— Сколько ужъ положите, барыня,—воля ваша... Я на васъ, какъ на Бога, надѣюсь. Помилуйте, да разѣ мы...

— Ну ладно: пусть 40 копѣекъ?

— Извольте, барыня. Слушаю-съ. Покорнѣйше благодаримъ... Только я буду просить васъ, барыня: дайте копѣекъ хоть 20. Хотѣлъ шапку купить...

— Знаемъ мы эту шапку: пропьешь!...

— Помилуйте, барыня! Шапку надо... Безъ шапки, какъ безъ жены,—сирота сиротой. Нѣтъ, не пропью, вотъ вамъ истинный Господь! Разѣ я... Мы понимаемъ...

— Какая же шапка за 20 копѣекъ?

— Форменная будетъ шапка! Даже, одно слово,—киверъ...

Но шапка, какъ заколдованная, Соболю не давалась.

Вотъ и сейчасъ стоимъ мы другъ противъ друга. Молчимъ. Но молчаніе это должно говорить больше, чѣмъ цѣлый фонтанъ негодующихъ словъ. И, мнѣ кажется, Соболь это чувствуетъ. Неловко переступаетъ съ ноги на ногу, растерянно шмыгаетъ взглядомъ по клеверному полю, избѣгая моего молчаливо обличающаго взора, покашливаетъ, безпокойно потрогиваетъ бороду, пяткой одной ноги скребетъ щиколку другой. Видимо, подавленъ. Такъ я думаю. И, противъ воли, въ глубинѣ негодующаго сердца пробиваются первые ростки смягченія.

— Денекъ-то румянъ нонче,—умиленнымъ голосомъ прерываетъ неожиданно Соболь краснорѣчивое и тягостное молчаніе.

— Только вы, баринъ, калошки надѣньте,—заботливо прибавляетъ онъ.

— Почему это?

— А такъ что съ этой стороны, за боромъ, замоложавѣло во-какъ... Отцоль не видать, а къ рѣчкѣ выйдемъ,— тамъ сами поглядите. Пошлетъ опять Господь дожжу намъ, грѣшнымъ...

Вздыхаю, но подчиняюсь. Въ туманно-гадательной области предсказаній погоды Соболь вретъ не больше любого патентованнаго метеоролога.

Отправляемся.

Еще плаваетъ туманъ по мягко закругленнымъ курчавымъ шапкамъ лѣса, ползетъ зелеными разорванными тѣнями по травѣ, цѣпляется за сквозистыя, выкинувшіяся на просторъ вѣтви. И тихо, тихо такъ, и пѣвуче плыветъ и зыблется звонъ колокола изъ-за бора. Какъ будто дымъ кадильный стоитъ въ лѣсу, и радостно играетъ подъ лучемъ мшистая зелень, и тихо качаются кружевныя тѣни за бѣгающими пятнами теплаго свѣта въ сквозной, безконечной галлереѣ изъ стройныхъ вощано-желтыхъ колоннъ. И вотъ-вотъ,—чудится,—въ этой торжественной тишинѣ загремитъ дивная хвала живущему во вѣки, сольется съ колышущимися волнами колокольнаго звона и, могучая, благодарно ликующая, подымется въ бездонную лазурь неба...

Но молчитъ этотъ тихій, этотъ милый уголокъ, плѣнительно-кроткій, привлекающій сердце своей чисто русской, неяркой красотой. Привыкъ онъ молчать, и мало пѣвучихъ звуковъ у него. Кудахчетъ гдѣ-то курица. Торопливо-испуганно прокаркала два раза ворона. Мельница или поѣздъ шумитъ вдали, ровно и однообразно...

Называется имѣніе, разумѣется, Отрадой. И, какъ на всѣхъ отрадахъ, на немъ лежитъ печать тихаго умиранія и запущенности. Скорбная элегія заброшенныхъ оранжерей съ зіяющими безглазыми рамами, почернѣвшихъ и покосившихся службъ, разрушенныхъ кирпичныхъ столбовъ, остатковъ монументальной ограды, когда-то отдѣлявшей барскую усадьбу отъ остального міра... Живописная первобытность и глушь буйныхъ зарослей сирени и крапивъ въ одичавшемъ саду... Горечь воспоминаній... Вѣяніе безнадежной грусти... Долги, долги, долги... Безвыходный кругъ хитро и прочно сотканной картины, изъ которой выпутаться уже немыслимо. Какія-то темныя личности рѣютъ надъ имѣніемъ, присматриваются, прислушиваются, принюхиваются... И всѣ въ Отрадѣ, начиная съ 13-лѣтняго Егорки, который ѣздитъ за почтой, и кончая самой владѣлицей, доброй, рыхлой, слабонервной баронессой Гринбергъ, знаютъ всѣ, что имѣніе не нынче-завтра перейдетъ во владѣніе темнаго дѣльца, ростовщика, какого-то частнаго повѣреннаго. И всѣмъ смутно, жутко. Безмолвная и гордая печаль притаилась въ каждомъ уголкѣ милой Отрады...

Не даромъ рѣзко, такъ издѣвательски, свистѣлъ выросшій на самомъ рубежѣ ея, на крутомъ берегу рѣки, токарный заводъ купца второй гильдіи Самуила Ильича Анштандика. Нелѣпое, тупое, приземистое сооруженіе съ черной желѣзной трубой, похожей на огромный гвоздь, пришпилившій къ землѣ эту распластавшуюся казарму.

Но теперь и онъ досвистался. Смолкъ. Остановилъ работу. А купецъ Анштандикъ мыкается по сторонамъ, мечется въ поискахъ кредита, не показывается мѣсяцами домой, чтобы не слышать воплей своей истерической супруги, страдающей неврастеніей.

Опустѣлъ заводъ. Еще торчитъ вверхъ черная, длинная труба его, еще озираетъ она съ высоты всю Отраду, боръ, рѣку, и деревушки за боромъ, и черные квадраты пашенъ, и два крутобокихъ кургана на горизонтѣ, и синія облачка перелѣсковъ въ тонкомъ туманѣ. Но уже нѣтъ въ ней прежней подавляющей важности, высокомѣрно-дѣлецкой насмѣшки надъ угасающей Отрадой. Что-то унылое сроднило ихъ, сблизило, примирило,—единая незадача въ жизни и неизбѣжный единый конецъ.

И она, старая барыня съ бѣлыми буклями и восковымъ лицомъ, грустно пробѣгая мысленнымъ взоромъ цвѣтистый рядъ былыхъ увлеченій и шалостей, смотритъ на него, новаго друга: теменъ, низокъ, мраченъ, какъ солдатъ въ старой, намокшей, забрызганной грязью шинели съ тупымъ лицомъ, безтолково отбивающій „шагъ на мѣстѣ". Офицеръ кричитъ ему:

— Подбородокъ подбери!.. Грудь разверни!..

А у него смѣшно и жалко торчатъ лопатки, повисла изъ носа крупная капля, и раскисшіе отъ грязи сапоги съ заплатой на голенищѣ, еле поднимаясь, не въ тактъ топчутся на одномъ мѣстѣ. А ноги, какъ согнулись въ колѣнкахъ, такъ и закостенѣли...

Во всей Отрадѣ не унывалъ и не падалъ духомъ только одинъ дядя Саша, управляющій, бывшій драгунскій офицеръ. Великолѣпные сѣдые усы съ подусниками, свѣтло-сѣрые, почти бѣлые глаза на выкатъ, рейтузы, лакированные сапоги... Но и его несокрушимая жизнерадостность,—мы всѣ знали,—поддерживалась искусственно. Ровно черезъ день Егорка, ѣздившій за почтой, привозилъ вмѣстѣ съ корреспонденціей и четвертную бутыль водки. Иногда подымалъ ее изъ телѣги, барабанилъ по ней пальцами. Бутыль издавала нѣжный звонъ, а Егорка хвастливо восклицалъ:

— Вотъ она... гусыня-то...

— Дядѣ Сашѣ?

— А то кому же...

Баронесса, не смотря на свою не-русскую фамилію, состояла членомъ союза русскаго народа. Всѣ отрадскіе мужики, не исключая и школьниковъ, были вписаны ею въ союзъ. Даже Соболь.

— Барышня по началу сумлѣвалась,—съ веселой усмѣшкой разсказываетъ онъ.—„Очення ты",—говоритъ,—„на аги-

татора похожъ".—Какой я,—говорю,—агитаторъ, барыня! Я—землепашецъ... Добрѣющая барыня, дай Богъ здоровья: дала крестикъ и 30 копѣекъ чистыхъ денегъ!..

Но, несмотря на то, что отрадскіе и сосѣдніе боровскіе мужики были всѣ союзниками, пользовались безвозмезднымъ правомъ собиранія грибовъ и малины въ помѣщичьемъ бору и почти безвозбранно приворовывали лѣсъ,—отношеніе ихъ къ господской Отрадѣ носило несомнѣнные признаки воюющей стороны. На имѣніи лежалъ столь единодушный бойкотъ, что даже въ срединѣ августа стояла еще не сжатая рожь, прекраснѣйшій овесъ полегъ и былъ притоптанъ помѣщичьимъ же стадомъ, неубранныя копны клевера подъ дождемъ почернѣли и превратились въ навозъ.

Причина бойкота была самая простая: дядя Саша не любилъ расплачиваться за работу. Нанимая, обѣщалъ всегда очень хорошую цѣну, не торговался, а когда наступало время расплаты, прятался. Если же спрятаться нельзя было, то говорилъ спокойно, твердо и ясно:

— Ни копья въ конторѣ нѣтъ... откуда же я вамъ возьму? Потерпите, за нами не пропадетъ...

Терпѣли. Ничего не выходило. И послѣ двухъ-трехъ опытовъ условія работы въ Отрадѣ стали извѣстны далеко окрестъ, и охотниковъ на хорошія цѣны уже не находилось.

А урожай былъ прекрасный. И было больно глядѣть на погибшій клеверъ, на высокую, потемнѣвшую, перепутавшуюся и полегшую рожь, подопрѣвавшую снизу, на растасканные и раскиданные по полю сиротливые снопы, поливаемые дождемъ. Даже Соболь укоризненно качалъ головой.

— Вика-то... вика-то... Господи-батюшка! добра-то пропало: на пятьсотъ, ей-бо, на пятьсотъ, не меньше, одного сѣна...

Пропало безцѣльно, обидно—ненужно, безполезно, возбуждая горечь, досаду, безплодныя сожалѣнія. А свободныхъ рабочихъ рукъ, голодныхъ ртовъ, нужды кругомъ было, сколько угодно. И вотъ, никому не доставшись, ушелъ же въ землю самый подлинный капиталъ...

— Кто къ нему пойдетъ, къ чорту! — ровнымъ, почти пріятельскимъ тономъ говоритъ Соболь объ управляющемъ:— у меня и то за нимъ сѣло рупь двѣнадцать копѣекъ чистыхъ денегъ... Шесть упряжекъ проработалъ за такъ.—Пожалуйте разсчетъ, Лексанъ Кирилычъ.—„Какой тебѣ разсчетъ? Ты хлѣба сколько пожралъ!"—Помилуйте,—говорю,—теперь нѣтъ такого закону, чтобы изъ брюха работать. Я одной одежи на вашей работѣ сколько износилъ! Сами же говорили: три четвертака на день.—„Пошелъ вонъ, болванъ!" — Какъ хотите, Лексанъ Кирилычъ, ежели не уплотите, я на васъ бой-

котъ наложу! ей-бо, наложу!.. Осерчалъ, къ мордѣ полѣзъ. Ну, что съ имъ подѣлаешь? За это за самое вотъ она и пропадаетъ, ржица-то матушка...

Я прикинулъ въ умѣ, сколько въ Отрадѣ насъ, бездѣльныхъ людей, съ газетными листами въ рукахъ топчущихъ ея дорожки? Не мало: кромѣ самой баронессы, да сына ея, готовящагося, повидимому, къ артистическому поприщу,—у него недурной голосъ,—да дяди Саши, да прежняго управляющаго, какого-то не окончившаго курсъ студента (ему хоть и отказали, но дѣться некуда, выѣхать не съ чѣмъ, и добрая баронесса предоставила ему съ женой и дѣтьми старый флигель),—три семьи дачниковъ, семья Анштандиковъ... Съ десятокъ зрѣлыхъ мужей, десятка полтора изнывающихъ отъ скуки женъ и дѣвицъ, десятка два подростковъ... Что, если бы такъ себѣ, отъ скуки, отъ нечего дѣлать, взять по серпу да выйти вотъ на это волнистое, прелестное поле, уходящее въ даль, къ лѣсу, въ дымку синяго утренняго тумана? Что, если бы на бойкотъ подлеца Соболя отвѣтить этимъ всесокрушающимъ локаутомъ?..

Фантазія моя начинаетъ играть, рисуетъ ряды копенъ, издали похожіе на вереницы согнувшихся старухъ-богомолокъ; г. Бензедана, подающаго снопы на возъ; баронессу съ граблями въ рукахъ; Берточку Анштандикъ на возу; дядю Сашу, бережно обнявшаго „гусыню", чтобы подкрѣпиться съ трудовъ...

Но нѣтъ, нѣтъ... Обреченная Отрада этого не увидитъ. И Соболь не оробѣетъ передъ такимъ локаутомъ. И будущему артисту не придется носить мозоли на выхоленныхъ рукахъ... Прошлой ночью онъ пѣлъ на балконѣ. Былъ ли такъ чутокъ и звонокъ сырой воздухъ подъ звѣзднымъ небомъ,—облака къ ночи ушли на покой,—звучное ли эхо, отвѣчавшее изъ темнаго бора, украсило волшебно-неожиданной красотой ликующій мотивъ эпиталамы изъ „Нерона", но голосъ казался удивительнымъ, могучимъ, гибкимъ; красивый, яркій потокъ его разлился надъ Отрадой отъ края до края земли, наполнилъ лѣсъ, поле, небо, и гдѣ-то далеко за рѣкой, дрожа, замирали его радостно-нарядныя, высокія волны...

Грустная, угасающая Отрада, всегда немножко обвѣянная мечтательной тишиной беззвучной думы, и эти громкіе, красивые, торжествующіе звуки... Непролазныя дороги, босоногія, грязныя бабы съ большими животами и красивый цвѣтокъ артистическаго дарованія... Не странно ли?..

...Вышли къ рѣкѣ. Идемъ крутымъ берегомъ. Приходится съ тревогой посматривать на небо. Наползаютъ съ запада сѣрыя, рыхлыя облачка. По матовому зеркалу рѣки дрожитъ мелкая серебряная зыбь. Когда налетитъ вѣтерокъ, че-

капеный узоръ серебра растянется, какъ резина, въ ширь, покрываетъ всю рѣчку. Когда стихнетъ, въ зыбкомъ, зубчатомъ зеркалѣ, вздрагивая, колышется узкая изумрудная полоска другого берега, за ней коричнево-черная пашня съ красно-пѣгими пятнами двухъ бабьихъ фигуръ, почернѣвшая избушка за пашней и возлѣ нея понурая лошадка, похожая на клочекъ желтой рѣчной пѣны,—дремлетъ, опустивъ голову и устало помахивая хвостомъ. И въ неподвижныхъ бѣлыхъ облакахъ край низенькаго неба, молчаливаго и грустнаго, а подъ нимъ двѣ старыя-старыя могилы, два кургана съ крутыми боками,—не такіе, какъ въ южныхъ степяхъ,—и черные зубцы растрепанныхъ, кучерявыхъ сосенокъ на нихъ. И кроткая тишина надъ всѣмъ, таинственныя чары вѣковой нѣмоты и бездоннаго смиренія... О, нѣжная, покоряющая грусть и безглагольная красота родной земли!..

Вошли въ боръ. Облака все бѣгутъ, бѣгутъ. Наползутъ на солнце, закутаютъ его,—и сразу станетъ кругомъ смутно-зелено, душная сырость липко обниметъ со всѣхъ сторонъ. Выглянетъ солнышко,—вдругъ усмѣхнется все свѣтло и радостно, блеснутъ серебромъ, загорятся длинными, колкими лучами лужи по дорогѣ, заиграетъ мшистая зелень подъ соснами, и черныя, толстыя линейки протянутся отъ деревьевъ черезъ просѣку.

Но вонъ тамъ, впереди, уже закурилась влажная пыль, какъ сквозь сито просѣянная. Бѣжитъ навстрѣчу намъ. Налетаетъ... Дождь...

Крѣпимся. Не сдаемся, идемъ. Начинаютъ хлюпать калоши, бѣгутъ ручьи съ плаща...

— Давайте, баринъ, переждемъ,—говоритъ, наконецъ, Соболь:—что намъ въ самъ дѣлѣ? Аль не успѣемъ?.. А вотъ тутъ, подъ сосной, первый сортъ! Это—набѣжной: пройдетъ, Богъ дастъ... Вотъ окладной когда сыпнетъ, ну энтотъ имѣетъ свою пріятность...

Остановились подъ сосной. Слушаемъ ровный, шипящій шумъ, который заливаетъ всѣ робкіе звуки бора,—боръ, вообще, молчаливъ. Широкимъ потокомъ льется монотонный шорохъ съ величаво-медлительной важностью, дѣловито и серьезно. Иногда усилится, словно заспѣшитъ. Струя потока набѣжитъ вспухшей волной, перекатится около насъ, гдѣ-то за спиной, умчится дальше, и слышно, какъ задрожали тамъ четкой дрожью березы и осины. Голоса ихъ звучнѣе, задорнѣе, веселѣе, чѣмъ сердитое, глухое шипѣніе и скрипъ сосенъ. Ушелъ въ глубь, загудѣлъ кто-то большой и озорной. И вслѣдъ за нимъ трепетнымъ шелестомъ, спѣша и сбиваясь, разомъ понеслись вдогонку звуки съ боку, разсы-

пались въ ширь и безконечнымъ ремнемъ потянулись въ переливчатомъ шипѣніи и шуршаніи.

— Для молотьбы, конечно, дожжъ этотъ не способенъ,— говоритъ Соболь, склонный, вообще, къ серьезнымъ бесѣдамъ хозяйственнаго свойства:—а что ежели насчетъ садовъ, то сдѣлайте ваше одолженіе. Тепло. Ростъ идетъ сейчасъ самый правильный,—я знаю. Я вѣдь садовникомъ былъ, баринъ...

— Вотъ какъ?

— Какъ же. Девять лѣтъ жилъ въ питомникѣ у Якова Кондратьича Кисельрынка, на Лабораторной сошѣ. Сдѣлайте такое одолженіе! Кабы не папаша, я бы человѣкомъ былъ теперь...

— Почему же папаша?

— А такъ что потребовалъ у деревню.—„Ты"—говоритъ, —„кормить насъ съ матерью долженъ".—Сдѣлайте такое одолженіе, я изъ Питера могу...—„Ну, въ Питерѣ то тебя не достанешь: отломишься совсѣмъ, гляди на тебя изъ подъ шапки,—а ты у деревнѣ поживи. Займись",—говоритъ.— „Садъ ежели, то и садъ разводи: вотъ она, усадьба-то, пустая стоитъ".—Извольте, сдѣлайте ваше одолженіе... Сорокъ яблонь однѣхъ было у меня, баринъ,—всѣ колированныя!..

Онъ поднялъ палецъ въ пространство и гордо посмотрѣлъ на меня.

— Четырнадцать штукъ титовки... Апорту было съ десятокъ... Скрыжапель, боровинка... крыжовнику кустовъ пятнадцать... Викторія-шпанка... Да, все было!..

Качнулъ головой. Замолкъ на минутку. Ушелъ въ воспоминаніе.

— Четыре года бился, въ дѣло производилъ. А на пятый годъ папаша взялъ да и продалъ домишко совсѣмъ съ усадьбой, подъ гребло, за двѣ сотельныхъ... извольте радоваться! Услыхалъ я, такъ и заголосилъ... Сею же минутой прикатилъ изъ Питера,—по зимамъ я у Кисельрынка живалъ:—что ты надѣлалъ, папашенька?—„А что жъ,"—говоритъ,—„ты въ Питерѣ въ камашахъ щеголяешь, а мы съ старухой разумши—раздѣмши будемъ?" Да-съ... удумалъ аккуратно старичекъ; нечего сказать. Мамаша сейчасъ въ сырой землѣ ужъ лежитъ... А я вотъ,—извольте видѣть,— съ того самаго дѣла пошелъ и пошелъ... Такъ и пошелъ въ ходъ...

Засмѣялся Соболь, закрутилъ головой, точно, въ самомъ дѣлѣ, весело было. Потомъ вздохнулъ. Помолчали.

— А отецъ твой гдѣ же теперь?

— А папаша теперь гусей стережетъ у Аксенова. Пре-

клонныхъ лѣтъ старичекъ. Плохъ. А приткнуться некуда: я вотъ ослабъ, сестра въ Питеръ уѣхавши...

— Сестра есть?

— Какъ же, есть! У Петербурхѣ. Вобче сказать—проститутка,—прибавилъ Соболь дѣловымъ голосомъ:—но также и торговлишкой перекидывается... Фрухтой разной: порченая которая, она же дешевая,—лимоны, апельсины, сѣмячки, коврижки... Порядочные господа, понятно, не возьмутъ, а чернородье покупаетъ.

Соболь дѣловито поскребъ голову, вздохнулъ и не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ прибавилъ:

— Вотъ собираюсь все къ ней, да вѣдь къ ней явись при одежѣ, а такъ то придтить — прогонитъ... Онамеднись Милушкинъ, стражникъ нашъ, привезъ поклонъ отъ ей.— „Былъ“,—говоритъ,—„въ гостяхъ у Марьи, поночевалъ съ ней. Ничего, мамзель,“—говоритъ,—„обходительная. Далъ ей пятиалтынный, она мнѣ даже на сдачу апельсинъ дала“... Смѣется...

Соболь усмѣхнулся было, но потомъ вдругъ вспомнилъ что-то и, точно желая обрадовать меня, воскликнулъ:

— Свадьба вѣдь завтра у него!

— У кого?

— Да у Милушкина! Какъ же... У Пушихи дочь беретъ, триста придачи! Вечеръ должонъ быть!...

Соболь все усиливалъ радостный тонъ, развертывая передо мной блестящую цѣпь удивительныхъ сообщенiй, и глядѣлъ на меня сiяющими глазами.

— Скупая она чортъ, Пушиха,—съ нѣкоторымъ опасенiемъ добавилъ онъ:—пожалуй, вечеръ то не ефетный сдѣлаетъ. А вотъ у Котлярова свадьба была, такъ—прямо сказать—городская свадьба! Водки было!.. Заграничное разное!..

Онъ восторженно покрутилъ головой.

— Кильки были!—восхищеннымъ голосомъ прибавилъ онъ и качнулъ сверху внизъ головой наивно - хвастливымъ жестомъ: вотъ какъ, молъ!

Потолковали немножко о свадьбѣ Милушкина, о предстоящемъ вечерѣ. А дождь все сыпалъ да сыпалъ. Вспомнили еще двѣ-три свадьбы, о которыхъ Соболь разсказывалъ съ такимъ увлеченiемъ и съ такими подробностями, какъ будто самъ пировалъ на нихъ. Меня даже сомнѣнiе взяло.

— Откуда ты знаешь-то?

— Ф-фу, Боже мой! Соболь все знаетъ, что ни спросите. Вы не глядите, что сейчасъ я—профессоръ кислыхъ щей, сочинитель ваксы,—родня у меня есть капиталистая... Аксентiй Иваныча въ посадѣ знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Слыхали, можетъ?

- И не слыхалъ.

— Дядя мнѣ троюродный. Денегъ у него—какъ грязи! У него за Ванюковымъ восемь рублей чистыхъ денегъ да двѣнадцать рублей у Петербурхъ въ ланбартъ свезено... Поняли, я сказалъ: двѣнадцать рублей? Двѣнадцать т-тыщъ!..

Опять Соболь съ ласковой снисходительностью покивалъ мнѣ сверху внизъ короткими, мелкими кивками головы, какъ бы усугубляя этимъ подавляющій смыслъ изумительныхъ цифръ. Помолчали. Ухо привыкло уже къ широкой рѣкѣ шипящихъ звуковъ, и изъ глубины бора стали долетать до насъ голоса скрытой живой жизни. Звонкій ребячій крикъ прозвенитъ вдругъ и протяжно ударится о красные, голые стволы сосенъ. Рѣзко и зыбко разсѣчетъ воздухъ короткій свистъ. Крикъ цапли далекимъ мѣднымъ лязгомъ шлепнется гдѣ то въ высотѣ... Родятся звуки вблизи, робкіе и одинокіе, и сейчасъ же умираютъ. Какія то маленькія пташки—меньше воробушковъ и свѣтлѣе ихъ—тускло и блѣдно чертятъ своимъ чиликаньемъ немолчный шелестъ бора. Да гдѣ нибудь надъ болотцемъ суетливо просвиститъ маленькій куличокъ. Робкая, скудная живая жизнь стараго, хмураго бора...

Но вотъ новые звуки... То прозвенятъ, то пропадутъ. Еще не постигнешь ихъ насторожившимся слухомъ, но уже чуется въ дробящихся извивахъ ихъ несложная гармонія, что то поющее, повторяющее одинъ мотивъ глубокими, протяжными вздохами.

Пѣсня?.. Рѣдко поютъ въ молчаливомъ бору,—суровое молчаніе его не рождаетъ звуковъ въ душѣ...

— Поютъ будто?—говорю я Соболю.

Онъ повернулъ голову, прислушался и равнодушно замѣтилъ:

— Такъ, дѣвченки какія нибудь. Ишь, каторжныя! До обѣдни уже глотку дерутъ!—укоризненно покачалъ онъ головой.

Вотъ и онѣ, пѣвицы, въ сѣткѣ мелкаго дождя, среди высокихъ зеленыхъ стѣнъ, босоногія, намокшія, веселыя. Ихъ двѣ. Завидѣли насъ, смолкли. Идутъ мимо, косятся въ нашу сторону съ наивнымъ любопытствомъ, и вотъ-вотъ задрожитъ смѣхъ въ плутоватыхъ, быстрыхъ взглядахъ, которыми онѣ обмѣниваются между собой, обозрѣвъ наши серьезныя мокрыя фигуры.

— А-а, фіялочки! фіялочки! — развязно привѣтствуетъ ихъ Соболь и какъ то особенно забавно и неуловимо подпры-

гиваетъ обѣими ногами сразу: — Что же замолчали? Пожалуйте въ гости!..

Смѣются. Отходятъ немножко, но останавливаются. Значитъ, не прочь отъ знакомства. Въ рукахъ у нихъ объемистые узлы—съ платьемъ, должно быть.

— Да вы пожалуйте ближе! Чего зря тамъ мокнуть?—увѣщающимъ тономъ говоритъ Соболь и самъ становится въ сторону, ближе къ дождю, готовый для гостей пожертвовать сухимъ мѣстомъ.

Нерѣшительно подходятъ. Становятся подъ сосной рядомъ съ нами. Весело скалятъ бѣлые зубы. Издали казались юными подростками, вблизи—выросли и потеряли дѣвическій обликъ. У одной большой животъ беременной женщины, черныя рабочія руки съ толстыми, набухшими пальцами, веснушчатое, некрасивое лицо. Косицы красныхъ волосъ смокли и потемнѣли отъ дождя. На толстой шеѣ, яркая бѣлизна которой рѣзко отдѣляется отъ бураго загара лица, чуть держится спустившійся съ головы небольшой платокъ. Другая болѣе изящна на видъ. Тоже босая, но обликъ не рабочій, хрупкій, городской; тонкія, чуть-чуть загорѣлыя руки, красивые голубые глаза, взглядъ которыхъ охотно цѣпляется за взглядъ, ждетъ и не уклоняется.

— Къ литу̀ргіи?—галантно освѣдомляется Соболь.

— На ярмарку!—отвѣчаетъ весело рыжая.

— А Богу помолиться ежели? Праздникъ дозволяетъ къ литургіи сходить, первымъ дѣломъ помолиться,—назидательнымъ тономъ возражаетъ Соболь.

— А зачѣмъ намъ молиться? Насъ и такъ Богъ боится!..

Весело засмѣялись обѣ удачной риѳмѣ. Соболь съ комически-торжественной укоризной погрозилъ пальцемъ и неодобрительно пощелкалъ языкомъ.

— Не иначе, какъ посадскія,—заключилъ онъ вслухъ:—прямо сказать—японскаго закону люди... Отъ деревенскихъ этого не отразится...

— Да мы и не деревенскія, — съ оттѣнкомъ задѣтаго достоинства сказала подруга рыжей, стоявшая ближе ко мнѣ.

— Небось изъ Питера?

— Изъ Питера.

— Очень пріятно... А у деревню зачѣмъ?

— Зачѣмъ! Маму провѣдать!

— Ишь ты... к-какая!..

Разговоръ погасъ. Чувствовалась стѣснительность въ молчаніи, но не о чемъ было говорить. И у всѣхъ насъ былъ такой видъ, какъ будто мы сосредоточенно вслушивались въ шелестъ дождя.

— У деревнѣ свѣжаго воздуха ежели набраться, это

дѣйствительно,—сказалъ разсудительнымъ тономъ Соболь:—а только въ Питерѣ аккуратнѣе и не въ примѣръ занятнѣе.

— Понятное дѣло,—согласилась моя сосѣдка:—тутъ что? Шляпы нельзя надѣть: дождь, грязь, некуда показаться. А въ Питерѣ, по крайней мѣрѣ, кафе, рестораны, музыка...

— Ишь ты!—весело подмигнулъ мнѣ Соболь: — знаютъ!.. А ты при какомъ же мѣстѣ въ Питерѣ? — снова обратился онъ къ моей сосѣдкѣ.

— А вамъ на что?

— Ф-фу, чудное дѣло! Въ обчемъ итогѣ—антиресъ!..

— Я съ инженеромъ съ однимъ живу,—немного помолчавъ, просто сказала наша собесѣдница и вкось поглядѣла на меня долгимъ, изучающимъ взглядомъ.

— Пожилой человѣкъ, — прибавила она тѣмъ самымъ равнодушно-дѣловымъ тономъ, какимъ говорилъ Соболь о своей сестрѣ.

— Что-жъ, это ничего, — серьезно и одобрительно сказалъ Соболь:—это ежели кто съ головой, то и капиталецъ можетъ сколотить. Алевтину Спиридоновну не знаете, барышня?

— Какую это? Нѣтъ, не знаю.

— Наша отрадская. Тоже въ Питерѣ. Сперва у грахва жила. А послѣ грахва въ ключницы въ заведеніе попала. А сейчасъ отъ себя ужъ дѣло имѣетъ: держитъ четырехъ дѣвочекъ. Нашъ деревенскій Вавилъ Романовъ въ извозчикахъ тамъ,—ему одному четыре рубля чистыхъ денегъ на день, чтобы лишь стоялъ съ лошадью возлѣ квартиры,—поѣхать куда потребуется или дѣвочекъ на Невскій отвезть.— „Иной гость,—говоритъ,—попадется, рублей полтораста за ночь оставитъ"... Доходъ хорошій имѣютъ, да-съ... Такъ не знаете, барышня?

— Не знаю.

— Отрадская, самый нашъ корень! — съ наивной гордостью повторилъ Соболь:—въ церкву нашу образъ святителя Миколая Чудотворца лѣтось пожертвовала. Агромаднѣйшая икона!.. Съ о. Никандромъ за ручку... Чай у него пила... Такая полнокровная, бѣлая — съ попадьей не разберешь... Да гдѣ попадьѣ! Просто барыня, какъ есть барыня! Кто не знаетъ ежели, такъ цѣлый день безъ шапки простоитъ передъ ней...

Сталъ стихать боръ. Дождикъ еще сыпалъ, кое-гдѣ разорвались облачка, и свѣтъ заигралъ въ тонкихъ водяныхъ нитяхъ, по мокрой зелени, по лужамъ. Стало веселѣй.

— Пойдемъ, Пимка,—сказала моя голубоглазая сосѣдка:—а то и передѣться не успѣемъ.

— А вы съ ярманки какъ же? однѣ? — понизивъ голосъ

до таинственности и дружески скашивая на собесѣдницъ глаза, освѣдомился Соболь:—въ случаѣ чего, мы того... мы бы и проводили...

— Не нуждаемся, — сказала Пимка, пренебрежительно взглянувъ на моего пріятеля.

Отошли. Залились долгимъ смѣхомъ, изгибаясь, шатаясь и толкая другъ дружку. Потомъ запѣли:

Трансваль, Трансваль, страна родная...

Голоса у нихъ были высокіе, визгливые. Мотивъ пѣсни—избитый, но слова о любви къ родинѣ, о борьбѣ за свободу были красивы и трогательны. Уже издали, когда нельзя было разслышать словъ, Пимка закричала что то и махнула рукой къ себѣ. Соболь насторожился, какъ боевой конь при звукахъ знакомаго сигнала.

— Эка шельмы! зовутъ... Либо ужъ подите, баринъ?..

— Почему же я? Можетъ быть, тебя это?

— Ну, гдѣ ужъ тамъ! Кабы я для нихъ человѣкъ былъ, а то—бульвартный сапогъ и больше ничего... А мамзельки ничего, веселыя... И разговоръ какой у нихъ образованный, вѣжливый...

Опять визгливо крикнула Пимка и махнула рукой. Видно было, какъ, наклонившись другъ къ другу, обѣ подруги содрогались и качались отъ смѣха. Въ самомъ дѣлѣ, весело. Подвинулись мы съ Соболемъ ближе, но въ самый послѣдній моментъ мой пріятель деликатно отодвинулся назадъ, на приличествующее разстояніе.

— Господинъ, вы бы намъ на пару пива дали, — съ серьезнымъ, нѣсколько секретнымъ видомъ обратилась ко мнѣ рыжая Пимка, а подруга ея смотрѣла прищуреннымъ, изучающимъ взглядомъ.

— Мы бы за ваше здоровье у Ванюкова выпили...

Далъ.

— А съ ярманки, если хотите, можно вмѣстѣ... Только этого купца,—Пимка мигнула бровью въ сторону Соболя и фыркнула:—купца этого не надо... Вы, конечно, водочки приготовите... На ярманкѣ увидимся! Ну, счастливо вамъ споткнуться, носъ не разбить!..

...Бесѣда наша съ Соболемъ, послѣ этой встрѣчи, приняла нѣсколько игривое направленіе. До самой Отрады онъ разсказывалъ не очень достовѣрныя исторіи своихъ прежнихъ побѣдъ, когда онъ еще не упалъ на дно босяцкаго существованія.

— Выйдешь, бывало, такъ же вотъ на праздникъ,—хвасталъ онъ явно и беззастѣнчиво уже у воротъ церковной ограды, заглушаемый пестрымъ народнымъ говоромъ, криками нищихъ, завываніями торговцевъ:—вышелъ, глянулъ—

бабъ, дѣвокъ, какъ грязи!.. Да какія бабы: кровь съ молокомъ! Не то, что эти питерскія... Подхожу къ одной,—мужъ у ей, знаю, въ солдатахъ, въ антиллеріи:—подѣлись,—говорю Настя... Ну, конечно, я изъ Питера: при деньгахъ, въ одежѣ, все честь честью.—„Подѣлиться-то“ говоритъ,—„что жъ не подѣлиться, можно“—говоритъ,—„да подѣлись и ты“... Пошелъ, взялъ ей фунтъ щеколату хорошаго, орѣховъ, два цѣлковыхъ чистыхъ денегъ далъ. Ну, братецъ ты мой, и баба была: прямо—дыня!..

Гражданинъ съ кирпично-красной щетиной давно не бритой бороды ловко оттѣснилъ Соболя въ самыхъ воротахъ.

— Ваше благородіе, не откажите во имя человѣколюбія и гуманности...

Вслѣдъ за нимъ подвинулся высокій мужикъ, съ желтыми спущенными на лобъ, до самыхъ глазъ, волосами. Разбойничій обликъ, озабоченно шмыгающій взглядъ опытнаго стрѣлка, правая рука втянута внутрь рукава, заученно-торопливый дикій голосъ:

— Подайте, ваше благородіе, православные христіяне, угодные благодѣтели, Христа ради убогому! Больше питаться нечѣмъ! Ваше благородіе, подайте по несчастному положенію!..

На минутку останавливаюсь передъ цвѣтной коллекціей нищеты, уродства, скорби и грязи, шпалерами расположившейся отъ воротъ до паперти. Слѣпцы, дряхлыя старушонки, идіоты, калѣки, дѣти съ сумками больше ихъ самихъ... Пестрые, лающіе голоса, перекрикивающіе, перебивающіе другъ друга, протянутыя руки, буханье лбами прямо въ грязь, цѣпкіе взгляды, въ которыхъ свѣтится и тоска ожиданія, и страхъ остаться позади, и желаніе кинуться въ драку за подачку.

— Помян-ни Господи родителей...
Батюшку родного!.. Матушку родную!..
Б-батюшку крестнаго... Матушку крестную!..
Братьевъ-сестровъ... друзьевъ—пріятелевъ...

Звонкимъ, ожесточенно-усерднымъ голосомъ причитаетъ слѣпой старецъ библейскаго облика, захлебываясь, спѣша, стараясь перекричать конкурентовъ. Широкими и частыми взмахами крестится на каждаго проходящаго и библейской бородой подметаетъ мокрыя плиты ступенекъ.

— Младые младенцы... красныя дѣвицы...

Сироты вдовушки, безпріютныя голубушки...

— Энтотъ вонъ, какой подходилъ-то къ вамъ, рыжій-то, самый ихній Шмуль, хозяинъ то-ись... — сообщилъ Соболь, замѣтивъ мой минутный интересъ къ нищимъ:—съ двумя

бабами живетъ!—съ нѣкоторой завистью въ голосѣ прибавилъ онъ:—а тою вонъ дѣвченку видите, у паперти? побирушку?

— Вижу.

— И съ ей живетъ...

— Ну, что ты! Сколько же ей лѣтъ? Не больше двѣнадцати, думаю?

— Надо быть больше,—съ нѣкоторымъ колебаніемъ сказалъ Соболь и увѣренно добавилъ:—живетъ! Эти робятенки отъ него ходятъ. И нѣмая эта старушонка тоже... Порховскіе, я ихъ знаю...

Онъ кивнулъ головой въ сторону страннаго, отталкивающе-безобразнаго существа, похожаго на обезьяну и нетопыря,—клубокъ тряпокъ, копошащійся и ползающій на колѣняхъ въ грязи. Въ круглыхъ, испуганныхъ глазахъ, освѣщающихъ желто-землистое лицо, тупая животная боль и голодъ, и жадное, трясущееся ожиданіе при видѣ проходящаго мимо человѣка. Беззубый ротъ, раскрываясь черной воронкой, глотаетъ воздухъ и выталкиваетъ сдавленно-воющіе, лающіе стоны. Дрожитъ, тянется и судорожно хватаетъ пустоту уродливо скрюченная рука, иногда силится подняться ко лбу, чтобы перекреститься, что-ли...

Потрясающая скорбью, невольнымъ ужасомъ, отвращеніемъ мрачная пѣснь этого человѣческаго уродства, смрада, безобразнаго разрушенія и страданія властно, побѣдительно приковываетъ къ себѣ вниманіе, невольно останавливаетъ, тисками сжимаетъ сердце... И даже люди, привыкшіе къ зрѣлищу всяческой нищеты, сами съ головы до пятъ облеченные въ краснорѣчивые доспѣхи нужды и грязной бѣдности, не въ силахъ, повидимому, равнодушно пройти мимо, не могутъ не выразить своего участія, скуднаго мѣрой, но трогательнаго неожиданностью и искренностью.

Мужикъ въ сермягѣ и огромныхъ сапогахъ, вымазанныхъ дегтемъ, взялъ въ руки эмалированную кружку, стоявшую передъ старухой, долго рылся въ ея мѣдякахъ, разыскалъ копѣйку и, звякнувъ своей семиткой, широко перекрестился и пошелъ въ церковь. Подошла баба, вынула яйцо изъ-за пазухи и положила въ сумку, висѣвшую на боку у этого жалкаго человѣка-нетопыря. Предупредительно сказала:

— Сырое!..

Старуха съ подпрыгивающей походкой, въ старыхъ, бурыхъ штиблетахъ съ чужой ноги, лопушистыхъ, съ разорванными резинками, въ кружку бросила мѣдную монету и въ руку сунула зеленое яблоко.

— Поминай Дарью! Вотъ яблочко тебѣ... Дарью поминай.

Звучала въ этихъ словахъ наивная вѣра, что безсмыслен-

ное, страдальческое бормотаніе этого убожества, калѣчества, грязь и послѣдняя ступень обдѣленности доходчивѣе и доступнѣе Ветхому днями...

— Вы, баринъ, теперь въ церкву пожалуйте,—даетъ мнѣ руководящія указанія мой чичероне:—чтобы все честь честью. Пѣвчіе тутъ у насъ... соборное служеніе... святость отличная, все честь честью... Пожалуйте... А это дворянство и послѣ обѣдни тутъ будетъ... увидите еще,—пренебрежительно кивая на нищихъ, прибавляетъ онъ.

Идемъ въ церковь. Но въ притворѣ Соболь вдругъ вспоминаетъ, что у него нѣтъ шапки.

— Вы, баринъ, дайте ужъ мнѣ сорокъ-то копѣечекъ... Неловко, въ самъ дѣлѣ, безъ шапки-то... А я вамъ чего только захотите: рыжичковъ хотите, то и рыжичковъ принесу... Капустки, то и капустки могу...

— Да вы чего сумлѣваетесь?—еще не дождавшись возраженій съ моей стороны, но уже предчувствуя ихъ, громкимъ, убѣждающимъ шепотомъ гипнотизируетъ онъ меня:—ей-бо, вотъ вамъ святая церковь... великое дѣло—церковь!—шапку безпремѣнно надо... Да сейчасъ и вина-то негдѣ достать... А съ обѣдни выйдете, я у воротъ васъ буду ждать, и, по крайней мѣрѣ, при картузѣ, въ пріятномъ видѣ... Ну, вотъ... Покорнѣйше благодаримъ!..

....Церковка — тѣсная, низкая, словно придавленная — типичный русскій „храмъ воздыханій, храмъ печали“. Торжественность соборнаго служенія, убогое убранство люстры, пѣвчіе, голосившіе старательно, но въ разбродъ и достаточно дико, немножко испортили трогательный деревенскій обликъ, какъ портитъ городской костюмъ фигуру крестьянской дѣвушки. Но чувствовался все-таки явственный запахъ земли въ этой тѣснотѣ, неудобствѣ, въ спертомъ воздухѣ,—тотъ особый кислый, но милый русскій духъ, который обильно струится отъ трудовыхъ армяковъ, лаптей, онучей, сарафановъ, даже отъ городскихъ жакетовъ и пиджаковъ, попавшихъ въ деревню. На старыхъ, изборожденныхъ причудливыми морщинами лицахъ,—немножко деревянное, немножко дремотное выраженіе скучливаго созерцанія знакомой обстановки. У молодежи — празднично-дѣловой видъ. Покашливаютъ, всхлипываютъ носами. Изрѣдка быстро, машинально начинаютъ креститься, точно по командѣ, вслѣдъ за о. Никандромъ, когда онъ съ заученнымъ паѳосомъ вдругъ воздвигнетъ вверхъ свой сладостный теноръ, возсылая моленія о царствующемъ домѣ, о святѣйшемъ синодѣ и священномонасѣхъ.

Если иной богомолецъ, втиснувшись въ дверь и желая непремѣнно пробраться поближе къ Богу, ожесточенно на-

чинаетъ работать плечами, задомъ, локтями и головой,—всѣхъ, видимо, развлекаетъ его самоотверженное предпріятіе. Начинается своеобразный спортъ. Тѣ, кто стоитъ по пути этого похода, не только не сторонятся, но замѣтно напруживаются и надуваются, чтобы помѣряться устойчивостью ногъ съ усерднымъ прихожаниномъ. Вотъ стиснули его, подали назадъ, и онъ лишь безсильно сучитъ плечами. Но вотъ, наконецъ, онъ самъ поймалъ моментъ, уперся, пригнулся, двинулъ, растолкалъ... И, багровый, торжествующій, добрался-таки къ самому клиросу, сталъ впереди. Смоченная квасомъ голова его почти заслонила благообразный ликъ Николая Чудотворца, застывшаго въ недоумѣло-благословляющей позѣ передъ этой сѣрой, тѣсно сжатой, странно вѣрящей толпой, усердно лобзающей кудрявые, сусально-золотые завитки его широкаго кіота.

Крестятся, вздыхаютъ, шепчутъ; „Го-осподи!..“ Просятъ о чемъ-то не словами, а шумными вздохами, покорнымъ взглядомъ, сокрушеннымъ качаніемъ головы... Можетъ быть, жалуются? каются? Вѣдь такъ много говорятъ имъ объ ихъ грѣхахъ... Поди, разгадай эту темную душу безъ рѣчей, съ одними лишь вздохами и сокрушеніемъ...

И лишь одинъ о. Никандръ поддерживаетъ празднично-бодрственное настроеніе, возглашая съ умиленіемъ:

— „Се изобильно исполнилъ еси веселія и радости сердца наша, оправдалъ надъ нами царствовати возлюбленнаго Тобою раба твоего благочестивѣйшаго“...

Хорошо. Трогательно. Но все какъ-будто чего-то не хватаетъ сердцу... Тишины ли, звонкой пустоты и сумерекъ, свѣвающихъ съ усталой души суету суетъ и томленіе духа, или особаго настроенія, умилительнаго и свѣтлаго,—не знаю. И широкая, византійскаго стиля, рама Мирликійскаго чудотворца навѣваетъ все-таки грѣшныя мысли о щедрой жертвовательницѣ Алевтинѣ Спиридоновнѣ...

Тянетъ снова на воздухъ, къ смрадному гвалту нищеты и убожества, къ спутанному причитанію, выкрикамъ, нѣмымъ стонамъ и переплетающемуся речитативу заученныхъ прошеній во имя братскаго сострадания. Тягостно сердцу, мучительно, душно, но кроется непонятная власть въ этой мрачной пѣсни горя и бездоннаго страданія.

— На-дѣ-ли-те слѣпенькому... надѣлите убогенькому...
Не ради мово прошенія, ради Христова утѣшенія...

Бьются въ стѣны церкви, въ стѣны ограды эти молящія причитанія, подымаются надъ смутнымъ жужжаніемъ и говоромъ въ оградѣ и за оградой, смутной скорбью тревожатъ сердце...

— За ваше здоровьице Богу помолюся...
Родителевъ помяну... братьевъ—сестровъ...
На огнѣ горящіе, въ лѣсу заблудящіе...
Тюремные заключенные, въ чужи земли заведенные...

Вслушиваюсь въ монотонный ритмъ этого набора православныхъ бѣдствій, въ эту скудную, горькую поэзію, и вспоминаю родной югъ, его музыкальность, его своеобразную красоту въ этой области народнаго творчества. Тутъ суше, грубѣе. Слабая попытка гармонизаціи слышится лишь въ двухъ дѣтскихъ голосахъ, речитативомъ поющихъ заученныя причитанія:

Ты родитель, ты нашъ батюшка...
Хри-и-ста ра-а-ди...
Сударыня ты, наша матушка...
Хри-и-ста ра-а-ди...

Голоса слабенькіе. Однообразно звенящій напѣвъ ихъ тихо вливается въ этотъ неистовый гвалтъ, скрашиваетъ его трогательно-нѣжной поэзіей дѣтской жалобы и покоряетъ сердце представленіемъ о безпомощности, сиротствѣ, отсутствіи тепла и ласки...

Скорымъ ноженькамъ подойдите...
Хри-и-ста ра-а-ди...
Бѣлымъ рученькамъ поднесите...
Хри-и-ста ра-а-ди...

Но нѣтъ все-таки той торжественно-важной, строгой, сокрушенно-трепетной, плавно качающейся пѣвучести, которая такъ беретъ въ плѣнъ безрадостнымъ очарованіемъ своимъ, такъ размягчаетъ сердце тихою и смутною печалью... Медленно шагаютъ они тихой улицей станицы, слѣпые и убогіе хохлики въ холстинныхъ портахъ... Только что пробѣжало облачко, уронило нѣсколько крупныхъ капель, прибило пыль. Паритъ. Сверкаетъ горячее небо вверху, неровныя, извилистыя тѣни притаились въ сизыхъ вербахъ, замыкающихъ улицу... Осипшими, разбитыми, но выразительной дрожью говорящими голосами выталкиваютъ пѣвцы вздохъ въ началѣ каждаго стиха и тихое, вопрошающее угасаніе въ концѣ. И жалуются печальные, надрывающіе душу однообразной горечью звуки, сурово напоминаютъ о томъ, что измѣнитъ веселье и радость, замретъ свѣча жизни и раскроется одинокая могила... И замерли, прислушавшись, бѣлыя стѣны хатокъ подъ тусклымъ золотомъ соломенныхъ крышъ, застыли у плетней, на зеленыхъ коврикахъ подорожника и конѣечника, красныя пятна ребятишекъ съ паль-

цами во рту, пригорюнились сокрушенно вздыхающія бабы...

...Соболь все-таки обманулъ: за оградой его не оказалось. Я какъ-то сразу почувствовалъ себя одинокимъ и безпомощнымъ въ мужицкой Отрадѣ: никого знакомыхъ, чужое все кругомъ. Голодъ давалъ себя чувствовать, праздничное настроеніе изсякло. Купилъ фунтъ баранокъ, началъ ѣсть: вкусъ иловатой глины. Постоялъ. Пропустилъ крестный ходъ. Потомъ пошелъ въ томъ направленіи, откуда вмѣстѣ съ дымкомъ доносился рѣзковатый запахъ горѣлаго постнаго масла, и къ огромному своему удовольствію открылъ цѣлый рядъ ярмарочныхъ ресторацій, палатокъ—кухмистерскихъ, изготовлявшихъ оладьи. Оладьи оказались ничего себѣ. Чай мутноватъ, но по походному времени тоже сносенъ.

Черезъ четверть часа шумная толпа заполнила въ этихъ палаткахъ всѣ длинные столы изъ неоструганныхъ досокъ, на живую руку сколоченныя скамьи, на которыхъ надо было сидѣть спокойно и чинно,—иначе былъ рискъ занозиться или опрокинуться назадъ. Зашумѣла, завозилась, закрутилась безшабашная жизнь ярмарки. Вотъ и первая трель гармоники... У гармониста бѣлые, какъ ленъ, волосы, тонкая, кривая шея, впалыя щеки и дорогіе лакированные сапоги. Вотъ онъ тронулъ лады, пробѣжалъ по нимъ небрежно быстрымъ аллюромъ,—пестрыми, мгновенными цвѣточками вспыхнули и промчались надъ мутнымъ, безбрежнымъ галдѣніемъ толпы пѣвуче-смѣющіеся звуки... Остановился, склонилъ голову на бокъ, призадумался... И вдругъ широкимъ размахомъ рванулъ инструментъ, и яркимъ снопомъ разноцвѣтныхъ огней взметнулся задорный мотивъ частушки...

— Ахъ-хъ, и на горѣ стоитъ аптека...
Любовь сушитъ человѣка...—

лихо задребезжалъ въ углу нашего балагана тонкій голосокъ подвыпившаго шаршаваго мужичонки.

Разлилась среди палатокъ толпа, какъ широкая лужа посреди деревни, и держалась въ однихъ берегахъ, не отливая и не уменьшаясь. Мелкою, неровною зыбью шло пестрое движеніе внутри ея, слышался шелестъ ногъ, струился пестрый, нестройный говоръ, прорѣзываемый звучными ругательствами—безъ злобы и безъ надобности. Непостижимо быстро появилось много людей съ блѣдными, землистыми лицами, съ открытыми ртами, съ безсмысленно выпученными, остановившимися, остеклѣвшими глазами. Таинственно-издѣвательская сила швыряла ихъ изъ стороны въ сторону, натыкала на всѣ встрѣчные предметы, гнула къ землѣ, пока, наконецъ, побѣдная головушка не попадала

съ размаху подъ телѣгу, къ копытамъ флегматичнаго сивки, въ укромное мѣстечко, гдѣ моментально и засыпала безпробуднымъ сномъ.

Широкая шеренга парней въ пиджакахъ, въ лакированныхъ сапогахъ, съ неистово-ревущей гармоникой нахлынетъ вдругъ лавиной на какого-нибудь такого ослабшаго человѣка; чье-нибудь изобрѣтательное колѣно ловко поддастъ, куда слѣдуетъ, и горемыка летитъ стремглавъ въ сторону гуляющихъ дѣвицъ съ зонтиками, въ кисейныхъ шарфахъ. Убійственно-степенныя, серьезныя, почти мрачныя барышни вдругъ взвизгиваютъ, кидаются въ сторону, хохочутъ. Ледъ сломанъ. Найденъ, наконецъ, переходъ отъ взаимнаго изученія издали, отъ нерѣшительнаго переглядыванія къ основательному знакомству: галантные кавалеры спѣшатъ на выручку... Переплетаются встрѣчныя и поперечныя струи движенія, мѣшаются ревущія волны гармоникъ, однообразныя частушки воспѣваютъ прежестокую любовь. И такъ цѣлый день... Для чужого, сиротливо одинокаго въ толпѣ человѣка утомительно-шумно, однообразно, дико, а для нихъ какъ будто занимательно, весело, можетъ быть, памятно на цѣлый годъ.

Вотъ, наконецъ, и Соболь. Дружески обнялъ какого-то пріятеля въ клеенчатомъ картузѣ, съѣхавшемъ козырькомъ на бокъ. Обоихъ неровными, судорожными толчками кидаетъ то впередъ, то назадъ. По опущеннымъ вѣкамъ, по складкамъ умильной улыбки, застывшей на пунцовомъ, съ провалившимся носомъ лицѣ пріятеля Соболя, видно было, что онъ ослабъ. Но самъ Соболь еще преисполненъ жизнедѣятельности. Мимо прошла компанія съ гармоникой. Онъ лихо подхватилъ мотивъ частушки, крутилъ головой, встряхивалъ волосами, выкидывалъ короткую дробь босыми ногами, видъ имѣлъ такой ухарскій, задорный, обѣщающій, какъ будто говорилъ: показалъ бы колѣно, да не хочу!..

— Вы не глядите, что я плохо одѣтъ, такъ у меня и дома ничего нѣтъ?—кричалъ онъ:—у меня дома—массыя!.. Отецъ-подлецъ жизнь мою заѣлъ! Вѣрно, Вася?

Пріятель Соболя, безсмысленно выталкивавшій впередъ свои согнутыя колѣни, дружески погрозилъ пальцемъ бродячей собакѣ на трехъ ногахъ, смотрѣвшей на него внимательнымъ, ожидающимъ взглядомъ, и обратился было къ ней съ какою-то невнятной рѣчью. Вдругъ, какъ буря, налетѣла на него изъ толпы тощая баба съ кривымъ березовымъ костылемъ въ рукѣ.

— Ты зачѣмъ трешну взялъ, сукинъ сынъ?—негодующимъ голосомъ закричала она сквозь стиснутые зубы:—зачѣмъ взялъ, говори!

Даже Соболь былъ слегка озадаченъ этимъ внезапнымъ натискомъ, и въ то время, какъ его пріятель невнятно, полусонно бормоталъ что-то въ свое оправданіе, онъ мягко убѣждающимъ голосомъ опытнаго дипломата обратился къ бабѣ:

— Маланья Антоновна, зачѣмъ такую понораму? и при такой публикѣ?..

— Брешешь, сукинъ сынъ!—не обращая вниманія на Соболя, кричала баба со слезами злобы и отчаянія въ голосѣ:—ты изъ тринадцати куда трешну дѣлъ?! Убью!..

Она подняла костыль надъ головой и грозно потрясла имъ. Соболь благоразумно покинулъ своего друга и сталъ въ число зрителей. Тѣснымъ кольцомъ окружила шумная, улюлюкавшая толпа это драматическое представленіе и съ замирающимъ нетерпѣніемъ ждала развязки.

— Наживать мы вмѣстѣ наживали... т-твою душу! — яростно размахивая костылемъ, кричала баба:—убью! до-о смерти убью!..

Костыль, наконецъ, опустился и два раза звонко шлепнулъ по клеенчатому картузу. Дружнымъ, восхищеннымъ галдѣніемъ привѣтствовали зрители эти первые звуки боя:

— Вотъ молодецъ-баба!

— Ты зачѣмъ корову продалъ?! убью-у!..

Новые звуки ударовъ по гуттаперчевому картузу, мягко чмокающіе, точно лобзающіе, заставили пріятеля Соболя выйти изъ оцѣпенѣлаго состоянія и подъ дружный, веселый гвалтъ толпы начать отступленіе.

— Я съ тобой жить не буду, чортъ гнилой! пьяница! Всѣ смѣются... Соболь—на что послѣдній человѣкъ—и тотъ оскаляется... Убью-у!..

Колесомъ покатились толкущіеся звуки голосовъ, смѣха, топота ногъ. Звонкое чмоканье костыля раздалось еще раза три. Потомъ что-то произошло. Закружилась толпа, затоптала на одномъ мѣстѣ. Послышался тонкій воющій голосъ бабы:

— Ой, убилъ, убилъ!

И разсыпались лавиной голоса восторженно-хохочущей толпы, сразу передавшей свое сочувствіе неожиданному побѣдителю.

— Караулъ!.. Убилъ, убилъ!.. У контору пойду!..

Воющіе звуки неслись назадъ, къ старому мѣсту битвы, а за ними катилась волна пестраго гулкаго галдѣнія, смѣха, восклицаній, улюлюканья. Теперь уже баба была отступающей стороной, а пріятель Соболя, въ пылу схватки потерявшій свой картузъ, побѣдоносно размахивая кулаками, несся вслѣдъ за ней, сопровождаемый шевелящейся и поощрительно кричащей стѣной зрителей.

— Убилъ, сукинъ сынъ! убилъ! барину заявлю!..—голосила баба.

Она проворно пронеслась впередъ, мимо меня. Нетвердый ногами преслѣдователь ея значительно отсталъ и, видимо, выбился изъ силъ. Наконецъ, онъ остановился и, грозя кулакомъ въ направленіи непріятеля, съ трудомъ прохрипѣлъ:

— Ну, помни!.. штыкъ тебѣ въ ребра!..

Въ отвѣтъ на это со стороны непріятеля, тоже остановившаго отступленіе, полетѣлъ березовый суковатый костыль, но никому не причинилъ безпокойства.

Черезъ часъ вся ярмарка опять всколыхнулась и сбилась въ тѣсную, безтолковую кучу вокругъ подлинной праздничной драмы. Пожилой мужикъ изъ Молочкова проигралъ въ орлянку всѣ свои деньги (что-то около четырехъ рублей) и даже новые сапоги. Но сапоги ему стало жалко, и онъ, схвативши ихъ, пустился бѣжать. Счастливый партнеръ погнался за нимъ, вступилъ въ драку и въ результатѣ упалъ съ распоротымъ животомъ...

Трепещущей черной сѣткой вились грачи и галки въ длинныхъ, красныхъ лучахъ закатывающагося солнца, когда я уходилъ изъ мужицкой Отрады. Изъ-за верхушекъ бора тянулись тонкія, пунцовыя нити, и черное кружево деревьевъ рѣзко, отчетливо рисовалось на аломъ фонѣ. Пестрый гомонъ остался позади, и лишь изрѣдка догонитъ поднявшійся валъ заливистой гармоники да бранчиво-рѣзкій женскій крикъ. Впереди, отъ господской Отрады, несся пѣвуче-звонкій дѣтскій крикъ, меланхолическое мычаніе телятъ, хлопанье бича и собачій лай,—обычные звуки умирающаго дня. Далекъ и задумчиво грустенъ былъ низкій, сизо-зарумяненный горизонтъ съ длинными синими тучками, съ маленькой церковкой, выглядывавшей изъ-за деревьевъ, съ новымъ тесомъ домиковъ у станціи, съ черной линіей телеграфныхъ столбовъ, уходившихъ въ даль.

Еще лѣто, а уже чувствовалось дыханіе осени въ этомъ влажномъ вечернемъ холодѣ, осеннія краски глядѣли съ черныхъ, свѣже-взрытыхъ молчаливыхъ пашенъ, осенняя элегія звучала въ низкомъ небѣ и тихой сумеречной печали умирающаго дня...

Какъ будто и веселы, и пьяны, и пестры были звуки оставленной позади жизни, а носился какой-то темный призракъ неотвратимой обреченности надъ нею, призракъ угасающей Отрады, мужицкой и господской... И было грустно такъ, и жалостью сжималось сердце: милая, бездольная, доживающая Отрада!..

Ѳ. Крюковъ.

Основы уголовнаго, гражданскаго и торговаго права 4000 лѣтъ назадъ.

Вплоть до конца XIX вѣка наиболѣе древнимъ памятникомъ законодательства, который имѣется на лицо, являлось библейское законодательство. Существуютъ указанія, что былъ весьма древній египетскій кодексъ, но до сихъ поръ онъ еще не найденъ. Всѣ другіе имѣющіеся писанные законы древнихъ народовъ, между прочимъ, индусовъ, гораздо болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ Библія *).

И вотъ въ декабрѣ 1901 года найдена была французской ученой экспедиціей на холму въ Сузѣ (въ Персіи) каменная плита, на которой оказались начертанными клинообразными письменами законы Вавилонскаго царя Гамураби, жившаго за 2.250 лѣтъ до Рождества Христова, слѣдовательно, приблизительно 4.000 лѣтъ тому назадъ. Почти всѣ ассирологи усматриваютъ въ упоминаемомъ въ Библіи царѣ Амрафелѣ, современникѣ Авраама, именно царя Гамураби. На камнѣ, гдѣ начертанъ кодексъ, имѣется и рельефное изображеніе царя, получающаго этотъ кодексъ отъ солнечнаго бога Шамаша. 5 строкъ въ этомъ кодексѣ повреждены. Онѣ обнимаютъ около 35 недостающихъ статей. Нѣкоторыя изъ этихъ статей найдены еще до открытія кодекса Гамураби въ такъ называемой библіотекѣ ассирійскаго царя Ассурбанипала, или, что то же, Сарданапала, состоявшей изъ глиняныхъ дощечекъ. Эти отрывки и наводили на мысль о существованіи кодекса, который и былъ найденъ вдали отъ того мѣста, гдѣ онъ впервые изданъ. Всего въ этомъ кодексѣ 282 статьи, считая въ томъ числѣ и недостающія... Кодексу предшествуетъ предисловіе, и онъ оканчивается довольно пространнымъ послѣсловіемъ. Въ этомъ послѣсловіи сказано, между прочимъ, слѣдующее: «Для того, чтобы сильный не угнеталъ слабаго, для того, чтобы защитить сиротъ и вдовъ, для того, чтобы изречь право страны, дать возможность рѣшать спорныя дѣла, уврачевать нанесенный вредъ, я начерталъ мои драгоцѣнныя слова

*) Cohn. Die Gesetze Hammurabis (1903), S. 4.

на камнѣ и поставилъ ихъ предъ моимъ изображеніемъ царя справедливости... Обиженный, который будетъ имѣть дѣло, явится къ моему изображенію—царя справедливости, прочтетъ надпись, внемлетъ моимъ драгоцѣннымъ словамъ, и эта надпись разъяснитъ ему его дѣло, онъ найдетъ на ней свое право, сердце его возликуетъ и онъ скажетъ: Гамураби — властелинъ, который является отцомъ своихъ подданныхъ... На предбудущія времена, навѣки и навсегда. Царь, который будетъ царствовать въ этой странѣ, долженъ соблюдать справедливость, которую я начерталъ на семъ камнѣ; законъ страны, который я далъ, и рѣшеніе, которое я постановилъ, онъ не долженъ отмѣнять, и мой памятникъ не повреждать».

Имѣется уже нѣсколько переводовъ этого кодекса на разныхъ языкахъ: Шеля, Винклера, Давида Миллера и др.; между прочимъ, начало русскаго перевода (до 169 ст.) проф. А. Г. Гусакова появилось въ «Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института» *). Этотъ переводъ на поляхъ снабженъ указаніями на аналогичныя постановленія Библіи и русскихъ законодательныхъ памятниковъ.

I.

Перейдемъ къ содержанію кодекса. Утверждаютъ, что въ расположеніи статей въ этомъ кодексѣ нѣтъ никакой системы, что между ними нѣтъ логической связи, что переходы отъ одного предмета къ другому являются произвольными, что гражданское и уголовное право не отдѣлены другъ отъ друга и т. д. **).

Несомнѣнно, что той системы, которую ищутъ, въ этомъ кодексѣ нѣтъ, но за то въ немъ есть своя система, т. е. та система, которая присуща большинству древнихъ кодексовъ, какъ указалъ Мэнъ ***).

Это—сборникъ судебныхъ казусовъ и постановленій, состоявшихся по данному предмету. Судъ происходилъ предъ вратами храма ****) и, слѣдовательно, наиболѣе важнымъ казусомъ въ такомъ судилищѣ являлось посягательство на божество въ видѣ обвиненія въ волшебствѣ и колдовствѣ. Первыя двѣ статьи и относятся къ этому обвиненію. Обвиненіе провѣряется посредствомъ такъ называемаго Божьяго суда—ордаліей, испытаніемъ водою. Потонувшій признается виновнымъ, оставшійся невредимымъ признается не-

*) Т. I, 1904 г., стр. 100 и сл.

**) Jeremias, Moses u. Hammurabi (Leipzig, 1903), S. 8. Cohn, S. 9.

***) Древній законъ и обычай. Русск. пер. Москва, 1884 г., стр. 285 и сл.

****) Thurnwald, Staat und Wirtschaft in Babylon zu Hammurabis Zeit, въ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 1903, November, S. 664.

виннымъ, обвинитель предается казни, и его имущество переходитъ къ обвиняемому.

Испытаніе водою примѣняется и въ случаѣ обвиненія замужней женщины въ прелюбодѣяніи. Въ 132 ст. сказано: если на чью-либо жену указываютъ перстомъ, что она находится въ сожительствѣ съ другимъ лицомъ, но она не настигнута спящею съ нимъ, то она должна броситься въ рѣку (для оправданія передъ мужемъ).

Божій судъ посредствомъ испытанія холодною водою существовалъ и въ Индіи, но правило, дѣйствовавшее въ Вавилоніи по этому предмету, оттуда не заимствовано, ибо въ Индіи этотъ Божій судъ примѣнялся въ формѣ, сравнительно болѣе нелѣпой, а именно, въ той формѣ, которая существовала въ средніе вѣка въ Европѣ до очень поздняго времени — до XVII вѣка — и которая заслужила одобреніе ученаго, но придурковатаго англійскаго короля Якова I въ его «Демонологіи». По воззрѣніямъ, господствовавшимъ въ Индіи и въ Европѣ, выходило, что невинный долженъ тонуть, а виновный плавать, ибо чистая стихія воды чурается безбожника и выбрасываетъ его; напротивъ, невинный погружается въ воду (innoxii submerguntur aqua, culpabiles supernatant) *).

Отъ этихъ постановленій прямой переходъ вообще къ обвинителямъ—свидѣтелямъ происшествія, въ случаѣ неправильнаго обвиненія ими кого-либо въ преступномъ дѣяніи, а затѣмъ къ судьѣ, вынесшему неправильное рѣшеніе. Свидѣтели-обвинители подвергаются тому же наказанію, какое понесъ бы обвиняемый, а судья подвергается тяжелому штрафу и извергается публично изъ состава суда. Объ этомъ и трактуютъ ст. 3—5.

Уже Гриммъ указалъ на то, что въ болѣе ранніе періоды исторіи свидѣтели происшествія въ сущности являются не только обвинителями, но и судьями, ибо отъ ихъ показанія зависитъ приговоръ **). Именно въ виду такого значенія свидѣтелей-очевидцевъ, въ виду той роли, которую они играли въ процессѣ, ложный оговоръ со стороны свидѣтелей былъ равносиленъ неправильному осужденію. Этимъ и объясняется то жестокое отношеніе, которое проявляетъ древній законодатель къ лжесвидѣтелямъ.

Общая характеристика всѣхъ приведенныхъ до сихъ поръ статей та, что онѣ относятся къ судопроизводству. Этимъ, какъ указываетъ Мэнъ, обыкновенно и начинаются всѣ древніе кодексы, т. е. въ той или иной формѣ, въ различныхъ варіаціяхъ они трактуютъ о судѣ, объ обвиненіи или, что то же, объ искѣ ***).

Непосредственно за этими статьями идетъ рядъ статей (6—25), относящихся къ воровству—кражѣ имущества, присвоенію чужого

---

*) Lea. Superstition and Force. (Philadelphia 1870), p. 247 — 260. Grimm, Deutsche Rechtsaltertümer, S. 923—925.

**) Grimm, Deutsche Rechtsaltertümer, S. 858, 785.

***) Мэнъ, стр. 285, 287, 292, 294 и др.

имущества, при чемъ сюда относятся и кража малолѣтняго сына, и удержаніе сбѣжавшаго раба. Въ связи съ кражей идетъ рѣчь о грабежѣ (22—24) и кражѣ во время пожара (25). Отмѣтимъ тутъ же, что и въ Салическомъ законѣ (Lex Salica) тотчасъ же за первымъ титуломъ, касающимся судопроизводства, идетъ рядъ титуловъ о воровствѣ-кражѣ (furtum).

Не подлежитъ сомнѣнію, что воровство-кража въ томъ обширномъ смыслѣ, въ какомъ она трактуется въ кодексѣ Гамураби, была однимъ изъ главныхъ предметовъ судебнаго разбирательства и поэтому она и стоитъ на первомъ планѣ въ кодексѣ Гамураби. Дѣло въ томъ, что воровствомъ-кражей признается по кодексу нахожденіе чьего-либо имущества въ чужомъ владѣніи, если переходъ имущества не совершенъ публично въ присутствіи свидѣтелей и старшинъ.

О характерѣ этихъ статей можно судить по слѣдующимъ. Если тотъ, у кого пропала какая либо вещь, сказано въ 9 ст. кодекса Гамураби, найдетъ ее у другого лица, и если это лицо, у котораго найдено пропавшее, скажетъ: я купилъ вещь у продавца, предъ старѣйшинами я заплатилъ за нее, и, если съ другой стороны, собственникъ пропавшей вещи скажетъ: я приведу свидѣтелей, знающихъ мою пропавшую вещь, то покупщикъ долженъ привести продавца, который ему продалъ вещь, и старѣйшинъ, предъ которыми онъ купилъ ее, а собственникъ пропавшей вещи долженъ привести свидѣтелей, знающихъ пропавшую вещь. Судья долженъ изслѣдовать ихъ показанія, старѣйшины, предъ которыми цѣна уплачена, и свидѣтели, знающіе пропавшую вещь, должны свидѣтельствовать предъ Господомъ. Тогда продавецъ признается воромъ и предается смерти, собственникъ пропавшей вещи получаетъ ее обратно, а деньги, уплаченныя покупщикомъ, возмѣщаются изъ имущества продавца. Но если покупщикъ не приведетъ продавца и старѣйшинъ, предъ которыми онъ заплатилъ, собственникъ же пропавшей вещи приведетъ видока, то покупщикъ признается воромъ и подвергается смерти, собственнику же возвращается пропажа. Но если собственникъ пропавшей вещи видока не приведетъ, то онъ злонамѣренный, онъ оклеветалъ и долженъ быть убитъ (ст. 10—11). Дальше предусмотрѣнъ случай смерти продавца еще до окончанія дѣла. Тогда приходится ограничиться штрафомъ изъ имущества умершаго (ст. 12), предусмотрѣнъ и случай, когда старѣйшинъ, предъ которыми совершена продажа, нѣтъ на лицо,—тогда судья долженъ назначить срокъ въ 6 мѣсяцевъ. Если чрезъ 6 мѣсяцевъ старѣйшины не явятся, то сославшійся на нихъ злонамѣренный. Какой карѣ онъ подвергается, трудно понять изъ перевода 13 статьи.

Съ обязанностью отвѣтчика оправдываться въ возведенномъ на него обвиненіи въ кражѣ и доказывать, у кого, гдѣ и при какихъ условіяхъ онъ пріобрѣлъ вещь, мы встрѣчаемся и въ средневѣко-

выхъ кодексахъ. И тамъ владѣлецъ вещи долженъ указать продавца и свидѣтелей, при которыхъ продажа совершена. И тамъ необходимость подобныхъ доказательствъ законнаго пріобрѣтенія имущества обусловливалась тѣмъ, что переходъ вещи отъ одного лица къ другому долженъ былъ совершаться публично—на рынкѣ (in market overt) и во, всякомъ случаѣ, при наличности свидѣтелей. Тамъ, гдѣ этихъ условій не было, вещь считалась добытой воровствомъ—кражей *).

Однородныя правила имѣются и въ Русской Правдѣ, и въ Псковской Судной Грамотѣ. Въ 32 ст. Русской Правды (Троицк. сп.) сказано: если кто-нибудь купилъ что-либо краденное, то пусть выведетъ два свободныхъ мужа или мытника, которые подтвердятъ, что онъ дѣйствительно купилъ **). Это значило «идти на сводъ» или на «изводъ» по Пск. Судн. Грам., т. е. выслѣживать, гдѣ и у кого куплена вещь. Во всякомъ случаѣ, краденая вещь должна быть возвращена собственнику ея ***).

Есть, однако, и различіе между правилами, дѣйствовавшими въ средніе вѣка, и законами Гамураби по данному предмету. По средневѣковымъ кодексамъ обвинитель ничего не долженъ доказывать, а между тѣмъ можетъ случиться, что вещь дѣйствительно украдена, но не у даннаго лица. По кодексу Гамураби и на обвинителѣ лежитъ бремя доказательства въ этомъ отношеніи.

Изъ постановленій о грабежѣ заслуживаютъ вниманія слѣдующія. Если грабитель не схваченъ, сказано въ 23 ст., то ограбленный долженъ предъявить притязаніе предъ Господомъ, и тогда то поселеніе и тотъ сельскій старшина, на землѣ котораго и въ предѣлахъ вѣдѣнія котораго совершенъ грабежъ, должны возмѣстить убытокъ. Если захвачены люди, сказано въ слѣдующей 24 ст., то поселеніе и сельскій старшина обязаны уплатить родственникамъ 1 мину серебра. Очевидно, эти постановленія находятся въ связи съ обязанностью общины охранять миръ въ предѣлахъ данной мѣстности и являться на зовъ всякаго, на кого совершено нападеніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняютъ существованіе однороднаго правила у франковъ и англо-саксовъ въ средніе вѣка. Представители сотни (centena, hundred) обязаны были во главѣ своей сотни преслѣдовать воровъ и грабителей въ случаѣ необходимости и за предѣлами сотни. Если имъ удавалось захватить этихъ лихихъ людей, то они получали половину денежной виры, полагавшейся за воровство; если же виновники ускользнули, то вся сотня, въ предѣлахъ поселенія которой былъ совершенъ грабежъ или гдѣ

*) Jenks, Law and Politics in the middle ages, London, 1898, p. 199, 200.

**) Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, стр. 259.

***) Русск. Пр. (Акад. сп. 13, 15). Пск. Судн. Гр., 46, 54, 56. Сергѣевичъ, ibid., стр. 401—402.

преслѣдуемый воръ и грабитель былъ укрытъ, обязана была возмѣстить потерпѣвшему стоимость похищеннаго *).

Изъ приведенныхъ постановленій видно, что отвѣтственность общины за воровство и грабежъ вытекала не только изъ обязанности ея преслѣдовать всякое нарушеніе мира, но и изъ предположенія, господствовавшаго въ тѣ времена, что нападеніе на посторонняго человѣка и его имущество (на *своихъ* въ тѣ времена не нападаютъ) могло быть учинено лишь при прямомъ или косвенномъ содѣйствіи самой общины. Это косвенное содѣйствіе заключается въ томъ, что, зная о совершившемся, община укрываетъ виновника, не выдаетъ его и этимъ самымъ принимаетъ на себя возмѣщеніе причиненнаго вреда. Это положеніе вполнѣ подтверждается постановленіями «Русской Правды» и уставныхъ грамотъ позднѣйшаго времени о дикой вирѣ, которую уплачиваетъ вервь (община) за убійства, совершенныя въ ея предѣлахъ. Платитъ та вервь, гдѣ голова лежитъ, и платитъ не только, когда убійцы нѣтъ, но и тогда, когда онъ на лицо **).

Дальнѣйшія статьи кодекса Гамураби (26—42) также относятся къ присвоенію чужого имущества, но при особыхъ условіяхъ.

Рѣчь идетъ о служилыхъ людяхъ, которымъ отведена земля или данъ скотъ съ условіемъ несенія воинской службы. Вотъ къ какому времени приходится отнести зачатки ленной, феодальной или, что то же, помѣстной системы.

При обиліи громадныхъ пространствъ пустыхъ земель въ то время, когда возникъ феодализмъ, съ одной стороны, въ Европѣ, а, съ другой стороны, въ Вавилоніи, трудно объяснить, какъ могло возникнуть зависимое положеніе вассаловъ отъ синьоровъ, благодаря раздачѣ земель. Въ виду этого Мэнъ давно уже указалъ, на основаніи данныхъ изъ ирландскихъ древнихъ законовъ, что эта зависимость возникаетъ не столько вслѣдствіе раздачи земель, сколько вслѣдствіе раздачи предводителями племенъ и храмами скота—орудія земледѣльческаго производства, который въ то же время представляетъ собою и деньги, и пищу, и одежду ***). Вавилонскій кодексъ спеціально упоминаетъ среди предметовъ, благодаря которымъ устанавливается служебная зависимость, именно скотъ, при чемъ это имущество является неотчуждаемымъ. Въ 35 ст. сказано: если кто-либо купитъ у служилаго военнаго человѣка рогатый или мелкій скотъ, который ему данъ царемъ, то онъ теряетъ свои деньги. Точно также признается, согласно 36 ст., неотчуждаемымъ поле, огородъ и усадьба служилаго военнаго чело-

---

*) Schröder. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, Leipzig, 1902, S. 123. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, Leipzig, 1892, II S. 147 Anm. 37.

**) Русск. Правда (Троицк. спис.), ст. 3, 4, Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія, 1899, стр. 307.

***) Maine, Lectures on the early history of institutions, London, 1889 (5 изд.), p. 142.

вѣка и чиншевого владѣльца. Сдѣлки объ отчужденіи этихъ предметовъ, совершенныя служилымъ человѣкомъ съ другимъ лицомъ, признаются недѣйствительными, или, какъ сказано въ 37 ст., договорныя таблички о покупкѣ ломаются, покупатель теряетъ свои деньги, а поле, огородъ и усадьба возвращаются хозяину ихъ.

Предуматривается въ кодексѣ случай, когда обязавшійся службой своего обязательства не исполняетъ, оказывается «въ нѣтяхъ», какъ говорилось у насъ, и замѣняетъ себя другимъ лицомъ. Кромѣ кары, онъ лишается усадьбы въ пользу того, кто его замѣнялъ (ст. 27). Попутно предусматривается случай перехода такого владѣнія къ сыну служилаго человѣка, если онъ попалъ въ плѣнъ (ст. 28).

Встрѣчаемъ мы среди этихъ постановленій, относящихся къ владѣнію служилыхъ людей, и запрещеніе передавать подобное владѣніе женѣ или дочери (ст. 38), очевидно, потому, что онѣ не въ состояніи исполнять условіе объ отбываніи службы, а также запрещеніе продавать за долги, а попутно указывается и на то, что купленный участокъ и усадьбу (куплю) можно передать женѣ и дочери и продавать за долги (ст. 39).

Съ этими правилами не лишнее сопоставить постановленія о помѣстномъ владѣніи, дѣйствовавшія у насъ въ XVII вѣкѣ. Ст. 1 главы XVII Уложенія Алексѣя Михайловича гласитъ: «Кого не станетъ, а послѣ его останется жена бездѣтна, да послѣ того же останутся братья родные и двоюродные и родъ: и тѣ вотчины давать въ родъ того умершаго, кого не станетъ, братьямъ роднымъ и двоюроднымъ и въ родъ, кто кому ближе. А женамъ тѣхъ умершихъ, которые останутся бездѣтны, давать имъ изъ животовъ ихъ четверть на приданое. А до родовыхъ и до выслуженныхъ вотчинъ имъ дѣла нѣтъ, опричь купленныхъ вотчинъ». Впрочемъ, по Уложенію вотчина переходитъ и къ дочери при отсутствіи сыновей.

Вернемся къ кодексу Гамураби. Несмотря на неотчуждаемость служилаго владѣнія, оно все-таки можетъ перейти по давности въ пользованіе другого лица. А именно, если служилый забросилъ участокъ, огородъ и усадьбу, а другой фактически пользовался ими въ теченіе трехъ лѣтъ, то владѣніе первому не возвращается и оставляется у того, кто имъ завладѣлъ (ст. 30). Изъ правила о неотчуждаемости такого владѣнія имѣется изъятіе. Оно можетъ быть отчуждено на правахъ пользованія, а не собственности, другому ленному владѣльцу, а также «тамкару». Это очень любопытная фигура, заслуживающая вниманія. Тамкаръ то же, что арабское «тагиръ»—купецъ, но онъ является представителемъ храма или царя, совершаетъ сдѣлки отъ ихъ имени, хотя и получаетъ участіе въ прибыляхъ *). Этотъ древній купецъ подобно нашему «гостю»,

*) Winckler, Die Gesetze Hammurabis, Leipzig. 1903, S. 15, Anm. 2.

слѣдовательно, тоже служилый человѣкъ. Съ его операціями намъ придется еще встрѣтиться.

Мелькомъ нами уже было упомянуто о документѣ купли-продажи въ видѣ таблички. Мы увидимъ дальше (ст. 48), что существовали въ Вавилоніи и долговыя таблички, дарственные (165, 178—179) и вообще письменные документы. Объ этомъ фактѣ было извѣстно и раньше по найденнымъ при раскопкахъ экземплярамъ разныхъ сдѣлокъ, но преобладающее значеніе письменныхъ сдѣлокъ въ гражданскомъ и торговомъ оборотѣ древняго Вавилона выясняется только изъ опредѣленій кодекса.

Мы знаемъ о существованіи въ Римѣ литеральныхъ обязательствъ (literarum obligatio) и табличекъ расходовъ и получекъ (tabulae expensi et accepti). Но свѣдѣнія объ этихъ письменныхъ обязательствахъ столь скудны, что изъ нихъ трудно получить ясное понятіе объ условіяхъ, способствовавшихъ возникновенію этихъ обязательствъ, и о роли, которую онѣ играли въ римской жизни *).

Оказывается, что задолго до грековъ и римлянъ вавилоняне совершали письменныя сдѣлки, при чемъ многія изъ нихъ сохранились до нынѣшняго времени, между тѣмъ какъ греческія и римскія исчезли. Іерингъ въ своемъ посмертномъ сочиненіи объ исторіи, предшествовавшей появленію индо-европейцевъ, объясняетъ причину этого факта: употреблявшіяся въ Греціи и Римѣ деревянныя таблички сгнили, а бронзовыя были переплавлены и употреблены для другихъ цѣлей, между тѣмъ вавилонскія таблички изъ обожженной глины и изъ камня сохранились до нынѣшняго времени. «Дикія орды, которыя сравняли съ землею Вавилонъ и другіе города, не трогали камней, какъ никому не нужныхъ. Камень сохранился, благодаря тому, что онъ не имѣлъ никакой цѣны, для металла цѣна его имѣла роковое значеніе **). Іерингъ указываетъ и на то, что совершеніе сдѣлокъ въ письменной формѣ на табличкахъ перешло въ Грецію, а затѣмъ и въ Римъ отъ вавилонянъ черезъ посредство финикіянъ. Онъ указываетъ, между прочимъ, на совпаденіе между формою совершенія сдѣлокъ въ Вавилоніи и Римѣ ***).

Несмотря на повальную безграмотность всѣхъ слоевъ средневѣковаго общества, несмотря, далѣе, на то, что возможность установленія права посредствомъ такого абстрактнаго способа, какъ составленіе письменнаго документа, чуждо средневѣковому человѣку, подобные документы, однако, стали совершаться весьма рано, благодаря воздѣйствію римскаго права. Сначала этотъ документъ имѣлъ такое же значеніе, какъ и глыба земли, взятая съ пріобрѣтаемаго участка,

---

*) Maine, Ancient Lago, London, 1891. (14 изд.), р. 330—331. (Есть и русск. переводъ).

**) Ihering, Vorgeshichte der Indoeuropäer, Leipzig, 1894, S. 172—174.

***) Ihering, ibid., S. 258—259.

какъ и вѣтка, срываемая съ дерева, растущаго на этомъ участкѣ,— словомъ, значеніе символа пріобрѣтенія, присоединяемаго къ другимъ символамъ, но съ теченіемъ времени требованіе о совершеніи письменнаго документа—cartula, усвоенное лонгобардскимъ закономъ, получаетъ примѣненіе во всей средневѣковой Европѣ и пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе документа, устанавливающаго извѣстное право *).

Уже эта краткая схема развитія письменности въ житейскомъ оборотѣ въ средніе вѣка показываетъ, что и постановленія вавилонскаго кодекса о письменныхъ документахъ были, несомнѣнно, результатомъ долговременнаго предшествовавшаго развитія. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ и постановленія о служебномъ владѣніи.

II.

Читая статьи вавилонскаго кодекса о служиломъ владѣніи, мы какъ будто читаемъ опредѣленія, относящіяся къ ленному или помѣстному владѣнію **). И въ Европѣ въ средніе вѣка, и въ Вавилоніи въ очень отдаленныя отъ насъ времена земледѣльческія общины, объединенныя завоеваніемъ, нуждаются въ служиломъ классѣ, преимущественно для военныхъ цѣлей, и въ созданіи источника для его существованія, которымъ и является земля или скотъ. Введеніемъ этой системы бенефицій, какъ указалъ, между прочимъ, Дженксъ ***), и начинается разрушеніе системы группового (общиннаго) владѣнія землею, подкапываніе земельной общины, ибо не только появляется масса лицъ, владѣющихъ на иномъ правѣ, чѣмъ общинники, но именно въ интересахъ помѣстныхъ владѣльцевъ, а также гостей, завѣдывающихъ имуществомъ храмовъ, возникаетъ группа лицъ, воздѣлывающихъ ихъ землю, съемщики ихъ земель подъ разными наименованіями, если владѣльцы не имѣютъ достаточнаго числа рабовъ. Именно поэтому, можетъ быть, кодексъ Гамураби переходитъ отъ указаннаго вида пользованія землею или скотомъ подъ условіемъ службы къ другимъ видамъ пользованія чужою землею или скотомъ, къ арендѣ и залогу (ст. 42—52), а затѣмъ къ отношеніямъ, вызываемымъ сосѣдствомъ, потопленіемъ луговъ, потравой ихъ скотомъ, устройствомъ плотины (ст. 53—58). Изъ общихъ правилъ объ арендѣ выдѣленъ рядъ статей объ арендѣ огородовъ и о взаимномъ отношеніи между хозяиномъ и огородникомъ или садовникомъ (ст. 59—65).

Кодексъ знаетъ и случай отдачи земли въ наемъ съ дѣлежемъ дохода (скопщину), и случай взиманія опредѣленной арендной

*) Jenks, ibid., p. 276—279. Schröder, ibid., S. 295.

**) Schröder, Deutsche Rechtsgeschichte, S. 415 и слѣд. Jenks, Law and Politics, p. 216 и слѣд.

***) Jenkes, Law and Politics, pp. 217, 218.

платы и предусматриваетъ послѣдствія этихъ двухъ видовъ найма. Если, сказано въ 45 ст., кто-либо отдаетъ для обработки свою землю за опредѣленный доходъ (чиншъ) и плата ему внесена, а затѣмъ наступаетъ неблагопріятная погода и уничтожаетъ жатву, то вредъ, причиненный несчастіемъ, падаетъ на съемщика. Если же, сказано въ 46 ст., онъ не получаетъ опредѣленнаго дохода за свое поле, а сдалъ его за половину или третью часть, то хозяинъ земли и съемщикъ дѣлятъ между собою жатву сообразно ихъ долѣ.

Это тѣ же два разряда арендаторовъ, которыхъ мы встрѣчаемъ въ средніе вѣка. Изъ второго разряда, уплачивающаго опредѣленную арендную плату,—firmarius'а, образуется впослѣдствіи ферлеръ *). Но кромѣ этихъ арендаторовъ въ средніе вѣка имѣется и группа съемщиковъ, соотвѣтствующихъ вавилонскому садовнику или огороднику, которая и въ средневѣковыхъ актахъ именуются соотвѣтствующими названіями **): Casati, Köter, Gärtner, Häusler и т. д.

Прутцъ въ своей «Культурной исторіи крестовыхъ походовъ» указываетъ на то, что франки, водворившіеся въ Сиріи, были поражены сходствомъ между феодальнымъ строемъ общества въ Европѣ и тѣмъ, который они нашли въ Сиріи. Не только войска, но и вообще служилые люди содержали себя доходами съ отведенныхъ имъ участковъ земли. Раздача земель въ качествѣ леновъ господствовала и среди магометанъ, какъ до крестовыхъ походовъ, такъ и въ этомъ періодѣ. «Читая списокъ лицъ, говоритъ онъ, которымъ пожалованы лены, и переданныхъ имъ имуществъ, сообщаемые намъ однимъ арабскимъ историкомъ, можно думать, что мы имѣемъ предъ собою средневѣковый ленный списокъ, по которому европейскій феодальный властелинъ дѣлитъ между своими вассалами пріобрѣтенныя ихъ оружіемъ земли». Тѣмъ не менѣе Прутцъ отвергаетъ возможность заимствованія феодальныхъ институтовъ изъ Азіи и утверждаетъ, что аналогичныя учрежденія эти возникли самостоятельно и независимо другъ отъ друга ***). Но, если принять во вниманіе фактъ существованія феодализма въ Вавилоніи въ очень отдаленныя времена, если, далѣе, принять въ соображеніе, что черезъ 2.000 лѣтъ послѣ изданія кодекса Гамураби, а именно въ III вѣкѣ по Р. Х., очевидцы, жившіе въ Вавилоніи, свидѣтельствовали объ окаменѣвшемъ тамъ феодальномъ строѣ ****), то наблюденія, сдѣланныя крестоносцами въ XI и XII вѣкѣ, явятся, какъ мнѣ кажется, дополнительнымъ доказательствомъ того, что между Азіей и Европой существовало взаимодѣйствіе по отношенію къ обще-

*) Jenks, ibid. p. 218.

**) Schröder, Deutsche Rechtsgeschichte, S. 425, 452. Jenks, p. 217.

***) Prutz, Kulturgeschichte der Kreuzzüge, Berlin, 1883, S. 42.

****) Funk, Die Judenin Babylonien (200--500), Berlin, 1902, S. 15, 17.

ственному строю задолго до крестовыхъ походовъ, какъ это утверждалъ давно уже историкъ провансальской поэзіи Форіель *).

Въ томъ же отдѣлѣ кодекса, гдѣ трактуется объ арендѣ, имѣются весьма любопытныя статьи объ обезпеченіи долга недвижимымъ имуществомъ —полемъ, подлежащимъ посѣву. Оказывается, что если собственникъ отдалъ кредитору поле съ тѣмъ, чтобы онъ произвелъ посѣвъ и воспользовался жатвой, то все-таки жатва должна быть отдана собственнику поля, а послѣдній уже отъ себя долженъ дать кредитору столько хлѣба, сколько слѣдуетъ за занятую имъ сумму вмѣстѣ съ процентами на эту сумму и расходами по обработкѣ поля (ст. 49). Въ 48 ст. предусматривается случай, когда кто-либо имѣетъ процентный долгъ, а буря уничтожила жатву или вслѣдствіе наводненія посѣвъ не взошелъ. Въ такомъ случаѣ, сказано въ этой статьѣ, должникъ въ этомъ году не долженъ дать кредитору жатвы, его долговая табличка должна быть размягчена въ водѣ, и проценты за этотъ годъ съ него не взыскиваются. Повидимому, и это постановленіе относится къ случаю обезпеченія долга пахатнымъ полемъ, ибо при неуплатѣ долга вообще кодексомъ Гамураби установлено долговое рабство (ст. 115). Въ сущности, залога въ собственномъ смыслѣ тутъ нѣтъ, а есть зачатки залога, то, что въ lex Bajuvarium называется quasi pignum — «donare quasi pro pignore qualemcunque rem» **). Именно для того, чтобы избавиться отъ долгового рабства, повидимому, прибѣгали къ такому способу закрѣпленія обѣщанія уплаты. Впослѣдствіи изъ него развился залогъ.

Приведемъ здѣсь еще нѣкоторыя постановленія, относящіяся къ отношеніямъ сосѣдства. Если, сказано въ 53 ст., кто-либо настолько лѣнивъ, что не держитъ въ исправности своей плотины, и если вслѣдствіе этого плотина прорывается и сосѣдняя нива затопляется водою, то тотъ, чья плотина прорвалась, обязанъ вознаградить за погибшій хлѣбъ. Если онъ не въ состояніи этого сдѣлать, то онъ и его имущество продается, и сосѣди, поля которыхъ затоплены, дѣлятъ выручку (ст. 54). Ст. 57 устанавливаетъ вознагражденіе хозяина земли скотовладѣльцемъ за допущеніе пастьбы скота на чужомъ полѣ безъ согласія хозяина. Объ отвѣтственности за поврежденіе имущества трактуетъ множество статей въ кодексѣ Гамураби, и намъ придется еще коснуться этого предмета въ общей связи.

Вслѣдъ за недостающими 35 статьями идутъ статьи о договорѣ коменды (100—108). Попали сюда, повидимому, за неимѣніемъ другого мѣста и нѣсколько статей о продажѣ вина или, вѣрнѣе, о корчмахъ. Но, за исключеніемъ этихъ статей, всѣ остальныя тѣсно

---

*) Fauriel, Histoire de la poèsie provencale, III, p. 41.

**) Zöpfl, Deutsche Rechtsgeschichte, Braunschweig, 1872, III, S. 288, Anm. 35.

связаны. Въ нихъ идетъ рѣчь о долговыхъ требованіяхъ, о долговомъ рабствѣ, о поклажѣ (112—126).

Договоръ коменды, какъ свидѣтельствуютъ о немъ средневѣковые источники, заключается въ томъ, что лицо, владѣющее капиталомъ—товаромъ, деньгами, кораблемъ (commendator, socius stans), остающееся дома, даетъ другому лицу, большею частью путешествующему (portator, commendatarius), этотъ капиталъ для оборотовъ на чужбинѣ, или—какъ обыкновенно выражались въ средніе вѣка—для работы этимъ капиталомъ (portat laboratum). Въ болѣе раннія времена участіе капиталомъ только одностороннее, впослѣдствіи встрѣчается и двустороннее. При одностороннемъ участіи капиталомъ страхъ несетъ въ случаѣ несчастья (periculum) комендаторъ. Онъ является хозяиномъ предпріятія, даетъ обязательныя инструкціи и получаетъ отъ лица, которое онъ ссудилъ капиталомъ, точный и подробный разсчетъ *).

Въ такомъ видѣ договоръ коменды является въ іерусалимскихъ ассизахъ, составленныхъ въ XII вѣкѣ. Таковъ договоръ коменды и по вавилонскому кодексу.

Въ послѣднемъ отношенія по договору коменды характеризуются слѣдующими постановленіями. Если купецъ (гость) далъ кому-либо деньги для торговаго оборота въ другомъ мѣстѣ, и это лицо потерпѣло убытокъ, то оно обязано возвратить купцу только взятый у него капиталъ (ст. 102). Если во время пути на него напалъ непріятель и у него отнято было то, что онъ возилъ, то онъ долженъ присягать предъ Богомъ и свободенъ отъ отвѣтственности (ст. 103). Въ деньгахъ, которыя коробейникъ (повидимому, рѣчь идетъ именно о лицѣ, занимающемся разносною торговлею) даетъ купцу, онъ обязанъ получить расписку. Если онъ этого не сдѣлалъ, расписки не получилъ, то онъ не можетъ ссылаться на такіе платежи въ своемъ разсчетѣ (ст. 104, 105). Тѣмъ не менѣе, 107 ст. даетъ коробейнику возможность оградить себя отъ притязаній купца, если онъ возвратилъ ему всѣ деньги, а тотъ отрицаетъ полученіе какихъ-либо платежей. Онъ можетъ обличить купца во лжи предъ Богомъ и старѣйшинами, и въ такомъ случаѣ купецъ подвергается штрафу въ размѣрѣ шестикратной суммы того, что онъ получилъ.

Еще до открытія кодекса Гамураби, Ревилью утверждалъ, что институтъ коменды существовалъ въ Вавилоніи **). Онъ же утверждалъ, что римское право заимствовало элементы этого института черезъ финикіянъ отъ вавилонянъ и египтянъ. Гольдшмидтъ отнесъ все это къ области миѳа и сновъ, главнымъ образомъ, въ виду того, что никакихъ осязательныхъ данныхъ относительно того, что

---

*) Goldschmidt, Universalgeschichte des Handelsrechts, Stuttgart, 1891, S. 259—261, 264.

**) Revillout, Les obligations en droit Egyptien, Paris, 1886, p. 422. Goldschmidt, ibid., S. 255.

было въ Вавилоніи и что перешло къ финикіянамъ, не осталось *). Теперь и Гольдшмидту, вѣроятно, пришлось бы признать, что не только типическое содержаніе разныхъ сдѣлокъ торговаго оборота, какъ онъ признаетъ, было создано вавилонянами, а за ними египтянами, финикіянами и греками, но что и самыя правила, нормировавшія эти сдѣлки, уже возникли въ Вавилоніи. Однако путь, по которому эти постановленія перешли въ средневѣковую Европу, не тотъ, который указанъ Ревилью. Постановленія іерусалимскихъ ассизовъ, повидимому, прямо заимствованы отъ арабовъ-сарациновъ, которые примѣняли вавилонскій кодексъ.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ правилахъ о поклажѣ.

Поклажа должна совершаться публично, т. е. долженъ быть заключенъ договоръ въ присутствіи старѣйшинъ. При отсутствіи договора требованіе о возвратѣ поклажи не можетъ быть осуществлено (ст. 122, 123). Если кто-либо отдалъ другому на сохраненіе вещи и онѣ были похищены, вслѣдствіе взлома или грабежа, вмѣстѣ съ вещами хозяина, то все-таки хозяинъ въ виду нерадѣнія его обязанъ возмѣстить все, что ему дано на сохраненіе. При этомъ поклажеприниматель въ правѣ отыскивать похищенное имущество и такимъ образомъ вознаградить себя за понесенный ущербъ.

Библейское законодательство, напротивъ, приравниваетъ случай похищенія и кражи ко всякой случайности. Если кто, сказано въ Библіи, отдастъ ближнему на сохраненіе серебро или вещи, и онѣ украдены будутъ изъ дома его, то, если найдется воръ, пусть онъ заплатитъ вдвое. А если не найдется воръ, пусть хозяинъ дома придетъ передъ судей (и поклянется), что не простеръ руки своей на собственность ближняго своего (2 кн. Моис. 22, 7—8). Эти именно постановленія о поклажѣ, повидимому, заимствованы и Швабскимъ и Саксонскимъ Зерцалами. Хранитель долженъ присягнуть, что въ данномъ случаѣ на немъ не было вины, и онъ, освобождается отъ отвѣтственности **).

III.

Изъ обзора, сдѣланнаго до сихъ поръ, видно, что тамъ, гдѣ не было внутренней связи между статьями кодекса, оказывался внѣшній поводъ для того, чтобъ помѣстить въ данномъ мѣстѣ то или иное постановленіе. Но переходъ отъ 126 ст. къ 127 ст., дѣйствительно, нельзя ничѣмъ мотивировать. 126 статьею заканчиваются опредѣленія о поклажѣ, а 127 статьею начинается рядъ опредѣленій, касающихся цѣломудрія женщинъ, адюльтера, злонамѣреннаго оставленія жены мужемъ и мужа женою, расторженія брака, сожительства съ рабой,

*) Goldshmidt, ibid., S. 38, 52.

**) Sachsenspiegel, III. 3. Schwabenspiegel, c. 258. Zoepfl, Deutsche Rechtsgeschichte, III, S. 299.

установленія брака и вытекающихъ изъ него имущественныхъ отношеній какъ между супругами, такъ между ними и дѣтьми при жизни и на случай смерти. Съ этими предметами связанъ и вопросъ объ усыновленіи и о положеніи пріемышей. Уже изъ приведеннаго перечисленія статей отъ 127 до 195 видно, что тутъ сгруппированы всѣ постановленія о семейномъ правѣ въ связи съ преступленіями противъ цѣломудрія и о наслѣдственномъ правѣ. Здѣсь передъ нами довольно правильная, даже на нашъ взглядъ, классификація нормъ.

О бракѣ посредствомъ похищенія кодексъ нигдѣ не упоминаетъ невѣста покупается. Но внесеніемъ платы бракъ не считается совершеннымъ. Въ 159 и слѣдующихъ статьяхъ кодекса предусматривается возможность отказа отъ брака съ обѣихъ сторонъ уже по внесеніи платы, но съ различными послѣдствіями: если женихъ отказывается, онъ теряетъ плату; если отказъ послѣдовалъ со стороны отца невѣсты, онъ обязанъ возвратить все, что ему было уплачено. Такимъ образомъ отступленіе возможно, т. е. бракъ еще не совершенъ, и въ 128 ст. прямо сказано, что бракъ устанавливается лишь договоромъ. Если кто-либо возьметъ женщину для сожительства и не заключитъ договора, то эта женщина не жена его. Но рядомъ съ платой за жену, очевидно, существовало уже и приданое (вѣно), которое давалось дочери, выходившей замужъ, отцомъ ея, а также даръ, который жена получала отъ мужа послѣ совершенія брака. О томъ, какое значеніе имѣла плата, приданое и даръ, мы можемъ лучше всего судить по слѣдующимъ постановленіямъ. Если кто либо, сказано въ 163 ст., беретъ жену и она сыновей не родитъ, затѣмъ жена умретъ, и мужу будетъ возвращена плата, которая имъ внесена въ домъ его тестя, то онъ не можетъ имѣть притязанія на приданое его жены,—оно принадлежитъ дому отца ея. Слѣдующая статья гласитъ: если тесть не возвратитъ ему платы, то онъ въ правѣ вычесть изъ ея приданаго то, что онъ заплатилъ, и затѣмъ долженъ возвратить приданое отцовскому дому. Наконецъ, 162 ст. гласитъ: если кто-либо взялъ жену и она родила ему сыновей и если затѣмъ жена умираетъ, то отецъ ея не можетъ имѣть никакого притязанія на ея приданое, оно принадлежитъ ея сыновьямъ. О подаркѣ (утреннемъ дарѣ) упоминается въ 171 ст. Тамъ указывается, что онъ дается мужемъ женѣ, при чемъ для совершенія дара составляется актъ. И этотъ даръ остается послѣ ея смерти въ пользу дѣтей. Любопытно, что этотъ даръ именуется въ кодексѣ «нудуну» и что этотъ терминъ впослѣдствіи перенесенъ какъ вавилонянами, такъ и евреями (въ кодексѣ, слѣдовавшемъ за библейскимъ,—въ Мишнѣ) на приданое, даваемое отцомъ дочери.

Независимо отъ законнаго супружества въ кодексѣ предусматривается и конкубинатъ. Одна изъ формъ этого конкубината заслуживаетъ особаго вниманія.

Всѣмъ, конечно, памятенъ наивный разсказъ Библіи о томъ,

какъ Сарра, жена Авраама, въ виду безплодія своего обратилась къ Аврааму, чтобы онъ «вошелъ къ служанкѣ ея: можетъ быть, онъ будетъ имѣть дѣтей отъ нея». Авраамъ послушался, и служанка Агарь, дѣйствительно, зачала, а вслѣдствіе этого стала презрительно относиться къ госпожѣ своей. Сарра жаловалась на Агарь, и Авраамъ предоставилъ ей поступить со служанкою, какъ угодно. Она стала притѣснять Агарь, и та убѣжала. Это прямая иллюстрація 146 ст. кодекса: если кто-либо возьметъ жену и она дастъ своему мужу служанку свою въ сожительницы и служанка родитъ ему дѣтей, а затѣмъ будетъ считать себя равной своей госпожѣ вслѣдствіе того, что она родила дѣтей, то господинъ не долженъ ее продать за деньги, а долженъ ее причислить къ служанкамъ. Если же она не родила дѣтей, то госпожа можетъ продать ее за деньги.

Какова судьба дѣтей, рожденныхъ отъ служанки? Въ ст. 170 сказано: если жена родила кому-либо сыновей или служанка родила ему сыновей, и отецъ при жизни сказалъ дѣтямъ, рожденнымъ служанкой: «мои сыновья» и причислилъ ихъ къ дѣтямъ своей жены, то сыновья жены и сыновья служанки должны сообща дѣлить отцовское имущество. Сыну жены принадлежитъ право раздѣла и выбора. Но если, сказано въ слѣдующей 171 ст., отецъ при жизни не сказалъ дѣтямъ, рожденнымъ отъ служанки,—«мои сыновья» и затѣмъ умеръ, то сыновья служанки не должны дѣлиться съ сыновьями жены, но служанка и ея сыновья получаютъ свободу и сыновья жены не въ правѣ предъявлять притязанія на дѣтей служанки, какъ на рабовъ. О траурномъ годѣ для вдовы въ кодексѣ не упоминается. Напротивъ, допускается вступленіе ея въ новый бракъ, хотя съ нѣкоторыми стѣсненіями въ томъ случаѣ, если есть малолѣтнія дѣти. Въ 177 ст. сказано: если вдова, у которой есть малолѣтнія дѣти, имѣетъ намѣреніе вступить въ другой домъ, то она не должна этого дѣлать безъ вѣдома судьи. Когда она вступаетъ въ другой домъ, то судья долженъ осмотрѣть имущество, оставшееся въ домѣ ея прежняго мужа. Затѣмъ домъ перваго мужа передается второму и женѣ для управленія, о чемъ долженъ быть совершенъ актъ. Они обязаны держать въ порядкѣ домъ, воспитать дѣтей и имущества не продавать. Покупщикъ такого имущества, принадлежащаго дѣтямъ вдовы, лишается покупной платы, и имущество возвращается собственнику.

Но наиболѣе замѣчательными въ этомъ отдѣлѣ являются правила, указывающія на возможность распоряженія имуществомъ по завѣщанію. Въ 150 ст. сказано: если кто-либо даритъ своей женѣ землю, огородъ, усадьбу и другое имущество и составилъ по этому предмету актъ, то, если сыновья послѣ смерти ея мужа не предъявляютъ притязаній на это имущество, мать можетъ оставить это имущество одному изъ своихъ сыновей, котораго она предпочитаетъ, и не должна оставить ничего другимъ сыновьямъ. 179 ст. гласитъ:

если посвященная Богу дѣвушка (давшая обѣтъ безбрачія) или посвященная храму блудница получила даръ отъ своего отца и онъ совершилъ актъ, въ которомъ установлено, что она можетъ оставить свое наслѣдство, кому пожелаетъ, при чемъ ей предоставлено право свободнаго распоряженія, то послѣ смерти отца она въ правѣ оставить наслѣдство, кому она пожелаетъ. Братья не въ правѣ предъявить никакихъ притязаній.

Одна изъ наиболѣе раннихъ фикцій, устанавливаемыхъ правомъ первобытныхъ народовъ, это искусственное установленіе семейнаго родства взамѣнъ естественнаго, словомъ—фикція усыновленія. Менъ указалъ на громадное значеніе этой фикціи для такого общества, которое допускаетъ мирное единеніе только между лицами, связанными кровными узами, а такими являются всѣ первобытныя общества *).

Вавилонскій кодексъ представляетъ собою право сравнительно болѣе культурнаго общества, но и тутъ усыновленіе играетъ весьма значительную роль. Между прочимъ, въ 188 ст. предусматривается случай, когда ремесленникъ возьметъ пріемыша для воспитанія и научитъ его своему ремеслу; въ этомъ случаѣ онъ не можетъ быть уже истребованъ обратно родителями. Напротивъ, сказано въ 189 ст., если онъ ремеслу своему не научитъ, то по окончаніи воспитанія пріемышъ можетъ вернуться въ отцовскій домъ. Въ 191 ст. опредѣлено: если кто-нибудь усыновилъ ребенка и воспиталъ его, а затѣмъ основалъ собственный семейный очагъ и имѣетъ дѣтей, то въ случаѣ, если бы онъ пожелалъ отвергнуть воспитанника, послѣдній не можетъ быть отпущенъ безъ всего. Воспитатель обязанъ дать ему изъ своего имущества третью часть сыновней доли и тогда можетъ отпустить его. Изъ поля, огорода, усадьбы онъ ничего не долженъ дать.

Допускается отверженіе и родного сына, но не иначе, какъ съ разрѣшенія суда. Если, сказано въ 168 ст., кто либо намѣренъ отвергнуть своего сына и объявитъ судьѣ: я желаю отвергнуть моего сына, то судья долженъ изслѣдовать его мотивы. Если на сынѣ нѣтъ тяжкой вины, которая даетъ право на лишеніе сыновнихъ правъ, то отецъ не въ правѣ его отвергнуть. Если же на немъ лежитъ тяжкая вина, дающая право на исключеніе изъ семьи, то въ первый разъ его слѣдуетъ простить, а во второй разъ онъ можетъ быть отвергнутъ отцомъ. Подъ сыновними отношеніями, очевидно, здѣсь разумѣется право на содержаніе и наслѣдство. По 165 ст., сыновья дѣлятъ имущество отца между собою поровну, при чемъ отцу предоставляется одарить особо кого-либо изъ сыновей при жизни, составивъ актъ объ этомъ предметѣ.

Переходъ отъ 195 ст. къ послѣдующимъ вызванъ внѣшнимъ поводомъ. Въ 195 ст. идетъ рѣчь о наказаніи сына за ударъ, на-

*) Maine, Ancient Law, p. 130—131.

несенный отцу, ему отрубаютъ руки, и слѣдующія статьи (196—214) посвящены вообще наказаніямъ за тѣлесныя поврежденія, нанесенныя кому-либо. Въ особую группу выдѣлены поврежденія, нанесенныя врачемъ—хирургомъ при совершеніи операціи (215—228), затѣмъ поврежденія, являющіяся результатомъ непрочной постройки дома домостроителемъ, архитекторомъ (228—233), и убытки, причиняемые корабельщикомъ (234—240).

Связь между этими предметами, т. е. между наказаніемъ за преступленія и отвѣтственностью за убытки является для древняго кодификатора вполнѣ нормальною, ибо въ раннюю эпоху исторіи существуетъ не понятіе о преступленіи, а понятіе о вредѣ *), при чемъ только впослѣдствіи выдѣляются дѣянія, подлежащія уголовному наказанію, и тѣ, которыя влекутъ за собою возмѣщеніе убытковъ.

Система наказаній представляетъ собою строгое и послѣдовательное проведеніе принципа таліона, т. е. возмездія равнымъ за равное, при чемъ въ наказаніи находитъ полное отраженіе совершенное преступленіе. Слѣды композиціи, виры, денежной платы за нанесенныя тѣлесныя поврежденія мы находимъ только по отношенію къ рабамъ. Извѣстно, что и въ библейскомъ законодательствѣ установленъ былъ принципъ таліона, хотя при этомъ допускалась и конкуренція денежнаго вознагражденія. Въ такомъ же видѣ принципъ таліона былъ установленъ и древнимъ римскимъ кодексомъ—законами 12 таблицъ. Сказаніе о томъ, что законы 12 таблицъ заимствованы изъ Греціи, спеціально изъ Аѳинъ, признано Нибуромъ вымышленнымъ. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что децемвиры, составившіе этотъ кодексъ, ѣздили за море, но не въ Аѳины, и такимъ образомъ указаніе на этотъ городъ является позднѣйшей вставкой **).

Спеціально по отношенію къ системѣ наказанія въ 12 таблицахъ всѣми признано, что она не заимствована изъ Аѳинъ, ибо тамъ принципъ таліона не существовалъ ***). Остается предположить, что этотъ законъ заимствованъ чрезъ Карѳагенъ (что уже было высказано Іорданомъ) изъ вавилонскаго кодекса. Эта гипотеза находитъ подтвержденіе въ томъ, что одновременно съ принципомъ таліона заимствованы и другіе институты, и, такъ какъ всѣ они имѣются въ наличности въ вавилонскомъ кодексѣ, то есть основаніе полагать, что онъ и является источникомъ заимствованій. Въ 12 таблицахъ установлено коренное различіе между воромъ, схваченнымъ на мѣстѣ преступленія (fur manifestus), и воромъ, не пойманымъ на мѣстѣ (fur nec manifestus). Первый наказывается смертью, второй—штрафомъ. Въ 21 ст. кодекса Гамураби сказано: если кто-либо совершитъ подкопъ подъ чужой домъ, то онъ долженъ быть

*) Maine, Ancient Law, p. 370.

**) Niebuhr, Römische Geschichte, Berlin, s. 523.

***) Günther, Die Idee der Wiedervergeltung Erlangen, 1889, I, S. 122, Anm. 28.

убитъ передъ ямой и здѣсь похороненъ. Такъ же, какъ въ кодексѣ Гамураби, многія имущественныя правонарушенія въ 12 таблицахъ подводились подъ furtum. Предусматривалась, какъ и въ кодексѣ Гамураби, кража людей и спеціально дѣтей. Въ сохранившихся остаткахъ 12 таблицъ не упоминается о карѣ, постигающей лже-свидѣтеля, но, во всякомъ случаѣ, историками римскаго права признано, что постановленіе по этому предмету, имѣющееся въ Дигестахъ, „появилось очень рано *). Оно тожественно съ постановленіемъ Гамураби.

Система возмездія въ римскомъ правѣ была впослѣдствіи замѣнена системой устрашенія. Но средневѣковыя законодательства, устранивъ въ XII в. систему композиціи, заимствовали не эту систему наказанія, а принципъ возмездія въ томъ видѣ, какъ онъ установленъ Библіей, и, какъ признано историками права, подъ прямымъ и непосредственнымъ воздѣйствіемъ библейскихъ постановленій **).

Въ связи съ приведенными выше постановленіями о договорѣ коменды заслуживаютъ вниманія и постановленія объ отвѣтственности корабельщика. Если, сказано въ 236 ст., хозяинъ отдаетъ свой корабль въ наемъ корабельщику и корабельщикъ оказывается небрежнымъ, корабль терпитъ крушеніе или совершенно погибаетъ, то корабельщикъ обязанъ возвратить хозяину другой корабль. Въ слѣдующей 237 ст. сказано: если кто-либо нанимаетъ корабль и нагружаетъ его хлѣбомъ, шерстью, масломъ и вообще всѣмъ, чѣмъ нагружаются корабли, и если корабельщикъ оказывается небрежнымъ, корабль терпитъ крушеніе и грузъ погибаетъ, то корабельщикъ долженъ возмѣстить все то, что погибло. Наконецъ, если корабельщикъ, нанявъ корабль, хотя и потерпѣлъ крушеніе, все-таки спасаетъ его, то онъ долженъ уплатить половину стоимости корабля (ст. 238).

Преторскій эдиктъ гласитъ: если корабельщики, трактирщики, хозяева помѣщеній для скота не возвратятъ того, что они приняли у кого-либо на сохраненіе, то я предоставляю противъ нихъ право иска. Гай при этомъ объясняетъ, что, хотя корабельщики или трактирщики получаютъ плату не за храненіе чужихъ вещей, а одинъ за перевозку пассажировъ, другой за пребываніе путешественника въ его домѣ, тѣмъ не менѣе на нихъ лежитъ обязанность храненія чужихъ вещей. Ибо, говоритъ онъ, и чистильщикъ платья, и портной получаютъ плату не за храненіе, а за свою ремесленную дѣятельность, тѣмъ не менѣе изъ договора личнаго найма вытекаетъ обязанность храненія ***).

Отъ этихъ убытковъ кодексъ переходитъ къ убыткамъ, нане-

*) Günther, ibid., S. 141 и слѣд.
**) Günther, ibid., S. 212.
***) L. 1, 5. D. 4, 9. Nautae, caupones, etc.

сеннымъ хозяину при наймѣ скота, и къ убыткамъ, причиненнымъ пастухомъ вслѣдствіе нерадѣнія, неосторожности, злонамѣренности. Попутно устанавливается такса за наемъ скота, за личныя услуги и за наемъ корабля. Такимъ образомъ, эти статьи (241—277) находятся въ связи между собою. Послѣднія пять статей посвящены убыткамъ, понесеннымъ при покупкѣ рабовъ, и обязанности очистки въ случаѣ продажи чужого раба. Послѣдняя 282 ст. опредѣляетъ наказаніе раба въ случаѣ, если онъ неправильно утверждаетъ, что онъ не принадлежитъ господину, во владѣніи котораго онъ находится. Если онъ уличенъ во лжи, ему отрѣзываютъ ухо. Если мы припомнимъ библейскія постановленія (Исх., 21, 5—6), по которымъ лицу, желающему остаться рабомъ вѣчнымъ, прокалываютъ ухо, то мы увидимъ, что приведенный законъ устанавливаетъ въ видѣ кары то, что раньше было символомъ установленія рабства, подвластнаго состоянія.

Дженксъ, разсматривая постановленія объ убыткахъ въ средневѣковыхъ кодексахъ, указалъ на то, что изъ положенія объ отвѣтственности за неправильныя или неосторожныя дѣйствія причинившихъ ущербъ лицъ, имѣющихъ спеціальныя свѣдѣнія, постепенно вырабатываются правила объ отвѣтственности за убытки, вытекающіе не только изъ чьего-либо дѣйствія, но и изъ бездѣйствія. Такъ, кузнецъ, берущійся подковать лошадь и дѣлающій ее хромою, врачъ, берущійся ампутировать часть тѣла и увѣчащій паціента, привлекаются къ отвѣтственности за поврежденія. Но съ теченіемъ времени взыскиваются убытки и за дѣйствія неспеціалистовъ, причинившихъ вредъ, и, наконецъ, за бездѣйствіе въ томъ случаѣ, если кто-либо обязался совершить извѣстныя дѣйствія и не совершилъ ихъ *).

Кодексъ Гамураби также начинаетъ, какъ мы видѣли, съ отвѣтственности врача, причинившаго рану, переходитъ къ отвѣтственности домостроителя, непрочно построившаго домъ, къ отвѣтственности корабельщика, вслѣдствіе небрежности котораго погибло имущество фрахтовщика, къ отвѣтственности нанимателя скота за невнимательное отношеніе къ предмету найма, къ отвѣтственности хозяина бодливаго скота, не принявшаго необходимыхъ мѣръ предосторожности, и, наконецъ, къ отвѣтственности пастуха какъ за обманныя дѣйствія по отношенію къ скоту, такъ и за небреженіе.

Но кодексъ Гамураби идетъ дальше средневѣковой юриспруденціи. Онъ устанавливаетъ отвѣтственность за умолчаніе о скрытыхъ недостаткахъ купленнаго предмета — раба. Если кто-либо, сказано въ 278 ст., купитъ раба или рабыню и до истеченія мѣсяца они окажутся больными (указана болѣзнь вепи), то онъ можетъ ихъ возвратить продавцу и получить обратно уплаченныя за нихъ деньги.

---

*) Jenks, ibid., p. 283.

Въ 279 ст. предусматривается случай, когда на купленнаго раба или рабыню будетъ предъявлено притязаніе со стороны третьяго лица; въ такомъ случаѣ продавецъ обязанъ очисткой передъ покупателемъ отъ этой претензіи.

Уже изъ самаго характера кодекса вытекаетъ, что, хотя онъ заключаетъ въ себѣ дѣйствовавшее въ Вавилоніи право, онъ не представляетъ собою всего вавилонскаго права. Только доходившіе до суда случаи въ немъ записаны и вызвали соотвѣтствующія постановленія. Значительныя области правовой жизни могли быть опредѣляемы нормами, которыя не отмѣчены судебными рѣшеніями, ибо они до судебнаго разбирательства не доходили. Это разъ. А другая, и при томъ болѣе важная, причина отсутствія многихъ нормъ въ этомъ кодексѣ та, что кодексъ, несмотря на распространенность его въ вавилонскомъ царствѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ списки, былъ изданъ царемъ-завоевателемъ для многихъ объединенныхъ подъ его властью земель и городовъ.

Несмотря на завоеваніе, несмотря на внѣшнее верховенство Вавилона, внутренняя жизнь этого конгломерата областей текла, конечно, по прежнему руслу, поскольку она не соприкасалась съ властью. Даже въ томъ случаѣ, когда та или иная область усваивала исходившія изъ центра нормы, она могла это дѣлать и, какъ мы увидимъ дальше на примѣрѣ евреевъ, дѣйствительно дѣлала это съ разборомъ, воспринимая лишь то, что соотвѣтствовало ея нравамъ и культурному состоянію, и откидывая то, что приходилось ей не ко двору.

Нельзя поэтому утверждать, какъ это дѣлаетъ, напр., проф. Конъ, что того или иного института уже не было въ вавилонскомъ царствѣ, на томъ основаніи, что въ кодексѣ о немъ не упоминается. Менѣе всего такія умозаключенія могутъ быть дѣлаемы относительно институтовъ семейнаго права, о которыхъ трактуетъ проф. Конъ, опровергая на основаніи кодекса показанія Геродота, свидѣтельствующаго о фактахъ, какъ очевидецъ.

Но, и внося такія оговорки и признавая, что далеко не во всѣхъ территоріяхъ вавилонскаго царства руководствовались всѣми постановленіями этого кодекса, необходимо все-таки признать тотъ фактъ, что уже 4000 лѣтъ тому назадъ существовала въ Азіи болѣе или менѣе обширная страна, стоявшая на такой ступени культуры, какой Европа достигла только въ XV вѣкѣ и при томъ лишь благодаря воздѣйствію культурнаго наслѣдія, доставшагося ей отъ евреевъ—чрезъ Библію и отъ римлянъ чрезъ кодексъ Юстиніана, не говоря уже о вліяніи испанскихъ арабовъ и общеніи съ востокомъ въ періодъ крестовыхъ походовъ.

Уже нѣсколько лѣтъ (съ января 1902 г.) идетъ затихшая въ послѣднее время ожесточенная борьба изъ-за Вавилоніи и Библіи—Babel und Bibel. Спеціально по отношенію къ библейскому законодательству никто не отрицаетъ большого сходства его съ законами

Гамураби и полемика вращается около вопроса, чѣмъ и какъ объяснить сходство.

Возможны три предположенія: самостоятельное развитіе, заимствованіе изъ одного общаго источника и, наконецъ, заимствованія Библіи изъ кодекса Гамураби. Первое предположеніе необходимо отвергнуть, ибо сходство относится не только къ содержанію, но и къ формѣ. Оно доходитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до тожества, а при такомъ совпаденіи предположеніе о самостоятельномъ, независимомъ другъ отъ друга возникновеніи недопустимо.

Въ кодексѣ Гамураби, напримѣръ, сказано: Если кто-либо при тяжбѣ выступитъ свидѣтелемъ со стороны обвиненія и не докажетъ того, что онъ сказалъ, то, если рѣчь идетъ о смертномъ дѣлѣ, онъ долженъ быть убитъ (ст. 3). Если же рѣчь о хлѣбѣ или серебрѣ (деньгахъ), то онъ подвергается наказанію, которое явилось бы результатомъ дѣла (ст. 4).

Во Второзаконіи сказано: Если выступитъ противъ кого-либо свидѣтель несправедливый, обвиняя его въ преступленіи, то пусть предстанутъ оба сіи человѣка, у которыхъ тяжба, предъ Господа, предъ священниковъ и предъ судей, которые будутъ въ тѣ дни. Судьи должны хорошо изслѣдовать и, если свидѣтель тотъ свидѣтель ложный, ложно донесъ на брата своего, то сдѣлайте ему то, что онъ умышлялъ сдѣлать брату своему, и такъ истреби зло изъ среды себя. И прочіе услышатъ, и убоятся, и не станутъ впредь дѣлать такое зло среди тебя (119, 16—20).

Ст. 21 Гамураби гласитъ: Если кто либо совершаетъ подкопъ въ чьемъ-либо домѣ, то онъ долженъ быть убитъ на мѣстѣ подкопа и тутъ же погребенъ.

Во 2 кн. Моисея (Исх., 22,2) сказано: Если кто застанетъ вора подкапывающаго и ударитъ такъ, что онъ умретъ, то кровь не вмѣнится ему.

Въ 117 ст. Гамураби сказано: Если кто-либо для покрытія своего долга продаетъ свою жену, сына или дочь за серебро или отдаетъ для отработки, то они должны работать 3 года въ домѣ своего владѣльца или господина, въ четвертомъ году они должны быть отпущены на свободу.

Въ III кн. Моисея (Лев.) сказано: Когда обѣднѣетъ у тебя братъ твой и проданъ будетъ тебѣ, то не налагай на него работы рабской. Онъ долженъ быть у тебя, какъ наемникъ, какъ поселенецъ, до юбилейнаго года пусть работаетъ у тебя. А тогда пусть отойдетъ онъ отъ тебя, самъ и дѣти, потому что они мои рабы... Не должно продавать ихъ, какъ продаютъ рабовъ. Не господствуй надъ ними съ жестокостью и бойся Бога твоего (Чис., 25, 39—43). Во 2 кн. Моисея (Исх.) точнѣе указано, что долговое рабство можетъ продолжаться только 6 лѣтъ, въ 7 годъ рабъ выходитъ на волю даромъ (21, 2 и слѣд.).

129 ст. Гамураби гласитъ: Если замужняя женщина найдена

будетъ лежащей съ другимъ мужчиной, то оба должны быть связаны и брошены въ воду, развѣ мужъ помилуетъ жену, а царь— своего раба.

То же въ кн. Лев. но безъ приведеннаго заключенія: Если кто-либо будетъ прелюбодѣйствовать съ женой замужней, съ женою ближняго своего: да будутъ преданы смерти и прелюбодѣй, и прелюбодѣйка (см. также Втор., 22,22).

Еще болѣе любопытна 130 ст. Гамураби по сравненію съ библейскими постановленіями (Втор., 22, 23 — 27). 130 ст. гласитъ: Если кто-либо опозоритъ замужнюю женщину, еще не познавшую мужа и живущую въ домѣ своего отца, и будетъ застигнутъ спящимъ съ нею, то этотъ человѣкъ подвергается смерти, женщина же признается невиновной.

Законы Моисея расчленяютъ это преступленіе на два, влекущія за собою различныя послѣдствія. Если будетъ молодая дѣвица, сказано въ Библіи, обручена мужу и кто нибудь встрѣтится съ нею въ городѣ и ляжетъ съ нею, то обоихъ ихъ приведите къ воротамъ того города, и побейте ихъ камнями до смерти: отроковицу за то, что она не кричала въ городѣ, а мужчину за то, что онъ опорочилъ жену ближняго своего; и такъ истреби зло изъ среды себя. Если же кто въ полѣ встрѣтится съ отроковицею обрученною и, схвативъ ее, ляжетъ съ нею; то должно предать смерти только мужчину, лежавшаго съ нею; а отроковицѣ ничего не дѣлай; на отроковицѣ нѣтъ преступленія смертнаго; ибо это то же, какъ если бы кто возсталъ на ближняго своего и убилъ его. Ибо онъ встрѣтился съ нею въ полѣ и, хотя отроковица обрученная кричала, но некому было спасти ее.

Въ 196 ст. Гамураби сказано: Если кто-либо выбьетъ глазъ другому, то слѣдуетъ выбить его глазъ. Въ слѣдующей 197 сказано: Если кто-либо сломаетъ другому кость, то слѣдуетъ сломать его кость. 200 ст. гласитъ: Если кто-либо выбьетъ зубы другаго, то слѣдуетъ выбить его зубы.

Въ III кн. Моисея (Лев., 24, 19—20) сказано: Кто сдѣлаетъ повреждение на тѣлѣ ближняго своего, тому должно сдѣлать то же, что онъ сдѣлалъ. Переломъ за переломъ, око за око, зубъ за зубъ: какъ онъ сдѣлалъ повреждение на тѣлѣ человѣка, такъ и ему должно сдѣлать. То же постановленіе имѣется и во II кн. Моисея (Исх., 21, 24).

Наиболѣе поразительны постановленія о бодливомъ волѣ. Въ 250 ст. Гамураби сказано: Если волъ, проходя по улицѣ, кого-либо забодаетъ и убьетъ, то за это не можетъ быть предъявлено никакого притязанія. Если же, сказано въ слѣдующей 251 ст., чей-либо волъ бодливъ и хозяину его было указано, что волъ страдаетъ этимъ недостаткомъ—бодливостью, и онъ не обвязалъ его роговъ, не принялъ мѣръ къ обезвреженію его, и волъ забодалъ человѣка

(свободно-рожденнаго) и убилъ его, то онъ долженъ заплатить полъ мины серебра.

Во II кн. Моисея сказано: Если волъ забодаетъ мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями и мяса его не ѣсть, а хозяинъ вола не виноватъ. Но, если волъ бодливъ былъ и вчера, и третьяго дня, и хозяинъ его, бывъ извѣщенъ о семъ, не стерегъ его, и онъ убилъ мужчину или женщину, то вола побить камнями, а хозяина его предать смерти.

Несмотря на разницу въ карѣ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, перечисленіе признаковъ преступнаго отношенія хозяина и вообще характеръ соотвѣтствующихъ опредѣленій у Гамураби и въ Библіи указываетъ на близкое родство между ними.

Второе предположеніе—о заимствованіи изъ общаго источника—могло бы быть допущено, если бъ этотъ источникъ представлялъ собою нѣчто опредѣленное, осязательное. Указываютъ на обычаи, господствовавшіе въ Аравіи, среди кочевавшихъ тамъ народовъ, до появленія ислама. Вотъ тотъ родникъ, откуда будто бы черпали и евреи, и вавилоняне. Несмотря на неуловимость источника, какимъ является обычное право, трудно, конечно, отрицать, что евреи и вавилоняне, будучи уже осѣдлыми, земледѣльческими народами, сохранили многіе обычаи кочевого быта, но постановленія, запечатлѣнныя характеромъ земледѣльческаго быта, во всякомъ случаѣ, заимствованы не оттуда. Но помимо этихъ апріорныхъ соображеній есть и прямое доказательство, заимствованное болѣе позднимъ кодексомъ изъ болѣе ранняго, доказательство, которое имѣетъ, по моему мнѣнію, рѣшающее значеніе и на которое почему-то не было указано до сихъ поръ, несмотря на ожесточенную борьбу, происходящую между сторонниками самобытности двухъ кодексовъ древности и сторонниками зависимости Библіи отъ вавилонскаго кодекса.

Доказательство, о которомъ я говорю, заключается въ слѣдующемъ. Мы уже видѣли, что въ одномъ случаѣ, гдѣ Библія прямо и рѣзко, не въ мелочахъ только, а въ принципѣ отступаетъ отъ кодекса Гамураби, она считаетъ необходимымъ мотивировать это отступленіе, ставитъ на мѣсто прежняго принципа новый, какъ бы оправдывающій необходимость нововведенія. Такъ она дѣлаетъ и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ.

Ст. 16—19 Гамураби запрещаютъ пріютить у себя сбѣжавшаго раба. Въ случаѣ невыдачи раба при публичномъ оглашеніи о пропажѣ, пріютившій его хозяинъ подвергается смерти. За доставленіе сбѣжавшаго раба опредѣляется премія. Въ случаѣ, если хозяинъ раба неизвѣстенъ, рабъ долженъ быть представленъ во дворецъ, гдѣ производится разслѣдованіе, и рабъ доставляется хозяину. Если словившій раба спрячетъ его въ своемъ домѣ, и онъ будетъ найденъ, то домохозяинъ подвергается смерти.

Всѣ эти постановленія устранены Библіей: не выдавай раба господину его, сказано тамъ, когда онъ прибѣжитъ къ тебѣ отъ

господина своего. Пусть онъ у тебя живетъ среди васъ, пусть онъ живетъ на мѣстѣ... не притѣсняй его (Втор., XXII, 15—16).

Въ ст. 155 Гамураби сказано: Если кто-либо обручитъ для своего сына дѣвушку, и сынъ сожительствуетъ съ ней, а послѣ этого окажется, что отецъ будетъ настигнутъ спящимъ съ нею (снохачество), то онъ долженъ быть связанъ и брошенъ въ воду. Въ законахъ Моисея сказано: Если кто ляжетъ съ невѣсткою своею, то оба они да будутъ преданы смерти; мерзость сдѣлали они, кровь ихъ на нихъ (Лев., 20, 12). Этимъ дополненіемъ библейскій законодатель, повидимому, мотивируетъ наложеніе кары и на невѣстку, не только на тестя, какъ въ вавилонскомъ кодексѣ.

То же въ слѣдующемъ случаѣ.

Ст. 158 Гамураби гласитъ: Если кто-либо будетъ найденъ спящимъ съ главною женою своего отца, которая родила дѣтей, то онъ подлежитъ изгнанію изъ дома своего отца. Библейскій кодексъ караетъ это преступленіе смертью. Кто ляжетъ съ женою отца своего, сказано тамъ, тотъ открылъ наготу отца своего: оба они да будутъ преданы смерти, кровь ихъ на нихъ (Лев., 20, 11).

Исходя изъ принципа воздаянія равнымъ за равное, кодексъ Гамураби устанавливаетъ: Если кто либо ударитъ свободную женщину, и она выкинетъ, то онъ долженъ уплатить 10 сиклей золота за выкидышъ (ст. 209). Но если при этомъ женщина умретъ, то слѣдуетъ убить дочь виновника ея смерти (ст. 210). На томъ же принципѣ основано постановленіе, по которому архитекторъ, построившій кому-либо домъ, оказавшійся непрочнымъ и разрушившійся, при чемъ былъ убитъ хозяинъ дома, въ свою очередь подвергается убійству (ст. 229). Если же при этомъ случаѣ убитъ сынъ хозяина дома, то подлежитъ убійству сынъ архитектора (ст. 230). Библія не усвоила этихъ постановленій и объясняетъ, почему она этого не сдѣлала. Отцы, сказано тамъ, не должны быть наказываемы смертью за дѣтей, и дѣти не должны быть наказываемы смертью за отцовъ,—каждый долженъ быть наказываемъ смертью за свое преступленіе (Втор., 24, 16). Въ кодексѣ Гамураби имѣется рядъ статей, опредѣляющихъ положеніе дочерей, отданныхъ отцами въ храмъ въ качествѣ блудницъ—храмовыхъ гетеръ, доходы съ которыхъ шли въ пользу храма (ст. 178—182). Библія устраняетъ этотъ институтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Не должно быть блудницы изъ дочерей Израилевыхъ, и не должно быть блудника изъ сыновъ Израилевыхъ. Не вноси платы блудницы и цѣны пса въ домъ Господа Бога твоего ни по какому обѣту, ибо то и другое есть мерзость предъ Господомъ Богомъ твоимъ (Втор. 23, 17—18).

Наконецъ, взамѣнъ постановленій о ростѣ, имѣющихся въ кодексѣ Гамураби, Библія устанавливаетъ: Если братъ твой обѣднѣетъ и придетъ въ упадокъ у тебя, то поддержи его, пришлецъ ли онъ, или поселенецъ, чтобы онъ жилъ съ тобою. Не бери отъ него роста и прибыли, и бойся Бога твоего, чтобъ жилъ братъ твой съ тобою.

Серебра твоего не отдавай ему въ ростъ, и хлѣба твоего не отдавай ему для (полученія) прибыли. Я, Господь Богъ вашъ, который вывелъ васъ изъ земли Египетской, чтобы дать вамъ землю Ханаанскую, чтобы быть вашимъ Богомъ (Лев. 25, 35—38).

Здѣсь, я думаю, умѣстно будетъ остановиться на нѣкоторыхъ выводахъ, сдѣланныхъ проф. В. И. Сергѣевичемъ въ статьѣ его «Законы царя Хамураби и Библія о несвободныхъ» *). Онъ, повидимому, держится того взгляда, что библейскія постановленія не заимствованы изъ кодекса Гамураби. Останавливаясь на библейскихъ постановленіяхъ о продажи дочери въ рабство, онъ говоритъ: «Все изложенное совершенно самобытно и не имѣетъ ничего общаго съ законами Хамураби» **). Общій выводъ его изъ сопоставленія нѣкоторыхъ статей кодекса Гамураби о рабствѣ съ библейскими слѣдующій: «Просмотрѣнный мною небольшой уголокъ законовъ не имѣетъ ни малѣйшаго отзвука въ Библіи» ***). Сказано это довольно рѣшительно, но, если сопоставить 117 ст. Гамураби, приводимую проф. Сергѣевичемъ на 4 стр. его статьи, съ библейскимъ постановленіемъ во Второзаконіи 15, 12 (тоже Исходъ 21, 2), цитируемымъ имъ на стр. 12, то нельзя не придти къ заключенію, къ которому пришли почти всѣ ученые, сопоставлявшіе Библію и кодексъ Гамураби, что сходство между ними было бы совершенно непонятно, если бы между этими кодексами не было связи и родства. Въ ст. 117 кодекса Гамураби сказано: «Если кто-либо, обремененный долгомъ, продастъ свою жену, сына или дочь за деньги и отдастъ въ кабалу, то они должны работать три года въ домѣ покупщика или властителя, а на четвертый годъ должны быть отпущены имъ на свободу». А во Второз. (15, 12) сказано: «Если продается тебѣ братъ твой, еврей или еврейка, то шесть лѣтъ долженъ онъ быть рабомъ тебѣ, а въ седьмой годъ отпусти его отъ себя на свободу». Конечно, въ кодексѣ Гамураби—3 года кабалы, а въ Библіи—6 лѣтъ, но можно ли говорить, что законъ Гамураби не нашелъ никакого отзвука въ Библіи. Напротивъ, вѣрно то, что въ Библіи онъ нашелъ отзвукъ, хотя и въ нѣсколько ухудшенномъ видѣ: срокъ временного рабства удвоенъ.

Но и тѣ библейскія постановленія о дочери, проданной въ рабство, которыя проф. Сергѣевичъ считаетъ совершенно самобытными, имѣютъ свои корни въ кодексѣ Гамураби. Суть этихъ постановленій заключается въ томъ, что дочь считается проданною для конкубината—получаетъ пищу, одежду и супружеское сожитіе. Если эти предполагаемыя закономъ условія не выполнены, она отпускается на свободу безъ выкупа (Исх., 21, 7—11). Это, повидимому, дальнѣйшее развитіе того положенія, установленнаго въ кодексѣ Гамураби, что рабыня получаетъ свободу, если дѣти, рожденныя ею

*) „Журналъ Мин. Юст.", ноябрь 1908 г.
**) „Ж. М. Ю.", ноябрь 1908, стр. 14.
***) Ibid. стр. 15.

отъ господина, признаются имъ своими дѣтьми (стр. 171). Библія пошла дальше въ смыслѣ гуманнаго отношенія къ женщинѣ рабынѣ: она можетъ быть пріобрѣтена только для супружескаго сожительства съ нею самого покупателя или его сына.

Впрочемъ, проф. Сергѣевичъ держится особаго мнѣнія о гуманности библейскихъ постановленій. «Особенность Библіи вообще — говоритъ онъ—это крайній націонализмъ, черта вовсе неизвѣстная вавилонскимъ законамъ» [1]). Спеціально относительно рабства онъ утверждаетъ, что «рабство признается и евреями, но не для евреевъ» [2]).

«Крайній націонализмъ»—такъ ли это? Проф. Сергѣевичъ признаетъ, что библейское постановленіе о невыдачѣ сбѣжавшаго раба, установленное, какъ я указалъ, въ противовѣсъ кодексу Гамураби, относится не только къ временнымъ рабамъ-евреямъ, но и къ вѣчнымъ рабамъ—неевреямъ [3]). Тутъ, казалось бы, терминъ «крайній націонализмъ» неумѣстенъ, а умѣстно слово—гуманность, ибо постановленіе относится ко всѣмъ людямъ. Библейское постановленіе объ отпущеніи на свободу раба за жестокое обращеніе съ нимъ господина (Исх. 21, 26—27) точно также относится, и по мнѣнію проф. Сергѣевича, ко всевозможнымъ рабамъ [4]). Казалось бы, что и тутъ проявляется не крайній націонализмъ законодателя, а человѣчное отношеніе его къ рабу, котораго кодексъ Гамураби не обнаруживаетъ.

О «крайнемъ націонализмѣ» по отношенію къ рабству въ виду указанныхъ постановленій, повидимому, вообще говорить не слѣдовало бы. Но и о «націонализмѣ» безъ такого эпитета слѣдовало бы говорить нѣсколько сдержаннѣе. «Библія—говоритъ проф. Сергѣевичъ—знаетъ (какъ и кодексъ Гамураби) два вида рабства: временное и вѣчное; но это различіе обусловливается тамъ различіемъ національности; съ одной стороны, евреи, съ другой—всѣ иноплеменники, жившіе вмѣстѣ съ ними. Всѣ не-евреи могутъ быть только вѣчными рабами» [5]).

Всѣ иноплеменники, всѣ не-евреи! Тутъ большое недоразумѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ незнакомство съ постановленіями, имѣющимися въ Библіи, а также съ фактами, сообщаемыми ею.

Нельзя пріурочить библейскія постановленія къ одному какому-либо періоду. Это памятникъ, въ которомъ изложены событія нѣсколькихъ сотенъ лѣтъ, постановленія разныхъ періодовъ жизни народа.

Долговое рабство возникло среди евреевъ,—среди «своихъ» лишь тогда, когда первобытный общинный строй сталъ расшаты-

[1]) Ibid., стр. 10—11.
[2]) Ibid., стр. 15.
[3]) Ibid. стр. 14, 15.
[4]) Ibid., стр. 14—15.
[5]) Ibid., стр. 11.

ваться; оно могло быть установлено по отношенію къ иноплеменникамъ—«чужимъ», когда вмѣсто истребленія туземцевъ стало возможно мирное сожительство съ ними. Къ этому періоду и относятся тѣ постановленія о временномъ рабствѣ «своихъ» и вѣчномъ рабствѣ «чужихъ», на которыя ссылается проф. Сергѣевичъ. Они получили силу только послѣ продолжительной борьбы, о которой повѣствуется у пророка Іереміи. «Такъ говоритъ Господь, Богъ Израилевъ: Я заключилъ завѣтъ съ отцами вашими, когда вывелъ ихъ изъ земли Египетской, изъ дома рабства, и сказалъ: въ концѣ седьмого года отпускайте каждый брата своего, еврея, который продалъ себя тебѣ; пусть онъ работаетъ тебѣ шесть лѣтъ, а потомъ отпусти его отъ себя на волю; но отцы ваши не послушали Меня, и не приклонили уха своего. Вы нынѣ обратились и поступили справедливо предъ очами Моими, объявивъ каждый свободу ближнему своему, и заключили предо Мною завѣтъ въ домѣ, надъ которымъ наречено имя Мое; но потомъ раздумали, и обезславили имя Мое, и возвратили къ себѣ каждый раба своего и каждый рабу свою, которыхъ отпустили на волю, куда душѣ ихъ угодно, и принуждаете ихъ быть у васъ рабами и рабынями. Почему такъ говоритъ Господь: вы не послушались Меня въ томъ, чтобы каждый объявилъ свободу брату своему и ближнему своему: за то вотъ Я, говоритъ Господь, объявляю вамъ свободу подвергнуться мечу, моровой язвѣ и голоду, и отдамъ васъ на озлобленіе во всѣ царства земли» (Іерем., 24, 13—18).

То, что проф. Сергѣевичъ считаетъ типическимъ для евреевъ, для библейскаго законодательства, было на самомъ дѣлѣ типическимъ лишь для опредѣленной ступени культуры. На дальнѣйшую эволюцію библейскаго законодательства по отношенію къ чужимъ—къ иноплеменникамъ, указываютъ слѣдующія библейскія постановленія. «Не гнушайся Идумеяниномъ, ибо онъ братъ твой; не гнушайся Египтяниномъ, ибо ты былъ пришельцемъ въ землѣ его; дѣти, которыя у нихъ родятся, въ третьемъ поколѣніи могутъ войти въ общество Господне» (Второз., 23, 7—8). Если поэтому въ той же главѣ Второзаконія сказано: «не отдавай въ ростъ брату твоему ни серебра, ни хлѣба, ни чего-либо другого, что можно отдавать въ ростъ. Иноземцу отдавай въ ростъ, а брату твоему не отдавай въ ростъ» (19—20), то это значитъ, что запретъ относится и къ идумеянамъ, и египтянамъ, ибо и они названы братьями и суть братья. Вмѣстѣ съ тѣмъ и долговое рабство допускается по отношенію къ нимъ только въ формѣ временнаго, а не вѣчнаго, ибо они принимались въ общину. Что эти постановленія объ отношеніи къ египтянамъ были не благопожеланіями только, а дѣйствительнымъ фактомъ, указываетъ, между прочимъ, слѣдующій примѣръ, имѣющійся въ Библіи.

Во 2-ой главѣ 1-ой книги Паралипоменона перечисляются сыновья Израиля и ихъ потомство и, между прочимъ, разсказывается

слѣдующее: «У Шешана не было сыновей, а только дочери. У Шешана былъ рабъ, египтянинъ, имя его Іарха; Шешанъ отдалъ дочь свою Іархѣ (рабу своему) въ жены, и она родила ему Аттая; Аттай родилъ Наѳана» (34—36). Египтянинъ продолжаетъ родъ Израиля. Вѣчными иноплеменниками являются только аммонитяне и моавитяне. Они не могутъ «войти въ общество Господне, и десятое поколѣніе ихъ не можетъ войти въ общество Господне во вѣки; потому что они не встрѣтили васъ съ хлѣбомъ и водою на пути, когда вы шли изъ Египта» (Второз., 23, 3 — 4). Такимъ образомъ, не всѣ иноплеменники и не всѣ не-евреи не могли вступать въ общину еврейскую и были вѣчными рабами, а лишь тѣ туземныя племена, съ которыми велась ожесточенная борьба въ завоеванной территоріи.

Но и эта ступень развитія была преодолѣна библейскимъ законодательствомъ. Вражда къ туземцамъ изгладилась съ теченіемъ времени, и въ книгѣ Чиселъ мы читаемъ: «Для васъ, общество (Господне), и для пришельца, живущаго (у васъ), уставъ одинъ, уставъ вѣчный въ роды ваши: что вы, то и пришелецъ да будетъ предъ Господомъ. Законъ одинъ и одни права да будутъ для васъ и для пришельца, живущаго у васъ» (25, 15—16). И далѣе въ той же главѣ: «одинъ законъ да будетъ для васъ, какъ для природнаго жителя изъ сыновъ Израилевыхъ, такъ и для пришельца, живущаго у васъ» (29). Какъ отразилось такое отношеніе ко всѣмъ иноплеменникамъ на институтѣ рабства? Символомъ принадлежности къ общинѣ еврейской, члены которой не могутъ быть вѣчными рабами, было обрѣзаніе, совершавшееся тотчасъ послѣ рожденія. Иноплеменники рабы, даже тѣ изъ нихъ, которые прислуживали въ храмѣ, не подвергались обрѣзанію (Іезек., 44, 7—9). Но въ книгѣ Бытія находимъ слѣдующее постановленіе: «Сей есть завѣтъ Мой, который вы должны соблюдать между Мною, и между вами, и между потомками твоими послѣ тебя (въ родѣ ихъ): да будетъ у васъ обрѣзанъ весь мужескій полъ. Обрѣзывайте крайнюю плоть вашу: и сіе будетъ знаменіемъ завѣта между Мною и вами. Осми дней отъ рожденія да будетъ обрѣзанъ у васъ въ роды ваши всякій младенецъ мужескаго пола, рожденный въ домѣ и купленный за серебро у какого-нибудь иноплеменника, который не отъ твоего сѣмени. Непремѣнно да будетъ обрѣзанъ рожденный въ домѣ твоемъ и купленный за серебро твое, и будетъ завѣтъ Мой на тѣлѣ вашемъ завѣтомъ вѣчнымъ» (17, 10 — 13). Дѣти иноплеменныхъ рабовъ принимались въ общину еврейскую и, такимъ образомъ, не могло уже быть рѣчи при этихъ условіяхъ о вѣчномъ рабствѣ иноплеменниковъ, а только о временномъ рабствѣ. Можно, слѣдовательно, сказать, вопреки мнѣнію проф. Сергѣевича, что евреи въ окончательномъ результатѣ не допускали рабства въ подлинномъ смыслѣ ни для себя, ни для иноплеменниковъ, жившихъ среди нихъ.

Въ Библіи разсказывается, какъ люди, собравшіеся въ долинѣ Сенаара, рѣшили построить городъ и башню вавилонскую до небесъ. Они, дѣйствительно, принялись за дѣло. Но Богъ во время постройки смѣшалъ ихъ языки такъ, что они перестали понимать другъ друга, и они разсѣялись по всей землѣ (Быт., II, 1—9). Царство вавилонское, объединивъ много земель и народовъ, именно вслѣдствіе этого распалось. Долгое время цементомъ былъ языкъ вавилонскій, на которомъ, какъ видно изъ писемъ, найденныхъ въ Тель-эль-Амарнѣ, вели переписку и въ Египтѣ, и въ Палестинѣ. Не Парижъ, въ крайнемъ случаѣ Римъ,—говоритъ Деличъ—можетъ помѣряться съ Вавилономъ по отношенію къ вліянію, которое онъ оказывалъ въ теченіе двухъ тысячелѣтій на весь міръ *).

Послѣ распаденія Вавилонскаго царства народы и языки обособились, но изъ Вавилона, въ созданіи величія котораго они участвовали, народы унесли часть выработаннаго въ этомъ царствѣ культурнаго дѣянія.

Кодексъ Гамураби имѣлъ, несомнѣнно, отдаленное прошлое, но онъ имѣлъ, по всей вѣроятности, и будущее. Такой обширный, въ значительной мѣрѣ законченный кодексъ, касающійся самыхъ разнообразныхъ явленій жизни и людскихъ отношеній, не могъ не породить глоссъ для практическихъ цѣлей примѣненія его къ жизни и комментаріевъ для теоретическихъ цѣлей — удовлетворенія потребности ума въ смыслѣ обобщенія и дальнѣйшаго развитія. И кто знаетъ, что дастъ намъ въ этомъ отношеніи дальнѣйшее дешифрированіе клинообразныхъ письменъ?

М. Кулишеръ.

---

*) Babel u. Bibel, Leipzig, 1902, S. 26.

Чудодѣйственный бальзамъ Тоно-Бэнге.

Романъ *Г. Д. Уэльса.*

Переводъ съ англійскаго А. В. Каменскаго.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Маріонъ.

I.

Мысленно возвращаясь къ тому времени, когда, изъ человѣческихъ надеждъ и кредита на бутылки, ренту и объявленія, мы созидали громадное дѣло Тоно-Бэнге,—я представляю себѣ, что моя жизнь тогда располагалась какъ бы на двухъ параллельныхъ столбцахъ разной ширины. На одномъ, болѣе широкомъ и постоянно расширяющемся, полномъ разнообразія и событій, я вижу дѣловую сторону моей жизни, на другомъ, узкомъ, темномъ, съ рѣдкими проблесками счастья,—мою домашнюю жизнь съ Маріонъ. Конечно, я женился на ней.

Но это произошло только годъ спустя послѣ того, какъ Тоно-Бэнге былъ благополучно пущенъ въ ходъ, и послѣ разныхъ столкновеній и долгихъ споровъ. Мнѣ было тогда двадцать четыре года, — почти дѣтскій возрастъ, какъ мнѣ кажется теперь. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы оба были до крайности невѣжественны и просты; но темпераментами мы представляли совершенныя противоположности, — врядъ ли у насъ была хоть одна общая идея. Она была молода и насквозь проникнута условностями; своего у нея ничего не было, а были идеи ея класса. Я былъ молодъ и полонъ скептицизма, энергіи и страстности. Единственное, что привязывало меня къ ней, была ея физическая красота, а ее привлекало только сознаніе, что она имѣла такое важное значеніе въ моихъ глазахъ. Охватывавшая меня страсть была достаточно очевидна...

Я уже разсказывалъ, какъ я пріобрѣлъ цилиндръ и сюртукъ, чтобы доставить ей удовольствіе въ воскресенье, чѣмъ при встрѣчахъ только вызывалъ насмѣшки товарищей; я говорилъ также, что она дала мнѣ слово выйти за меня. Но это только было поводомъ къ дальнѣйшимъ несогласіямъ между нами. Для нея все это связывалось съ пріятною таинственностью, съ случайными нѣжными словами, изрѣдка—поцѣлуями. Она ничего не имѣла противъ того, чтобы такое положеніе продолжалось еще на неопредѣленное время, нисколько не мѣшая ея работѣ, вмѣстѣ съ сплетнями, въ мастерской Смити. Для меня оно являлось залогомъ предстоящаго единенія между нами въ возможно краткій срокъ...

Можетъ быть, читателю покажется, что я слишкомъ серьезно отношусь къ нашимъ любовнымъ дрязгамъ и путаницѣ, получившейся въ результатѣ нашего брака. Но для меня за этимъ скрывается болѣе важный вопросъ. Я много передумалъ о своей жизни, особенно въ этомъ ея періодѣ, стараясь извлечь отсюда хоть что нибудь вразумительное для себя. И меня страшно поражаетъ безсмысленная, слѣпая случайность нашего сближенія, посреди той путаной сѣти всякой фальши и глупыхъ условностей нашего общественнаго порядка, на которую наталкивается каждый индивидъ. Въ сущности, вѣдь мы были только примѣромъ того, что болѣе или менѣе ожидаетъ всѣхъ и каждаго. Любовь не только кардинальный фактъ индивидуальной жизни, но вопросъ перваго значенія и для всего общества. Въ концѣ-концовъ, дальнѣйшая судьба всей націи зависитъ отъ того, какъ сближаются молодыя пары нашего поколѣнія, и всѣ другія общественныя дѣла стоятъ въ сравнительно подчиненномъ положеніи по отношенію къ этому главному фактору. А мы предоставляемъ все это слѣпой случайности, при самой нелѣпой, фальшивой обстановкѣ.

Въ другой главѣ я пытался освѣтить кое-что, въ связи съ моимъ половымъ развитіемъ; ни отъ кого я никогда не слышалъ ни одного правдиваго, трезваго слова въ этомъ отношеніи, никто и ни одна книга не говорили мнѣ, что такъ и такъ устроенъ міръ, что то и то существенно необходимо. Все, что до меня доходило,—имѣло какой то смутный, неопредѣленный характеръ; и все, что я зналъ о законѣ и ходячей морали, въ связи съ этимъ, носило угрожающую, запретительную форму. Безстыдная, случайная болтовня моихъ сверстниковъ въ Уимбльгерстѣ и въ школѣ была для меня единственнымъ предостереженіемъ противъ угрожавшихъ опасностей. Всѣ мои идеи въ этомъ отношеніи представляли собою смѣсь инстинктовъ, романтическихъ фантазій и случайно дошедшихъ до меня смутныхъ вну-

шеній. Я читалъ много и безпорядочно: „Ватекъ", Шелли Томъ Пейнъ, Плутархъ, Карлейль, Геккель, Виллья́мъ Моррисъ, Библія, *Свободомыслящій*, *Кларіонъ* (журналы).—Повторяю имена въ томъ порядкѣ, какъ они приходятъ на память. Въ головѣ у меня получился какой-то сумбуръ разнообразныхъ идей, безъ всякаго освѣщенія. Но для меня было очевидно, что Шелли представляетъ собою чудную, героическую личность, и что человѣкъ, презрѣвшій мірскую мораль и отдавшійся благородной страсти, достоенъ всякаго удивленія.

Что касается до Маріонъ, то ея характеръ въ этомъ отношеніи формировался при воздѣйствіи внѣшнихъ вліяній исключительно подавляющаго свойства, которыя привели къ совершенному извращенію всякихъ естественныхъ инстиктовъ. Все, что связывалось съ самою важною стороною естественной жизни, выражалось у нея словомъ „противно". Тутъ извѣстное вліяніе оказывала и особаго сорта беллетристика, которою ее снабжала „Общественая Библіотека", а также и разговоры въ мастерской Смити. Подъ вліяніемъ первой, у нея составилось понятіе о любви, какъ о поклоненіи, о какомъ то особомъ культѣ со стороны мужчины, благосклонно принимаемомъ женщиной. Мужчина дѣлалъ ей подарки, оказывалъ всякія услуги и во всѣхъ отношеніяхъ старался быть пріятнымъ. Женщина прогуливалась съ нимъ, улыбалась ему, иногда, въ приличномъ уединеніи, позволяла себя поцѣловать; и если ему случалось въ чемъ нибудь провиниться, она лишала его своего общества. Обыкновенно, она оказывала на него „хорошее" вліяніе: заставляла его ходить въ церковь, бросать куреніе или карты, заниматься своимъ костюмомъ. Въ заключеніе, романъ завершался бракомъ, чѣмъ и исчерпывался весь интересъ.

Такого рода направленіе преобладало въ беллетристикѣ, излюбленной Маріонъ; но разговоры въ мастерской Смити нѣсколько видоизмѣняли это вліяніе. Тамъ признавалось, что „парень" является желательною собственностью, что быть помолвленной съ „парнемъ" предпочтительнѣе, чѣмъ оставаться такъ, что за „парнемъ" нуженъ присмотръ, а то можетъ какъ нибудь затеряться или быть украденымъ. Такой случай покражи дѣйствительно разъ произошелъ у Смити и сопровождался немалымъ пролитіемъ слезъ.

Съ Смити я встрѣчался еще до нашего брака, а послѣ того она была частою гостью въ нашемъ домѣ, въ Илингѣ. Это была худая дѣвица, лѣтъ тридцати слишкомъ, съ живыми глазами, выдающимися зубами и крикливымъ, высокаго тембра голосомъ, весьма склонная къ нарядным туалетамъ. Ея шляпы поражали своимъ оригинальнымъ видомъ и разнообразіемъ; и ея рѣчь лилась какимъ то потокомъ, проник-

нутымъ неестественной веселостью, съ промежутками возгласовъ: „О, моя дорогая!“ и „Да, полноте!“ Это была первая встрѣченная мною женщина, которая душилась. Бѣдная старая Смити! Какая, въ сущности, это была добрая душа и какъ ее я ненавидѣлъ! Изъ ничтожныхъ заработковъ она содержала сестру съ тремя дѣтьми, помогала „погибшему“ брату и даже оказывала всякую помощь своимъ работницамъ; но все это ничего не составляло для меня въ тѣ юные годы. Между многими другими непріятностями нашей брачной жизни, меня особенно раздражала головокружительная болтовня Смити, оказывавшая болѣе вліянія на Маріонъ, чѣмъ все, что я говорилъ. И я завидовалъ этому вліянію.

Ее могло „шокировать“ все, и она все истолковывала по своему; ея главнымъ оружіемъ въ такихъ случаяхъ было мрачное молчаніе, съ нахмуренными бровями, что чрезвычайно портило ея красоту.

— Если мы не можемъ согласиться,—говорила она,—то я не вижу, зачѣмъ намъ продолжать разговоръ.—Это окончательно выводило меня изъ себя. Или у нея была другая фраза: „Боюсь, у меня не хватитъ ума, чтобы понять это“.

Я вижу теперь, до какой степени мы оба были глупы въ то время; и во мнѣ преобладала мысль, что, по какимъ то невѣдомымъ причинамъ, Маріонъ продолжала скрывать свои истинныя чувства.

Мы устраивали таинственныя прогулки по воскресеньямъ, и потомъ расходились, не прощаясь, сердитые, проникнутые взаимной обидой. Чего только я не пытался ей передать изъ бродившихъ во мнѣ идей: о теологіи, соціализмѣ, эстетикѣ; но самыя слова приводили ее въ ужасъ, она во всемъ только видѣла нарушеніе приличій, или что то совсѣмъ не сообразное. Тутъ я дѣлалъ надъ собою страшное усиліе и переходилъ на разговоръ объ интересныхъ ей предметахъ: о братѣ Смити, о новой работницѣ, поступившей въ мастерскую, о нашемъ будущемъ домѣ. Но и тутъ мы расходились. Я хотѣлъ жить поближе къ Св. Павлу и Канонъ-Стритъ, а она настаивала на Илингѣ... Но, конечно, мы не все время ссорились. Ей нравилось, чтобы я какъ слѣдуетъ исполнялъ роль „жениха“; ей нравилось ходить по разнымъ мѣстамъ со мною: мы завтракали вмѣстѣ, ѣздили въ Эрлсъ-Куртъ, въ Кью, бывали въ театрѣ и въ концертахъ, но нечасто, потому что хотя Маріонъ и „нравилась“ музыка, но чтобы не „слишкомъ много“; бывали и на выставкахъ, и тутъ меня выручала какая то дѣтская болтовня (не помню—гдѣ подобранная), которая дѣйствовала весьма примирительно.

Но меня особенно возмущало, когда я иногда замѣчалъ

въ ней попытки усвоить стиль туалетовъ Смити. Она вовсе не сознавала своей собственной красоты. Да и вообще у нея не было ни малѣйшаго понятія о человѣческой красотѣ, и она готова была изуродовать себя невѣроятными полями шляпки и бантами. Къ счастью, какое-то прирожденное чувство мѣры, скромность и недостатокъ денегъ удерживали ее отъ особенно рѣзкихъ выступленій въ стилѣ Смити.

Такимъ образомъ, мы постоянно то расходились, то вновь примирялись, хорошенько не сознавая, отчего это происходило. Наконецъ, наша помолвка получила и форменную санкцію. По этому поводу у меня былъ удивительный разговоръ съ ея отцомъ, во время котораго онъ держалъ себя съ необыкновенною серьезностью, интересовался моимъ происхожденіемъ и отнесся весьма снисходительно къ тому факту, что моя мать была экономкой; потомъ мать Маріонъ поцѣловала меня, и я купилъ обручальное кольцо. Но молчаливая тетка, видимо, относилась недоброжелательно, — у нея, вѣроятно, были свои сомнѣнія насчетъ моей религіозности. Послѣ нашихъ размолвокъ мнѣ по цѣлымъ днямъ не приходилось видѣться съ Маріонъ; но каждый разъ съ этимъ было связано какое то облегченіе. Потомъ меня опять охватывало непреодолимое желаніе увидѣть ее. Я думалъ о ней постоянно; не спалъ ночи. Я и не подозрѣвалъ тогда, что во мнѣ просто говорила мать природа... Въ концѣ концовъ, я опять къ ней возвращался, мы примирялись, и я все болѣе и болѣе настаивалъ на скорѣйшемъ бракѣ...

Наконецъ, это обратилось у меня въ какую то *idée fixe*, стало затрогивать мою волю, мою гордость; я твердилъ, что поставлю на своемъ. Мнѣ думается, что моя страсть къ Маріонъ значительно охладѣла еще задолго до нашего брака. Когда уже не могло быть сомнѣнія въ трехстахъ фунтахъ, она все еще продолжала настаивать на отсрочкѣ до двѣнадцати мѣсяцевъ, чтобы посмотрѣть, „какъ все обернется". По временамъ она прямо представлялась мнѣ въ видѣ какого то досадливаго противника, намѣренно оттягивавшаго дѣло, которое я желалъ покончить. Къ тому же, крайне занятый дѣлами и возбужденный успѣхомъ Тоно-Бэнге, я по цѣлымъ днямъ подъ рядъ забывалъ о ней; и потомъ меня съ новою силою охватывало страстное желаніе видѣть ее. Наконецъ, въ одну изъ субботъ, я рѣшилъ, почти съ яростью, что всѣ эти отсрочки должны кончиться.

Я уговорился съ Маріонъ, что мы пойдемъ вмѣстѣ въ Пётни, но ея не было дома, когда я пріѣхалъ за нею въ Илингъ, такъ что мнѣ, волей неволей, пришлось выдержать скучный разговоръ съ ея отцомъ, который, послѣ конторы, наслаждался въ своей оранжерейкѣ.

— Я хочу, чтобы ваша дочь окончательно назначила день свадьбы,—сказалъ я,—мы уже достаточно откладывали.

— Я самъ не одобряю, когда затягиваются эти дѣла,—сказалъ онъ.—Но Маріонъ настаиваетъ, и нужно покориться. Видѣли вы этотъ новый удобрительный порошокъ?

Потомъ я пошелъ переговорить съ м-рисъ Рамботъ.

— Ей нужно время приготовиться съ ея вещами,—сказала она.

Когда мы, наконецъ, сидѣли съ Маріонъ подъ деревомъ на вершинѣ Пётнейскаго холма, я сразу подошелъ къ вопросу.

— Маріонъ, — спросилъ я, — будете вы моею женой или нѣтъ?

— Чего же еще? — сказала она съ улыбкой. — Вѣдь мы, кажется, помолвлены.

— Это не можетъ тянуться безъ конца. Согласны вы сдѣлаться моею женою на будущей недѣлѣ?

— Это невозможно,—сказала она, посмотрѣвъ мнѣ въ лицо.

— Вы обѣщали выйти за меня, когда у меня будетъ триста фунтовъ въ годъ.

Нѣсколько времени она молчала.

— Развѣ намъ нельзя пока остаться, какъ теперь? Конечно, можно жить на триста фунтовъ. Но это значитъ—очень маленькій домъ. Вотъ братъ Смити. Они справляются и на двѣсти пятьдесятъ, но это совсѣмъ въ обрѣзъ. Она говоритъ, что у нихъ только половина дома, и онъ почти выходитъ на улицу, такъ что садъ совсѣмъ маленькій. И стѣны такія тонкія, что рядомъ все слышно. Когда у нихъ закричитъ ребенокъ, то стучатъ въ стѣну. И люди на улицѣ останавливаются у рѣшетки и разговариваютъ... Развѣ мы не можемъ еще подождать? Вѣдь дѣла идутъ такъ хорошо.

Небывалое чувство горечи охватило меня, когда я услышалъ всѣ эти низменныя житейскія подробности, такъ грубо вторгавшіяся въ мой храмъ любви. Но я сдѣлалъ страшное усиліе надъ собою.

— А если у насъ будетъ, — сказалъ я, — особнякъ, въ томъ же Илингѣ, съ палисадникомъ на улицу и съ садомъ и мозаичный полъ въ ванной?

— Это, по крайней мѣрѣ, шестьдесятъ фунтовъ въ годъ.

— Что всего составитъ пятьсотъ въ годъ... Дѣло въ томъ, что я сказалъ дядѣ, что мнѣ не обойтись меньше, и получилъ...

— Что получили?

— Пятьсотъ фунтовъ въ годъ.

Я захохоталъ, не безъ примѣси горечи.

— Да,—начала она, видимо пораженная,—но будьте благоразумны! Неужто вы сразу получили прибавку въ двѣсти фунтовъ?

— Да, чтобы жениться. — Она еще разъ пристально посмотрѣла на меня.

— Это вы мнѣ сдѣлали сюрпризъ!—И тутъ она разсмѣялась самымъ веселымъ смѣхомъ и вся расцвѣла.

Она, видимо, была такъ счастлива, что я совершенно позабылъ о своемъ первомъ негодованіи. Я позабылъ, что она подняла свою цѣну на двѣсти фунтовъ въ годъ, и что я, такъ сказать, купилъ ее за эту цѣну...

Я былъ чрезвычайно нѣженъ съ нею въ этотъ вечеръ и старался поддерживать въ ней это радостное настроеніе. Она нѣсколько разъ заставляла меня повторять, что я не шучу.

Она сама съ стыдливымъ колебаніемъ назначила день нашей свадьбы черезъ два мѣсяца. И на слѣдующій день, въ пылу неудержимаго гнѣва, мы сами опять разрушили все это въ послѣдній разъ. Дѣло вышло изъ-за вопроса о брачной церемоніи, отъ которой, съ ея свадебнымъ кексомъ розетками, каретами и проч.,—я наотрѣзъ отказался. Изъ разговоровъ съ нею и ея матерью я долженъ былъ понять, что это предполагалось. Я рѣзко высказалъ свои мнѣнія по этому поводу, и тутъ между нами произошло уже не разногласіе, а настоящая „свалка“. Я не помню и четверти того, что я тогда говорилъ. Мнѣ помнится мягкое возраженіе ея матери: „Но, дорогой Джорджъ, вы должны имѣть *кексъ*, чтобы разослать потомъ знакомымъ“. Я припоминаю также, что главнымъ образомъ я напиралъ на то, что „бракъ слишкомъ священная, слишкомъ интимная вещь для подобной выставки“. Ея отецъ вошелъ въ комнату и сталъ у стѣны позади меня; появилась также и тетка. Она стояла у буфета со сложенными руками, посматривая на говорившихъ съ видомъ торжествующей пророчицы.

Я не подумалъ тогда, какъ мучительно было для Маріонъ присутствіе этихъ свидѣтелей моего возстанія.

— Но, Джорджъ,—замѣтилъ ея отецъ,—какого же вѣнчанія вы хотите? Въ одной изъ этихъ нотаріальныхъ конторъ!

— Да, именно. Бракъ слишкомъ интимная вещь.

— Я не чувствовала бы себя замужемъ,—сказала м-рисъ Рамботъ.

— Слушайте, Маріонъ,—сказалъ я,—нашъ бракъ долженъ происходить гражданскимъ порядкомъ. Я не согласенъ подчиняться этимъ суевѣрнымъ обрядностямъ. Я и безъ того уже на многое согласился, чтобы сдѣлать вамъ пріятное.

— На что онъ согласился?—спросилъ ея отецъ, но на него не обращали вниманія.

— Я не могу вѣнчаться въ конторѣ,—сказала Маріонъ, блѣдная, какъ полотно.

— Хорошо,—сказалъ я.—А я не пойду въ другое мѣсто.

— Я не могу вѣнчаться въ конторѣ.

— Прекрасно,—сказалъ я, съ напускнымъ хладнокровіемъ, но съ рѣшимостью, удивившею меня самого,—тогда мы совсѣмъ не будемъ вѣнчаться.

Она опиралась руками на столъ и смотрѣла куда-то въ пространство ничего не выражавшимъ взоромъ.

— Я думаю, это будетъ лучше,—сказала она тихимъ голосомъ,—если такъ пойдетъ и дальше.

— Выборъ зависитъ отъ васъ,—сказалъ я. И нѣсколько мгновеній я наблюдалъ за непріятнымъ, полнымъ мелкой обиды, выраженіемъ ея лица, отъ котораго она совсѣмъ подурнѣла.

— Выборъ зависитъ отъ васъ,—повторилъ я. И, не обращая ни на кого вниманія, я вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ за собою дверью.

— Вотъ и кончено,—сказалъ я про себя, очутившись на улицѣ и ощущая какое-то мрачное облегченіе...

Но потомъ меня опять стало преслѣдовать ея лицо въ то время, какъ она сидѣла, полуотвернувшись, у стола, ея фигура, очертанія плечъ.

III.

На другой день я сдѣлалъ необычайную вещь. Я послалъ дядѣ телеграмму: „Разстроенъ, не буду въ конторѣ“,—и отправился въ Гайчетъ къ Юарту. Въ этотъ разъ я засталъ его за работой—надъ бюстомъ Милли; но, повидимому, онъ былъ очень радъ перерыву.

— Юартъ, глупый ты старина!—воскликнулъ я.—Брось ты это и пойдемъ поболтаемъ. Я совсѣмъ развинтился. Твои сумасшедшія бредни дѣйствуютъ на меня успокоительно. Поѣдемъ въ Стейнсъ. А тамъ на лодкѣ—до Виндзора.

— Женщина?—сказалъ Юартъ, бросая свой рѣзецъ.

— Да,—и больше я ничего не сказалъ.

— Денегъ у меня нѣтъ,—замѣтилъ онъ, чтобы сразу выяснить положеніе дѣлъ.

Мы захватили съ собою пива, ѣды и, по предложенію Юарта, купили въ Стейнсѣ два японскихъ бумажныхъ зонтика. Мы потребовали себѣ лишнихъ подушекъ на перевозѣ и провели удивительно пріятный день, лежа въ лодкѣ, при-

ченной въ тѣни, близь Виндзора, въ разговорѣ и размышленіи. Юартъ растянулся на подушкахъ въ носу лодки, и отъ него виднѣлись только пятки и зонтикъ, изъ-подъ котораго по временамъ слышался его голосъ.

— Не стоитъ,—произносилъ этотъ голосъ.—Заведи себѣ Милли, Пондерво, и тогда будешь чувствовать себя лучше.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—это мнѣ не подходитъ.

Нѣсколько времени изъ-подъ зонтика только показывались струйки, точно курился жертвенникъ.

— Вездѣ только одна путаница. Развѣ ты самъ не видишь? Никто не знаетъ, гдѣ онъ находится—потому что, въ сущности, оно такъ и есть. Представляютъ-ли собою женщины только нашу собственность, или онѣ такія же творенія, какъ и мы сами? Или, можетъ быть, родъ владѣтельныхъ богинь. До очевидности ясно, что онѣ такія же творенія, какъ и мы. Ты вѣришь въ богинь?

— Нѣтъ,—сказалъ я,—это не подойдетъ къ моей идеѣ.

— Какая же твоя идея?—и Юартъ остановился въ ожиданіи отвѣта.

— Мнѣ представляется такъ,—сказалъ я,—я встрѣчаю существо, которое будетъ всецѣло принадлежать мнѣ, и я—ей, тѣломъ и душой. Никакихъ полубогинь! Буду ждать ее... Если мы когда-нибудь встрѣтимся—мы оба должны быть юными и чистыми.

— Совсѣмъ чистыхъ не существуетъ... Всегда есть подмѣсь.

Это было настолько неопровержимо, что я замолчалъ.

— И если ты принадлежишь ей, а она—тебѣ, Пондерво,— то гдѣ-же будетъ голова?

Тутъ мы нѣсколько времени курили въ молчаніи...

— Говорилъ я тебѣ, Пондерво, о моемъ удивительномъ открытіи?—началъ опять Юартъ.

— Нѣтъ,—сказалъ я.—Что такое?

— М-рисъ Грёнди не существуетъ.

— Какъ такъ?

— Практически не существуетъ. Я только что додумался до этого. Она является только орудіемъ, на которое все сваливали. Въ корнѣ всего самъ Грёнди. Маска съ него, наконецъ, сорвана. Оказывается—худощавый, недовольный человѣкъ, средняго возраста, съ черными баками и усталымъ взглядомъ. Пока былъ ничего себѣ, потомъ—надоѣло. Пошли настроенія!.. Напримѣръ, Грёнди, охваченный половымъ, паническимъ страхомъ:—„Ради Бога закройте это! Смотрите—они собираются вмѣстѣ! Это слишкомъ возбуждаетъ. Смотрите— что выйдетъ!" И онъ бѣгаетъ, размахивая руками, какъ крыльями вѣтряной мельницы. „Ихъ слѣдуетъ держать врозь". И онъ

начинаетъ требовать полнаго разъединенія половъ. Одна сторона дороги для мужчинъ, другая — для женщинъ, и между ними заборъ—даже безъ плакатовъ. Каждый мальчикъ и дѣвочки до двадцати одного года должны быть зашиты въ мѣшки за печатью, съ отверстіями только для головы и ногъ. Музыку—упразднить; домашнія животныя всѣ въ каленкоровыхъ попонахъ. Самыя строгія мѣры относительно ласточекъ.

Я громко хохоталъ.

— Вотъ Грёнди въ одномъ изъ своихъ настроеній, и каково тутъ бѣдной м-рисъ Грёнди—она просто жертва злобной клеветы. Въ душѣ она вѣдь повѣса, и положеніе ея прямо мучительное! Но она покорная жена, и когда Грёнди говоритъ ей, что кругомъ творятся ужасы, она, волей-неволей, сама должна приходить въ ужасъ и краснѣть. И такъ она расхаживаетъ съ гордымъ видомъ, скрывая подъ этой личиной свою вину... Грёнди, между тѣмъ, не унимается и продолжаетъ неистовствовать, размахивая своими костлявыми руками. „Смотрите, у нихъ это засѣло въ головѣ! Это все отъ книгъ. Смотрите, вонъ они чего-то тамъ шепчутся! Потомъ, эти картины! А тамъ музеи съ тѣмъ, что тамъ выставлено,—просто одинъ ужасъ! Почему у насъ не можетъ быть чистаго искусства,—анатомію можно немного приспособить,—чистой беллетристики и поэзіи, вмѣсто всей этой дряни, съ ея постоянными намеками... Извините! Что это тутъ за замкнутой дверью? Замочная скважина... я долженъ посмотрѣть въ нее, въ интересахъ общественной нравственности... я требую этого, я долженъ посмотрѣть! Мнѣ это не повредитъ“.

И тутъ Юартъ такъ уморительно задрыгалъ ногами, что я опять расхохотался.

— Это Грёнди въ одномъ изъ его настроеній, Пондерво. А совсѣмъ не м-рисъ Грёнди. Все это часть того вранья, которое мы распространяемъ о женщинахъ. Онѣ черезчуръ просты. Именно просты! Принимаютъ на вѣру все, что мы имъ говоримъ...

Тутъ Юартъ не надолго задумался и потомъ опять принялся за настроенія м-ра Грёнди.

— А то у Гренди бываетъ другое настроеніе. Случалось тебѣ его ловить въ такіе моменты, Пондерво?.. Когда его приводятъ въ совершенное безуміе мысли о разныхъ привлекательныхъ, запретныхъ плодахъ; когда, послѣ страшной борьбы съ этими мыслями, его, наконецъ, прорветъ, и онъ начинаетъ тайно безобрачничать... Вѣдь Гренди страшный лицемѣръ. Онъ прячется по угламъ и творитъ тамъ всякую мерзость. Вотъ изъ этихъ-то угловъ и идетъ порокъ! А мы

художники—какіе у насъ пороки!—Но вдругъ Гренди охватываетъ бѣшенный порывъ раскаянія. Тутъ онъ ожесточается на падшихъ женщинъ, на насъ, ни въ чемъ неповинныхъ, скульпторовъ, изображающихъ голое тѣло, — вродѣ меня... И онъ снова переходитъ въ свой паническій страхъ.

— М-рисъ Гренди, должно быть, не знаетъ о его проступкахъ,—замѣтилъ я.

— Нѣтъ! Впрочемъ, не могу утверждать... Но Богъ съ ней, она вѣдь—женщина...

— Потомъ ты видишь Гренди съ широкой, масляной улыбкой, расплывающейся по его лицу. Онъ либеральничаетъ... онъ въ анти-пуританскомъ настроеніи — „Старается, не видѣть въ этомъ ничего вреднаго". Гренди—въ новой роли друга невинныхъ удовольствій...

— И вотъ почему вездѣ такая „путаница, Пондерво. Этотъ проклятый Гренди заслоняетъ намъ свѣтъ, и мы, молодежь, ничего изъ за него не видимъ. Его настроенія дѣйствуютъ на насъ. Мы заражаемся то его паникой, то его развратомъ, то его масляным снисхожденіемъ. Мы хорошенько не знаемъ, что думать, что сказать. Онъ не даетъ намъ ни подумать, ни прочесть ничего о самомъ (и вполнѣ естественно) интересномъ для насъ. Такъ мы и растемъ и кое какъ добираемся,—посреди всякаго обмана,—до половой зрѣлости. Попробуй-ка посмотрѣть на вещи просто,—да онъ тебя всего обольетъ грязью! Молодыя женщины совсѣмъ запуганы,—въ ужасѣ отъ его внушительныхъ бакъ и чего то угрожающаго въ глазахъ.

Тутъ Юартъ, точно игрушечная фигура на пружинкѣ, внезапно поднялся и сѣлъ.

— Онъ преслѣдуетъ насъ повсюду, Пондерво,—произнесъ онъ торжественно.—Иногда мнѣ приходитъ въ голову, что онъ у насъ въ крови. У *меня.*

И онъ остановился въ ожиданіи моего отвѣта, покусывая свою трубку.

— Ну ты, во всякомъ случаѣ, самый дальній изъ его родственниковъ.—А вотъ что, Юартъ,—продолжалъ я, немного подумавъ.—Какъ бы ты все это устроилъ иначе?

Онъ нахмурилъ свое комическое лицо, уперся взглядомъ въ воду и нѣсколько времени продолжалъ сосать свою трубку, что то обдумывая.

— Я допускаю, что дѣло не такъ просто. Мы всѣ выросли подъ страхомъ Гренди и этой, не то виновной, но все-же внушительной, дамы, его супруги. Я не могу сказать, насколько всѣ эти усложненія являются своего рода болѣзнью, подъ пагубнымъ вліяніемъ Гренди... Возможно, что я еще не вполнѣ понимаю женщинъ... Но мужчина вѣдь уже

вкусилъ отъ древа познанія... Посмотримъ на дѣло просто. Я началъ бы съ упраздненія всякой разницы въ понятіяхъ о пристойномъ и непристойномъ.

— Съ Гренди произошелъ бы ударъ!—воскликнулъ я.

— Гренди могъ бы—публично—принимать по три холодныхъ душа ежедневно... Но я не допустилъ бы,—замѣть это,—чтобы поламъ были предоставлена полная свобода, когда они вмѣстѣ. Тутъ нечего надувать себя. Фактъ пола все же остается въ своей силѣ. Это сказывается даже въ самомъ лучшемъ изъ смѣшанныхъ обществъ... Я полагаю, что у нашихъ древнихъ предковъ, ну, въ ту пору, когда они представляли собою не болѣе, какъ маленькихъ ящерицъ, между самцами всегда существовала конкуренція изъ за самокъ. Этого ты не передѣлаешь въ какую нибудь тысячу лѣтъ... Смѣшанная компанія не допускается, иначе какъ подъ однимъ условіемъ: одинъ мужчина, или одна женщина. Какъ тутъ быть?

— Только дуэты?..

— Какъ это устроить? Можетъ быть, потребуется какое нибудь особое правило этикета...—И онъ задумался съ самымъ серьезнымъ видомъ.—Потомъ вдругъ сталъ жестикулировать своею длинною рукою.

— Какъ будто вижу... вижу вродѣ города женщинъ, Пондерво. Да... окруженное стѣною пространство, высокой стѣной, вродѣ городской стѣны Рима, и внутри садъ. Громадный садъ, съ фонтанами, бесѣдками, озерами. Тутъ и лужайки для игръ, аллеи, чтобы болтать, лодки—женщинамъ это нравится. У всякой женщины, бывшей въ хорошей школѣ, остаются пріятныя воспоминанія о ней. Эта одна изъ трогательныхъ сторонъ жизни женщины, что школа или коллегія, пожалуй, лучшее изо всего, что она имъ даетъ. И въ этомъ городѣ-садѣ для женщинъ будетъ и музыка, и чудные наряды, и особыя мѣста для пріятныхъ работъ,—однимъ словомъ, все, что только можетъ потребоваться женщинѣ. Тутъ будутъ также дѣтскіе сады. И ни одинъ мужчина,—развѣ только въ случаѣ какой нибудь тяжелой работы,—сюда не будетъ допускаться. Мужчины будутъ жить въ своемъ особомъ мірѣ, гдѣ они могутъ охотиться, строить машины, изобрѣтать и работать на фабрикахъ и въ рудникахъ, плавать по морямъ, пьянствовать, заниматься искусствами и драться...

— Да,—началъ я,—но...

Онъ остановилъ меня жестомъ руки.

— Я подхожу къ этому. Дома женщинъ,—у каждой будетъ свой отдѣльный домъ, устроенный и меблированный по ея вкусу,—будутъ составлять часть внѣшней стѣны, и у каждаго дома будетъ свой маленькій балконъ, выходящій

наружу. Когда ей вздумается, женщина будетъ выходить туда полюбоваться на окружающій видъ. Городъ будетъ окружать широкая аллея съ развѣсистыми, тѣнистыми деревьями и съ множествомъ скамеекъ. По аллеѣ будутъ прогуливаться мужчины, когда у нихъ явится потребность въ женскомъ обществѣ, когда имъ, напримѣръ, захочется поговорить о своей душѣ или своемъ характерѣ, или о чемъ нибудь другомъ въ томъ-же родѣ, что въ состояніи выслушивать только однѣ женщины... Женщины будутъ склоняться съ своихъ балконовъ, смотрѣть на мужчинъ, улыбаться имъ, или разговаривать съ ними,—какъ имъ вздумается. Но у каждой женщины будетъ своя шелковая подъёмная лѣстница, которую она можетъ спустить съ балкона, если захочетъ поговорить ближе...

— Но между мужчинами все-же будетъ конкуренція.

— Да, можетъ быть. Но они должны будутъ подчиняться рѣшенію женщинъ.

Тутъ я указалъ еще на другія затрудненія, и нѣсколько времени мы болтали по поводу этой новой идеи.

— Юартъ,—сказалъ я, наконецъ,—это выходитъ вродѣ твоего кукольнаго острова... Но представь себѣ, что кто-нибудь изъ потерпѣвшихъ неудачу поведетъ осаду балкона и не будетъ подпускать къ нему своего счастливаго соперника.

— Можетъ быть удаленъ,—сказалъ онъ,—на основаніи особыхъ правилъ, въ томъ же родѣ, какъ гонятъ шарманщиковъ. Въ этомъ не встрѣтится затрудненій. А то еще можно воспретить это, по правиламъ этикета... у насъ люди слушаются его лучше закона.

— Х-мъ,—но тутъ мнѣ пришла другая идея, довольно неожиданнаго характера для молодого человѣка:

— А какъ насчетъ дѣтей въ твоемъ городѣ? Дѣвочки—ничего... Но какъ быть съ мальчиками: они растутъ.

— Да!—сказалъ Юартъ.—Я забылъ. Ихъ не слѣдуетъ держать за стѣною послѣ семи лѣтъ. Когда наступитъ время, приходитъ отецъ, съ маленькимъ пони на уздѣ, съ дѣтскимъ ружьемъ и другимъ костюмомъ для мальчика, и уводитъ его. Потомъ тотъ можетъ приходить къ балкону своей матери... Ему должно быть очень пріятно, что у него есть мать. Отецъ и сынъ вмѣстѣ...

— Да, все это очень мило, въ своемъ родѣ,—сказалъ я,—но вѣдь это фантазія. Но вотъ ты мнѣ скажи,—что ты будешь дѣлать въ Бромпопонѣ или теперь въ Валамъ Гринѣ?

— А, чортъ подери Валамъ Гринъ!—воскликнулъ Юартъ.—Какой ты несуразный парень, Пондерво!—И онъ сразу оборвалъ свое разсужденіе и нѣкоторое время даже не отвѣ-

чалъ мнѣ, когда я пытался повернуть разговоръ на интересовавшую меня тему...

— У меня явилась новая идея,—замѣтилъ онъ, между тѣмъ какъ я говорилъ.

— Какая?

— Для моего *шедевра*. Это будетъ цѣлая серія—вродѣ бюстовъ Цезарей. Только не головы—мы вѣдь не видимъ тѣхъ людей, которые теперь у насъ все дѣлаютъ.

— Какъ же ты обойдешься безъ нихъ?

— Руки—серія рукъ! Руки двадцатаго столѣтія. Я сдѣлаю это. Придетъ время—кто-нибудъ откроетъ мою работу, увидитъ и пойметъ, что я хотѣлъ сказать.

— Гдѣ увидитъ?

— На могилахъ. Чего лучше? Произведенія Неизвѣстнаго Гайчетскаго Мастера! Тутъ будутъ и маленькія, нѣжныя женскія ручки, и некрасивыя нервныя мужскія руки, и дряблые плавни, и все захватывающая лапа! И посреди нихъ костлявая, худая рука страшнаго Гренди. Только въ ней должно быть нѣчто, грозящее всѣмъ своимъ прикосновеніемъ... Помнишь знаменитую Руку Родена?

IV.

Я позабылъ, сколько прошло времени со дня нашего послѣдняго разрыва до окончательной сдачи Маріонъ. Но припоминаю охватившее меня возбужденіе и душившія меня слезы, пополамъ съ радостнымъ смѣхомъ, когда я читалъ ея письмо, въ которомъ она говорила: „Я передумала все и вижу, что поступила эгоистично“...

Въ тотъ же вечеръ я полетѣлъ въ Валамъ-Гринъ, и съ избыткомъ вернулъ ей все, что она уступала. Она была чрезвычайно кротка и великодушна и при прощаніи нѣжно меня поцѣловала.

Итакъ, мы поженились.

Бракъ нашъ происходилъ при обычной несообразной обстановкѣ. Я уступилъ, и Маріонъ была, видимо, довольна. Вѣдь я поступалъ съ должнымъ благоразуміемъ. У насъ было три ливрейныхъ кареты, когда мы ѣхали въ церковь, и кучера въ поношенныхъ шляпахъ, съ бѣлыми розетками и украшенными бантами бичами; мой дядя проявилъ себя съ соотвѣтствующимъ великолѣпіемъ и заказалъ завтракъ изъ ресторана въ Гаммерсмитѣ. Столъ былъ убранъ множествомъ хризантемъ и въ надлежащихъ мѣстахъ виднѣлись цвѣты *флеръ-д'оранжа*; его украшалъ, кромѣ того, удивительный свадебный кексъ. Послѣ свадьбы, какъ полага-

лось, болѣе двадцати клинообразныхъ кусочковъ его, при напечатанныхъ серебромъ карточкахъ (гдѣ прежняя фамилія Маріонъ, замѣненная Пондерво, была пронзена стрѣлою), было разослано по разнымъ мѣстамъ. Присутствовали нѣсколько родственниковъ Маріонъ, и нѣсколько друзей отъ Смити, съ ихъ знакомыми, были видны въ церкви. Я, съ своей стороны, выставилъ избранную группу изъ двухъ—моего дядю и тетку. Въ маленькомъ домѣ происходила необычайная, праздничнаго характера, давка. На буфетѣ, въ нѣдрахъ котораго вмѣстѣ съ салфетками скрывалось и объявленіе о „меблированной комнатѣ", были выставлены свадебные подарки. Маріонъ была облечена въ бѣлое шелковое свадебное платье, которое совсѣмъ не шло къ ней; и она казалась мнѣ въ немъ какой-то большой и незнакомой. Съ самымъ серьезнымъ видомъ она исполняла свою роль въ этомъ англійскомъ свадебномъ ритуалѣ, казавшемся мнѣ совершенно непонятнымъ. Для нея все это видимо представляло большое значеніе; для меня это казалось только оскорбительнымъ и крайне тяжелымъ вторженіемъ въ мою интимную жизнь чуждаго мнѣ свѣта, къ которому я уже относился критически. Къ чему вся эта сумятица? Только одно непристойное объявленіе, что я былъ влюбленъ въ Маріонъ! Но мнѣ думается, что она врядъ ли сознавала, какъ непріятно на мнѣ отзывались эти результаты моего одержавшаго верхъ „благоразумія". Однако, я добросовѣстно исполнилъ свою роль, до костюма включительно; на мнѣ былъ великолѣпно сшитый фракъ, весьма свѣтлые панталоны и бѣлый жилетъ при новомъ цилиндрѣ. Маріонъ, замѣтивъ мое подавленное состояніе, пошла такъ далеко, что даже шепнула мнѣ, что у меня очаровательный видъ; я, дѣйствительно, чувствовалъ, что самъ на себя не похожъ. Я скорѣе походилъ на раскрашенное приложеніе къ „Мужскимъ Модамъ" или къ „Портному и Закройщику"—„полный костюмъ для торжественныхъ случаевъ". Я чувствовалъ себя точно потеряннымъ въ чужомъ тѣлѣ, и когда я опускалъ глаза, чтобы удостовѣриться въ противномъ, — бѣлый жилетъ и незнакомаго вида ноги только еще болѣе смущали меня.

Мой дядя былъ моимъ посаженнымъ отцомъ и имѣлъ видъ маленькаго банкира. Въ петлицѣ его сюртука виднѣлась бѣлая роза. Онъ не былъ особенно разговорчивъ.

— Джорджъ,—повторилъ онъ раза два, сколько помню,—это весьма важный случай въ твоей жизни—весьма важный.

Но въ словахъ его звучало какое-то сомнѣніе.

Я сообщилъ ему, что женюсь, только за недѣлю до свадьбы. И это извѣстіе крайне удивило, какъ его, такъ и тетку. И

они, какъ говорится, „не могли взять этого въ толкъ“. Моя тетка была чрезвычайно заинтересована этимъ событіемъ, гораздо болѣе дяди, и тутъ я въ первый разъ увидѣлъ, что она дѣйствительно любитъ меня. Она увела меня къ себѣ послѣ того, какъ я имъ сообщилъ о предстоящей свадьбѣ.

— Джорджъ,—сказала она,—почему же ты не сказалъ объ этомъ ранѣе,—хотя бы *мнѣ*.

И тутъ я самъ удивился, какъ мнѣ трудно было разсказывать ей о Маріонъ. Она, видимо, меня не понимала.

— Такъ она хороша собою?—спросила, наконецъ, тетка.

— Ужъ не знаю, какъ вы бы нашли,—старался я увильнуть отъ ея вопроса,—я думаю...

— Да?

— Можетъ быть, она—самая красивая женщина на свѣтѣ...

— А развѣ не такъ для тебя?

— Конечно,—сказалъ я, утвердительно кивая головой.—Да... она.

И хотя я ничего не помню изъ того, что дѣлалъ или говорилъ мой дядя во время свадьбы, у меня сохранилось въ памяти много мелкихъ подробностей, свидѣтельствовавшихъ о глубокомъ интересѣ, принимаемомъ въ этомъ дѣлѣ моею теткой. Для меня тогда сдѣлалось яснымъ, что мнѣ ничего не удастся скрыть отъ нея. Она была въ нарядномъ костюмѣ, и на головѣ у нея красовалась большая модная шляпа съ перьями, отъ чего ея тонкая шея казалась еще длиннѣе и тоньше. Въ то время, какъ она проходила своею обычною, слегка раскачивающеюся, походкою по церкви, съ пристально уставленными на Маріонъ глазами, въ которыхъ было видно недоумѣніе, она поразила меня какою-то не свойственною ей серьезностью. Мнѣ кажется, что она задумывалась о моемъ бракѣ гораздо болѣе меня самого и, видя мое напряженное состояніе и ослѣпленіе Маріонъ, старалась уловить во всемъ этомъ хотя какіе либо признаки любви.

Когда подписывали брачное свидѣтельство въ ризницѣ, она, казалось мнѣ, готова была заплакать. То-же самое я замѣтилъ, когда безмолвно, и не глядя на меня, она сжала мою руку при прощаніи...

Теперь, когда уже прошло столько лѣтъ со временъ моей юности, я могу посмотрѣть безпристрастно на всю эту процедуру, настолько возмущавшую меня тогда своею нелѣпостью, что я не замѣчалъ въ ней чисто человѣческихъ элементовъ; я могу спокойно разсматривать ее, какъ картину, во всѣхъ ея деталяхъ, и дѣлать свои обобщенія. Для меня, напримѣръ, весьма интересно сопоставить ее съ моей Бледсоверской теоріей Британской соціальной схемы.

Подъ давленіемъ традиціи, мы пытались продѣлать въ этомъ бродившемъ хаосѣ Лондона брачныя церемоніи Бледсоверскаго арендатора или одного изъ подвластныхъ горожанъ, забывая, что тамъ свадьба была общественною функціей, имѣвшей свое общественное значеніе.

Тамъ церковь до извѣстной степени представляетъ собою мѣсто общественныхъ сборищъ, и фактъ вашей предстоящей свадьбы имѣетъ значеніе для каждаго встрѣчнаго. Такая перемѣна въ вашемъ положеніи интересуетъ весь околотокъ. Но въ Лондонѣ не существуетъ сосѣдей, и никому нѣтъ никакого дѣла до васъ. Никто никогда не слышалъ именъ, произносимыхъ при окликаніи. Вѣнчавшій васъ пасторъ никогда не видѣлъ васъ въ глаза и врядъ ли когда увидитъ послѣ совершенія обряда.

Сосѣди въ Лондонѣ! Да Рамботы даже не знали фамилій людей, жившихъ рядомъ съ ними. Въ то время, какъ я стоялъ у окна въ ожиданіи Маріонъ передъ тѣмъ, какъ намъ уѣхать, ко мнѣ подошелъ м-ръ Рамботъ и также сталъ глазѣть на улицу.

— Вчера были похороны,—замѣтилъ онъ, кивая головой на противоположный домъ и желая занять меня разговоромъ.—Совсѣмъ парадная обстановка—дроги съ стекляннымъ ящикомъ...

И наша маленькая процессія въ три каретки, съ украшенными бантами лошадьми и кучерами, промелькнула незамѣтно среди грохота и давки громаднаго движенія, точно фарфоровая фигурка, попавшая въ потокъ каменнаго угля, сыплющагося въ угольныя ямы броненосца. Никто не давалъ намъ дороги, никому не было дѣла до насъ; кучеръ на козлахъ омнибуса поднялъ насъ на смѣхъ; нѣсколько времени намъ пришлось медленно двигаться въ хвостѣ мусорной телѣги. Окружавшая насъ суета чуждой среды придавала нашему публичному появленію видъ какойто непристойной выставки. Толпа, собравшаяся у церкви, вѣроятно, почувствовала-бы еще большій интересъ при созерцаніи какой-нибудь уличной сцены.

На станціи Чарингъ Кроссъ (мы ѣхали въ Гастингсъ), оберъ-кондукторъ, догадавшись по костюмамъ, что мы новобрачные,— помѣстилъ насъ въ отдѣльное купэ.

Когда поѣздъ тронулся, я сказалъ Маріонъ, улыбаясь и чувствуя себя не совсѣмъ ловко:

— Ну, все кончилось.

Она взглянула на меня съ серьезнымъ выраженіемъ и застѣнчиво.

— А вы не сердитесь?—спросила она.

— Сержусь! Почему?

— Потому что все было, какъ слѣдуетъ.

— Дорогая Маріонъ!—И, вмѣсто отвѣта, я поцѣловалъ ея руку, обтянутую бѣлой надушенной перчаткой.

Я почти ничего не помню изъ нашего путешествія, продолжавшагося съ небольшимъ часъ; мы оба чувствовали усталость и были какъ то смущены, у Маріонъ слегка болѣла голова, и она не была расположена къ нѣжностямъ. Я задумался о моей теткѣ, и для меня явилось въ видѣ какого-то открытія, что я ее очень люблю. Мнѣ даже сдѣлалось жаль, что я не сказалъ ей раньше о своей женитьбѣ...

Но для васъ совсѣмъ не интересна исторія моего медоваго мѣсяца. Я уже сказалъ достаточно для своей настоящей цѣли. — Какъ видите, я подчинился воздѣйствію непонятныхъ, окружавшихъ меня силъ; сойдя съ увлекавшаго меня ранѣе пути научной работы, я сталъ пробивать себѣ дорогу въ опутывавшей меня сѣти традицій, обычаевъ, препятствій и нелѣпостей, коверкая себя на всѣ лады; отдался завѣдомо для меня, безчестному и пустому дѣлу и, въ заключеніе всего, исполняя велѣніе непоколебимой, слѣпой природы,—держалъ теперь въ своихъ объятіяхъ плаксивую и холодную Маріонъ.

V.

Кто въ состояніи разсказать о постепенномъ отчужденіи между мужемъ и женой, когда, одна за другой, ослабѣваютъ связывающія ихъ узы? Пожалуй, менѣе всѣхъ одинъ изъ участниковъ этого союза. Даже теперь, спустя пятнадцать лѣтъ, я не могу разобраться въ той массѣ разнообразныхъ, противорѣчивыхъ впечатлѣній, которыя производила на меня Маріонъ...

Я не въ состояніи передать, до какой степени она отталкивала меня своею полною неспособностью къ тѣмъ интимнымъ эмоціямъ, которыя составляютъ сущность любви и которыя слагаются изъ мелочей. Различіе прекраснаго лица отъ уродливаго заключается вѣдь въ различіяхъ поверхностей и пропорцій, иногда до чрезвычайности мелкихъ... Изъ такихъ же, иногда неуловимыхъ, мелочей выростаетъ несоотвѣтствіе темпераментовъ, на которое я уже указывалъ... Нѣкоторые изъ читателей поймутъ меня, другіе отнесутся ко мнѣ, какъ къ безчувственному животному, неспособному взглянуть снисходительно... Мнѣ легко толковать о снисходительности теперь, а не въ то время, когда я былъ молодъ и пылокъ и видѣлъ въ бракѣ разцвѣтъ жизни, видѣлъ какой то цвѣтущій садъ, полный чудныхъ таинственностей,—а не безконечный рядъ уступокъ

и одну дѣтскую болтовню! Компромиссъ? Самая недѣйствительная вещь въ жизни.

Каждый когда либо прочитанный мною романъ казался мнѣ насмѣшкою надъ нашею тусклою жизнью, каждая поэма, каждая прекрасная картина только наводили меня на мысли о тѣхъ томительныхъ, скучныхъ часахъ, которые мы проводили вмѣстѣ. Мнѣ кажется, что главною причиною нашихъ несогласій было отсутствіе въ Маріонъ какого-либо эстетическаго чувства.

Меня особенно поражало ея холодное отношеніе къ своей собственной красотѣ. Хотя это мелочь, но я не могу забыть, что она ходила при мнѣ въ папильоткахъ. У нея также была привычка „донашивать“ свои старыя платья, или облекаться въ неудачно сшитые костюмы, когда ее „никто не могъ видѣть“—и этотъ „никто“ былъ я самъ. И она дала мнѣ возможность накопить въ памяти множество такихъ непривлекательныхъ мелочей...

Мы не сходились ни въ одномъ понятіи о жизни. Я помню, какъ мы спорили о меблировкѣ дома. Мы провели при этомъ три или четыре дня въ магазинахъ Тотенгамъ Родъ, и она выбирала всѣ вещи, устраняя всякія мои возраженія словами: „У васъ такой странный выборъ“.

Она, видимо, преслѣдовала при этомъ какой то готовый, ясно сложившійся въ ея умѣ идеалъ, недопускавшій ничего другого. Надъ каждымъ каминомъ у насъ было задрапированное зеркало, буфетъ величественнаго вида былъ заставленъ граненымъ стекломъ, въ углахъ на столикахъ стояли лампы на длинныхъ ножкахъ и цвѣты въ узаконеннаго вида кадкахъ. Все это встрѣтило полное одобреніе Смити. У насъ не было ни одного уголка, гдѣ можно было бы спокойно почитать. Всѣ мои книги пришлось убрать въ стѣнной шкафъ въ столовой. У насъ стояло и фортепьяно, хотя игра Маріонъ была самаго элементарнаго характера...

Для Маріонъ было большимъ несчастьемъ, что я, при своемъ безпокойномъ характерѣ, скептицизмѣ и бродящихъ въ головѣ новыхъ идеяхъ,—настоялъ на своей женитьбѣ на ней. Она была лишена всякой способности къ развитію или къ перемѣнѣ; она, такъ сказать, застыла въ своей формѣ, въ сферѣ ограниченныхъ идей, свойственныхъ ея классу. Она преслѣдовала свои концепціи того, что *слѣдовало* и въ расположеніи мебели въ гостиной, и въ брачномъ ритуалѣ, и во всѣхъ отношеніяхъ повседневной жизни,—съ полною добросовѣстностью и убѣжденіемъ, съ тою безыдейною непоколебимостью, съ какою птица вьетъ свое гнѣздо, или бобръ строитъ свою запруду.

Я не буду долго останавливаться на этомъ періодѣ разо-

чарованія, чередовавшемся, по временамъ, со вспышками угасавшей любви. Иногда она старалась сдѣлать мнѣ пріятное: дарила вышитыя ею туфли, новый шарфъ, и меня трогали эти проявленія нѣжности, несмотря на ихъ смѣшную сторону. Она держала, при одной прислугѣ, нашъ домъ въ большомъ порядкѣ и чрезвычайно гордилась имъ и садомъ. По своему, она безукоризненно исполняла свои обязанности по отношенію ко мнѣ.

Благодаря быстрому развитію дѣла Тоно-Бэнге, мнѣ приходилось въ это время совершать поѣздки въ провинцію, и иногда я долженъ былъ оставлять ее одну на цѣлую недѣлю. Въ началѣ она была недовольна этимъ; ей было скучно, какъ она говорила, оставаться одной; но черезъ нѣсколько времени ея визиты къ Смити возобновились, и она начала привыкать къ этому. У Смити она являлась теперь женщиной съ положеніемъ; она располагала деньгами. Она стала брать ее съ собою въ театръ, угощала завтраками въ ресторанахъ, при чемъ *шли* безконечные разговоры о дѣлахъ мастерской, и Смити сдѣлалась нашею обычною гостьей. Маріонъ также завела себѣ болонку и начала проявлять дамскіе вкусы по части мелкихъ искусствъ: выжиганіе по дереву, кодакъ, рощеніе гіацинтовыхъ луковицъ и т. д. Она даже сдѣлала визитъ сосѣдкѣ. Ея родители покинули Валамъ-Гринъ,—ея отецъ разстался съ газовымъ заводомъ,—и жили теперь по близости, въ маленькомъ домѣ, который я для нихъ нанялъ. Они часто насъ посѣщали.

И какъ раздражали меня тогда всѣ эти мелочи, когда главные источники жизни уже были отравлены. Мой тесть постоянно натыкался на меня въ моменты, когда я былъ особенно не въ духѣ. Онъ раздражалъ меня до невыносимости.

— Слишкомъ много думаете,—говорилъ онъ.—Если бъ немного покопаться съ лопатой въ рукахъ, то вашего сада просто бы не узнать. Это лучше, чѣмъ все думать, Джорджъ.

Или онъ приставалъ съ укоризненнымъ видомъ:

— Просто не пойму, Джорджъ, — какъ это вы не поставите оранжерейку въ этомъ углу. Тутъ можно бы сдѣлать чудеса со стекломъ.

Когда онъ появлялся къ намъ лѣтомъ, то при входѣ въ прихожую, подобно фокуснику, неожиданно вытаскивалъ изъ своихъ кармановъ огурцы и томаты. „Это все съ моего кусочка“, говорилъ онъ назидательнымъ тономъ. Онъ оставлялъ за собою слѣды огородныхъ овощей въ самыхъ необычайныхъ мѣстахъ: на каминѣ, на полкахъ, надъ картинами. Въ какую ярость приводилъ меня тогда неожиданно попадавшійся на глаза томатъ!..

Нашему взаимному охлажденію немало способствовало и то обстоятельство, что Маріонъ и моя тетка не сошлись; между ними существовалъ какой-то инстинктивный антагонизмъ.

Моя тетка сначала посѣщала насъ довольно часто, видимо желая сблизиться съ Маріонъ. Сперва она появлялась, какъ вихрь, и по всему дому раздавались ея возгласы. Костюмы ея теперь, уже имѣли экстравагантный характеръ, такъ какъ она не стѣснялась въ средствахъ, и во время своихъ посѣщеній она бывала особенно нарядна. Я подозрѣваю, что она хотѣла играть материнскую роль по отношенію ко мнѣ, и собиралась посвятить Маріонъ въ нѣкоторыя касавшіяся меня тайны, какъ, напр., — что я занашиваю сапоги, что я слишкомъ легко одѣваюсь въ холодную погоду и т. д. Но Маріонъ, опасаясь критики, встрѣчала и эти авансы съ какою-то застѣнчивою подозрительностью. Замѣтивъ это, моя тетка приходила въ нервное состояніе, и у нея прорывались ея излюбленныя словечки...

— Она употребляетъ такія странныя выраженія,—сказала Маріонъ, когда мы говорили о теткѣ.—Но это, должно быть, ея остроуміе.

— Да, это остроуміе,—отвѣчалъ я.

— Если бъ я стала говорить такъ...

Но странныя выраженія, слышанныя Маріонъ, были ничто, по сравненію съ тѣми, отъ которыхъ воздерживалась моя тетка. Я помню разъ, когда мы сидѣли съ нею въ гостиной, съ какимъ уморительнымъ выраженіемъ она посмотрѣла на эстетическій горшокъ съ фикусомъ, который Маріонъ поставила на уголъ фортепьяно.

Она только что хотѣла заговорить, но замѣтивъ предостереженіе въ моемъ взглядѣ, во время остановилась, точно испуганная кошка, подбиравшаяся къ молоку.

— А вѣдь удержалась отъ словечка,—сказала она, все-таки не выдержавъ до конца.

— Вы у меня добрая, — отвѣтилъ я съ улыбкой, въ то время какъ Маріонъ входила въ комнату, и я почувствовалъ себя какимъ-то предателемъ.

— Ваша тетка любитъ подшучивать надъ людьми,—позже изрекла по этому случаю свой приговоръ Маріонъ.—Можетъ быть, такъ слѣдуетъ... какъ ей кажется.

Нѣсколько разъ мы обѣдали у тетки въ Бекенгамѣ. Та всячески старалась подружиться съ новой родственницей, но Маріонъ оставалась непреклонной. Я знаю, что она чувствовала себя очень неловко, и она держалась въ этихъ случаяхъ своего обычнаго метода—угнетающаго молчанія, при сжатыхъ отвѣтахъ, не допускавшихъ возможности завязать разговоръ.

Посѣщенія тетки становились все рѣже... Моя домашняя жизнь стала походить на какую-то узкую, глубокую полосу, прорѣзывавшую тотъ широкій, полный разнообразныхъ интересовъ горизонтъ, посреди котораго я жилъ. Я разъѣзжалъ по разнымъ мѣстамъ, сталкивался съ множествомъ разныхъ лицъ и перечитывалъ, во время моихъ путешествій въ поѣздахъ, безконечное число всякихъ книгъ. Въ домѣ моего дяди я заводилъ новыя знакомства, безъ участія Маріонъ. Новыя идеи постоянно зарождались въ моей головѣ. Мнѣ кажется, что періодъ жизни, вскорѣ послѣ наступленія тридцати лѣтъ, соотвѣтствуетъ наибольшему развитію человѣческаго ума. Это годы порыва и энергіи.

Каждый разъ, какъ я возвращался въ Илингъ, жизнь тамъ казалась мнѣ все болѣе чуждой, узкой и непривлекательной; и сама Маріонъ какъ будто утрачивала свою красоту и дѣлалась все болѣе и болѣе ограниченной, пока она, наконецъ, не потеряла въ моихъ глазахъ все свое очарованіе. Она встрѣчала меня все холоднѣе и, наконецъ, сдѣлалась совершенно равнодушной къ моему отсутствію. Я не думалъ о какихъ-либо тайныхъ страданіяхъ съ ея стороны. Я возвращался домой съ сознаніемъ, что мнѣ нечего тамъ ждать. Такова была моя тусклая домашняя жизнь, и я самъ выбралъ ее. Я сталъ замѣчать въ Маріонъ недостатки, на которые прежде не обращалъ вниманія; я связывалъ блѣдный цвѣтъ ея лица съ ея темпераментомъ и тяжелыя очертанія рта съ настроеніями вѣчнаго недовольства. Мы расходились все болѣе и болѣе. Мнѣ надоѣдали эта дѣтская болтовня, стереотипныя фразы и послѣднія новости мастерской Смити, и я не стѣснялся высказывать это. Мы едва говорили, когда оставались вдвоемъ...

У насъ не было дѣтей, чтобы примирить насъ. У Смити Маріонъ научилась бояться материнства и ненавидѣть его. Въ немъ для нея заключалась квинтъэссенція всего „противнаго“—послѣдній позоръ, постигавшій неосторожную женщину. Я даже сомнѣваюсь, чтобы дѣти могли сблизить насъ; ихъ воспитаніе сдѣлалось бы только источникомъ постоянныхъ столкновеній.

Моя совмѣстная жизнь съ Маріонъ представляется мнѣ долгимъ, печальнымъ періодомъ, съ рѣдкими смягчавшими его проблесками. Въ эти дни я подвергалъ жестокой критикѣ свою жизнь, полную столькихъ ошибокъ и неровностей; лежа безъ сна по ночамъ, я спрашивалъ себя о цѣли такого безсмысленнаго существованія и моей жалкой домашней жизни, я останавливался на времени, посвященномъ мошенническому дѣлу, и сопоставлялъ то, чѣмъ я сдѣлался, съ моими юношескими мечтами временъ Уимбльгерста. Мои

обстоятельства тогда представлялись мнѣ въ видѣ окончательнаго достигнутаго мною результата, и я спрашивалъ себя, зачѣмъ я поставилъ себя въ такое положеніе.

VI.

Развязка такого невыносимаго состоянія наступила быстро и неожиданно, хотя, можетъ быть, и неизбѣжнымъ путемъ. Не встрѣчая со стороны Маріонъ отвѣта на мои нѣжныя чувства,—я измѣнилъ ей.

Я вовсе не желаю оправдывать свое поведеніе. Я былъ молодъ, полонъ силъ, и пробудившееся во мнѣ чувство осталось безъ удовлетворенія въ бракѣ и только обострилось. Я преслѣдовалъ несбыточный сонъ,—и теперь во мнѣ скопилось много горечи и неудовлетворенія жизнью. Все произошло, какъ я разсказываю. Я нисколько не касаюсь моральной стороны дѣла и предоставляю соціальнымъ реформаторамъ изыскивать тутъ соотвѣтствующія средства для врачеванія общественныхъ золъ. Я достигъ того возраста, когда интересуютъ только теоріи, относящіяся къ обобщенію реальностей.

Чтобы попасть въ нашу контору въ Раггетъ-Стритъ, мнѣ приходилось проходить черезъ комнату, гдѣ работали дѣвицы за пишущими машинами. Онѣ были исключительно заняты корреспонденціей; экспедиціонный отдѣлъ и бухгалтерія теперь помѣщались уже въ другой части дома. Я не могу отрицать, чтобы постоянное созерцаніе этихъ молодыхъ женщинъ не возбуждало во мнѣ нѣкоторой эмоціи, хотя весьма слабой и неопредѣленной; но вскорѣ одна изъ нихъ какъ-то выдѣлилась изъ числа прочихъ и стала привлекать мое вниманіе. Мнѣ сперва понравилось въ ней, что она держалась прямо, а также мягкія очертанія шеи, съ ожерельемъ изъ поддѣльнаго жемчуга, каштановые, аккуратно причесанные волосы и какой-то особый взглядъ въ сторону, какъ будто иногда обращенный ко мнѣ.

Мои глаза стали невольно искать ее, когда я бывалъ занятъ въ этой комнатѣ; я диктовалъ ей нѣкоторыя письма и при этомъ замѣтилъ, что у нея были красивыя, нѣжныя руки, съ розовыми ногтями. Разъ или два, случайно встрѣтившись, мы обмѣнялись быстрымъ взглядомъ.

Вотъ и все. Но этимъ было достаточно сказано,—на томъ секретномъ языкѣ, который существуетъ между полами. Между нами уже существовала тайна.

Разъ я вернулся въ Раггетъ-Стритъ во время перерыва для завтрака и засталъ ее одну въ комнатѣ. Она быстро

взглянула на меня, когда я вошелъ, и потомъ какъ-то притихла, опустила глаза и положила на столъ сжатыя вмѣстѣ руки. Я прошелъ мимо нея до дверей конторы, потомъ вернулся назадъ и сталъ за ея стуломъ.

Нѣсколько времени мы оба молчали. Меня всего трясло.

— Это новая машина?—спросилъ я, чтобы что-нибудь сказать.

Она взглянула на меня, не говоря ни слова, ея лицо горѣло и глаза блестѣли, я наклонился къ ней и поцѣловалъ ее въ губы. Она откинулась назадъ, охватила меня рукою, чтобы привлечь къ себѣ, и нѣсколько разъ поцѣловала. Я поднялъ ее и держалъ въ своихъ объятіяхъ. Она слабо вскрикнула при этомъ.

Никогда еще до тѣхъ поръ мнѣ не приходилось испытывать, что значатъ страстные поцѣлуи..

Въ сосѣдней мастерской послышался шумъ.

Мы отскочили другъ отъ друга, съ пылавшими лицами и горѣвшими глазами.

— Здѣсь нельзя говорить,—прошепталъ я съ интимной довѣрчивостью.—Какъ вы пойдете послѣ пяти?

— По набережной къ Чарингъ-Кроссъ,—отвѣчала она также интимно.—Другія не ходятъ этой дорогой...

— Около половины шестого?

— Да, въ половинѣ шестого...

Въ это время кто-то открылъ дверь изъ мастерской, и она быстро сѣла на свое мѣсто.

— Я радъ, что новыя машины оказались удачными,—замѣтилъ я спокойнымъ голосомъ.

Я ушелъ въ контору и разыскалъ списки служащихъ, чтобы узнать ее имя. Ее звали Эффи Ринкъ. Я не могъ работать, и ходилъ взадъ и впередъ по каморкѣ, какъ запертый въ клѣтку звѣрь.

Когда мнѣ случилось выйти, я увидѣлъ Эффи спокойно сидѣвшею за работой; она и не взглянула на меня...

Въ этотъ вечеръ мы встрѣтились и переговорили обо всемъ въ полчаса; намъ никто не мѣшалъ. Мы пришли къ полному соглашенію. Въ моихъ самыхъ романтическихъ фантазіяхъ мнѣ никогда не представлялось ничего подобнаго.

VII.

Послѣ недѣли отсутствія я вернулся домой совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Когда были пережиты первые порывы охватившей меня страсти къ Эффи, я долженъ былъ обдумать свое положеніе. Для меня опредѣлилось мѣсто Эффи

въ схемѣ вещей, и мы временно разстались. Она уже работала на своемъ мѣстѣ въ Раггетъ Стритъ, объяснивъ свое временное отсутствіе болѣзнью. Я не ощущалъ никакого раскаянія или стыда, когда открывалъ маленькую калитку въ желѣзной рѣшеткѣ, ограждавшей отъ бродячихъ собакъ палисадникъ Маріонъ. Скорѣе я чувствовалъ, что отстоялъ какое то свое право, которое у меня будто-бы оспаривали. Я возвратился въ Маріонъ безъ всякаго сознанія своей вины передъ нею, а напротивъ, съ новымъ пробудившимся во мнѣ къ ней дружескимъ чувствомъ; не знаю, что полагается ощущать въ подобныхъ случаяхъ; но вотъ что именно я чувствовалъ тогда.

Я засталъ Маріонъ въ гостиной у окна, рядомъ съ высокой стоячей лампой; она какъ будто ожидала меня. Я обратилъ вниманіе на ея блѣдное лицо. У нея былъ такой видъ, какъ будто она провела безсонную ночь. Она встрѣтила меня безъ своего обычнаго привѣтствія.

— Вы вернулись,—сказала она.

— Какъ писалъ.

Она стояла безмолвная, и ея фигура вырисовывалась темнымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ окна.

— Гдѣ вы были?—наконецъ, спросила она.

— На Восточномъ Берегу,—отвѣтилъ я спокойно.

— Я все знаю,—сказала она послѣ краткой паузы.

Я уставился на нее глазами. Никогда еще я не былъ, такъ пораженъ.

— Что такое!—воскликнулъ я.—Да, я вижу вы знаете!

— И послѣ этого вы возвращаетесь ко мнѣ!

Я всталъ на коврикѣ передъ каминомъ, стараясь сообразить такой неожиданный поворотъ.

— Я не могла представить себѣ ничего подобнаго,—начала она.—Какъ вы могли это сдѣлать?

Мы заговорили опять только послѣ долгаго промежутка, какъ мнѣ показалось.

— Кто знаетъ объ этомъ?—спросилъ я.

— Братъ Смити. Они были въ Кромерѣ.

— Чортъ подери Кромеръ!

— Какъ вы могли довести себя...

Я былъ страшно раздосадованъ такою случайною и неожиданною катастрофой.

— Хотѣлось бы мнѣ свернутъ шею этому брату Смити,— сказалъ я.

Послѣ того Маріонъ продолжала говорить прерывающимися фразами.

— Вы... я никогда не думала, чтобы вы могли обмануть меня... Всѣ мужчины „противны"... въ этомъ...

— Я не вижу тутъ ничего особенно противнаго... Неизбѣжное послѣдствіе и самая естественная вещь.

Въ это время мнѣ показалось, что кто то двигается въ коридорѣ; я заперъ дверь изъ комнаты и возвратился на прежнее мѣсто.

— Я понимаю, что это очень непріятно для васъ,—сказалъ я.—Но вы знаете, я не имѣлъ въ виду ничего подобнаго. Вы никогда меня не любили. Такая жизнь мнѣ стала невыносима. Вамъ нечего особенно сокрушаться.

— Я любила васъ,—сказала она, садясь въ кресло.

Я пожалъ плечами.

— Должно быть, она васъ любитъ?

Я ничего не отвѣтилъ.

— Гдѣ она теперь?

— Что вамъ до этого?.. Слушайте, Маріонъ! Этого... этого я не предвидѣлъ. Я вовсе не желалъ устроить вамъ такую непріятность. Но, вы сами понимаете,—что нибудь должно было случиться. Я огорченъ до глубины души, что все это произошло между нами. Но все случилось такъ внезапно. Я самъ не знаю, гдѣ я... какъ мы дошли до этого. Я вовсе не предвидѣлъ. Я какъ то засталъ ее въ комнатѣ и поцѣловалъ. Пошло дальше. Казалось глупо повернуть назадъ. Да и кромѣ того—зачѣмъ? Съ самаго начала мнѣ почти въ голову не приходило, что это могло касаться васъ... Чортъ меня подери!

Она вглядывалась въ мое лицо, перебирая въ рукѣ бахрому салфетки стоявшаго около нея столика.

— Подумать только...—говорила она.—Мнѣ кажется... я никогда не въ состояніи болѣе прикоснуться къ вамъ.

Мы долго молчали. Я только что начиналъ понимать, и то поверхностно, всю серьезность и послѣдствія происшедшей между нами катастрофы. Я былъ совершенно неприготовленъ къ этому. Я началъ чувствовать какое то безсмысленное раздраженіе, и у меня чуть было не сорвалось съ языка нѣсколько глупыхъ выраженій, отъ чего меня удержало сознаніе важности момента. Мы все продолжали молчать, и чувствовалось, что мы приближались къ такому разговору, который долженъ былъ установить разъ на всегда дальнѣйшія отношенія между нами.

Въ это время постучались въ дверь,—Маріонъ всегда требовала этого,—и въ комнату вошла наша единственная прислуга.

— Чай готовъ, ма-мъ,—сказала она и исчезла, оставивъ дверь открытой.

— Я пройду на верхъ,—сказалъ я,—и положу свой саквояжъ въ запасной комнатѣ.

Еще нѣсколько секундъ мы не двигались и молчали.

— Сегодня мама пьетъ у насъ чай,—произнесла, наконецъ, Маріонъ и, оставивъ бахрому столика, медленно поднялась съ мѣста...

Такимъ образомъ, отложивъ пока весьма важный предстоявшій намъ разговоръ о нашихъ будущихъ отношеніяхъ, мы пили чай въ обществѣ ничего неподозрѣвавшей м-рисъ Рамботъ и болонки Маріонъ. М-рисъ Рамботъ была слишкомъ хорошо вышколена, и какъ будто не замѣчала, что намъ не по себѣ и что мы чѣмъ то заняты. Она болтала, сколько помню, о м-рѣ Рамботѣ и его посѣвахъ, которые вышли неудачными.

Болонка, Мингльсъ, ужасно надоѣдала, продѣлывая свои штуки и поочереди выклянчивая у насъ съ Маріонъ подачки, къ чему была пріучена...

VIII.

Послѣ того мы возобновили нашъ тяжелый, чудовищный разговоръ. Я не помню, сколько времени онъ продолжался; знаю только одно, что это растянулось на три или четыре дня. Мы говорили и сидя на кровати въ комнатѣ Маріонъ, и стоя въ столовой, и въ другихъ мѣстахъ. Два раза мы ходили гулять. И мы провели вдвоемъ одинъ долгій вечеръ, съ утомленными нервами и измученные, колеблясь между сознаніемъ жестокихъ фактовъ и пробивающимся (во всякомъ случаѣ у меня) болѣе нѣжнымъ чувствомъ, потому что этотъ кризисъ какимъ то непонятнымъ образомъ уничтожилъ нашу взаимную антипатію и пробудилъ въ насъ лучшія чувства другъ къ другу.

Нашъ разговоръ состоялъ изъ безсвязныхъ, противорѣчивыхъ обрывковъ, въ промежуткахъ между которыми на поверхность всплывали новыя соображенія и мысли. Въ основаніи всего лежалъ тотъ фактъ, что теперь между нами уже не предполагалось отношеній любовниковъ. Странно подумать, но теперь я вижу, что въ эти дни мы стали ближе съ Маріонъ и въ первый и въ послѣдній разъ заглянули въ душу другъ друга. Тутъ уже не было никакихъ претензій; мы не дѣлали взаимныхъ уступокъ, мы ничего не скрывали и ничего не преувеличивали. Мы бросили всякій обманъ и говорили все безъ утайки и на чистоту. Конечно, дѣло при этомъ не обходилось безъ жестокихъ ссоръ, и мы говорили другъ другу горькія вещи, давно уже таившіяся въ насъ. Но отъ всего этого въ моей памяти сохранилось преобладающее впечатлѣніе какой то очной ставки, въ кото-

рой выступаетъ блѣдная, печальная фигура Маріонъ, съ заплаканнымъ лицомъ и оскорбленнымъ видомъ, но нелишенная извѣстнаго достоинства.

— Вы любите ее? - какъ-то спросила она совсѣмъ неожиданно, заронивъ въ моей мысли какое то сомнѣніе.

— Я не знаю, что такое любовь,—сказалъ я, сознавая, что у меня все спуталось въ головѣ.—Въ нее столько входитъ, тутъ приплетается такое множество разныхъ нитей.

— Но она нужна вамъ? Вы хотите быть вмѣстѣ съ нею, когда думаете о ней?

— Да, это вѣрно,—сказалъ я, немного подумавъ.

— А я?

— Вы останетесь здѣсь, я полагаю.

— Что же вы думаете дѣлать?

— Что дѣлать!—повторилъ я въ раздраженіи, видя всю безвыходность своего положенія.—Что же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ?

Теперь, по прошествіи пятнадцати лѣтъ, я смотрю трезво и безпристрастно на всю эту исторію,—точно посторонній человѣкъ, которому, однако, близко знакомы оба ея участника. Я вижу теперь, что этотъ неожиданный ударъ, вмѣстѣ съ полнымъ разочарованіемъ, въ дѣйствительности способствовалъ пробужденію ума и сердца въ Маріонъ; что она тутъ впервые освободилась отъ связывавшихъ ея привычекъ, вліяній, словъ и отъ своихъ собственныхъ ограниченныхъ импульсовъ и въ первый разъ сдѣлалась личностью.

Преобладавшимъ въ ней мотивомъ сначала была оскорбленная гордость. Этому положенію долженъ быть положенъ конецъ. Она категорически потребовала отъ меня, чтобы я оставилъ Эффи; подъ вліяніемъ свѣжихъ воспоминаній происшедшаго, я на отрѣзъ отказался отъ этого.

— Теперь слишкомъ поздно, Маріонъ,—сказалъ я.—Этого нельзя сдѣлать.

— Развѣ мы можемъ продолжать жить вмѣстѣ?

— Хорошо,—сказалъ я спокойно,—пусть будетъ по вашему.

— Развѣ это возможно?

— Можете вы остаться въ этомъ домѣ? Я подразумѣваю: если я уѣду?

— Не знаю... пожалуй, что нѣтъ.

— Тогда какъ-же вы хотите?

Медленно и окольными путями, мы, наконецъ, договорились до слова „разводъ“.

— Если мы не можемъ жить вмѣстѣ, мы должны быть свободны,—сказала Маріонъ.

— Я ничего не знаю о разводѣ,—отвѣчалъ я,—если вы его подразумѣваете. Нужно поразспросить кого-нибудь... навести справки... Можетъ быть, въ концѣ концовъ, это единственное, что остается. Намъ придется пойти и на это.

Мы стали обсуждать вопросъ о томъ, какъ намъ осуществить предстоящее житье врозь. Вечеромъ того-же дня я вернулся домой съ необходимыми свѣдѣніями, полученными отъ юриста.

— Какъ теперь стоитъ дѣло,—сказалъ я,—мы не можемъ сейчасъ-же получить развода. По существующему закону, вамъ, видимо, не избѣжать всей этой процедуры. Все это очень глупо, но съ закономъ ничего не подѣлаешь. Кромѣ факта супружеской невѣрности, требуется еще жестокое обращеніе. Для этого я долженъ ударить васъ при свидѣтеляхъ, или сдѣлать что-нибудь въ этомъ родѣ. Но гораздо проще, если я, какъ говорится, покину васъ,—это по закону выходитъ одно и то-же. Конечно, я буду присылать вамъ деньги, а вы подадите въ судъ о возстановленіи супружескихъ правъ. Судъ потребуетъ, чтобы я возвратился къ вамъ. Я не исполняю этого требованія. Вы подаете въ судъ о разводѣ. Онъ постановляетъ рѣшеніе и даетъ мнѣ шесть мѣсяцевъ сроку для возвращенія. Если за это время мы не примиримся, а вы ведете себя прилично, — рѣшеніе вступаетъ въ окончательную силу. Этимъ и кончается вся исторія. Вотъ какъ можно развестись. Какъ видите, это выходитъ гораздо труднѣе, чѣмъ жениться.

— И потомъ какъ я буду жить? Что будетъ со мною?

— Вы будете получать опредѣленный доходъ по закону. Одну треть или половину того, что я имѣю теперь; больше, если захотите; я не пожалѣю, скажемъ, триста фунтовъ въ годъ. У васъ на рукахъ будутъ ваши старики, и вамъ потребуются всѣ эти деньги.

— И тогда... тогда вы будете свободны?

— Мы оба.

— И кончена вся эта жизнь, которую вы такъ ненавидѣли.

Я взглянулъ на ея разстроенное, полное горечи, лицо, и мнѣ стало жаль ее.

— Я не ненавидѣлъ,—солгалъ я, едва сдерживая себя при этой мучительной сценѣ.

IX.

Съ чѣмъ труднѣе всего разобраться въ жизни, это — съ неразрѣшимой сложностью ея самыхъ реальныхъ проявленій. Тутъ нѣтъ ничего простого. Въ каждомъ сдѣланномъ злѣ есть своя доля справедливости; и всякое доброе дѣло имѣетъ свою злую подпочву. Такъ и въ нашемъ столкновеніи одновременно звучало множество самыхъ дисгармонирующихъ нотъ. То мы были почти до ярости озлоблены другъ на друга, то относились другъ къ другу съ нѣжностью, то были проникнуты однимъ эгоизмомъ, то уступчивостью, граничившею съ самоотверженіемъ.

Я припоминаю множество отдѣльныхъ выраженій Маріонъ, совсѣмъ не вязавшихся между собою и до крайности противорѣчивыхъ, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ и на своемъ мѣстѣ, были совершенно справедливы и искренни. Они представляются мнѣ теперь въ видѣ тщетныхъ попытокъ какъ нибудь разобраться въ хаосѣ нашего нравственнаго обвала. Нѣкоторыя изъ ея словъ ужасно раздражали меня. И я отвѣчалъ ей иногда совсѣмъ жестоко.

— Теперь вся моя жизнь разбита,—часто повторяла она.

— Что жъ, я три года добивался,—отвѣчалъ я, — чтобы этого не было. Вы поступали, какъ вамъ нравилось. И я, наконецъ, не выдержалъ.

Или она возвращалась къ временамъ, предшествовавшимъ нашему браку.

— Какъ вы должны меня ненавидѣть. Я заставляла васъ такъ долго ждать. Теперь вы можете отомстить.

— Отомстить!—повторялъ я.

Затѣмъ она касалась предстоящей намъ жизни, когда мы разъѣдемся.

— Я должна сама зарабатывать себѣ средства,—настаивала она.—Я хочу быть независимой. Можетъ быть, снимемъ маленькую ферму. Я займусь куроводствомъ и пчелами. Потомъ...

— Мы уже рѣшили все это,—говорилъ я.

— Я полагаю, вы будете ненавидѣть меня...

Бывали моменты, когда она даже относилась къ нашему предстоящему разъѣзду съ нескрываемымъ удовольствіемъ и строила планы о томъ, какъ онѣ будутъ проводить время съ Смити.

Но разъ она позволила себѣ одно сильно возмутившее меня выраженіе, за которое я до сихъ поръ не могу вполнѣ ее простить.

— Ваша тетка будетъ рада этому. Она никогда меня не любила...

Среди этой напряженной атмосферы я припоминаю фигуру Смити, почти задыхавшуюся отъ сдерживаемыхъ чувствъ, при видѣ главнаго злодѣя пьесы. Я знаю, что у нихъ съ Маріонъ происходили интимные разговоры, сопровождавшіеся слезами и объятіями. И были моменты, когда только наложенная на ея уста печать невольнаго молчанія не позволяла ей прочесть мнѣ жесточайшую нотацію: я видѣлъ это въ ея глазахъ. И сколько глупостей мнѣ пришлось бы тогда выслушать! Въ м-рисъ Рамботъ также пробуждалось сознаніе чего-то особаго, носившагося въ воздухѣ, судя по безпокойному выраженію ея лица; и только воспитанная въ ней Маріонъ покорность ея волѣ принуждала ее молчать.

Наконецъ, посреди всей этой томительной неурядицы, какъ неумолимый, независящій отъ насъ приговоръ судьбы, наступилъ моментъ нашей разлуки съ Маріонъ.

Я старался закалить свое сердце,—иначе я былъ бы не въ состояніи уѣхать, потому что Маріонъ, наконецъ, почувствовала, что она навсегда разстается со мною. Все остальное было забыто, и нашъ послѣдній часъ вмѣстѣ былъ полонъ страданія. Она позабыла о предстоящемъ переѣздѣ въ новый домъ, позабыла объ оскорбленномъ въ ней чувствѣ гордости.

Первый разъ въ жизни она обнаружила сильное чувство ко мнѣ; можетъ быть, въ первый разъ оно появилось въ ней. Она не въ состояніи была удержать своихъ слезъ. Я вошелъ въ ея комнату и засталъ ее плачущею на кровати.

— Я не знала,—всхлипывала она.—О! я не понимала. Я была глупа. Вся жизнь погублена! Я буду одна!.. Метни! (мое ласкательное имя). Метни, не оставляйте меня! О, Метни! я не понимала!

Мнѣ, дѣйствительно, пришлось напрягать всѣ свои силы, потому что въ эти послѣдніе моменты какъ будто явилось то, чего я долго ждалъ, и Маріонъ ожила. Въ глазахъ ея было видно влеченіе ко мнѣ.

— Не оставляйте меня!—говорила она.—Не оставляйте меня!—Она прижалась ко мнѣ и поцѣловала меня своими мокрыми отъ падающихъ на нихъ слезъ губами.

Я былъ теперь связанъ другимъ обѣщаніемъ и закалилъ свое сердце при видѣ этого невозможнаго разсвѣта. Хотя мнѣ кажется теперь, что и ранѣе бывали минуты, когда было достаточно одной слезы, одного слова, чтобы соединить насъ на всю жизнь. Но было-ли это возможно? Было-

ли настолько сильно впечатлѣніе этой слезы, чтобы сохраниться навсегда, или черезъ какую-нибудь недѣлю мы вернулись бы къ старому отчужденію и къ старымъ столкновеніямъ темпераментовъ.

Теперь это трудно сказать. Но прежнее рѣшеніе увлекло насъ на заранѣе предопредѣленный путь. Мы вели себя, какъ разлучающіеся любовники, которые сами пустили въ ходъ машину, сдѣлавшую невозможнымъ возвращеніе къ старому.

Мои вещи уже были отправлены на станцію. Я самъ уложилъ свой мѣшокъ въ присутствіи Маріонъ. Мы походили на двухъ дѣтей, которыя, по глупости, сильно ушибли другъ друга и теперь не знали, чѣмъ пособить. Въ этотъ моментъ мы совсѣмъ принадлежали другъ другу. Между тѣмъ кэбъ подъѣхалъ къ низенькой рѣшеткѣ.

— Прощайте,—сказалъ я.

— Прощайте!

Мы нѣжно поцѣловались. Послышались приближавшіеся шаги прислуги въ коридорѣ. Мы еще разъ обнялись, въ послѣдній разъ. Мы теперь представляли собою не любовниковъ, не враговъ, а просто—двѣ человѣческихъ души, соединенныя общимъ страданіемъ. Я вырвался изъ ея объятій.

— Идите,—сказалъ я прислугѣ, зная, что Маріонъ меня провожаетъ.

Я чувствовалъ, что она стоитъ позади меня, когда говорилъ съ кучеромъ.

Не оборачиваясь, я сѣлъ въ кэбъ и, когда онъ тронулся, высунулся изъ окна и сталъ смотрѣть по направленію къ двери.

X.

Такъ я разстался съ Маріонъ въ моментъ крайняго возбужденія и впервые пробудившагося въ ней чувства и поѣхалъ къ Эффи въ Орпингтонъ, гдѣ уже были наняты комнаты. Я помню, какъ она встрѣтила меня на платформѣ станціи: веселая, живая фигурка, искавшая меня глазами въ окнахъ вагоновъ,—и какъ мы вмѣстѣ шли въ сумерки полями. Я ожидалъ большаго облегченія, когда кончится мучительная сцена прощанія, но вмѣсто того чувствовалъ себя совершенно разстроеннымъ и подавленнымъ сознаніемъ какой-то непоправимой ошибки. Окружавшій меня сумракъ какъ-то связывался съ мрачною фигурою Маріонъ и ея горемъ. Но я долженъ былъ держаться уже намѣченнаго мною пути и не обманывать Эффи, которая безъ всякихъ предварительныхъ условій и гарантій прямо бро-

салась въ мои объятія. Мы шли рядомъ посреди полей, при вечернемъ закатѣ, и она постоянно заглядывала мнѣ въ лицо.

Конечно, она понимала, что я жалѣю Маріонъ, и что наша встрѣча не могла быть радостной. Но она не обнаруживала ни малѣйшаго раздраженія или ревности. Меня поражало, что она относилась къ ней безъ всякой враждебности. И все время, пока мы были вмѣстѣ, я не слышалъ отъ нея ни одного слова противъ Маріонъ...

Она задалась мыслью разсѣять окружавшій меня мракъ, обнаруживая при этомъ тотъ же инстинктъ, который руководитъ женщиной, утѣшающей огорченнаго ребенка. Она превратилась въ какую-то мою добровольную, хорошенькую рабыню; и, наконецъ, заставила меня находить въ ней свое утѣшеніе. Но позади этого все еще стояла Маріонъ, съ ея слезами и горестью, и я все еще скорбѣлъ о ней и о моей погребенной брачной любви.

Все это, какъ я повторяю, и теперь остается непонятнымъ для меня. Я мысленно возвращаюсь въ эту отдаленную, рѣдко посѣщаемую страну моей памяти и не нахожу тамъ отвѣта. Мнѣ казалось, что съ Эффи для меня откроется какой-то новый чувственный рай, но желаніе, которымъ полна вся природа, исчезаетъ,—какъ при закатѣ,—послѣ достиженія цѣли. И всѣ факты и формы жизни остаются сумрачными и холодными. Я точно очутился гдѣ-то одинъ на возвышенности, въ сферѣ однихъ печальныхъ вопросовъ, и оттуда міръ показался мнѣ подъ другимъ освѣщеніемъ и въ другомъ видѣ; я оставилъ теперь за собою страсть и романтическія фантазіи.

Со всѣхъ сторонъ меня окружало одно загадочное. Въ первый разъ тогда, какъ мнѣ кажется, я посмотрѣлъ на свою жизнь въ ея цѣломъ.

Если все это—ничто, то что я дѣлаю? Для чего я существую?

Я находился въ постоянныхъ разъѣздахъ по дѣламъ Тоно-Бэнге (я впутался въ эту аферу, чтобы овладѣть Маріонъ, и теперь былъ связанъ, несмотря на нашъ разрывъ), пользуясь урывками свободнаго времени для поѣздокъ въ Орпингтонъ. И все время меня преслѣдовали одни и тѣ же неотвязные вопросы. Я задумывался въ поѣздахъ, сдѣлался забывчивъ, неаккуратенъ даже въ дѣловыхъ мелочахъ. Ясно помнится мнѣ, какъ разъ вечеромъ, сидя на зеленомъ склонѣ холма, обращенномъ къ Севеноксу, откуда открывался видъ на окрестности, я задумался о своей судьбѣ. Непосѣда Эффи, настоящій продуктъ города, была занята въ этотъ моментъ собираніемъ незнакомыхъ ей цвѣтовъ, гдѣ-то внизу у зеле-

ной изгороди. Я помню, что въ карманѣ у меня было письмо отъ Маріонъ. Я сдѣлалъ передъ тѣмъ какія-то попытки къ примиренію. Ужъ не помню, какъ я къ этому пришелъ. Но ея холодное, неумѣло написанное письмо отталкивало меня. Я понялъ, что я болѣе не въ состояніи выдержать эту скучную, неподвижную жизнь, съ ея постоянными разочарованіями. Это было невозможно. Но что же было возможно? Я не видѣлъ предъ собою никакого пути.

— Что я буду дѣлать съ своею жизнью?—этотъ вопросъ преслѣдовалъ меня постоянно.

Неужто и всѣ люди,—спрашивалъ я себя,—подобно мнѣ, руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ то однимъ, то другимъ мотивомъ и являются только игрушкою случая, импульса или безсодержательныхъ традицій? Неужто же мнѣ ничего болѣе не осталось, какъ остановиться на томъ, что уже сдѣлано, по моему собственному выбору? Неужели, по совѣсти, мнѣ ничего болѣе не предстоитъ, какъ обезпечить Эффи, вернуться въ раскаяніи къ Маріонъ и до конца моихъ дней заниматься продажею дряни? Ни на одинъ моментъ я не могъ допустить такого исхода. Но что же предстояло другое?..

Я помню, какъ разъ Эффи подошла ко мнѣ, въ одну изъ такихъ минутъ, и сѣла со мною рядомъ на небольшомъ ящикѣ, стоявшемъ у окна въ нашей комнатѣ.

— Хмурый,—сказала она (Она меня такъ называла). Я улыбнулся и продолжалъ смотрѣть въ окно, опершись головою на руку и совершенно позабывъ о ней.

— Неужто вы такъ любили свою жену?—прошептала Эффи.

— Право, не знаю!—воскликнулъ я, точно просыпаясь.— Жизнь это такая штука... отъ нея бываетъ больно, моя дорогая. И вредитъ она безъ всякаго смысла и логики. Я надѣлалъ много ошибокъ. Я ничего не понималъ... Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что нужно заставлять васъ страдать, не правда ли?

Я привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ ея маленькое ухо...

Да, это было тяжелое время, какъ я припоминаю. Мнѣ кажется, что я страдалъ отъ переутомленія воображенія. У меня не было объекта, на которомъ я могъ бы сосредоточить свою волю. Я много читалъ и все чего-то искалъ. Видѣлся я и съ Юартомъ, но онъ не могъ помочь мнѣ. Возвращаясь къ этому времени разочарованія и апатіи, я долженъ признать, что только тутъ въ первый разъ позналъ самого себя. Прежде я видѣлъ только окружавшій меня міръ и стремился къ достиженію извѣстныхъ вещей, заключавшихся въ немъ, но сознавалъ при этомъ только свой импульсъ, а не себя лично. Теперь я видѣлъ себя какъ бы въ извѣстной

группъ, связанной съ опредѣленными желаніями и цѣлями и съ множествомъ предстоящей работы, но, мнѣ казалось, что именно желаній-то у меня никакихъ не осталось...

Въ концѣ переживаемаго тогда кризиса я опять идеализировалъ науку. Я рѣшилъ, что въ ней мое единственное спасеніе, что я найду полное удовлетвореніе, отдавъ себя этому дѣлу. Я почувствовалъ себя, какъ человѣкъ, выбравшійся на свѣтъ изъ окружавшей его тьмы и державшій въ рукахъ то, чего онъ долго и безуспѣшно искалъ ощупью въ потемкахъ.

Разъ какъ-то я неожиданно вошелъ въ контору моего дяди (это было, кажется, передъ началомъ дѣла о разводѣ съ Маріонъ) и сѣлъ противъ него.

— Слушайте, дядя,—сказалъ я,—мнѣ омерзѣло все это.

— О, о!—воскликнулъ онъ и отложилъ въ сторону лежавшія передъ нимъ бумаги.—Что случилось, Джорджъ?

— Дѣло дрянь.

— Какъ такъ?

— Вся моя жизнь,—сказалъ я,—пошла къ чорту.

— Она держала себя глупо, Джорджъ,—сказалъ онъ:—я отчасти понимаю. Но ты теперь раздѣлаешься съ ней, и въ морѣ довольно рыбы, нисколько не хуже...

— О, дѣло не въ томъ!—воскликнулъ я.—Это только показная сторона. Мнѣ опротивѣло, опротивѣло все это проклятое плутовство.

— Э? Э?—произнесъ мой дядя.— Какое, плутовство?

— О, вы знаете. Я хочу найти что-нибудь настоящее, за что могъ бы держаться, иначе совсѣмъ пропаду. Я вѣдь не то, что вы, дядя. Вы плывете въ этой ерундѣ. А, я точно въ океанѣ мыльной пѣны, все время барахтаюсь и не чувствую подъ собою почвы. Такъ продолжаться не можетъ.

Я захохоталъ при видѣ его испуганнаго лица.

— Это вѣрно, — сказалъ я. — Я давно уже думаю объ этомъ. И теперь рѣшилъ. Разсужденія ни къ чему не поведутъ. Я примусь за настоящее дѣло. Развѣ это дѣло у насъ—только одно надувательство! Но мнѣ пришла мысль! Я уже давно объ этомъ думалъ и теперь опять возвращаюсь къ старой идеѣ. Видите ли! Зачѣмъ мнѣ вилять съ вами? Мнѣ кажется, что теперь наступило время для разрѣшенія вопроса о летаніи. Это вполнѣ возможно.

— Летать?

— Да, по воздуху. Аэронавтика! Машина тяжелѣе воздуха. Это осуществимо. И я хочу этимъ заняться.

— А можно тутъ нажить деньги, Джорджъ?

— Не знаю, да мнѣ все равно! Но я рѣшилъ взяться за это.

Я держался за эту идею, и она вывезла меня въ самый тяжелый періодъ моей жизни. Мой дядя, послѣ слабаго сопротивленія и посовѣтовавшись съ теткой, отнесся ко мнѣ, какъ снисходительный отецъ къ избалованному сыну. Онъ далъ мнѣ возможность располагать требующимся для моей цѣли капиталомъ, освободилъ меня отъ постояннаго наблюденія, въ связи съ дальнѣйшимъ развитіемъ дѣла, и я съ суровою настойчивостью принялся за свою работу...

Но я разскажу въ своемъ мѣстѣ о моихъ летательныхъ машинахъ. Я и безъ того сдѣлалъ слишкомъ долгій перерывъ въ разсказѣ о моемъ дядѣ. Но мнѣ хотѣлось выяснить, какъ я взялся за эту работу. Я принялся за эти опыты послѣ безуспѣшныхъ попытокъ открыть въ Маріонъ то, чего я искалъ въ ней. На нѣкоторое время я забылся въ работѣ и сдѣлалъ многое. Наука тоже иногда оказывалась неподатливой любовницей, хотя я служилъ ей лучше, чѣмъ Маріонъ. Но въ то время, съ ея стальными, непреложными фактами, съ ея недосягаемыми разстояніями, — она спасала меня отъ полнаго отчаянія.

Я пытаюсь разсказать обо всемъ, что произошло со мною. И вижу, что это до крайности трудно. Но это романъ, а не трактатъ. Поэтому вы не должны ожидать, что я подойду здѣсь къ рѣшенію моихъ трудностей. И теперь, когда я сижу посреди чертежей и грохота молотковъ, я все еще не могу получить отвѣтъ на одолѣвающіе меня вопросы. Вся моя жизнь, въ корнѣ, была однимъ *исканіемъ*, сопровождавшимся невѣріемъ и неудовлетворенностью видимымъ, вѣчнымъ исканіемъ чего то въ работѣ, въ проявленіяхъ силы, въ опасности,—чего то ясно несознаваемаго и непонятнаго, но прекраснаго, достойнаго обожанія, вѣчнаго, которое неотъемлемо должно быть моимъ, и въ чемъ я обрѣту свое спасеніе. Я не знаю, что это такое, могу только сказать,— что я никогда его не нашелъ.

II.

Прежде, чѣмъ закончить эту главу и перейти къ описанію дальнѣйшей карьеры моего дяди, я приведу здѣсь, то, что остается сказать о Маріонъ и Эффи, и затѣмъ временно покину разсказъ о своей личной жизни.

Нѣсколько времени мы довольно аккуратно переписывались съ Маріонъ, обмѣниваясь дружескими, но не особенно интересными темами о разныхъ дѣловыхъ мелочахъ. Неуклюжая процедура развода достигла своего конца. Она покинула домъ въ Илингѣ и, вмѣстѣ со своими родителями

и теткой, переѣхала въ Соссексъ, близь Люпса, гдѣ была снята маленькая ферма. Тамъ ея отецъ, счастливый человѣкъ, сдѣлался, наконецъ, обладателемъ стеклянной теплицы и уже поговаривалъ о фигахъ и персикахъ. Въ продолженіе весны и лѣта дѣла шли недурно. Но зима въ Соссексѣ, послѣ Лондона, показалась томительной, и Рамботы не выдержали. Къ тому же, благодаря неумѣлому кормленію, м-ръ Рамботъ заморилъ корову. Это ихъ окончательно обезкуражило. Черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ предпріятіе оказалось въ затруднительномъ положеніи. При моей помощи Маріонъ кое-какъ выпуталась изъ него, и они вернулись въ Лондонъ. Здѣсь, въ компаніи со Смити, она открыла въ Стритгемѣ мастерскую, которая, судя по заголовку на почтовой бумагѣ писемъ, также имѣла отношеніе къ дамскимъ „*робамъ*". Родители и тетка были гдѣ то устроены въ отдѣльномъ коттеджѣ. Послѣ того ея письма стали появляться рѣже. Но я помню, что въ одномъ изъ нихъ, напоминавшемъ о прошлыхъ дняхъ, упоминалось о кончинѣ „бѣднаго Мигльса".

Пролетѣло восемь лѣтъ. Я возмужалъ, пріобрѣлъ опытность и знанія и жилъ теперь среди новыхъ интересовъ и новаго, широкаго міра, о которомъ мнѣ и не снилось во времена Маріонъ. Ея письма сдѣлались совсѣмъ рѣдкими и пустыми по содержанію. Наконецъ, въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ я ничего не получалъ отъ Маріонъ, кромѣ ея денежныхъ квитанцій изъ банка. Я послалъ къ чорту Смити и написалъ такую открытку: „Дорогая Маріонъ, что подѣлываете?"

Отвѣтъ ея до крайности поразилъ меня; она сообщала, что опять вышла замужъ за нѣкоего „м-ра Вагорна, извѣстнаго агента по продажѣ дамскихъ выкроекъ". Но она все еще писала на бланкѣ съ фамиліею фирмы Пондерво и Смити съ прежнимъ адресомъ.

Послѣднее обстоятельство, кромѣ маленькаго разногласія въ нашихъ взглядахъ относительно продолженія выдаваемаго пособія,—нѣсколько разсердило меня. На этомъ кончается для меня исторія Маріонъ, и она исчезнетъ изъ этой повѣсти. Я не знаю, гдѣ она находится и что она дѣлаетъ. Я даже не знаю, жива ли она. И мнѣ кажется просто чудовищнымъ, какъ могли два человѣка, бывшіе столь близкими,—сдѣлаться до такой степени чуждыми другъ другу, какъ мы съ Маріонъ.

Съ Эффи мы также разошлись, хотя я иногда вижусь съ ней. Между нами никогда не предполагалось брака и сочувствія душъ. Мы были внезапно охвачены взаимною страстью, но я не былъ ея первымъ любовникомъ. Мы жили

въ двухъ совершенно разныхъ мірахъ. У нея была удивительная, жизнерадостная натура; мнѣ никогда не приходилось ее видѣть нахмуренной или сердитой. Это былъ замѣчательно здоровый организмъ, чѣмъ, главнымъ образомъ, и объясняется ея привлекательность и добросердечіе. Я помогъ ей завести маленькое дѣло, о которомъ она мечтала, и при этомъ она поразила меня своими дѣловыми способностями. Она содержитъ теперь бюро для переписки на машинахъ въ Рифльсъ-Иннѣ и успѣшно ведетъ дѣло. Въ ней сохранилось и прежнее добросердечіе. Недавно она вышла замужъ,—чуть не за мальчика, вдвое моложе себя, какого то жалкаго поэта, съ длинными бѣлокурыми волосами, вѣчно попадающими въ его голубые глаза, и на слабыхъ ногахъ, да еще склоннаго къ лѣкарствамъ. Она говоритъ, что сдѣлала это, потому что онъ нуждается въ уходѣ..

Но довольно о моемъ несчастномъ бракѣ и моихъ раннихъ любовныхъ дѣлахъ; я достаточно выяснилъ, какъ я перешелъ отъ нихъ къ опытамъ съ аэропланами и къ занятіямъ механикой. Теперь я долженъ возвратиться къ моему главному разсказу о Тоно-Бэнге, о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ моего дяди и о томъ, какъ, благодаря имъ, предо мною открылась новая картина окружающаго меня міра.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Біологическіе эскизы *).

III. Регенерація и трансплантація.

Давно уже извѣстно, что нѣкоторыя животныя обладаютъ способностью *возстановлять утраченныя части.* Оторванная клешня у рака выростаетъ вновь, отрѣзанный хвостъ у ящерицы замѣняется новымъ хвостомъ—это и есть регенерація въ наиболѣе типичныхъ ея проявленіяхъ. Особенно поражаетъ она въ тѣхъ случаяхъ, когда не цѣлое возстановляетъ недостающую ему часть, а, наоборотъ, сама часть выростаетъ до размѣровъ цѣлаго: такъ, крошечный отрѣзокъ гидры можетъ преобразиться въ новую гидру; такъ, изъ каждаго луча морской звѣзды можетъ возникнуть новая пятилучевая морская звѣзда.

Повторяю: все это давно извѣстно даже въ широкихъ кругахъ публики, которая привыкла разсматривать такого рода факты, какъ нѣчто... «любопытное», «занятное», «курьезное»—и только. Винить ее за это не приходится, конечно, уже по одному тому, что даже среди самихъ біологовъ, за немногими исключеніями, долгое время господствовало мнѣніе, будто регенерація представляетъ собою нѣчто экстраординарное и стоящее обособленно, внѣ всякой внутренней, болѣе или менѣе интимной, связи съ другими біологическими явленіями. Въ послѣднее время, вмѣстѣ съ развитіемъ довольно обширной спеціальной литературы о регенераціи, вопросъ о «возстановленіи утраченныхъ частей» перенесенъ изъ области біологическихъ курьезовъ и развлеченій на почву строго научнаго изслѣдованія, производящагося въ свѣтѣ опредѣленныхъ методологическихъ и теоретическихъ директивъ. Теперь это—самостоятельная отрасль біологіи, богатая содержаніемъ, полная глубокаго интереса, связанная тѣсно съ явленіями размноженія и развитія организмовъ и очень важная для пониманія жизни вообще, независимо отъ тѣхъ своеобразныхъ, а порою и случайныхъ формъ, въ которыхъ иногда сказывается регенерація. «Данныя» науки о жизни, наблюденія и опыты въ этой области знанія часто интересны, разумѣется, и сами по себѣ; но насъ занимаютъ они сейчасъ главнымъ образомъ постольку, поскольку это

*) См. „Р. Б." Іюнь.

необходимо для полученія и пониманія «обобщеній» біологіи—обобщеній, составляющихъ, въ свою очередь, ту ткань, изъ которой, въ концѣ концовъ, можетъ быть построена болѣе или менѣе выдержанная *философія природы*, «натурфилософія» въ научномъ, а не метафизическомъ смыслѣ этого слова. Вотъ почему я и позволю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ новѣйшихъ опытахъ и выводахъ, касающихся регенераціи.

Одинъ изъ видныхъ современныхъ эмбріологовъ, Коршельтъ, авторъ недавно (1907 г.) вышедшаго спеціальнаго труда о регенераціи, пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Способность возстановлять утраченныя части широко распространена среди животныхъ, и, на основаніи имѣющихся у насъ сейчасъ данныхъ, мы можемъ сказать, что она присуща въ извѣстной мѣрѣ всѣмъ животнымъ, начиная съ одноклѣтныхъ и кончая высшими позвоночными; при этомъ надо замѣтить, что способность эта идетъ у низшихъ животныхъ въ общемъ гораздо дальше, чѣмъ у животныхъ высшихъ и болѣе сложно организованныхъ» *).

Мысль эту можно было бы иллюстрировать и подкрѣпить множествомъ общеизвѣстныхъ фактовъ изъ области, такъ сказать, *нормальной* регенераціи. Но въ этомъ для насъ нѣтъ сейчасъ никакой надобности: намъ необходимо, во-первыхъ, дополнить заявленіе Коршельта, указавши на то, что регенерація широко распространена и среди представителей растительнаго царства; а, во-вторыхъ, для нашей цѣли гораздо цѣннѣе факты *ненормальной* регенераціи, на которыхъ мы и остановимся теперь.

Жакъ Лёбъ, о которомъ уже не разъ упоминалось въ первомъ эскизѣ, посвятилъ не мало времени и труда на изученіе явленій регенераціи; онъ былъ одинъ изъ первыхъ, поставившихъ вопросъ этотъ на строго экспериментальную почву; онъ, наконецъ, обратилъ вниманіе ученыхъ на существованіе такой формы регенераціи, которая раньше была вовсе неизвѣстна. «Регенерація,—говоритъ онъ по этому поводу въ своихъ «Vorlesungen über die Dynamik der Lebenserscheinungen»,—состоитъ въ замѣщеніи удаленнаго органа органомъ равноцѣннымъ. Я же еще 17 лѣтъ тому назадъ поставилъ себѣ цѣлью замѣстить удаленные органы органами, не сходными съ ними по формѣ. Опыты въ этомъ направленіи—я ихъ отмѣтилъ именемъ *гетероморфоза*—удались тогда у гидроидныхъ полиповъ и у одной асцидіи. Съ того времени гетероморфозы были вызваны у представителей самыхъ различныхъ группъ».

Одинъ примѣръ пояснитъ читателю, въ чемъ собственно тутъ дѣло.

У рака на мѣстѣ оторванной клешни появляется опять-таки клешня, а не щупальце и не нога. Но вотъ гидроидный полипъ

*) *E. Korschelt*: Regeneration und Transplantation. 1907.

по имени Tubularia mesenbryanthemum. У тубуларіи различаютъ три части: *головку* со щупальцами, которая переходитъ въ болѣе или менѣе длинный *стволикъ*, заканчивающійся *корнемъ*. Если у полипа этого срѣзать и головку, и корень, а затѣмъ погрузить оставшійся отрѣзокъ *головнымъ* концомъ въ песокъ того акваріума, гдѣ раньше жилъ полипъ, то произойдетъ слѣдующее: на *корневомъ* концѣ отрѣзка выростетъ *головка* со щупальцами, а *головной* конецъ его разовьется въ *корень*. Это и есть гетероморфозъ.

Вы видите, такимъ образомъ, что гетероморфозъ является, по существу, своеобразною формой способности «возстановлять утраченныя части»: при нормальной регенераціи вновь возникаетъ то, что утеряно, и возникаетъ какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ надлежитъ ему возникнуть; а при гетероморфозѣ новый органъ появляется на такомъ мѣстѣ, гдѣ при обычныхъ условіяхъ онъ не развивается, да и по складу своему это не тотъ органъ, который былъ устраненъ случайно или путемъ операціи. Разсуждая иначе, мы можемъ сказать, что *гетероморфозъ слѣдуетъ разсматривать, какъ тератологическую* (уродливую) *форму регенераціи*. Мало этого. Есть основаніе думать, что гетероморфозъ является всего лишь частнымъ и при томъ наименѣе уродливымъ отклоненіемъ отъ нормальной регенераціи. Опытами цѣлаго рода изслѣдователей, напр., Моргана, Шильда, Барфура, Торніе, Шпеманна и др., доказано, что регенерація нерѣдко сопровождается разнообразными уродствами и подчасъ уродствами необычайными, такъ сказать, экстравагантными.

Вотъ небольшіе плоскіе черви, извѣстные подъ именемъ *планарій*. Одну изъ нихъ экспериментаторъ разрѣзалъ вдоль, оставивши соединенными обѣ половинки у самаго головного конца: половинки дополняютъ недостающія имъ части, и въ результатѣ получаются двѣ новыя планаріи, сращенныя головами. Вторая и третья планаріи также были разрѣзаны вдоль, но не полностью, а немного дальше середины тѣла. И что же вышло? Изъ нихъ образовались форменные уродцы: одинъ двухвостый и двуголовый, другой двухвостый и трехголовый.

Беремъ другой примѣръ—кольчатыхъ червей: тутъ результаты ненормальной регенераціи сказываются еще эффектнѣе. Отнимите у кольчатаго червя часть его тѣла. Отрѣзокъ начнетъ «возстановлять утраченныя части». Но какъ? Совершенно ненормально, уродливо: то онъ выгоняетъ цѣлыхъ три хвостовыхъ конца и ни одного головного, то тройную голову и всего лишь одинъ хвостъ.

Минуя цѣлый рядъ другихъ, не менѣе замѣчательныхъ, уродствъ, обусловленныхъ процессомъ дегенераціи, остановлюсь еще на двухъ особенно поучительныхъ случаяхъ. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло не со взрослыми животными, а съ ихъ зародышами. Для опытовъ берутся юныя личинки лягушекъ или зародыши змѣи и тритона на раннихъ стадіяхъ развитія.

Дѣлая на личинкахъ лягушки разрѣзы и пораненія въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, вызываютъ тѣмъ самымъ процессъ регенераціи, который протекаетъ ненормально и порождаетъ самыя нелѣпыя уродства, напримѣръ, развитіе цѣлыхъ трехъ паръ заднихъ конечностей; а разрѣзы и пораненія, сдѣланныя въ надлежащихъ мѣстахъ у зародышей тритона и змѣи, вызываютъ къ жизни *бицефаловъ*—двуглавую змѣю и двуглаваго тритона...

О чемъ собственно свидѣтельствуютъ эти факты?

Извѣстно, что всякое уродство есть результатъ ненормальнаго развитія, и что тератологическій процессъ есть, такъ сказать, сошедшій съ рельсовъ, въ силу тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ либо внутреннихъ причинъ, эмбріональный процессъ. Здѣсь же оказывается, что уродства являются зачастую спутниками регенераціи. Отсюда естественно напрашивается предположеніе о какой-то интимной связи между развитіемъ организмовъ и регенераціей. И вотъ первымъ дѣломъ ставится вопросъ: Какъ проходитъ регенерація? Является ли возстановленіе части цѣлымъ и цѣлаго частью повтореніемъ того процесса, который совершается при эмбріональномъ развитіи организма или же *пути регенераціи отличны отъ путей онтогенеза* *)?

Отвѣчая на этотъ вопросъ на основаніи того, къ сожалѣнію, небогатаго фактическаго матеріала, который имѣется сейчасъ въ распоряженіи біологовъ, можно сказать, что *въ общемъ регенерація не является повтореніемъ онтогенеза, т. е. эмбріональнаго развитія.* Но этотъ общій отвѣтъ распадается на нѣсколько частныхъ отвѣтовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ извѣстный научный интересъ и самъ по себѣ, и по тѣмъ выводамъ, которые изъ него вытекаютъ.

Возьмемъ хотя бы такой исключительный случай регенераціи. Если у личинки тритона (опыты Вольфа и Е. Мюллера) или у взрослой саламандры (опыты Левиса и Шпемана) извлечь изъ глаза хрусталикъ, то послѣдній вновь возстановляется; бывали случаи, когда въ одномъ и томъ же глазу вмѣсто одного хрусталика вновь развивались цѣлыхъ два. Но, спрашивается, изъ какого матеріала, изъ какой части глаза они развиваются? *Изъ радужной оболочки* (*iris*): край ея разростается, утолщается, и утолщеніе это, отшнуровавшись отъ радужной оболочки, образуетъ новую линзу (хрусталикъ). Итакъ, замѣтьте: *при регенераціи хрусталикъ возникаетъ изъ края радужной оболочки.* Ну, а какъ образуется онъ при нормальныхъ условіяхъ, во время *эмбріональнаго* развитія тритона или саламандры? Тутъ дѣло происходитъ иначе. Не вдаваясь въ подробности, скажу лишь, что *нормально хрусталикъ развивается изъ* небольшой части внѣшняго зароды-

---

*) Словомъ «онтогенезъ» обозначаютъ въ біологіи эмбріональное развитіе организма.

шеваго пласта, изъ такъ называемаго *эктодерма*. Ясно, что въ данномъ случаѣ регенерація совершенно не совпадаетъ съ онтогенезомъ.

Пойдемъ дальше и остановимся на томъ оригинальномъ случаѣ гетероморфоза, когда изъ небольшого отрѣзка гидроиднаго полипа (Tubularia) развивается довольно таки фантастическое созданіе, напоминающее собою двуликаго януса. Тутъ, строго говоря, мы не имѣемъ *никакого новообразованія*; *тутъ старыя клѣтки*, изъ которыхъ состоитъ отрѣзокъ тубуларіи, *не создаютъ новыхъ клѣтокъ*, *частью перемѣщаются*, *частью видоизмѣняются*, чтобы образовать щупальца, ротовыя отверстія, внутреннія стѣнки желудка и т. д. двуглаваго полипа. Стало быть, и въ данномъ случаѣ регенерація идетъ своимъ, отличнымъ отъ онтогенеза путемъ.

Беру, наконецъ, еще одинъ примѣръ.

Планарія съ отрѣзанной головой образуетъ новую голову— «мозгъ», глаза, часть пищеварительнаго канала,—словомъ, всѣ тѣ органы и ткани, которыхъ ей не хватаетъ. Какъ же возникаютъ они? Какимъ это образомъ каждая изъ вновь нарождающихся тканей появляется на томъ именно мѣстѣ, гдѣ это нужно, образуя естественное продолженіе старыхъ, не задѣтыхъ операціей тканей?

Лёбъ и другіе ученые, спеціально занимавшіеся этимъ вопросомъ, отвѣчаютъ на него такъ.

На передней обнаженной поверхности *тѣла* планаріи образуется прежде всего рядъ *«индифферентныхъ»*, т. е. не спеціализированныхъ клѣтокъ, изъ которыхъ затѣмъ, путемъ дѣленія и роста, получаются разноформенныя клѣтки всѣхъ тканей, необходимыхъ для образованія новой головы планаріи. При этомъ каждая изъ «индифферентныхъ» клѣтокъ даетъ начало той ткани, съ которой она находится въ соприкосновеніи: напримѣръ, клѣтки, соприкасающіяся съ мускульною тканью, образуютъ мускульныя волокна; клѣтки, лежащія рядомъ съ соединительною тканью, размножаясь, создаютъ соединительную ткань, а клѣтки, что соприкасаются съ нервными узлами планаріи, преобразуются въ нервныя клѣтки, которыя даютъ отростки, развивающіеся затѣмъ въ нервныя волокна и т. д.

Уже изъ приведенныхъ примѣровъ видно, какъ разнообразны пути регенераціи и какъ они, въ сущности, отклоняются отъ путей нормальнаго эмбріональнаго развитія. Однако, не находите ли вы, что въ послѣднемъ изъ указанныхъ здѣсь случаевъ регенераціонный процессъ все же нѣсколько напоминаетъ процессъ развитія? Вѣдь и при эмбріональномъ развитіи разноформенныя и разнофункціонирующія ткани постепенно возникаютъ изъ сравнительно однородной зародышевой ткани. Разница лишь въ томъ, что при онтогенезѣ разнородное развивается изъ однороднаго въ силу какихъ-то внутреннихъ, пока еще не изслѣдованныхъ причинъ, которыя лежатъ

въ самихъ «индифферентныхъ» клѣткахъ первоначальнаго зародыша; тогда какъ при регенераціи «индефферентныя» клѣтки видоизмѣняются такъ или иначе, повидимому, подъ вліяніемъ сосѣднихъ, «старыхъ» тканей, которыя сложены изъ тканей несходной формы и несходной дѣятельности.

Мы уже знаемъ, что регенерація часто сопровождается образованіемъ ненормальныхъ, патологическихъ формъ. Есть, между прочимъ, случаи, когда *регенерація ведетъ къ дегенераціи*. Чтобы читателю было ясно, что это значитъ, приведу тотъ фактъ, который наблюдалъ Лёбъ.

Существуетъ гидроидный полипъ по имени Campanularia. У него, какъ и у упомянутаго выше гидроиднаго полипа Tubularia, надо различать «стволикъ», «головку» и такъ называемые «столоны», т. е. корневидные отростки, при помощи которыхъ это животное прикрѣпляется къ какому-нибудь предмету въ водѣ.

Отрѣзавши нѣсколько стволиковъ съ головкою Campanulari'и, помѣщаютъ ихъ въ соотвѣтствующую среду, гдѣ они продолжаютъ жить. И вотъ тутъ замѣчаютъ нѣчто необычное. «Головки» начинаютъ постепенно видоизмѣняться. Щупальцы стягиваются; вся головка съеживается, уходитъ внутрь одѣвающей ее оболочки и, въ концѣ концовъ, превращается въ безформенную массу; теперь въ ней нѣтъ никакой возможности различить тѣ ткани и клѣтки, изъ которыхъ вначалѣ была сложена «головка». Передъ нами полная картина обратнаго развитія, регрессивнаго метаморфоза, дегенераціи—называйте, какъ хотите!

Что же происходитъ дальше? Дальше-то и начинается самое интересное: однородная, безформенная масса, получившаяся изъ полипа, какъ бы вновь возрождается къ жизни; распрямляется, растетъ, образуетъ ткани, выгоняетъ щупальца, вновь становится полипомъ. Ознакомившись съ этимъ фактомъ, мы имѣемъ право спросить: не сводится ли порою регенераціонный процессъ къ тому, что, подъ вліяніемъ произведенной экспериментаторомъ операціи, старыя ткани превращаются въ ткань эмбріональную, зародышевую, изъ которой уже обычнымъ путемъ развитія возникаетъ рядъ новыхъ тканей, идущихъ на постройку новаго органа или новаго индивида? А если это такъ, то есть основаніе предположить, что, по крайней мѣрѣ, *иногда пути регенераціи сходны съ путями онтогенеза*...

Освѣтивши до извѣстной степени связь между регенераціей и эмбріональнымъ развитіемъ, я позволю себѣ теперь обратить ваше вниманіе на связь между способностью организма возстановлять утраченные имъ органы и *размноженіемъ*. Однако, чтобы связь эта представлялась возможно полнѣе, чтобы взаимоотношенія между различными сторонами жизненнаго процесса вырисовались возможно отчетливѣе, намъ придется разсмотрѣть хоть слегка тѣ условія—

внѣшняго и внутренняго характера,—въ зависимости отъ которыхъ измѣняется даръ регенераціи у различныхъ организмовъ.

Какія же это условія? Ихъ не мало; но вотъ важнѣйшія.

Прежде всего факты показываютъ, что тамъ, гдѣ имѣется на лицо нервная система, дѣятельность этой послѣдней находится въ какой-то интимной связи съ явленіями регенераціи.

Нагляднѣе всего видно это изъ слѣдующаго опыта.

Извѣстный ученый C. Herbst сдѣлалъ замѣчательное открытіе: онъ показалъ, что у нѣкоторыхъ высшихъ ракообразныхъ взамѣнъ отрѣзаннаго глаза выростаетъ иногда щупальце. Фактъ самъ по себѣ для насъ не новый послѣ того, конечно, что мы уже знаемъ о явленіяхъ гетероморфоза. Но вотъ что здѣсь и ново, и поучительно съ интересующей насъ сейчасъ точки зрѣнія. Оказывается, что, если, удаляя у ракообразнаго глазъ, мы оставимъ въ сохранности глазной гангліонъ (нервный узелъ), то глазъ возстановится вновь; оказывается, что вырѣзанный глазъ замѣняется щупальцемъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда одновременно съ нимъ удаляется и глазной гангліонъ.

Еще болѣе парадоксальной кажется та связь, которая существуетъ между способностью возстановленія и размѣрами причиненнаго организму поврежденія. Коршельтъ пишетъ: «Энергія регенераціи, повидимому, растетъ вмѣстѣ съ величиною утраты и силою поврежденія, нанесеннаго тѣлу»; и затѣмъ иллюстрируетъ мысль свою слѣдующимъ демонстративнымъ фактомъ: «Если, говоритъ онъ, у рака будутъ отняты одновременно обѣ клешни и обѣ заднія пары ногъ, то регенерація проявится энергичнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда будетъ отрѣзана только одна клешня».

Много понятнѣе та связь, которая установлена между силою, возстановляющей способности, съ одной стороны, и питаніемъ, внѣшнею температурой, а также и возрастомъ и степенью развитія организмовъ, съ другой стороны.

Связь между питаніемъ и регенераціей не всегда можетъ быть прослѣжена; данныя, которыя получены тутъ экспериментальнымъ путемъ, нѣсколько противорѣчивы, и опыты, напримѣръ, съ планаріями показываютъ слѣдующее: регенерація у планарій, доведенныхъ, такъ сказать, до изнеможенія путемъ продолжительной голодовки, совершается медленнѣе, чѣмъ у тѣхъ же животныхъ при хорошемъ питаніи (Морганъ).

Вліяніе температуры сказывается гораздо опредѣленнѣе. Всѣ животныя съ ярко выраженной способностью возстановлять утраченныя части регенерируютъ ихъ медленнѣе зимой, чѣмъ лѣтомъ. Если же зимой искусственно повысить температуру среды, гдѣ помѣщаются такія животныя, то вмѣстѣ съ этимъ повысится до извѣстной степени и ихъ возстановляющая способность. Опыты Барфура показали, между прочимъ, что личинки земноводныхъ при температурѣ 10° Ц. почти не проявляютъ присущей имъ способ-

ности къ возстановленію утраченныхъ органовъ; тогда какъ при температурѣ 28° Ц. онѣ, напротивъ, прекрасно регенерируются. Надо кстати замѣтить, что регенераціонная дѣятельность, какъ и вообще всѣ процессы жизни, находятся въ связи съ опредѣленнымъ для каждаго вида животныхъ minimum'омъ, maximum'омъ и optimum'омъ температуры: при minimum'ѣ она пробуждается, при optimum'ѣ, т. е. при наиболѣе благопріятной температурѣ, когда важнѣйшія отправленія организма идутъ, что называется, на всѣхъ парахъ—она сказывается наиболѣе полно, а при maximum'ѣ вновь замираетъ.

Что касается зависимости регенераціи отъ степени развитія организмовъ, то тутъ ужъ давно извѣстно, что способность возстановленія падаетъ вмѣстѣ съ усложненіемъ организаціи: «животныя, стоящія на низкой ступени развитія, говорилъ еще Дарвинъ, могутъ въ общемъ воспроизводить утраченныя части легче, чѣмъ болѣе высокоорганизованныя»*).

Все только что сказанное даетъ намъ нѣкоторое право провести параллель *между размноженіемъ организмовъ и регенераціей.*

Въ самомъ дѣлѣ. Еще Спенсеръ въ своихъ «Основаніяхъ біологіи» установилъ рядъ «законовъ» размноженія. Одинъ изъ этихъ законовъ гласитъ: развитіе и размноженіе, ceteris paribus,—антагонисты. Т. е., плодовитость организмовъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, падаетъ вмѣстѣ съ усложненіемъ организаціи и повышается вмѣстѣ съ упрощеніемъ ея. То же самое, какъ мы это только что видѣли, наблюдается и при регенераціи: съ повышеніемъ и усложненіемъ организаціи возстановляющая способность понижается и наоборотъ: съ пониженіемъ организаціи регенераціонная энергія растетъ. Что знаменуетъ собою такого рода неожиданное совпаденіе? Первая мысль, которая приходитъ въ голову въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть формулирована такъ: размноженіе и регенерація представляютъ, по всѣмъ видимостямъ, двѣ стороны одного и того же жизненнаго процесса, берутъ начало изъ одного источника. И мысль эта, надо сознаться, весьма близка къ истинѣ. Развѣ мы не видѣли, что регенерація, *подобно размноженію,* опредѣляется до извѣстной степени, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ имѣющихся на этотъ счетъ опытовъ питаніемъ организма? Развѣ мы не знаемъ, что регенерація, *подобно размноженію,* идетъ лѣтомъ быстрѣе и легче, чѣмъ зимой? А потомъ обратите еще вниманіе на слѣдующее, чрезвычайно цѣнное для насъ наблюденіе: въ тѣхъ случаяхъ, когда животное надѣлено способностью размножаться и половымъ, и безполымъ путемъ, регенераціонная способность его сильно урѣзывается, а то и вовсе исчезаетъ вмѣстѣ съ переходомъ отъ безполаго способа размноженія къ половому. Развѣ этотъ фактъ не служитъ неопро-

*) Ч. *Дарвинъ*: Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія.

вержимымъ доказательствомъ того предположенія, что регенерація и безполое размноженіе, размноженіе дѣленіемъ и почкованіемъ, есть по существу нѣчто родственное другъ другу? Вспомните хотя бы тѣ случаи регенераціи, когда нецѣлое дополняетъ недостающія ему части, а часть выростаетъ и развивается до размѣровъ цѣлаго, какъ это наблюдается у инфузорій, у гидры, у морской звѣзды и т. п. Вѣдь тутъ, по настоящему говоря, нѣтъ никакой возможности и указать, гдѣ кончается регенерація и гдѣ начинается безполое размноженіе, ибо оба эти процесса въ данномъ случаѣ сливаются, составляютъ одно. Не забывайте, что нѣкоторыя животныя, напримѣръ, тѣ же морскія звѣзды, обладаютъ способностью въ *нормальныхъ* условіяхъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ, идущихъ извнѣ раздраженій, *распадаться на части*, изъ которыхъ каждая затѣмъ даетъ начало новому индивиду, возстановляя всѣ недостающіе ей органы и ткани. А это развѣ не регенерація и не размноженіе дѣленіемъ *въ одно и то же время*? Наконецъ,—еще одинъ аргументъ: Коршельтъ, какъ сказано было выше, утверждаетъ, что «энергія регенераціи растетъ вмѣстѣ съ величиною утраты и силою поврежденія, нанесеннаго тѣлу». А кто не знаетъ, что и «энергія» размноженія также растетъ вмѣстѣ съ размѣрами тѣхъ «утратъ» и «поврежденій», которыя несетъ тотъ или иной видъ организмовъ въ нескончаемой и порою жестокой драмѣ жизни?

Итакъ, мы можемъ съ нѣкоторою увѣренностью сказать, что мысль о единствѣ такихъ процессовъ, какъ регенерація и безполое размноженіе, не лишена правоподобія, и, что, при нѣсколько распространенномъ толкованіи слова «регенерація», можно размноженіе дѣленіемъ и почкованіемъ отнести за одну общую скобку съ такими явленіями, какъ регенерація pur sang.

Мало этого. Мы можемъ пойти еще дальше и вмѣстѣ съ Дарвиномъ сказать:

«Различныя формы безполаго и полового размноженія, развитія и, наконецъ, возстановленія поврежденій, всѣ по существу представляютъ результаты одной и той же способности, всѣ онѣ являются частями одного и того же великаго закона» (ibid.)

Слѣдуя завѣтамъ геніальнаго представителя строгой научной мысли, я хотѣлъ бы остановить хоть слегка ваше вниманіе на опытахъ *пересадки* и *прививки* различныхъ органовъ и тканей (*трансплантація*), ибо явленія трансплантаціи тѣсно примыкаютъ къ явленіямъ регенераціи и потому составляютъ нераздѣльную часть того «великаго закона», о которомъ говоритъ Дарвинъ.

Въ книгѣ Коршельта «Regeneration und Transplantation» собранъ весь относящійся сюда цѣнный матеріалъ, имъ то я воспользуюсь и начну свое изложеніе словами самого Коршельта.

«Были сдѣланы,—говоритъ онъ,—попытки къ пересадкѣ почти всѣхъ, сколько нибудь поддающихся экспериментальной техникѣ,

органовъ... Пересаживали—на однородныя и инородныя мѣста—участки кожи, мускуловъ и сухожилiй, а также роговицу, жировую ткань, хрящъ, надкостницу, кости и зубы; пересаживали отрѣзки кровеносныхъ сосудовъ и нервовъ, всевозможныя железы, куски слизистой оболочки, мочевого пузыря, различныхъ отдѣловъ пищеварительнаго канала; пересаживали—частями и даже цѣликомъ—почки, сѣменныя железы, яичники; и все это при помощи самыхъ разнообразныхъ методовъ, въ различномъ объемѣ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ».

Хорошо извѣстно, что житейская практика часто опережала науку въ дѣлѣ накопленiя нѣкоторыхъ знанiй, добытыхъ чисто эмпирическимъ путемъ и служащихъ для удовлетворенiя непосредственныхъ потребностей человѣка. То же случилось и съ опытами трансплантацiи. За много лѣтъ—и даже за много вѣковъ—до того, какъ бiологи остановили свое вниманiе на явленiяхъ этой категорiи, житейская практика, въ лицѣ садоводовъ и хирурговъ, пользовалась не безъ успѣха пересадкой и прививкой различныхъ тканей и органовъ: садоводъ «облагораживалъ» и разнообразилъ свои плодовыя деревья путемъ прививки, а хирургъ залѣчивалъ недочеты организма, пересаживая на поврежденныя мѣста здоровые куски кожи или кости и даже возсоздавая новые носы тѣмъ, у кого они, волею злого рока, не отвѣчали элементарнымъ требованiямъ эстетики.

Но вотъ пришелъ бiологъ съ богатой эрудицiей и творческой фантазiей, страстный искатель «великихъ законовъ» творенiя—и вопросъ о трансплантацiи перекочевалъ изъ закоулковъ «чистой эмпирiи» въ хоромы «точнаго знанiя».

Началась усиленная лабораторная работа въ свѣтѣ опредѣленныхъ теоретическихъ предпосылокъ и методологическихъ прiемовъ, а въ результатѣ—тотъ разнообразный научный матерiалъ, о которомъ свидѣтельствуютъ вышеприведенныя слова Коршельта: открылась новая сторона жизни, а вмѣстѣ съ нею и новая, полная глубокаго интереса, отрасль знанiя.

Къ сожалѣнiю, я не имѣю возможности останавливаться подробно на этомъ вопросѣ. Но кое что существенное все же скажу...

Можетъ ли передняя половина, положимъ, гидры сростись съ заднею половиной *другой такой же* гидры (т. е. гидры того же самаго вида)? Оказывается—можетъ: половинки сростаются великолѣпно—каждая ткань съ тканью ей соотвѣтствующей,—и въ результатѣ получается новая гидра, совершенно нормально отправляющая всѣ свои функцiи: она работаетъ щупальцами, ловитъ добычу, перевариваетъ ее, выгоняетъ почки, т. е. размножается.

Результатъ получается еще болѣе эффектный, если взять, напримѣръ, *три отрѣзка*—головной, среднiй и хвостовый—у соотвѣтственнаго числа *земляныхъ червей* и соединить эти отрѣзки такъ, чтобы каждый изъ нихъ занималъ свое нормальное мѣсто:

нѣсколько времени спустя отрѣзки срастутся, и передъ вами будетъ червь, способный жить, какъ полагается жить этой твари, въ продолженiи цѣлыхъ годовъ. Само собою разумѣется, что, прививая отрѣзки червя на несоотвѣтствующихъ имъ мѣстахъ, мы получимъ весьма разнообразныхъ уродцевъ.

Возьмемъ факты другой категорiи.

Вотъ молодой пѣтухъ. Головной уборъ его довольно таки страненъ: изъ середины мясистаго, ярко-краснаго гребешка выступаетъ шпора — оружiе, обычно украшающее ноги пѣтуха. Откуда взялась тутъ шпора? Ее пересадилъ на пѣтушинный гребень экспериментаторъ, и шпора не только привилась, но и увеличилась въ размѣрѣ, благодаря обилiю питательныхъ соковъ, омывающихъ ткани гребешка.

Вотъ крыса, едва-ли не болѣе странная съ виду: на спинѣ ея красуется хвостъ — обыкновенный, живой, подвижный хвостъ. И этотъ органъ явился на неподлежащемъ ему мѣстѣ опять-таки волею экспериментатора.

Вотъ, наконецъ, морская свинка съ ненормальностью прямо-таки исключительнаго характера. Это—самка. Когда ей было всего лишь два дня отъ роду, экспериментаторъ вырѣзалъ у нея *зачаточную млечную железу* и помѣстилъ этотъ органъ въ разрѣзъ, сдѣланный въ видѣ небольшого кармашка, *на ухѣ* морской свинки. И что же? Зачаточная железа благополучно устроилась не необычномъ для нея мѣстѣ, развилась и даже стала давать небольшое количество молока, когда морская свинка произвела на свѣтъ дѣтенышей.

Не надо, конечно, думать, что этого рода прививки всегда приводятъ къ благопрiятнымъ результатамъ. Наоборотъ, можно смѣло сказать, что пересадка органовъ и тканей на не отвѣчающiя имъ мѣста терпитъ, по большей части, фiаско: сросшись съ несоотвѣтствующимъ ихъ характеру основанiемъ, онѣ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, обыкновенно гибнутъ, хотя первое время и кажется, будто онѣ окончательно сроднились съ своимъ новымъ мѣстоположенiемъ и чувствуютъ себя, какъ нельзя лучше.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ трансплантацiей отрѣзковъ на аналогичныя имъ по роду тканей мѣста. Вспомните хотя бы указанные мною опыты съ гидрами и кольчатыми червями: здѣсь полное слiянiе тканей и нормальная дѣятельность возникшаго изъ отрѣзковъ «цѣлаго» является правиломъ, а не исключенiемъ. Есть много основанiй утверждать, что легче и прочнѣе всего идетъ срощенiе «подобнаго съ подобнымъ»: чѣмъ меньше разница между тканью, *которую* прививаютъ, и тою, *къ которой* прививаютъ, тѣмъ болѣе шансовъ на успѣхъ самой прививки.

Существуетъ, однако, еще одно общее правило, обусловливающее большiй или меньшiй успѣхъ трансплантацiи. Правило это сводится къ слѣдующему: трансплантацiя успѣшнѣе всего идетъ въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда какой-либо органъ (или часть его) прививаютъ *тому же самому индивиду, у котораго онъ взятъ*; менѣе удачно проходитъ она при пересадкѣ какой-либо части тѣла на другой организмъ *того же самаго вида*; наконецъ, труднѣе всего удается пересадка органовъ (или частей ихъ) съ представителей одного вида на представителей *другого вида*. Когда берешь переднюю часть тѣла, положимъ, гидры или кольчатаго червя и соединяешь ее съ заднею частью тѣла опять-таки гидры или кольчатаго червя, *но уже другого вида*, то половинки на время сростаются, а затѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, а иногда и мѣсяцевъ, вновь разъединяются. Ясно, что въ данномъ случаѣ прививка не есть нѣчто столь же прочное и жизнеспособное, какъ въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ говорилось раньше, хотя и тутъ общее правило — таковъ удѣлъ всего стоящаго подъ знакомъ жизни! —нарушается исключеніями, иногда чрезвычайно непріятными для поклонниковъ строгой опредѣленности и опредѣленной строгости. Что скажете вы, напримѣръ, о такого рода опытахъ: берутся небольшіе участки аорты *у кошки* или морской свинки и соединяются съ сонной артеріей *собаки*; проходитъ два—три десятка дней послѣ операціи и оказывается, что привитые отрѣзки вполнѣ оріентировались въ новой обстановкѣ и функціонируютъ, какъ настоящія артеріи...

Окидывая взоромъ всю совокупность наблюденій и опытовъ, относящихся къ трансплантаціи, не трудно замѣтить, что тенденція къ прививкѣ наиболѣе полно сказывается на низшихъ ступеняхъ органической лѣстницы и что, по мѣрѣ перехода отъ существъ съ простою организаціей къ существамъ со строеніемъ сложнымъ, шансы на благопріятный исходъ всевозможныхъ прививокъ падаютъ. Таково же, какъ мы уже знаемъ, и отношеніе между степенью развитія организмовъ и ихъ способностью возстановлять недостающія имъ части. Но мы знаемъ и нѣчто другое, а именно, что сила этой послѣдней способности опредѣляется въ значительной мѣрѣ возрастомъ организма: регенерація на низшихъ стадіяхъ эмбріональнаго развитія сказывается ярче, чѣмъ на высшихъ стадіяхъ его. Спрашивается: возможно-ли установить такую же связь между возрастомъ организма и шансами на благопріятный исходъ трансплантаціи?

Если мы обратимся къ относящимся сюда фактамъ, то увидимъ, что такого рода связь на самомъ дѣлѣ имѣется.

Напримѣръ. Явленія трансплантаціи у бабочекъ не наблюдались. А между тѣмъ прививки съ *куколками* удавались прекрасно. Какихъ только курьезныхъ сочетаній ни придумывалъ тутъ экспериментаторъ, и всѣ они ему, что называется, сходили съ рукъ! Куколки, по большей части, развивались дальше, а возникающія изъ нихъ бабочки имѣли иногда весьма причудливыя формы, что рѣзче всего бросалось въ глаза тогда, когда для опыта брались куколки различныхъ видовъ.

Итакъ, явленія трансплантаціи еще въ одномъ отношеніи родственны явленіямъ регенераціи.

Что же изъ этого слѣдуетъ?

Оставляя ближайшему будущему отвѣтить полностью на этотъ вопросъ, мы, тѣмъ не менѣе, уже теперь можемъ сказать, что трансплантація, наряду съ развитіемъ, размноженіемъ и регенераціей, «представляетъ, по всѣмъ видимостямъ, результатъ одной и той же способности», «является частью одного и того же великаго закона»...

В. **В. Лункевичъ.**

У ТЕПЛАГО МОРЯ.

(Окончаніе).

Погода испортилась. Къ концу дня разыгралась буря. Стало холодно, подулъ съ сѣвера вѣтеръ, набѣжалъ дождь. Въ началѣ крупный, шумный, обильный. Словно не капли, а потоки устремлялись на землю сверху. Потомъ зачастилъ мелкій и сыпкій. Какъ тонкіе прутья, гнулись молодые кипарисы передъ окномъ Дробязгина. Трепетали, клонились къ югу, будто защиты просили у кого-то съ той, южной стороны. Въ мигъ обнесло золотую просѣдь на поляхъ, посыпались и зеленыя листья. Выступалъ отовсюду поздне-осенній, пасмурный ландшафтъ. Удлиненныя тополевыя вѣтви, сквозныя и тонкія, обнажились,—признаки наступленія зимы. Зеленыя магноліи безжалостно трепало изъ стороны въ сторону вѣтромъ. Будто побитыя, опускали головки разнообразныя розы. Стемнѣло быстро. Казалось, раньше, чѣмъ въ предыдущіе дни. Буря гудѣла за окнами, не переставая. Не переставая, купалъ въ холодныхъ ливняхъ несмолкаемый дождь и шаткіе кипарисы, и темныя шапки лавровъ, и зажженные электрическіе фонари.

Вечеромъ, послѣ чая, сидѣли у Нумизматика. Вова уже спалъ въ большой сосѣдней комнатѣ. Батыга лежалъ поперекъ широкаго турецкаго дивана, вытянувъ чуть не на средину столовой длинныя ноги.

— Я васъ, юноша, на музыкѣ видѣлъ сегодня,—отнесся онъ къ Михаилу Павловичу.—Долгонько наблюдалъ. Вы меня не запримѣтили. Увлечены были бесѣдой съ вашей дамою. Maman,—ничего, одобряю. Маньифика. Mon genre, cher ami. Лучше дочери, несомнѣнно. Я бы не зѣвалъ на вашемъ мѣстѣ. Первое, не робѣть. Смѣлому скатертью путь-дорога. Смѣлость, точнѣе говоря, нахальство, — главное условіе успѣха. При томъ, женщина, какъ фруктъ. Чѣмъ спѣлѣе, тѣмъ болѣе склонна къ паденію.

Михаилъ Павловичъ сдѣлалъ досадливое, останавливающее движеніе. Батыга замѣтилъ, но не остановился.

— Второе, не допускать себя до идеализаціи. Чтобы женщина не была для насъ за семью печатями. Не воображать, что тебя боготворятъ и прочее. Люби, не люби, почаще взглядывай. Тѣмъ болѣе, что maman—безъ предразсудковъ. За нею здѣсь, въ Ялтѣ, много похожденій числится. Татаринъ ея всѣмъ извѣстенъ.

— И откуда ты всѣ сплетни узнаешь?—сердясь, вмѣшался въ разговоръ Нумизматикъ.—Дѣлать тебѣ нечего. Лучше бы лѣкарства принималъ во время.

— Я-то? Откудова узнаю? Я, Маркуша, вездѣ все узнаю. Немедленно. Талантъ у меня такой. Талантъ и нюхъ. Женщину я тебѣ, почти каждую, съ трехъ ея словъ опредѣлю. Случается, что промахнусь, но рѣдко. Поставлю діагнозъ, начну провѣрять. Смотришь, и факты всплывутъ въ подтвержденіе. У меня относительно женскаго пола—никакихъ заблужденій...

— Разныя есть женщины,—напомнилъ Нумизматикъ.— Какъ и мужчины. Больно ты обобщать любишь. Обобщать и опошлять.

— Э, нѣтъ, друже. Женщина однороднѣй, однотипичнѣй нашего брата. Есть исключенія, готовъ признать. Но въ общемъ, существо она низшаго сорта. У нея хорошо развиты лишь инстинкты. И на первомъ планѣ инстинктъ размноженія. Вся она для страсти. Ни для чего иного. Ни чувства долга въ ней, ни задерживающихъ центровъ, ни состраданія. Ничего нѣтъ. Если страсть ее не захватила,—ничего. Можетъ быть и не глупа, и не зла, и не низменна, сравнительно. А проснулась страсть, все къ чорту. По трупамъ побѣжитъ... По самымъ близкимъ сердцамъ.

— Что страсть? — возразилъ Нумизматикъ. — Погоня за воображаемымъ наслажденіемъ. Пепелъ одинъ отъ нея въ остаткѣ. Думаешь, она, женщина, не мучится... когда ради страсти попираетъ все близкое?

— А ни-ни. Отъ ревности? Да. Отъ сомнѣнія, что любить-то ее любятъ, да не очень, не безъ оглядки. Не такъ, какъ она желала бы. Отъ этого мучится.

— А мужчина?

— Знаю, что скажешь. Страстенъ и мужчина? Онъ тоже животное? Вѣрно. Но онъ не только животное. Для него это эпизодъ. Для женщины—этапъ жизни, событіе.

— Глупости!—вспылилъ Нумизматикъ.—Я знаю душевно-прекрасныхъ женщинъ. Далеко лучше мужчинъ. Первая—мать моя. За нею сестры. Простые люди, виленскія мѣщанки. А какое прирожденное благородство, какое знаніе долга!

— Вѣрю. У тебя семья еврейская и стараго закала. Тамъ женщина въ повиновеніи. Нѣтъ у нея своей воли. Потому и сознаніе долга. И все подобное. Но уже сестры твои... если получили образованіе, эмансипировались... не ручайся.

— Больше, чѣмъ за себя ручаюсь. Вотъ тебѣ еще. Марія Николаевна, напримѣръ.

— Гмъ?.. Что-жъ Марія Николаевна? Она не примѣръ. Она—больная. Съ твоей точки зрѣнія безукоризненна? Существо, чистое физически? А можешь ты сказать съ утвердительностью, не оттого ли она такова, что больна? Что не можетъ жить, какъ ея мамаша?

Нумизматикъ сердито нахмурился.

— Марію Николаевну я уважаю,—рѣзко заявилъ онъ.— Очень уважаю. Какъ никого другого. И... оставь, пожалуйста, твою психологію.

— Охотно. Отнесемъ Марію Николаевну въ рубрику исключеній. Я же прежде всего оговорилъ исключенія. Бываютъ врожденно-добродѣтельныя особы. Бываютъ холодныя натуры, съ отсутствіемъ темперамента. Наконецъ, невозможность грѣха по независящимъ причинамъ. Но въ массѣ, въ огромной массѣ, женщины все же...

— Ой, что ты мнѣ толковать будешь?!—взвизгнулъ и замахалъ руками Нумизматикъ.—Мнѣ! Я долженъ это слушать? Я, который, можетъ быть, больше, чѣмъ кто другой, обиженъ женщиной? Столько вытерпѣть, сколько я изъ-за нея вынесъ... вѣрно, рѣдко кому приходится. А все же не раздѣляю твоихъ обобщеній. Абсурдъ!

— Ты, Маркуша, страдалъ изъ-за женщины? Вотъ не думалъ. Стоило того. Страдать изъ-за одной, когда ихъ такъ много?

— Циникъ.

— Не я, Маркъ Григорьевичъ: это Гарибальди. Я повторяю.

— Перестань. Я серьезно.

— И я не шутя. Навѣрное, и твои всѣ страданья—результатъ излишней идеализаціи. Ужъ эти мнѣ самообманы да ложные взгляды на вещи... Чѣмъ лучше кто изъ нашего брата, тѣмъ дороже платится. Какъ ты, Маркушка. Тебя кто сокрушилъ? Супружница?

— Угадалъ.

— Чего угадывать? Дѣло видимое. Ежели Вова похожъ на нее—красавица. Красота же не знаетъ вѣрности.

— Говорятъ другое. Красота—предвѣстница горя.

— Но не своего. Чужого. Того, кто столкнется съ нею. Говоришь, красива была?

— Поразительно.

— Гм-мъ...

— Хотѣлъ добавить: и пошла за тебя?

— Нѣчто въ этомъ родѣ.

— Моментъ подвернулся такой. Въ другое время не пошла бы. Гдѣ нашелъ ее?

— Въ клиникѣ.

— О? Студентомъ, слѣдовательно?

— На послѣднемъ курсѣ. Послѣ выкидыша ее привезли, искусственнаго и неудачнаго. Истекала кровью, едва отходили. Молоденькая, сама еще дитя, а лицо... разсказать не умѣю. Сказать: лицо мадонны, богоматери—не то скажешь. Избито, заѣзжено, и не то. Ослѣпительное лицо, неземное въ немъ что-то. Взглядъ—завораживающій... Вова похожъ-то похожъ, а тоже не то. Я не видѣлъ похожаго.

— Это, братъ, всегда въ такихъ случаяхъ кажется.

— Какъ ошалѣлый, ходилъ я. Приближаюсь къ ней, смотрѣть боюсь. Сердце тукъ, тукъ, тукъ... За своимъ пульсомъ ея пульса не слышу. Черезъ акушерокъ узналъ біографію. Институтка, неокончившая, сирота. Изъ разорившейся помѣщичьей семьи. Никого у нея нѣтъ, одна тетка, больная, и у той молодой мужъ. Тетка боялась брать къ себѣ такую племянницу. Поѣхала она на лѣто къ подругѣ, а тамъ кузенъ, офицеръ. Обыденная исторія. „Онъ" бросилъ, конечно. Только о томъ и позаботился, чтобы доставить въ Кіевъ. Да акушеркѣ заплатилъ... за избавленіе. Самъ же въ полкъ вернулся, далеко. Выздоравливаетъ она, и все грустнѣй да скучнѣе. Видно по всему, растерялась. Некуда дѣваться... Ну, словомъ, я женился. Принялъ православіе, разорвалъ съ семьей, съ Вильной. Живо это сварилось. Жили мы съ ней въ одной комнаткѣ. Первое время хорошо жили. Я работалъ въ клиникахъ, готовился къ экзамену, давалъ уроки. Она меня считала героемъ великодушнымъ. Любить, какъ я теперь понимаю, врядъ ли любила. Но благодарность была огромная. Очень ужъ пришибло ее все, что случилось. А тутъ—будущее передъ нею. Жена врача, все-таки. Я какъ бы спасалъ ее. Такъ она и смотрѣла на наши отношенія. Была нѣжна, дорожила мною. Вернусь домой, суетится, встрѣчаетъ. Ухожу, проситъ: не сиди долго, безъ тебя скучно.

— Чѣмъ не идиллія?

— А хорошо было. Счастливая пора. Я не зналъ лучшей. Получилъ дипломъ. Сидимъ мы съ нею... Раздѣтые, разутые, живемъ впроголодь и прибавленія семейства ожидаемъ. Она все на мое докторство надѣется, а я уже началъ задумываться. Могъ при университетѣ остаться. Меня уговаривалъ N покойный. По хирургіи. Да какая ужъ тамъ хирургія?

На двоихъ господъ не наслужишься. Въ земствѣ взялъ мѣсто. Въ захолустьи, самый глухой уголъ въ М-ской губерніи. Уѣхали изъ Кіева. Сто рублей жалованья на первыхъ порахъ богатствомъ казались. Родился Вова. Деревня, грязь... знакомства неподходящія. У меня разъѣзды, она одна чаще. Ребенокъ больной, день и ночь кричитъ, въ родѣ сухотки что-то. Ѣду это по участку подъ дождикомъ, кутаюсь въ бурку. Сжатое поле, туманы, грязь у лошадей подъ ногами... ляпъ, ляпъ, ляпъ... А самъ все про нее думаю. Скучно ей, не то, чего ожидала. Дальше—хуже. Замѣчаю, разочаровывается она. Не во мнѣ... Мною и очарована не была. Въ будущности моей, въ надеждахъ своихъ на жизнь лучшую. Идеалъ-то у нея наслѣдственный, помѣщичій. Ничего не дѣлать и срывать цвѣты удовольствія. А тутъ ребенокъ больной, тяжело больной.

— Мужъ некрасивый, хмурый еврейчикъ, по горло занятый всегда. Нелюбимый. Гдѣ ужъ о цвѣтахъ-то? Удовольствія никакого, однѣ обязанности. Но она молчитъ, сдерживается. Ухаживаетъ за ребенкомъ, прячетъ отъ меня свою скуку. Иной разъ прорвется,—и то изрѣдка. Вспылитъ по пустякамъ, расплачется безъ повода... Наговоритъ Богъ вѣсть чего, оскорбитъ, высмѣетъ... Послѣ опомнится, раскается. Проситъ прощенья. Притихнетъ. Годъ, другой. Ей съ каждымъ днемъ скучнѣе. Ребенокъ растетъ плохо, слабый, рахитичный. Я дрожу надъ нимъ. Она словно тяготится. Какъ по обязанности, имъ занята. Послалъ на зиму ее въ Ялту. Ради здоровья сына. Здѣсь и разыгралось.

— Сбѣжала?—подсказалъ Батыга.

— Ушла. Привезла весною Вову домой, собралась потихоньку и уѣхала. Письмо оставила, что полюбила кого-то. Что не въ силахъ такъ жить... въ бѣдности. Благодарила за прошлое, не презирать просила. Не учить Вову презирать ее. А Вовѣ уже четвертый годъ шелъ. Мало по малу вошло это въ норму, что нѣтъ ея съ нами. Попривыкли мы съ Вовой. Прожили лѣто, ему нельзя зимовать въ томъ климатѣ. Повезъ его въ Крымъ, послѣ потерялъ мѣсто. Съ тѣхъ поръ и живемъ этакъ... на авось. Мальчикъ крѣпнетъ, хоть то отрадно.

— А она гдѣ?—спросилъ Батыга.

— Не знаю. Не справлялся. Благоденствуетъ, надо полагать. Было бы плохо, откликнулась бы.

— Это такъ. Это ты правильно. Но при всемъ вышеизложенномъ, все же защищаешь женское сословіе?

— Не защищаю, а... Нельзя, какъ ты, огуломъ...

— И супружницѣ своей даешь снисхожденіе?

— Надо же быть справедливымъ. Она не права, допу-

стимъ. А я-то? Не виноватъ ничуть развѣ? Развѣ можно было такъ жениться? Воспользоваться слабостью, минутой отчаянья? По моему, она еще лучше другихъ. И многихъ...

За ночь надъ Ялтой, по верхнимъ скатамъ горъ, легъ тонкій слой снѣга, издали сѣроватый. Послѣ ночи съ бѣшенымъ ливнемъ, день насталъ теплый, но сырой, безъ солнца.

— Вѣрно, большая метель была въ Россіи,—сказалъ съ утра сосѣдъ Дробязгина въ коридорѣ.

И Михаилу Павловичу странно было услышать это.

Будто здѣсь не въ Россіи?

Онъ проснулся съ досаднымъ чувствомъ. Остался противный осадокъ отъ вчерашнихъ разговоровъ подъ шумъ дождя съ Батыгою. Щемило и пробуждало брезгливую непріязненность сообщеніе объ Александрѣ Сергѣевнѣ... Не хотѣлось никого видѣть, ни съ кѣмъ говорить. Черезъ окно, манило къ себѣ бушующее море. Дробязгинъ наскоро выпилъ подогрѣтое молоко и пошелъ въ скверъ, къ берегу.

Дулъ южный вѣтеръ. Влажное и соленое морское дыханье насыщало городъ. Пачкала на улицахъ обувь липко-жидкая грязь съ желтымъ отливомъ. Въ скверѣ еще никого не было. Скрипѣлъ подъ ногами гравій, блестящій и мокрый послѣ ночного дождя. Море бушевало, рокотало, неистовствовало. Волны сѣро-желто-зелеными валами бились о берега, обдавали брызгами закругленный уголъ сквера. Брызги перелетали черезъ набережную, вплоть до магазиновъ. Перебрасывались въ одномъ и томъ же мѣстѣ черезъ молъ высокимъ, бѣлымъ столбомъ. Будто подымался тамъ вверхъ водяной смерчъ, а послѣ серебристо спадалъ съ высоты фонтаномъ измельченныхъ капель. Слышался скребущій шорохъ камней, смываемыхъ съ берега волною. Онъ заглушался шумомъ набѣгающаго прилива, повторялся опять, и умолкалъ снова. Зеленые валы наворачивались вдали одинъ на другой. И разсыпались бисерно-мелкіе брызги отъ ихъ столкновеній. Черный бакланъ то нырялъ въ воду, то выплывалъ далеко въ сторонѣ отъ мѣста, гдѣ спрятался. Чайки качались на волнахъ, кружились надъ водой и врозь, и стаями.

Михаилъ Павловичъ забылъ о завтракѣ. Не соображалъ, сколько часовъ сидитъ надъ моремъ, не видѣлъ гуляющихъ. Онъ чувствовалъ себя удивительно легко, непонятно-радостно. Точно море уносило на отливающихъ волнахъ всѣ недовольства, разочарованья, обиды, тревоги и недомоганія послѣднихъ лѣтъ. Все мелочное, но саднящее, что само собою накоплялось съ теченіемъ времени въ памяти и со-

знаніи и своевольно подбавляло горечи ко всѣмъ впечатлѣніямъ жизни. Михаилъ Павловичъ молодѣлъ, успокаивался, приближался къ равновѣсію. Все непріятное и тяжелое рисовалось такимъ мелко-преходящимъ, пустымъ, недостойнымъ вниманія... Оставалось лишь что-то мощное, красивое, стихійно-значительное, какъ это бушующее море, какъ пѣнистыя волны съ ихъ перелетами черезъ молъ. Будто осуществлялась воочію народная легенда о живой водѣ и молодильныхъ яблокахъ, несущихъ изъ солнцеваго царства постоянную молодость, неувядающую свѣжесть, неослабную силу...

Дробязгина вернулъ къ дѣйствительности звенящій голосъ Александры Сергѣевны.

— Господи, вотъ замечтался-то! О комъ? О чемъ? Признавайтесь.

Михаила Павловича словно разбудили. Онъ взглянулъ отчужденно, почти сердито. И вдругъ понялъ, что разсѣялась невозвратимо возникавшая надъ нимъ по временамъ власть Александры Сергѣевны.

Зивертъ сѣла рядомъ, одѣтая въ темное, въ большой и плоской черной шляпѣ на головѣ.

— Я такъ и сообразила, что вы у моря. Догадалась. Куда же вамъ больше исчезнуть? У, увалень! Тюлень вы этакій... Хоть бы поблагодарилъ, поклонился. Вѣдь говорятъ ему косвенно, что искали его... Искали, несмотря на вчерашнее. А онъ и ухомъ не ведетъ. Ну, признайтесь, о чемъ мечтали? Или не скажете? Не обо мнѣ, я знаю. Не обо мнѣ, вѣдь?

Подражая ея тону, Михаилъ Павловичъ отвѣтилъ шутливо:

— Не о васъ. Вы угадали.

— Не достойна?

— Я не сказалъ этого.

— Послушайте...—Она серьезно и внимательно всмотрѣлась въ Дробязгина.—Что это? Что съ вами? Отчего вы вдругъ такъ измѣнились?

— То есть, какъ?

— Я не знаю... Но вы какой то совсѣмъ другой. Не тотъ, что были. Не тотъ, что вчера, что третьяго дня... Что такое? Вамъ разсказали обо мнѣ что-то? И что-то скверное?

— Ничего—свыше того, что вы сами же вчера говорили.

— О чемъ говорила? Не понимаю. Да скажите же... О чемъ?

— Не знаю, право... говорить ли? Ну... о вашихъ взглядахъ вообще... на чувство...

Александра Сергѣевна съ злобной мстительностью сузила выпуклые глаза.

— А!? Вотъ что васъ возмутило... И вы осудили меня?

— По какому праву?—Дробязгинъ спокойно пожалъ плечами.—Что я за цензоръ нравовъ такой? Всякъ за себя въ отвѣтѣ.

— Такъ, такъ. Всякъ за себя, Богъ за всѣхъ, лѣнь— мать пороковъ... Общія мѣста... Нѣтъ лучше средства отъ кого-нибудь отдѣлаться. Заговорить ходячими фразами, и готово. Эхъ, вы... Толкуете о свободахъ. Небось, и за равноправіе женщинъ стоите? Сочувствуете, навѣрно. А сами— что? Что мнѣ позволено, того тебѣ нельзя, милая. Не то я тебя уважать не стану. Казнить буду пренебреженіемъ. Равнодушіемъ. А чего оно стоитъ... уваженіе ваше? Наполовину напускное. Разсчетъ одинъ. Для себя не желаете никакой узды, а для насъ выдумываете? Уваженіе да идеализація женщины... Разсказывайте Марочкѣ про это. И та не повѣритъ, пожалуй. Сами-то вы все себѣ позволяете. А намъ— что? Нѣтъ, миленькіе. Равноправіе — такъ равноправіе во всемъ.

— Но я же ничего не говорилъ противъ, Александра Сергѣевна?

— Потому что для васъ безразлично. Безразлично въ этомъ случаѣ. А если бы васъ задѣвало... Если бы нравилась вамъ я немножко побольше... ого! Что бы вы запѣли... Ну, будетъ, довольно. Вонъ дождь находитъ. Домой надо скорѣе. Хотите, подвезу?

— Я поѣду.

— Пожалуйста.

Горы позади Ялты уже стояли въ густыхъ облакахъ. Казалось, ни горъ, ни снѣга, ни лѣсовъ на нихъ и совсѣмъ никогда не бывало. Теплый, упорный и мелко-моросящій дождикъ закружился надъ скверомъ, подгоняемый южнымъ вѣтромъ. Будто мелкія мошки заиграли и развеселились въ тепломъ воздухѣ, насыщенномъ влагой. Волны на морѣ бушевали еще грознѣе, только море посѣрѣло, стало туманнымъ, подернулось дымной мглой.

Въ колягкѣ съ поднятымъ верхомъ Александра Сергѣевна вспомнила:

— А я и не успѣла сказать. Въ коридорѣ у васъ не все благополучно. Не пугайтесь... съ Батыгою. Кровь у него пошла горломъ. Да какъ! Съ утра, передъ завтракомъ. Едва остановили. Нумизматикъ бѣгалъ перепуганный. Всю прислугу загонялъ по аптекамъ. Маргарита злится... разстроена.

— Маргарита? Ей-то что?

— Не любитъ она, когда въ пансіонѣ больные. Очень не любитъ этого.

— А развѣ у нея есть жильцы здоровые? Вы одна?

— Да Нумизматикъ еще. Вообще, сопровождающіе. А остальные? Всѣ больны... Понемножку. Дѣло лишь въ степени. Маргарита въ высокой степени не любитъ, когда болѣютъ серьезно.

— Иначе говоря, когда умираютъ?

— Если хотите, да. Когда умираютъ. И она права по своему. Это на другихъ дѣлаетъ скверное впечатлѣніе. На остальныхъ жильцовъ.

— А Батыга—что же? Умираетъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Богъ знаетъ. Сейчасъ—ничего, какъ будто. Нумизматикъ надѣется. Говоритъ, на этотъ разъ отлежится. Но онъ плохъ, Батыга. Марочка, какъ только появился онъ, сейчасъ сказала: непрочный. Я въ ея мѣткій глазъ непреложно вѣрую. Знаете, у Маргариты съ Нумизматикомъ потомъ цѣлый скандалъ вышелъ. Маргарита пристала: везите въ санаторію, такимъ больнымъ въ санаторіи мѣсто. А какъ везти? Ему пошевелиться опасно.

— Этакое животное... Маргарита ваша.

— Какая она моя? Какъ и ваша. И почему животное? У нея правило: опасныхъ больныхъ въ Долину Розъ не принимать. Но и Нумизматикъ... не остался въ долгу. Какъ онъ распушилъ ее. Вотъ-то влетѣло. Откуда прыть взялась? Маргарита, и та съежилась. Уступила, представьте. Послѣ говоритъ мнѣ: я думала, онъ безобидный еврейчикъ, забитый, скромный, уступчивый. А онъ—вонъ какой буянъ. Какъ кричать умѣетъ. И тонъ, тонъ, говоритъ, какой!..

Навѣстить Батыгу Нумизматикъ позволилъ Михаилу Павловичу дней черезъ шесть, когда больному стало лучше. Алая кровь не появлялась больше съ кашлемъ. Переставали отдѣляться запекшіеся кровяные сгустки, пошла на пониженіе температура.

Батыга истаялъ за эти дни и казался теперь еще длиннѣе. Его когда-то могуче сложенное тѣло больше прежняго напоминало костякъ. Рѣзко обозначились на лицѣ морщины. Ихъ уже не сглаживало внутреннее оживленье. Глубоко ввалились глаза съ почернѣвшими вѣками. Странный появился въ нихъ блескъ, похожій на тусклое стекло.

Михаилъ Павловичъ вошелъ къ Батыгѣ и на секунду пріостановился, смѣшавшись. Этотъ запахъ разныхъ лѣкарствъ... И видъ больного, и опустошенныя комнаты, откуда для большей свѣжести воздуха вынесли все, кромѣ стола и постели... Какъ многихъ не совсѣмъ здоровыхъ людей, Михаила Павловича угнетала, пугала и волновала всякая кар-

тина разрушительной болѣзни. Все, что напоминало о смерти, объ умираніи. Но онъ мгновенно осилилъ это.

— Здравствуйте, юноша,—заговорилъ Батыга. Онъ сохранилъ свое юмористическое полупрезрѣніе ко всякому положенію вещей. И говорилъ почти весело, хотя рокочущій голосъ его звучалъ глухо, ослабленно.—Входите, входите... Здѣсь есть стулъ. Съ этой стороны кровати. Приди и виждь. Зрѣлище не изъ развлекательныхъ. А что подѣлаешь? Земля еси и въ землю отыдеши.

Михаилъ Павловичъ молча пожалъ его костистую съ длинными пальцами руку.

Опять шелъ дождь за окномъ. Изъ сплошныхъ тучъ сыпались крупныя дождевыя капли. Снова холодный вѣтеръ трепалъ въ саду иззябшія магноліи. Сѣрый, печальный полусвѣтъ наполнялъ комнату.

— Садитесь, юноша. Вы не мнительны? Не воображаете всюду заразу? Не боитесь ея?

— Ни мало.

— Прекрасно. Это пріятно. Заразы и быть не можетъ. Маркушка тутъ такую антисептику и чистоту распустилъ. Ни одной микробы. Спасибо, что зашли. Меня въ одиночествѣ Weltschmerz одолѣваетъ. Лежу, какъ мумія, въ одѣялѣ. Тощища смертная. И покалякать не съ кѣмъ. Болящаго посѣти, это вы по завѣту Божьему. Не требуютъ здравіи друзей, но болящіе.

— Маркъ Григорьевичъ просилъ не давать вамъ говорить много.

— Э, другъ мой. Сіе не важно. И много говорить,—помрешь, и мало—тоже. Лучше поговорить, если хочется.

— Ну, какъ вы теперь?

— Да какъ?.. Скверно. Вонъ какой бенефисъ Маркушкѣ устроилъ. Нечаянно, негаданно. Самъ не знаю, какъ. Собирался завтракать, кашлянулъ, захлебнулся... Помню лишь желѣзистый вкусъ во рту передъ этимъ. Какъ на карусели, все передъ глазами поплыло. Обморочная слабость и жажда, жажда... смертельная. Маркушка того... здорово струсилъ, я и самъ сперва думалъ: а вѣдь это о н о... finis? Кончается мой извилистый земной путь, думаю. Сейчасъ vita nuova или небытіе. Но что-то новое. Бывали у меня кровоизліянія, случались. А такого грандіознаго—еще не зналъ. Нѣчто чрезвычайное. Всѣ звуки земли какъ-то отлетѣли, знаете. Одинъ litmotiv остался: доживаю. Душе моя, возстани, что спиши? Конецъ приближается. И никакой, представьте, боли... Ни страха, ничего. Только слабость... огромная. Настроеніе этакое обволакивающее... чуть ли не равнодушное. О, жизни сонъ, лети, не жаль тебя. И все тутъ, полностью. Затѣмъ огля-

дѣлся: эге, да это еще не finis? Еще моя стежка не вся исхожена. И началъ возстановляться. У Нумизматика и по сей день докторское глубокомысліе и непроницаемость на лицѣ, когда онъ пульсъ мой считаетъ, но это не показатель. Главное—собственное самочувствіе.

— Не говорите такъ много, Андрей Андреевичъ. Вредно.

— Глупости, юноша. Не вѣрьте. А лежать молча и томиться... не вредно, думаете? Чего, чего не передумаешь. Вся жизнь дефилируетъ передъ тобою. Тоже вредное занятіе. Похуже болтовни. О чемъ мы, бишь? Да, о Маркушкѣ. Изъ однолюбовъ онъ. Свою супружницу никакъ не позабудетъ. А что къ нему не равнодушна сама mademoiselle Mara,— ему и невдомекъ про это. И сказать нельзя. Глаза выцарапаетъ. Помните, какъ онъ на меня? Чуть не прибилъ за нее. А я только всего и замѣтилъ, что-де не она отъ грѣха, а грѣхъ отъ нея.

— Не фантазируете ли вы?

—Насчетъ ея неравнодушія? Ни-Боже мой. У меня на эти дѣла вотъ-какъ глазъ наметанъ. Собаку съѣлъ. Не проведешь. И большой проницательности не требуется. Мигомъ видно. Все разносказъ одной и той же сказки. Вы обратите вниманіе, какъ она глядитъ на Маркушку, когда думаетъ, что на нее не смотрятъ. Этакъ... будто вотъ-вотъ запоетъ à la Вяльцева: „Такъ хочу, все хочу... вамъ сказать... сказать... люблю... и не могу... не могу...“—Батыга чуть протянулъ слова романса на подобіе пѣнія и захлебнулся. Не хватило воздуха. Онъ сморщился досадливо и злостно. — Чортъ знаетъ... Слова нельзя сказать. Не вздохни поглубже. Пить пересталъ... а ни-ни. Женщинъ, куренье, все бросилъ. Монахомъ живу. А все ни къ чему. Съ каждой зимою хуже.

— Напрасно вы говорите такъ много.

— Ладно. Слово—дитя времени. Молчаніе—дитя вѣчности. Надоѣстъ еще и молчать-то. Да-а... Марочка неравнодушна. Нумизматикомъ надо быть, чтобы не замѣтить этого. Нумизматикусъ бѣ искони наивенъ. Такимъ и до конца пребудетъ. Ну-съ... ваши какъ дѣла? Съ belle maman? Не подвинулись?

— Какія?

— Какія,—вы лучше моего знаете. А ежели не хотите сказывать, не надо. Ваше право.

— Сказывать нечего. Ничего нѣтъ и быть не можетъ.

— Не похвально, юноша. Лови, лови часы любви. Жизнь коротка, знаете. Убійственно-коротка, подлая.

Нумизматикъ пріотворилъ осторожно дверь, заглянулъ въ комнату и появился на порогѣ.

— Опять онъ трещитъ, какъ я не знаю кто! Неугодно

ли лѣчить послѣ этого? Я же сказалъ: помалкивай? Когда такъ, никому навѣщать тебя не позволю.

— Не горячись, Нумизматикусъ. Красно-цвѣтистое словосказаніе... только и развлеченія осталось. А ты и то отнять хочешь...

— Бульонъ пилъ?

— Пилъ. Черезъ силу. Аппетита—никотораго.

— Наваристый?

— Какъ слѣдуетъ быть. Ужъ коли сама Маргарита тебя боится, такъ повару и Богъ велѣлъ. Ничего. Старается. Пить ты мнѣ обѣщалъ чего-то... добылъ?

— Миндальнаго молока? Есть. Сейчасъ хочешь?

— Дай, щедродатель.

Нумизматикъ принесъ молоко въ фарфоровой кружкѣ.

— Пей понемногу. Ложечкой.

Батыга съ жадностью набросился на молоко.

— Ай да мастеръ, Маркуша... ей Богу. Славное придумалъ питіе. Исполать тебѣ, друже. Вѣрный въ малѣ и во многѣ вѣренъ есть. Древо доброе плоды добры творитъ, хотя и не хочетъ. Такъ и ты, Марк...

— Опять словоизверженіе?

— Ну, ну... Духъ празднословія изыди.

— Поспалъ бы лучше.

— И то надоѣло. Всю ночь былъ настроенъ дремотно. Все будто дремлется. А въ ушахъ гудитъ, гудитъ... одна и та же рулада. На мотивъ Огинскаго. Полонеза. Будто поетъ кто-то. Этакъ съ растановкой... Отдѣльныя ноты. Ми-ре-ми-фа... до-до, си-ля!

— Да ты что же это?—Нумизматикъ разъярился и затопалъ ногами.—Никакъ пѣть собрался?

— Не пѣть, а показываю какъ мнѣ слышится: до-до, ми, соль! де-діезъ, ре-ля!

— Уйдемъ, Михаилъ Павловичъ.

— Молчу, молчу... Посидите.

Къ декабрю зацвѣли розы наново. А ялтинскія горы бѣлѣли снѣгами. Былъ раза два снѣгъ и внизу на берегу моря. Были и морозы, но легкіе. Въ Долинѣ Розъ на открытыхъ мѣстахъ и въ пролетахъ между домами цвѣты какъ кипяткомъ обварило. Почернѣли и осыпались магноліи; хризантемы попортились замѣтно. Какъ-то цѣлый день пролежала въ снѣгу Ялта. Съ утра рано кружился онъ рѣдкими звѣздочками. Послѣ полудня зарядилъ такой густой и лохматый, что моря не стало за нимъ видно. Нависъ на кипарисахъ, на зелени лавровъ, укрылъ крыши, клумбы, балконы. Но къ вечеру растаялъ весь, безъ остатка. Прорѣзалось на небѣ изъ-за облаковъ передъ закатомъ солнце.

Громадное пунцовое, ярко обозначилось оно за моремъ. На море сошли облака. Какъ стѣны зубчатыхъ горъ, синѣли онѣ на востокѣ, золотились огненно-желтой цѣпью на западѣ. Солнце исчезло, а снѣжныя вершины горъ и зеленохвойные лѣса на скатахъ еще были освѣщены его убывающимъ свѣтомъ. Холодалъ воздухъ, чуть шумѣло тихое на этотъ разъ море, и улыбалось обнадеживающей улыбкой, и пѣло берегамъ свои воркующія пѣсни. А на утро солнце просушило городъ. Топкая, желтая пыль уже поднималась въ воздухѣ, потеплѣло снова. Опять засинѣли фіалки, запахло весною. Опять горитъ и грѣетъ солнце. Чуть плещутъ поголубѣвшія волны, томно ласкаясь къ землѣ. Чуть плывутъ облака, цѣпляясь за горы. Устало скользятъ по морю лодки, и мягко повисли на нихъ паруса.

Всѣ солнечные часы проводилъ Батыга въ саду, на воздухѣ, въ тепломъ пальто, грѣясь на солнцѣ. Кровоизліяній больше не было. Но силы не хотѣли возвращаться. Ни впрыскиванья мышьяку, ни усиленное питаніе, ни разныя мудреныя снадобья Нумизматика—ничто не могло привести его хотя бы въ прежній, осенній видъ. Хуже прежняго мѣшкомъ висѣла на немъ одежда, будто надѣли ее не на живое существо, а на длинный скелетъ. За то здоровѣлъ и прибывалъ въ вѣсѣ отъ тѣхъ же впрыскиваній Нумизматика Михаилъ Павловичъ. И чѣмъ больше здоровѣлъ, тѣмъ сильнѣе скучалъ въ Ялтѣ. Не радовали декабрьскія розы, Ялта надоѣдала, казалась искусственной, бомбоньерочной. Тянуло домой, къ снѣжнымъ сугробамъ, морозамъ и мятелямъ, къ привычнымъ обязанностямъ, къ работѣ и заработкамъ. Сестра съ матерью писали, что и въ гимназіи у нихъ, и дома все идетъ безъ него отлично. Но онъ плохо вѣрилъ ихъ увѣреніямъ. Рвался домой, думалъ о веснѣ, какъ о землѣ обѣтованной. Еще долго приходилось ждать. До весны было много времени. А время, словно нарочно, тянулось медленно, медленно.

Какъ могъ и умѣлъ, старался коротать свои дни Михаилъ Павловичъ. Развлекалъ Батыгу или уходилъ въ скверъ дышать моремъ. А то шелъ къ Марочкѣ, на ея балконъ съ раздвижными оконными стеклами со стороны моря. Тамъ горячо припекало полуденное солнце, веселила глазъ кокетливо-разбросанная мебель съ букетами во вкусѣ Помпадуръ. Марочка въ передвижномъ креслѣ цѣлые дни проводила на балконѣ. Читала, глядѣла на море, изрѣдка вышивала блеклыми шелками желтоватую полоску мелкой канвовой дорожки. Еще рѣже писала акварелью хорошенькіе пустячки. Когда Нумизматика не бывало дома, отъ нея не отходилъ Вова. У нея не истощались темы для разговоровъ съ маль-

чикомъ, и разговаривали они, не какъ взрослая дѣвушка и ребенокъ, а какъ равные между собою друзья. Дѣлали фотографическіе снимки, спорили, иногда препирались. Вова доказывалъ свое, Марочка возражала, и послѣ соглашалась, признавала себя побѣжденной. Ни съ кѣмъ изъ взрослыхъ не говорила она съ такою простотой и оживленьемъ, какъ съ Вовой. Приходилъ Нумизматикъ, забиралъ сына обѣдать и говорилъ виновато:

— Онъ надоѣдаетъ вамъ?

А послѣ обѣда къ Нумизматику собирались ученики, и опять убѣгалъ Вова на балконъ къ Марочкѣ.

Зиверты—мать и дочь—разграничили свои знакомства.

У Марочки былъ свой небольшой кружокъ: Нумизматикъ, Вова и Михаилъ Павловичъ.

У Александры Сергѣевны свой, и гораздо большій. Тоже изъ обитателей Долины Розъ: больной гвардейскій офицеръ изъ Петербурга, полякъ—инженеръ, кіевлянинъ, также несовсѣмъ здоровый, студентъ, сынъ банкира изъ Харькова, нѣсколько дамъ, Маргарита. Съ дамами Александра Сергѣевна играла въ винтъ, съ мужчинами ходила на прогулки, уѣзжала кататься за городъ. И все мѣняла туалеты и заботливо культивировала свою внѣшность, какъ нѣчто наиболѣе важное въ жизни. Въ ея гостиной или въ саду раздавались взрывы ея захлебывающагося хохота, звонкаго и безпечнаго, какъ смѣхъ ребенка. Тогда казалось, будто она одна только и смѣется въ Долинѣ Розъ. Остальные же молчатъ, притаившись. Или, будто, всѣмъ остальнымъ не до смѣха. Къ Марочкѣ она навѣдывалась, раскраснѣвшаяся, шумная, возбужденно-оживленная. А если заставала на балконѣ Михаила Павловича и Нумизматика, то говорила весело:

— О, теперь я съ легкимъ сердцемъ пойду гулять. Ты не одна. Всѣ твои рыцари духа въ сборѣ.

Въ пансіонѣ ихъ такъ и звали рыцарями духа. Даже незнакомые съ ними. А въ общемъ было невесело, и время подвигалось медлительно.

Михаилъ Павловичъ шелъ по набережной вечеромъ.

Притихшая, мутная ночь уже спустилась на море. Свѣтились разбросанные по горамъ огни города. Вдали, на молу, горѣли электрическіе фонари, отражаясь въ слабо-плещущемъ морѣ. На маякѣ—зеленоватыми пятнами, вдоль мола—серебряно-бѣлыми. Было тихо, немного сыро и очень тепло. Съ мягкимъ грохотомъ изрѣдка проѣзжали экипажи, и опять все смолкало. Шныряли неясно-освѣщенныя фигуры гуляющихъ по тротуару надъ моремъ. Перешелъ черезъ улицу, ближе къ морю, и Дробязгинъ.

— Какъ тепло,—произнесъ разнѣженно впереди женскій голосъ.—„О, Боже, какъ хорошъ прохладный вечеръ лѣта... Какая тишина!“ А завтра шестое декабря. Николы зимняго,—говорила Александра Сергѣевна. Возлѣ нея молодцевато выступалъ въ тоненькомъ лѣтнемъ пальто больной гвардеецъ. Офицеръ оставилъ безъ отвѣта ея замѣчаніе и сказалъ, видимо, продолжая прежнее:

— Нѣтъ, вы не отклоняйтесь. И такъ и знайте... Или я, или онъ, полячекъ этотъ. Такъ и знайте. Мнѣ эта ваша тактика не нравится. Не люблю игры въ кошки-мышки. Никому играть собой не позволю. Такъ и знайте.

Александра Сергѣевна засмѣялась звонко, отчасти загадочно и отвѣтила что-то, но такъ тихо, что Михаилу Павловичу не было слышно. Потомъ взяла спутника подъ руку. Они пошли медленнѣе, чѣмъ раньше, и слишкомъ близко одинъ къ другому. Дробязгинъ остановился, далъ имъ отойти впередъ, постоялъ на мѣстѣ и повернулъ обратно къ Долинѣ Розъ. Онъ оставался холодно-спокойнымъ, равнодушнымъ. Было только немного смѣшно, но не было ни досады, ни сожалѣнія.

Дома онъ засталъ Батыгу у Нумизматика. Нумизматикъ, рѣзко повертываясь, бѣгалъ по комнатѣ. Батыга полулежалъ на диванѣ и скептически усмѣхался.

— Дѣло кончено,—повторялъ Нумизматикъ.—Кончено. Уже и разсуждать не о чемъ. Мы уѣзжаемъ. Сейчасъ переговорилъ съ Маріей Николаевной...

— Даетъ?

— Двѣ тысячи. Если понадобится, дастъ больше.

— Гмм-мъ...

— Въ кредитъ, разумѣется. Подъ вексель. Уплата по частямъ. Въ нѣсколько лѣтъ. Ей или наслѣдникамъ ея.

— Та-акъ.

— Что: та-акъ? Что ты хочешь сказать?

— Глупо, — безстрастно заключилъ Батыга, не мѣняя своей неподвижной позы.

— То-есть, что именно? Что глупо?

— Все. Ѣхать тебѣ въ Одессу—глупо. Тащиться въ Санъ-Ремо... или куда ты хочешь? Въ Оспедалетти? Еще глупѣе. Все не умно. Ну, помогъ бы деньгами... если ужъ такъ растрогало тебя. Помоги. Кредитъ у тебя столь безграничный Отчего не помочь, коли есть возможность. Но самому зачѣмъ летѣть? Пошли денегъ.

— Что деньги? Деньги не то. А если она одна? Она больна... Нуждается въ заботливости, въ уходѣ. Деньгами не все купишь. Деньги половина лѣченья. Дѣлать же что-нибудь наполовину всегда безполезно. И она не денегъ про-

ситъ. Она пишетъ: пріѣзжай въ Одессу, увези меня. Прогрессирующій туберкулезъ легкихъ. Одна въ меблированной комнатѣ. Въ Санъ-Ремо посылаютъ. Въ Санъ-Ремо, никуда больше... А ей не съ кѣмъ и не на что...

— А пишетъ она тебѣ: рѣшилась она обратиться, зная твое... и такъ далѣе?

— Пишетъ. Такъ что изъ того?

— А то, что глупо.

— Въ Санъ-Ремо и для Вовы полезнѣй, чѣмъ въ Ялтѣ.

— Тра-та-а... Ты не виляй, друже. Не балансируй. Внемлите и блюдитеся отъ кваса фарисейска... Здѣсь не о Вовѣ твоя забота. Билледу разгорячило... Заказное, съ четырьмя марками. Все кувыркомъ ради него швыряешь. А я тебѣ скажу: ни въ какомъ дѣлѣ не стоитъ возвращаться назадъ. Подогрѣваніе чувствъ самое пустое занятіе, какихъ бы то ни было, если отъ чувства больше непріятности, чѣмъ радости... къ чему оно? Вычеркивай его, и баста. Безъ жалости уничтожай даже память о немъ. А ты за Вову прячешься. Не скажешь ли еще, что Вовѣ материнскую ласку возвратить хочешь? Ради него праздникъ примиренья устроить? Тогда ужъ—сознательный квасъ фарисейскій. Нѣтъ, не проведешь... Аминь, аминь глаголю тебѣ, Нумизматикусъ: не стоитъ созидать ничего новаго на развалинахъ прошлаго.

— Но я же и не собираюсь созидать! Ничего ровнехонько. Меня зовутъ, просятъ, я..

— Тра-та-а... Со мной, братъ, оставь элоквенцію. Тебѣ говорятъ дѣло. А ты—за словесную пестрядь хочешь укрыться. Не проходитъ. Это—спереди блаженъ мужъ, сзади—вскую шаташася. Себя самого проведешь этимъ. Меня—николижды. Тебѣ на мадонну свою поглядѣть охота. Хоть послужить ей... коли нельзя добиться ничего большаго. „Я ее побѣдилъ, роковую любовь". Но... побѣдилъ-то, побѣдилъ, а все же... „Если многіе дни безъ свиданья пройдутъ, я тоскую, не помня измѣнъ и обидъ. Если пѣсню, что любишь ты, вдругъ запоютъ, если имя твое невзначай назовутъ... мое сердце, какъ прежде, дрожитъ".

— Что-то глаголовъ въ твоей поэзіи больно много.

— Не моя она. Апухтинская. А у тебя не будетъ и въ Санъ-Ремо толку. Попомнишь слово мое вѣщее. Хоть и вылѣчишь мадонну, она не оцѣнитъ, ты—не забудешь. Простить простишь, забыть—не забудешь. Лихо, оно живучее, долго помнится. Другой на твоемъ мѣстѣ, можетъ быть, и выигралъ бы на великодушіи. Тебѣ не удастся, ибо счастье—тотъ же штоссъ, Маркуша. Коли везетъ, ставь ва-банкъ. Хоть нѣсколько разъ сряду. Не везетъ, не мудри. Ограничивайся простыми ставками.

— Не разсчитываю ни на какой выигрышъ. Но уѣзжаю, послѣзавтра. Уже телеграфировалъ.

— И глупо. А что же со мною, значитъ? Какъ я останусь? Захвораю, кто молока принесетъ миндальнаго? Не Маргарита ли?

— А ты не хворай. Поправляйся.

Батыга протяжно свистнулъ.

— Не до поправки, друже. Вы есте отъ міра сего, азъ нѣсмь отъ міра сего. Уже почти, но пока что... видно, и впрямь въ санаторіумъ придется? А?

— Я бы совѣтовалъ. Санаторіи даютъ огромный процентъ выздоровленій. Иногда прямо изумительныхъ. Режимъ подходящій. Это чрезвычайно важно. У меня и завѣдующій знакомый.. Можно озаботиться, чтобы ты былъ на особомъ положеніи. Со всѣми возможными льготами. Хочешь?

— Валяй. Успѣешь ли уладить до отъѣзда?

— Постараюсь. А теперь спать пора тебѣ.

— И на томъ спасибо.

На утро Михаилъ Павловичъ поднялся на балконъ къ Марочкѣ. У нея сидѣлъ Вова. Мальчикъ былъ взволнованъ. Лицо его подергивалось, глаза блестѣли ярче, чѣмъ всегда. Его уже охватила дорожная лихорадочность, безотчетная тревога, огорченіе разлуки. Марочка спрашивала у него:

— Тебѣ очень хочется поскорѣе увидѣть ее?

— Очень.

— Но ты же не знаешь ея совсѣмъ?

— Какъ не знаю? Вовсе не не знаю. Мы съ папой часто про нее говорили. Онъ мнѣ все, все разсказывалъ. Ея портретъ у насъ есть. Знаете, Марія Николаевна, она такая красивая. Какъ ангелъ. И не злая. Папа говоритъ, добрая, хорошая. А уѣхала отъ насъ, потому... потому что ей было скучно. Но мы на нее вовсе не сердимся.

— Да?—Марочка поздоровалась съ Дробязгинымъ и указала ему на Вову,—вотъ, прощаемся.—Послѣ спросила у мальчика:—А тебѣ не жаль бросать Ялту?

— Мнѣ только васъ здѣсь жалко, Марія Николаевна. Если бы и вы съ нами...

— Вотъ какъ?—Марочка разсмѣялась колко и иронически.—Веселая собралась бы компанія. Цѣлый музей немощей.—Марка Григорьевича нѣтъ дома?—спросила она у Дробягзина спокойно.

— Нѣтъ. Поѣхалъ въ санаторіумъ Батыгу устраивать.

— Ликвидируетъ всѣ дѣла свои? Спѣшнымъ ходомъ, въ нѣсколько часовъ. Все кувыркомъ, какъ сказалъ Батыга?

Она произнесла это уравновѣшенно, какъ всегда. Но было что-то въ ея тонѣ, что заставило Михаила Павловича приподнять голову и пристально поглядѣть ей въ лицо. Опять словно оттѣнокъ колкости, обидчиво-затаенной горечи, недовольства, оскорбленности. Но ни на лицѣ ея, ни въ глазахъ не отражалось ничего необычнаго. Какъ всегда, глядѣла она спокойно, вдумчиво, проницательно и замкнуто. Дробязгинъ припомнилъ, что говорилъ Батыга объ ея неравнодушіи къ Нумизматику. И, еще разъ взглянувъ въ остро-блестящіе глаза Марочки, сказалъ самому себѣ:

— И мнѣ сейчасъ тоже показалось...

Въ день отъѣзда Нумизматиковъ шелъ дождь. У Батыги ночью повысилась температура, такъ что Михаилъ Павловичъ одинъ провожалъ уѣзжавшихъ. Туманъ висѣлъ надъ городомъ, заслоняя горы. Но море было тихое, не угрожало качкой. Происходила обыкновенная сутолока на пароходѣ. Кричали, сносили поклажу пассажировъ, суетились, слышалась брань. Публики ѣхало сравнительно немного. Дробрязгинъ и Нумизматики оставались наверху, не спускаясь въ каюту. Вова нервничалъ. Отецъ поглядывалъ на него съ опаской. Когда мальчикъ отошелъ въ сторону, къ носовой части парохода, Нумизматикъ сказалъ:

— Боюсь за него. Слишкомъ много волнующихъ впечатлѣній. Сразу. Ну, что же... если надо? Смотрите же, Михаилъ Павловичъ, навѣщайте Андрея въ санаторіи. И пишите о немъ. Пока въ Санъ-Ремо, до востребованія. Потомъ пришлю адресъ. Напишете разумѣется?

— Обязательно.

— Спасибо. Врядъ ли онъ эту весну осилитъ. На первыхъ порахъ будетъ скучать въ санаторіи. А тамъ... онъ общительный, сейчасъ заведетъ знакомства.

Вова приблизился къ говорившимъ.

— Марія Николаевна нарочно рано встала сегодня,— сказалъ онъ отцу, и слёзы наполнили его огромные глаза.

Нумизматикъ обнялъ мальчика.

— Марія Николаевна очень добра. Но о чемъ же плакать? Мы вѣдь потомъ вернемся сюда. Осенью опять въ Ялту.

— И Марія Николаевна?

— Конечно.

— А она тоже?

— Кто?

Вова нетерпѣливо наморщилъ лобъ и приподнялъ точно нарисованныя тушью брови.

— Ну... ты знаешь, кто.

— Ахъ... она? И она съ нами... если захочетъ.

— А если ей будетъ скучно?

Нумизматикъ улыбнулся.

— Тогда она не поѣдетъ съ нами. Насильно не потащимъ. Но мы-то вернемся въ Ялту. Куда же намъ на зиму ѣхать?

Мальчикъ успокоился.

Но когда медленно отчаливалъ и поворачивался пароходъ, Дробязгину съ берега видно было, какъ снова Нумизматикъ вытиралъ платкомъ глаза сына.

Пароходъ двинулся и быстро отдалился. Подъ густымъ, вдругъ разыгравшимся дождемъ вернулся въ Долину Розъ Михаилъ Павловичъ и прямо прошелъ къ дачѣ Зивертъ, къ Марочкѣ. На балконѣ онъ засталъ ее плачущей. Она сидѣла лицомъ къ морю, въ полъ-оборота къ входнымъ дверямъ и плакала, склонившись на ручку кресла. Худыя плечи ея тряслись отъ рыданій, волосы были растрепаны, смоченный слезами голубой платочекъ валялся рядомъ на стулѣ. Она дѣлала усилія перестать плакать и не могла сдержаться.

Дробязгинъ на мгновеніе задержался у стеклянной двери. Потомъ поспѣшно повернулъ назадъ. Безъ шума спускался онъ по витой лѣсенкѣ съ балкона и весь былъ переполненъ боязнью, какъ бы Марочка не услышала его шаговъ, не узнала и не догадалась объ его приходѣ.

Она—такая гордая, ей будетъ непріятно, что кто-то чужой видѣлъ ее въ эту минуту.

И послѣ, глядя у себя изъ окна на шумный дождь, колеблющій мокро-зеленые, молодые кипарисы, Михаилъ Павловичъ все-таки не могъ рѣшить, о комъ же такъ безутѣшно плакала эта замкнутая, обиженная судьбою дѣвушка: объ отцѣ или сынѣ?..

О. Н. Ольнемъ.

КОЛЕСО.

Романъ Іоганна Іенсена.

Переводъ Т. А. Богдановичъ.

Когда, на слѣдующее утро, Ли гулялъ въ Линкольнскомъ паркѣ, съ нимъ поравнялся какой-то человѣкъ и поклонился ему. По всей его манерѣ держаться было ясно, что у него есть какое-то тайное намѣреніе, въ его улыбкѣ было что-то нечистое, какъ будто онъ заговаривалъ съ незнакомой дамой. Ли не зналъ его и прошелъ мимо.

— Извините меня, сэръ,—сказалъ тотъ, заступивъ Ли дорогу, такъ что ему волей-неволей пришлось остановиться.—Я—Масонъ; какъ вы поживаете?

И Масонъ разсмѣялся, какъ признанный острякъ, которому всегда удается всякая шутка. Теперь Ли вспомнилъ его. Это былъ Томасъ Масонъ, котораго онъ встрѣтилъ недавно въ Нью-Іоркѣ; онъ былъ во время драки Ли съ Эванстономъ. Но Ли вовсе не считалъ для себя обязательнымъ узнавать этого человѣчка. Полицейскій агентъ сейчасъ же почувствовалъ это.

— Вы не узнаете меня! Послушайте меня, — развѣ не правда? развѣ я не наблюдателенъ? Вы не узнали меня? Дѣло въ томъ, что я измѣнилъ внѣшность, мистеръ Ли.

Это, дѣйствительно, былъ Масонъ, и теперь онъ былъ не лишенъ даже нѣкотораго стиля. Одѣтъ онъ былъ настоящимъ джентльмэномъ. Его маленькая фигурка была облечена въ самое элегантное пальто. Но кто видѣлъ его раньше, тому не трудно было узнать его по таинственнымъ морщинкамъ и іероглифамъ вокругъ глазъ, въ которыхъ иногда отражалось непобѣдимое самодовольство и неустанное мальчишеское любопытство, а иногда читалась грустная повѣсть миновавшей молодости, которую дѣлаетъ еще печальнѣе необходимость играть роль юноши. Масонъ какъ будто и постарѣлъ, и отчасти помолодѣлъ со времени послѣдней

встрѣчи. Казалось, что онъ намѣренно хочетъ придать роли пожилого человѣка легкій и фривольный характеръ.

— Меня очень радуетъ встрѣча съ вами, мистеръ Ли. Мнѣ чрезвычайно пріятно видѣть васъ. Поймите меня, я нахожу, что эта встрѣча совсѣмъ не случайна, уже съ давнихъ поръ я, если можно такъ выразиться, сознательно радовался тому, что встрѣчусь съ вами. Въ моихъ рукахъ была возможность въ каждый данный моментъ вызвать встрѣчу между нами и встрѣчу, далеко не обыкновенную. Вы удивлены. Вы смущены и не понимаете меня. Дѣло все въ томъ, что я счелъ себя въ правѣ, со всей осторожностью наблюдать за вами. Я говорю со всей осторожностью, такъ какъ вы вѣдь не испытывали никакихъ неудобствъ отъ моихъ наблюденій за вами, не правда-ли? Вы даже не подозрѣвали объ этомъ. Мистеръ Ли, вы совершаете каждый вечеръ между 8 и 9 часами прогулку въ Линкольнскомъ паркѣ...

Ли ничего не отвѣтилъ, хотя Масонъ стоялъ передъ нимъ съ торжествующей миной и ждалъ его одобренія.

— Но въ четвергъ вы не пришли сюда, — продолжалъ Масонъ съ апломбомъ, — вы проспали, такъ какъ наканунѣ вечеромъ вы были въ театрѣ, а потомъ ужинали съ миссъ Маргаритой Гронау, дочерью милліонера. Вы провожали молодую леди домой до ея квартиры на Эри-стритъ, № 237, это было въ три четверти второго. Вчера вечеромъ, мистеръ Ли, вы были съ семействомъ Гронау въ отелѣ „Бисмаркъ"...

— Все, что вы говорите, я и самъ знаю,—сухо прервалъ его Ли.—Съ какой стороны это можетъ интересовать васъ, оставя то, что вы выдающійся полицейскій агентъ.

— Если бы вы не прервали меня, мы бы къ этому и пришли,—сказалъ Масонъ, снисходительно подмигнувъ Ли, съ видомъ человѣка, который благополучно проводитъ между подводными камнями корабль разговора. — Вчера вечеромъ вы были съ семействомъ Гронау въ отелѣ „Бисмаркъ", я упоминаю объ этомъ только для того, чтобы дать вамъ понятіе о томъ, насколько точны мои свѣдѣнія о вашемъ времяпрепровожденіи. Но, мистеръ Ли, за 5 минутъ до половины седьмого, вы стояли на углу Рандольфъ-стритъ и Стэтъ-стритъ и видѣли меня...

Ли, возобновившій свою прогулку рядомъ съ Масономъ, вдругъ остановился, онъ слушалъ теперь съ полнымъ вниманіемъ. Масонъ откашлялся съ видомъ удовлетворенія.

— Да, это вы меня видѣли. У меня хорошіе глаза, можете этому повѣрить, я сейчасъ же увидѣлъ, что вы меня замѣтили. Это было въ первый разъ, а между тѣмъ я уже

нѣсколько дней нахожусь по близости отъ васъ. Но этому была своя причина. Мнѣ приходилось остерегаться двоихъ, а въ такомъ случаѣ легко попасть въ просакъ и быть замѣченнымъ однимъ изъ нихъ: человѣкъ всегда остается человѣкомъ.—Ну, теперь я перехожу къ самому главному. Мистеръ Ли, васъ преслѣдуетъ одинъ человѣкъ, и вотъ уже два дня, какъ вы это знаете. Два вечера подъ рядъ вы его видѣли на мосту Клеркъ-стритъ и убѣдились, что онъ слѣдуетъ за вами въ городъ. Этотъ человѣкъ находится подъ моимъ надзоромъ. Теперь я увѣренъ, что у васъ есть охота поболтать со мной, что я вамъ не надоѣдаю.

— Такъ, значитъ, вы и были тотъ, другой!—воскликнулъ Ли,—вы и были тотъ субъектъ, что стоялъ на той улицѣ, немного лѣвѣе...

— Я и былъ тотъ субъектъ. Вы можете называть меня субъектомъ, вы же, разумѣется, не знали меня, я былъ одѣтъ, какъ человѣкъ изъ простонародья. Да, да, это я и былъ.

— Кто же тотъ человѣкъ, который меня преслѣдуетъ?—спросилъ Ли съ интересомъ. — Вы должны его знать, если вы за нимъ слѣдите. Чего ему отъ меня надо?

Масонъ скорчилъ самую сладкую мину, превратился въ олицетворенную загадку жизни, съ плотно замкнутымъ улыбающимся ртомъ. Онъ помолчалъ минуту, смакуя созданное имъ положеніе. Потомъ вдругъ придалъ своему лицу холодное и презрительное выраженіе:

— Это Джозефъ Эванстонъ!

Ни одной минуты Ли не приходило въ голову, что это можетъ быть онъ. Тѣмъ не менѣе, это не поразило его. Все-таки онъ сдѣлалъ добросовѣстную попытку проявить величайшее изумленіе, такъ какъ Масонъ явно разсчитывалъ на это; было бы положительно грѣшно до такой степени разочаровать его.

— Вы были сильно поражены,—съ жадной радостью вскричалъ Масонъ,—да, да, я замѣтилъ это, хотя вы и овладѣли собой, и приняли это съ внѣшнимъ спокойствіемъ. Я понимаю васъ, я ожидалъ этого... Вашъ старинный смертельный врагъ, опасный человѣкъ, воспоминаніе о дикой схваткѣ на жизнь и смерть... да, и вдругъ вы узнаете, что этотъ человѣкъ здѣсь, въ этомъ городѣ и преслѣдуетъ васъ. Это, дѣйствительно, какой-то бредъ.—Эванстонъ уже давно ходитъ за вами по пятамъ, могу васъ въ этомъ увѣрить. Для меня это было вродѣ утренней газеты, если можно такъ выразиться,—наблюдать, какъ онъ вынюхиваетъ вашъ слѣдъ здѣсь въ городѣ. Въ эти снѣжные дни я ходилъ за нимъ, и, могу вамъ признаться, что именно онъ обратилъ мое

вниманіе на васъ. Я скоро убѣдился, что онъ своими широкими ступнями старался попадать въ чей то слѣдъ, и это былъ вашъ слѣдъ. Мистеръ Ли, да будетъ вамъ извѣстно, что вашъ правый сапогъ оставляетъ отпечатокъ одиннадцати гвоздей, а лѣвый семи. Эванстонъ при ходьбѣ ставитъ ноги почти параллельно одна другой, какъ краснокожій, но онъ не шаркаетъ каблуками, онъ, наоборотъ, старается попадать во впадину ступни, такъ какъ у него самого плоская ступня. Я могъ читать, скажемъ такъ, каракули Эванстона на вашей,—съ вашего позволенія,—рукописи, такъ же легко, какъ какой нибудь палимпсестъ старинныя письмена. Кстати, знаете ли вы, мистеръ Ли, почему вы скорѣе изнашиваете вашу лѣвую подошву, чѣмъ правую? Это само по себѣ удивительно, всѣ другіе люди стаптываютъ прежде правый каблукъ. Вы, пожалуй, врядъ ли и отдаете себѣ отчетъ въ этой своей особенности, но, тѣмъ не менѣе, она у васъ есть. Вы, разумѣется, думаете, что я знаю также, почему вы изнашиваете раньше лѣвый сапогъ? Но этого я не знаю. Нѣтъ, тутъ мой предѣлъ. Я не задаюсь вопросомъ почему, я только отмѣчаю, что такъ оно есть. Теперь вы видите, въ чемъ заключается мой методъ. Только устранивъ изъ своего поля зрѣнія все, что не относится къ дѣлу, можно сохранить неизмѣнную остроту взгляда, которая, хотя бы въ данномъ случаѣ, даетъ мнѣ возможность узнать васъ среди тысячи другихъ. Божественный даръ генія, мистеръ Ли, именно и заключается въ способности совершенно спеціализироваться. Правъ ли я? Само собой разумѣется, это правда.— Прекрасно, мистеръ Ли, такъ вотъ, я уже нѣсколько дней вполнѣ убѣдился въ томъ, что Эванстонъ преслѣдуетъ васъ. Если я не рѣшался предупредить васъ, то это потому, что у меня была собственная цѣль, и я хотѣлъ, чтобы обстоятельства сами собой развились въ благопріятномъ для меня направленіи. Что Эванстонъ моя дичь, вы это сами видѣли, мистеръ Ли. Но теперь обстоятельства приняли такой оборотъ, что я рѣшился обратиться прямо къ вамъ. Такимъ образомъ, я предупредилъ васъ, и, — пожалуйста, никакой благодарности за это! Мнѣ пріятно, мистеръ Ли, снова встрѣтиться съ вами. Наше совмѣстное пребываніе въ Нью-Іоркѣ было слишкомъ кратковременно, но тѣмъ болѣе полно драматизма, и вы завоевали мое сердце. Но Эванстона вы не плѣнили, о, нѣтъ, Господи Іисусе! Его вы не плѣнили. О, какъ онъ васъ ненавидитъ! Такимъ образомъ, въ томъ, что онъ теперь кружитъ около васъ, нѣтъ ничего загадочнаго и навѣки необъяснимаго. У него недоброе на умѣ, въ этомъ вы можете быть увѣрены! и я очень совѣтую вамъ носить при себѣ оружіе и быть внимательнымъ. Теперь по-

слушайте, мистеръ Ли, я хочу сдѣлать вамъ одно предложеніе, которое, какъ я думаю, вполнѣ отвѣчаетъ вашимъ собственнымъ правильно понятымъ интересамъ... Вы не имѣете ничего противъ того, чтобы мы пошли съ вами въ кафэ поблизости? Мы ходимъ тутъ слишкомъ на виду у всѣхъ; тамъ намъ будетъ очень уютно, и мы можемъ спокойно поболтать обо всемъ этомъ. Я хотѣлъ было посѣтить васъ на вашей квартирѣ, но потомъ оставилъ это намѣреніе. Вы согласитесь со мной, что, приходя къ человѣку въ качествѣ гостя, до нѣкоторой степени обязываешься ему, и, кромѣ того, никогда нельзя знать напередъ, что тебя ожидаетъ въ чужомъ домѣ, а между тѣмъ я люблю крайнюю вѣжливость; поэтому я предпочитаю обращаться къ людямъ на улицѣ. Тамъ всѣ равны, и ужъ по самымъ обстоятельствамъ дѣла тебя не могутъ вытолкать за дверь.—Прекрасно. Стало быть, мы идемъ въ какое нибудь кафэ и разопьемъ тамъ по стаканчику за старое знакомство. Какъ вы теперь себя чувствуете, мистеръ Ли,—повидимому, недурно? Чортъ возьми, какъ вы всегда нелѣпо одѣты! Почему вы не закручиваете вверхъ ваши усы? Знаете, эта миссъ Гронау,—или, можетъ быть, мнѣ слѣдуетъ быть скромнѣе и говорить миссъ Г.?—нечего сказать, она прехорошенькій и прелакомый кусочекъ, а? и денежки при томъ! (Масонъ сдѣлалъ видъ точно онъ дуетъ на раскаленное желѣзо) о-о! Вѣдь правда? Правда? Видитъ Богъ, вы должны дружелюбно посмотрѣть на меня, по чести, вѣдь въ томъ, что вы живы, и моя доля заслуги есть,—если бы я не удержалъ тогда Эванстона въ должныхъ границахъ, онъ бы васъ пожралъ.—Пожалуйста, не поймите меня превратно, очень васъ прошу, не подумайте, что я точу зубы на какую нибудь матеріальную выгоду. Я не настолько грубъ и, кромѣ того, я не нуждаюсь. Я полюбилъ васъ еще тогда, во время вашей схватки въ Нью-Іоркѣ, я никогда не видѣлъ ничего болѣе захватывающаго. Я бездѣтный человѣкъ, мистеръ Ли, и пожелай судьба, я могъ бы быть вашимъ отцомъ. Примите мое расположеніе за проявленіе той неудовлетворенности, которую приноситъ съ собой жизнь. Вы мнѣ нравитесь, а я одинокій малый. Итакъ (они подошли къ кафэ)... нѣтъ, проходите впередъ, мистеръ Ли, пожалуйста, проходите! Нѣтъ, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ! Слѣдомъ за вами...

Они вошли. Масонъ, какъ бы мимоходомъ, окинулъ взглядомъ все помѣщеніе, отмѣтилъ въ умѣ всѣхъ посѣтителей и, когда онъ убѣдился, что все обстоитъ благополучно, они выбрали себѣ мѣсто и усѣлись. Ли не хотѣлъ ничего ѣсть и долженъ былъ столько времени отказываться, что, наконецъ, лицо его совершенно вытянулось. Масонъ никакъ не

могъ понять, что Ли непріятны его угощенья. Ну, ну! Коли такъ, онъ закажетъ что нибудь для себя! Языкъ его въ это время не отдыхалъ. Ли съ грустью поглядывалъ по сторонамъ. Его до глубины души терзало сознаніе, что онъ попалъ въ водоворотъ этой неустанной болтовни. Но онъ принужденъ былъ вытерпѣть это, такъ какъ хотѣлъ разузнать что нибудь про Эванстона. Итакъ, это Эванстонъ сидѣлъ вчера за его стуломъ въ ресторанѣ „Бисмаркъ“. Этому самому человѣку онъ когда то до неузнаваемости разбилъ лицо, а теперь онъ снова тутъ, какъ злокачественный наростъ. Онъ видѣлъ передъ собой вчерашнее лицо, и въ томъ, что онъ не узналъ его, ему чудилось что то жуткое. Онъ непремѣнно долженъ уяснить себѣ все, что касается Эванстона, даже если онъ вынужденъ будетъ одновременно слышать и про другія вещи изъ тѣхъ же неаппетитныхъ устъ.

— Вотъ видите ли,—говорилъ Масонъ,—я долженъ сначала объяснить вамъ, почему я самъ здѣсь. Это не спроста. О нѣтъ, далеко не спроста! Вы, вѣроятно, думали, что я послѣ той исторіи въ Нью-Іоркѣ, которая, къ несчастью, закончилась менѣе удачно, чѣмъ я разсчитывалъ,—вернусь въ Англію. Я проигралъ ставку, мистеръ Ли, и у меня хватаетъ мужества сознаться въ этомъ. Я признаю, что меня глупѣйшимъ образомъ надули. И я дважды проигралъ игру, я долженъ это сказать, я не хочу... гм... потухшій свѣтильникъ прятать подъ столъ. Во первыхъ, я поставилъ всѣ свои карты на Эдмонда Галля, какъ на виновника въ убійствѣ Элли Джонсонъ, а во вторыхъ, когда я, наконецъ, запуталъ мистера Галля въ сѣти, я выказалъ себя совершеннѣйшимъ дуракомъ въ состязаніи съ Нью-Іоркской полиціей, этого невозможно отрицать. Теперь Эдмундъ Галль умеръ, вы знаете, что онъ по несчастной случайности былъ отравленъ въ тюрьмѣ, такъ что по отношенію къ нему теперь уже ничего не исправить. Но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ невиненъ. Онъ, само собой разумѣется, не убивалъ Элли Джонсонъ, и, если бы Эванстонъ не запуталъ его уликами и не завлекъ и меня этимъ способомъ въ западню, возможно, что дѣло и не дошло бы до трагедіи съ мадамъ Д'Ора. Элли Джонсонъ убилъ Джозефъ Эванстонъ, вотъ почему я здѣсь...

Ли съ глубокимъ волненіемъ смотрѣлъ на тайнаго агента. Наступила пауза, которую Масонъ не торопился прервать, наслаждаясь эффектомъ своихъ словъ.

— Возможно ли это?—пробормоталъ, наконецъ, Ли, чувствуя, что горло его сжимается отъ горя при мысли объ Эдмундѣ Галлѣ и мадамъ д'Ора.

Масонъ мигалъ глазами, какъ курица, когда она пьетъ воду; онъ ѣлъ, чавкая и упиваясь наслажденіемъ.

— Да,—сказалъ онъ,—такъ оно и было. Все это оказалось очень просто, т. е., конечно, послѣ того, какъ я распуталъ всѣ нити. Если хотите, я могу въ короткихъ словахъ разсказать вамъ весь ходъ дѣла. Тутъ есть вещи, которыхъ вы не знаете, а между тѣмъ для того, что мы хотимъ обсудить, очень важно, чтобы вы во всѣхъ подробностяхъ знали, что произошло. Разрѣшите мнѣ изложить это вамъ въ эпическомъ тонѣ. Была убита молодая дѣвушка, Элли Джонсонъ въ Лондонѣ, на Стамфордъ-стритъ, и ея разрѣзанный на части трупъ былъ найденъ въ Темзѣ; но не доставало одной руки. Тутъ появляюсь я; я вижу руку. Мои поиски приводятъ меня на бортъ американскаго парохода „Бахарахъ". И здѣсь я совершаю свою первую ошибку. Вы увидите, мистеръ Ли, какъ я позднѣе съ хладнокровіемъ истиннаго тайнаго агента погрузился въ изученіе своихъ ошибокъ и во всѣхъ подробностяхъ уяснилъ себѣ ихъ; мелочнымъ я не былъ.

Итакъ, представьте себѣ, что слѣдъ убійцы приводитъ меня на бортъ „Бахараха", отправляющагося въ Нью-Іоркъ. До сихъ поръ все было хорошо, такъ какъ Эванстонъ былъ, дѣйствительно, на кораблѣ. Но тутъ я обращаю свои подозрѣнія на Эдмунда Галля, который тоже уѣхалъ на этомъ пароходѣ съ пѣвицей мадамъ д'Ора. На немъ были синія очки, такъ какъ у него слабые глаза, а я вообразилъ, что онъ ихъ прячетъ. Онъ былъ нервенъ и страненъ на видъ и все ходилъ взадъ и впередъ съ сумкой въ рукахъ. Дѣйствительно ли въ немъ было нѣчто настолько странное, что я не могъ не обратить на него вниманія? Правда, я застигъ его на томъ, что онъ хотѣлъ броситься въ воду... изъ-за разочарованія въ жизни и изъ-за мученій, какія ему приходилось выносить въ своей личной жизни,—словомъ, у него было достаточно причинъ для недовольства жизнью. Онъ былъ ученый, и легко могъ показаться однимъ изъ тѣхъ людей мистическаго склада, которые съ такимъ же хладнокровіемъ могутъ убить женщину, какъ мы рѣжемъ утку. Короче, я началъ разставлять ему сѣти. Въ этотъ моментъ появляется Эванстонъ. Послушайте только, какъ хитро подобрался этотъ апашъ. Какъ только мы пріѣхали въ Нью-Іоркъ, онъ съ большимъ искусствомъ и энергіей устраиваетъ рядъ спиритическихъ сеансовъ и именно въ лабораторіи Эдмунда Галля—подумайте только—вѣдь какой шельма съ головы до пятъ! Да вѣдь вы сами присутствовали при этомъ. Но вы послушайте, ради чего онъ это устраивалъ. Эдмундъ Галль сдѣлалъ очень важное открытіе, касающееся радія—оно стоило

большихъ денегъ—и во время тѣхъ сеансовъ Эванстонъ укралъ у него это открытіе тѣмъ, что обратилъ противъ Галля улики въ убійствѣ. Каково? Ловкость, съ которою онъ все это продѣлалъ, была совершенно исключительная, вы должны будете это признать, когда примите въ соображеніе, что я не поймалъ его на этомъ. Онъ былъ умнѣе большинства воровъ, онъ, чортъ возьми, не совался взадъ и впередъ съ ножомъ и отмычкой, онъ дѣйствовалъ *трансцендентально*—понимаете ли вы, что это значитъ? Онъ насъ всѣхъ сдѣлалъ дураками, какъ самый кровожадный и проклятый Богомъ психологъ, какой когда либо существовалъ на свѣтѣ, психологъ, говорю я. Это хищное животное изучало въ молодости теологію въ Оксфордѣ,—я узналъ объ этомъ позднѣе. Онъ усвоилъ законы душевной жизни, какъ какой-нибудь адвокатишка, который изучилъ анатомію, когда былъ борцомъ. У него острые зубы, а на губахъ всегда готовъ крикъ негодованія противъ фальшивой игры и тузовъ въ рукавѣ. Онъ знаетъ музыку всякаго человѣка и умѣетъ извлечь ее тихими звуками своей манной дудочки! Да, онъ сумѣлъ извлечь изъ Эдмунда Галля похоронные звуки! Онъ ослѣпилъ того прекрасной армянкой, Миріамъ Карекинъ, отъ нея тихо и увѣренно повлекъ его къ призрачной Эльдѣ, понимаете вы, а отъ той уже прямо въ объятія Элли. Постигли вы эту дьявольскую игру? Галль въ концѣ концовъ самъ повѣрилъ, что онъ убилъ Элли Джонсонъ, по крайней мѣрѣ въ тотъ моментъ, когда онъ былъ возбужденъ и измученъ своей научной работой. Теперь мы дошли до того пункта, когда Эванстонъ сумѣлъ отдѣлаться отъ руки,—*обвиняющей руки*, какъ я ее чрезвычайно мѣтко назвалъ,—и нѣкоторыхъ другихъ уликъ, сохраненныхъ для этой цѣли, и сунулъ все это въ сумку, гдѣ Галль держалъ свои важныя бумаги. Бумаги Эванстонъ забралъ къ себѣ. Онъ въ буквальномъ смыслѣ слова перенесъ свою нечистую совѣсть въ сердце Галля, и въ то же время онъ наложилъ свою руку на достояніе Галля, на его открытіе. Здѣсь появляется на сцену мадамъ д'Ора. Пока она стояла рядомъ съ Эдмундомъ Галлемъ была опасность, что его вниманіе можетъ быть вновь отвлечено отъ мистики и загробнаго міра; прекрасно, надо было, слѣдовательно, отдалить ее отъ него. И Эванстонъ предложилъ ей на выборъ перейти къ нему или видѣть, какъ на Галля обрушивается несчастіе. Въ отчаяніи она рѣшается утопиться, что очень кстати для него. Она, такимъ образомъ, убрала бы себя съ дороги, и игра тѣмъ самымъ была бы выиграна. Но въ этотъ моментъ наступила катастрофа, которую вы пережили вмѣстѣ съ нами. Въ припадкѣ безумной ревности мадамъ д'Ора бросается на призрачную дѣву и обнаружи-

ваетъ весь обманъ: это оказывается сама Миріамъ Карекинъ, медіумъ, она и являлась въ качествѣ духа. Та ранитъ мадамъ д'Ора стклянкой, въ которой были бациллы собачьяго бѣшенства, и вотъ почему Эдмундъ Галль убиваетъ мадамъ д'Ора: онъ боится взрыва этой страшной болѣзни. Эванстонъ проигралъ игру, его обличаютъ, какъ фальшиваго духа,—этого человѣка каменнаго вѣка — этого дьявола въ образѣ клоуна. И вы рубили его, какъ котлетку, по всѣмъ правиламъ искусства. Это былъ поединокъ на совѣсть, и я считаю одной изъ своихъ жизненныхъ удачъ, что я присутствовалъ на немъ въ качествѣ посредника. Но, слушайте дальше: за этимъ послѣдовала моя послѣдняя и самая грубая ошибка. Я продолжалъ думать, что Галль убилъ Элли,—такъ какъ я нашелъ улики въ его ящикѣ. Въ то время я не могъ заподозрить, что онѣ были подложены туда Эванстономъ, хотя Галль и обращалъ мое вниманіе на это. Я не могъ этого постичь. Эванстонъ такъ хитро все это продѣлалъ, что ни одинъ смертный полицейскій агентъ не могъ бы разгадать это. Что вы хотите, чтобъ я дѣлалъ, во имя Неба, если Галль самъ сознается: чему же мнѣ, чортъ возьми, вѣрить! Онъ самъ говорилъ, что убилъ Элли. Онъ, правда, былъ чудакъ и не могъ отказать никому, кто просилъ его о какой-нибудь услугѣ; на чердакѣ у него что-то тоже не совсѣмъ ладно было, но когда онъ заявляетъ, что такъ себѣ, мимоходомъ убилъ парочку людей и въ частности признаетъ именно тотъ случай, было бы безсовѣстной грубостью не повѣрить ему на слово. А? Впрочемъ, значеніе этого было не особенно велико, такъ какъ не успѣлъ я довести его до сознанія, какъ Нью-Іоркская полиція, арестовала его за убійство мадамъ д'Ора, о которомъ я въ тотъ моментъ ничего не зналъ. Послѣ этого я потерялъ его, и онъ былъ осужденъ за то убійство, которое онъ дѣйствительно совершилъ. Другими словами, Эванстонъ затравилъ двухъ людей до смерти, какъ собака травитъ дичь. Онъ не кусалъ, для этого онъ былъ слишкомъ уменъ, но онъ травилъ ихъ до смерти. И они умерли. За это онъ не можетъ быть наказанъ.

Но, видите ли, у меня не было ни малѣйшей охоты возвращаться въ Англію съ такими, мягко выражаясь, отрицательными результатами, не правда ли? Я остался въ Нью-Іоркѣ и продолжалъ разслѣдованіе моего погибшаго дѣла, пока мнѣ не блеснулъ свѣтъ во тьмѣ, и я не постигъ всю глубину злодѣйства Эванстона. Тогда я ухватился за его слѣдъ, и онъ привелъ меня сюда. Впрочемъ, разобраться въ этомъ дѣлѣ мнѣ помогла маленькая Миріамъ Карекинъ. Изъ нея можно было выжать немного словъ, но она стояла близко къ Эванстону, когда они вдвоемъ устраивали эти

представленія съ духами. Тотъ, кто обладаетъ хорошимъ чутьемъ, можетъ легко сдѣлать выводы изъ сопоставленія многаго, о чемъ бѣдная, напуганная дѣвочка не рѣшается прямо говорить. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя она уѣхала изъ Нью-Іорка, а теперь она здѣсь, въ Чикаго, и опять во власти Эванстона. Вамъ, я вижу, трудно этому повѣрить, но что подѣлаешь, такой ужъ вкусъ у женщинъ, для нихъ ничего не можетъ быть слаще, какъ выносить пощечины отъ самаго злого и грязнаго павіана!

Я никогда не забуду, какъ разъ у насъ дома, въ Англіи, въ Зоологическомъ саду давала представленіе труппа вшивыхъ индусовъ, самаго ничтожнаго племени,—о! само собой разумѣется, съ Ганга!—Импрессаріо купилъ ихъ тамъ, какъ стадо свиней, и ѣздилъ съ ними по Европѣ.—И вотъ одинъ изъ этихъ кули, десяти футовъ въ обхватѣ, пахнущій потомъ,... и вдругъ одна дама изъ самаго высшаго общества. Увѣряю васъ, бѣлая женщина, изъ англійской аристократіи... впрочемъ, я обязался молчать. Я слѣдовалъ за ними, долженъ былъ впутаться въ эту исторію, могу сказать, деликатная была работа... фу! Гадость! Это отвратительное животное, съ больной мордой и копытами, фу!.. Ну-съ, а миссъ Карекинъ какъ бы то ни было теперь здѣсь, въ Чикаго. Она получила письмо и повиновалась ему. Она здѣсь, и я ее видѣлъ.—Скажите, м-ръ Ли, вы не слышали ничего объ одномъ человѣкѣ, который собирается здѣсь, въ Чикаго основать новую религію? Нѣкій А. О. Канцеръ, называющій себя сверхъ-человѣкомъ и открывшій религіозную общину на Уотеръ-стритъ?

Ли отрицательно покачалъ головой.

— О немъ было что-то въ газетахъ, но онъ еще далеко не мастеръ своего дѣла.—Это Эванстонъ!

— Что вы говорите?

— Это Эванстонъ. Да, онъ снова возобновилъ свою духовную дѣятельность. Вы, конечно, помните, что у него въ Нью-Іоркѣ былъ христіанскій увеселительный домъ, съ свѣтовыми картинами, изображавшими самыхъ прекрасныхъ грѣшницъ міра, картины Содома, съ дымомъ и пламенемъ, и картины страшнаго суда, гдѣ тысячи грѣшниковъ стояли на ступеняхъ... это было въ тѣ самые дни, когда онъ находилъ время рисовать Эдмунду Галлю потерянный рай и самому пробираться въ его лабораторію въ качествѣ спирита. У этого человѣка большая энергія. Но ему пришлось отказаться отъ своего промысла, когда мы его изобличили, и онъ принужденъ былъ выкарабкиваться изъ грязи. Теперь онъ перемѣнилъ имя и раскинулъ свою палатку въ Чикаго, и, если онъ остался такой же піявкой, какъ въ старые дни,

мы скоро увидимъ, какъ онъ обоими концами присасывается къ шеѣ публики, у которой вѣчно головныя боли и которая вѣритъ въ старинныя средства. А что онъ вопьется, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Но, клянусь ревущей статуей Мемнона, я посыплю его солью.

За убійство Элли Джонсонъ я не могу его арестовать. Не можетъ быть ни тѣни сомнѣнія въ томъ, что онъ совершилъ это убійство, но противъ него нѣтъ ни малѣйшихъ уликъ, такъ какъ ему разъ навсегда удалось отстранить ихъ отъ себя. Убійство по всѣмъ даннымъ приписывается Эдмунду Галлю и съ этимъ ужъ ничего не подѣлаешь. Но, знаете, что я могу? Я могу слѣдить за Эванстономъ до тѣхъ поръ, пока онъ не совершитъ новаго убійства, и уже тогда арестовать его. Вотъ что у меня на умѣ. При его темпераментѣ долго ждать не придется, пока онъ пуститъ въ ходъ ножъ. И ужъ тогда, можете быть увѣрены, я постараюсь быть очевидцемъ. По правдѣ говоря, я отчасти ожидалъ и,—не скажу, конечно, надѣялся,—а ждалъ, съ ужасомъ ждалъ, что онъ изберетъ своею жертвою васъ, и что скорешенько заморозитъ вамъ кровь въ благодарность за ту баню, которую вы ему задали въ Нью-Іоркѣ, и, вы можете чѣмъ угодно поручиться, что у меня все было бы въ порядкѣ, какъ только это совершилось бы. Западня захлопнула бы его раньше, чѣмъ тьма застлала бы ваши глаза, можете порадоваться этому. Но очень скоро я пришелъ къ убѣжденію, что у него что-то другое на умѣ, что онъ не собирается сейчасъ проглотить васъ живьемъ. Онъ хочетъ подготовить васъ или вы ему нужны,—можетъ быть, онъ хочетъ воспользоваться вами, или еще тамъ что-нибудь онъ надумалъ.—Ну, вотъ теперь я и подошелъ къ тому предложенію, о которомъ я упоминалъ. Предложеніе это сводится къ тому, чтобы мы объединились противъ Эванстона. Вы не откажетесь сказать мнѣ, знаете вы объ Эванстонѣ что-нибудь еще, кромѣ того, что я вамъ только что разсказалъ?—Видѣли ли вы его еще когда-нибудь, кромѣ тѣхъ двухъ разъ на улицѣ, вчера и третьяго дня?

— Онъ былъ вчера вечеромъ въ ресторанѣ „Бисмаркъ“,—сказалъ Ли,—но это вы, конечно, знаете. Вы, вѣроятно, были тамъ же и слѣдили за нимъ.

— Я видѣлъ, что онъ, спустя нѣсколько минутъ послѣ васъ, вошелъ туда. Но на этомъ я покончилъ свой рабочій день. Во-первыхъ, я зналъ, что ничего значительнаго въ ресторанѣ произойти не могло, а во-вторыхъ, я думалъ, что недостаточно основательно загримированъ, чтобы показаться при такомъ яркомъ освѣщеніи. Меня могли бы узнать.—Если бы я былъ одѣтъ такъ, какъ сейчасъ, я не

побоялся бы войти. Вы понимаете, что все потеряно, если онъ хотя на минуту замѣтитъ и узнаетъ меня. Что онъ дѣлалъ въ ресторанѣ, если можно узнать?

— Я подозрѣваю, что онъ слѣдилъ за мной, Богъ его знаетъ по какимъ мотивамъ. Я замѣтилъ его шляпу, а потомъ увидѣлъ и его самого за столикомъ по близости отъ меня. Да, я могу сказать, теперь я знаю, что это былъ онъ. Но я совсѣмъ не узналъ его... что то промелькнуло только въ его взглядѣ...

— Онъ совершенно измѣнилъ свою физіономію. Вмѣсто козлиной бородки, онъ носитъ теперь усы. Вы и не подозрѣваете до чего это мѣняетъ человѣка. Прежде онъ походилъ на медоточиваго сельскаго священника изъ прежнихъ, а теперь онъ скорѣй смахиваетъ на театральнаго комика, съ отпущенными на время каникулъ усиками. Кромѣ того, онъ носитъ теперь коротенькій пиджакъ, вмѣсто прежняго длиннаго степеннаго сюртука. Во время молитвенныхъ собраній онъ появляется въ какомъ-то таларѣ и съ тюрбаномъ на головѣ...

Говоря это, Масонъ вынулъ маленькую записную книжечку, написалъ что-то на листочкѣ, вырвалъ его и протянулъ Ли.

— Вотъ его адресъ на Уотеръ стритъ, гдѣ онъ проповѣдуетъ. Вы легко можете пойти туда и посмотрѣть на него, если у васъ есть охота. Но только переодѣньтесь, онъ видитъ хорошо. Впрочемъ, вы ничего не выиграете, если прослушаете его галиматью. Его частная квартира въ другой сторонѣ, но ее вамъ не зачѣмъ знать... Ну-съ, значитъ, въ кафэ ничего не произошло, кромѣ того, что онъ сѣлъ по близости отъ васъ. Я такъ и думалъ. Но, знаете ли, мистеръ Ли, въ сущности, довольно странно, что онъ такъ далеко простеръ свой интересъ къ вамъ; и я думаю, что мы можемъ попытаться поработать вмѣстѣ съ вами, основываясь на этомъ. У меня есть даже намѣреніе посовѣтовать вамъ завязать знакомство съ нимъ. Вамъ не зачѣмъ показывать, что вы его узнали, это вы должны, напротивъ, всячески скрывать, такъ какъ, если онъ будетъ считать себя неузнаннымъ, онъ скорѣе развернется, и мы больше узнаемъ о немъ. Заставьте его когда-нибудь столкнуться съ вами и высказать, наконецъ, что ему отъ васъ нужно, а потомъ держите его на удочкѣ и тихонько тащите за собой, какъ осетра, до тѣхъ поръ, пока я явлюсь и поймаю его. Что вы отвѣтите на этотъ планъ?

Ли молчалъ, планъ ему вовсе не нравился.

— У насъ будетъ много шансовъ на успѣхъ, когда мы будемъ знать, какая приманка на него дѣйствуетъ,—сказалъ

Масонъ настойчивѣе; если вы — та приманка, которая такъ сильно вліяетъ на всѣ его чувства, то вы не должны отказаться приманить его, нѣтъ, право, не должны. Для васъ это будетъ своего рода спортъ, это позабавитъ васъ, я совершенно увѣренъ, что этимъ путемъ мы его поймаемъ. Если вы станете его повѣреннымъ и откроете мнѣ потомъ все, вы этимъ отпустите ему его грѣхи, вы сдѣлаете доброе дѣло...

Ли покачалъ головой. Но Масонъ не сдавался. Онъ раза два лукаво подмигнулъ и понизилъ голосъ:

— Мистеръ Ли... надѣюсь, вы убѣдились, что человѣкъ, съ которымъ вы говорите, не лишенъ такта... Я ни минуты не думалъ, что вы будете это даромъ для меня дѣлать. Ни въ какомъ случаѣ! Само собою разумѣется, что за потерю времени и за всякую издержку ради этого дѣла, я вознагражу васъ соотвѣтствующимъ гонораромъ.

Ли посмотрѣлъ ему прямо въ лицо; онъ не хотѣлъ его оскорблять, показавъ, что онъ разсердился; но онъ пропустилъ мимо ушей то, что Масонъ сказалъ, надѣясь, что этого будетъ достаточно. Масонъ нагнулся еще ниже надъ столомъ и еще глубже заглянулъ въ глаза Ли.

— Назвать сейчасъ какую-нибудь опредѣленную сумму, вы понимаете, было бы трудно... Но я прошу васъ вѣрить, что вы не будете обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Я льщу себя надеждою, что вознагражу васъ скорѣе выше, чѣмъ вы ожидаете, чѣмъ ниже...

Ли опять со всей возможной вѣжливостью сдѣлалъ видъ, что не слышитъ его. Онъ не сердился на него. Нельзя же сердиться на карету, которая забрызгаетъ васъ грязью на улицѣ. Но, когда Масонъ въ третій разъ предложилъ ему плату, онъ отказался, кратко, но такъ рѣшительно, что тотъ разсердился.

— Я не знаю, конечно, вашего состоянія, мистеръ Ли,— сказалъ онъ, поеживаясь.—Мнѣ приходилось сталкиваться съ писателями и другими людьми этого сорта, съ ними можно было сговариваться за сходную цѣну... но вы, можетъ быть, привыкли имѣть дѣло съ такими суммами, которыя лежатъ внѣ доступныхъ мнѣ предѣловъ? Мы вѣдь въ Америкѣ. Но имѣете ли вы представленіе о моихъ дѣлахъ? Я, какъ уже упоминалъ вскользь, человѣкъ независимый, но въ мои привычки не входитъ щеголять своей банковой книжкой...

Ли спокойно смотрѣлъ на него, не говоря ни слова; онъ наблюдалъ за нимъ, какъ мы наблюдаемъ за огнемъ, который гдѣ то загорѣлся и горитъ до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ то, что онъ зажегъ.

— Да, да,—продолжалъ тотъ съ прежнимъ воодушевле-

ніемъ, хотя мягче.—Вы должны извинить меня: я человѣкъ искренній, я часто высказываю свое мнѣніе во вредъ самому себѣ, ужъ ничего съ этимъ не подѣлаешь. Если бы я даже не оттолкнулъ васъ ничѣмъ другимъ, я все равно не могъ бы скрыть отъ васъ своихъ чувствъ. Приходится примириться съ потерей. Если вы не хотите, стало быть, не хотите и баста! Но мнѣ было бы по настоящему больно, если бы вы злоупотребляли моимъ довѣріемъ. Это подорвало бы мою вѣру въ порядочность людей, въ вашу въ особенности. Я отказываюсь вѣрить, что вы можете это сдѣлать. Вы стоите выше меня, какъ выдающійся художникъ Божіей милостью: къ вамъ нельзя приходить и предлагать презрѣнныя деньги, вы не хотите знать денегъ. Вы даромъ изливаете вашу поэзію на головы людей, такъ оно и должно быть, и я оселъ. Я вижу въ васъ свѣтлую, художественную душу, надъ головой у васъ радуга, и вы стремитесь въ глубину, какъ Ніагара,—я говорю, конечно, не о тѣхъ частяхъ водопада, которыя служатъ машинамъ,—но, кромѣ того, вы стоите выше меня и какъ джентльмэнъ, отъ макушки головы до гвоздей на сапогахъ—одиннадцать на правой ногѣ и семь на лѣвой, — вы, конечно, не выдадите стараго полицейскаго агента, вся цѣль котораго заключается въ томъ, чтобы отдавать въ руки правосудія нарушителей закона...

— Я обѣщаю вамъ, что я не скажу никому того, что вы мнѣ сообщили,—просто отвѣтилъ Ли.—Меня ничто къ этому не обязываетъ.

— Не правда ли? — вскричалъ Масонъ.—Это само собой подразумѣвается, не правда ли? Съ вашей стороны было бы изъ рукъ вонъ глупо сказать что-нибудь Эванстону, если вы его встрѣтите, такъ какъ вамъ самому выгоднѣе, чтобы онъ находился все время подъ угрозой закона. А проболтаться какому-нибудь другому полицейскому — не представитъ для васъ никакой выгоды! А? вы сами не увлекаетесь полицейскими дѣлами, къ сожалѣнію, долженъ сказать. У васъ не можетъ явиться желанія устроить такое мошенничество и выдать мой матеріалъ какому-нибудь другому полицейскому, въ этомъ я совершенно увѣренъ...

Ли слегка улыбнулся, пріоткрывъ зубы, но Масонъ не замѣтилъ этого. Онъ былъ бы искренно и до конца дней своихъ изумленъ, если бы Ли, сдѣлавъ логическій выводъ изъ этого разговора, подставилъ ему фонарь подъ глазъ. Масонъ говорилъ на своемъ собственномъ языкѣ, и не было никакого смысла переводить его. При этой мысли Ли сразу успокоился. Только люди вродѣ самого Масона даютъ пинка

животному, если оно слѣдуетъ своей природѣ и кусается. Масонъ пробовалъ на немъ свои зубы, вотъ и все.

Но Масону, повидимому, Ли уже надоѣлъ. Онъ съ важностью поднялся; то, чего зубы не берутъ, очевидно, дрянь, и собрался уходить. Пока онъ расплачивался, онъ сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній этому господину:

— Мистеръ Ральфъ Винифредъ Ли—таково ваше полное имя, не правда ли? Вы, я надѣюсь, не сомнѣваетесь, что вашъ отсутствующій видъ ни въ какомъ отношеніи не повліяетъ на мое поведеніе въ данномъ дѣлѣ. Поэтому не удивляйтесь, если вы замѣтите меня въ своемъ кильватерѣ или въ томъ районѣ, гдѣ вы вращаетесь. Этого вы, разумѣется, не можете мнѣ запретить. Законъ, по счастью, стоитъ выше насъ всѣхъ. Не предпринимайте ничего, въ чемъ бы вамъ впослѣдствіи пришлось раскаяться. Самое лучшее, если вы сдѣлаете видъ, что не знали никогда Томаса Масона, даже и по имени; мнѣ это было бы всего пріятнѣе. Прощайте!

Масонъ оффиціально поклонился, но не протянулъ руки. Вслѣдъ затѣмъ онъ вышелъ съ шикомъ, оставивъ Ли одного въ кафэ, хотя онъ самъ его туда пригласилъ. Но въ дверяхъ онъ еще разъ обернулся. Красиво и пріятно оскорбить человѣка—это, конечно,—но, по зрѣломъ размышленіи, еще лучше поспѣшить вернуться и потушить искру мести. Сейчасъ Ли, положимъ, смотритъ невиннымъ и добрымъ, но кто знаетъ, какіе у него планы въ головѣ. Быть можетъ, у него все же есть гдѣ-нибудь какое-нибудь вліяніе, зачѣмъ доводить до крайности. Ничего не будетъ хорошаго, если онъ вдругъ встанетъ на дыбы. Масонъ снова вошелъ въ кафэ съ самымъ дружелюбнымъ видомъ.

— Я уже говорилъ, мистеръ Ли, мнѣ было бы очень пріятно еще разъ встрѣтиться съ вами. Если бы мы, независимо отъ дѣлъ, сошлись когда-нибудь здѣсь, въ Чикаго, это доставило бы мнѣ большое удовольствіе. Можетъ быть, какъ нибудь вечеркомъ мы соберемся съ вами куда-нибудь повеселиться, поразвлечься немного; я, какъ уже говорилъ вамъ, совершенно одинокъ. Да, да, благодарю васъ за пріятное общество, мистеръ Ли, очень, очень благодаренъ. До пріятнаго свиданья. Вы такъ-таки окончательно не хотите... нѣтъ, нѣтъ, вы не хотите... Будьте здоровы, еще разъ, примите мою благодарность!

На этотъ разъ Масонъ протянулъ маленькую четырехугольную крѣпкую кисть, которая отъ вліянія различныхъ климатовъ, отъ ремней городскихъ трамваевъ и отъ дверныхъ ручекъ, стала грубой и корявой и оставляла впе-

чатлѣніе мозолистаго малаго, которому не очень-то сладко приходилось въ жизни.

Онъ помахалъ шляпой, какъ лирическій юноша „Галло!“ Онъ любезно расшаркивался, держа шляпу надъ своими сѣдѣющими волосами, и вторично подошелъ къ двери, повторяя:

— Мы еще увидимся! Мы еще увидимся! До свиданья!

VI.

Когда Масонъ удалился, Ли снова прошелъ въ паркъ.

Было воскресенье. Въ городѣ царило величайшее спокойствіе. Вчерашній вѣтеръ улегся, и холодъ тоже смягчился. Паркъ весь бѣлѣлъ подъ снѣгомъ, но солнца не было. Стоялъ одинъ изъ тѣхъ дней, лишенныхъ свѣта и неба, когда въ погодѣ какъ будто наступаетъ пауза. На улицѣ было мало людей, даже въ паркѣ почти никого не было. Съ улицъ, тамъ за оградой, доносились то растущіе, то удаляющіеся звуки мчавшихся черезъ длинные промежутки трамваевъ.

Городской шумъ затихъ, онъ напоминалъ теперь глухой подземный громъ; по сравненію съ непрерывнымъ субботнимъ грохотомъ онъ почти смущалъ слухъ. Въ этой тишинѣ ощутительнѣе становилось пространство, оно ширилось до безконечности, расходясь все болѣе и болѣе далекими кругами. Въ городѣ слышны были промежутки, въ длинныхъ пустыхъ улицахъ звуки раздавались медлительно и лѣниво.

Бѣлый и тихій паркъ со своими устланными снѣгомъ полянами и зимними деревьями казался какимъ-то далекимъ островомъ, точно памятникъ того, что здѣсь было когда-то, природы и всего, что растетъ само. Съ искусствомъ и прилежаніемъ была здѣсь сохранена картина сельской жизни, на которой глазъ отдыхалъ, — подобіе лѣса, озера и мирной равнины.

Здѣсь говорило прошлое, въ которомъ всегда есть что-то зимнее и тихое, говорило символами, которые увлекали за собой человѣка. Тутъ колонна, тамъ мраморный постаментъ, остатки сна, который не хочется забыть. Бодро и угловато стоялъ вылитый изъ бронзы Авраамъ Линкольнъ, съ наполненными снѣгомъ ушными раковинами, холодный, какъ ледяной столбъ, окруженный почетомъ трупъ, больше натуральной величины. Въ своемъ вѣчномъ праздникѣ, онъ будетъ стоять здѣсь, какъ знамя почета и труда для тѣхъ безымянныхъ, но живыхъ, которые еще охвачены шумной

сутолокой будней. Люди умираютъ, но для Линкольна нѣтъ успокоенія.

Тишина. Неправильно, точно обрывки музыки, начинаютъ вливаться какіе-то звуки въ темный, глухой гулъ города.

Церковные колокола Чикаго.

Да, вотъ они начинаютъ одинъ за другимъ. Какъ бѣдно они звучали, какъ далеко друга отъ друга! По каменнымъ пустынямъ города перекликались слабенькіе голоса колоколовъ. Погружаясь въ угольный дымъ, ихъ звукъ замиралъ, не дождавшись новаго удара. Но въ этихъ знакомыхъ звукахъ слышалась жалоба, полная раскаяній тоска по родинѣ, точно колокола пробудились отъ сна къ жестокой дѣйствительности: только что имъ грезилась прежняя страна, та страна, гдѣ за высокими стѣнами притаились маленькіе города, гдѣ тѣла церквей всей своей тяжестью давили на низкія крыши, гдѣ семья неприступныхъ башенъ царила въ высокомъ голубомъ солнечномъ воздухѣ, гдѣ они, когда имъ это нравилось, могли наполняться воскресными звуками и оттуда могли таращить на городъ свои глазныя впадины, точно стая могучихъ сказочныхъ птицъ, которыя поютъ о томъ, что они держатъ въ своихъ когтяхъ.

Изъ Чикагскихъ будней не поднимались въ высь никакія башни; въ этомъ прокопченомъ лагерѣ уровень крышъ не былъ увѣнчанъ крестами церковныхъ главъ, и городъ показывалъ свою плоскую спину.

На почвѣ этихъ магазиновъ то тутъ, то тамъ, точно грибъ, выростала часовня или церковь въ добромъ старомъ стилѣ. Мѣдные звуки ихъ колоколовъ, точно ползучіе корни, искали выхода среди фасадовъ домовъ и никогда не могли вырваться сквозь дымъ на солнечный просторъ. Теперь, въ церковное время, всѣ эти колокола начали что-то говорить, объясняться, кричать фальцетомъ и качать головой, и звать на помощь, досадливо, но въ то же время, насколько возможно, вѣжливо, каждый для своей маленькой секты; и все это смутно, разорвано, точно обломки какой-то мелодіи, которая почти теряется въ грохотѣ города, города, который даже во время отдыха звучалъ глубокимъ и мощнымъ, какъ скала напѣвомъ.

Въ Чикаго трудно было повѣрить въ дѣйствительность звуковъ колокола. Они звучали, какъ во снѣ, это были точно призраки звуковъ, точно пронесшійся мимо жалобный стонъ старой непокрытой хижины, вокругъ которой рѣютъ какія-то безжизненныя призрачныя воспоминанія.

Но колокола добросовѣстно старались, неутомимо подхватывали другъ друга и крѣпко цѣплялись другъ за друга;

они ткали надъ отдыхающимъ городомъ, великаномъ-городомъ покровъ изъ звуковъ, они помогали спотыкающемуся времени и пространству, которое вливало свои волны въ безконечность. Если бы только имъ удалось заставить городъ-великанъ слушать, если бы онъ раскрылъ свой слухъ для тишины, тогда будни его сердца были бы уже отравлены, онъ сталъ бы хромымъ великаномъ съ жаломъ въ груди.

Колокола молились въ тишинѣ за Чикаго, они звонили, звонили; о! пускай же ихъ, наконецъ, услышатъ. Тишина! Во время этой паузы, когда мгновенье вдругъ вскрываетъ среди тишины свой страхъ передъ смертью, религіей и искусствомъ, во время этой паузы встрѣтились Ли и Эванстонъ.

Это было на мосту Клеркъ-стритъ.

Ли направился въ городъ съ одной только цѣлью позавтракать въ клубѣ. Среди моста онъ остановился на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ въ прошлый вечеръ, слушая, какъ терзалась ледяная вода въ безжалостной ночной темнотѣ. Теперь былъ день, и все казалось мягче, рѣка безмолвно катила свои бѣлесоватыя, грязныя волны, которыя теперь стали на четверть ниже и оставили на столбахъ шрамы, а на берегахъ бахрому изъ тины. На мосту было совершенно тихо, шло только нѣсколько пѣшеходовъ, и ни одного экипажа. Разбитая ломовиками мостовая теперь подмерзла, и на покрывавшей ее грязи сохранились всѣ слѣды субботняго движенія, отпечатки подковъ и колеи отъ колесъ. Во всѣ стороны простирались покинутыя улицы съ высокими вымершими домами; людей всѣхъ точно вымело. Улицы походили на пустыя артеріи, изъ которыхъ вытекла кровь.

Среди этой тишины видъ этого сказочно нагроможденнаго города производилъ жуткое впечатлѣніе.

Кто-то прошелъ взадъ и впередъ мимо Ли. Ли прислонился къ периламъ и оглянулся. Но тотъ былъ сзади. Тогда Ли совсѣмъ повернулся и взглянулъ прямо въ лицо Эванстону. Да, наконецъ, это былъ онъ. Но сегодня онъ былъ чисто выбритъ. Большіе усы были сбриты, и обнаженное лицо издѣвалось надъ Ли. Сперва Ли испыталъ жуткое, непріятное чувство отъ того, что онъ вчера не узналъ его. Такъ какъ, несмотря на всѣ штуки съ бородой, подстриженной то такъ, то иначе и теперь совсѣмъ сбритой, черты лица и въ особенности глаза были до такой степени несомнѣнно его, Эванстона, что его нельзя было не узнать, если кто хоть разъ видѣлъ его. Впрочемъ, вчера вечеромъ на его лицѣ не было улыбки, а когда онъ не улыбался, онъ походилъ на перваго встрѣчнаго грубаго малаго. Но эти по-ло-

шадиному оскаленные зубы... да, это былъ, несомнѣнно, онъ. Эванстонъ... ну, и что же? что теперь будетъ?

Въ то же мгновеніе Ли почувствовалъ, что его что-то связываетъ, отнимаетъ у него силу, придавливаетъ его, лишаетъ всякой иниціативы. Это происходило оттого, что онъ ожидалъ этой встрѣчи, и ему не доставало той силы, которая порождается неожиданностью, когда преобладаетъ не сознаніе, а инстинктъ.

Это происходило оттого, что желаніе не выдать себя и не потерять самообладанія поглощало всѣ его силы. Внутреннее волненіе не сказалось ничѣмъ въ его лицѣ или въ глазахъ; никто не заподозрилъ бы, что это спокойное и замкнутое выраженіе достигалось напряженіемъ всѣхъ его силъ. Но самъ онъ зналъ это, и, внутренне возмущаясь противъ этого и призывая Эванстона къ отвѣту, онъ связалъ первое звено, которое сковывало его съ тѣмъ; онъ хотѣлъ отплатить тому за все.

Эванстонъ снялъ шляпу и стоялъ съ непокрытой головой. Онъ пресмыкался всѣми чертами своего злобнаго лица, коварная улыбка дрожала на его губахъ, точно онъ былъ ослѣпленъ свѣтомъ. Когда Ли не отвѣтилъ на его поклонъ и вообще не шевельнулся, странно было видѣть, какъ Эванстонъ приблизился на одинъ шагъ, не спуская глазъ съ Ли, потомъ нерѣшительно остановился, какъ будто у него не хватало мужества; но въ ту самую минуту, когда онъ замѣтилъ, что Ли относится съ состраданіемъ къ его смиренію,— не къ нему самому,—онъ сразу рѣшился и выдвинулъ ногу впередъ. Одежда его носила едва ли не умышленный отпечатокъ бѣдности, что само по себѣ произвело извѣстное впечатлѣніе на Ли. Лицо и руки у него порядкомъ замерзли, и онъ, казалось, не могъ скрыть этого. Не терпѣлъ-ли онъ втайнѣ нужду? Онъ нѣсколько разъ неловко поклонился; онъ почтительно опустилъ плечи; на всемъ его существѣ лежалъ грубо поддѣльный отпечатокъ безпомощности, который казался бы смѣшнымъ, если бы онъ не оказывалъ своего дѣйствія, но въ томъ-то и дѣло, что онъ оказывалъ, онъ обезоруживалъ, и Эванстонъ подошелъ уже совсѣмъ близко къ нему. Онъ плылъ по нервной системѣ Ли, какъ лодка по волнамъ; онъ уловилъ тактъ въ сердцѣ Ли и постарался втереться къ нему при помощи состраданія, которое часто пролагало ему дорогу въ жизни. Взглядъ его не отрывался отъ глазъ Ли, онъ ни разу не соскользнулъ на его ротъ или руки. Когда обезьяны дерутся другъ съ другомъ, онѣ тоже никогда не смотрятъ другъ другу въ зубы или на другіе части тѣла, онѣ впиваются въ глаза другъ другу, гдѣ раньше всего отражается всякій грозящій укусъ или поще-

чина. Но когда Эванстонъ подошелъ достаточно близко, его лицо вдругъ точно собралось все, и въ слѣдующее мгновеніе на немъ отразилась сдерживаемая грубость. Заговорилъ онъ съ какой-то интимной вѣжливостью, которая и оскорбляла, и въ то же время привлекала, такъ что заставляла забыть оскорбленіе.

— Извините, — сказалъ онъ, и голосъ его звучалъ сдержанно и сладко, — извините, я знаю, что на улицѣ не принято представляться. Я и не рѣшался на это, меня вы, конечно, не знаете. Но я васъ знаю, мистеръ Ли. Кто не знаетъ Ральфа Винифреда Ли! Какой человѣкъ во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ не знаетъ васъ? Когда я увидѣлъ, что вы стоите здѣсь въ полномъ одиночествѣ, я не смогъ не поклониться вамъ, не воспользоваться случаемъ выразить вамъ свою благодарность. Я большой поклонникъ вашего таланта.

Произнеся эту льстивую рѣчь, которую Ли пришлось волей-неволей выслушать, не сходя съ мѣста, онъ отступилъ шагъ назадъ, оглядѣлъ Ли съ ногъ до головы, склонился и взглянулъ на него, точно въ какомъ-то экстазѣ:

— Такъ вотъ какой видъ у избранниковъ!

Онъ снова приблизился и на этотъ разъ уже вступилъ въ кругъ атмосферы, окружающей Ли, придвинулся вплотную къ его лицу и заглянулъ ему прямо въ глаза, затаивъ хитрую и вызывающую насмѣшку...

На Ли все это произвело впечатлѣніе только крайней беззастѣнчивости, съ какой этотъ молодецъ говорилъ о его талантѣ. Но его нервы реагировали все же съ чрезвычайной примитивностью, и они дали обойти себя. Похвала остается похвалой, и создаетъ нѣкоторую зависимость даже въ отношеніи такого человѣка, который, Богъ его знаетъ, искренно говоритъ или нѣтъ. Ли былъ неспособенъ таращить глаза на человѣка, который говоритъ ему пріятныя вещи и въ то же время терзаетъ, стоя такъ близко, что чувствуется тепло отъ его дыханія, и потому онъ отступилъ и повернулъ голову въ сторону. Вторая причина, которая связывала Ли съ Эванстономъ, заключалась въ томъ, что онъ не хотѣлъ смотрѣть ему прямо въ глаза и въ то же время чувствовалъ, что его тянетъ къ этому. Это была прескверная загадка, и для ея рѣшенія онъ не могъ обойтись безъ Эванстона, который породилъ ее.

— Для меня истинное удовольствіе видѣть автора самыхъ прекрасныхъ книгъ, какія я читалъ въ жизни, — сказалъ Эванстонъ, осклабясь, прямо въ ухо Ли, который стоялъ къ нему теперь бокомъ.—Я давно мечталъ встрѣтить васъ, но въ такомъ городѣ, какъ Чикаго, можно долго жить, не

столкнувшись ни разу. Когда прочтешь произведенія какого-нибудь писателя, всегда интересуешься его личностью, а потомъ, когда встрѣтишься съ нимъ, испытываешь разочарованіе... Вы, мистеръ Ли, не разочаровали меня, напротивъ...

Эванстонъ издалъ какой-то странный звукъ, не то льстивый, не то насмѣшливый. Ли продолжалъ молчать, и тотъ сталъ все щедрѣе и щедрѣе изливать на него потоки льстивыхъ рѣчей, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ каждой минутой становясь все заносчивѣе и заносчивѣе. Точно онъ держалъ въ карманѣ не только Ли, но всю американскую литературу и все, что имѣло къ ней отношеніе.

Тѣмъ временемъ Ли подвергъ себя самого провѣркѣ. Одно мгновеніе онъ чувствовалъ себя настолько слабымъ, что, кажется, упалъ бы, если бы его пальцемъ тронули, но потомъ онъ овладѣлъ собой, и отъ него повѣяло холодкомъ...

Эванстонъ прекрасно почувствовалъ это и сейчасъ же сократился, униженно отступилъ и сталъ менѣе навязчивымъ. Онъ быстро нащупалъ самую удобную для даннаго момента позицію и укрѣпился на ней. Между этими двумя людьми установилось нѣкотораго рода перемѣнчивое равновѣсіе, съ помощью котораго они могли продолжать свое знакомство.

Эванстонъ говорилъ, а Ли наблюдалъ. Скоро стало совершенно очевидно, что Эванстонъ считаетъ себя неузнаннымъ и играетъ роль неизвѣстнаго. Странно было только то, что Эванстонъ велъ себя гораздо свободнѣе и позволялъ себѣ гораздо шире проявлять свою личность, чѣмъ въ Нью Іоркѣ. Возможно, что тамъ онъ игралъ роль, а здѣсь былъ просто самимъ собой. Это дѣлало его менѣе опаснымъ, въ особенности для тѣхъ людей, которые знали его въ его прежней роли. Ли рѣшилъ принимать его за то, чѣмъ онъ былъ теперь, судя по всему, что онъ проявлялъ, и скрывать, что онъ зналъ его раньше. Но, несмотря на это, онъ едва не выдалъ себя.

Среди разговора Эванстонъ сказалъ вдругъ:

— Съ вашей стороны очень любезно, мистеръ Ли, что позволяете вступать съ вами въ разговоръ человѣку, котораго вы совсѣмъ не знаете, который подошелъ къ вамъ на улицѣ.—Меня зовутъ Канцеръ.

Тутъ Ли слѣдовало сказать: „А? вотъ какъ? Канцеръ!“ Но Ли былъ неопытенъ во лжи. Онъ только кивнулъ головой. Онъ вѣдь ужъ зналъ отъ Масона, что Эванстонъ называется теперь Канцеръ. Онъ кивнулъ головой изъ инстинк-

тивной добросовѣстности, но въ ту же минуту понялъ, что заскочилъ слишкомъ далеко.

— Вы знаете меня, мистеръ Ли?—спросилъ Эванстонъ, и глаза его немного скосились: онъ, видимо, обдумывалъ, какъ ему поступить. Но Ли сумѣлъ выпутаться изъ затрудненія:

— Да, я васъ знаю,—сказалъ онъ, и въ ту же минуту почувствовалъ, что, когда надо, онъ сумѣетъ лгать лучше многихъ другихъ.

Онъ бросилъ осторожный взглядъ на шляпу Эванстона и заговорилъ, ни мало не смущаясь:

— Да, я васъ знаю, я встрѣчалъ ваше имя въ газетахъ. А. О. Канцеръ. Вы религіозный ораторъ; я хорошо васъ знаю.

Эванстонъ громко разсмѣялся. Онъ успокоился и вернулся къ своей роли. Смѣхъ его звучалъ весело и самодовольно:

— Итакъ, мистеръ Ли, вы знаете проповѣдника съ этой фамиліей. А вѣдь я не такъ давно въ Чикаго. Я еще пока мало извѣстенъ, меня знаетъ только небольшая группа молодежи. Тѣмъ не менѣе, я именно этотъ Канцеръ. Понимаете вы меня? Я не сомнѣваюсь, что вы меня совсѣмъ не знаете, или, въ лучшемъ случаѣ, слышали обо мнѣ, какъ о сумасбродномъ основателѣ новой религіи, и все-таки я говорю вамъ, что я этотъ Канцеръ. Понимаете ли вы игру между тѣмъ, за что тебя считаютъ или должны считать по твоимъ предположеніямъ, и тѣмъ что ты есть. Я—Канцеръ. Знаютъ меня люди или нѣтъ, я—Канцеръ. Позднѣе, когда моя миссія будетъ выполнена, и всѣ узнаютъ, кто я, тогда окажется, что я всегда былъ Канцеръ. Какъ человѣкъ я—Канцеръ. Знаете ли вы, мистеръ Ли, что въ настоящую минуту встрѣтились двѣ духовныя великія державы? Здѣсь на этомъ мосту... на мосту... мы встрѣтились съ вами.

Эванстонъ быстро оглянулся, какъ-будто почуявъ что-то, и взмахнулъ вверхъ рукой:

— На мосту... Вы слышите чикагскіе колокола?

Кое-гдѣ въ городѣ еще звучали запоздавшіе колокола. Ли исполнилъ желаніе Эванстона и прислушался къ колоколамъ. Оба ощутили, что надъ ними прошло что-то непередаваемое словами.

Наконецъ, Эванстонъ вскричалъ:

— О! пойдемте со мной. Идемте. Дайте мнѣ показать вамъ мой міръ! Мы встрѣтились съ вами въ этотъ полный значенія часъ, пойдемте же со мной... я покажу вамъ то, чего вы не знаете.

У Ли вовсе не было желанія идти съ Эванстономъ. Но

въ слѣдующій моментъ тотъ сказалъ нѣчто такое, что заставило его измѣнить намѣреніе.

— Идемте со мной и загляните въ тихую грудь Америки. Моей Америки вы не знаете, мистеръ Ли. Вы не знаете моей силы, а между тѣмъ, именно я укажу путь всѣмъ сторонамъ Америки. Пойдемте со мной, и я покажу вамъ духъ суровой и богатой Америки.

Пока Эванстонъ произносилъ эти слова, собственныя слова Ли, онъ склонилъ къ Ли голову и пристально смотрѣлъ ему въ глаза глазами обезьяны, которая стащила что-то у товарища и вмѣстѣ съ тѣмъ украла и право собственности на это.

Это было то жало, которое онъ хладнокровно погружалъ въ сердце Ли. Ли почувствовалъ укусъ. Его поразило, что его грабятъ такъ прямо лицомъ къ лицу. Что нужно отъ него этому животному? Зачѣмъ онъ дразнитъ его, держа въ зубахъ огрызокъ его души? Ахъ!

Ли взглянулъ на Эванстона потухшими глазами; казалось, онъ всецѣло погрузился въ себя, сосредоточился, но это была лишь манера смотрѣть. Его чувство самосохраненія перешло въ самозащиту. И чѣмъ больше въ его сознаніи отпечатлѣвались черты лица Эванстона, тѣмъ яснѣе онъ чувствовалъ, какъ въ немъ разгорается жажда борьбы. Всякій взглядъ на этого наглеца производилъ на него невыносимое впечатлѣніе, за которое онъ клялся отомстить ему.

И съ этой минуты началась борьба между двумя людьми, между двумя въ корнѣ различными нервными системами, борьба, которая могла окончиться только полнымъ уничтоженіемъ одной изъ борющихся сторонъ, такъ какъ одна вела ее слѣпо со всей силой элементарнаго аппетита, а для другой дѣло шло о жизни.

V.

— Сдѣлаемъ длинную прогулку,—вскричалъ Эванстонъ весело и довѣрчиво,—пойдемъ вмѣстѣ въ городъ и поглядимъ по сторонамъ. Я увѣренъ, что мы станемъ друзьями. Вы не думаете, что мы станемъ друзьями? Вы мнѣ чрезвычайно нравитесь! Мы давно должны были встрѣтиться. Идемте гулять. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что вы знаете что-нибудь вѣрное о Чикаго. Сегодня воскресенье, обратите вниманіе, что на улицѣ можно идя разговаривать, можно разслышать всякое слово, можно даже думать. Не

правда ли? Развѣ здѣсь не тихо? А? Развѣ вы не находите, что здѣсь тихо? Вы не находите?

— О, да!

— Развѣ вамъ не приходитъ въ голову, что весь Чикаго выселился, что получены свѣдѣнія о сказочныхъ золотыхъ поляхъ, находящихся всего въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда, и всякій, у кого только есть ноги, отправился туда, чтобы попасть во время и захватить на свой пай? Развѣ вамъ не представляется, какъ вся эта орда устремляется вонъ изъ Чикаго, сбѣгаетъ, какъ облако съ луны, и исчезаетъ въ преріи. Вѣдь мы оба, и вы, и я, только о томъ и мечтаемъ, какъ бы создать такой слухъ, который опустошилъ бы Чикаго. Пробудить въ людяхъ горячку, не правда ли? Я спрашиваю васъ, какъ вы думаете, гдѣ сегодня Чикаго?

Они, между тѣмъ, уже тронулись съ мѣста и прошли нѣкоторую часть Клеркъ-стритъ. Ли невольно окидывалъ взглядомъ безконечные ряды оконъ, выходившихъ на улицу; нигдѣ не было видно ни одного человѣка, ни малѣйшаго признака жизни ни вверху, ни внизу. Въ одиноко ѣхавшемъ городскомъ трамваѣ сидѣлъ кондукторъ, удобно расположившись внутри, съ большимъ иллюстрированнымъ воскреснымъ номеромъ „Chicago Americans“ въ рукахъ.

— Какъ же вы думаете, гдѣ сегодня Чикаго?

— Сидятъ, вѣроятно, по домамъ и читаютъ газеты,— предположилъ Ли.

— Нѣкоторые. Нѣкоторые. Но большинство въ эту минуту въ церкви! Да, мистеръ Ли. Вамъ крайне трудно повѣрить этому... Сами вы не ходите въ церковь, ужъ много лѣтъ вы забыли думать о религіи, и вы пребываете въ спокойной увѣренности, что то, чего вы не видите, не существуетъ. Я не буду говорить съ вами о вашей вѣрѣ, такъ какъ это меня не касается, и вы—вообще слишкомъ образованный человѣкъ, чтобы придерживаться какой-нибудь религіи. Но я хотѣлъ бы обратить ваше вниманіе на вѣру, какъ на явленіе, я хотѣлъ бы открыть вамъ глаза на тотъ удивительный фактъ, что въ данную минуту милліоны людей сидятъ въ плохо протопленныхъ помѣщеніяхъ Чикаго и слушаютъ трогательное преданіе о жизни Іисуса Христа. Я сейчасъ покажу вамъ это. Вы знаете, что въ Чикаго 600 церквей. Мы не можемъ, конечно, посѣтить ихъ всѣхъ, но мы возьмемъ наугадъ двѣ—три изъ нихъ. Допустите ли вы вѣроятность того, что всѣ онѣ полны народа, если эти три, или не три, а сколько вы пожелаете, будутъ полны? Что вы скажете?

Ли поторопился отвѣтить, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что иначе Эванстонъ будетъ продолжать предлагать вопросы,

пока не добьется отвѣта. Онъ заявилъ, что онъ и самъ убѣжденъ, что церкви полны народа.

— Хорошо,—сказалъ Эванстонъ,—въ такомъ случаѣ мы зайдемъ въ двѣ-три церкви. Сядемъ въ трамвай и поѣдемъ въ улицу Мичиганъ; тамъ много славныхъ Божіихъ домовъ. Вы увидите тамъ вашихъ знакомыхъ. Не подумайте только, что я хочу васъ „пробудить“ въ обычномъ смыслѣ этого слова, я хочу только открыть вамъ глаза на дѣйствительность, которой вы совершенно не замѣчаете, а я утверждаю, что она стоитъ такъ же твердо и прочно, какъ англійскій банкъ. Прежде всего я хочу, чтобы вы признали, что у насъ есть церкви и что люди посѣщаютъ ихъ, а потомъ я попытаюсь дать вамъ представленіе о томъ, что получается съ неба, т. е. какъ можно воспользоваться этимъ одушевленіемъ. Вы человѣкъ, одаренный фантазіей, и въ то же время у васъ есть чувство дѣйствительности. Вы одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ умовъ Америки.—Право, мистеръ Ли, у васъ изумительная способность воображенія.. я хотѣлъ бы, чтобы вы стали самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ Америки.

Эванстонъ намѣренно увлекался, и это шло къ нему. Въ слѣдующіе часы онъ все больше и больше проявлялъ себя, все полнѣе знакомилъ съ собой, и это было поистинѣ грандіозное, поразительно отталкивающее зрѣлище. Игра его злобныхъ глазъ, ловкость, съ какой онъ выбиралъ пунктъ, куда направить свои силы, положительно производили импонирующее впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ, отъ всего существа этого человѣка вѣяло такимъ здоровьемъ, что это возбуждало невольное удивленіе. И при томъ онъ былъ уменъ. Ли скоро замѣтилъ, куда тотъ клонитъ, но прошло какихъ-нибудь нѣсколько секундъ, и Эванстонъ тоже уже зналъ, что Ли замѣтилъ и считался съ этимъ, и это прежде, чѣмъ Ли успѣлъ вымолвить слово. Онъ былъ неутомимъ и могъ сильно измучить; казалось, что у него кровь обращалась быстрѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ людей.

Они стояли теперь передъ церковью на улицѣ Мичиганъ; Ли, конечно, много разъ въ жизни видѣлъ эту церковь, но онъ никогда не обращалъ на нее вниманія и никогда не входилъ въ нее. Это было тяжеловѣсное зданіе въ стилѣ неизвѣстной эпохи. Оно не возвышалось надъ окружающими зданіями, не выдѣлялось даже своей старостью и обветшалостью.

— Посмотрите на эту церковь,—сказалъ Эванстонъ.— Взгляните на нее безъ предубѣжденія, безъ предвзятаго мнѣнія. Неправда-ли, васъ поражаетъ, что она выстроена безъ всякой практической цѣли? Это не торговый домъ и не гостиница, частнымъ жилищемъ она тоже не можетъ быть;

ей не достаетъ оконъ. Это и не банкъ: если вы войдете въ порталъ, вы увидите, что колонны и углы у входа относительно чисты; въ банкахъ и въ почтамтахъ всѣ камни до уровня человѣческаго роста промаслены человѣческимъ жиромъ. Это и не военный складъ тоже, хотя и могъ бы имъ быть; вы видите тамъ цвѣтныя стекла и на стѣнахъ возвышенные символы; стиль этотъ намъ неизвѣстенъ, я полагаю, онъ не американскій. И въ этомъ лежитъ глубокій смыслъ: въ этомъ стилѣ сказался опытъ многихъ поколѣній, воздвигшій здѣсь эту церковь, этотъ колодецъ, ведущій сквозь историческіе пласты людей и націй къ ихъ прошлой и настоящей культурѣ. Тутъ нѣтъ конца возможностямъ проникать въ глубину. Тутъ можно многое сдѣлать. Неужели васъ не поражаетъ, что мы видимъ здѣсь передъ собой эту церковь, какъ нѣчто самодовлѣющее? Я говорю вамъ, что для того, кто только пожелаетъ вертѣть ручку органа, она можетъ издать звуки волшебнаго вальса, она можетъ вернуть исторію къ временамъ императора Константина Великаго. Въ воспоминаніяхъ человѣчества нѣтъ ни одного такого лоскутка, ни одного кусочка гобеленовъ, который не началъ бы трепетать и шевелиться, когда вѣтеръ перебираетъ эти ноты.

Почему же, чортъ возьми, мы предоставляемъ однимъ инвалидамъ управлять этой музыкой? Вы понимаете, что я подразумѣваю? Мы подойдемъ къ ручкѣ. Мы хотимъ—тысяча чертей—проникнуть внутрь колодца! Здѣсь пропадаютъ неисчислимыя сокровища оттого, что золотыя поля религіи попали въ руки акціонерной компаніи кліентовъ, которые хотятъ добывать металлъ игрушечными насосиками вмѣсто того, чтобы устремить на него всемірный потопъ.

Теперь, мистеръ Ли, подойдемте ближе къ церкви. Мимоходомъ я обращаю ваше вниманіе на то, что своими стѣнами она подходитъ вплотную къ тротуару. Вы бы этого не замѣтили, если бъ я не показалъ вамъ, потому что вы не знатокъ.

Церковь у самого тротуара,—это ничѣмъ не хуже того, какъ если бы актеръ, убитый на сценѣ, всталъ и пошелъ за кулисы пить пиво.

Это все равно, что сбиться съ роли и предоставить себя снисхожденію публики.

Божій домъ долженъ стоять на кладбищѣ. Вотъ эта церковь мнѣ очень нравится; она выгодно поставлена и имѣетъ благородный старинный видъ; но въ моихъ глазахъ она ничего не стоитъ, потому что ей не достаетъ погоста. Къ сожалѣнію, это судьба всѣхъ церквей, даже въ Европѣ. Всѣ эти близорукія городскія управленія устраиваютъ мѣста погребенія вдали отъ церквей—изъ санитарныхъ соображеній,

какъ будто города не живутъ болѣзнями! Прекрасные города Европы въ средніе вѣка, со своими изумительными церквами и замками выростали на почвѣ, оплодотворенной эпидеміями. Все, что называютъ суевѣріями, это—процессы гніенія, отважныя птицы, которыя мощно распростираютъ свои крылья и создаютъ жизнь,—вотъ почему церковь должна стоять на гробницахъ. Къ ней надо приближаться съ готовностью пролить слезы надъ умершей матерью или проходя мимо истлѣвшаго могильнаго камня, подъ которымъ покоится кто-нибудь любимый и незабвенный. Вечеромъ надо проходить мимо кладбища, содрогаясь отъ темноты и отъ мертвецовъ, отъ топота адской лошади и скрежета зубовъ сатаны. Такого рода вещи побуждаютъ людей къ обѣтамъ. Это укрощаетъ мужчинъ и заставляетъ женщинъ рождать дѣтей съ изумленными глазами. Ничто не дѣйствуетъ такъ сильно, какъ страхъ. Кладбще это—единственная реальность въ мірѣ. Корни церкви въ погостѣ. Кромѣ того, во всякомъ религіозномъ настроеніи есть эротическая подпочва, несомнѣнно, мистеръ Ли, а ее не разбудишь асфальтовымъ тротуаромъ,—хотя нѣкоторымъ асфальтъ и напоминаетъ Содомъ,—ее пробуждаютъ запахомъ вянущихъ на могилахъ цвѣтовъ, видомъ бѣлыхъ грибовъ на влажныхъ листьяхъ за какимъ-нибудь намокшимъ, проливающимъ кровавыя слезы желѣзнымъ крестомъ. Говорю я вамъ: люди платятъ дорого за любовь, обвѣянную дыханіемъ маковъ и гніенія, но за объятіе весной, на улицѣ, когда ароматъ смолистыхъ почекъ подъ каштанами смѣшивается съ сладкимъ запахомъ удобренной земли на кладбищѣ... нигдѣ свиданіе не можетъ быть такъ сладко, какъ подъ сѣнью могильнаго холма, и самый жаркій поцѣлуй, это—поцѣлуй, украденный у подножія распятія. Грѣхъ, вотъ источникъ блаженства... нигдѣ не любятъ такъ, какъ въ монастыряхъ. Почитайте вашего Боккачіо. Но самое прекрасное, самое отвратительное и прекрасное, самое безумное наслажденіе, это—склепъ, озаренный фосфорическимъ свѣтомъ креста, склепъ, тонущій въ кадильномъ дыму, когда восковая свѣча, этотъ жизненный нервъ монахини, гаснетъ, а монахъ, разыскивавшій подземный ходъ подъ могилами, находитъ подъемную дверь... или еще болѣе острое безуміе, когда церковь въ своей глубокой мудрости разъединила оба пола, и каждый полъ обратила на себя самого... Вы не хотите ничего больше слушать, вы не хотите слушать правды, но развѣ вы этого не знаете? Развѣ вы не знаете возбуждающаго дѣйствія трупнаго запаха, развѣ вы не знаете, что всякая жизнь беретъ свое начало въ броженіи и разложеніи? Развѣ природа не поглощаетъ съ жадностью пары навоза? Что? Развѣ не правда? Развѣ вы этого не знали?

Ли хотѣлъ что-то сказать, но Эванстонъ вылилъ на него цѣлый потокъ словъ раньше, чѣмъ онъ успѣлъ открыть ротъ:

— И вы отказываетесь пользоваться огромными естественными силами, лежащими въ религіи. Вы пренебрегаете первымъ и глубочайшимъ принципомъ, дѣйствующимъ на земной поверхности, принципомъ сожженія. Вы не хотите согрѣться у огня, который уже горитъ и излучается въ атмосферу, если вы не подойдете и не извлечете изъ него то или другое количество лошадиныхъ силъ. О, мистеръ Ли, вы встрѣтили меня въ знаменательный часъ! Вы и я—мы одно! Вы и я—мы Фенія и Менія! Знаете вы сѣверную пѣснь о женщинахъ-великаншахъ, которыя мололи для короля Фроде—удивительная старинная поэма, вы должны прочитать ее—мы съ вами *Гротъ*... т. е., я хотѣлъ сказать, мы—король Фроде, мы держимъ мѣшокъ подъ этой мельницей. Простите, я васъ перебилъ.

Эванстонъ кинулъ на Ли подозрительный взглядъ. Ли молчалъ. Его охватила жгучая боль, точно что-то умирало у него внутри; онъ молчалъ: тутъ не зачѣмъ было терять слова.

— Войдемъ теперь внутрь къ молящимся,—сказалъ Эванстонъ.—Онъ казался утомленнымъ и издалъ такой звукъ, точно онъ чувствовалъ себя пресыщеннымъ. Въ порталѣ онъ остановился и откинулъ назадъ голову:

— Вы слышите органъ?

Изъ-за обитой войлокомъ двери глухо доносились звуки органа и пѣніе, точно они исходили изъ самыхъ церковныхъ стѣнъ. Эванстонъ поднялъ руку вверхъ и указалъ на стѣны:

— Церковь поетъ,—сказалъ онъ,—вы чувствуете? Камни поютъ. Развѣ не кажется, что сама эта гранитная глыба вибрируетъ? Вы убѣждены въ этомъ, пока не положите руку на стѣну и не почувствуете, что она недвижима. Испытайте это, положите руку на этотъ камень, сюда!

Ли положилъ руку на камень и дѣйствительно удивился, что его ладонь не ощущаетъ ни малѣйшей жизни въ камнѣ,—воздухъ былъ до того насыщенъ звуковыми волнами, что невольно казалось, что и стѣны должны колебаться.

— Это сила церкви,—безпечно шепталъ Эванстонъ.—Все поетъ и играетъ, а намъ кажется, что это исходитъ изъ церкви, но она стоитъ недвижимо, какъ скала, она внѣ этого движенія, замѣтьте это себѣ. Если самъ закружишься вмѣстѣ, то...

Они вошли внутрь. Въ притворѣ Эванстонъ говорилъ громко, совершенно не смущаясь, между тѣмъ, какъ Ли сейчасъ же ощутилъ на себѣ вліяніе церкви. Онъ уже

много лѣтъ не бывалъ въ церкви, и ему не доставало привычки. Эванстонъ, напротивъ, вошелъ съ безпечнымъ видомъ знатока, приблизительно такъ, какъ входитъ на скачки распорядитель. Они сняли шапки и вошли черезъ боковыя двери внутрь самой церкви, которая была наполнена пѣніемъ псалмовъ и звуками органа.

Эванстонъ вытянулъ шею, быстро окинулъ взглядомъ присутствующихъ и кивнулъ головой съ видомъ удовольствія. Всѣ стулья были заняты, и многіе стояли.

— Оглянитесь кругомъ, — прошепталъ Эванстонъ, — неправда ли, много народу? А? Или по вашему немного? И все избранная публика. Здѣсь направо сидятъ все денежные мѣшки, ужъ повѣрьте мнѣ. Я знаю, что по воскресеньямъ сюда собираются многіе любители процентовъ въ Чикаго, они просятъ прощенія за недѣльные барыши. Оглянитесь и скажите мнѣ, что вы думаете.

Ли оглядѣлся и не могъ скрыть отъ себя, что онъ испыталъ нѣкоторое волненіе; Эванстонъ былъ правъ: Чикаго былъ здѣсь, здѣсь была улица. Всѣ лица казались ему знакомыми, хотя онъ и не зналъ этихъ людей. Это были тѣ лица, которыя видишь въ магазинахъ, въ трамваяхъ, на тротуарахъ; не было ничего удивительнаго, что они были здѣсь, но Ли никогда не приходило въ голову представлять ихъ себѣ религіозными людьми, когда онъ встрѣчалъ ихъ въ будни. Ему не приходило въ голову, что кто-нибудь принимаетъ въ серьезъ религію, такъ какъ самъ онъ никогда не жилъ религіозными представленіями. Но здѣсь это было видно воочію. Вотъ тутъ стоялъ просто и хорошо одѣтый господинъ и съ серьезнымъ лицомъ смотрѣлъ въ свой псалтырь и пѣлъ, Ли слышалъ его маленькій голосокъ въ хорѣ. Онъ не имѣлъ никакого представленія о музыкѣ, не умѣлъ соблюдать тактъ, у него не было и голоса, тѣмъ не менѣе, онъ пѣлъ съ увлеченіемъ и съ теплой вѣрой, какъ и другіе. Этого человѣка можно было принять за книгопродавца. Никогда въ жизни нельзя было заподозрить, что онъ могъ чѣмъ-нибудь заниматься, кромѣ продажи книгъ; и вотъ онъ стоялъ здѣсь и самъ поглощалъ содержаніе одной изъ самыхъ дешевыхъ книгъ; онъ могъ бы также сидѣть цѣлый день въ почтамтѣ и принимать заказныя письма. Кто видѣлъ его за маленькимъ окошечкомъ, тотъ никогда не заподозрилъ бы, что изъ его узкой груди можетъ вырваться что-нибудь вродѣ пѣнія. На пѣніе долго смотрѣли, какъ на спеціальность... А здѣсь всѣ люди улицы, запечатлѣнные и искаженные каждый своимъ особымъ занятіемъ, собрались вмѣстѣ и объединились на томъ, что каждый могъ извлекать звуки изъ сво-

его горла. На одномъ изъ церковныхъ стульевъ сидѣла старушка съ лицомъ страшнаго шафраннаго цвѣта; она, по всей вѣроятности, страдала какой-нибудь тяжелой внутренней болѣзнью; тѣмъ не менѣе, она сидѣла спокойно и увѣренно, почти весело, и ея скрипучій голосъ выдѣлялся въ хорѣ, какъ визгъ колеса. Горло у нея пересохло и хрипѣло, но она, не смущаясь, продолжала пѣть. Дальше, впереди, сидѣли биржевики съ суровыми лицами и коммерческими задачами въ глазахъ, богатые люди со своими элегантными дамами; у нихъ были откупленные стулья, теперь они были здѣсь и по движенію ихъ губъ видно было, что они тоже пѣли. Странно было наблюдать ледяныя лица банкировъ, не слышать ихъ голосовъ и видѣть, какъ они открываются, поддаваясь такому настроенію, для котораго въ ихъ чертахъ нѣтъ даже подходящаго выраженія. Такой человѣкъ напоминаетъ рыбу, которая лежитъ на днѣ и втягиваетъ въ себя воду, а изъ ея открытаго рта идутъ пузыри. Чувствовалось, что для этого человѣка пѣніе то же, что дыханіе, и безъ своего псалма онъ задохнется. Тутъ же стояли и пѣли молодые люди съ полипами въ носу. Они принадлежали къ тѣмъ неотесаннымъ оболтусамъ, которыхъ встрѣчаешь каждый день на улицѣ, когда они мчатся на велосипедѣ съ выраженіемъ нахальнаго презрѣнія къ Богу и ко всему міру на лицѣ; они тоже пробрались сюда, чтобы не быть обойденными. Въ ушахъ у Ли раздавалось осторожное ржаніе:

— И все это дѣлаетъ вѣра въ безсмертіе! Не правда ли? Это люди, одаренные душой, которые разъ въ недѣлю раскрываются и внутренне оглядываются, развѣ неправда? Если вы оглядѣлись, мистеръ Ли, и пожелаете быть искреннимъ, вы должны будете сказать себѣ, что или вы сошли съ ума, или здѣсь скоро будетъ всѣмъ предлагаться пудингъ. Или, что образъ на иконостасѣ отодвинется въ сторону, чтобы дать дорогу негру, который подошелъ къ нему и остановился. Вѣдь здѣсь же нѣтъ ничего замѣчательнаго. Что здѣсь происходитъ? Играетъ органъ. Но его никто не слышитъ за собственнымъ ревомъ. Въ чемъ же дѣло? Что же держитъ эту тысячу разнокалиберныхъ людей въ этомъ загонѣ, гдѣ ничего не попадаетъ въ ихъ глотки? Это дѣлаетъ безсмертіе. Богомъ клянусь, Ли, всѣ эти люди сошлись сюда потому, что они вѣрятъ въ будущую жизнь! Ясно ли вамъ это? Очевидно ли для васъ, что это все именно такъ, какъ я говорю. Всѣ эти люди смотрятъ въ одну сторону. На что? На алтарь! Они и сами не отдаютъ себѣ въ этомъ отчета. Имъ дали обѣщаніе, что они ни въ какомъ случаѣ не умрутъ. Вотъ на это-то они и смотрятъ.

Короче говоря, когда они напоются, выйдетъ человѣкъ, переодѣтый проповѣдникомъ—человѣкъ съ смутной головой, одинъ изъ самыхъ жалкихъ людей въ Америкѣ, и повторитъ имъ это обѣщаніе, самъ не понимая, что онъ говоритъ. У-ффъ! Ну, идемте.

Они вышли на воздухъ и пошли по пустынной улицѣ. Эванстонъ молчалъ, онъ думалъ о чемъ-то, что, повидимому, доводило его до бѣлаго каленія, складки вокругъ его широкаго рта шевелились, такъ что подъ верхней губой обозначались корни зубовъ.

На Ли молчаніе Эванстона дѣйствовало, какъ цѣлебный отдыхъ, ему было пріятно послѣ густого, пыльнаго, насыщеннаго музыкой воздуха очутиться снова подъ открытымъ небомъ, гдѣ его уши сразу наполнились здоровыми звуками. Глубоко вздыхая, какъ великанъ, городъ издавалъ легкіе медленные звуки, точно существо съ здоровымъ сердцемъ. Ли угадывалъ эти звуки, онъ зналъ ихъ, это былъ стукъ не отдыхающихъ и теперь желѣзныхъ дорогъ, это были поѣзда, бѣжавшіе и по землѣ, и подъ землей отъ семи большихъ вокзаловъ Чикаго, отъ семи міровыхъ воротъ, это были длинные, вѣчно катящіеся поѣзда, приходящіе и уходящіе, это было *колесо* и глубокіе звуки моря, скрадывающіе грохотъ колеса, свободное дыханіе океана на обоихъ краяхъ Америки, которые соединяетъ колесо.

Вдругъ Эванстонъ остановился и заломилъ вверхъ свои обезьяньи руки.

— Нѣтъ, это слишкомъ глупо!—возопилъ онъ.—Это просто скандалъ, что духовная жизнь Америки опустилась до такого уровня!

Онъ пошелъ дальше, задумчиво покачивая головой, съ видомъ разочарованнымъ и даже обманутымъ. Онъ началъ двигать челюстями, точно ему хотѣлось перегрызть что-то.

— Но въ этомъ виноваты тѣ, у кого хорошія головы,—процѣдилъ онъ сквозь зубы, кинувъ искоса враждебный взглядъ на Ли.—Для нихъ унизительно говорить о великомъ передъ невѣжественной толпой. Точно царство небесное не на то именно и нужно, чтобы дать удовлетвореніе простому человѣку. Но одаренные люди отдаются точнымъ наукамъ, живутъ приказчичьимъ жалованьемъ и раззоряютъ для насъ рынокъ даровыми объясненіями. Или же отмѣченные Богомъ таланты расточаютъ свои силы и творческій даръ, истощаются въ словесныхъ чудесахъ для забавы шести, семи человѣкъ, пишущихъ о литературѣ въ дюжинѣ періодическихъ изданій, которыя прочтутъ, можетъ быть, восемьсотъ академиковъ въ креслахъ на колесахъ. А между

тѣмъ, на землѣ живутъ многіе сотни милліоновъ работоспособныхъ людей, которые только того и жаждутъ, чтобы имъ указали путь, какъ отдаться какой-нибудь идеѣ...

Вскорѣ они подошли еще къ одной церкви, вѣрнѣе, небольшой часовнѣ и вошли внутрь. Повидимому, это былъ молитвенный домъ какой-нибудь секты, гдѣ богослуженіе совершалось на какомъ-то изъ европейскихъ языковъ, можетъ быть, по-сербски или по-басски, но впечатлѣніе было то же самое: всѣ пѣли, и всѣ лица были обращены къ алтарю, гдѣ пѣлъ какой-то субъектъ въ мистическомъ одѣяніи.

Эванстонъ сейчасъ-же опредѣлилъ характеръ общины и сморщилъ носъ.

— Скудно!—сказалъ онъ жестко.—Идемъ отсюда. Секты—вещь хорошая, противъ языка тоже нечего возразить, по счастью глупость международна, по здѣсь, право, не на что смотрѣть. Сидятъ и изнываютъ въ тоскѣ по родинѣ, вотъ и все. Нѣсколько крестьянъ изъ Далмаціи, которые вздыхаютъ по скирдамъ хлѣба въ своей деревнѣ! Намъ нужны люди, тоскующіе по небесной родинѣ.

И мы должны жить противорѣчіями, мы должны создавать общины изъ людей, которымъ некогда ждать, вы понимаете это? Богачей или фанатиковъ, которые готовы пожертвовать всѣмъ, что у нихъ есть, а также и тѣмъ, чего у нихъ нѣтъ, т. е. разумомъ. Пойдемъ куда-нибудь въ другое мѣсто. Вѣдь вы видѣли, что народу тамъ было много? Видѣли? Ну, такъ идемъ.

Они вышли на улицу Вабази. Мимо шелъ трамвай, Эванстонъ побѣжалъ наискосокъ къ нему, схватился за ручку, одну секунду его тѣло всей тяжестью висѣло на рукѣ, потомъ онъ подтянулъ ноги, взбросилъ ихъ на ступеньку, точно лѣсной человѣкъ, который прыгаетъ съ дерева на дерево, пользуясь силою рукъ.

Эванстонъ ни секунды не сомнѣвался, что Ли послѣдуетъ за нимъ, и именно потому, что Эванстонъ даже не спросилъ, а просто впрыгнулъ, Ли не пришло въ голову поступить иначе: онъ тоже вскочилъ.

Они проѣхали довольно далеко на сѣверъ, пересѣкли рѣку и вышли на Суперьеръ-стритъ.

— Здѣсь есть церковь, которую мнѣ хочется показать вамъ,—сказалъ Эванстонъ,—она въ нѣсколькихъ шагахъ и принадлежитъ одной изъ самыхъ крупныхъ и солидныхъ общинъ города. Сюда приходятъ нѣмцы, лютеране чистѣйшей воды, и люди, у которыхъ есть кое-что. Самые крупные свиноторговцы и хлѣбо-торговцы Чикаго являются сюда и слушаютъ, какъ какой-нибудь грубый богословъ, знающій

библейскій языкъ, знакомый имъ съ дѣтства, расписываетъ имъ ихъ грѣхи. И все это совершенно серьезно, будьте увѣрены въ этомъ. Они свѣшиваютъ головы на грудь и погружаются въ себя, разъ на всю недѣлю. Вотъ причина, почему нѣмцы обыкновенно такъ безсовѣстны въ денежныхъ дѣлахъ и такъ беззастѣнчивы въ конкуренціи: всѣ лучшія движенія души они берегутъ на воскресенье. Въ посѣщеніи церкви нѣтъ другого такого народа; если бы въ недѣлѣ было два воскресенья, они бы вытѣснили насъ изъ Америки. Они называютъ эту церковь: „Церковь чудесъ", и я долженъ сказать, что по сравненію съ грѣшной свѣтской жизнью, эта община въ предѣлахъ церкви дѣлаетъ, дѣйствительно, чудеса. Такъ ужъ они умѣютъ устраивать! Это я называю теологіей: доить корову такъ, чтобы она отъ этого не худѣла. Сюда мы войдемъ.

Эванстонъ еще разъ затянулся сигарой, закуреной въ трамваѣ, и потомъ выбросилъ ее. Входя въ двери, онъ наклонилъ голову и выпустилъ цѣлое облако дыму.

Какъ только они вошли въ затихшую церковь, гдѣ откуда то съ облаковъ раздавался одинъ голосъ, Эванстонъ схватилъ Ли подъ руку и возбужденно зашепталъ:

— М-ръ А. Гронау! Вонъ сидитъ м-ръ А. Гронау! Вотъ, совсѣмъ рядомъ, въ пяти шагахъ отъ насъ!

Въ ту самую минуту, когда Ли замѣтилъ его, тотъ повернулъ голову и оглянулся: онъ, должно быть, услышалъ свое имя. Онъ увидѣлъ Ли и дружелюбно кивнулъ головой. Ли поклонился. Потомъ м-ръ Гронау снова обратилъ свое вниманіе на каѳедру и на проповѣдника.

Но Эванстонъ сгорбился, снизу заглянулъ въ глаза Ли и съ засіявшимъ лицомъ прошепталъ:

— Вы его знаете?

Онъ шепталъ такъ отчетливо, что Ли поморщился и оглянулся на дверь. Не произнеся больше ни слова, Эванстонъ на ципочкахъ, стараясь не производить ни малѣйшаго шума, отсупилъ къ дверямъ. Ли послѣдовалъ за нимъ, съ досадой, весь покраснѣвъ, и они выбрались наружу, не слишкомъ обративъ на себя вниманіе.

— Вы знаете его?—еще разъ повторилъ Эванстонъ, глубоко переведя дыханіе, какъ только они очутились на улицѣ. Онъ ускоренно дышалъ и смотрѣлъ прямо на Ли расширенными зрачками, которые вдругъ сблизились.—Значитъ, вы знаете м-ра А. Гронау?

Шаги его вдругъ стали маленькими и короткими. А Ли шелъ рядомъ съ нимъ, не зная, плакать ему или смѣяться.

— Ну, конечно, вы его знаете! Благодаря своему имени вы имѣете доступъ въ эти круги!—сказалъ Эванстонъ пою-

щимъ голосомъ и, все еще блѣдный отъ волненія, злобно посмотрѣлъ на Ли.

Эванстонъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ, погруженный въ мучительныя размышленія, и до такой степени занятый самимъ собой, что Ли почувствовалъ себя совершенно лишнимъ. Онъ сразу остановился и оглядѣлся кругомъ. Наконецъ, Эванстонъ произнесъ тихо:

— Это одинъ изъ богатѣйшихъ людей Америки. Милліардеръ!

Послѣ этого онъ снова двинулся впередъ, и шаги его стали спокойными.

Но Ли продолжалъ быть для него пустымъ пространствомъ. Онъ говорилъ съ самимъ собой:

— Этому человѣку принадлежатъ въ Чикаго воздушныя дороги и многіе изъ городскихъ трамваевъ. Ему принадлежитъ желѣзная дорога „Чикаго—Нью-Іоркъ“ и „Сталелитейный заводъ Гронау“. Онъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ Чикаго и Мильвоки.

Вдругъ Эванстонъ обернулся къ Ли и посмотрѣлъ ему прямо въ глаза; странно было видѣть, какъ въ этомъ человѣкѣ боролись смиреніе, грубость, коварство и ненасытная жадность.

Ли казалось, что Эванстонъ закричитъ сейчасъ, какъ дикая кошка, но тотъ, напротивъ, прошепталъ, едва переводя дыханіе:

— Вотъ если бы мы могли обратить его! — Онъ нетерпѣливо повелъ плечами и пошелъ дальше большими шагами; онъ понималъ невозможность этого, и злился и страдалъ. Но черезъ минуту онъ снова вернулся къ своимъ мыслямъ и къ Ли, отъ котораго отошелъ:

— Если бы мы могли привлечь его! М-ръ А. Гронау... Онъ посѣщаетъ церковь... что, если бы онъ сталъ однимъ изъ нашихъ!

Эванстонъ остановилъ на Ли взглядъ, забывъ замаскировать его безжалостную жестокость, и хотѣлъ заманить его въ ловушку, какъ дичь:

— Хорошо вы знакомы съ м-ромъ Гронау? Бываете вы у него? А?

Ли ничего не отвѣтилъ, и Эванстонъ сдѣлалъ гримасу, какъ человѣкъ, замахнувшійся на другого и ударившій по собственной рукѣ. Но вслѣдъ затѣмъ выраженіе бѣшенства на его лицѣ быстро смѣнилось покорностью и, наконецъ, все лицо расплылось въ благодушную улыбку.

— Да, это было бы недурно, не правда-ли? Бѣдному религіозному проповѣднику это было бы очень на руку! Но шутки въ сторону, на меня, дѣйствительно, произвело нѣкоторое впечатлѣніе то, что вашъ другъ, м-ръ А. Гронау

религіозный человѣкъ, это меня порадовало. Увидѣть такого магната въ качествѣ простого смертнаго передъ лицомъ Бога, это не часто удается; это меня задѣло за живое!

Такимъ способомъ Эванстонъ пытался привести себя въ равновѣсіе и вскорѣ опять былъ самимъ собой. Но на этотъ разъ силы, видимо, измѣняли ему. Немного погодя, онъ распрощался, но прежде все-таки взялъ съ Ли обѣщаніе посѣтить вечеромъ устраиваемое имъ на Іотеръ-стритъ молитвенное собраніе. Ли не видѣлъ никакого смысла въ этомъ посѣщеніи, но Эванстонъ такъ настойчиво приставалъ къ нему и, наконецъ, принялъ такой жалобный видъ, что Ли противъ воли согласился.

— Это самое простое молитвенное собраніе,—говорилъ Эванстонъ, и около его губъ играла тѣнь страданія и слабости, какъ у легочныхъ больныхъ,—но я думаю, вамъ будетъ интересно взглянуть, какъ самые несчастные и жалкіе обитатели нашего города оттаиваютъ душой въ теплой комнатѣ, гдѣ просто говорятъ съ ихъ сердцами. Подобное явленіе не можетъ не заинтересовать большого писателя, девизомъ котораго служатъ золотыя слова: „Nil humani“. Нѣтъ, вы непремѣнно должны придти!

Ли сосредоточилъ все свое вниманіе на одномъ. Его поражало, какъ могъ Эванстонъ до такой степени беззастѣнчиво раскрыть всю свою подоплеку, какъ въ послѣднія минуты. Вѣдь только наканунѣ вечеромъ онъ видѣлъ Ли въ обществѣ м-ра Гронау въ ресторанѣ „Бисмаркъ“, какъ же онъ могъ сейчасъ вести себя такъ, какъ-будто этого никогда не было. Неужели онъ воображалъ, что его не узнали, что сбритая борода и усы дѣлали его неузнаваемымъ. Если это такъ, тогда его можно понять. Но Эванстонъ былъ слишкомъ хитеръ, чтобы вѣрить, что Ли не узналъ его, онъ, навѣрно, уже давно пришелъ къ убѣжденію, что Ли прекрасно знаетъ его и видитъ насквозь все, что онъ говоритъ. И, несмотря на это, онъ съ неослабѣвающей энергіей игралъ свою роль, шелъ напроломъ, не смущаясь ничѣмъ. Что ему за дѣло, если люди знаютъ, что онъ играетъ комедію, лишь бы они поддавались его власти! Такая ни передъ чѣмъ неотступающая сила воли была для Ли совершенно новымъ явленіемъ. Его соблазняло помѣряться силами. Онъ не замѣчалъ, что Эванстонъ уже началъ одолѣвать его, только благодаря тому, что онъ терпѣлъ его общество. При обычныхъ обстоятельствахъ Ли вѣдь не могъ бы завязать знакомство съ человѣкомъ, подобнымъ Эванстону, а въ своемъ кругу онъ не могъ выработать въ себѣ опытности въ сопротивленіи духовному насилію.

— Итакъ, я васъ жду,—просилъ Эванстонъ, заглядывая

ему въ глаза съ самымъ трогательнымъ выраженіемъ. Онъ, видимо, совсѣмъ замерзъ и стоялъ передъ Ли, глубоко засунувъ руки въ рукава, точно безпріютный нищій инвалидъ.—Итакъ, вы придете, это радуетъ меня. Не правда ли, вы придете?

— Можетъ быть, зайду,—сказалъ Ли, съ неудовольствіемъ встрѣчая взглядъ Эванстона.

— Нѣтъ, вы должны обѣщать, мистеръ Ли! Неужели вы откажете мнѣ въ этой маленькой просьбѣ? Обѣщайте мнѣ, что вы придете!

— Ну, хорошо,—пообѣщалъ Ли.

— Вотъ прекрасно! Теперь вы придете,—смѣялся Эванстонъ, не скрывая своей радости.—Теперь ужъ я вполнѣ увѣренъ, что вы придете, такъ какъ вы не въ состояніи нарушить обѣщаніе. Значитъ, до свиданья въ 8 часовъ... Адресъ мой...

— Благодарю васъ, я знаю адресъ,—сказалъ Ли... Увы! На этотъ разъ онъ окончательно попался, выдалъ себя съ головой.

Онъ въ ту же минуту понялъ, что значитъ выраженіе „кровь застыла въ жилахъ". Его замѣшательство все усиливалось, и онъ чувствовалъ, что опасность растетъ тѣмъ болѣе, что Эванстонъ даже не удивился, напротивъ, былъ, повидимому, совершенно подготовленъ къ тому, что Ли такимъ низкимъ образомъ выслѣживалъ его. Онъ поспѣшилъ изобразить на своемъ лицѣ хитрую усмѣшку, такъ что Ли покраснѣлъ, какъ пойманный школьникъ, и почувствовалъ, что весь холодѣетъ, хотя то, что онъ сдѣлалъ, не было ложью.

Нанеся Ли этотъ послѣдній, хорошо разсчитанный ударъ, Эванстонъ быстро сократился, увѣренный, что Ли теперь самъ будетъ искать его, хотя бы для того, чтобы онъ его мучилъ.

— А? Вотъ какъ! вы знаете адресъ?—сказалъ Эванстонъ, и его проницательные глаза уличали Ли во всевозможныхъ низостяхъ.

Когда Эванстонъ вскочилъ въ вагонъ проходящаго трамвая и исчезъ въ немъ, точно въ вѣтвяхъ качающагося дерева, Ли нѣсколько минутъ простоялъ на мѣстѣ, безъ всякихъ мыслей въ головѣ, машинально проводя рукой по своему пальто.

Наконецъ, онъ глубоко вздохнулъ и зашагалъ дальше. Прошло нѣсколько времени раньше, чѣмъ онъ окончательно пришелъ въ себя.

Онъ отправился въ свой клубъ, встрѣтилъ тамъ Крэна и позавтракалъ съ нимъ. Крэнъ былъ весь поглощенъ послѣдними телеграммами, содержавшими въ себѣ указанія на

предстоящую войну между Россіей и Японіей; во время завтрака онъ набросалъ цѣлый планъ кампаніи, какъ онъ, по его мнѣнію, неминуемо разовьется. Онъ зналъ точно состояніе военныхъ силъ обѣихъ державъ, численность ихъ арміи и флота; зналъ, гдѣ они въ данный моментъ находятся и сколько времени потребуется на ихъ мобилизацію и т. д. Онъ разсыпалъ соль по скатерти и начертилъ карту; онъ такъ и сыпалъ баснословными именами японскихъ генераловъ и городовъ Манчжуріи... Ли слушалъ только въ полъ уха, пока, наконецъ, Крэнъ воскликнулъ:

— Поѣзжай-ка на этихъ дняхъ вмѣсто меня въ Іокагаму и пиши мнѣ объ этой войнѣ! Мнѣ бы очень хотѣлось имѣть правдивыя свѣдѣнія о томъ, что тамъ происходитъ. Я въ данномъ случаѣ не гонюсь за сенсаціей, и безъ того произойдетъ достаточно интереснаго, мы должны въ серьезъ принимать эту войну. Японцы будутъ до нѣкоторой степени вести нашу собственную войну, если только дѣло дойдетъ до войны. Это Америка угрожающе заноситъ руку надъ старымъ міромъ черезъ Великій океанъ,—японцы только забѣгаютъ впередъ съ ножомъ въ рукѣ. Походъ коммодора Перри въ Японію и путешествіе маркиза Ито въ Америку, вотъ что скажется въ томъ, что разыграется теперь на нашихъ глазахъ. Намъ непремѣнно нужно знать, что тамъ дѣлается! Это какъ разъ по тебѣ. Теперь, когда ты пересадилъ Европу въ Америку, поѣзжай и разыщи Америку на Китайскомъ берегу,--она вѣдь какъ разъ тамъ и должна лежать, допуская твоего Колумба. Отправляйся туда и найди „Зипангу“. Иными словами, поѣзжай въ Японію въ качествѣ корреспондента „Дня“.

— Не могу,—сказалъ Ли. Онъ и самъ не отдавалъ себѣ отчета, почему онъ не можетъ, но это было для него несомнѣнно, и даже Крэнъ пересталъ настаивать. Но если бы Ли додумалъ до конца, онъ сознал бы, что одной изъ причинъ, по которой онъ не могъ ѣхать, было то, что онъ долженъ былъ вечеромъ идти на молитвенное собраніе.

Позавтракавъ, Ли пошелъ навѣстить семейство Гронау.

М-ръ Гронау обиталъ въ великолѣпномъ дворцѣ Лакъ-Шоръ-Драйвъ, съ садами, конюшнями и службами; онъ поселился тамъ, когда составилъ достаточное состояніе. Въ этомъ домѣ, гдѣ онъ едва ли зналъ всѣ комнаты, и не имѣлъ времени запомнить лица всѣхъ служащихъ, онъ жилъ, какъ посторонній. Во главѣ дома стояла его дочь Маргарита, и это повелось съ тѣхъ поръ, какъ ей минуло семь или восемь лѣтъ. Она относилась къ этому очень легко и стремилась только исполнять свои прихоти. Когда она была маленькой, она заставляла садовниковъ пересаживать большіе клены. Это была очень дорогая затѣя, такъ какъ это при-

ходилось устраивать съ помощью машинъ, и деревья все-таки погибали, но какъ бы то ни было ея воля исполнялась.

Теперь она не выдумывала больше такихъ дорого стоющихъ штукъ. Хозяйство шло въ общемъ само собой, благодаря денежному потоку, безостановочно изливавшемуся на него. Кто смотрѣлъ на всю эту виллу, какъ на учрежденіе, гдѣ кормилось отъ двадцати до тридцати человѣкъ, исполнявшихъ ту или другую работу, и которое служило „домомъ“ для человѣка, покупавшаго обладаніе этимъ цѣною ежедневной изнурительной работы въ своей городской конторѣ,—тотъ былъ недалекъ отъ истины.

М-ръ Гронау ни въ какомъ отношеніи не передалъ дому своего личнаго отпечатка. Въ свое время онъ поручилъ отдѣлку его декоратору за соотвѣтствующее вознагражденіе, и поэтому онъ былъ отдѣланъ со вкусомъ и всякому вкусу было отдано должное.

У м-ра Гронау было нѣсколько хорошихъ картинъ. Онъ поручилъ покупку ихъ знатоку, такъ что противъ нихъ ничего нельзя было возразить.

Въ гостиной висѣлъ портретъ покойной жены м-ра Гронау, написанный по карточкѣ однимъ изъ знаменитыхъ французскихъ мастеровъ,—развѣ въ этомъ было что-нибудь неумѣстное? Во всѣхъ комнатахъ стояли античныя вещи, древнія китайскія вазы и шкатулки, старое оружіе, латы и серебро изъ Индіи; вѣдь это принято, и покупалось все это спеціалистами; самъ м-ръ Гронау умѣлъ только платить. Но и для этого нужно кое-какое дарованіе.

М-ръ А. Гронау сидѣлъ въ гостиной и читалъ газеты, когда пришелъ Ли.

Онъ посмотрѣлъ черезъ очки и поклонился; глаза его дважды блеснули въ знакъ привѣтствія. Ли очень нравилась эта манера старика.

— А! Ли! Гм... А Маргарита наверху. Вы можете, конечно, тоже пройти туда. Я васъ видѣлъ сегодня утромъ въ церкви, м-ръ Ли!

— Да, я былъ тамъ!

— Гм...

М-ръ Гронау опять спрятался за своей „Трибуной“, такъ что видны были только черные сапоги съ длинными голенищами и квадратными носками по модѣ 1860 года. Старый джентльмэнъ, увы! не снашивалъ уже больше своихъ сапогъ, они выглядѣли совсѣмъ новыми, хотя были куплены довольно давно. Тѣмъ не менѣе, по формѣ ноги можно было догадаться, что въ былыя времена онъ изнашивалъ не мало паръ подметокъ.

Ли вернулся въ вестибюль и приказалъ доложить о себѣ

миссъ Маргаритѣ. Онъ услышалъ, какъ она запрыгала наверху и черезъ минуту сама сбѣжала по лѣстницѣ навстрѣчу ему.

— О, Ли, хотите вы покататься вмѣстѣ на санкахъ?

Да, Ли хотѣлъ кататься на санкахъ съ Маргаритой. Какая-то тяжесть скатилась съ его груди, когда онъ увидѣлъ это безпечное дитя милліонера, этотъ огненно-красный, шумливый кусочекъ жизни. Ея присутствіе разгоняло все, что тяготило и давило ему сердце и голову,– эта Маргарита, въ которую онъ не былъ влюбленъ, по которой онъ не вздыхалъ, но вмѣстѣ съ которой онъ любилъ досыта надурачиться. Онъ отвѣтилъ ей воинственнымъ кличемъ:

— О, да!

— Только мы возьмемъ съ собой Гиппопотама, — вскричала Маргарита. — Конечно, это совсѣмъ не весело. Онъ страшно связываетъ, но ужъ мы должны какъ нибудь устроиться съ этимъ, ему ужасно нуженъ моціонъ. Его нужно хорошенько вывалять въ снѣгу, мы должны налетѣть на него и сбить его съ ногъ, такъ, чтобы онъ пришелъ въ ярость, это ему очень полезно. Я бы поѣхала одна съ нимъ, если бы вы не пришли. Идемте наверхъ, заберемъ его, я, какъ видите, готова...

На Маргаритѣ былъ ярко-красный спортивный костюмъ, который сильно уплощалъ ее въ таліи и дѣлалъ совершенно похожей на мальчика. Красный цвѣтъ шелъ къ ея чернымъ волосамъ, а къ остальному она была совершенно равнодушна. Она всегда такъ оживленно болтала, что невольно забывалось, красива она или нѣтъ. Они пошли наверхъ къ Гиппо, который встрѣтилъ ихъ смущенно, вытирая съ виноватымъ видомъ губы; онъ только что началъ лакомиться чѣмъ-то, и ему было очень непріятно, что его поймали на этомъ.

Но они великодушно сдѣлали видъ, что ничего не замѣтили. Пока Гиппо приготовлялся къ прогулкѣ, Ли осматривалъ его коллекціи, что нѣсколько безпокоило хозяина, такъ какъ онъ привыкъ стыдиться своихъ вкусовъ. Но Ли былъ въ самомъ дѣлѣ заинтересованъ, такъ какъ устроенный Гиппо музей былъ въ высшей степени оригиналенъ. У него стояли большіе стеклянные шкафы, наполненные самыми удивительными вещами, всевозможнымъ хламомъ, который Гиппо „находилъ“ повсюду, гдѣ онъ бывалъ. Кромѣ обычныхъ предметовъ обихода, тутъ были подковы, каблуки, которые онъ подбиралъ на улицѣ, пуговицы отъ брюкъ (подобранныя по фабричнымъ клеймамъ), обгорѣлыя спички, найденныя въ сточныхъ трубахъ, ламповыя горѣлки, драгоцѣнное перо, на которое Гиппо натолкнулся на Стэтъ-стритъ и которое, какъ выяснилось послѣ продолжительныхъ изслѣдованій, принад-

лежало голубою (объясненіе было приклеено надъ нимъ въ шкафу); обрубки дерева, оторванныя подошвы, чучела крысъ (найденныхъ мертвыми на тротуарахъ), набалдашникъ какой-то трости, осколки всевозможныхъ стеколъ, деревянная нога, кусокъ цѣпи, два заржавѣвшихъ замка, и еще всевозможный хламъ. Коллекціонерскій принципъ Гиппо заключался въ томъ, чтобы собирать все, чему остальные люди не придаютъ никакой цѣны; сверхъ того, онъ особенно цѣнилъ тѣ вещи, которыя онъ укралъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Ли былъ здѣсь послѣдній разъ, прибавилось много новыхъ вещей; между прочимъ, появилось нѣсколько хлѣбныхъ корокъ, найденныхъ на улицѣ. Въ Чикаго онѣ составляютъ большую рѣдкость, особенно въ зимнее время, и у Гиппо ихъ было помѣчено всего три номера. Но, кто знаетъ, быть можетъ, Гиппо не всегда могъ противиться искушенію и отъ времени до времени съѣдалъ тотъ или другой номеръ. Въ отдѣльномъ стеклянномъ ящикѣ лежали зерна маиса и солома, вѣроятно, похищенная изъ лошадиныхъ яслей.

Но наиболѣе драгоцѣнныя вещи коллекціи лежали въ глухомъ замкнутомъ шкафу, и ихъ никто не могъ видѣть. Гиппо слишкомъ стыдно было показывать ихъ, хотя онъ и дорожилъ ими больше всего. Это была коллекція гутаперчевыхъ сосокъ. Гиппо началъ собирать ихъ въ самомъ раннемъ возрастѣ и продолжалъ до послѣдняго времени, такъ что теперь у него была, вѣроятно, богатѣйшая коллекція въ мірѣ.

Гиппо былъ готовъ. Положивъ длинныя санки на козлы къ кучеру, они отправились въ Линкольнскій паркъ. Внутри парка былъ устроенъ искусственный катокъ, тянувшійся почти на цѣлую версту.

Зимой здѣсь проводила большую часть дня Чикагская молодежь.

Гиппо пользовался здѣсь большою извѣстностью и былъ встрѣченъ криками „ура", когда Маргарита и Ли повлекли его внизъ съ отчаянно высокой горы. Онъ сопротивлялся, рычалъ отъ страха, но тѣ не выпускали его. Маргарита принудила его сѣсть въ санки, и волей неволей онъ принужденъ былъ скатиться. Въ сущности, онъ даже нисколько не мѣшалъ: благодаря его тяжести сани пріобрѣли неудержимую стремительность.

Когда сани вкатились въ кущу деревьевъ на другомъ концѣ поля, гдѣ почти никого не было, Маргарита подала знакъ Ли. Онѣ вмѣстѣ накинулись на Гиппо и такъ долго валяли его въ снѣгу, что онъ пришелъ въ настоящее бѣшенство и готовъ былъ разорвать ихъ на части. Они бросились отъ него въ бѣгство, и онъ со всѣхъ ногъ помчался

за ними, не думая о томъ, что онъ слишкомъ много двигается (Гиппо боялся усиленныхъ движеній, чтобъ не пробуждать у себя чрезмѣрнаго аппетита).

Они прятались отъ него и убѣгали, пока не замѣтили, что онъ просто лопается отъ ярости. У него въ это мгновенье было серьезное желаніе уничтожить ихъ обоихъ. Но когда Маргарита нашла, что уже довольно, она направилась прямо къ нему.

— Ты что же это, бѣгаешь за нами, чтобы побить насъ? Ты, кажется съ ума сошелъ?

Слѣпой гнѣвъ Гиппо моментально утихъ, онъ сконфузился, хотѣлъ даже умоляюще сложить руки, но изъ этого ничего не вышло, такъ какъ его коротенькія, толстыя ручки едва доставали другъ до друга.

— Ты просишь прощенья, ну, ужъ, Богъ съ тобой,— сказала Маргарита. — Видано ли когда нибудь что нибудь подобное! Онъ въ одну минуту можетъ взбѣситься и готовъ кусаться. Вотъ мы такъ ужъ, дѣйствительно, устали, такъ какъ должны были бѣгать спасаться отъ тебя. Теперь ты долженъ везти насъ назадъ по полю, ты толстый и сильный, и это будетъ тебѣ наказаніемъ. Ли тоже проститъ тебѣ, когда ты прокатишь его въ саняхъ. Дуйся себѣ на здоровье,— самъ виноватъ! Ну, сядемъ же, а ты запрягайся.

Ли и Маргарита усѣлись, а Гиппо, кряхтя и отдуваясь, тащилъ ихъ всю дорогу, внутренно довольный тѣмъ, что искупаетъ свою вину. Маргарита сидѣла впереди и подбодряла его дружескими восклицаніями:

— Н-но, н-но!—кричала она, подражая кучерскимъ интонаціямъ.—Н-но!—Дыханье ея вѣтеръ относилъ назадъ, и Ли казалось, что свѣтитъ іюньское солнце и въ воздухѣ пахнетъ свѣжимъ утреннимъ дождикомъ.

Но вслѣдъ затѣмъ онъ вспомнилъ о вещахъ, отъ которыхъ у него застыло все тѣло и сразу вспомнилось, что теперь зима.

Паркъ былъ освѣщенъ фіолетовымъ отблескомъ сумерекъ на снѣжной равнинѣ. Тѣни начали сгущаться, и сразу стало холоднѣе. На западѣ тучи вдругъ прорвались, и изъ за нихъ выглянуло свѣтлое холодное небо. Казалось, что земля застыла среди холоднаго міроваго пространства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Революціонный“ бюджетъ.

(*Изъ Англіи*).

I.

Стоитъ только раскрыть теперь номеръ англійской консервативной газеты, чтобы натолкнуться на воззваніе Лиги протеста. Публика приглашается подписать приложенный при газетѣ листокъ слѣдующаго содержанія: «Я протестую противъ соціалистическихъ и революціонныхъ мѣръ, включенныхъ въ бюджетъ, и прошу записать меня членомъ Лиги протеста. Обязуюсь помогать Лигѣ средствами, распространеніемъ литературы и вербовкой другихъ членовъ». Не мало столбцовъ въ каждомъ номерѣ консервативныхъ газетъ удѣлено обличеніямъ «революціоннаго», «хищническаго», «разбойничьяго», «соціалистическаго», «карательнаго», «безумнаго» бюджета или воплямъ лицъ, у которыхъ есть крупная земельная собственность. Стоитъ раскрыть любую книжку журнала, чтобы натолкнуться тамъ на двѣ или три статьи о бюджетѣ. И если авторъ консерваторъ, то статья написана необыкновенно сильно. Вотъ, напримѣръ, три выдержки изъ начала, середины и конца статьи «Бюджетъ и соціальная революція», помѣщенной въ іюльской книжкѣ «Nineteenth Century». «Бюджетъ 1909 г. будетъ всегда знаменовать собою эпоху въ политической исторіи Англіи,—читаемъ мы въ ней.— Пройдетъ ли онъ и станетъ закономъ (что покуда невозможно еще сказать), погибнетъ ли, во всякомъ случаѣ, этотъ бюджетъ всегда будетъ памятенъ, какъ самая смѣлая попытка осуществить въ Англіи соціальную революцію при помощи фискальной системы». Это—начало статьи. Теперь приведу выдержку изъ середины. «Бюджетъ знаменуетъ собою эпоху еще по другой причинѣ. До сихъ поръ въ бюджетахъ ассигновались деньги на мѣры, утвержденныя уже раньше парламентомъ. Это вытекало естественно изъ того принципа, что необходимо собрать путемъ налоговъ и обложеній только такую сумму, какая нужна на расходы текущаго года. Знаніе того факта, что всякая схема, требующая для своего осуществленія денегъ, должна сопровождаться новыми налогами, имѣло благодѣтельное расхолаживающее вліяніе на чрезмѣрный пылъ на-

шихъ законодателей. Обложеніе налогами—неизбѣжное зло цивилизованнаго общества. Къ нему необходимо прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ». Теперь заключеніе статьи: «Бюджетъ этого года вводитъ, какъ принципъ, конфискацію части доходовъ очень богатыхъ людей, а также извѣстнаго вида собственности. Правительство явилось истолкователемъ взглядовъ самыхъ крайнихъ соціалистовъ и подкапывается подъ самые корни цивилизаціи. Бюджетъ слишкомъ революціоненъ, чтобы нація приняла его покорно» *). Англія наводнена теперь литературой, въ которой доказывается массамъ нѣсколько смѣлый экономическій тезисъ: «Налогъ на землю и на большіе капиталы убыточенъ и раззорителенъ для работниковъ, тогда какъ налогъ на хлѣбъ и на предметы первой необходимости выгоденъ, оживляетъ промышленность, поднимаетъ заработную плату и сокращаетъ число рабочихъ часовъ». Лига протеста, не надѣясь на то, что массы согласятся съ этимъ тезисомъ, взываетъ къ наслѣдственнымъ законодателямъ и убѣждаетъ ихъ отвергнуть бюджетъ. Такъ какъ подобнаго примѣра въ исторіи Англіи за послѣдніе 250 лѣтъ еще не было, то лордовъ приглашаютъ сдѣлать настоящій революціонный шагъ. Дальше я коснусь подробностей.

Съ другой стороны, Бюджетная лига распространяетъ милліоны листковъ, въ которыхъ доказывается избирателямъ, что новые налоги абсолютно необходимы теперь и что самое справедливое — обложить землю, незаработанное приращеніе и большіе доходы. «Прежде, чѣмъ голосовать, подумайте хорошенько, что означаетъ новый народный бюджетъ,—читаемъ мы въ одномъ изъ подобныхъ листковъ.—Бюджетъ долженъ осуществить: 1) пенсію для стариковъ, получавшихъ общественную помощь и обойденныхъ поэтому закономъ 1908 г.; 2) государственное страхованіе рабочихъ отъ болѣзней; 3) государственное страхованіе отъ безработицы. Новый бюджетъ означаетъ соціальныя реформы» **). «Почему должна быть обложена земля?—читаемъ мы въ другомъ памфлетѣ.—Земля — величайшая изъ всѣхъ монополій. Цѣнность ея возрастаетъ въ зависимости отъ трудолюбія и талантовъ всего населенія, живущаго и трудящагося на ней. Совершенно справедливо поэтому, чтобы землевладѣлецъ отдалъ государству пятую часть незаработаннаго приращенія, созданнаго не помѣщикомъ, а всѣмъ населеніемъ... Бюджетъ не облагаетъ налогомъ пищу массъ. Онъ уменьшаетъ тяготы, выпадающія на долю бѣдняковъ, открываетъ для народа доступъ къ землѣ, распредѣляетъ налоги по справедливости между классами, могущими платить, и укрѣпляетъ положеніе свободной торговли» ***). «Всѣ спрашиваютъ теперь, могутъ ли лорды отвер-

---

*) The Nineteenth Century, VII, 1909. p. p. 158, 161, 167.
**) The Budget League. Leaflet № 2.
***) „Daily News“, Leaflet, № 50.

гнуть бюджетъ и что будетъ, если они это сдѣлаютъ?—читаемъ мы въ одномъ изъ листковъ.—Послѣ выборовъ 1906 г. отношенія между лордами и коммонерами особенно обострились... Пэры подобны всѣмъ намъ. Они не любятъ платить налоги, даже если деньги нужны на такія статьи расхода, какъ государственная пенсія для стариковъ и усиленіе флота. Пэры полагаютъ, что, отвергнувъ бюджетъ, они снимутъ тяжесть обложенія съ плечъ богачей и взвалятъ ее на бѣдняковъ путемъ введенія налоговъ на пищевые продукты. Если бюджетъ будетъ отвергнутъ, то деньги все равно надо будетъ достать. Какъ собирается оппозиція (т. е. консерваторы) сдѣлать это? Путемъ введенія налоговъ на хлѣбъ, на мясо, на строевой лѣсъ», и т. д. Дальше въ листкѣ доказывается, что контроль надъ финансами Англіи принадлежитъ все цѣло коммонерамъ, а не лордамъ. Въ листкѣ приводятся слова Джона Брайта по поводу наслѣдственныхъ законодателей: «Неужели мы имъ подчинимся? Подчинимъ ихъ лучше себѣ, какъ наши предки подчинили королей» *).

Мы видимъ всюду въ Англіи рядъ грандіозныхъ манифестацій въ пользу бюджета. Въ демонстраціяхъ принимаютъ участіе какъ либеральная партія, такъ и партія рабочая. Вожди парламентской рабочей партіи и трэдъ-юніоновъ обѣщаютъ министерству поддержку массъ въ борьбѣ за бюджетъ. Такимъ образомъ, вокругъ бюджета этого года кипитъ ожесточенная борьба. Парламентъ, вообще, крѣпко держитъ въ своихъ рукахъ мѣшокъ съ общественными деньгами и зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы никто туда не запускалъ рукъ. Вотъ почему забронированная часть бюджета очень невелика. Всѣ государственные доходы поступаютъ въ англійскій банкъ, послѣ того, какъ они собраны различными вѣдомствами, на текущій счетъ «казначея его величества», т. е. министра финансовъ, и образуютъ такъ называемый Consolidated Fund. Послѣдній состоитъ изъ денежныхъ суммъ, не подлежащихъ обсужденію палаты, но *санкціонированныхъ все-таки раньше парламентомъ* (Consolidated Fund Services), и изъ суммъ, подлежащихъ ежегодно обсужденію (Supply Services). Первыя суммы, или забронированный фондъ, сдѣланы таковыми спеціальнымъ парламентскимъ закономъ. Забронированный фондъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ суммъ, идущихъ на погашеніе государственнаго долга и на уплату процентовъ. Затѣмъ къ забронированному фонду относится жалованье королю, королевѣ и королевскому до́му, а также пенсіи лицамъ, предки которыхъ оказали исключительныя услуги Англіи. Забронированный фондъ неприкосновененъ; но онъ все же обсуждался парламентомъ прежде, чѣмъ сталъ таковымъ. Палата за то имѣетъ полный контроль надъ другой частью государственныхъ расходовъ—Supply Services; эти расходы распадаются

*) The Budget League. Leaflet, № 4.

на три главныя рубрики: на армію, на флотъ и на гражданскую службу. Смѣты этихъ расходовъ представляютъ большой экзаменъ не только для министра финансовъ, но и для всего кабинета даже въ обычное время, когда не намѣчены никакія грандіозныя реформы. Когда же въ виду широкія преобразованія, требующія большихъ денегъ и поэтому изысканія новыхъ источниковъ дохода, бюджетъ становится историческимъ событіемъ, знаменующимъ цѣлую эпоху. Такой бюджетъ отражается потомъ на жизни цѣлой страны. Такъ было съ бюджетомъ, отмѣнившимъ хлѣбные налоги. Въ прошломъ году бюджетъ принесъ съ собою очень важное событіе: государственную пенсію для стариковъ; но въ немъ не было ничего «революціоннаго» въ смыслѣ нахожденія новыхъ источниковъ обложенія. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ въ этомъ году. Бюджетъ сведенъ съ дефицитомъ въ 160 милл. руб., который обусловливается промышленнымъ кризисомъ, введеніемъ государственной пенсіи для стариковъ (на это понадобилось около 90 милл. руб. въ годъ) и паникой, вызванной стремительнымъ вооруженіемъ Германіи. Государство это строитъ колоссальный флотъ, размѣры котораго держались въ тайнѣ. Такъ какъ флотъ этотъ и другія военныя подготовленія Германіи могутъ быть направлены только противъ Великобританіи, то въ Англіи раздался крикъ: «стройте броненосцы!» Паника была такъ сильна, что захватила всѣ партіи. Результатомъ явилось сооруженіе восьми добавочныхъ громадныхъ броненосцевъ. Эти расходы увеличили дефицитъ. Кромѣ того, вслѣдствіе создавшагося новаго отношенія государства къ индивидууму, впереди предвидятся новые расходы и новые дефициты.

Парламентъ долженъ во что бы то ни стало выйти изъ своего привычнаго, глубокаго желобка ничегонедѣланья и обязанъ научиться дѣлать что-нибудь болѣе поучительное, чѣмъ *laissez faire,*— писалъ когда-то Карлейль въ статьѣ *Chartism.* И если парламентъ не можетъ выучиться ничему новому, то что станетъ съ нимъ? Милліоны англійскихъ работниковъ обращаются теперь къ своему парламенту со слѣдующимъ вопросомъ: «Можешь ли ты управлять нами? Парламентъ и привилегіи лицъ, засѣдающихъ въ немъ, сильны; но еще сильнѣе необходимость и законы природы. Такъ или иначе, а реформы должны быть осуществлены». Мало-по-малу англійскій парламентъ, дѣйствительно, приходитъ къ новой интерпретаціи понятія «свобода личности». Подъ этимъ больше не подразумѣвается свобода сильнаго обирать слабаго и свобода послѣдняго умирать съ голода. Какъ послѣдствіе дѣйствительнаго уваженія къ чужой личности, назрѣваетъ все больше и больше сознаніе отвѣтственности государства за благополучіе индивидуумовъ. Старый взглядъ, что государство имѣетъ право жертвовать счастьемъ и жизнью цѣлыхъ классовъ ради достиженія своихъ цѣлей, мало-по-малу исчезаетъ.

Признаніе это мы находимъ, между прочимъ, въ бюджетной

рѣчи канцлера казначейства. «Передъ нами боевой бюджетъ,—сказалъ Ллойдъ-Джорджъ.—Передъ нами бюджетъ, который долженъ вести непримиримую войну противъ бѣдности. Я надѣюсь, что нынѣ живущее поколѣніе увидитъ уже значительное приближеніе къ тому блаженному вѣку, когда бѣдность и сопровождающее ее униженіе и вырожденіе исчезнуть, какъ сгинули въ нашей странѣ волки, которыхъ было нѣкогда такъ много въ лѣсахъ». Канцлеръ казначейства, какъ видите, смотритъ крайне оптимистически на ближайшее будущее. Въ послѣднія десять лѣтъ и въ парламентѣ часто поднимался вопросъ, какъ бороться съ бѣдностью и съ безработицей? Нѣкоторыя реформы, какъ пенсія для престарѣлыхъ, уже осуществлены. Рядъ реформъ намѣченъ въ двухъ докладахъ спеціальныхъ коммиссій, назначенныхъ для изслѣдованія вопроса объ общественномъ призрѣніи бѣдныхъ и о школахъ. Съ однимъ изъ этихъ докладовъ читатели «Русскаго Богатства» уже знакомы. Коммиссія представила мнѣнія большинства и меньшинства. Оба выясняютъ причины безработицы и рекомендуютъ средства борьбы съ нею. Отчетъ меньшинства указывалъ на переполненіе рабочаго рынка выходцами изъ деревни. Эти выходцы приносятъ на рынокъ только силу своихъ мышцъ, вслѣдствіе чего для пришлыхъ изъ деревни безработица является хроническимъ состояніемъ. Для борьбы съ безработицей—говорится въ докладѣ—необходимо прежде всего остановить тягу изъ деревни въ города и, если возможно, создать обратную тягу. Для этого необходимы широкія аграрныя реформы, имѣющія конечной цѣлью «возвращеніе земли народу». Въ докладѣ меньшинства, кромѣ того, выяснялось, какимъ образомъ безработица обусловливается недостаточной приспособленностью къ практической жизни мальчиковъ и дѣвочекъ, выпускаемыхъ начальной школой. Пребываніе въ школѣ—говоритъ докладъ—сравнительно непродолжительно. Дѣти вступаютъ въ жизнь слишкомъ рано, не зная ремесла. Школа выпускаетъ, такъ сказать, потенціальную армію безработныхъ.

Для детальнаго изслѣдованія того же вопроса о реформѣ начальнаго образованія была назначена вторая спеціальная коммиссія, представившая теперь свой докладъ. Коммиссія собрала богатый матеріалъ для изученія положенія подростковъ въ возрастѣ отъ 14-ти до 17-ти лѣтъ. Детальное ознакомленіе съ этимъ матеріаломъ въ высшей степени интересно. Мы видимъ передъ собою мальчиковъ и дѣвочекъ, оставляющихъ въ двѣнадцать лѣтъ народную школу и вынужденныхъ зарабатывать свой хлѣбъ. Чѣмъ больше прогрессируетъ современное общество, чѣмъ выше становится культура, чѣмъ утонченнѣе комфортъ, — тѣмъ все бо́льшая и бо́льшая создается потенціальная армія безработныхъ и будущихъ обитателей рабочихъ домовъ. Приведу нѣсколько конкретныхъ примѣровъ. Всякій сколько-нибудь респектабельный отель въ Англіи, каждая зажиточная семья считаютъ долгомъ имѣть «пажа»

или, по ходячей кличкѣ, «buttons». Названіе это — «пуговицы» — обусловливается спеціальной ливреей вродѣ коротенькой курточки, обшитой пуговицами, которую носятъ пажи или казачки. Служба «пажа»—чисто декоративная. Въ отеляхъ онъ стоитъ въ прихожей и почтительно прикладываетъ палецъ къ напомаженному виску; когда появляется гость, или бѣжитъ открывать дверцы кареты, въ частныхъ домахъ «buttons» чиститъ ножи и вилки и выбѣгаетъ на подъѣздъ звать экипажъ. Служба не трудная, конечно, но въ 15—16 лѣтъ «buttons» уже становится старъ, ему приходится искать другую работу; но никакому ремеслу онъ не обучился, служа въ «пажахъ». То же самое можно сказать и о краснощекихъ «blue boys», т. е. маленькихъ служащихъ на телефонахъ. «Blue boys» (мальчиками въ голубомъ зовутъ ихъ за кокетливый мундиръ) «старѣетъ» въ 16—17 лѣтъ. Онъ тогда вступаетъ въ жизнь безъ всякой профессіи. Господа и дамы, которые поднимаются на верхніе этажи отелей и магазиновъ въ лифтѣ, никогда не задумываются надъ тѣмъ, что служитель въ нарядной ливреѣ, стоящій съ ними въ подъемной машинѣ,—будущій нищій и обитатель рабочаго дома. Высокая культура, доставляя удобство людямъ, которымъ лѣнь или трудно подниматься по лѣстницѣ, приковала къ лифту живого, мыслящаго, свободнаго человѣка, какъ приковывали когда-то скиѳы своихъ плѣнниковъ къ ручному жернову. Приводя отъ ранняго утра до поздней ночи въ движеніе лифтъ, нельзя обучиться ремеслу. И если служащій получаетъ разсчетъ, то всѣ шансы у него на то, чтобы очутиться у воротъ доковъ или у дверей кабака.

Возьму изъ упомянутаго отчета нѣсколько фактовъ, иллюстрирующихъ скитанія маленькаго работника, будущаго обитателя рабочаго дома. «Т. Т. оставилъ школу въ одиннадцать лѣтъ. Сперва четыре мѣсяца помогалъ молочнику и получалъ по четыре шиллинга въ недѣлю. Оставилъ службу вслѣдствіе ссоры съ хозяиномъ. Шесть мѣсяцевъ потомъ былъ разсыльнымъ, получая по семи шиллинговъ въ недѣлю, да мундиръ на придачу. Былъ прогнанъ, потому что потерялъ врученное ему письмо. Семь мѣсяцевъ служилъ на посылкахъ у зеленщика. Получалъ пять шиллинговъ въ недѣлю. Оставилъ службу, такъ какъ нашелъ ее очень тяжелой. Больше года былъ потомъ фургонщикомъ (теперь предприниматели стремятся замѣнить взрослыхъ фургонщиковъ наполовину болѣе дешевыми подростками). Получалъ по 8 шил. въ недѣлю и ушелъ вслѣдствіе большой ссоры съ хозяиномъ. Поступилъ на ткацкую фабрику, гдѣ работалъ въ прядильномъ отдѣленіи. Работалъ два года, получая по 8 шил. 6 п. въ недѣлю. Фабрика обанкротилась». Такимъ образомъ, мальчикъ въ пять лѣтъ перемѣнилъ много занятій и вышелъ снова на рабочій рынокъ, не зная ничего. Такой мальчикъ можетъ стать только чернорабочимъ. Всю жизнь онъ будетъ испытывать безработицу, которая, по

всей вѣроятности, закончится въ рабочемъ домѣ, если это учрежденіе просуществуетъ до тѣхъ поръ.

— Туда ему и дорога! — сентенціозно скажутъ приверженцы стараго взгляда на отношенія государства къ индивидууму. Но въ Англіи мы видимъ, какъ назрѣваетъ мало-по-малу сознаніе *отвѣтственности* государства передъ личностью.

Коммиссія, изслѣдовавшая вопросъ о народныхъ школахъ, намѣтила цѣлый рядъ желательныхъ реформъ. Слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе на вечернія школы и повысить срокъ пребыванія въ народныхъ училищахъ,—совѣтуетъ коммиссія. И въ настоящее время вечернія школы поставлены хорошо въ Англіи. Мы имѣемъ здѣсь 5933 школы подобнаго рода. Въ отчетномъ году ихъ посѣщали 331.944 мужчинъ и 220.024 женщины. Изъ нихъ 50% было въ возрастѣ отъ 15 до 21 года. На содержаніе вечернихъ школъ расходуется теперь 342.835 ф. ст. Въ вечернихъ школахъ можно обучаться ремеслу, усовершенствоваться въ немъ; можно также прослушать общеобразовательные предметы, выучиться стенографіи, бухгалтеріи, иностраннымъ языкамъ и пр. Коммиссія рекомендуетъ, однако, рядъ широкихъ преобразованій. Немедленно слѣдуетъ повысить обязательное пребываніе въ начальной школѣ до тринадцати лѣтъ, и черезъ короткое время надлежитъ издать законъ, въ силу котораго дѣти могутъ оставить школу только въ 14 лѣтъ. Особыя льготы должны быть даны только въ земледѣльческихъ округахъ. Дѣтямъ, помогающимъ тамъ родителямъ при обрабатываніи полей, можетъ быть разрѣшено оставить школу въ 13 лѣтъ. Если дѣвочки въ тѣхъ же округахъ помогаютъ родителямъ, то ученицамъ разрѣшается посѣщать ее отъ 13 лѣтъ полдня. За то дѣвочки должны пробыть въ школѣ не до 14-ти, а до 15-ти лѣтъ. До семнадцати лѣтъ подростки обоего пола обязаны посѣщать вечернія профессіональныя школы. Никто изъ предпринимателей не имѣетъ права брать на службу подростка, не могущаго показать свидѣтельства о посѣщеніи имъ вечерней школы. Для пріисканія подходящихъ занятій для подростковъ уже учреждаются спеціальныя биржи труда (junior emploament registries), которыя, кромѣ того, даютъ совѣты родителямъ, какая профессія больше всего подходитъ дѣтямъ.

Биржи труда содержатся на общественныя средства и должны находиться въ тѣсной связи со всѣми другими учрежденіями подобнаго рода. Предприниматели обязываются давать своимъ служащимъ полную возможность посѣщать вечернія школы. Коммиссія составила подробную смѣту того, во сколько должна обойтись реформа. Поднятіе пребыванія въ школахъ до четырнадцати лѣтъ обойдется по смѣтѣ почти въ пять милліоновъ рублей (489.185 ф. ст.). Расширеніе вечернихъ школъ (въ предположеніи, что число учащихся въ нихъ достигаетъ $1^1/_2$ милл.) обойдется въ двадцать шесть милл. рублей въ годъ (2.625,000 ф. ст.) Сюда не вошли

расходы на содержаніе помѣщеній. Такимъ образомъ, расходуя ежегодно столько же, сколько стоитъ сооруженіе одного лишь *Дрэднаута*, который черезъ пять лѣтъ будетъ годиться развѣ на сломъ, государство можетъ выпускать изъ школъ подрастающее поколѣніе приспособленнымъ къ жизни. Юноши и дѣвушки получатъ возможность пріобрѣтать тогда практическія знанія, которыя пригодятся или въ самой Англіи, или въ колоніяхъ громадной имперіи. Распространеніе профессіональнаго образованія и всѣ тѣ мѣры, которыя рекомендуются теперь коммиссіей, не могутъ, конечно, сами по себѣ устранить совершенно безработицу. Послѣдняя обусловливается самимъ современнымъ строемъ; но внѣ сомнѣнія также, что рекомендуемыя мѣры въ извѣстной степени должны смягчить это явленіе. Авторы обширнаго и крайне добросовѣстнаго изслѣдованія о безработныхъ, о которомъ мнѣ приходилось уже говорить подробно въ «Русскомъ Богатствѣ» *), наглядно показали, какимъ образомъ безработность составляетъ перманентное явленіе въ жизни пришлаго изъ деревни населенія, не знающаго никакого ремесла.

Итакъ, мы видѣли, что спеціальныя коммиссіи собрали за послѣднія десять лѣтъ богатый матеріалъ относительно положенія массъ и намѣтили цѣлый рядъ реформъ. Въ бюджетѣ этого года мы находимъ смѣлую попытку отыскать деньги не только на покрытіе дефицита, но и на осуществленіе грандіозныхъ реформъ, которыя, несомнѣнно, должны поднять благосостояніе массъ.

II.

Въ своемъ изслѣдованіи о причинахъ богатства народовъ Адамъ Смитъ устанавливаетъ четыре принципа или канона раціональнаго и справедливаго обложенія. Хотя эти *каноны* вполнѣ никогда не примѣнялись на практикѣ, но теоретически они признаны идеальными всѣми англійскими экономистами и всѣми канцлерами казначейства. Реформы, которымъ подвергались въ Англіи бюджеты, сводятся къ возможно большему осуществленію *канонов*ъ, намѣченныхъ великимъ шотландскимъ экономистомъ. Адамъ Смитъ доказываетъ, что 1) граждане каждаго государства обязаны давать на поддержаніе правительственной машины такую сумму, которая, по возможности, находится въ прямой пропорціи съ доходами каждаго лица; 2) налогъ, уплачиваемый каждымъ индивидуумомъ, долженъ быть точно опредѣленъ, а не произволенъ; время и способъ платежа, а также размѣръ его должны быть ясно установлены; 3) каждый налогъ долженъ собираться въ періодъ, наиболѣе удобный для плательщика; 4) собираніе каждаго налога должно об-

*) West Ham. A. Study in social and industrial problems. London, 1907

ходиться возможно дешевле; необходимо по возможности уменьшить разницу между той суммой, которая взыскивается съ плательщика, и тою, которая поступаетъ въ казну. Кромѣ того, доказываетъ Адамъ Смитъ, въ промышленномъ и густо населенномъ государствѣ самыми справедливыми налогами является обложенiе незаработанныхъ доходовъ и выгодъ, извлекаемыхъ изъ естественныхъ монополiй *). Болтабль въ *Public Finance*, считающейся настольной книгой англiйскихъ государственныхъ дѣятелей, развиваетъ эти основныя положенiя: 1) Обложенiе налогами должно быть продуктивно. 2) Обложенiе должно быть экономично, т. е. собиранiе налоговъ должно стоить не дорого, а сами налоги должны, по возможности, меньше препятствовать росту богатства страны. 3) Необходимо, чтобы налоги были справедливо распредѣлены между разными классами населенiя; 4) чтобы податная система была эластична; 5) чтобы на поступленiе налоговъ можно было вѣрно разсчитывать, и 6) необходимо, чтобы обложенiе податью было удобно для плательщика.

Съ этими канонами, въ общемъ, сообразжались всѣ англiйскiе министры финансовъ за послѣднiя пятьдесятъ лѣтъ. Этимъ объясняется постепенная замѣна косвенныхъ налоговъ прямыми, отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ, налогъ на доходы свыше 160 ф. ст. въ годъ (рабочiе, клерки и всѣ служащiе, получающiе меньше 1600 руб. въ годъ, совсѣмъ не платятъ въ Англiи подоходнаго налога), и прогрессивный налогъ на наслѣдства, введенный Гаркортомъ. Такъ какъ «мирная политика» и «всеобщее соглашенiе» повели къ стремительному вооруженiю и къ лихорадочной постройкѣ *Дрэднаутовъ*; такъ какъ, съ другой стороны, нарождается новый взглядъ на отвѣтственность государства за благополучiе индивидуума, то министрамъ финансовъ потребовались громадныя суммы. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ у Англiи оставался излишекъ при доходѣ въ 81 мил. ф. ст. Теперь получается дефицитъ при доходѣ въ 152 мил. ф. ст. Время выдвинуло впередъ широкiя реформы, какъ государственная пенсiя для стариковъ (расширенiе существующаго закона), государственное страхованiе отъ безработицы, новая система школъ и пр. Ждать съ этими реформами, какъ заявилъ министръ финансовъ въ своей бюджетной рѣчи, больше нельзя. Надо изыскивать новые источники дохода, чтобы осуществить реформы и строить военные корабли.

И вотъ мы видимъ, какъ возникаютъ въ Англiи двѣ школы, дiаметрально расходящiяся между собою во взглядахъ на то, откуда достать деньги. Одна школа отстаиваетъ принципы, намѣченные еще Адамомъ Смитомъ, и, вслѣдствiе этого, рекомендуетъ прогрессивный подоходный налогъ, а въ особенности, обложенiе «не-

---

*) *Adam Smith*. An Inguiry into the Nature and causes of the Wealth of Nations. Book. V, chap. II. Part II. Изданiе 1860 г., стр. 347—342.

заработаннаго приращенія». Другая школа, состоящая, большею частью, изъ лицъ, близко заинтересованныхъ въ землѣ или въ обработкѣ не текстильныхъ производствъ,—проповѣдуетъ возвращеніе къ тарифамъ и къ косвеннымъ налогамъ. Мнѣ пришлось уже очень подробно выяснять на страницахъ «Русскаго Богатства» тѣ причины, которыя создали имперіализмъ и повели къ возрожденію протекціонизма *), поэтому я не стану теперь повторять уже сказаннаго.

Протекціонисты въ безчисленныхъ брошюрахъ, выпущенныхъ за послѣднія 6—7 лѣтъ, доказываютъ, что лишь «тарифная реформа» можетъ не только доставить необходимыя средства для соціальныхъ реформъ и постройки военныхъ кораблей, но избавить также страну отъ безработицы. Безработица обусловливается тѣмъ,—доказываютъ протекціонисты—что иностранцы, пользуясь свободой торговли въ Англіи, ввозятъ свои фабрикаты и убиваютъ, такимъ образомъ, отечественную промышленность. Если мы введемъ высокіе тарифы, а въ частности налогъ на привозные съѣстные продукты (хлѣбъ, мясо, масло и сыръ), то отечественная промышленность разовьется. Возродятся закрывшіяся фабрики. Явится спросъ на рабочія руки, что поведетъ, конечно, къ повышенію заработной платы. Она возвысится настолько, что работникъ и не замѣтитъ вздорожанія хлѣба вслѣдствіе введенія налога. Тарифная реформа, по утвержденію протекціонистовъ, хороша еще въ томъ отношеніи, что является справедливымъ возмездіемъ для «иностранца». Иностранецъ, этотъ коллективный Foreigner, на котораго рядовой англичанинъ валитъ отвѣтственность за всѣ бѣдствія, какъ у насъ на «масона» и на «еврея»,—заставляетъ Англію вооружаться и убиваетъ ея промышленность. Введеніемъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ можно заставить этого коварнаго иностранца доставлять средства на широкія вооруженія. Такъ утверждаютъ протекціонисты и въ брошюрахъ, предназначенныхъ для массъ, выставляютъ два девиза: 1) «тарифная реформа означаетъ работу для всѣхъ»; 2) «облагайте налогами иностранца» (tax the foreigner). Протекціонисты разрѣшили въ утвердительномъ смыслѣ ту загадку, которую предлагаютъ англійскимъ дѣтямъ: «можно ли съѣсть лепешку такъ, чтобы она осталась цѣлой?» Въ самомъ дѣлѣ, если иностранные фабрикаты убиваютъ отечественную промышленность, то необходимо остановить ихъ запретительными тарифами. Но если желаютъ, чтобы таможенныя пошлины доставляли громадныя средства на сооруженіе кораблей и на соціальныя реформы, — необходимо, чтобы въ Англію ввозилось много иностранныхъ товаровъ. «Обложеніе иностранца не только разовьетъ отечественную промышленность, говорится въ усиленно распространяемой брошюрѣ

*) См. *Діонео*, «Очерки современной Англіи», стр. 33—159 и «Англійскіе силуэты», стр. 287—319.

протекціонистовъ, но доставитъ также въ казну около 9 мил. ф. ст., изъ которыхъ 6 мил. ф. ст. можно употребить на реформы» *). Въ брошюрѣ дальше доказывается, что налогъ на пшеницу въ размѣрѣ двухъ шиллинговъ на четверть, въ сущности, не подниметъ стоимости печенаго хлѣба. Коврига поднимется въ цѣнѣ только на одинъ фартингъ (одну копѣйку), что составитъ добавочный расходъ на хлѣбъ только на два пенса въ недѣлю. Протекціонисты внезапно становятся защитниками высокой заработной платы. «Внѣ сомнѣнія, что фабриканты, дававшіе столь щедрыя пожертвованія на веденіе кобденовской агитаціи, руководствовались только желаніемъ имѣть дешевый трудъ,—говорится въ упомянутой только что брошюрѣ.—Фабриканты были убѣждены, что дешевый хлѣбъ означаетъ также дешевый трудъ. Самъ Кобденъ строго осуждалъ трэдъ-юніонизмъ, который стремился закрѣпить за рабочими, а не за фабрикантами, выгоду, происходящую отъ дешеваго хлѣба. Въ дѣйствительности, по мѣрѣ развитія машинъ, сберегающихъ трудъ, значеніе труда, какъ фактора въ производствѣ, значительно уменьшилось. Америка и Германія признали это. Стало важно производить возможно большее количество. Германія и Соединенные Штаты, защищая свои внутренніе рынки, получили возможность производить фабрикаты въ громадномъ количествѣ для постояннаго рынка и наводнили, такимъ образомъ, Англію своими издѣліями» **). «Если протекціонизмъ такъ выгоденъ для страны, а свободная торговля такъ гибельна,—отвѣчаютъ фритрэдеры, то чѣмъ же объяснить, что Англія неизмѣримо богаче Германіи? Въ Англіи подоходный налогъ платятъ только лица, получающія больше 160 ф. ст. въ годъ. Въ Пруссіи этотъ налогъ обязаны платить всѣ, получающіе болѣе 900 марокъ (45 ф. ст.) въ годъ. Въ Великобританіи милліонъ плательщиковъ подоходнаго налога имѣютъ въ общемъ доходъ въ 900 мил. ф. ст. Въ Пруссіи 5.400,000 плательщиковъ подоходнаго налога имѣютъ доходъ только въ 600 мил. ф. ст. Такимъ образомъ, милліонъ англійскихъ плательщиковъ (съ ихъ ихъ семьями—5 мил., или 12,5% всего населенія) имѣетъ на 300 мил. ф. ст. въ годъ больше дохода, чѣмъ 5.400.000 прусскихъ плательщиковъ (съ семьями—17 мил., или около 44,5% всего населенія Пруссіи) ***). Исходя изъ «каноновъ» справедливаго обложенія, говорятъ фритрэдеры, надо признать налоги на хлѣбъ и съѣстные продукты, рекомендуемые протекціонистами, въ высшей степени несправедливыми, потому что они ложатся всею тяжестью на бѣдняковъ. Въ 1904 г. министерство торговли тщательно изслѣдовало вопросъ о томъ, какую часть своего заработка расходуютъ на пищу лица,

*) Hundred Points on Tariff Reform, 98.
**) Ib. Point. 26.
***) Hundred Points for Free Trade Point 93.

живущія поденной платой. Свѣдѣнія, полученныя министерствомъ, сводятся къ слѣдующему.

Получающіе въ недѣлю.	Расходуютъ на ѣду.	Процент. от.
21 ш. 4 пенса	14 ш. 4 п.	67,2%
31 ш. 11 п.	20 ш. 9 п.	65%
52 ш.	29 ш. 8 п.	57%

Такимъ образомъ, налогъ на пищевые продукты для лицъ, получающихъ 52 шиллинга въ недѣлю, означаетъ обложеніе 57% ихъ заработка. Для лицъ же, получающихъ 21 ш. 4 п. въ недѣлю, «тарифная реформа» будетъ означать обложеніе 67,2% ихъ заработка. Съ другой стороны, лица съ доходомъ въ 500 ф. ст. почти не почувствуютъ тяжести налоговъ на пищевые продукты. Для состоятельныхъ людей почти безразлично, стоитъ коврига хлѣба 5 или 8 пенсовъ. Что же касается до богатыхъ людей, то налоги на пищевые продукты имъ выгодны, такъ какъ понижаютъ подоходные налоги. Такимъ образомъ,—продолжаютъ защитники «каноновъ» Адама Смита,—когда протекціонисты говорятъ о «расширеніи базиса фискальнаго обложенія», они попросту хотятъ снять съ плечъ богатыхъ людей тяжесть налога и взвалить ее на плечи бѣдняковъ. Если протекціонизмъ такъ выгоденъ для массъ, какъ утверждаютъ сторонники «тарифныхъ реформъ», то чѣмъ же объяснить, спрашиваютъ фритрэдеры, что въ странахъ съ высокими таможенными тарифами населеніе далеко не благоденствуетъ? Высокія таможенныя пошлины существуютъ въ Россіи, Португаліи, въ Испаніи. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ мы видимъ запретительные тарифы; но, тѣмъ не менѣе, населеніе нищенствуетъ. Возьмемъ, напр., Испанію, въ которой теперь революціонное движеніе вспыхнуло съ такою силою *).

Въ 1892 г., послѣ доклада, представленнаго спеціальной коммиссіей, Испанія значительно повысила всѣ пошлины на привозные фабрикаты. «Базисъ фабричнаго обложенія» былъ расширенъ. И вотъ результаты. Торговля Испаніи опредѣлялась слѣдующими цифрами (въ мил. ф. ст.).

---

*) Движеніе это является неожиданнымъ только для лицъ, не желающихъ ничего видѣть. Если читатели вспомнятъ мое письмо изъ Испаніи, напечатанное въ іюньской книжкѣ «Русскаго Богатства» и написанное въ Мадридѣ въ маѣ, то увидятъ, что трагедія тамъ предсказана. И для подобнаго предсказанія совсѣмъ не надо было обладать пророческимъ даромъ. Надо было быть слѣпымъ, чтобы не видѣть причинъ, вызывавшихъ глубокое раздраженіе у народа. Надо было быть глухимъ, чтобы не слышать, въ какихъ формахъ выражалось у населенія это недовольство. Предсказать событія могъ всякій, кто слѣдилъ за испанской печатью, кто хоть разъ побывалъ въ театрѣ или на народномъ митингѣ. Надо удивляться не интенсивности взрыва въ Каталоніи, а тому, что пожаръ ограничился только одною провинціею.

	Ввозъ.	Вывозъ.
Въ 1891 г.	37	34
» 1892 г.	32	28
» 1893 г.	29	26
» 1894 г.	30	25

Такимъ образомъ, мы видимъ, что «расширеніе базиса фискальнаго обложенія» сразу остановило развитіе испанской торговли. Повышеніе тарифовъ, безъ сомнѣнія, не приноситъ казнѣ громадныхъ суммъ, необходимыхъ на соціальныя реформы и на новыя вооруженія. Протекціонизмъ не является также гарантіей отъ безработицы. Англія знала безработныхъ въ «голодные сороковые годы», когда протекціонизмъ былъ въ полной силѣ. Таможенные тарифы въ Соединенныхъ Штатахъ очень высоки, быть можетъ, выше, чѣмъ гдѣ-либо въ другой странѣ, кромѣ Россіи. Между тѣмъ, безработица—хроническое явленіе въ великой Американской республикѣ. По переписи 1890 г. въ Соединенныхъ Штатахъ было 15,1% безработныхъ, а по переписи 1900 г.—22,3%. По даннымъ этой переписи мы видимъ, что 3,1 мил. людей были безъ работы отъ 1—3 мѣсяцевъ; 2,5 мил.—отъ 4—6 мѣс.; 0,7 мил.—отъ 7—12 мѣсяцевъ.

Протекціонисты пытаются даже использовать данныя, добытыя экономистами враждебнаго имъ лагеря. Такъ дѣлаетъ, напримѣръ, Ellis Barker въ своей книжкѣ, усиленно распространяемой протекціонистами. Чарльзъ Бузсъ,—пишетъ Баркеръ—изслѣдовавшій въ теченіе многихъ лѣтъ положеніе рабочихъ въ Лондонѣ, пишетъ, что 30,7% населенія столицы живутъ въ бѣдности. Раунтри, изслѣдовавшій въ высшей степени тщательно условія труда въ Іоркѣ, нашелъ, что 27,84% всего населенія тамъ живетъ въ бѣдности. На основаніи этихъ изслѣдованій покойный сэръ Генри Кэмбель-Баннерманъ заявилъ въ парламентѣ, что «30% всего населенія получаетъ недостаточную заработную плату и живетъ, поэтому, впроголодь». Тридцать процентовъ всего населенія это — около сорока пяти процентовъ лицъ, живущихъ заработной платой. Можемъ ли мы повѣрить фритрэдерамъ,—спрашиваетъ Баркэръ — увѣряющимъ, что нигдѣ во всей Европѣ рабочіе не живутъ такъ хорошо и не получаютъ такой высокой заработной платы, какъ въ Англіи, если изъ каждыхъ двадцати англійскихъ работниковъ девять живутъ въ бѣдности? Согласно отчету «Labour Gazette», издаваемой министерствомъ торговли и промышленности, въ февралѣ 1909 г. въ Соединенномъ Королевствѣ было 2.076.316 пауперовъ. Другими словами, изъ каждыхъ 105 человѣкъ населенія—пять такъ или иначе прибѣгали къ общественной помощи. Если мы прибавимъ сюда всѣхъ пауперовъ—умалишенныхъ да еще бродягъ, то есть, еще 250.000 человѣкъ, то найдемъ, что существованіе трехмилліоннаго населенія зависитъ отъ общественной благотворительности. Рабочіе, получающіе скудную плату, не

могутъ дѣлать никакихъ сбереженій на старость. Насколько господствуетъ бѣдность среди стариковъ Соединеннаго Королевства, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, составленной министерствами земствъ и муниципалитетовъ (Local Government Board) по случаю введенія пенсіи для престарѣлыхъ.

Лицъ старше 65 лѣтъ съ доходомъ *больше*, чѣмъ въ десять шилл. въ недѣлю	778.283
Лицъ старше 65 лѣтъ съ доходомъ *меньше*, чѣмъ въ десять шилл. въ недѣлю	1.337.984
	2.116.267

Такимъ образомъ, двѣ трети всѣхъ стариковъ имѣютъ меньше, чѣмъ десять шиллинговъ въ недѣлю. Нація расходуетъ ежегодно 30 мил. ф. ст. на частную и общественную благотворительность. И, тѣмъ не менѣе, бѣдность достигаетъ ужасныхъ размѣровъ въ этомъ «раѣ свободной торговли» *). Факты указаны совершенно вѣрно; но они могли бы служить аргументомъ въ пользу протекціонизма только тогда, если бы можно было доказать, что населенію въ Англіи жилось гораздо лучше до введенія свободной торговли. Факты говорятъ намъ діаметрально противоположное. «Современное поколѣніе въ Англіи почти совершенно забыло страданія массъ въ серединѣ девятнадцатаго вѣка, писалъ въ ноябрѣ 1885 г. Чэмберлэнъ, который въ 1903 г. первый прямо поставилъ вопросъ о возвращеніи къ протекціонизму... Въ сороковыхъ годахъ, въ «hungry forties», – все рабочее населеніе земледѣльческихъ округовъ Англіи жило впроголодь. Въ нѣкоторыхъ округахъ всѣ мѣстные налоги шли на поддержаніе бѣдныхъ. Нищета и голодъ въ большихъ городахъ достигали такихъ ужасающихъ размѣровъ, что центры эти напоминали крѣпости, обложенныя непріятелемъ. Голодные бродили по улицамъ, какъ тѣни, а не какъ живыя существа. Почти въ каждомъ городѣ происходили хлѣбные мятежи. Въ поляхъ постоянно пылали подожженные скирды и ометы. Голодъ свирѣпствовалъ въ Ирландіи. Благоденствовали только помѣщики, выколачивавшіе всѣми неправдами ренту. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ помѣщиковъ въ Англіи, герцогъ Норфолькскій, училъ тогда народъ, какъ слѣдуетъ поступать, чтобы не испытывать мукъ голода: надо размѣшать щепотку соли съ кайенскимъ перцемъ въ водѣ и выпить. Совѣтъ этотъ вызвалъ тогда взрывъ негодованія во всей Англіи. Герцога Норфолькскаго громили тогда съ сотни платформъ. Передъ тѣмъ, какъ отмѣнили хлѣбныя пошлины, Англія находилась наканунѣ революціи».

Итакъ, того, что деньги *должны* быть найдены, не отрицали ни

*) *Ellis Barker*, «The Daily Express» Hundred and one Points against Free trade. London, 1909. Point 12.

либералы, ни консерваторы. Не только всѣ партіи соглашались, что необходимы средства на сооруженіе дополнительныхъ военныхъ кораблей, но всѣ признавали абсолютную необходимость соціальныхъ реформъ. Ни либералы, ни консерваторы не могутъ теперь стать у власти безъ поддержки массъ. Такимъ образомъ, даже тѣ, которые въ глубинѣ души абсолютно противъ новыхъ отношеній государства къ индивидууму, не рѣшаются болѣе открыто выступить противъ этого, какъ дѣлали въ сороковыхъ годахъ лордъ Норфолькъ или лордъ Лондондери. Деньги надо было найти. Весь вопросъ состоялъ въ томъ, принесутъ ли эти средства неимущіе или имущіе: будетъ ли построенъ новый бюджетъ на косвенныхъ налогахъ или на обложеніи крупныхъ доходовъ и земли.

III.

Бюджетъ былъ внесенъ въ парламентъ на цѣлый мѣсяцъ позднѣе обыкновеннаго и поразилъ всѣхъ своею смѣлостью и грандіозностью. «Я самъ вышелъ изъ народа, поэтому знаю его страданія,—сказалъ министръ финансовъ въ своей бюджетной рѣчи, продолжавшейся шесть часовъ.—Когда премьеръ пригласилъ меня въ трудное время быть канцлеромъ казначейства, я твердо рѣшилъ, что при составленіи бюджета буду руководствоваться слѣдующимъ принципомъ: мой бюджетъ никого не долженъ раззорить и не долженъ сдѣлать тяжелѣе ничьей доли. Эту мѣрку прошу васъ прикидывать при критикѣ бюджета». Министръ финансовъ намѣтилъ прежде всего тѣ реформы, для осуществленія которыхъ необходимы теперь деньги. По закону, вошедшему въ силу съ 1 января 1909 г., государственную пенсію въ размѣрѣ до пяти шиллинговъ въ недѣлю получаютъ старики, достигшіе семидесяти лѣтъ, британско-подданные, не опороченные судомъ, не пользовавшіеся общественной помощью и имѣющіе доходъ изъ другихъ источниковъ не больше, какъ 31 ф. 10 шил. въ годъ. Теперь проектируется расширить реформу. Пенсія будетъ выдаваться 200.000 — 300.000 старикамъ, которые вынуждены были въ своей жизни обратиться къ общественной помощи и, такимъ образомъ, согласно закону 1908 г., теряли право на вознагражденіе отъ государства за трудовую жизнь. Въ настоящее время эти старики получаютъ отъ комитетовъ призрѣнія бѣдныхъ изъ общественныхъ суммъ по 2—2½ шил. въ недѣлю. Государство прибавитъ изъ своихъ суммъ еще 2½ шил. въ недѣлю, такъ что и эти старики будутъ получать по 5 шил. въ недѣлю.

Пенсія обезпечиваетъ только стариковъ и старухъ въ возрастѣ отъ 70 лѣтъ. Государство не можетъ теперь понизить возрастъ пенсіонеровъ до 65 лѣтъ,—сказалъ канцлеръ казначейства—такъ какъ на осуществленіе этого понадобилось бы 15 мил. фун. стер.

въ годъ. За то государство задумало теперь широкій проектъ страхованія на случай болѣзни, старости и безработицы. Теперь страхованіемъ своихъ сочленовъ на случай безработицы заняты трэдъюніоны. Государство намѣрено поощрять самодѣятельность рабочихъ союзовъ, объяснилъ министръ финансовъ. Оно позаботится также о томъ, чтобы и чернорабочій, не принадлежащій къ профессіональному союзу, тоже не остался безъ всякихъ средствъ въ случаѣ безработицы. Когда я говорю о безработицѣ,—продолжалъ Ллойдъ-Джорджъ,—то имѣю въ виду отсутствіе заработка не вслѣдствіе болѣзни, личныхъ неудачъ или стачки. Я подразумѣваю безработицу, являющуюся результатомъ сезона и промышленнаго кризиса». Проектируется, чтобы рабочіе и предприниматели вносили долю страховой платы, государство же изъ своихъ суммъ внесетъ остальную часть страховыхъ денегъ. Государство намѣрено при осуществленіи реформы опереться на организаціи рабочихъ, на профессіональные союзы и дружественныя общества, которыя уже давно помогаютъ своимъ сочленамъ въ случаѣ болѣзни, безработицы, а семьямъ—въ случаѣ смерти кормильца. Одни эти общества, безъ содѣйствія государства, не могутъ разрѣшить вопросъ, такъ какъ членами ихъ являются только хорошо зарабатывающіе, технически обученные работники. Канцлеръ казначейства объяснилъ, что министерство, при выработкѣ законопроекта, обратилось за совѣтами къ профессіональнымъ союзамъ и къ дружественнымъ обществамъ. «Болѣе компетентныхъ совѣтниковъ трудно было бы найти», — прибавилъ Ллойдъ-Джорджъ. Министерство пришло къ слѣдующимъ выводамъ. Система страхованія можетъ быть только тогда полезна, когда она носитъ принудительный характеръ. Заинтересованные классы должны уплачивать часть страховыхъ денегъ. Государство обязано, съ своей стороны, вносить такую солидную сумму, которая могла бы помочь работникамъ, не могущимъ платить страховую премію вслѣдствіе скудости или неправильности своего заработка. Затѣмъ—прибавилъ канцлеръ казначейства—въ Англіи, гдѣ профессіональные союзы и дружественныя общества всякаго рода поражаютъ своею организаціею и стройностью,—никакая правительственная система страхованія не можетъ быть успѣшна, если она хоть сколько-нибудь вредитъ имъ *).

Впослѣдствіи, въ своей рѣчи къ избирателямъ, другой министръ кабинета Черчиль, далъ нѣкоторыя подробности законопроекта обязательнаго страхованія, который будетъ внесенъ въ парламентъ въ 1910 г. «Министерство вырабатываетъ широкую систему страхованія отъ безработицы, основанную на томъ, что работникъ долженъ вносить еженедѣльно, покуда имѣетъ работу, небольшую, крайне необременительную сумму. Къ этой суммѣ предприниматель, отвѣтственный за человѣка, служащаго у него, прибавитъ отъ себя

*) Times, April 30, 1909.

часть, а государство, на которомъ лежитъ отвѣтственность за всѣхъ, внесетъ самую солидную долю. И вотъ, когда наступятъ плохiя времена, работникъ получитъ помощь, которая дастъ ему возможность дождаться оживленiя въ промышленности... Въ будущемъ году канцлеръ казначейства внесетъ въ парламентъ даже болѣе широкiй проектъ. Дѣло идетъ о страхованiи всѣхъ квартиронанимателей на случай болѣзни, старости или смерти кормильца. Въ исторiи нашей страны ничего подобнаго еще не бывало» *). Правительство намѣрено отпускать ежегодно 30—40 мил. рублей на страхованiе рабочихъ на случай болѣзни и 10 милл. руб.—на случай безработицы.

Министерству—объяснилъ дальше Ллойдъ-Джорджъ — необходимы деньги для развитiя новыхъ источниковъ дохода какъ для населенiя, такъ и для государства. Къ числу такихъ источниковъ дохода принадлежатъ, между прочимъ, лѣса.

Какъ извѣстно, всюду на земномъ шарѣ лѣса истребляются и съ поразительной быстротой. Громадные корабли, нагруженные древесной мякотью (пульпой), отправляются постоянно отъ береговъ Норвегiи въ Англiю, Францiю, всюду. Эта «пульпа» будетъ превращена потомъ въ непрочную, разсчитанную на одинъ день жизни газетную бумагу. New Iork Herald издаетъ воскресныя добавленiя въ 50—60 страницъ. На то, чтобы приготовить бумагу для этого воскреснаго номера, необходимо уничтожить 250 гектаровъ лѣса. А черезъ день этотъ номеръ будетъ брошенъ въ сорный ящикъ. Дешевыя газеты съ массой объявленiй о кухаркахъ и натурщицахъ грозятъ уничтожить всѣ лѣса. Не говорю уже о мостовыхъ, постройкахъ, сооруженiяхъ всякаго рода и пр. Соединенное Королевство теперь бѣднѣе лѣсами, чѣмъ какая либо другая страна. Это видно изъ слѣдующей таблички:

	Площадь, занятая лѣсами (въ акрахъ).	% отношенiе къ площади всей страны.
Великобританiя	3.075.904	4%
Италiя	9.030.320	12%
Испанiя	20.955.480	17%
Францiя	23.360.062	17,7%
Норвегiя	19.280.820	24%
Германiя	34.734.123	25,8%
Австро-Венгрiя	46.833.684	30,4%
Россiя	447.592.405	36%
Финляндiя	50.359.471	38%
Швецiя	45.061.984	44%
Соединенные Штаты. .	159.439.979	44%

*) *Times*, july 30, 1909.

Только въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ лѣса являются собственностью государства, которое въ послѣднее время приняло энергичныя мѣры къ охраненію ихъ. Въ европейскихъ странахъ государство является собственникомъ отъ 82,2°/₀ всей лѣсной площади (Испанія) до 4,1°/₀ (Англія). Въ Великобританіи, какъ и въ другихъ странахъ, мы имѣемъ теперь краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ лѣсонасажденія. Dr. Schlich доказываетъ, напр., что въ Великобританіи есть теперь отъ 5—6 мил. акровъ пустующей земли, вполнѣ пригодной для разведенія лѣса. Авторъ указываетъ на ланды во Франціи. Сорокъ лѣтъ тому назадъ эти громадныя песчаныя пространства не представляли никакой цѣнности и отдавались почти задаромъ (мѣркой при продажѣ земли являлось «на сколько слышенъ голосъ»). Теперь на дюнахъ всюду разведены лѣса итальянскихъ сосенъ, приносящіе государству громадный доходъ (терпентинъ). По вычисленіямъ Dr. Schlich, насажденіе деревьевъ обойдется государству по 2 ф. ст. на акръ. Впослѣдствіи лѣсъ дастъ постояную работу 200.000 семействамъ, тогда какъ теперь лѣса въ Англіи доставляютъ занятіе только 16 тысячамъ семействамъ. Канцлеръ казначейства заявилъ, что государство намѣрено теперь удѣлять ежегодно опредѣленную сумму на лѣсонасажденіе.

Является вопросъ, откуда взять средства на осуществленіе этихъ реформъ? Отъ прибавленія расхода на новые военные корабли бюджетъ былъ составленъ съ дефицитомъ въ шестнадцать мил. ф. ст. Чтобы покрыть дефицитъ, министерство предложило, прежде всего, сократить на три мил. ф. ст. сумму, идущую ежегодно на погашеніе государственнаго долга. Такъ какъ всѣ государства постоянно обзаводятся самыми послѣдними пушками и ружьями, держатъ громадныя арміи и сооружаютъ флотъ, то всѣ обзавелись колоссальными долгами. Такъ какъ многія государства къ тому же и воюютъ въ кредитъ, то долгъ еще больше растетъ. Англія тоже имѣетъ громадный государственный долгъ. Она тоже сдѣлала заемъ (внутренній, а не внѣшній) для южно-африканской войны. Но Англія существенно отличается отъ другихъ государствъ на континентѣ тѣмъ, что *никогда* не дѣлаетъ займовъ для постройки военныхъ кораблей или для перевооруженія. Кромѣ того, въ то время, какъ другія государства платятъ только проценты по своимъ долговымъ обязательствамъ, Англія систематически погашаетъ свой государственный долгъ. Объ этомъ говорятъ, напр., слѣдующія цифры. Въ 1836 г. государственный долгъ Англіи равнялся 843,7 мил. ф. ст., а въ 1890 г.—688,5 мил. ф. ст. Наканунѣ войны, въ 1899 г. долгъ равнялся 628 мил. ф. ст. Война погнала вверхъ сумму государственнаго долга:

Въ 1901 г.	689,4	мил.	ф.	ст.
» 1902 г.	745	»	»	»
» 1903 г.	770,7	»	»	»

Бурская война, такимъ образомъ, прибавила къ государственному долгу 142 мил. ф. ст. Но какъ только заключенъ былъ миръ, консервативное министерство, а затѣмъ еще болѣе усердно либеральное,—принялись погашать государственный долгъ. Въ четыре года погашено было 62 мил. ф. ст. Сбереженныя такимъ образомъ процентныя деньги дали возможность министерству ввести пенсіи для престарѣлыхъ. Теперь погашена уже такая часть добавочнаго долга, образовавшагося вслѣдствіе южно-африканской войны, что министерство находитъ возможнымъ расходовать на уплату долга не 7 мил. ф. ст., какъ прежде, а только четыре мил. ф. ст. Такимъ образомъ, на покрытіе 16 мил. ф. ст. дефицита въ этомъ году три мил. ф. ст. взяты изъ суммъ, идущихъ на погашеніе государственнаго долга. Остальные 13 мил. ф. ст. проектируется собрать путемъ новыхъ налоговъ.

IV.

Всѣ классы населенія должны нести на своихъ плечахъ государственную машину. Справедливость требуетъ только, чтобы на долю болѣе сильныхъ, т. е. наиболѣе богатыхъ, доставалась бóльшая тяжесть, чѣмъ на долю слабыхъ. Этотъ принципъ замѣчательно выдержанъ въ новомъ бюджетѣ. Бѣдные классы тоже должны будутъ платить свою долю. Канцлеръ казначейства не повысилъ налога на чай, не ввелъ отмѣненнаго послѣ войны налога на сахаръ, потому что эти продукты являются предметомъ первой необходимости. За то онъ предложилъ новый налогъ на табакъ (восемь пенсовъ, или 32 коп. на фунтъ) и на спиртъ (3 шил. 9 пенсовъ на галлонъ). Первый налогъ долженъ, по разсчетамъ, дать 1,9 милл. ф. ст., а второй—1,6 мил. ф. ст. Когда началась кампанія помѣщиковъ противъ бюджета, то налогами на табакъ и водку вздумали воспользоваться для того, чтобы залучить на свою сторону массы.

«Министерство, попавшее подъ вліяніе революціонеровъ, задумало систему грабежа,—читаемъ мы въ воззваніи, красующемся въ окнахъ кабаковъ.—Бѣдные англійскіе работники! Министерство желаетъ отнять у васъ единственную радость: вашу трубку и вашъ стаканъ пива!» Чтобы создать у массъ раздраженіе противъ бюджета, пивовары немедленно подняли цѣну на пиво, хотя послѣднее не подлежитъ обложенію. Рабочая партія оттолкнула руку неожиданныхъ защитниковъ. На рядѣ митинговъ и въ парламентѣ вожди рабочей партіи заявили, что массы, сознавая всю важность государственной безопасности и такихъ реформъ, какъ страхованіе отъ болѣзней и безработицы, охотно готовы нести свою долю налоговъ и ничего не имѣютъ противъ обложенія водки и табака.

Въ бюджетѣ мы видимъ дальше рядъ налоговъ, падающихъ исключительно на очень богатыхъ людей. И вслѣдствіе этихъ

налоговъ помѣщики называютъ бюджетъ «революціоннымъ». Прежде всего, идетъ новый налогъ на наслѣдства. Прежній налогъ (Death Duties), давшій въ прошломъ году казнѣ 19,1 мил. ф. ст., что свидѣтельствуетъ о поразительномъ богатствѣ страны,—былъ введенъ въ 1894 г. по проекту покойнаго сэра Вильяма Гаркорта, несмотря на вопли верхней палаты о «грабежѣ». О размѣрѣ гаркортовскаго прогрессивнаго налога на наслѣдства говоритъ слѣдующая таблица.

Размѣры наслѣдства въ фунтахъ стерл.	Взыскивается въ пользу государства.
101— 500	1
501— 1.000	2
1.001— 10.000	3
10.001— 25.000	4
25.001— 50.000	4,5
50.001— 75.000	5
75.001— 100.000	5,5
100.001— 150.000	6
150.001— 250.000	7
250.001— 500.000	8
500.001— 750.001	9
750.001—1.000.000	10
1.000.001—1.500.000	11
1.500.001—2.000.000	12
2.000.001—2.500.000	13
2.500.001—3.000.000	14
свыше 3.000.000 ф. ст.	15

Теперь въ новомъ бюджетѣ проектируется повысить налоги на большія наслѣдства. Съ наслѣдствъ свыше, чѣмъ въ пять тысячъ ф. ст., государство будетъ брать теперь 4%; съ наслѣдства свыше, чѣмъ 10 тысячъ ф. ст.—5%; свыше 20 тысячъ ф. ст.—6%; свыше 40 тысячъ ф. ст.—7%; свыше 70 тысячъ ф. ст.—8%; свыше 100 тысячъ ф. ст.—9%; свыше 150 тысячъ ф. ст.—10%; свыше 200.000 ф. ст.—11%; свыше 400.000 ф. ст.—12%; свыше 600 тысячъ ф. ст.—13%; свыше 800 тысячъ ф. ст.—14%; свыше 1 мил. ф. ст.—15%. Кромѣ того, пошлины на передачу наслѣдствъ повышены на 2—5%. По разсчету канцлера казначейства, повышеніе налога и пошлинъ на наслѣдства должно доставить казнѣ еще 3,9 мил. ф. ст., т. е. добавочныхъ 39 мил. руб. (всего 229 мил. руб.). Чтобы дать представленіе о размѣрахъ новаго добавочнаго налога, я возьму конкретный примѣръ, приведенный въ іюльской книжкѣ «Nineteenth Century». Предположимъ, у насъ четыре наслѣдства, оцѣненныя въ 6 тысячъ ф. ст., въ 60 тысячъ ф. ст., въ 300.000 ф. ст. и въ одинъ мил. ф. ст. Посмотримъ, какъ великъ налогъ, который взваливался государствомъ раньше и сколько будетъ собираться тогда, когда пройдетъ «революціонный» бюджетъ.

Оцѣнка наслѣдства.	Размѣръ налога, взыскиваемаго при Гаркортѣ.	по новому бюджету.	На сколько % увелич. налогъ.
Въ 6.000 ф. ст. . . .	240 ф. ст.	240 ф. ст.	0
» 60.000 » » . . .	3.600 » »	4.800 » »	33¹/₃
» 300.000 » » . . .	24.000 » »	36.000 » »	50
» 1.000.000 » » . . .	90.000 » »	160.000 » »	78 *)

Такимъ образомъ, наслѣдникъ, получившій имущество, оцѣненное въ 10 мил. руб., долженъ будетъ уплатить казнѣ одинъ милліонъ шестьсотъ тысячъ руб. Англія такъ богата, что ежегодно умираютъ въ среднемъ 3.893 лица, которыя оставляютъ наслѣдства, оцѣненныя каждое отъ 100 тысячъ руб. до 10 мил. руб. Въ прошломъ году умерло восемь лицъ, оставившихъ наслѣдства больше, чѣмъ въ 10 мил. руб. каждое **).

За повышеніемъ налога на наслѣдство въ «революціонномъ» бюджетѣ мы имѣемъ повышеніе налога на очень большіе доходы. Въ настоящее время подоходный налогъ въ Англіи обстоитъ такъ: лица, получающія меньше 160 ф. ст. въ годъ,—не платятъ совсѣмъ подоходнаго налога. Затѣмъ установлена разница между *заработаннымъ* и *незаработаннымъ* доходомъ (т. е. рентой). Первый доходъ обложенъ налогомъ въ размѣрѣ 9 пенсовъ съ фунта (3,75%), второй—шиллингомъ съ фунта (5%). Свыше 2 тысячъ фун. ст. не дѣлается уже разницы между заработаннымъ и незаработаннымъ доходами. Оба обложены одинаково—5%. Слѣдуетъ прибавить, что за первые 160 ф. ст. дохода подоходный налогъ не взимается. Такимъ образомъ, провинціальный врачъ, напримѣръ, зарабатывающій въ годъ 600 ф. ст., платитъ подоходный налогъ только за 440 ф. ст. (600—160), т. е. шестнадцать фунтовъ и десять шиллинговъ. Въ 1907—1908 финансовомъ году подоходный налогъ далъ казнѣ 318 мил. руб. (31,8 мил. ф. ст.).

Главное примѣненіе, внесенное теперь новымъ бюджетомъ въ эту систему, заключается въ томъ, что налогъ на *незаработанный* доходъ повышенъ на 2 пенса на фунтъ, т. е. на каждый фунтъ ренты получающій ее долженъ будетъ платить не одинъ шиллингъ, а 1 ш. 2 п. (иными словами, вмѣсто 5%—5⁵/₆%). Заработанные доходы до 2.000 ф. ст. по прежнему будутъ облагаться налогомъ въ 9 п. на фунтъ (3,75%), а до 3.000 ф. ст.—однимъ шиллингомъ на фунтъ (5%). Лица, получающія заработанный доходъ свыше 3.000 ф. ст. въ годъ, но ниже 5 тысячъ ф. ст., будутъ платить такой же налогъ, какъ и раньше, т. е. 5⁵/₆%. Для лицъ,

---

*) „The Budget and Social Revolution". The Nineteenth Century, july, 1909. p. 165.

**) Riches and Poverty, by chiozza. Money. P. 51.

получающихъ свыше 50.000 руб. въ годъ (5 тыс. ф. ст.), все равно, будетъ ли то заработанный, или незаработанный доходъ, установленъ еще дополнительный налогъ въ размѣрѣ 2,5% (шести пенсовъ на фунтъ). Этотъ дополнительный налогъ (super-tax) полагается не на весь доходъ, а только на сумму свыше трехъ тысячъ ф. ст. Возьму конкретный примѣръ. Предположимъ, сэръ Джонъ Джонесъ получаетъ съ своихъ земель въ годъ 5.100 ф. ст. За первыя три тысячи ф. ст. подоходный налогъ будетъ по 1 ш. 2 п. съ фунта (незаработанный доходъ), а за 2.100 ф. ст.—по 1 ш. 2 п.+6 п.=1 ш. 8 п. (вмѣсто $5^5/_6$%—$8^1/_3$%). Слѣдуетъ добавить еще, что за первые 160 ф. ст. дохода сэръ Джонъ Джонесъ не будетъ платить ничего. Система обложенія нѣсколько сложна. Въ особенности это видно изъ слѣдующаго примѣра. Возьму гипотетическаго директора желѣзной дороги Чарльза Смита, эсквайра, получающаго 5.500 ф. ст. въ годъ. Доходъ этотъ относится къ категоріи *заработанныхъ* доходовъ. Система платежа налоговъ будетъ довольно сложна.

за первые	160 ф. ст.		0
за слѣдующіе	1.840 ф. ст.		9 п. съ фунта (3,75%)
за „	1.000 ф. ст.		1 ш. съ фунта (5%).
за „	2.500 ф. ст.	super-tax.	1 ш. 8 п. съ ф. ($8^1/_3$%)
	5.500 ф. ст.		

Такимъ образомъ, одинъ изъ «каноновъ» Адама Смита, а именно, тотъ, что система исчисленія налоговъ должна быть проста,—не соблюденъ въ новомъ бюджетѣ; но это потому, что авторъ бюджета стремился соблюсти возможно больше слѣдующій «канонъ», т. е. *справедливость* обложенія. Читатель видитъ, что подавляющая масса среднихъ и нижне-среднихъ классовъ не будутъ нести дополнительныхъ тяготъ при введеніи новаго бюджета. Клерку, получающему 200 ф. ст. въ годъ; рядовому врачу, вырабатывающему 500—600 ф. ст.; лавочнику, у котораго очищается къ концу года 800—1.000 ф. ст., всѣмъ имъ нечего бояться super-tax. Что же касается рабочихъ, то они все равно не платятъ подоходнаго налога (если получаютъ въ годъ не больше 160 ф. ст.). Въ новомъ бюджетѣ заключается, кромѣ того, одна статья, имѣющая важное значеніе для небогатыхъ семейныхъ людей. Глава семьи, получающій не больше 500 ф. ст. въ годъ, будетъ платить меньше подоходнаго налога, въ зависимости отъ каждаго ребенка. Возьму конкретный примѣръ. Предположимъ, клеркъ Вильямъ Приди, получающій въ годъ 350 ф. ст., имѣетъ четырехъ дѣтей. Прежде онъ платилъ подоходный налогъ за 190 ф. ст. (350—160=190) по 9 п. съ фунта, что составитъ 10 ф. 17 ш. 6 п. Теперь за каждаго ребенка подоходный налогъ уменьшенъ на 7 ш. 6 п. Такимъ образомъ, подоходный налогъ Вильяма Приди будетъ уменьшенъ на 7 шил. 6 п.×4=1 ф. 10 ш. Вмѣсто 10 ф. 17 ш. 6 п. Приди будетъ пла-

тить только 9 ф. 7 ш. 6 п. Клеркъ съ 4 дѣтьми, имѣющій 200 ф. ст. въ годъ, по новому бюджету, не будетъ платить совсѣмъ подоходнаго налога. Понятно, что этотъ пунктъ бюджета нашелъ многихъ сторонниковъ. По исчисленію Ллойдъ-Джорджа, повышеніе подоходнаго налога должно принести казнѣ дополнительные три милліона ф. ст.

V.

Въ прошломъ году министерство пыталось внести законопроектъ, имѣвшій конечной цѣлью сокращеніе пьянства. Съ этою цѣлью, между прочимъ, проектировалось повысить стоимость патентовъ на продажу крѣпкихъ напитковъ. Теперь право на открытіе кабака представляетъ своего рода концессію, принадлежащую, большею частью, «пивнымъ» и «водочнымъ» королямъ. Каждый винокуренный или пивоваренный заводъ въ Англіи имѣетъ иногда до ста «прикрѣпленныхъ» кабаковъ. Цѣловальникъ является только агентомъ собственника винокуреннаго завода. Законопроектъ прошелъ въ нижней палатѣ; но лорды отвергли билль, не приступивъ даже къ постатейному разбору его. Въ этомъ году обложеніе кабаковъ внесено въ бюджетъ. Такимъ образомъ, лорды не могутъ больше выбросить этотъ пунктъ. Они должны или принять его, или отвергнуть весь бюджетъ. Согласно новому проекту, патенты на продажу крѣпкихъ напитковъ обложены налогомъ отъ 5 ф. ст. въ деревняхъ, до 35 ф. ст. въ Лондонѣ и въ другихъ большихъ городахъ. До сихъ поръ безчисленные англійскіе клубы пользовались льготами, въ сравненіи съ кабаками, при продажѣ крѣпкихъ напитковъ. Теперь клубы тоже должны будутъ платить больше за патенты ($1^1/_4{}^0/_0$ съ суммы, вырученной отъ продажи крѣпкихъ напитковъ). По вычисленію канцлера казначейства, налогъ на патенты долженъ дать 2,6 мил. ф. ст. въ годъ.

Мы переходимъ теперь къ тому пункту бюджета, который больше всего привелъ въ ярость верхнюю палату и вообще крупныхъ помѣщиковъ; къ тому пункту, по поводу котораго пресса, отражающая интересы землевладѣльцевъ, больше всего кричитъ: «грабежъ», «разбойничій бюджетъ», «революціонный бюджетъ», «бюджетъ подъ краснымъ флагомъ» и т. д. По поводу этого пункта возникъ теперь вопросъ: рѣшатся ли лорды сдѣлать революціонный шагъ? хватитъ ли у нихъ смѣлости отвергнуть бюджетъ, что заставитъ министерство выйти въ отставку? Другими словами, рѣшатся ли лорды ввести совершенно новый «прецедентъ» въ дѣйствіе британской конституціи? До сихъ поръ недовѣріе министерству могли выразить только выборные представители народа. Установятъ ли теперь наслѣдственные законодатели, не отвѣтственные передъ избирателями прецедентъ, что и они могутъ имѣть контроль надъ кабинетомъ?

Пунктъ, по поводу котораго возникли всѣ эти въ высшей степени важные вопросы, касается обложенія *незаработаннаго приращенія*. По мѣрѣ роста городовъ, по мѣрѣ того, какъ повышается культура, въ зависимости отъ возрастанія трудолюбія населенія,—земля автоматически повышается въ цѣнѣ. Участокъ болота достался помѣщику 50—60 лѣтъ тому назадъ по 10 руб. за акръ. Но вотъ создался городъ. Населеніе укрѣпило берега рѣки, проложило дренажъ, подняло почву, и болото осушилось. Городъ разросся; проложили новыя улицы; провели трамваи. Кусокъ болота пріобрѣлъ громадную цѣнность, хотя за все это время владѣлецъ не ударилъ палецъ о палецъ, не затратилъ ни одного гроша на улучшеніе земли. Владѣлецъ давалъ только разрѣшеніе населенію строиться на его болотѣ, получая ренту, «богатѣлъ во снѣ», по выраженію англійскаго экономиста. Болото, пріобрѣтенное 50—60 лѣтъ тому назадъ по 10 р. за акръ, приноситъ теперь владѣльцу 70—80 тысячъ руб. въ годъ съ акра. Между тѣмъ, собственникъ земли ничѣмъ не рисковалъ, не трудился, не вкладывалъ капитала. Трудилось, рисковало и вкладывало капиталъ населеніе. Землевладѣлецъ получалъ только ренту. Возьмемъ, напр., улицу Норфолькъ-стритъ близъ Стрэнда, въ Лондонѣ. Земля тутъ принадлежитъ герцогу Норфолькскому. Въ 1666 г., послѣ великаго лондонскаго пожара, мѣсто, представлявшее тогда кусокъ болотистаго берега, досталось предкамъ герцога за грошъ. Потомъ трудолюбивое населеніе столицы съ теченіемъ вѣковъ осушило берегъ, укрѣпило его каменной набережной, подняло почву, проложило улицы, освѣтило ихъ, настроило лавокъ и домовъ. Герцоги Норфолькскіе *только* дозволяли строить на ихъ землѣ, сдавая ее на 99 лѣтъ. Рента на землю поднималась автоматически, по мѣрѣ того, какъ населеніе Лондона становилось болѣе предпріимчивымъ и трудолюбивымъ. Въ 1887 г. герцогъ Норфолькскій поднялъ ренту за землю, на которой выстроенъ громадный Бэклингэмскій отель, сразу съ 400 ф. ст. до 4000 ф. ст. Теперь съ каждымъ десятилѣтіемъ рента поднимается на 100%. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ, приведенныхъ Ллойдъ-Джорджемъ на митингѣ въ Lime house. «Между рѣками Ли и Темзой лежитъ участокъ болотистой земли въ нѣсколько сотъ акровъ, который раньше не представлялъ никакой цѣнности даже для земледѣлія. Но вотъ торговля и промышленность Лондона стремительно возрасли. Въ столицу явились сотни тысячъ работниковъ изъ деревень. Для нихъ потребовались помѣщенія, и болото, не стоившее и 2 ф. ст. за акръ, стали продавать сперва по 2000, потомъ по 3000, по 6000 и теперь по 8 тысячъ ф. ст. за акръ. Кто создалъ эту стоимость земли?—продолжалъ Ллойдъ-Джорджъ.—Кто превратилъ болото въ золотой пріискъ? Помѣщикъ ли? Его ли энергія? Его ли трудолюбіе? Нѣтъ, мѣсто, по прежнему, представляло бы до сихъ поръ изъ себя трясину, если бы не соединенныя усилія всего населенія этой части Лондона. Въ золотой пріискъ превратили болото рабочіе, торговцы,

судовладѣльцы, всѣ, словомъ, кромѣ помѣщика». Нелѣпость положенія увеличивается еще слѣдующимъ. Консервативное министерство лорда Солсбери, какъ только встало у власти въ 1895 г., провело законъ, въ силу котораго налоги на пахатную землю уменьшаются для помѣщиковъ на половину. Такъ какъ болото между Ли и Темзой было признано «пахатной землей», то помѣщикъ получилъ еще льготу при уплатѣ налоговъ за нее, при чемъ стоимость участка была вычислена въ 2 ф. за акръ. Вотъ другой участокъ земли въ Гольдерсъ-Гринѣ (окраинѣ Лондона). Три года тому назадъ акръ тутъ продавался по 160 ф. ст. Но вотъ городъ провелъ туда новый электрическій трамвай. Земля немедленно стремительно поднялась въ цѣнѣ. Она продается теперь не по 160 ф. ст., а по 2100 ф. ст. за акръ. Землевладѣлецъ ничего не сдѣлалъ для того, чтобы его владѣніе такъ вздорожало. «Можно привести безчисленные примѣры,—продолжалъ Ллойдъ-Джорджъ—показывающіе, что лэндлорды стараются использовать всякое обстоятельство и даже нужды государства для того, чтобы извлечь возможно большую прибыль изъ монополіи, находящейся въ ихъ рукахъ». Совѣту лондонскаго графства понадобился небольшой участокъ земли для постройки школы. И лордъ Нортумбэрлэндскій, которому принадлежитъ участокъ, потребовалъ у города за акръ земли, оцѣненный при уплатѣ налоговъ по 30 шил. за акръ,—900 ф. ст. Пригородомъ Ливерпуля является Бутлъ. Въ 1879 г. лэндлорды получали съ домовладѣльцевъ за право строиться 10 тысячъ ф. ст. Но Ливерпульскій портъ росъ. Населеніе проложило новыя улицы, провело электрическіе трамваи, и автоматически росла рента въ Бутлѣ. Теперь она достигаетъ 100 тысячъ ф. ст. Помѣщики сами ничего не сдѣлали. Они дозволяютъ только строиться на ихъ землѣ, осушать ее и за это повышаютъ ренту. Въ прошломъ году городской совѣтъ города Ричмонда (въ семи верстахъ отъ Лондона) выстроилъ коттеджи для рабочихъ. Земля была оцѣнена раньше въ 4 ф. ст. за акръ. Но, когда она понадобилась городскому совѣту, помѣщикъ запросилъ за нее по 2000 ф. ст. за акръ. Вслѣдствіе колоссальной цѣны, городъ могъ пріобрѣсти только два акра. Первоначально проектировалось развести при каждомъ домикѣ порядочный садикъ, оставить большой лугъ для игръ и вообще устроить такъ, чтобы были и просторъ, и обиліе воздуха. Чрезмѣрная жадность помѣщика заставила измѣнить весь первоначальный планъ. Пришлось потѣсниться. Такъ какъ за землю заплатили страшно много, то, чтобы имѣть возможность брать за коттеджи арендную плату, доступную рабочимъ,—пришлось на двухъ акрахъ выстроить сорокъ домиковъ. О просторѣ нечего было и думать. Вотъ еще примѣръ. Недавно адмиралтейству понадобилось пріобрѣсти въ Гринокѣ (близь Гласго) участокъ земли для артиллерійской стрѣльбы. Лэндлорды всѣ много говорятъ о своемъ патріотизмѣ. И тутъ являлась возможность помѣщику про-

явить свою любовь къ родинѣ. По кадастру владѣлецъ земли, понадобившейся адмиралтейству, платилъ за нее 11 ф. ст. 10 шил. налоговъ въ годъ. И вотъ за эту землю помѣщикъ взялъ у націи 27.225 ф. ст. «Таковы тѣ люди, которые теперь кричатъ, что ихъ собираются ограбить»,—прибавилъ канцлеръ казначейства. Еще одинъ примѣръ. Въ Лондонѣ нѣкто Гарринджъ имѣлъ большое торговое предпріятіе на землѣ, принадлежащей лорду Вестминстерскому. Истекъ срокъ аренды; Гарринджъ выстроилъ цѣлый рядъ большихъ домовъ, которые, по англійскому закону, должны достаться помѣщику. Лордъ Вестминстерскій возобновилъ контрактъ, но поднялъ ренту за землю съ 800 ф. ст. до 4000 ф. ст. въ годъ. Кромѣ того, Гарринджъ, согласно требованію помѣщика, долженъ былъ сдѣлать громадныя перестройки, обошедшіяся въ 50 тыс. ф. ст.

Теперь «незаработанное приращеніе» будетъ обложено налогомъ въ размѣрѣ 20%. Съ этой цѣлью должна быть произведена оцѣнка внутренней стоимости земли по всему королевству. Затѣмъ, если какая-нибудь земля будетъ продана, то разность между продажной стоимостью и первоначальной оцѣнкой составитъ «незаработанное приращеніе», пятая часть котораго поступитъ въ пользу государства. Министерство попыталось еще два года тому назадъ внести билль объ оцѣнкѣ земли въ Шотландіи. Законопроектъ прошелъ въ нижней палатѣ; но лорды, подозрѣвая, и совершенно основательно, что за оцѣнкой послѣдуетъ законъ объ обложеніи незаработаннаго приращенія,—отвергли билль. Теперь вторая часть, т. е. обложеніе незаработаннаго приращенія, издана раньше первой (оцѣнки внутренней стоимости земли). Этотъ пунктъ, если пройдетъ, въ первый годъ принесетъ сравнительно немного (около 5 мил. руб.); но въ будущемъ долженъ явиться такимъ же богатымъ источникомъ государственнаго дохода, какъ и прогрессивный налогъ на наслѣдства.

Я упомянулъ выше, что дома, выстроенные Гарринджемъ, должны были перейти къ владѣльцу земли, лорду Вестминстерскому. Мы имѣемъ передъ собою одинъ изъ курьезныхъ законовъ,—Determination of Leases,—введенныхъ помѣщиками, когда парламентъ былъ въ ихъ рукахъ, для охраненія интересовъ землевладѣльцевъ. Вся земля въ городахъ и деревняхъ въ Англіи принадлежитъ небольшому числу помѣщиковъ, сдающихъ ее подъ постройку на 99 лѣтъ. Арендаторъ (leaseholder) строитъ дома и сдаетъ ихъ жильцамъ. Если дома пустуютъ, если жилецъ попался такой, который не платитъ и котораго даже выжить трудно,—убытки терпитъ leaseholder. Землевладѣлецъ же требуетъ, чтобы рента ему уплачивалась аккуратно. Для полнаго обезпеченія своихъ интересовъ помѣщики, когда парламентъ былъ въ ихъ рукахъ, провели любопытный законъ. Если домовладѣлецъ не платитъ ренты, помѣщикъ имѣетъ право потребовать ее съ *домонанимателя*, не подозрѣвающаго даже существованія лэндлорда. И если домонаниматель не запла-

титъ ренты за своего хозяина, помѣщикъ имѣетъ право описать имущество квартиранта, хотя бы тотъ аккуратно заплатилъ все должное за квартиру. Правда, домонанимателю предоставляется потомъ право взыскивать судомъ уплаченную помѣщику сумму съ домохозяина; но все же ничего не подозрѣвающiй человѣкъ является имущественно отвѣтственнымъ передъ помѣщикомъ за то, что арендаторъ послѣдняго будетъ аккуратно платить. Заботливость помѣщиковъ, издававшихъ законъ, на этомъ не кончается. Срокъ аренды, lease, кончается, т. е. истекаетъ 99 лѣтъ. Помѣщикъ сдалъ пустырь, иногда болото; но по закону всѣ постройки, сооруженныя на этой землѣ, отходятъ (безъ всякаго вознагражденiя) къ землевладѣльцу. Мало того, по закону постройки должны быть сданы помѣщику въ *хорошемъ* состоянiи. Такимъ образомъ, по истеченiи срока аренды, leaseholder обязанъ затратить сумму на приведенiе всѣхъ зданiй, имъ же выстроенныхъ, въ удовлетворительное состоянiе и потомъ отдать ихъ даромъ помѣщику. И вотъ теперь, когда рѣшено обложить налогомъ, въ размѣрѣ 10°/₀ стоимости, всѣ такiя постройки, даромъ достающiяся помѣщику послѣ истеченiя арендиаго срока (Determination of Leases),—землевладѣльцы завопили, что ихъ грабятъ.

Если земля сдана, скажемъ, на 99 лѣтъ, то помѣщикъ до конца срока не можетъ уже поднять арендную плату. Между тѣмъ англiйскiе города быстро растутъ и въ зависимости отъ этого земля въ нихъ или на окраинахъ ихъ быстро поднимается въ цѣнѣ. Помѣщики, боясь продешевить, не сдаютъ въ аренду принадлежащiя имъ пустыри и выжидаютъ, покуда земля поднимется въ цѣнѣ. Такимъ образомъ, люди умышленно держатъ «мертвой» ту монополiю, которую они не создавали, ту монополiю, которая настоятельно необходима всему населенiю. Послѣднему приходится тѣсниться и, такимъ образомъ, подвергаться опасности отъ заразительныхъ болѣзней, порожденныхъ скученностью. Теперь проектируется обложить всѣ такiя искуственнно пустующiя земли въ городахъ и на окраинахъ ихъ налогомъ въ размѣрѣ $^1/_2$ пенса на каждый фунтъ рыночной стоимости (0,5°/₀). Дальше въ бюджетѣ мы имѣемъ налогъ на «royalties», т. е. на тотъ доходъ, который получаютъ помѣщики съ шахтовладѣльцевъ за право разрабатывать естественныя богатства. За право добывать каменный уголь помѣщики получаютъ въ видѣ «royalties» 80 милл. руб. въ годъ. Углекопъ, рискуя постоянно жизнью, проводитъ ежедневно восемь часовъ подъ землею. За каждую тонну угля, вырубленную имъ, онъ получаетъ 9 пенсовъ (36 коп.) Помѣщикъ не рискуетъ ни жизнью, ни капиталомъ, ничѣмъ. Онъ *дозволяетъ* только рабочему рисковать своею жизнью, а шахтовладѣльцу—капиталомъ. И за это дозволенiе помѣщикъ получаетъ по шиллингу (48 коп.) съ каждой тонны добытаго угля. Возьмемъ конкретный примѣръ. Передъ нами шахта въ южномъ Уэльсѣ. Мѣсяца три тому назадъ тамъ произошелъ большой взрывъ

вслѣдствіе накопленія газовъ, при чемъ погибло 22 человѣка. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ это мѣсто представляло собою скалистую пустыню, не доставлявшую помѣщику ни фартинга дохода. Явился арендаторъ, снявшій землю и заложившій шахту. Арендаторъ заплатилъ 250.000 ф. ст., раззорился и не дошелъ до угольнаго пласта. Явился другой арендаторъ. Онъ затратилъ 100.000 ф. ст., раззорился и не достигъ угольнаго пласта. Третій арендаторъ, наконецъ, добрался до угля. Помѣщикъ не рисковалъ жизнью, какъ 22 углекопа; онъ не рисковалъ состояніемъ, какъ первый и второй арендаторы. Гибли-ли люди или здравствовали; раззорялись-ли арендаторы или благоденствовали,—помѣщикъ получалъ свои «royalties». И такъ какъ послѣдніе ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть отнесены къ категоріи «заработанныхъ» доходовъ, то по бюджету проектируется обложить «royalties» небольшимъ налогомъ (0,5%).

Составитель бюджета проектируетъ еще увеличить вдвое (вмѣсто 10 шил., 20 шил.) крѣпостныя пошлины и налогъ на процентныя бумаги на предъявителя. Этотъ налогъ долженъ, по разсчету, доставить казнѣ 14 мил. руб. въ годъ. Послѣднее обложеніе состоятельныхъ людей это—налогъ на автомобили. Налогъ этотъ будетъ отъ 2 гиней (20 руб.) за шестисильный автомобиль до 40 гиней за шестидесятисильный. Автомобили, главнымъ образомъ, предметъ роскоши; но имъ пользуются также врачи. И вотъ проектируется брать съ нихъ только половину налога. Весь этотъ сборъ (около 6 милл. руб. въ годъ) пойдетъ на улучшеніе дорогъ. Теперь приведу въ сжатомъ видѣ весь бюджетъ. Понадобилось покрыть дефицитъ въ 16 мил. фун. ст. Сумма эта будетъ добыта такимъ образомъ.

Сокращеніе погашенія государственнаго долга	3.000.000 ф. ст.
Повышніе на 2 п. налога на незаработ. доходы . . .	3.000.000 » »
Добав. налогъ (super tax) въ 6 пен. на доходъ свыше 5 тыс. ф. ст.	500.000 » »
Добавочный гербовой сборъ	650.000 » »
Добавочный налогъ на наслѣдства	2.850.000 » »
Налогъ на питейные дома	2.600.000 » »
Добавочный налогъ на водку	1.600.000 » »
Добавочный налогъ въ размѣрѣ 8 п. на фунтъ табаку .	1.900.000 » »
Обложеніе земли	500.000 » »
Налогъ на автомобили	600.000 » »

Новые налоги не только покроютъ весь дефицитъ, но и должны доставить постоянныя и вѣрныя средства, какъ на осуществленіе соціальныхъ реформъ, такъ и на обезпеченіе страны отъ непріятельскаго вторженія. Согласно бюджету, проектируется израсходовать въ будущемъ году 9 мил. ф. ст. на государственную пенсію для стариковъ, 3 мил. ф. ст. на постройку новыхъ военныхъ кораблей; 20.000 ф. ст. на лѣсонасажденіе; 100.000 ф. ст.—на биржи труда и 60.000 ф. ст. на улучшеніе дорогъ. Билль о государствен-

номъ страхованіи рабочихъ будетъ внесенъ въ парламентъ только въ слѣдующемъ году.

VI.

На большомъ митингѣ въ Гайдъ-паркѣ, устроенномъ недавно либеральной партіей въ защиту бюджета, дѣятельное участіе приняли также трэдъ-юніоны и рабочая партія. Лондонъ не часто видитъ манифестаціи, подобныя той, которая состоялась 23 іюля на парадномъ форумѣ, т. е. въ Гайдъ-паркѣ. Версты на полторы растянулась громадная колонна со знаменами и хоругвями. Англійскій языкъ по характеру своему больше, чѣмъ какой-либо другой, пригоденъ для облеченія мысли въ сжатую, короткую, гибкую форму. И это свидѣтельствовали, между прочимъ, надписи и лозунги на знаменахъ: «The carth is Lord's, but not the landlord's» (земля Господня, но не господская),—значилось на громадной хиругви, которую несли въ началѣ процессіи. «Пустующая земля означаетъ также людей безъ работы». «Назадъ изъ городовъ въ деревню». «Привилегіи для одного означаютъ несправедливость для всѣхъ». «Обложите налогами землю, но не трудъ». «Мы требуемъ земли, чтобы работать на ней». «Монополія на землю—горшій народный врагъ». Дальше виднѣлись знамена съ девизами, направленными противъ наслѣдственныхъ законодателей: «Пэры, лучше не ходите по нашей землѣ» и пр. За знаменами тянулись фургоны, кареты, автомобили, тачки. Звуки безчисленныхъ оркестровъ (ихъ больше семидесяти) сливаются вмѣстѣ. Тутъ и духовые инструменты, и шотландскія волынки, высвистывающія что-то до такой степени подзадоривающее, что продавцы программъ то-и-дѣло не выдерживаютъ и начинаютъ вывертывать ногами. На мостахъ постоянно появлялись новые отряды манифестантовъ, прибывавшіе изъ разныхъ концовъ Лондона. Все говорило, что массы живо захвачены новымъ бюджетомъ. «Если бы мнѣ пятнадцать лѣтъ тому назадъ сказалъ кто-нибудь, что я выступлю въ Гайдъ-паркѣ на митингѣ, устроенномъ либеральной партіей для защиты бюджета, я отвѣтилъ бы, что это—безсмыслица,—заявилъ Кейръ-Гарди съ одной изъ двѣнадцати платформъ на форумѣ.—И, тѣмъ не менѣе, теперь я горячо поддерживаю бюджетъ». Кейръ-Гарди объяснилъ дальше, что измѣнился не онъ, а измѣнилась либеральная партія. Она внесла въ бюджетъ такія мѣры, которыя давно уже рекомендовались рабочей партіей. Рабочая партія, принявшая участіе въ манифестаціи по соглашенію съ организаціоннымъ комитетомъ митинга, предложила свою резолюцію, нѣсколько разнившуюся отъ той, которая была прочитана съ другихъ платформъ. Въ измѣненной резолюціи говорится не только объ обложеніи земли, но и о націонализаціи ея. Кейръ-Гарди добавилъ, что рабочіе готовы вносить свою долю, какъ на осуществленіе соціальныхъ реформъ, такъ и

на защиту береговъ отъ непріятельскаго вторженія. Рабочіе не протестуютъ поэтому противъ повышенія налоговъ на водку и на табакъ. За Кейръ-Гарди выступилъ другой коммонеръ и тоже видный членъ рабочей партіи, Седдонъ. Онъ заявилъ, что считаетъ долгомъ поддержать министерство, имѣвшее мужество построить бюджетъ на такихъ принципахъ, какъ обложеніе незаработаннаго приращенія и прогрессивный подоходный налогъ.

Итакъ, рабочіе классы привѣтствовали бюджетъ. Хорошо отнеслось къ нему также значительное большинство среднихъ классовъ. Клерку, получавшему 200 ф. ст. въ годъ, провинціальному врачу съ доходомъ въ 500—600 ф. ст., инженеру, лавочнику и пр. нѣтъ основанія огорчаться или негодовать по поводу того, что помѣщикъ долженъ отдать государству пятую часть незаработаннаго приращенія и что люди съ доходомъ 50.000 руб. въ годъ должны вносить дополнительный налогъ въ размѣрѣ 6 пенсовъ съ фунта. Семейные люди съ доходами ниже 500 ф. ст. были рады льготному пункту, о которомъ сказано выше.

За то трудно описать ярость крупныхъ землевладѣльцевъ, а въ особенности нѣсколькихъ лордовъ, какъ, напр., герцоговъ Норфольскаго, Девонширскаго и Вестминстерскаго, имѣющихъ преобладающее вліяніе въ верхней палатѣ. Къ землевладѣльцамъ присоединились многіе крупные банкиры и заводчики промышленнаго міра, обрабатывающаго не волокнистыя вещества. Началась отчаянная борьба противъ бюджета и противъ министра финансовъ. Въ рукахъ этой партіи находится большинство англійскихъ газетъ (въ томъ числѣ «Times», «Daily Telegraph», «Morning Post», «Daily Mail», «Observer», «Evening Standard», «Daily Express», «Evening News», «Globe», «Pall Mall» и др.). Многія газеты принадлежатъ лорду Нордклифу (такъ называется теперь основатель шустрой «Daily Mail»—Хармсуортъ). И въ этихъ газетахъ изо дня въ день бюджетъ называли «разбойничьимъ», «революціоннымъ», «грабительскимъ», «соціалистическимъ», «хищническимъ» и пр. Ллойдъ-Джорджа величали не иначе, какъ «коршуномъ», «разбойникомъ съ большой дороги», надумавшимъ ограбить бѣдныхъ лордовъ, «соціалистомъ» и Джэкомъ Кэдомъ.

Въ англійской сказкѣ про Джека Истребителя великановъ говорится, какъ людоѣдъ, почуявъ духъ Джека, спрятавшагося за печкой, рычитъ:

Fee, Fi, Fo, Fan
I smell the bleod of an englisman;
Be he aline or be he dead,
I'll grind his bones to make my bread.

(т. е. фу, фу, фу! Чую духъ англичанина. Живъ ли онъ, или мертвъ, я истолку его кости и испеку изъ нихъ хлѣбъ). Карикатурные журналы, пародируя сказку, изобразили въ видѣ людоѣда

Ллойда-Джорджа. Подъ столомъ лежитъ дрожащiй отъ страха капиталистъ, а людоѣдъ воетъ свою пѣсню:

Fee, Fi, Fo, Fat,
I smell the blood of plutocrat.

Такъ какъ у министерства въ нижней палатѣ громадное большинство, то бюджетъ, хотя медленно, сталъ подвигаться впередъ. По англiйской конституцiи лорды должны принять бюджетъ цѣликомъ, или отвергнуть его. Они не имѣютъ права детально разбирать его. Такъ какъ со времени революцiи не было ни разу случая, чтобы лорды отвергли бюджетъ, то само право подвергается теперь сомнѣнiю. И вотъ теперь, видя, что бюджетъ, пройдетъ въ нижней палатѣ, лорды вспомнили о своемъ забытомъ правѣ. Больше того: они заявляютъ, что могутъ даже критиковать отдѣльные пункты бюджета. «Представленiе о томъ, что верхняя палата, будто бы, не можетъ разбирать финансовыхъ биллей, сложилось на основанiи резолюцiи, принятой коммонерами нѣсколько вѣковъ тому назадъ,— сказалъ недавно лордъ Ридли на засѣданiи лиги протекцiонистовъ.— Но резолюцiя не превращена въ законъ, который прошелъ бы обѣ палаты. Конечно, если мы рѣшимъ заявить о нашихъ правахъ, это вызоветъ конфликтъ съ нижней палатой; но за результаты я не страшусь. Мы (т. е. лорды) до сихъ поръ соглашались признавать финансовую политику правительства только потому, что во главѣ министерствъ стояли здоровые люди. Но теперь, когда контроль надъ нижней палатой находится въ рукахъ шайки безумцевъ (a pack of madmen), мы намѣрены поступить иначе». За лордомъ Ридли на обѣдѣ консерваторовъ съ такимъ же заявленiемъ выступилъ вождь консервативной партiи въ Верхней палатѣ лордъ Лэндсдаунъ (бывшiй министръ иностранныхъ дѣлъ). «Я не могу вамъ сказать теперь, что сдѣлаютъ лорды. Могу вамъ сообщить только, чего верхняя палата не сдѣлаетъ. Она не сложитъ съ себя отвѣтственности за бюджетъ. Потому только, что въ бюджетѣ финансовыя мѣры смѣшаны съ другими законопроектами, мы не намѣрены проглотить весь бюджетъ, не разжевывая его... Разъ въ странѣ имѣются двѣ палаты, то недопустимо, чтобы только одна палата могла облагать страну какими угодно налогами. Подобное право чудовищно и несправедливо». Консервативная печать гораздо болѣе точно и прямо высказывала то, что говорили лорды. «Надо отвергнуть бюджетъ, какъ только онъ перейдетъ въ верхнюю палату,—настаиваетъ «Observer».—Если это не будетъ сдѣлано, то министерство включитъ въ бюджетъ 1911 г. еще болѣе соцiалистическую мѣру, чѣмъ обложенiе земли. Такимъ образомъ, Англiя только внѣшне останется королевствомъ, а въ дѣйствительности превратится въ соцiалистическую республику».

Отклоненiе бюджета лордами не только возродило бы пришедшее въ забвенiе право, но и создало бы новый въ высшей сте-

пени серьезный прецедентъ. До сихъ поръ министерство въ Англіи выходило въ отставку или потому, что дряхлѣло, или потому, что палата выражала ему недовѣріе. Во всякомъ случаѣ, контроль надъ министерствомъ находился въ рукахъ избранныхъ представителей народа, т. е. коммонеровъ. Отклоненіе бюджета лордами и неминуемая затѣмъ отставка министерства ввели бы въ британскую конституцію новый принципъ, а именно, что наслѣдственные законодатели по своему желанію могутъ назначать общіе выборы. Покуда оппозиція (т. е. консерваторы) полагала, что избиратели относятся теперь враждебно къ министерству, она не прочь была отъ назначенія общихъ выборовъ даже путемъ революціоннаго выступленія лордовъ. Наслѣдственнымъ законодателямъ страшно, однако, сдѣлать рѣшительный шагъ. Въ рукахъ министерства находится много козырей противъ верхней палаты. Первый министръ, напр., можетъ осуществить угрозу, сдѣланную въ 1831 и 1856 гг.: онъ можетъ, передъ отставкой, посовѣтовать королю возвести въ званіе пэра человѣкъ 300—400 либераловъ. «Observer», «Morning Post», «Times», а въ особенности «Daily Mail» и «Daily Telegraf» настоятельно рекомендовали лордамъ быть смѣлѣе. «Что будетъ, когда верхняя палата отвергнетъ бюджетъ?—спрашиваетъ «Observer».—Конституція не говоритъ, но страшнаго ничего не будетъ. Послѣдуетъ обращеніе къ избирателямъ, которые, конечно, одобрятъ рѣшеніе лордовъ». Но въ этомъ именно пунктѣ, т. е. въ томъ, какъ отнесутся избиратели, лежитъ узелъ всего вопроса. Если избиратели не одобрятъ выступленія лордовъ, тогда радикальная партія возвратится съ полномочіями покончить съ принципомъ наслѣдственнаго представительства. Въ самое послѣднее время часть консервативной печати, ознакомившись съ настроеніемъ избирателей, неожиданно забила отбой. Наиболѣе поразительно въ этомъ отношеніи поведеніе *Times* и *Daily Mail*. Обѣ газеты убѣждали лордовъ дѣйствовать смѣлѣе и отвергнуть «соціалистическій» и «революціонный» бюджетъ, противъ котораго, будто бы, вся страна. Но вотъ выступилъ *Times* съ неожиданнымъ заявленіемъ, что въ настроеніи избирателей произошла рѣзкая перемѣна. Бюджетъ теперь страшно популяренъ среди массъ, а положеніе министерства упрочилось. За *Times*'омъ послѣдовало *Daily Mail*. Въ номерѣ отъ 23 іюля о бюджетѣ говорится, какъ о попыткѣ, при томъ *совершенно не удавшейся*, «ограбить» населеніе. По словамъ газеты, министерство, видя полную неудачу своего «революціоннаго» проекта,—въ отчаяніи и не знаетъ, какъ вывернуться. Черезъ двѣ недѣли, въ номерѣ отъ пятаго августа, *Daily Mail* выступаетъ съ похвалами бюджету. По словамъ газеты, агитація противъ него кончилась полной неудачей. «Только лондонское Сити поддерживаетъ еще крупныхъ землевладѣльцевъ,—писало *Daily Mail*.—Рабочіе классы абсолютно не намѣрены спасать карманы герцоговъ или крупныхъ помѣщиковъ,—продолжаетъ

газета.—Массы ничего не имѣютъ противъ того, чтобы люди, получающіе больше 5000 ф. ст. въ годъ, платили добавочный налогъ». Газета совѣтовала юніонистамъ скорѣе прекратить агитацію противъ бюджета и заняться, какъ прежде, проповѣдью необходимости возвращенія къ протекціонизму. Въ верхней палатѣ лордъ Нордклифъ (издатель *Daily Mail)* заявилъ, что массы теперь поняли, что новые налоги падаютъ только на очень богатыхъ людей. И, чѣмъ сильнѣе негодуютъ лорды, банкиры и крупные помѣщики, тѣмъ крѣпче становится убѣжденіе рабочихъ, что платить будутъ именно богатые люди, а не бѣдные. «Бюджетъ популяренъ, и оппозиція сдѣлала громадную ошибку, нападая такъ яростно на него». Такъ обстоитъ теперь дѣло съ бюджетомъ. Оппозиція употребляетъ всѣ усилія, чтобы, по возможности, затормазить его разсмотрѣніе и взываетъ къ лордамъ. Радикалы убѣждаютъ министерство стать прочно и идти на встрѣчу возможному конфликту съ наслѣдственными законодателями. Во всякомъ случаѣ, новый бюджетъ является серьезнымъ доказательствомъ того, что въ Англіи назрѣло новое представленіе объ отношеніи государства къ индивидууму.

Діонео.

Изъ итоговъ послѣдней профессіональной переписи въ Германіи.

Недавно опубликованы нѣкоторыя данныя послѣдней германской профессіональной переписи, произведенной по всей имперіи въ іюнѣ 1907 года. Двѣ предшествующія аналогичныя переписи были произведены, какъ извѣстно, въ 1882 и въ 1895 г.г. Понятно, какое громадное значеніе должно имѣть сопоставленіе данныхъ всѣхъ этихъ переписей для изученія соціальнаго и экономическаго развитія страны, играющей столь выдающуюся роль и въ сферѣ мірового хозяйства, и вообще въ жизни современнаго человѣчества.

Съ нѣкоторыми данными, добытыми послѣдней переписью и способными очень ярко освѣтить основныя тенденціи въ соціально-экономической эволюціи Германіи,—мы и имѣемъ въ виду ознакомить читателя *).

*) Матеріалами для настоящей статьи послужили: Berufstatistik, Heft I, Berlin 1909; Vierteljahrshefte zur statistik des Deutshen Reichs,

При взглядѣ на общій ходъ экономическаго развитія сосѣдней страны прежде всего обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее обстоятельство, характерное и для всѣхъ передовыхъ капиталистическихъ странъ: центръ экономической жизни Германіи неуклонно и очень быстро перемѣщается изъ сельскаго хозяйства въ область обрабатывающей промышленности. Относительное значеніе земледѣлія, какъ источника существованія населенія и какъ сферы приложенія его труда, съ теченіемъ времени все сокращается; и, наоборотъ, все возрастаетъ соотвѣтствующее значеніе торговли и индустріи. Мало того: наряду съ громаднымъ относительнымъ и абсолютнымъ ростомъ промышленнаго населенія, число лицъ, живущихъ сельскимъ хозяйствомъ и занятыхъ въ немъ, сокращается не только относительно, но и абсолютно. Въ 1882 году сельскохозяйственное населеніе составляло 19,2 милл. чел., къ 1895 году оно сократилось до 18,5 милл., а къ 1907 году его осталось въ Германіи уже только 17,7 милл. Въ годъ послѣдней переписи вся масса земледѣльческаго населенія не превышала того его количества, которое было занято въ сельскомъ хозяйствѣ еще въ 1816 году.— Наоборотъ, число лицъ, занятыхъ въ торговлѣ и всякаго рода обрабатывающей промышленности, растетъ чрезвычайно быстро: рабочее населеніе, живущее приложеніемъ труда въ торговлѣ и индустріи, исчислялось въ 1882 году въ 22 милл. чел., въ 1895 году оно равнялось уже 26 милл., а въ 1907 году возросло до 34 милл.

Изъ слѣдующей таблички еще яснѣе виденъ процессъ быстраго перемѣщенія центра экономической жизни Германіи изъ сельскаго хозяйства въ обрабатывающую промышленность.

	Изъ каждыхъ 100 душъ населенія было занято:		
	Въ 1882 г.	Въ 1895 г.	Въ 1907 г.
Въ сельскомъ хозяйствѣ:	42,5	35,8	28,6
Въ индустріи и торговлѣ:	45,5	50,6	56,2

Четверть вѣка назадъ, въ 1882 году, значеніе земледѣлія и индустріи въ экономической жизни Германіи было почти одинаково. Въ настоящее время промышленность и торговля даютъ средства къ существованію и являются полемъ приложенія труда уже для вдвое большаго числа лицъ, сравнительно съ тѣмъ, которое занято въ сельскомъ хозяйствѣ.

Посмотримъ теперь въ отдѣльности, какая эволюція произошла внутри самой обрабатывающей промышленности и внутри сельскаго хозяйства. Начнемъ съ первой.

Законы и тенденціи промышленнаго развитія были формулированы, какъ извѣстно, Карломъ Марксомъ еще въ «Коммунистическомъ манифестѣ». Съ тѣхъ поръ въ его блестящую схему были

---

zweites Heft, Berlin 1909; и статья Эд. Бернштейна въ Sozialistische Monatshefte, 5 Heft, März. 1909.

неоднократно вносимы нѣкоторые коррективы и ограниченія. Поводомъ для нихъ обыкновенно служило не полное сходство въ развитіи отдѣльныхъ отраслей обрабатывающей промышленности. По существу, указанные коррективы и ограниченія зачастую были вполнѣ справедливы, но значеніе ихъ сводилось, главнымъ образомъ, къ констатированію различныхъ *темповъ* въ развитіи отдѣльныхъ отраслей индустріи; темпы эти, дѣйствительно, различны въ зависимости отъ индивидуальныхъ технико-экономическихъ особенностей отдѣльныхъ отраслей, но это еще не дѣлаетъ различными самые законы и тенденціи въ ихъ развитіи.

Цифры, добытыя послѣдней германской переписью, даютъ новую и чрезвычайно яркую иллюстрацію для схемы Маркса. Наряду съ ростомъ пролетаріата мы видимъ въ современной Германіи все большее и большее сосредоточеніе промышленнаго производства. Мы видимъ, что наряду съ лишеніемъ хозяйственной самостоятельности наиболѣе слабыхъ, мельчайшихъ производителей, идетъ быстрыми шагами централизація и концентрація производства въ крупныхъ предпріятіяхъ. Приведемъ сначала данныя, относящіяся къ Пруссіи, о *числѣ* промышленныхъ предпріятій различныхъ размѣровъ въ 1895 и въ 1907 годахъ.

	Число предпріятій.		Увел. или уменьш.	
	въ 1895 г.	въ 1907 г.	въ абс. ч.	въ %
Карликовыя предпріятія (1 чел.) . . .	1.029.954	955.707	— 74.247	— 7,2
Мелкія предпріятія (2—5 чел.)	593.884	767.200	+173.316	+29,2
Среднія предпріятія (6—50 чел.) . . .	108.800	154.330	+ 45.530	+41,8
Крупныя предпріятія (51—500 чел.) .	10.127	17.287	+ 7.160	+70,9
Очень крупн. предпр. (501—1000 чел.)	380	602	+ 222	+58,4
Гигантскія предпріятія (свыше 1000 чел.)	191	371	+ 180	+94,2
Итого: . . .	1.743.336	1.895.497	+152.161	+ 9,9

Половину всѣхъ промышленныхъ предпріятій Пруссіи, которыхъ всего насчитывалось въ 1907 году около $1,_9$ милл., составляютъ мельчайшія предпріятія, съ *одной* только рабочей силой. Громадную часть всего числа предпріятій составляютъ также мелкія и среднія хозяйства. Напротивъ, число крупныхъ хозяйствъ (съ 51—500 рабочихъ) составляетъ уже ничтожную часть всѣхъ промышленныхъ заведеній. А число самыхъ крупныхъ хозяйствъ совершенно тонетъ въ общей массѣ предпріятій. Но такъ обстоитъ дѣло въ статикѣ, въ состояніи покоя, въ опредѣленный моментъ времени. Какъ же обстоитъ дѣло въ динамикѣ, въ движеніи? Въ какую сторону развиваются различныя группы промышленныхъ предпріятій и что происходитъ съ ними съ теченіемъ времени?

За 12 лѣтъ, протекшихъ между предшествующей и послѣдней переписями, общее число предпріятій Пруссіи увеличилось на 150 тысячъ; однако увеличеніе это произошло, какъ видимъ, не за счетъ самой многочисленной группы: послѣдняя, наоборотъ, уменьшилась на 74 тыс. хозяйствъ или на $7,_2$%. Увеличеніе это

произошло за счетъ роста остальныхъ группъ, за счетъ увеличенія числа болѣе крупныхъ препріятій. И мы видимъ, что чѣмъ крупнѣе предпріятіе, тѣмъ относительно больше возрасло ихъ число: группа мелкихъ предпріятій (2—5 раб.) возрасла всего на 29%, тогда какъ число крупныхъ хозяйствъ увеличилось больше, чѣмъ въ полтора раза, а число гигантскихъ предпріятій (Riesenbetriebe), въ которыхъ занято по тысячѣ и больше рабочихъ, возрасло почти вдвое. При этомъ надо замѣтить, что если (абсолютно) очень сильно восросло и количество мелкихъ предпріятій, то приростъ этотъ произошелъ, главнымъ образомъ, за счетъ увеличенія числа *торгово-промышленныхъ* заведеній, гостиницъ, трактировъ, мастерскихъ готоваго платья, находящихся при магазинахъ, красиленъ и т. п.; изъ 173.316 предпріятій, составляющихъ приростъ мелкихъ хозяйствъ (съ 2—5 рабочими), 131.599 предпріятій носятъ именно указанный характеръ. Это значитъ, что собственно обрабатывающая промышленность развивается въ Германіи за счетъ увеличенія крупныхъ предпріятій,—во всякомъ случаѣ, такихъ, гдѣ рабочія силы превышаютъ рабочія силы средней семьи, т. е. индустрія развивается въ Германіи за счетъ роста капитализма, за счетъ увеличенія числа капиталистическихъ хозяйствъ.

Однако приведенныя данныя объ измѣненіяхъ въ числѣ крупныхъ и мелкихъ предпріятій еще не даютъ вполнѣ правильнаго понятія о силѣ и быстротѣ концентраціи индустріальнаго производства. Значеніе крупныхъ хозяйствъ въ производствѣ можетъ увеличиваться не пропорціонально росту ихъ числа, а въ большей или въ меньшей степени—въ зависимости, во-первыхъ, отъ количества поглощаемой этими хозяйствами рабочей силы и, во-вторыхъ, отъ относительной производительности въ нихъ труда. Приводимыя ниже данныя о числѣ рабочихъ, занятыхъ въ различныхъ (по размѣрамъ) предпріятіяхъ, покажутъ намъ, что концентрація промышленнаго производства идетъ гораздо быстрѣе и интенсивнѣе, чѣмъ можно было бы заключить по даннымъ предыдущей таблицы. Въ самомъ дѣлѣ, въ Пруссіи:

	Было занято рабочихъ:					
Въ предпр.	Абсолютныя числа:			Проценты:		
съ числ. раб.	1895 г.	1907 г.	Ув. (+) или ум. (—)	1875 г.	1907 г.	Ув. или уменьш.
однимъ	1.029.954	955.707	— 74.247	17,5	11,5	— 7,2
2— 5	1.638.205	2.038.236	+ 400.031	28,0	24,5	+ 24,4
6— 50	1.390.745	2.109.164	+ 718.419	23,8	25,3	+ 51,7
51— 500	1.217.085	2.095.065	+ 877.980	20,7	25,1	+ 72,1
501—1000	261.509	424.587	+ 163.078	4,3	5,1	+ 62,4
Свыше 1000	338.585	710.253	∓ 371.668	5,7	8,5	+109,8
Итого:	5.876.083	8.333.012	+2.456.929	100,0	100,0	+ 41,8

Прежде всего мы видимъ, что группа карликовыхъ предпріятій, содержащая въ себѣ, какъ извѣстно, половину всѣхъ хозяйствъ,

поглощала въ 1907 году только 11,5% всего рабочаго населенія, занятого въ промышленности. Напротивъ, ничтожное количество хозяйствъ съ 500 и болѣе рабочихъ, составляющее всего 0,05% всѣхъ предпріятій, поглощало въ томъ же году болѣе одной восьмой всѣхъ рабочихъ; вообще же крупныя хозяйства (отъ 51 и бол. раб.), число которыхъ не составляетъ и одного процента ко всему числу предпріятій, концентрируютъ около ²/₅ всей рабочей силы, занятой въ промышленности. Это—въ статикѣ.

Но этого мало. Мы видимъ, въ динамикѣ, что хотя число крупныхъ предпріятій растетъ очень быстро, но производство концентрируется въ нихъ еще быстрѣе: ростъ числа рабочихъ, занятыхъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, обгоняетъ ростъ числа самыхъ предпріятій; такъ, число предпріятій съ 501 — 1000 рабочихъ возрасло съ 1895 по 1907 годъ на 58%, а число рабочихъ, занятыхъ въ нихъ, возрасло за это время на 62%; число самыхъ крупныхъ предпріятій увеличилось на 94,2%, а число рабочихъ въ нихъ возросло больше, чѣмъ вдвое, на 109,8%. Крупныя предпріятія, съ числомъ рабочихъ болѣе 50, концентрировавшія въ 1907 году около ²/₅ всѣхъ рабочихъ, поглощали 12 лѣтъ назадъ менѣе трети всей занятой въ промышленности рабочей силы. Что касается увеличенія числа рабочихъ въ *мелкихъ* предпріятіяхъ, то здѣсь мы, наоборотъ, видимъ, что ростъ числа рабочихъ отстаетъ отъ увеличенія числа самыхъ предпріятій, т. е. предпріятія эти еще болѣе дробятся: число ихъ возросло за 12 лѣтъ на 29%, тогда какъ число занятыхъ въ нихъ рабочихъ увеличилось только на 24%. Значеніе и вѣсъ этихъ предпріятій въ промышленномъ производствѣ страны, слѣдовательно, сильно уменьшились. Кромѣ того, мы знаемъ, что растетъ, главнымъ образомъ, число *торгово*-промышленныхъ мелкихъ хозяйствъ; и изъ 400 тысячъ рабочихъ, составляющихъ приростъ рабочей силы, занятой въ хозяйствахъ съ 2—5 рабочими, 287 тысячъ человѣкъ занято именно въ такого рода торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ.

Однако только что приведенныя цифры также не даютъ еще вполнѣ правильнаго понятія о быстротѣ и силѣ концентраціи индустріальнаго производства въ Германіи. Чтобы вполнѣ оцѣнить дѣйствительное увеличеніе вѣса и значенія крупнаго производства въ германской промышленности, надо вспомнить, насколько болѣе производительнымъ является трудъ рабочаго въ крупныхъ предпріятіяхъ сравнительно съ мелкими. Понятно, что цѣлая пропасть лежитъ между количествами продуктовъ, изготовляемыхъ въ единицу рабочаго времени въ хозяйствѣ мельчайшаго предпринимателя—полупролетарія и въ крупномъ предпріятіи, снабженномъ громаднымъ капиталомъ и оборудованномъ по послѣднему слову науки и техники.

Капиталъ, организуя промышленное производство въ крупныхъ размѣрахъ, концентрируя и совершенствуя его, вмѣстѣ съ

тѣмъ производитъ коренную ломку въ существующихъ *соціальныхъ* отношеніяхъ, создаетъ новые соціальные типы, переводитъ индустріальнаго производителя изъ одного общественнаго класса въ другой. Отмѣченной эволюціи экономическихъ формъ соотвѣтствуетъ опредѣленная соціальная эволюція. Бросимъ взглядъ теперь съ этой — соціальной — точки зрѣнія на перемѣны, происшедшія въ жизни Германіи за 12 лѣтъ.

Прежде всего здѣсь надо отмѣтить тотъ фактъ, что мельчайшіе индустріальные производители зачастую вовсе не являются самостоятельными предпринимателями. Изъ многочисленной группы этихъ «предпріятій» очень значительная часть представляетъ изъ себя просто придатокъ крупныхъ хозяйствъ; это въ значительной части—полусамостоятельные производители, или же «самостоятельность» ихъ совершенно фиктивна. И мы видимъ, что съ теченіемъ времени группа такихъ предпріятій и такихъ производителей сокращается; они постепенно превращаются въ настоящій пролетаріатъ и лишаются даже видимости самостоятельнаго хозяйства.

Далѣе мы должны отмѣтить, что рабочіе, создающіе цѣнности въ индустріи, наряду съ лишеніемъ ихъ хозяйственной самостоятельности, все больше и больше концентрируются въ качествѣ наемнаго пролетаріата въ крупныхъ хозяйствахъ; происходитъ, дѣйствительно, та организація рабочаго класса въ самомъ процессѣ промышленнаго производства, о которой говорилъ Марксъ. Если мы отбросимъ группы мельчайшихъ производителей, которыхъ можно съ равнымъ основаніемъ считать и за самостоятельныхъ предпринимателей, и за пролетаріатъ, обслуживающій крупныхъ капиталистовъ,—то въ слѣдующій табличкѣ мы увидимъ полное подтвержденіе только что сказанному:

	Работало человѣкъ: 1895 г.	1908 г.
Въ предпріятіяхъ:		
Мелкихъ и среднихъ (2—50 рабоч.)	3.028.950	4.147.400
Крупныхъ и гигантскихъ (свыше 50 раб)	1.817.179	3.229.905

За небольшой промежутокъ времени соотношеніе между числомъ рабочихъ, занятыхъ въ крупныхъ и занятыхъ въ мелкихъ и среднихъ предпріятіяхъ, успѣло измѣниться чрезвычайно сильно. Несомнѣнно, что въ ближайшемъ будущемъ уже большинство германскаго пролетаріата будетъ сконцентрировано въ крупныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ.

Роль капитала, какъ фактора, ломающаго старыя соціальныя отношенія и создающаго новыя, будетъ видна еще болѣе рельефно изъ слѣдующихъ цифръ, относящихся ко всей Германской имперіи:

Промышленность, ремесло и горное дѣло:

	1895 г.	1907 г.	Увеличеніе или уменьш. обсолют.	въ %
Самостоятельные	2.061.764	1.977.122	— 84.642	— 4,1
Служащіе	263.745	686.007	+ 422.262	+160,1
Рабочіе	5.955.711	8.593.125	+2.637.414	+ 44,3

Торговля и транспортъ:

	1895 г.	1907 г.	Увеличеніе или уменьш. обсолют.	въ %
Самостоятельные	843.557	1.012.172	+ 168.615	+ 20,0
Служащіе	261.907	505.909	+ 244.002	+ 93,2
Рабочіе	1.233.047	1.959.525	+ 726.478	+ 58,9

Мы видимъ въ промышленности, ремеслѣ и горномъ дѣлѣ— уменьшеніе числа самостоятельныхъ производителей и громадный ростъ числа служащихъ и рабочихъ. Въ 1895-мъ году число самостоятельныхъ составляло болѣе трети числа наемныхъ рабочихъ; въ 1907-мъ году оно далеко не составляетъ и четверти этого числа. Въ торговлѣ и транспортѣ число самостоятельныхъ предпринимателей возрасло относительно немного, на $^1/_5$; число рабочихъ возрасло больше, чѣмъ въ полтора раза, а число служащихъ— почти вдвое. Число «самостоятельныхъ» ко всему числу лицъ, занятыхъ въ торговлѣ и транспортѣ, составляло въ 1895 г. 36%, а въ 1907-мъ году—всего 29%.

Итакъ, наряду съ концентраціей и укрупненіемъ промышленнаго производства мы видимъ сосредоточеніе его въ рукахъ все меньшаго числа самостоятельныхъ хозяевъ. Наряду съ централизаціей рабочихъ въ крупныхъ предпріятіяхъ мы видимъ все большее лишеніе индустріальныхъ производителей ихъ самостоятельности и переходъ ихъ на положеніе наемныхъ рабочихъ, создающихъ прибавочную стоимость для крупныхъ капиталистовъ.

Совсѣмъ иную картину, совсѣмъ иныя и противоположныя тенденціи развитія мы видимъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Выше было отмѣчено, что значеніе земледѣлія, какъ источника пропитанія и сферы приложенія труда, все болѣе падаетъ, а земледѣльческое населеніе относительно и абсолютно сокращается. Это обстоятельство не должно, однако, ни въ какой степени уменьшать нашъ интересъ къ аграрному вопросу, къ законамъ сельскохозяйственнаго развитія и къ судьбѣ земледѣльческаго населенія. Ибо надо помнить, что въ немъ занято все таки болѣе четверти всего населенія Германіи, и что по числу занятыхъ и кровно заинтересованныхъ въ немъ лицъ, такъ же, какъ и по количеству производимыхъ въ немъ продуктовъ, съ нимъ не можетъ равняться ни одна отрасль индустріи.

Въ обработывающей промышленности мы видимъ быстро идущую впередъ концентрацію производства и капитализацію его. Уяснить себѣ всю разницу между развитіемъ индустріи и сельскаго хозяйства мы сможемъ уже по слѣдующимъ краснорѣчивымъ цифрамъ. Общее число сельско-хозяйственныхъ предпріятій въ Германіи равнялось въ 1882 году 5.276 тысячамъ, къ 1895-му году число

это увеличилось до 5.558 тыс., а къ 1907 году оно снова увеличилось до 5.736 тыс. Если принять во вниманіе совершенно ничтожныя колебанія въ размѣрахъ общей сельскохозяйственной площади, то уже одно это съ полной очевидностью свидѣтельствуетъ о процессѣ раздробленія хозяйственной площади между все большимъ и большимъ количествомъ предпріятій, т. е. о раздробленіи земледѣльческаго производства и объ измельчаніи его. Въ этомъ мы можемъ непосредственно убѣдиться изъ данныхъ о распредѣленіи общаго числа сельскохозяйственныхъ предпріятій по размѣрамъ занимаемой ими хозяйственной площади. А именно, изъ каждой сотни хозяйствъ было:

		1882 г.	1895 г.	1907 г.	
Имѣющихъ до 2 гектаровъ	(1,83 дес.).	58,03	58,22	58,89	76,46
„ „ 2— 5 „	(1,83—4,57 дес.).	18,60	18,29	17,57	
„ „ 5— 20 „	(4,57—18,3 „).	17,56	17,97	18,58	
„ „ 20—100 „	(18,3—91,5 „).	5,34	5,07	4,55	4,96
„ „ 100 и болѣе „	(91,5— и бол.).	0,47	0,45	0,41	
	Итого . .	100,00	100,00	100,00	

Мы видимъ, что основную массу (около 60%) земледѣльческихъ предпріятій Германіи составляютъ хозяйства, имѣющія всего до 2-хъ гектаровъ. Это—такъ называемыя карликовыя хозяйства. На 1,8 десят. и меньше нашъ крестьянинъ вести хозяйство безусловно не можетъ. Болѣе *трехъ четвертей* всѣхъ хозяйствъ Германіи имѣютъ менѣе, чѣмъ по 5 дес. каждое. И эта площадь значительно меньше той, на которой хозяйничаетъ въ Россіи средній крестьянскій дворъ, и, во всякомъ случаѣ, несравненно меньше той площади, которая безусловно необходима русскому крестьянину—въ его условіяхъ—для правильнаго хозяйства. Меньше *одной пятой* хозяйствъ (по германскому масштабу, эти хозяйства — уже относительно крупныя) владѣютъ приблизительно такою же площадью, на какую опирается и наше крестьянское хозяйство. И только одна двадцатая всѣхъ земледѣльческихъ предпріятій Германіи хозяйничаетъ на болѣе обширной площади, при чемъ относительное число хозяйствъ, имѣющихъ по 100 и болѣе гектаровъ, совершенно ничтожно: во всей Германіи такихъ хозяйствъ было въ 1907 г. всего 13.566.

Что касается измѣненій въ числѣ хозяйствъ различныхъ группъ, измѣненій, происшедшихъ за 25 лѣтъ, съ 1882 по 1907 годъ,—то ихъ въ общемъ надо признать не рѣзкими; отдѣльныя группы, по числу принадлежащихъ къ нимъ хозяйствъ, проявили значительную устойчивость. Тѣмъ не менѣе, основная тенденція ихъ развитія обнаруживается изъ приведенной таблички довольно ясно. Группа мельчайшихъ, карликовыхъ хозяйствъ возрасла, очевидно, за счетъ слѣдующей высшей группы (съ 2—5 гектарами), которая раздробила свои владѣнія и сократилась. Число среднихъ хозяйствъ также возрасло и также за счетъ болѣе

крупныхъ. Число же хозяйствъ, начиная съ 20 гектаровъ и больше, сократилось, т. е. группы крупныхъ хозяйствъ, представляющихъ земледѣльческій капитализмъ, находятся въ процессѣ разложенія. Особенно сильно уменьшилось число самыхъ крупныхъ хозяйствъ, владѣющихъ тысячью и болѣе гектаровъ: только за 12 лѣтъ, съ 1882 по 1895 г., число ихъ сократилось съ 572 до 369, т. е. гораздо болѣе, чѣмъ на одну треть. Очень важно отмѣтить при этомъ, что указанная тенденція въ развитіи отдѣльныхъ группъ проявляется съ большой послѣдовательностю: группы, начавшія сокращаться къ 1895-му году, продолжали сокращаться и къ 1907-му году, группы же, возросшія ко времени второй профессіональной переписи, еще болѣе возрасли за послѣдніе годы. Это обстоятельство даетъ возможность съ полной опредѣленностью настаивать на данныхъ тенденціяхъ въ развитіи различныхъ группъ, несмотря на далеко не рѣзкія измѣненія въ ихъ численности: развитіе въ опредѣленную сторону совершается въ Германіи, хотя и сравнительно медленно, но неуклонно.

Однако приведенныхъ цифръ еще далеко не достаточно для нашихъ окончательныхъ выводовъ. Когда мы ставимъ вопросъ объ эволюціи сельскаго хозяйства, то насъ интересуютъ не столько хозяйствующіе субъекты въ земледѣліи, сколько само сельскохозяйственное производство; насъ интересуетъ, какой характеръ и какія формы имѣетъ оно, и какъ измѣняется его характеръ и его формы съ теченіемъ времени. На эти вопросы еще не можетъ дать достаточный отвѣтъ выясненіе *числа* земледѣльческихъ хозяйствъ, принадлежащихъ къ различнымъ группамъ, въ какой-либо одинъ или въ различные періоды времени. На эти вопросы можетъ дать окончательный отвѣтъ только выясненіе *роли* различныхъ группъ хозяйствъ въ національномъ сельскохозяйственномъ производствѣ и выясненіе *измѣненій* въ этой роли, происходящихъ съ теченіемъ времени. Въ Германіи (какъ это можно наблюдать и въ каждой капиталистической странѣ) мы только что видѣли огромную массу мельчайшихъ индустріальныхъ производителей—кустарей, число которыхъ, конечно, превышаетъ *число* крупныхъ капиталистическихъ предпріятій. Тѣмъ не менѣе, роль этихъ кустарей въ общемъ производствѣ каждаго продукта можетъ быть совершенно ничтожной, и производство можетъ съ полнымъ правомъ считаться крупнымъ и капиталистическимъ, какъ мы опять таки только что видѣли на примѣрѣ Пруссіи. Съ теченіемъ времени группы крупныхъ хозяйствъ могутъ *сокращаться* наряду съ ростомъ числа мелкихъ хозяйствъ. Но это можетъ происходить безъ всякаго паденія роли крупныхъ хозяйствъ въ національномъ производствѣ, а исключительно въ силу все большей концентраціи производства въ рукахъ все меньшаго числа еще болѣе крупныхъ предпринимателей; мелкія же хозяйства могутъ увеличиваться въ числѣ въ силу своего

все большаго раздробленія, но относительная роль ихъ въ производствѣ можетъ падать.

Объ относительномъ значеніи различныхъ группъ земледѣльческихъ предпріятій въ сельскомъ хозяйствѣ страны мы можемъ судить по размѣрамъ хозяйственной площади, занимаемой и эксплуатируемой различными группами хозяйствъ. Поэтому, на основаніи только что сказаннаго, намъ будетъ особенно интересно ознакомиться съ измѣненіями *въ хозяйственной площади*, которую занимали мелкія, среднія и крупныя германскія хозяйства въ 1882, 1895 и въ 1907 годахъ. Объ этомъ даетъ понятіе слѣдующая таблица:

Группы хозяйствъ:	Изъ каждыхъ 100 гектаровъ с.-х. площади находились въ хозяйствахъ 1882 г.	1895 г.	1907 г.
Имѣющія менѣе 2 гектаровъ.	5,7	5,6	5,4
„ 2—5 „	10,0	10,1	10,4
„ 5—20 „	28,7	29,9	32,7
„ 20—100 „	31,1	30,3	29,3
„ 100 и болѣе „	24,5	24,1	22,2
Итого . .	100,0	100,0	100,0

Прежде всего мы видимъ, что мельчайшія земледѣльческія хозяйства (до 2 гект.), составляющія около 60% общаго числа хозяйствъ, владѣютъ всего 5,4% сельскохозяйственной площади, т. е. представляютъ всего одну двадцатую земледѣльческаго производства Германіи. Напротивъ, крупныя хозяйства (съ 20-ю и болѣе гектарами), которыя составляютъ менѣе одной двадцатой общаго числа земледѣльческихъ хозяйствъ, сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ болѣе половины всего сельскохозяйственнаго производства. И даже самыя крупныя хозяйства (со 100 и бол. гект.), число которыхъ совершенно ничтожно, концентрируютъ около четверти всей земледѣльческой площади. Это опять таки—въ статикѣ.

Разсматривая динамическія измѣненія, происшедшія съ группой мельчайшихъ хозяйствъ, мы видимъ новыя доказательства того положенія, что по *числу* хозяйствъ и по его измѣненіямъ еще нельзя судить о роли этихъ хозяйствъ въ производствѣ: несмотря на ростъ числа карликовыхъ хозяйствъ, ихъ значеніе и вѣсъ въ земледѣльческомъ производствѣ страны неуклонно понижается; за 12 лѣтъ (1895—1907 гг.) ихъ роль въ производствѣ уменьшилась не только относительно, но и абсолютно: въ 1895 г. въ рукахъ этихъ хозяйствъ было 1,8 милл. гектаровъ, а въ 1907 г. осталось 1,7 милл. гектаровъ. Наоборотъ, хотя число хозяйствъ слѣдующей группы (2—5 гект.) систематически уменьшается, но ихъ значеніе въ производствѣ расширяется: занимаемая этими хозяйствами площадь увеличилась за 25 лѣтъ относительно—съ 10,0% до 10,4%, абсолютно—съ 3,19 милл. гект. до 3,3 милл.

Но намъ особенно интересны измѣненія, происшедшія въ по-

ложеніи крупныхъ хозяйствъ. Число ихъ, какъ мы знаемъ, правильно уменьшается, но расширяется ли, тѣмъ не менѣе, поле ихъ господства? Изъ приведенной таблицы видно, что площадь, занимаемая этими хозяйствами, такъ же правильно *сокращается*. И особенно рѣзко сократилась она за періодъ между двумя послѣдними переписями; абсолютно съ 1895 по 1907 г. площадь земли подъ этими хозяйствами уменьшилась съ 7,8 до 7,1 милл. гектаровъ. Слѣдовательно, число крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ уменьшается не потому, что та же площадь концентрируется въ рукахъ все меньшаго количества хозяевъ, а потому, что земля переходитъ отъ крупныхъ владѣльцевъ къ болѣе мелкимъ. Крупно-капиталистическое сельское хозяйство разрушается и теряетъ свои позиціи съ той же неуклонностью и правильностью, съ какой отвоевываетъ ихъ индустріальный капитализмъ. Въ земледѣльческомъ производствѣ страны все болѣе расширяетъ поле своего господства мелко-трудовое хозяйство, вытѣсняя крупное.

Чѣмъ, однако, слѣдуетъ объяснить это явленіе? Быть можетъ, въ сельскомъ хозяйствѣ, въ противоположность индустріи, не крупное, а мелкое производство оказывается болѣе выгоднымъ и совершеннымъ, и потому оно является болѣе устойчивымъ и жизнеспособнымъ въ современныхъ условіяхъ? Извѣстно, что именно такъ склонна объяснять отмѣченный фактъ, такъ называемая, «ревизіонистская» школа экономистовъ, наиболѣе яркими выразителями которой можно признать въ Германіи Эд. Давида, у насъ— г. Булгакова.

На самомъ дѣлѣ, въ сельскомъ хозяйствѣ производство въ крупныхъ размѣрахъ имѣетъ громадныя технико-экономическія преимущества сравнительно съ мелко-разрозненнымъ производствомъ; ибо и въ сельскомъ хозяйствѣ при производствѣ въ крупныхъ размѣрахъ достигается громадная экономія въ непосредственномъ или общественномъ трудѣ при добываніи единицы продукта. Разложеніе крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ въ современномъ строѣ имѣетъ совершенно иныя причины, за подробнымъ выясненіемъ которыхъ я позволю себѣ отослать читателя къ моей книгѣ «Къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства». Объясняется указанное явленіе не тѣмъ, что крупное земледѣліе не имѣетъ технико-экономическихъ преимуществъ передъ мелкимъ и, конечно, не тѣмъ, что преимущества эти имѣетъ мелкое земледѣліе передъ крупнымъ, а тѣмъ, что *современное* крупное сельское хозяйство есть вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйство *капиталистическое*, организованное на основѣ наемнаго труда и имѣющее своею цѣлью доставлять капиталистическую прибыль предпринимателю. Именно это послѣднее обстоятельство, именно, капиталистическая организація современныхъ крупныхъ хозяйствъ и вступаетъ въ конфликтъ съ общимъ экономическимъ развитіемъ буржуазнаго строя; именно это обстоятельство и является причиной разрушенія современныхъ

крупныхъ хозяйствъ; ибо земледѣліе, по природѣ своей, является *непригоднымъ средствомъ* для указанной цѣли, для «превращенія денегъ въ капиталъ», *для созданія предпринимательской прибыли.* Индивидуальныя особенности земледѣльческаго производства, дѣлающія невыгоднымъ помѣщеніе въ сельское хозяйство капитала, ищущаго прибыли, заставляютъ капиталистовъ давать своимъ капиталамъ иное назначеніе. И крупное хозяйство, имѣющее капиталистическую организацію, разрушается, уступая мѣсто некапиталистическому, трудовому, которое въ современномъ строѣ есть *мелкое* хозяйство.

Таковы противоположныя тенденціи развитія индустріи и земледѣлія,—тенденціи, уже отмѣченныя экономической наукой и нашедшія себѣ новое подтвержденіе въ цифрахъ послѣдней германской профессіональной переписи. Въ предѣлахъ буржуазнаго строя будущее обрабатывающей промышленности принадлежитъ крупному капиталистическому производству, которое въ самомъ себѣ носитъ источникъ своей гибели, организуя въ процессѣ производства промышленный пролетаріатъ. Задачи послѣдняго и его представителей здѣсь сводятся къ тому, чтобы не предоставлять дѣла организаціи рабочаго класса одному процессу производства въ ожиданіи, пока пробьетъ часъ капитализма... Въ земледѣліи будущее принадлежитъ трудовому производству. Задачи представителей труда здѣсь сводятся къ тому, чтобы не оставлять его мелкимъ, чтобы вести его путемъ коопераціи къ болѣе совершеннымъ формамъ, къ обобщенію его снизу, къ организаціи его въ крупныхъ размѣрахъ,—въ цѣляхъ установленія на этой основѣ будущихъ справедливыхъ формъ распредѣленія.

Ник. Сухановъ.

Хроника внутренней жизни.

1. Финансовые сюрпризы. Монашескій и законоучительскій съѣзды.— 2. Неожиданное въ ревизіяхъ и разоблаченіяхъ. Земскіе выборы. Изъ дворянскихъ размышленій. — 3. «Анкета» объ октябристахъ. Необходимость въ пересмотрѣ платформы соглашенія между властью и опорой.—4. «Большая политика» и дѣйствительность. О «всеобщемъ и совершенномъ упадкѣ интереса къ общественному дѣлу».—5. Къ итогамъ трехъ минувшихъ лѣтъ.

По свѣдѣніямъ «Голоса Москвы», «министръ финансовъ удрученъ требованіемъ денегъ, предъявленнымъ всѣми вѣдомствами»:

Коковцевъ предпочтетъ покинуть свой постъ, чѣмъ подписать дефицитъ. Вся надежда его на то, что Дума поддержитъ министра въ сокращеніи расходовъ («Голосъ Москвы», 1 августа).

Только что дополнительно «забронировали» сухопутно-морской бюджетъ, и, должно быть, на этомъ основаніи надѣются, что Дума «сократитъ»... Совсѣмъ, что ли, нашъ министръ финансовъ утопаетъ, если «вся его надежда» на такую соломинку? А впрочемъ, пустяки это. Съ какой стати г. Коковцевъ будетъ надѣяться на Думу? Ротшильдъ, что ли, она, Мендельсонъ, или хотя бы только «Ліонскій Кредитъ»? И то пустяки, что министръ финансовъ «не подпишетъ дефицита». Во-первыхъ, дефицитъ уже «опредѣлился» суммою 50 милл. рублей, — и это по «предварительнымъ даннымъ», еще до предъявленія требованій со стороны военнаго и морского министерствъ *). А во-вторыхъ, нѣтъ вѣдь и надобности подписывать дефицитъ непремѣнно теперь. Разсмотрѣніе смѣты 1910 г., по примѣру прошлыхъ лѣтъ, закончится къ будущему іюню, почти черезъ годъ. И ежели дефицитъ почему-либо, ну, хотя бы въ виду переговоровъ о займѣ, теперь неудобенъ, ничто не мѣшаетъ ему обнаружиться тоже лишь къ іюню 1910 г. Къ тому времени, Богъ дастъ, переговоры будутъ уже реализованы. Тогда министръ финансовъ и «подпишетъ». Хитрость не велика, — необходимо лишь предварительно поговорить съ г.г. Гучковымъ и Балашовымъ. И если въ этомъ смыслѣ министръ финансовъ надѣется на «Думу»,—надежда его врядъ ли обманетъ: г. Гучковъ и Балашовъ люди обязательные.

И все-таки я готовъ вѣрить, что «министръ финансовъ удрученъ». Конечно, вѣдомства всегда требовали. Дѣло обыкновенное. Но вотъ что плохо—дыры для утечки денегъ изъ государственнаго казначейства разверзаются теперь ужъ слишкомъ невзначай, въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ, и предусмотрѣть ихъ, подгото-

---

*) «Русскія Вѣдомости», 14 іюля

виться къ нимъ никакой министръ не въ состояніи. Въ началѣ іюля нашумѣла непріятная «исторія съ постройкой новыхъ броненосцевъ».

Закладкѣ этихъ броненосцевъ предшествовали всевозможныя совѣщанія; съ самаго начала было рѣшено, что они будутъ строиться на опредѣленныхъ казенныхъ заводахъ, и вотъ... послѣ закладки обнаружилось, что выполнить заказы къ сроку эти заводы могутъ лишь въ томъ случаѣ, если имъ будутъ выданы предварительно очень большія суммы на оборудованіе («Русскія Вѣдомости», 7 іюля).

Гдѣ это бываетъ, чтобъ сначала стали строить, а потомъ сообразили, что нѣтъ инструментовъ? Развѣ можно что-либо подобное предвидѣть? А, между тѣмъ, эта дыра такая, которую безъ малѣйшаго промедленія надо заткнуть,—«параграфъ» и «титулъ», необходимые для оформленія ассигновки въ «законодательной палатѣ», послѣ придумаемъ. Если не удовлетворить немедленно требованія, то задержится оборудованіе заводовъ, а разъ задержится оборудованіе, заинтересованныя вѣдомства могутъ признать, что по этой причинѣ уже одобренные проекты броненосцевъ устарѣли; когда же успѣютъ выработать и обсудить новые проекты, пожалуй, окажется, что заводы тоже требуютъ новаго, сообразно съ этими проектами, оборудованія... Конечно,—эта «сказка про бѣлаго бычка» подъ предлогомъ постройки новаго флота можетъ произойти и въ случаѣ безпромедлительнаго ассигнованія. Но, во-первыхъ, это ужъ будетъ не вина министра финансовъ. А, во-вторыхъ, ему вѣдь и нѣтъ дѣла до того, какія реальности получаются вѣдомствами за счетъ отпущенныхъ изъ государственнаго казначейства суммъ. Въ кругъ обязанностей министра финансовъ входитъ лишь—собирать и отпускать...

Изъ какого, однако, источника отпускать, если, по подсчету бюджетной думской коммиссіи, «свободные рессурсы» государственнаго казначейства выражаются суммою всего 11 милл. рублей?.. И это «все», чѣмъ располагаетъ министръ въ виду возможныхъ экстренныхъ надобностей. Какъ же не удручаться, когда одинъ только броненосный сюрпризъ способенъ сразу поглотить всѣ «свободные рессурсы» и потребовать немалаго ассигнованія изъ рессурсовъ несвободныхъ? Между тѣмъ, повторяю, сюрпризы сыплются, какъ шишки на бѣднаго Макара. Вотъ сибирская печать уже подняла крикъ:

Предстоитъ разыграться величайшему скандалу, какой только случался въ Россіи, — скандалу, пожалуй, невиданному и неслыханному... Дѣло идетъ, ни много ни мало, о томъ, что скоро придется на Сибирской дорогѣ и на другихъ, которыя получали послѣдніе годы рельсы съ того же завода, что и Сибирская, уменьшать скорость движенія.

А если не послѣдуетъ экстренная ассигновка, то придется, пожалуй, пойти на нѣчто худшее, чѣмъ уменьшеніе скорости,—совсѣмъ остановится Сибирская дорога.

Какъ извѣстно, министерствомъ путей сообщенія осуществлялся въ послѣдніе годы планъ замѣны легкихъ рельсъ на магистраляхъ «такъ называемыми нормальными» болѣе тяжелаго типа,... и замѣна эта почти осуществлена...

...Выяснилось, что рельсы эти, заказываемые непосредственно министерствомъ, оказались слишкомъ мягкими. Вслѣдствіе этого образовался такъ называемый прокатъ концовъ, т. е. головка рельса на стыкѣ... смялась, расплющилась и... получилась на стыкѣ яма...

На Сибирской дорогѣ

лопаются бандажи, ломаются оси отъ этихъ нормальныхъ рельсъ... Нѣкоторые участки съ нормальными рельсами пришли уже къ тому, что уменьшаютъ скорость... Приходится мѣнять всѣ рельсы сплошь, мѣнять же нечѣмъ...

«Сибирская Жизнь», откуда я заимствую эти цитаты *), приводитъ разныя техническія подробности соглашенія министерства съ поставщиками рельсъ. Изъ подробностей явствуетъ, что поскольку это соглашеніе не интимное, постольку заводы-поставщики правы: рельсы поставлены условленнаго образца и достоинства, ихъ надлежащія качества признаны оффиціально. А если «часто рельсы не выдерживаютъ и годичнаго срока»,—то пусть вѣдомство пеняетъ на себя. Зачѣмъ оно требовало такихъ качествъ? Сверхъ того, пока не окончился условленный срокъ гарантіи со стороны поставщика, «ямъ на стыкахъ» не замѣтно. А когда срокъ окончился, сразу обнаруживаются ямы. Не виноватъ, разумѣется, и министръ г. Рухловъ: не при немъ вѣдь это было. Да и вообще виноватыхъ искать не къ чему. И некогда. Надо скорѣй ассигновать. Иначе, во-первыхъ, всѣ полопавшіеся бандажи и поломанныя оси желѣзнодорожное вѣдомство отнесетъ за счетъ министра финансовъ: своевременно не нашелъ средства удовлетворить неотложное требованіе. А во-вторыхъ, рѣчь вѣдь идетъ о «магистраляхъ», имѣющихъ стратегическое и всякое иное значеніе. На Дальнемъ Востокѣ опять осложненія, вспыхиваетъ таможенная война съ Китаемъ, а сибирская колея въ ямахъ... Положимъ, въ государственномъ казначействѣ, помимо 11 «свободныхъ» милліоновъ, найдутся и еще кой-какія суммы: спеціальныя, залоговыя, депозиты... Кромѣ того, наше казначейство, слава Богу, въ исконной дружбѣ съ государственнымъ банкомъ. А все-таки для оплаты очередного разряда билетовъ (серій) казначейства пришлось

«28 іюля произвести новый выпускъ билетовъ («серій») государственнаго казначейства на сумму въ 25 милліоновъ рублей. Выпускъ послѣдовалъ безъ разрѣшенія законодательныхъ учрежденій — въ порядкѣ верховнаго управленія», хотя «Государственная Дума уже признала такой», равноцѣнный займу, «порядокъ выпуска однихъ билетовъ государственнаго казначейства взамѣнъ другихъ незаконнымъ» («Русское Слово», 30 іюля).

---

*) № 2 іюля.

Не въ томъ сила, что признала или не признала Дума. Пусть «кадеты» помогаютъ намъ увѣрять заграничную публику, что «въ Россіи есть законодательная палата народныхъ представителей съ правомъ контролировать бюджетъ»... Дома-то мы живемъ попросту. Но представьте, въ самомъ дѣлѣ, положеніе министра финансовъ. Приходится снисходить до такихъ мизерныхъ операцій, какъ займы въ 25 милліоновъ. И безъ того «тонко». И безъ того «гдѣ тонко, тамъ и рвется». Между тѣмъ, каждое утро можетъ принести такой сюрпризъ, что...

Если даже уповать, что зловѣщее финансовое утро не скоро наступитъ, то все-таки нельзя не быть удрученнымъ. Общее, не только финансовое, положеніе приняло крайне подозрительный видъ. Вся вообще почва подъ ногами словно колеблется. Исчезаетъ самая возможность вѣры въ завтрашній день. Никакъ нельзя сказать, когда, откуда и какъ можетъ грянуть кризисъ. Но симптомы... Очень не хороши симптомы.

Вонъ созывали недавно монашескій съѣздъ. Монашеское населеніе считается сплошь благонадежнымъ. Въ дѣйствительности схема: благонадежный и неблагонадежный, по нынѣшнимъ временамъ, такъ же устарѣла, какъ и прадѣдовскій афоризмъ: «въ монастыри идутъ не для Іисуса, а для хлѣба куса». Идутъ-то, пожалуй, и не для Іисуса, но и не для куса. По крайней мѣрѣ, не только для куса. Живетъ, къ примѣру, «въ простомъ званіи» дѣвушка. Натура у нея деликатная. Замужъ идти за мужика или за мѣщанина неохота,—бытовыя условія замужней жизни извѣстны. Вотъ и «подается въ монастырь», просто потому, что эта карьера въ матеріальномъ смыслѣ нисколько не хуже замужества, возможнаго для «дѣвицы низкаго званія». Конечно, съ этой карьерой связаны нѣкоторыя тяготы монастырскаго режима. Но это ужъ дѣло вкуса выбирать,—какія тяготы легче: супружескія или монастырскія. А такъ какъ тяжесть отживающихъ бытовыхъ условій всего больнѣе отражается на женской половинѣ населенія, то и не мудрено, что число монахинь теперь уже не меньше числа монаховъ, какъ было прежде, а почти втрое больше. Для мужчины изъ крестьянъ или мѣщанъ поступленіе въ монастырь и вовсе карьера. Одно, напр., отношеніе со стороны земскихъ начальниковъ или урядниковъ къ мужику, когда онъ въ зипунѣ. И совсѣмъ другое отношеніе къ тому же мужику, когда онъ замѣнилъ зипунъ ряской, хотя бы только послушника. Мы живемъ въ эпоху чрезвычайнаго роста человѣческой личности. А жизнь искони наполняла монастыри своимъ, бытовымъ содержаніемъ, лишь формально сообразуясь съ тѣмъ, чѣмъ они должны быть по «книгамъ».

Повидимому, духовное начальство хорошо освѣдомлено, что монашеское умонаклоненіе строится по жизни, а не по писанію. Женскіе монастыри были совершенно устранены отъ съѣзда. Изъ 500 монастырей и архіерейскихъ домовъ удостоились чести

послать своихъ представителей на съѣздъ только 40. Да и этимъ 40 избраннымъ обителямъ право избрать делегатовъ не было дано. «Делегаты» были «избраны» и уполномочены самимъ начальствомъ. Свыше 58.000 монашествующихъ обоего пола считается въ Россіи. Изъ нихъ начальство нашло, если не считать архіереевъ, только 43 инока, достойныхъ имѣть на съѣздѣ рѣшающій голосъ. И, тѣмъ не менѣе, газетамъ пришлось удивляться, что даже среди этихъ 43 оказалась «оппозиція». И оно бы ничего, что оппозиція. Даже лучше, если въ допустимыхъ начальствомъ предѣлахъ обнаруживается разномысліе. Все-таки будто какъ въ парламентѣ. Но въ томъ и сила, что предѣлы оказались начальствомъ недопустимые. Оппозиція, напр., «возвысила обличающій голосъ» противъ епископскаго своекорыстія и самовластья. Избранные самими «князьями церкви» и возстали противъ «князей церкви». А противъ представителя синода миссіонера Скворцова участники съѣзда проявили даже особое раздраженіе. Еще хуже, пожалуй, закулисное поведеніе участниковъ съѣзда. Печать на съѣздъ была совершенно не допущена. Постороннихъ также не допускали. И, тѣмъ не менѣе, корреспонденты даже «лѣвыхъ» органовъ печати, какъ «Русское Слово» или «Рѣчь», были освѣдомлены о происходящемъ за крѣпко запертыми отъ нихъ дверями. «Лѣвые» корреспонденты, пожалуй, были наиболѣе точно освѣдомлены. Кѣмъ? «Думали» на прислугу, на послушниковъ. Послушниковъ удалили. Однако, освѣдомленность «лѣваковъ» не пострадала. Значитъ, не послушники. Но кто-жъ «предатель»? «Оппозиціонеры» или послушные? Кто ихъ вѣдаетъ, — быть можетъ, именно послушные. Какъ разъ вѣдь передъ монашескимъ съѣздомъ руководители синода «открыли», наконецъ, кто систематически освѣдомлялъ печать о синодскихъ тайнахъ. Оказалось, по газетнымъ свѣдѣніямъ,—крупнѣйшій дѣятель союза русскаго народа, виднѣйшій кандидатъ въ патріархи и при томъ давшій, наравнѣ съ другими членами синода, клятвенное обѣщаніе — тайнъ не разглашать. У «кандидата въ патріархи» это могло быть плодомъ нѣкоторой «личной политики». Но архимандриты и игумены — простецы. Какая у нихъ личная политика? Вѣроятно, дѣло обстояло именно такъ, какъ излагали «лѣвые корреспонденты»:

— Только уязвите, газетные люди, наше начальство, а матеріалъ мы вамъ дадимъ...

Нелѣпо было бы предполагать, что среди монашествующихъ свила гнѣздо «крамола». Крамолы тамъ, навѣрно, нѣтъ. Однако, кто-жъ могъ думать, что и въ монастыряхъ таятся кой-какіе сюрпризы и при томъ крайне непріятнаго свойства.

Вслѣдъ за монашескимъ съѣздомъ происходилъ законоучительскій,—опять-таки созванный начальствомъ и при томъ въ составѣ, который опредѣлило то же начальство. Высказывалась въ печати догадка, что созывъ законоучительскаго съѣзда объясняется желаніемъ получить ходатайство объ упраздненіи въ свѣтскихъ наукахъ

противорѣчія православному катехизису. Мудренаго мало. Конечно, для вящшаго укрѣпленія обновленнаго строя необходимо планомѣрнѣе, чѣмъ теперь, вернутся къ завѣтамъ покойнаго Шишкова и совершенно «отсѣчь» отъ нецерковныхъ наукъ «умствованія», несогласныя съ «божественнымъ откровеніемъ». Пора!.. Ужасъ вѣдь что дѣлается: даже въ низшихъ школахъ прямо, открыто говорятъ, напр., что земля вращается вокругъ солнца. Но оставимъ эти «виды и предположенія». Новаго и неожиданнаго въ нихъ нѣтъ. Да и съѣздъ слабо пошелъ въ эту сторону; гораздо прилежнѣе онъ остановился на обсужденіи профессіональныхъ законоучительскихъ интересовъ. Коснувшись же общихъ вопросовъ, онъ совсѣмъ неожиданно возбудилъ ходатайство о скорѣйшемъ созывѣ обѣщаннаго собора. Созвать церковный соборъ послѣ урока, полученнаго на монашескомъ съѣздѣ... Нечего сказать,—нашли время объ этомъ просить отцы законоучители! И удивительное, право, дѣло. Безпромедлительный созывъ церковнаго собора торжественно объявленъ 3 года назадъ. Всѣ приготовленія къ нему сдѣланы. Какой же смыслъ возбуждать еще ходатайство? Что это: наивная неделикатность или облеченное въ наивно-смиренную форму напоминаніе о невыполненныхъ обѣщаніяхъ относительно перехода отъ нынѣшняго церковнаго строя къ строю соборному, по существу своему парламентарному?

И опять приходится сказать: разумѣется, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній заподозрить въ членахъ законоучительскаго съѣзда «присутствіе политической неблагонадежности». Повторяю, устарѣла изрядно эта схема: благонадежный, неблагонадежный. Тотъ же хотя бы монашескій съѣздъ организовали люди испытанной благонадежности. Во главѣ ихъ стоялъ епископъ вологодскій Никонъ, прославленный редакторъ «троицкихъ листковъ», которые еще подцензурная печать 1905 г. называла образцомъ погромно-черносотенной литературы. И, вотъ, подъ руководствомъ такого во всѣхъ отношеніяхъ испытаннаго іерарха въ оффиціальную программу монашескаго съѣзда внесенъ, между прочимъ, и такой пунктъ:

„Объединеніе всѣхъ монастырей въ одинъ союзъ духовной взаимопомощи, цѣлью коего должно быть...: забота о воспитаніи добраго иноческаго духа.. ...о внутренней монастырской дисциплинѣ.., о стройности, полнотѣ, благочиніи и благолѣпіи богослуженія“... и т. д. („Голосъ Москвы“, 5 іюля).

Пунктъ этотъ былъ принятъ съѣздомъ. И замѣтьте, — съѣздъ принялъ не объединеніе въ цѣляхъ, такъ сказать, техническихъ, обусловленныхъ данной спеціальностью церковнаго строительства. Принятъ именно охватывающій многоразличныя религіозныя нужды «союзъ духовной взаимопомощи», каковымъ до сихъ поръ каждый православный христіанинъ былъ обязанъ признавать церковь. Другими словами, съѣздъ призналъ, что союзъ, называемый церковью,

не «объединяетъ всѣ монастыри», не «воспитываетъ добраго иноческаго духа», не устанавливаетъ не только «внутренней монастырской дисциплины», но даже «благочиннаго и благолѣпнаго богослуженія». По крайней мѣрѣ, недостаточно объединяетъ, недостаточно воспитываетъ, недостаточно устанавливаетъ. А потому и нуженъ другой, новый, особый союзъ. Почему же собственно съѣздъ считаетъ, что «богоучрежденный союзъ церковный» указанныхъ цѣлей «духовной взаимопомощи» не достигаетъ, а учреждаемый архіереемъ Никономъ союзъ—достигнетъ? Отвѣта приходится искать въ самомъ фактѣ съѣзда и, напримѣръ, въ рѣшеніи на будущій годъ снова съѣхаться. «Что-жъ церковный союзъ,—тамъ какъ прикажетъ начальство, а въ нашемъ, никоновскомъ, мы сами обсудимъ»... То есть, сколько можно понять, съѣздъ, быть можетъ, незамѣтно для самого себя, высказался за превосходство все того же «соборнаго начала»... Это вышло у еп. Никона, быть можетъ, невзначай и, во всякомъ случаѣ, продиктовано цѣлями охранительными, соображеніями: Безъ сомнѣнія, тутъ нѣтъ и тѣни «крамольнаго умысла». И, тѣмъ не мѣнѣе, поддержано критическое отношеніе къ тѣмъ цѣнностямъ, которыя еп. Никонъ призванъ охранять и желаетъ охранять.

Вообще, съ цѣнностями, охраняемыми духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ, дѣла обстоятъ не важно. «Традиціонныя основы» еле держатся, трещатъ по всѣмъ швамъ. Чтобъ охранять ихъ, начальство вынуждено пускать въ ходъ чрезвычайныя средства. И оно, дѣйствительно, не щадитъ силъ. А съ другой стороны... Оставимъ въ сторонѣ эпизодическія поддержки критическаго отношенія къ основамъ. Въ частности, пусть постановленія тѣхъ же хотя бы съѣздовъ законоучительскаго и монашескаго были продиктованы какими-либо особыми соображеніями, намъ неизвѣстными. Мало ли, въ самомъ дѣлѣ, какими соображеніями и обстоятельствами можетъ быть объясняемъ тотъ или иной эпизодъ? Но вѣдь критическое отношеніе къ «основамъ» поддерживается не только эпизодически.

II.

«Гражданинъ» не такъ давно задавался вопросомъ: съ какой стати и почему интендантскія ревизіи и разоблаченія достигли размѣровъ, о которыхъ и предполагать было нельзя 5 лѣтъ назадъ? И, въ самомъ дѣлѣ: прежде всего, почему собственно объ этомъ «кричатъ газеты?» Нечего вспоминать о томъ, что было «5 лѣтъ назадъ». Еще совсѣмъ недавно первыя робкія свѣдѣнія въ газетахъ о ревизіи, напр., сенатора Гарина въ Москвѣ были встрѣчены градомъ штрафовъ, конфискацій, арестовъ. Помнится, кары не миновали даже октябристскую печать. Газеты на время примолкли. Потомъ опять преподнесли рядъ свѣдѣній, уже болѣе отчетливыхъ

и сильныхъ. Новый градъ репрессій, новое молчаніе. А спустя немного опять появились свѣдѣнія... И такъ постепенно, вперемежку съ карами и временными молчаніями, печать подошла, между прочимъ, къ интендантству почти вплотную. Разоблаченія приняли такой характеръ, что даже свѣдѣнія о «массовыхъ заболѣваніяхъ солдатъ вслѣдствіе доставленной интендантами плохой муки» теряютъ свой индивидуальный интересъ, такъ сказать, тонутъ въ общемъ впечатлѣніи отъ воровства повальнаго, стихійнаго, безудержнаго. Словомъ, въ данномъ случаѣ происходило то же, что, напр., съ разоблаченіями по «дѣлу Азефа» или по «дѣлу Гартинга»: послѣднія также пресѣкались и прерывались, благодаря принятымъ администраціей мѣрамъ, и такъ же, какъ въ случаѣ съ интендантствомъ, мѣры администраціи оказались до нѣкоторой степени безсильными. Весьма понятна роль печати. Ея разоблаченія, конечно, и теперь смѣютъ касаться далеко не всего. Но возможность хоть что-нибудь раскрыть достигнута напряженною борьбою. Это—побѣда печати, купленная цѣною не малыхъ жертвъ, а главное, постоянною готовностью идти на новыя жертвы. Но администрація-то какъ сплоховала? она какъ допустила? Положимъ, разоблаченія по дѣламъ Гартинга или Азефа исходили изъ-за границы и совсѣмъ пресѣчь ихъ было неловко передъ заграничнымъ общественнымъ мнѣніемъ: въ Европѣ вѣдь мы должны казаться конституціоннымъ государствомъ. Но Рейнботы, Моисеенки, Аслановы, интендантскіе, туркестантскіе, даже удѣльные, даже кабинетскія дѣла и дѣлишки?.. Вѣдь это наше, русское, домашнее, Европы не касающееся. Какъ допустили этотъ соръ выметать изъ избы? Пороху, что ли, иль рѣшимости не хватило пресѣчь? У администраціи-то, столыпинской, снабженной «всею полнотою власти»?.. Согласитесь, тутъ не только у кн. Мещерскаго изъ «Гражданина» есть поводъ для недоумѣній?

Можно, конечно, сказать:

— Поневолѣ пришлось допустить, разъ факты установлены ревизіей. Все равно—шила въ мѣшкѣ не утаишь...

Но развѣ это объясненіе? А ревизіи откуда? Дѣло не въ самомъ фактѣ ревизій. По разнымъ поводамъ и подъ давленіемъ разныхъ обстоятельствъ бывали у насъ ревизіи, хотя и далеко не въ такомъ обиліи, какъ теперь. И проходили тихо, благородно, — даже погромныя ревизіи конца 1905 г. и первой половины 1906 г. Печать въ ту пору «разговаривала» не по теперешнему. Частныя свѣдѣнія въ ней бывали потрясающія. Но что касается оффиціальныхъ выводовъ ревизій, — все было именно благородно. Не то важно, что нынѣшними ревизіями затронуты такіе столпы, какъ московскій г. Рейнботъ, туркестанскій г. Мищенко и самъ главный «генералъ-интендантъ». И не то важно, что столпы очутились въ устраненіи и опалѣ. Самъ П. Н. Дурново, со времени подвиговъ въ кабинетѣ какого-то иностраннаго посла до новыхъ подвиговъ въ «кабинетѣ премьера-министра гр. Витте», былъ въ

опалѣ. Не важно даже, что г. Рейнботъ попалъ подъ судъ,—и съ г. Гурко это бывало. Но когда-то еще будетъ судъ да и будетъ ли, а какія подробности оффиціальной ревизіи уже напечатаны!.. Въ Кіевѣ недавно всего на нѣсколько дней прибылъ интендантскій ревизоръ. Прибылъ, обыскалъ, собралъ матеріалы и отбылъ. А, въ газетахъ ужъ пишутъ, что онъ открылъ, и какъ открылъ, и кого открылъ... И даже не только въ столичныхъ пишутъ, но и въ мѣстныхъ кіевскихъ. Вотъ что, вопреки примѣрамъ прошлыхъ лѣтъ, совсѣмъ не благородно. Во-первыхъ, тутъ, какъ на монашескомъ съѣздѣ, или въ синодѣ,—ревизоры и также интенданты, безъ сомнѣнія, благонадежны, однако газеты кто-то освѣдомляетъ. А, во-вторыхъ, что вы скажете по поводу странной непослѣдовательности администраціи: въ одно и то же время одна и та же газета не смѣетъ заикнуться о подвигахъ какого-нибудь городового, однако ведетъ уничтожающую разоблачительную кампанію противъ помощника полицеймейстера? Почему всѣ городовые вообще защищены, но данное лицо NN, какъ бы не въ примѣръ прочимъ, предано на съѣденіе? Почему порою для мѣстной газеты огромный рискъ заикнуться о невыдачѣ городовымъ обмундированія, и въ то же время на страницахъ той же газеты допускается разоблаченіе мѣстныхъ интендантовъ? Воля ваша,—это совмѣщеніе запретительной энергіи въ одну сторону, съ нѣкоторымъ какъ бы попустительствомъ въ другую—способно удивить не только кн. Мещерскаго.

Положимъ, тутъ все спутываетъ «политика», въ которой борьба личныхъ интересовъ и вліяній, даже самолюбій, скрещивается съ необходимостью дѣлать реверансы въ сторону Европы. Да и дома, хоть и есть пословица: полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякъ полюбитъ, однако, нельзя же все время ходить неумытымъ. Хоть изрѣдка надо показаться домочадцамъ и въ умытомъ видѣ. Пусть именно поэтому получается «неразбериха», въ которой одно противорѣчитъ другому. Но вотъ другой примѣръ, гдѣ, казалось бы, нѣтъ нужды въ реверансахъ Европѣ, нѣтъ надобности умываться передъ домочадцами, да и сталкиваться личнымъ и вѣдомственнымъ самолюбіямъ незачѣмъ. Идутъ земскіе выборы. Выборы по мелковладѣльческой и помѣщичьей куріямъ—дѣло сложное. Тутъ бываетъ иногда нужно и умыться, и реверансы не забыть. Мелкихъ владѣльцевъ и полныхъ цензовиковъ мы оставимъ пока въ сторонѣ. Но возьмите курію крестьянскую. Дѣло относительно нея ясно. Приказы обратить вниманіе на возможную агитацію со стороны «неблагонадежныхъ элементовъ» были извѣстны заранѣе,—мнѣ уже приходилось ихъ касаться. Извѣстно также, что начальства всякаго въ деревняхъ достаточно, и шутить оно вовсе не склонно. Тѣмъ не менѣе, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, избираются крестьянской куріей въ большинствѣ «прогрессисты». «Прогрессистъ»—конечно—слово мудреное. И нельзя опредѣленно сказать, что, собственно, оно по нынѣшнимъ времена обозначаетъ. Есть, однако, свѣдѣнія и бо-

лѣе опредѣленныя. Даже, напр., въ Вятской губерніи, гдѣ административный механизмъ усовершенствованъ самимъ кн. Горчаковымъ,

подводя общіе итоги выборамъ (гласныхъ отъ крестьянъ), нельзя не отмѣтить прежде всего... характерную черту, которая проходитъ повсюду красной нитью... почти всѣхъ старыхъ гласныхъ, ...извѣстныхъ своимъ реакціоннымъ направленіемъ или угодливостью передъ администрацией постигла общая участь: они громаднымъ большинствомъ голосовъ забаллотированы еще въ первой стадіи выборовъ. («Вятская Рѣчь», 15 іюля).

Выходитъ, что отвергнуты правительственные кандидаты? И гдѣ же, въ деревняхъ? Положимъ, «съ мужикомъ сладу нѣтъ». «Учили» его вообще; «учатъ» и по случаю нынѣшнихъ земскихъ выборовъ. А онъ все-таки «свою линію гнетъ». Однако генералъ Толмачевъ сумѣлъ «настоять на своемъ» въ Одессѣ, на глазахъ всей Европы. Что же, у всѣхъ гг. земскихъ начальниковъ не было возможности подражать генералу Толмачеву? Или не всѣ умѣли? Не всѣ хотѣли, наконецъ? Недавно въ газетахъ былъ нѣкоторый шумъ по поводу одного земскаго начальника, который собственноручно скосилъ 8 десятинъ пшеницы только потому, что мѣстный богачъ-самодуръ обѣщалъ за это построить въ селѣ гимназію. Извѣстны и другіе случаи: земскіе начальники мѣстами хлопочутъ объ открытіи въ селахъ городскихъ, по положенію 1872 г., училищъ. Кое-гдѣ такія училища въ селахъ уже и открыты. Больше того,— кое-гдѣ въ новооткрытыхъ сельскихъ городскихъ училищахъ выхлопотано, при участіи опять таки участковыхъ земскихъ начальниковъ, измѣненіе программы, не дозволяемое до сихъ поръ и въ городахъ,—измѣненіе съ такимъ разсчетомъ, чтобы окончившій курсъ могъ, не теряя времени, продолжать образованіе въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Проще говоря, подъ видомъ городскихъ училищъ открываются прогимназіи... Если есть земскіе начальники, заботящіеся о насажденіи гимназій и прогимназій въ селахъ, то, какъ знать, быть можетъ, есть и такіе, которые полагаютъ, будто фразу: «выборы свободны», нужно понимать въ серьезъ? Разумѣется, тутъ многое условно. Гимназіи и прогимназіи въ селахъ открываются прежде всего для дѣтей помѣщиковъ, становыхъ приставовъ, урядниковъ, сельскихъ батюшекъ. Сами о себѣ люди хлопочутъ. Точно также практическое значеніе земскихъ выборовъ по крестьянской куріи не столь важно: почти вездѣ большинство голосовъ въ земскихъ собраніяхъ обезпечено за «командующими классами». Если разсуждать практически, то, пожалуй, дѣйствительно, нѣтъ смысла изъ-за выборовъ обострять съ крестьянами отношенія, и безъ того достаточно острыя. Но вѣдь важенъ и принципъ. Важенъ вѣдь и моральный смыслъ такого факта, какъ забаллотированіе угоднаго начальству кандидата. Развѣ можно предположить, чтобы среди представителей учрежденной самимъ гр. Д. А.

Толстымъ «близкой къ народу власти» нашлись люди, способные «допустить» такой фактъ?

Увы! можно предполагать не только это, но и многое другое. Со времени послѣдняго «всероссійскаго дворянскаго съѣзда» печать замѣтила, что «объединенное дворянство» какъ бы задумалось и стало нерѣшительнѣе. Задумался и сталъ нерѣшительнѣе даже такой сангвиническій представитель этой организаціи, какъ г. Гурко. Послѣдній, неожиданно и неизвѣстно для какой надобности, сталъ даже съ свойственнымъ ему воодушевленіемъ распространять общеполезныя свѣдѣнія о крайнемъ экономическомъ разстройствѣ Россіи. Въ связи съ задумчивостью яснѣе замѣтно стало, что «истинное» дворянство, будучи убѣжденій безусловно охранительныхъ, далеко не полностью входитъ въ союзъ дворянства объединеннаго. Газеты уже съ годъ отмѣчаютъ, что у «зубровъ» земскихъ собраній наряду съ непримиримыми нотами, прорываются и примирительныя. О чемъ думаетъ нынѣ россійское дворянство,—въ точности неизвѣстно. Долженъ, однако, сказать, что по моимъ личнымъ наблюденіямъ, теперь въ дворянской и особенно средне- и мелкопомѣстной средѣ, дѣйствительно, слышны примирительныя ноты, даже до склонности «совсѣмъ пойти на мировую». Озлобленная истерика, разрѣшавшаяся выкриками: «въ порошокъ надо стереть мерзавцевъ», «въ бараній рогъ согнуть», смѣнилась задумчивыми разсужденіями—отчасти, какъ у г. Гурко—о всеобщей и спеціально мужицкой нуждѣ, — она, молъ, выходитъ, «вродѣ рожна, противъ котораго не попрешь».

— Какой ни на есть конецъ нуженъ. По совѣсти говоря, безъ земли мужику, дѣйствительно, не того... Мы, повѣрьте, не противъ народа. Отдадимъ и землю, если за справедливую цѣну...

Конечно, слышны среди дворянства и другіе голоса. Помѣщикъ крѣпкій, денежный, не только не расточающій, но и пріумножающій наслѣдственныя маетности, сталъ рѣдкимъ явленіемъ, но не исчезъ. Попадаются среди нихъ типичные кулаки, промышляющіе ростовщичествомъ, опутывающіе паутиной «своихъ же братьевъ-дворянъ». Такіе частенько «однихъ штрафовъ за потравы сколько тысячъ въ годъ собираютъ». И такіе «тверды, какъ кремень». Но это единицы. Даетъ тонъ все-таки обыкновенная дворянская масса, «оскудѣвшая», запутавшаяся въ закладныхъ, живущая надеждами не столько на урожай, сколько на учетъ вексселька и на разсрочку платежей. Эта масса не скрываетъ отъ себя, въ какую сторону складывается жестокая борьба съ мужиками за землю. Разумѣется, цыплятъ по осени считаютъ. Но по нѣкоторымъ частичнымъ даннымъ уже теперь даже постороннему ясно, что останется къ осени. Напримѣръ, въ саратовскомъ у. еще въ 1906 г. въ списокъ земскихъ избирателей по первому избирательному собранію входило «болѣе ста лицъ». Къ моменту составленія списка въ нынѣшнемъ 1909 г. осталось только 60 («Голосъ Москвы», 21 іюня»). «Промежъ сво-

ихъ» въ разговорѣ дворяне не скрываютъ, что ежели бы деньги настоящія кто предложилъ, то можно бы «покончить это дѣло миромъ». У иныхъ даже жизненный разсчетъ строится на надеждѣ, что будетъ, долженъ быть миръ, а слѣдовательно, будутъ, должны быть и деньги. Кто послабѣе, тѣ даже вздыхаютъ отъ нетерпѣнія:

— Ахъ, кабы поскорѣе. До какихъ поръ какъ на бивуакѣ жить? Мы ведемъ хозяйство—лишь бы не остановилось. Ни къ какому дѣлу настояще сердце не лежитъ. Все изъ рукъ валится. Да и мужиковъ тожъ неопредѣленность давитъ. Чего дальше тянуть? Развязка все равно одна.

Среди мелкопомѣстныхъ мнѣ пришлось слышать довольно неожиданное недовольство третьею Думой:

— Два года канитель тянетъ, а дѣла не видно...

— Какого же, спрашиваю, дѣла ждете?

— Да ужъ сами понимаете, какое теперь у насъ дѣло. Куда ни верти, а мимо земли не пройдешь.

— А что жъ Дума на счетъ земли можетъ?

— Назначили бы выкупъ, опредѣлили бы нормы платежей. И по рукамъ. И мужику бы спокой, да и намъ съ деньгами, что хочу, то и дѣлаю.

— Кстати,—замѣчаю невинно,—теперь Дума могла бы и выкупъ опредѣлить хо-ро-шій!..

Собесѣдникъ виновато улыбается, но, подумавъ, отвѣчаетъ и на чистоту:

— Что жъ, надо правду говорить,—каждому получить побольше хочется. Что черезъ годъ или черезъ два будетъ, — неизвѣстно. Вонъ мужикамъ все время твердятъ,—погоди, наша возьметъ. Перемѣны какой-то ждутъ. На войну, между прочимъ, крѣпко надѣются. Ужъ года три у нихъ на счетъ этой самой войны разговоръ идетъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ увѣреннѣе: будетъ война, «безпремѣнно, дескать, будетъ»... И чортъ ихъ, извините за выраженіе, вѣдаетъ,—можетъ это у нихъ просто дурацкій разговоръ, а можетъ, и верхнее чутье, родъ инстинкта. Много бы покойнѣе теперь же во время затишья покончить...

— Ну, не всѣмъ же,—говорю,—хочется покончить. Откровенность за откровенность: инымъ изъ помѣщиковъ еще очень и очень воевать желательно.

— Какъ вамъ сказать?.. Въ такихъ дѣлахъ политику отъ серьеза отличать надо. Къ примѣру, вотъ мы съ вами приватнымъ образомъ разговариваемъ; но если такъ же хотя бы Дума оффиціально поставитъ вопросъ объ отчужденіи земли за выкупъ,—еще неизвѣстно, можетъ, и я буду шумѣть и кричать о священномъ правѣ собственности. Пожалуй, даже непремѣнно буду кричать, и возможно неистовѣе,—съ такимъ разсчетомъ, чтобъ рублей 25 на десятину прибавили. Всѣхъ 25, можетъ быть, и не получу. Но если, скажемъ, и 5 рублей на десятину я своимъ крикомъ-шумомъ зара-

ботаю,—и то деньги. А не буду я эту политику вести, мнѣ не только сверхъ рыночной, скажемъ, цѣны ничего не дадутъ, но и отъ рыночной цѣны рублей 10 — 15 на десятину отрѣжутъ... Не смѣю спорить, найдутся среди насъ такіе, которые кричатъ въ серьезъ и земли уступать не желаютъ. Да мало ли чего иному желательно!.. Знаете пословицу: семеро одного не ждутъ...

Приходилось мнѣ недавно наблюдать и любопытное примѣненіе этой пословицы о семерыхъ, которые одного не ждутъ. Надо было выбрать уѣзднаго предводителя дворянства. Дворянъ въ уѣздѣ осталось только 15, а кандидатовъ для предводительской роли только двое. Одинъ — настоящій кандидатъ, помѣщикъ съ «хорошими деньгами», у котораго почти всѣ дворяне уѣзда частенько учитываютъ и переучитываютъ «дружескіе вексельки». Объ уступкѣ мужикамъ земли онъ «и слышать не хочетъ». Другой кандидатъ—«такъ себѣ». Любитъ поговорить о пользѣ просвѣщенія, слыветъ по этому случаю либераломъ. Его готовность защищать дворянскіе интересы внѣ сомнѣнія. Но земельку не прочь уступить, если, разумѣется, за хорошія деньги. На выборахъ настоящій кандидатъ, несмотря на то, что большинство избирателей находится отъ него въ денежной зависимости, получилъ всего три записки. И, учитывая «ликвидаціонное настроеніе» дворянъ, самъ отказался отъ возможности «подсчитать голоса» при закрытой баллотировкѣ шарами, чѣмъ обрадовалъ избирателей.

— Человѣкъ, спора нѣтъ, нужный, достойный, но по нынѣшнимъ временамъ на всякій случай лучше имѣть предводителя гибкаго «безъ предразсудковъ»,—знаете, какъ въ деревняхъ сватовъ поучаютъ: на приданомъ не продешеви, однако и невѣстину родню не пугай, свадьбы не порти.

III.

Я не думаю, дѣйствительно ли *семеро* не желаютъ ждать *одного* и намѣрены передвинуть «кадетское» принудительное отчужденіе по справедливой оцѣнкѣ въ «обязательный для государства выкупъ, примѣнительно къ установленнымъ дворянскими собраніями нормамъ цѣнъ». Вообще говоря, бываютъ иногда такія превращенія крамольныхъ идей въ идеи благонадежныя. Однако въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не только о землѣ, — землю отчего и не уступить, если, въ самомъ дѣлѣ, за хорошія деньги?.. Но такъ какъ вмѣстѣ съ землею приходится уступать и весьма серьезныя политическія преимущества, то я не рѣшился бы предсказывать, что мы дойдемъ когда-либо до такого положенія, когда на семерыхъ дворянъ, склонныхъ «пойти на мировую», будетъ только одинъ непримиримый. Такой пропорціи теперь, думается мнѣ, нѣтъ. А мѣстами, быть можетъ, есть совершенно обратная пропорція: на

одного примирительно настроеннаго приходится семеро непримирительныхъ, хотя и потерявшихъ увѣренность въ побѣдѣ. Во всякомъ случаѣ, мои впечатлѣнія относятся къ небольшому уголку Россіи; ограниченныя къ тому же предѣлами личныхъ знакомствъ и личныхъ связей, они могутъ быть приняты, разумѣется, лишь какъ одно изъ многихъ данныхъ для учета настроенія. Полагаю, все-таки, что, благодаря этой детали, мы лучше поймемъ нѣкоторыя явленія общаго значенія, уже не ограниченныя предѣлами личныхъ знакомствъ и личныхъ связей.

Весною нынѣшняго года «Русское Слово» поручило своимъ корреспондентамъ выяснить путемъ опроса, какъ относятся провинціальные октябристы къ дѣятельности думской фракціи «союза 17-го октября» вообще и ея лидера г. Гучкова въ частности. Мысль сама по себѣ понятна. Октябристскій съѣздъ подозрительно откладывался центральнымъ комитетомъ партіи съ одного времени года на другое. Октябристскіе «Голоса — «Москвы» и «Правды», постоянно противорѣча одинъ другому, ухитряются, однако, быть одинаково довольны думской фракціей. Въ газетахъ порою появлялись сочувствующіе фракціи отзывы провинціальныхъ комитетовъ, но, какъ установлено, они получались такимъ же порядкомъ, какой принятъ въ союзѣ русскаго народа: центральный комитетъ циркулярно проситъ высказать общественное мнѣніе, мѣстный провинціальный комитетъ высказываетъ. Впрочемъ, и эти отзывы появлялись рѣдко и скудно. Вообще говоря, каждая партія сама старается разглашать всѣ свои мнѣнія, о которыхъ, на ея взглядъ, нужно знать публикѣ. И въ нормальныхъ условіяхъ «анкета», предпринятая «Русскимъ Словомъ», была бы излишня, даже, пожалуй, неумѣстна. А щекотливый личный вопросъ,—какъ вы относитесь къ своему лидеру г. Гучкову—и вовсе не деликатенъ. Но такъ какъ обычные пути, коими выражается партійное мнѣніе, въ данномъ случаѣ сомнительны, а знать мнѣніе партіи, стоящей во главѣ «парламентскаго большинства», все-таки важно и нужно, то и затѣя «Русскаго Слова», повторяю, можетъ быть оправдана.

Отвѣты съ мѣстъ печатались московскою газетою въ теченіе нынѣшняго лѣта. И оказались они не совсѣмъ ожиданными.

— Редакція—пишетъ, напр., уфимскій корреспондентъ—поручила мнѣ узнать мнѣніе мѣстныхъ октябристовъ... Долженъ отвѣтить, что въ Уфѣ нѣтъ не только сколько-нибудь сплоченной партіи союза 17 октября, но даже отдѣльныхъ личностей, которыя заявляли бы о своей близости къ этой партіи.

Тщетно искалъ—пишетъ корреспондентъ изъ Баку—по всему городу хотя бы тѣни октябриста. Нѣтъ здѣсь октябристовъ...

Въ Одессѣ—пишетъ третій корреспондентъ—съ ея 500-тысячнымъ населеніемъ октябристовъ нѣтъ.

Смоленская губернія—пишетъ четвертый—не имѣетъ никакой организаціи союза 17 октября.

Центральный комитетъ партіи пытался оспаривать фактическую точность этихъ данныхъ. Но въ полемику вступилась провинціальная печать:

Не беремся судить,—писалъ, напр., «Смоленскій Вѣстникъ»—насколько правдива анкета «Русскаго Слова» относительно другихъ городовъ, но что касается Смоленска, то мы должны засвидѣтельствовать, что здѣсь положеніе дѣлъ изображено безъ всякихъ преувеличеній. Октябристовъ у насъ, дѣйствительно, нѣтъ,—нѣтъ, по крайней мѣрѣ, какъ партіи, какъ группы, такъ или иначе въ той или въ другой формѣ заявляющей о своемъ существованіи... Не знаемъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, но у насъ, въ Смоленскѣ, во время недавнихъ городскихъ выборовъ, объ октябристахъ ничего не слышно было: точно ихъ и не существуетъ.. («Смоленскій Вѣстникъ», 1 іюля).

Читатели, навѣрное, помнятъ,—писала другая провинціальная газета — исторію харьковскихъ октябристовъ, одно время даже издававшихъ собственную газету. Харьковскіе октябристы также исчезли, и харьковскому корреспонденту, навѣрное, пришлось съ такимъ же трудомъ разыскивать октябристовъ, съ какимъ искали ихъ въ Херсонѣ и Вологдѣ («Утро», 25 іюня).

Но это, конечно, детали. Любопытнѣе всего, что общій и гораздо болѣе важный выводъ «анкеты»: «октябристовъ въ странѣ незамѣтно, октябристы ничѣмъ себя не проявляютъ» даже во время городскихъ и земскихъ выборовъ, не оспаривали ни центральный, ни мѣстные комитеты партіи, ни партійная печать. «Голосъ Москвы» даже какъ будто удивился:

Чѣмъ же—спрашивалъ онъ—должны проявить себя октябристы въ провинціи? Носить черезъ плечо цвѣтную ленту?... Какое-то прямо ребяческое недомысліе! Казалось бы, совершенно ясно, что спокойное время не требуетъ отъ партіи никакихъ активныхъ выступленій. Работа сосредоточивается въ парламентской группѣ и въ центральномъ комитетѣ... («Голосъ Москвы», 28 іюня.)

Впрочемъ, эта оригинальная точка зрѣнія не помѣшала редакціи «Голоса Москвы» разослать своимъ корреспондентамъ циркулярный упрекъ за то, что они при «освѣщеніи мѣстной жизни»

нерѣдко, не давая себѣ труда разобраться въ партіяхъ, сводятъ все дѣло къ борьбѣ между «правыми», которыхъ огульно считаютъ реакціонерами, и «прогрессистами» (кадетами), какъ будто бы людей другихъ политическихъ убѣжденій (октябристовъ, умѣренно правыхъ и пр.) не существуетъ вовсе.

Въ качествѣ читателя названной газеты, считаю не лишнимъ замѣтить, что и послѣ этого циркуляра ея корреспонденты «при освѣщеніи мѣстной жизни» замѣтнаго существованія октябристовъ до сихъ поръ не обнаружили... Не менѣе оригиналенъ и другой способъ самозащиты. «Голосъ Москвы», между прочимъ, получилъ откуда-то достовѣрныя свѣдѣнія, что вся эта «анкета» есть адская интрига реакціи: «Русское Слово», видите ли, поступило на услуженіе къ союзникамъ и вмѣстѣ съ союзниками добивается упра-

зднения конституции, съ каковой цѣлью и старается дискредитировать октябристовъ. Въ нѣсколькихъ номерахъ «Голоса Москвы» говорилось объ этомъ, какъ о несомнѣнномъ фактѣ. И, быть можетъ, столь оригинальные способы доказать, что партія октябристовъ—организація серьезная и могущественная, отчасти усугубили общее впечатлѣніе анкеты «Русскаго Слова». Въ нѣкоторыхъ газетахъ появились даже болѣе или менѣе рѣшительныя заключенія, что партіи октябристовъ, какъ опредѣленной общественной организаціи, нѣтъ да и не было. «Не было»... Это сильно сказано. Вонъ въ Харьковѣ даже свою газету издавали. Не даетъ основанія «анкета» также сказать, что окрябристовъ нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ корреспондентамъ удалось найти партійные комитеты; чаще, однако, это были остатки комитетовъ; въ рядѣ же городовъ не уцѣлѣло даже остатковъ. Организація разлагается, во многихъ городахъ уже исчезла, въ другихъ исчезаютъ или готовы исчезнуть ея остатки,—таковъ, сколько я понимаю, выводъ «анкеты». Открытіе, согласитесь, неожиданное и, на первый взглядъ, ни съ чѣмъ несообразное.

Гдѣ видана, въ самомъ дѣлѣ, такая несообразность? Въ моментъ остраго революціоннаго натиска сложилась охранительная организація: Во времена первыхъ двухъ Думъ она влачила, надо говорить правду, довольно-таки жалкое существованіе. Однако существовала и даже крѣпла. Но вотъ послѣ 3 іюня въ рукахъ организаціи оказалось парламентское большинство. Правда, не абсолютное, а лишь «руководящее». Но это, дѣйствительно, большинство руководящее. И руководящее порою не только охранительными группами. Будемъ опять-таки говорить откровенно: развѣ во время недавняго англо-французскаго вояжа г. Милюковъ не использованъ въ качествѣ «свадебнаго кадетскаго генерала» при политическомъ сватовствѣ, ближайше руководимомъ г.г. Хомяковымъ и Гучковымъ. Можно думать и даже утверждать, что ни Англію, ни Францію сосватать не удалось. Но это ужъ не вина главныхъ сватовъ. Вели они дѣло тонко и «кадетскаго генерала» использовали мастерски. Какъ бы то ни было, но фракція союза 17 октября, если не считать рѣдкихъ неудачъ, «ведетъ законодательную палату». И казалось бы, теперь-то, наконецъ, настало время, когда партія прочно укрѣпится на мѣстахъ и тѣмъ самымъ создастъ еще болѣе вліятельное положеніе въ центрѣ. Въ дѣйствительности же, по мѣрѣ того, какъ фракція, созданная партіей, преуспѣваетъ, сама партія разлагается, ея человѣческій матеріалъ исчезаетъ...

Взгляните на дѣло съ другой стороны. Куда исчезаетъ человѣческій матеріалъ октябристовъ? Относительно отдѣльныхъ лицъ, участвовавшихъ, подобно минскому г. Шмиду, одновременно и въ союзѣ русскаго народа, и въ октябристахъ, «анкета» «Русскаго Слова» еще разъ подтверждаетъ старыя свѣдѣнія, что вскорѣ по открытіи 3 Думы они чаще всего предпочитали остаться просто

союзниками. Мнѣ ужъ приходилось говорить, какой смыслъ приняло въ низахъ самое слово союзникъ. Когда стало ясно, что «верховная управа» основательно подавилась дѣломъ Герценштейна, вѣрные сыны союза поспѣшили отойти отъ грѣха. Между прочимъ, въ видѣ протеста противъ думской фракціи за ея поведеніе при обсужденіи вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ Государственною Думою, отпали отъ союза хитроумные старообрядцы. Словомъ, человѣческій матеріалъ союза тоже таетъ. «Умѣренно-правые» по прежнему остаются только группой пассажировъ думскаго корабля. Говорили они о необходимости сплотить во время каникулъ «могущественную партію». Но разговоры такъ и остались разговорами. Даже о попыткахъ партійной организаціи и пропаганды не слышно, какъ не слышно и о наростаніи умѣренно-правыхъ за счетъ октябристовъ. Умѣренно-правымъ по прежнему въ странѣ соотвѣтствуютъ лишь бытовыя туманности... Говоря иначе, организованная опора власти разлагается; отпавшіе отъ этой опоры исчезаютъ гдѣ-то въ пространствѣ. И, слѣдовательно, данное политическое равновѣсіе, и безъ того крайне неустойчивое, становится еще болѣе неустойчивымъ. У власти, по прежнему, есть совѣтники и пособники въ Думѣ. Но эта машина, если даже имѣть въ виду тѣ группы населенія, въ руки которыхъ отдано думское представительство, становится все болѣе и болѣе самодовлѣющей, ея опорныя точки въ странѣ исчезаютъ. Двухлѣтняя совмѣстная работа правительства и его «большинства» не только не воздвигла новыхъ устоевъ, но и старые расшатала. Это кризисъ не октябризма. Это кризисъ союза власти съ «командующими классами». Сколько я понимаю, это признакъ, что политико-экономическая платформа даннаго союза, установленная въ горячее время 1905—6 г.г., нынѣ устарѣла, не соотвѣтствуетъ болѣе интересамъ обѣихъ сторонъ и нуждается въ болѣе или менѣе основательномъ пересмотрѣ.

Мнѣ ужъ не разъ приходилось говорить, что въ тріумвиратѣ— власть, дворянство, именитое купечество — послѣднее оказалось наиболѣе неудовлетвореннымъ. Платформа, на которой состоялось соглашеніе, ему ничего существеннаго не дала. Оживленія торговли и промышленности не получилось. Наоборотъ, получилось еще большее разстройство. Правда, до сихъ поръ все обѣщаютъ «оживить». Вонъ и теперь, въ связи съ думскими и оффиціальными визитими въ Англію, «Рѣчь» увѣряетъ, что «мы живемъ передъ заключеніемъ займа и приглашеніемъ англичанъ оплодотворить нашъ народный трудъ» *). Увы!—сколько ужъ разныхъ народовъ мы приглашали «оплодотворить нашъ трудъ»! Не соглашаются. И неудовлетворенное «именитое купечество» имѣетъ достаточно основаній уходить и отъ октябристовъ, и отъ союзниковъ, и вообще отъ тріумвирата, принесшаго больше убытку, чѣмъ пользы.

*) «Рѣчь» 24 іюля

Неудовлетворено и дворянство,—что можно замѣтить не только на примѣрѣ г. Гурко. Я останавливался выше на замѣченной мною въ тѣсномъ районѣ моихъ наблюденій склонности вернуться къ кадетскому «принудительному отчужденію», внеся въ него «соотвѣтственныя поправки». Напомню, что въ этомъ пунктѣ нѣтъ ничего новаго. Государственное планомѣрное рѣшеніе «этого вопроса» было признано «недопустимымъ». Но отчужденіе, такъ сказать, факультативное, по добровольному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянскимъ банкомъ, въ платформу 1905—6 гг. входило. Скупка земель банкомъ тогда же приняла массовой, даже лихорадочный характеръ. Какъ извѣстно, правительство жестоко обожглось на этой операціи; ее пришлось затормазить, даже совсѣмъ почти прекратить. Конечно, правительство отказалось отъ этого важнаго пункта платформы въ силу необходимости, просто потому, что, разъ ликвидація земель приняла массовой характеръ, производить ее въ порядкѣ частнаго соглашенія помѣщиковъ съ крестьянскимъ банкомъ значитъ идти навстрѣчу финансовому краху. Но вѣдь отсюда слѣдуетъ лишь, что платформу именно нужно пересмотрѣть заново, а не вычеркивать изъ нея «самопроизвольно» весьма важные съ точки зрѣнія дворянства пункты.

Возьмемъ для примѣра еще пунктъ—«законъ 9 ноября». Въ 1906 г. онъ рисовался въ опредѣленномъ свѣтѣ. Но уже къ концу 1908 и «объединенное дворянство», и даже «союзъ русскаго народа» стали вносить освѣщеніе другое. «Законъ» оказался не такъ-то хорошъ, и надежды на него не такъ-то велики. Воспроизводить заново критику справа не буду. Напомню лишь такую хотя бы подробность. Въ мѣстахъ, гдѣ удалось «солидное количество» надѣльной земли пустить въ торговый оборотъ, помѣщики жалуются: толку не видно, а цѣны на нашу землю сбили; да и аренду тожъ сбили... Однако, и правительство, и «наши» въ Думѣ удивительно старались провести законъ «9 ноября» въ чистотѣ его первоначальнаго установленія. Вотъ это и скверно, что одно исполняется безъ соображенія съ новыми обстоятельствами дѣла, а другое не исполняется,—тоже безъ соображенія. Жизнь измѣнилась. Жизнь внесла и вноситъ цѣлый рядъ существенныхъ поправокъ въ первоначальные планы. Вскрываются совершенно новыя, неожиданныя препятствія и новыя, неожиданныя возможности. Между тѣмъ, правительство и Дума топчутся все на томъ же старомъ мѣстѣ. Примѣнительно все къ тѣмъ же старымъ заданіямъ ведутъ свою «большую политику». И удивительно ли, если даже на дворянскую оцѣнку это не столько «большая политика», сколько «канитель». Въ результатѣ мы стоимъ передъ такимъ несомнѣннымъ фактомъ, какъ оппозиція купеческая. Сверхъ ожиданія, несмотря на актъ 3 іюня, передъ нами растетъ оппозиція дворянская. Установившіеся было на основѣ прежняго соглашенія формы организаціи дружественныхъ власти общественныхъ силъ распадаются. И въ итогѣ создался

такой сюрпризъ, какъ необходимость основательно пересмотрѣть платформу соглашенія между властью и ея опорой.

И это бы не бѣда, что надо пересмотрѣть. Поговорили бы и пересмотрѣли. Дѣло, однако, въ томъ, что кромѣ сторонъ, коимъ необходимо пересмотрѣть платформу соглашенія, есть и еще кое-какіе слои населенія. Потребность измѣнить платформу соглашенія сложилась, разумѣется, не безъ ихъ вліянія. И во время пересмотра платформы, если таковой начать, они, эти другіе слои населенія, не купеческіе и не дворянскіе, будутъ такъ или иначе себя вести. Какое же было ихъ вліяніе? и какъ они могутъ себя вести?

Чтобы посильно объяснить, какія условія и возможности вѣроятны съ этой стороны, мнѣ еще разъ нужно вернуться съ соотношенію между «большой политикой», которая дѣлается при участіи «думскихъ людей», и жизнью, на которую волею судебъ обречены всѣ прочіе люди.

IV.

Пересматривать всю «большую политику» нѣтъ нужды. Достаточно взять, для примѣра, хотя бы такую «послѣднюю новинку» въ этой области, какъ лондонская рѣчь г. Милюкова. Въ нѣкоторыхъ газетахъ мнѣ приходилось читать, что эта рѣчь равносильна «отказу отъ знамени». Лично я нахожу это обвиненіе черезчуръ сильнымъ. Г. Милюковъ и до Лондона, и въ Лондонѣ, и послѣ Лондона остается вѣренъ, по крайней мѣрѣ, своимъ тактическимъ заданіямъ двухъ послѣдникъ лѣтъ. У него есть нескрываемое тактическое заданіе — «столкнуть октябристовъ влѣво». И надо же признать, что этой цѣли за границей онъ внѣшнимъ образомъ достигъ. Правда,—результатъ пришлось купить цѣною протеста противъ «манифеста рабочей партіи». За то категорическія заявленія г. Милюкова, что въ Россіи есть конституція, и что это очень хорошо, не только не опровергались г. Гучковымъ и даже гр. Бобринскимъ, но и были подтверждены,— да, есть; да, это очень хорошо. Положимъ, гг. Гучковъ и Бобринскій выражались нѣсколько метафорически. Однако ихъ слова были достаточно опредѣленны. У г. Милюкова есть другое тактическое заданіе: вынудить у представителей власти подтвержденіе, что у насъ есть конституція, и что это очень хорошо. И развѣ, напр., лондонскій и парижскій послы теперь не подтвердили этого? Вы можете думать, что для цѣлей, между прочимъ, «займа въ Англіи и приглашенія англичанъ оплодотворить народный трудъ» гг. Гучковъ, Бобринскій, русскіе послы и даже само русское правительство были бы принуждены дать завѣренія гораздо болѣе опредѣленныя, а главное, болѣе реальныя, если бы не помогъ г. Милюковъ своею рѣчью отъ имени оппозиціи. Но это ужъ другой вопросъ, и притомъ относящійся къ области гаданій:

— Либо дождикъ, либо нѣтъ.

Вы можете утверждать, что этотъ тактическій успѣхъ, совершенно не реаленъ, а достигнутые результаты крайне плачевны. Но это опять таки — другой вопросъ, — вопросъ о вѣрной или ошибочной тактикѣ. И давно уже извѣстно, что тактику г. Милюкова не всѣ одобряютъ. Сила же въ томъ, что тактика у него своя. И свою политику онъ велъ. Настоящую, большую политику. Не своекорыстную, какую ведутъ купцы или дворяне, а государственную, имѣющую въ виду всѣ слои населенія:

— Склонить правительственное большинство и правительство къ признанію конституціи.

Вернувшись изъ заграничнаго вояжа, г. Милюковъ, разумѣется, оказался вынужденнымъ писать комментаріи къ своей рѣчи. Комментируетъ онъ, впрочемъ, не свой протестъ противъ манифеста рабочей партіи, а лишь одинъ изъ аргументовъ, которыми протестъ обосновывался. Но это мы оставимъ въ сторонѣ. Для насъ важно выяснить соотношеніе между даннымъ примѣромъ «большой политики» и подлинной жизнью.

Беру первый по времени авто-комментарій г. Милюкова. Въ № «Рѣчи» отъ 30 іюля на первой страницѣ читаемъ:

Пока самодержавіе ограничено законодательной властью народныхъ представителей, я всегда буду утверждать, что у насъ *есть* мѣсто для лойяльной конституціонной борьбы (курсивъ г. Милюкова).

А на страницѣ 5-ой того же № отъ 30 іюля приведенъ, между прочимъ, вопль домохозяевъ деревни Сидоровичи, Юхновскаго у. Смоленской губерніи. «Лойяльнымъ, конституціоннымъ» путемъ предъявили крестьяне искъ въ 65 р. къ сосѣдней помѣщицѣ, у которой они арендуютъ «луга и облоги», по письменному договору. Земскій начальникъ призналъ искъ правильнымъ; съѣздъ утвердилъ приговоръ земскаго начальника. И помѣщицѣ, по всѣмъ правиламъ лойяльности и конституціонализма, надо бы лишь подчиниться судебному рѣшенію. А она, вмѣсто того, «позвала станового пристава»:

11 мая становой съ 52 стражниками налетѣлъ на нашу деревню и всѣхъ насъ пересѣкъ нагайками, не разобравъ, въ чемъ дѣло. Когда же онъ уже послѣ разобралъ, что у насъ есть условіе, то приказалъ условіе подать ему и разорвалъ его...

Т. е. уничтожилъ арендный договоръ и тѣмъ лишилъ деревню и луговъ, и пастбищъ, да сверхъ того, пять человѣкъ административнымъ порядкомъ заключены въ тюрьму на $1^1/_2$ мѣсяца. Попыталась разгромленная деревня идти «конституціоннымъ» путемъ: жаловались земскому начальнику. Но путь конституціонный оказался закрытымъ; земскій жалобы не принялъ: «обратитесь, говоритъ, къ губернатору». А губернаторъ,—съ его, судя по всему, вѣдома и заключено 5 человѣкъ въ тюрьму на $1^1/_2$ мѣсяца. По закону такъ

полагается. Жаловались крестьяне предсѣдателю Думы г. Хомякову,—это путь уже неконституціонный, законами не одобряемый; но все-таки «лойяльный. Однако толку «ничего не вышло». Теперь деревня уже обращается къ г. Гегечкори:

«Избранникъ рабочаго люда, заступитесь».

Лойяленъ или не лойяленъ этотъ послѣдній путь,—рѣшать будемъ не мы съ г. Милюковымъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ, смоленскій губернаторъ, земскій начальникъ, «становой приставъ съ 52 стражниками» и всякое иное начальство. Г-ну Милюкову, навѣрное, извѣстно, что на счетъ «грубіяновъ», которые къ депутатамъ соціалъ-демократической фракціи съ жалобами обращаются, «у насъ строго». Сколько ужъ людей за это самое въ каталажкахъ сиживало, а иные и въ ссылку попали. Но если даже мы съ г. Милюковымъ признаемъ, что данный путь лойяленъ, и полицейская расправа за него есть «актъ грубаго произвола», то все же—какую помощь можетъ оказать «избранникъ рабочаго люда» г. Гегечкори? Даже въ лучшемъ случаѣ, если изъ Петербурга послѣдуетъ приказъ о разслѣдованіи, 5 семей, кормильцы которыхъ въ горячую лѣтнюю пору попали въ тюрьму, раззорены. Да и вся выпоротая нагайками деревня, разъ она неожиданно лишилась луговъ и пастбищъ, разгромлена. Кто поправитъ эту бѣду и какъ? Пусть деревня взыскиваетъ убытки? Съ кого? за что? Съ пристава за разорванный договоръ? А знаете, что можетъ оказаться, если обстоятельства дѣла изложитъ приставъ? Можетъ вѣдь оказаться, что никакого договора приставъ не рвалъ, даже не видалъ, да его, договора-то, никогда и не было, что можетъ подтвердить и помѣщица, а если и была экзекуція, то именно потому, что крестьяне клевещутъ, сочиняютъ небылицы и бунтуютъ...

Не спорю,—ужъ много разъ это въ «Рѣчи» было: на первой страницѣ, гдѣ обсуждается «большая политика», статьи о существованіи или укрѣпленіи конституціи, а на четвертой или пятой—въ томъ же номерѣ—фактическое опроверженіе этихъ статей. Я понимаю,—г. Милюковъ занялъ такую позицію, что ссылками на деревню Сидоровичи его не убѣдишь. Но, быть можетъ, и онъ согласится понять, что въ деревнѣ Сидоровичи его слова: «я всегда буду утверждать, что у насъ есть мѣсто для лойяльной кнституціонной борьбы», звучатъ, какъ издѣвательство. Какое мѣсто? Таврическій дворецъ? И у кого это—«у насъ»? «У васъ», у членовъ Государственной Думы? Въ такомъ случаѣ, нельзя ли говорить точнѣе,—только о членахъ Государственной Думы и при томъ съ оговорками, напр., относительно исключеннаго Колюбакина...

Признаюсь, мнѣ трудно, касаясь этого сюжета, сохранять спокойствіе. И не одному мнѣ. Представьте такую обстановку. Маленькій поселокъ центральной Россіи. Живетъ тамъ рабочій народъ, бѣднота. Счетомъ 30 хатъ,—въ томъ числѣ «8 хатъ ссыльныхъ», т. е. домохозяева сосланы. Сначала—еще въ 1906 г.—сослали

троихъ, дѣйствительно, «замѣшанныхъ» въ кое-какія дѣла. Остались «безъ призору» три жены да «ребятъ» въ общемъ счетѣ десятеро. Обсудили эту бѣду сосѣди. Побѣгали, похлопотали, собрали денегъ рублей 50, да вещами кое-что. Ссыльныхъ на дорогу снабдили, да и семьямъ ихъ кой-какой заработокъ нашли: по сію пору живутъ. Живутъ—«хуже некуда», впроголодь, однако по міру не пошли, и то слава Богу. На бѣду въ поселкѣ «тожъ разные люди». Оказались и такіе, которые въ полицію сходили и тамъ донесли,—вотъ, молъ, въ нашей слободѣ ссыльнымъ помогаютъ. По этому случаю еще троихъ выслали. Тутъ и началось въ поселкѣ междоусобіе, ожесточенно продолжавшееся почти полтора года.

— Въ иныхъ мѣстахъ, слышно, изъ-за этого самаго другъ другу красныхъ пѣтуховъ пускали. У насъ—Богъ миловалъ—до поджоговъ дѣло не дошло. Одначе, паренька, который полиціи доносилъ, убили. Да нашихъ двоихъ въ ссылку...

Цѣною этого ужаса достигнуто нѣкоторое молчаливое соглашеніе. Охотники донести, пожалуй, и теперь не перевелись. Однако, есть разрядъ, такъ сказать, общераспространенныхъ «крамольныхъ поступковъ», получившихъ въ поселкѣ право гражданства. Ежели, къ примѣру, «книжечку» у кого увидишь—лучше молчи. Иначе будешь со всѣмъ поселкомъ дѣло имѣть. Но ежели открыть цѣлый «складъ литературы»,—весь поселокъ вмѣшиваться не станетъ, и счеты придется сводить лишь съ отдѣльными лицами... Въ число поступковъ, получившихъ право гражданства, весьма условное, вошла и помощь ссыльнымъ, а также ихъ семьямъ. Держится это молчаливое соглашеніе единственно на готовности начать войну сызнова. Междоусобіе, собственно, не прекратилось, а лишь смягчилось. Междутѣмъ, приближаются сроки ссылки. Во второй половинѣ іюня одного уже ждали. И онъ выѣхалъ съ мѣста ссылки. Но дорогою, не доѣзжая всего верстъ 120 до родины, «напоролся на недоразумѣніе» и попалъ впредь до выясненія обстоятельствъ въ тюрьму. А пока обстоятельства выяснялись, онъ заразился тифомъ. И когда его собрались отпустить на свободу, онъ уже былъ при смерти. Арестанты особой «почтой», какая выработана нынѣ для сношеній тюремнаго міра съ внѣтюремнымъ, дали знать женѣ. Сосѣди собрали по грошамъ денегъ: «поѣзжай, говорятъ, можетъ быть, еще живымъ застанешь». Дѣтей трое—старшему 9 лѣтъ. Ихъ по рукамъ разобрали. «Небось, до твоего возвращенія цѣлы будутъ,—присмотримъ». Дѣти цѣлы, но отецъ умеръ,—жена пріѣхала, когда его уже похоронили. Не успѣли справиться съ этой бѣдой, подкралась другая. Ждутъ еще одного ссыльнаго назадъ. И ждутъ съ особымъ интересомъ. Отецъ семейства, пятеро дѣтей, а вздумалъ въ ссылкѣ учиться, и не просто учиться, а чтобъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости выдержать. Сколько хлопотъ было женѣ да и сосѣдямъ, чтобъ книги ему «туда» посылать. Да и дорогое это дѣло—

книги. За одинъ только старый латинскій лексиконъ жена у ближайшаго доктора трое сутокъ бѣлье стирала. Долженъ пріѣхать «новый ученый» мѣсяца черезъ два. Вдругъ жена его заболѣваетъ. Жестокое воспаленіе легкихъ. А денегъ ни гроша,—ни на лѣченіе, ни на ѣду, ни на то, чтобы ссыльному мужу на обратную дорогу выслать,—не мало надо выслать, «не меньше, какъ рублей 15». Сосѣди «ревмя-ревутъ»: умретъ бабенка, того гляди,—шутка ли, къ какому горю мужу пріѣхать доведется. Мужья озабоченно деньги собираютъ. Однако, «слухъ такой есть,—что все это напрасно, пусть, говорятъ, лучше административно-ссыльные назадъ не возвращаются, а возвратятся, опять будутъ высланы; приказъ будто такой у полиціи есть»... И какъ разъ во время этихъ мучительныхъ передрягъ получаются газеты съ удивительно пріятными разговорами. И въ Лондонѣ говорятъ, что у насъ конституція. И въ Парижѣ говорятъ, что у насъ конституція. И аппаратъ такой одна изъ газетъ изобрѣла—«конституціометръ» называется, въ родѣ барометра,—хорошую онъ теперь погоду показываетъ. Не сомнѣвайтесь: теперь «моментъ давно небывалаго подъема конституціоннаго курса» *). Тутъ въ слободѣ городовыхъ тихонько разспрашиваютъ: правда-ль, что, когда наши ссыльные вернутся, ихъ приказано безъ всякой вины опять высылать? И городовые отвѣчаютъ: «должно быть, правда». А тамъ-то по заграницамъ, такая у насъ теперь «конституція», что даже указъ объ амнистіи подписанъ... Судите сами, какое впечатлѣніе можетъ произвести этотъ шумъ «большой политики» на людей изъ поселка?

Не безъ нѣкоторой цѣли я позволилъ себѣ остановиться на конкретномъ примѣрѣ поселка, лично мнѣ извѣстнаго. Не въ томъ лишь дѣло, что это, по моему мнѣнію, поселокъ типичный. Вся Россія теперь въ родѣ поселка, въ которомъ четвертая часть населенія непосредственно, кровно задѣта политическими репрессіями. Другое есть въ данномъ примѣрѣ достопримѣчательное обстоятельство. По свѣдѣніямъ органовъ печати, серьезно обслуживающихъ интересы «большой политики», въ поселкахъ нынѣ тихо. «Волна движенія упала», «мы вошли въ полосу мертваго штиля», какъ опредѣляла недавно «Рѣчь». Другіе имѣютъ свѣдѣнія, еще болѣе опредѣленныя. Напр., кн. Е. Трубецкой въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ» всю бѣду видитъ въ томъ, что нашъ народъ похожъ на медвѣдя, который «весною вырываетъ съ корнемъ большія деревья и наводитъ ужасъ на окрестности», а «зимою надъ нимъ могутъ безнаказанно издѣваться мальчишки»:

Съ трудомъ вѣрится, что та безпредѣльная апатія, которую мы теперь наблюдаемъ, переживается тѣми же людьми, которые три года тому назадъ были одержимы страстью къ политикѣ... 4 года тому назадъ мы видѣли стихійную революцію; теперь мы переживаемъ столь же стихій-

*) „Рѣчь“ 23 іюля.

ную реакцію... Весь ходъ событій за послѣдніе годы опредѣляется у насъ въ послѣдней инстанціи стихійнымъ влеченіемъ народа къ землѣ. Въ надеждѣ получить ее, онъ сталъ на сторону революціи; лишившись этой надежды, онъ утратилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всякій интересъ къ общественному дѣлу и теперь готовъ мириться со всякой реакціей (Цит. по «Саратовскому Листку», 9 іюля).

Надѣялся ли народъ «4 года назадъ» «получить» землю, такъ сказать, «на даровщинку», или искалъ государственнаго рѣшенія земельнаго вопроса,—это кн. Трубецкой могъ бы установить, напр., простою справкою въ крестьянскихъ приговорахъ и наказахъ того времени. Такъ какъ теперь развелось не мало охотниковъ повторять остроты «Новаго Времени» на счетъ «ограбнаго» движенія, то считаю не безполезнымъ напомнить о существованіи этого историческаго памятника недавняго прошлаго. Справившись съ этимъ памятникомъ, кн. Трубецкой могъ бы узнать, напр., что «4 года назадъ» въ движеніи рядомъ съ мужиками, которые надѣялись «получить землю», были и другіе мужики, которые сознательно шли на то, чтобъ *отдать* свою «кровную земельку». Узналъ бы онъ далѣе, что, кромѣ мужиковъ, просто кричавшихъ: «земля», были и другіе мужики, отъ которыхъ вовсе не ускользала двухсторонность земельнаго вопроса,—не только крестьянскаго, но и «помѣщичьяго», дворянскаго. Узналъ бы онъ, что крестьянскую мысль озабочивало не только то, какъ устроить мужицкій бытъ, но и то, какъ устроить судьбу дворянъ. И не только въ дворянскихъ судьбахъ мужицкая мысль видѣла государственную сложность земельнаго вопроса. Озабочивали мужицкую мысль и судьбы ипотечнаго кредита—какъ быть съ заложенными имѣніями? озабочивало положеніе свекловичныхъ плантацій при сахарныхъ заводахъ, озабочивало особое положеніе земель подъ высокими культурами, озабочивалъ вопросъ о нѣдрахъ, озабочивало множество другихъ мелочей и серьезныхъ вещей,—вплоть до необходимости точнаго учета земель. Къ свѣдѣнію кн. Трубецкого могу добавить, что мѣстами сельскія общества одновременно съ приговоромъ о присоединеніи къ крестьянскому союзу принимались именно за учетъ земель въ своемъ округѣ, какъ за первѣйшую подготовительную работу, необходимую для рѣшенія все того же основного государственнаго вопроса. Съ моей стороны это—не редакціонная придирка къ словамъ кн. Трубецкого. «Ограбное» движеніе пресѣкается и устраняется мѣрами полиціи. «Надежды получить» землю могутъ рухнуть,—мало ли всякихъ другихъ надеждъ рушится. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ, если народная мысль выяснила государственную важность и сложность того или другого вопроса и начала работать надъ рѣшеніемъ его. Работу народной мысли мѣрами полиціи не прекратить. Не найдя выхода въ одномъ направленіи, народная мысль можетъ искать выходъ въ направленіи другомъ, можетъ придти къ совсѣмъ инымъ, чѣмъ прежде, рѣшеніямъ. Но какъ она можетъ прекратиться, исчезнуть? Полагаю,

что, если бы кн. Трубецкой попытался болѣе точно характеризовать прошлое, онъ бы самъ не сталъ съ такою легкостью проливать гражданскія слезы по поводу медвѣжьихъ спячекъ, совершенной утраты интереса къ общественному дѣлу, готовности примириться съ какой угодно реакціей и т. д... Но все это, конечно, апріорныя сужденія,—можетъ или не можетъ прекратиться разъ начавшаяся работа народной мысли. Обратимся къ конкретному примѣру упомянутаго мною поселка.

Итакъ, полагается въ этомъ поселкѣ быть совершенной утратѣ интереса къ общественному дѣлу и всѣмъ прочимъ примѣрамъ полной апатіи. Однако, тамъ, между прочимъ, живутъ 8 семей, кормильцы которыхъ въ ссылкѣ, и кто-то помогаетъ этимъ семьямъ не умереть съ голоду. Да и о самыхъ ссыльныхъ кто-то, хоть и слабо, но заботится. Въ самомъ дѣлѣ,—мы вотъ потеряли счетъ ссыльнымъ и заточеннымъ въ тюрьмахъ. Знаемъ, что ссылаютъ и заточаютъ сплошь и рядомъ «кормильцевъ». Знаемъ, что ссыльные и заточенные страшно бѣдствуютъ. Знаемъ, что страшно бѣдствуютъ и ихъ семьи, хотя и не въ такой степени, какая была бы неизбѣжна при полномъ отсутствіи моральной и матеріальной поддержки. Мы даже догадываемся, что почти вся помощь, какая сюда поступала, — оказана на «мѣстахъ»,—сосѣдями, поселками, деревнями, слободками... Мы, наконецъ, знаемъ, что право оказывать благотворительную помощь лицамъ и семьямъ, съ которыми сводитъ счеты правительство, въ Россіи не признано. Вонъ министерство внутреннихъ дѣлъ не остановилось даже передъ закрытіемъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ за выдачу пособій политически-неблагонадежнымъ членамъ кассы или ихъ семьямъ. По газетнымъ свѣдѣніямъ, возбуждено ходатайство, чтобъ за ту же вину закрыли и литературный фондъ. Какимъ же образомъ ухитряются осуществлять столь опасное у насъ право поселки, деревеньки, гдѣ всякую попытку въ этомъ направленіи можно задушить моментально и безъ шуму? Я уже отвѣтилъ вкратцѣ на этотъ вопросъ. За попытками задушить послѣдовала жестокая, такъ сказать, молекулярная борьба, во время которой «наши» не щадили «ихнихъ», «ихніе» «нашихъ». Цѣною понесенныхъ обѣими сторонами жертвъ достигнуто подобіе неустойчиваго равновѣсія, благодаря которому безусловное право помогать ближнему фактически осуществляется кое-какъ, наравнѣ съ нѣкоторыми другими элементарными правами. Пока что обѣ стороны осторожны. И пока достигнутое подобіе равновѣсія не нарушается въ поселкѣ, ежели поглядѣть сверху, дѣйствительно, тихо. Но не обманчивая ли это тишина?

Возвратимся къ другому конкретному примѣру, — къ деревнѣ Сидоровичи, о которой пишетъ «Рѣчь». Тамъ тоже полагается быть «апатіи», «общему равнодушію къ общественной жизни» *). Газетъ

*) „Рѣчь“ 6 іюля.

мужики не читаютъ, политикой не интересуются. Кладбище тамъ. И вдругъ съ этого кладбища получаетъ, напр., жалобу г. Гегечкори. Будемъ говорить откровенно. Имя «Гегечкори» не стало вѣдь общенаціональною извѣстностью. Да и не могло стать. Замѣтная общественная дѣятельность кавказскаго депутата начинается въ третьей Думѣ,—а въ два года новыя имена до деревенскихъ угловъ не доходятъ. Дѣлъ, которыя стали бы національнымъ событіемъ, г. Гегечкори, сколько мнѣ извѣстно, пока не совершилъ. И далекъ онъ и по происхожденію, и по мѣсту избранія въ депутаты отъ Сидоровичей,—гдѣ Кавказъ, и гдѣ Юхновскій уѣздъ? Однако, Сидоровичи знаютъ г. Гегечкори. Знаютъ, что онъ «избранникъ рабочаго люда». Самой постепенностью обращенія сначала къ земскому начальнику, потомъ къ г. Хомякову и, наконецъ, къ г. Гегечкори выражено довольно тонкое умѣнье разбираться въ политическихъ объектахъ. Откуда же у деревенскихъ мужиковъ эта освѣдомленность? При совершенной-то «утратѣ интереса къ общественному дѣлу»? И не знаю, надо ли пояснять кн. Трубецкому, что такая освѣдомленность при нынѣшней системѣ строжайшаго цензурнаго карантина, какому подвергнута вся деревенская Россія, даромъ не дается? И не такъ это просто для мужиковъ: написать всей деревней жалобу депутату-трудовику, или соціалъ-демократу. Пусть даже какая-либо чудесная случайность избавитъ деревню отъ необходимыхъ при такой оказіи операцій. А операціи-то сложныя: надо вѣдь сначала рѣшить вопросъ въ принципѣ, потомъ рѣшить, что писать, потомъ составить, обсудить, принять, подписать, узнать адресъ. Но послать жалобу, во всякомъ, случаѣ нужно... Не хитрая, казалось бы штука, отправить г. Гегечкори или г. Булату письмо. А по русскимъ условіямъ, какія тонкія комбинаціи нужны, чтобъ такое письмо дошло по адресу. И не въ томъ лишь штука, чтобъ проскользнуть сквозь бдительность оффиціальныхъ аргусовъ. Есть аргусы болѣе серьезные.

Кн. Трубецкому, навѣрное, извѣстна поговорка: «отъ домашняго вора не найдешь запора». Извѣстна ему, должно быть, и другая поговорка: вора деревнѣ не занимать—свой есть. Именно въ каждой деревнѣ есть свой воръ. И въ лоскъ бы всю деревню свой воръ могъ раззорить, кабы «своихъ средствъ» противъ него не употреблять. Можетъ быть, кн. Трубецкому извѣстно, какія это «средства». Ежели черезчуръ станетъ воровать—спасенья не найдетъ, пощады не дождется, а ежели по совѣсти, безъ большой обиды воруетъ, пусть помаленьку живетъ. Первое дѣло,—зря объ него не стоитъ руки марать. А второе дѣло—мірской оборотъ великъ, въ мірскомъ оборотѣ, бываетъ, и воръ нуженъ.

— Да еще какъ нуженъ-то! Такіе случаи бываютъ, что коли своего вора нѣтъ, хоть къ сосѣдямъ занимать иди.

— Да вотъ, къ примѣру, въ старину, ежели оказывалось, нужно бурмистру острастку дать, — «безъ вора, какъ безъ рукъ». Воръ

въ такихъ случаяхъ десяти честныхъ стоитъ. Во-первыхъ, онъ отпѣтый, отчаянный. А во-вторыхъ — хоронить концы ловокъ. Честный, того и гляди, влопается. А воръ изъ воды сухимъ вылѣзетъ.

Въ нынѣшнемъ режимѣ, разнуздавшемъ худшіе элементы населенія и низменнѣйшіе изъ человѣческихъ инстинктовъ, старую поговорку о ворахъ приходится переиначивать на новый ладъ. «Деревнѣ сыщика не занимать,—свой есть». Вотъ ужъ который годъ каждый полицейскій чинъ живетъ надеждою на отличіе за раскрытую крамолу. И каждый обыватель знаетъ, что только наведи полицію на слѣдъ, а попользоваться отъ нея можно. «И хорошо можно попользоваться». Поводомъ для раскрытія крамолы можетъ быть рѣшительно все: полученное мужикомъ письмо, попавшая въ крестьянскую хату книжка или газета, не говоря уже о такихъ шагахъ, какъ составленіе или отсылка коллективной жалобы на имя соціалъ-демократическаго депутата. Чуть что замѣтилъ,—бѣги къ стражнику или уряднику; тотъ немедля «создастъ обстановку»... И онъ отличится, и ты прибыль получишь. Въ такой обстановкѣ жить нельзя. И если, тѣмъ не менѣе, люди живутъ, то, поймите, возможность жить получена въ разныхъ Сидоровичахъ и Петровичахъ такимъ же порядкомъ, какъ и въ упомянутомъ мною безыменномъ поселкѣ.

Я уже не говорю о той страшной борьбѣ, какая идетъ теперь «возлѣ земли». И опять приходится отмѣтить, что жизнь и въ этомъ случаѣ «большой политикѣ» не указъ. Князь Е. Трубецкой уже давно объявилъ «принудительное отчужденіе» не реальнымъ вопросомъ. И г. Столыпинъ въ «Новомъ Времени» подтверждалъ: «землей теперь и не пахнетъ». Къ такому же выводу, если вѣрить газетнымъ свѣдѣніямъ, начали приходить и нѣкоторые изъ «кадетовъ». Г. Кутлеръ, напр., нынѣ

стоитъ за измѣненіе кадетской программы по земельному вопросу, находя, что на мѣсто принудительнаго отчужденія долженъ быть поставленъ прогрессивный налогъ („Кіевскія Вѣсти“, 26 Іюля).

Въ одной провинціальной газетѣ нашелся даже высоко-реальный политикъ, который убѣдительно рекомендовалъ кадетамъ послѣдовать примѣру г. Кутлера. И знаете,—въ большой политикѣ оно и понятно. Надо же склонить октябристовъ и правыхъ влѣво? А чтобы выторговать у нихъ эту уступку, надо и самимъ уступить. Что же и уступать, если не «принудительное отчужденіе?» Тѣмъ болѣе, что вѣдь теперь это «вопросъ академическій». Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь на политическихъ высотахъ Таврическаго дворца «землею и не пахнетъ?» А какъ оно въ жизни,—не знаю, стоитъ ли напоминать?

V.

Три года назадъ, въ статьѣ «Бытовая революція», мнѣ приходилось отмѣтить начало сложнаго процесса, который я сравнивалъ съ древними драками на вѣчахъ. Уже въ 1906 г. трудно было не видѣть, что борьба приняла характеръ непосредственнаго, молекулярнаго столкновенія бытовыхъ силъ,—столкновеніе не въ смыслѣ лишь физической потасовки, но и въ смыслѣ интеллектуальной и моральной борьбы. Мнѣ представлялся этотъ процессъ именно въ видѣ вѣчевой драки, гдѣ можно лишь понять, что «наши» бьютъ «ихнихъ», «ихніе» «нашихъ»; то «ихніе» убѣгаютъ вразсыпную, то «наши» подъ печками прячутся, и по этимъ отдѣльнымъ эпизодамъ чрезвычайно рискованно судить, что можетъ случиться черезъ часъ, даже черезъ нѣсколько минутъ. Тогда я не сомнѣвался въ конечномъ исходѣ. Не сомнѣваюсь и теперь, когда можно подвести нѣкоторые итоги трехгодичной усобицы. Тамъ, наверху, гдѣ «большая политика», «ихнимъ», чтобъ взять физическій перевѣсъ, пришлось отказаться и отъ всего того, на чемъ зиждется моральная связь съ населеніемъ страны, и отъ самой возможности удовлетворить насущнѣйшія потребности государства. Тамъ, наверху, «ихніе», удерживая физическій перевѣсъ, не удовлетворяютъ интересамъ даже родственныхъ имъ группъ населенія. До нѣкоторой степени утратили даже представленіе о реальной формѣ, въ какой могутъ быть удовлетворены эти интересы, такъ какъ прежній договоръ устарѣлъ, не соотвѣтствуетъ измѣнившимся обстоятельствамъ, а заключать новый договоръ — «пересмотрѣть платформу» — не такъ-то просто. А потому именно не просто, что тутъ, на мѣстахъ, внизу, ни то, ни се. Натискъ съ «ихней» стороны готовъ идти очень далеко, вплоть до возстановленія крѣпостного права, которому нынѣ великія похвалы поетъ «Новое время». «Наша» сторона тоже склонна идти далеко,—вплоть до «знаемо що». Средняя линія жизни проходитъ гдѣ-то между этими двумя крайними точками. Крайне извилистая, прихотливо измѣняющая свое направленіе сообразно съ мѣстными условіями и обстоятельствами, она, эта средняя линія, выражаетъ собою, повторяю, нѣкоторое подобіе равновѣсія, столь же неустойчиваго, какъ и все вобще политическое равновѣсіе Россіи въ данное время. Ихніе, опираясь на мощь государственной организаціи, «страсть горазды драться». Однако, нѣкоторый страхъ имѣютъ. Наши тожъ горазды стѣснить ихнихъ; однако научились понимать старую пословицу:

— По краю ходи, а падать не падай.

Чуть ослабѣетъ сопротивленіе съ нашей стороны, ихніе перейдутъ въ наступленіе. И, наоборотъ, если почему-либо ослабѣетъ натискъ съ ихъ стороны, наши дремать не станутъ. Наконецъ,

если бы у нашихъ появилась хоть какая-нибудь извнѣ, пусть и не настоящая опора, а лишь субъективная вѣра въ нее, равновѣсіе опять-таки можетъ рухнуть. Можетъ рухнуть отъ случайнаго, неожиданнаго толчка, быть можетъ, даже отъ совершенно посторонняго для обѣихъ сторонъ обстоятельства. Вонъ на солнцѣ, говорятъ, недавно былъ «взрывъ», и новая планета образовалась... Богъ знаетъ, что можетъ почудиться въ этомъ чисто астрономическомъ казусѣ либо ихнимъ, либо нашимъ?

При такихъ условіяхъ становятся понятны «надежды на войну». Понятны и опасности, сопряженныя съ пересмотромъ платформы. При пересмотрѣ нельзя вѣдь не поторговаться. А чтобъ поторговаться и выторговать, надо и пошумѣть, и поспорить, и поссориться, бываетъ даже—демонстративно прервать переговоры, а случается и сдѣлать фальшивую диверсію. якобы съ готовностью перейти на сторону общаго противника. Замѣтьте, вѣдь еще не доказано, что можно найти новую платформу, способную теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, объединить дворянство, именитое купечество и власть. Но если даже такая платформа возможна, если бы даже на мѣстѣ г. Столыпина очутился министръ болѣе тонкій, способный единолично угадать общую платформу, не входя въ соглашенія и пререканія съ политическими союзниками,— все-таки безъ треній и препирательствъ, а слѣдовательно, и ослабленія натиска съ «ихней стороны» на «нашу» дѣло не обойдется. Слѣдовательно, не обойдется и безъ нарушенія равновѣсія. А разъ равновѣсіе будетъ нарушено, можетъ сызнова начаться кутерьма.

Задача казалась бы проще, если бы можно было хоть приблизительно провести границу: одесную ихніе, ошуйю — наши., Но достаточно вспомнить благонамѣренныхъ отцовъ законоучителей, требующихъ церковнаго собора, чтобы понять, сколь сложенъ процессъ молекулярнаго столкновенія бытовыхъ силъ. Въ томъ и суть, что линія, разграничивающая «нашихъ» отъ «ихнихъ» проходитъ не только между людей, но и по людямъ; въ частности она проходитъ и по тѣмъ же хотя бы отцамъ законоучителямъ, въ которыхъ есть и нѣчто отъ ихнихъ, и нѣчто отъ нашихъ. Точно также и «наши» изъ поселка, гдѣ на 30 избъ 8 ссыльныхъ, не сплошь «наши», а «ихніе» не сплошь «ихніе». Человѣкъ желаетъ помочь семьѣ ссыльнаго сосѣда,—отсюда вовсе не слѣдуетъ, что онъ «лѣвый», «соціалистъ», «демократъ». Это значитъ лишь, что онъ считаетъ своимъ правомъ и своею обязанностью помогать ближнему, не справляясь относительно его политической благонадежности. И фактическую возможность осуществлять это право онъ готовъ отстаивать всѣми средствами, даже весьма крайними. Съ не меньшей энергіей онъ, положимъ, готовъ отстаивать фактическую возможность читать книжки. Но нелегальныя прокламаціи, напр., онъ, быть можетъ, очень не одобряетъ... Обстоятельства такъ поставили этого, быть можетъ, по существу умѣреннаго человѣка,

что онъ кажется «вродѣ какъ лѣвымъ». Точно также обстоятельства выдвинули иного отца законоучителя на постъ охранителя юношескихъ умовъ. Но если присмотрѣться пристальнѣе, быть можетъ, между этими двумя людьми разница по существу не такъ ужъ велика. Быть можетъ, иной охранитель не менѣе «вродѣ какъ лѣваго» изъ безыменнаго поселка возмущается, напр., запретомъ оказывать помощь дѣтямъ политическаго ссыльнаго. Иной, быть можетъ, даже и самъ совершаетъ это запрещенное дѣяніе, продолжая, однако, добросовѣстно выполнять обязанности охранителя.

Тутъ много значитъ именно случай. Много значатъ и внѣшнія обстоятельства. Въ нынѣшнемъ статическомъ состояніи—человѣкъ одно. А приведи его въ состояніе динамическое—онъ можетъ оказаться совсѣмъ другое. Живетъ въ уѣздномъ городѣ NN исправникъ Остерскій. Сказали ему, что принудительное отчужденіе недопустимо. Онъ этотъ катехизисъ твердо усвоилъ—«зарубилъ на носу»—и бдитъ. Но попробуйте катехизисъ измѣнить. Скажите исправнику Остерскому, что принудительное отчужденіе необходимо. Кто его знаетъ,—человѣкъ онъ простой, изъ «низкаго званія», быть можетъ, и разсуждать начнетъ:

— Позвольте, скажетъ, — это несправедливо, чтобъ помѣщикамъ платить цѣну по ихъ рѣшенію. Пусть помѣщики скажутъ свою цѣну, крестьяне свою, а для рѣшенія ихъ спора нужно нейтральное, третье лицо или учрежденіе.

И Богъ вѣсть, куда можетъ залетѣть и гдѣ очутиться исправникъ Остерскій, начавъ разсуждать въ этомъ пунктѣ. Да они, исправники-то, уже теперь, даже при нынѣшнемъ статическомъ состояніи, порою залетаютъ въ неудобныя мѣста. Издается, положимъ, въ томъ же городѣ NN маленькая уѣздная газетка. Помилуй Богъ, если она задѣнетъ мѣстнаго городового. Въ порошокъ готовъ стереть редактора исправникъ Остерскій:

— Какъ, подрывать престижъ власти!..

Но если открылось, что въ Кіевскомъ округѣ солдаты болѣютъ отъ интендантской муки, онъ «по человѣчеству возмущенъ»:

— Какъ, за казенный счетъ отраву солдатамъ вмѣсто хлѣба поставлять!..

И радъ, сердечно радъ исправникъ Остерскій, что въ «подвѣдомственной ему газетѣ» безъ стѣсненія «пробираютъ» «этихъ возмутительныхъ казнокрадовъ»...

Недавно въ Новороссійскѣ закончился вторичный разборъ стараго дѣла о мѣстной республикѣ. Временный военный судъ вынесъ, сколько слѣдуетъ, обвинительныхъ приговоровъ но, между прочимъ,

нашелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія подлежащихъ властей о рядѣ обнаружившихся во время судебнаго слѣдствія по дѣлу неправильныхъ и прямо преступныхъ дѣйствій старшаго предсѣдателя новочеркасской судебной палаты сенатора Е. Н. Хлодовскаго, товарища прокурора Плат-

ковскаго, судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ при новочеркасскомъ окружномъ судѣ Лыжина, губернатора Черноморской губерніи Березникова и жандармскаго ротмистра Давыдова («Кіевскія Вѣсти», 5 августа).

«Неправильныя и прямо преступныя дѣйствія» сенатора Хлодовскаго состояли, по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ томъ, что онъ преслѣдовалъ свидѣтелей, дававшихъ показанія, несогласныя съ показаніями губернатора Березникова и, слѣдовательно, подрывающія, какъ полагаетъ сенаторъ Хлодовскій, престижъ власти. А судебный слѣдователь Лыжинъ,—опять таки по газетнымъ свѣдѣніямъ—совершалъ подлоги въ протоколахъ свидѣтельскихъ показаній съ цѣлью привлечь къ дѣлу возможно больше обвиняемыхъ «изъ обширнаго списка лицъ, привлеченныхъ къ дознанію». То есть «дополнялъ» данныя предварительнаго слѣдствія «агентурными свѣдѣніями». Я не знаю, зачѣмъ собственно г. Лыжину понадобилось учинять подлоги, когда той же цѣли можно было достигнуть съ помощью парочки достовѣрныхъ свидѣтелей изъ агентовъ охраннаго отдѣленія. Такіе свидѣтели, сколько извѣстно, считаются и на военныхъ, и на гражданскихъ судахъ безпорочными и совершенно достовѣрными. Во всякомъ случаѣ, фактъ на лицо,—ужасный, возмутительный фактъ, передъ которымъ содрогнулась совѣсть военнаго суда, хотя... признаюсь, для меня не совсѣмъ ясно, въ силу какихъ индивидуальныхъ особенностей даннаго факта онъ сталъ для новороссійскихъ военныхъ судей замѣтнѣе всей системы, подчинившей обязанность судьи и слѣдователя изобрѣтательности охраннаго агента. Съ системой-то кому изъ военныхъ судей не приходилось сталкиваться? Почему же именно данный эпизодъ обратилъ вниманіе? Пришлось мнѣ въ нѣкоторыхъ газетахъ читать выводы изъ этого случая: военный судъ правосуднѣе «щегловитовскаго суда», болѣе бережно относится къ законамъ. Полагаю все таки, что оба правосуднѣе, оба бережнѣе относятся къ законамъ, оба лучше, оба одинаково ревностно исполняютъ возложенныя на нихъ обязанности. Случаи же бываютъ всякіе — и съ военными, и съ щегловитовскими судьями. И объяснять эти случаи приходится не столько спеціальными особенностями того или другого вѣдомства, сколько условіями момента и сложностью человѣческаго естества. Бываетъ, тысячи картинъ одной и той же художественной школы человѣкъ разсматриваетъ совершенно спокойно, даже равнодушно; созерцаніе этихъ картинъ подъ конецъ становится его какъ бы профессіональной привычкой. А на 1001 картинѣ, почему-либо привлекшей вниманіе, глядишь, человѣкъ заговорилъ, да какъ заговорилъ-то. И мысли у него появляются прекрасныя, и чувства благородныя... Такія неожиданности, вообще, бываютъ. А въ такія эпохи, какъ наша, ими жизнь полна... Разоблачительная энергія ревизій и ревизоровъ, неожиданности со стороны даже избраннѣйшихъ архимандритовъ и игуменовъ, со сто-

роны даже такихъ столповъ, какъ епископъ Никонъ, и многое другое, чему мы свидѣтели,—все это лишь симптомы, что нынѣ неустойчиво равновѣсіе не только между группами населенія, но внутри человѣческихъ душъ. Неустойчиво равновѣсіе не только простыхъ душъ, но и архіерейскихъ, военно-окружныхъ, даже стоящихъ въ спискѣ особъ не ниже 4 класса. И это теперь при статическомъ состояніи, когда многое по инерціи продолжаетъ оставаться на охранительномъ посту. А если дать толчекъ къ переходу въ состояніе динамическое?... Развѣ можно «ихнимъ» при такихъ условіяхъ проявлять активность, чтобы сойти съ мертвой точки? А съ другой стороны, развѣ можно стоять на одномъ мѣстѣ, не двигаться и ждать... Чего дождешься, когда даже «Новое Время» не скрываетъ, что ждать, по нынѣшнимъ временамъ, можно лишь «Страшнаго Суда»—«дня же и часа не вѣмы». Дня, когда это кончится, дѣйствительно, не «вѣмы». А пока, видимо, мы обречены жить между судорожнымъ стремленіемъ проявить активность, и не менѣе судорожнымъ страхомъ сдвинуться съ мѣста.

А. Петрищевъ.

Политика.

Группировка державъ.—Восточныя и дальне-восточныя дѣла.—Бюджетная борьба въ Англіи.—Текущія событія: Кабинетъ Аристида Бріана. Южная Африка. Графъ Эренталь.

I.

Наша старушка, Европа, очень волнуется въ послѣднее время. За кулисами публичной и гласной сцены историческаго процесса происходитъ что-то скрытое или полускрытое, что тревожитъ европейскую дипломатію. Мартовское выступленіе Австріи, поддержанное энергически Германіей, едва не поведшее къ войнѣ и поведшее къ вынужденному отступленію русской дипломатіи по всей линіи балканскихъ вопросовъ, конечно, не забыто. Опасность была такъ велика, что необходимость гарантировать себя отъ подобныхъ неожиданностей совершенно понятна и почувствовалась многими. Это желаніе обезпечить спокойное будущее должно было сказаться прежде всего въ Россіи, на которую собирались напасть добрые сосѣди. Англія и Францiя не допустили этого нападенія, но эта счастливая конъюнктура не всегда можетъ быть на лицо, если нѣтъ прочныхъ соглашеній, закрѣпляющихъ эту конъюнктуру. Перего-

воры въ Шербургѣ и въ Коусѣ и должны были привести къ такому прочному соглашенію.

Что французы, противъ которыхъ Германія давно злоумышляла, нуждаются въ союзахъ,—это ни для кого не секретъ. Надо вспомнить положеніе Франціи послѣ войны 1870—71 гг. и до заключенія франко-русскаго союза, чтобы понять психологію французской дипломатіи, да и большинства самой націи, въ вопросѣ гарантіи своей внѣшней безопасности. Быстрое возрожденіе Франціи послѣ разгрома 1871 года, ея финансовъ, арміи, флота привели Бисмарка въ смущеніе и навели на мысль о необходимости заблаговременно позаботиться о полной безопасности западной границы. Дѣло было въ то время, когда Италія и Австрія относились къ Германіи непріязненно и недовѣрчиво. Прочнаго союза съ Россіей Бисмаркъ не желалъ. Единственнымъ исходомъ нѣмецкому канцлеру представился новый окончательный разгромъ Франціи, и въ 1875 году онъ затѣялъ дипломатическіе перекоры, быстро ведя дѣло къ разрыву, чтобы (какъ онъ самъ выразился) saigner à blanc эту такъ быстро возрождающуюся націю. «Обезкровить Францію»,—такова была задача, но быстрое заступничество Россіи остановило уже занесенную руку. Въ 1887 году эта попытка повторилась (такъ называемый «инцидентъ Шнебель»). Это нападеніе задумано было уже въ союзѣ съ Австріей и Италіей, но снова явилось могущественное заступничество, на этотъ разъ Россіи и Англіи. Снова пришлось отложить, не смотря на такую могучую комбинацію, какъ недавно тогда основанный тройственный союзъ. Это основаніе было однимъ изъ величайшихъ актовъ кн. Бисмарка.

Австрію, которая долго не могла простить исключенія изъ Германіи и пораженія 1866 года, онъ привлекъ своимъ поведеніемъ на берлинскомъ конгрессѣ 1878 года, когда ему и Биконсфильду Австрія была обязана передачей ей для оккупаціи Босніи и Герцеговины, присоединеніемъ Спиццы (отъ черногорцевъ), контролемъ надъ черногорскимъ побережьемъ, сближеніемъ съ Румыніей и Сербіей. Австрія становилась на Балканахъ равноправнымъ Россіи политическимъ факторомъ. Это была огромная услуга, и въ Вѣнѣ ее оцѣнили. При содѣйствіи Биконсфильда, тогда премьера Англіи, австро-германскій союзъ былъ заключенъ. Теперь, когда уже напечатанъ текстъ этого союзнаго договора, стало достовѣрно извѣстно, что союзъ былъ направленъ не противъ Франціи, а противъ Россіи. Биконсфильдъ хотѣлъ и Англію включить въ союзъ, но большинство кабинета не нашло возможнымъ взять отвѣтственность за такой серьезный шагъ наканунѣ законодательныхъ выборовъ. Отложили вступленіе Англіи въ союзъ до окончанія выборовъ, но Биконсфильдъ потерпѣлъ пораженіе, власть перешла къ Гладстону, и планы Бисмарка въ этомъ направленіи не могли быть осуществлены.

Что касается Италіи, то она была вынуждена вступить въ союзъ

съ Австріей и Германіей, потому что Австрія серьезно собиралась начать войну съ Италіей за ирредентизмъ. Германія устроила союзъ и тѣмъ дала Италіи гарантію внѣшней безопасности. Къ тому же въ Италіи были недовольны Франціей за оккупацію Туниса, а король Гумбертъ былъ романтическій мечтатель, думавшій о побѣдахъ и завоеваніяхъ. Савоя, Ницца, Корсика и Тунисъ мечтались королю. Всѣми этими матеріалами Бисмаркъ искусно воспользовался и основалъ тройственный союзъ. Обезпечивъ себя этою могущественною комбинаціей, Бисмаркъ и затѣялъ въ 1887 году нападеніе на Францію, но не допустила этого нападенія все та же англо-франко-русская комбинація, которая въ 1909 году не допустила нападенія на Россію. Ясно, что покуда существуетъ тройственный союзъ съ его наступательною программою во всѣ стороны, до тѣхъ поръ англо-франко-русское соглашеніе является главнымъ политическимъ факторомъ, обезпечивающимъ европейскій миръ и внѣшнюю безопасность Франціи, Россіи и отчасти Англіи. Огромныя морскія вооруженія Германіи являются угрозой и Англіи.

Въ настоящее время подготовляется переоцѣнка морского могущества въ виду развитія воздушнаго и подводнаго флотовъ. Вѣроятно, въ близкомъ будущемъ эта переоцѣнка станетъ совершившимся фактомъ, но покуда приходится оцѣнивать морское могущество на прежнихъ основаніяхъ. Основною единицею сравненія служатъ для этого линейные корабли, закованные въ броню стальные гиганты съ могущественной артиллеріей. У морскихъ державъ линейныхъ кораблей, построенныхъ въ теченіе двадцати послѣднихъ лѣтъ, числится:

Англія.	55
Германія.	32
Соед. Штаты	26
Франція.	18
Японія	14
Италія.	10
Россія	7

Австрія только теперь приступила къ сооруженію линейныхъ кораблей, но броненосцевъ сравнительно меньшихъ размѣровъ имѣетъ съ десятокъ, что съ итальянскими десятью линейными кораблями отвлечетъ не менѣе 18—20 англійскихъ линейныхъ кораблей въ Средиземное море (надо обезпечить сообщеніе съ Египтомъ и Индіей). Остается 35—37 противъ 32 нѣмецкихъ. При такомъ незначительномъ перевѣсѣ, случайная аварія, или талантъ нѣмецкаго адмирала могутъ даровать нѣмцамъ побѣду и открыть Англію нѣмецкому дессанту. Ясно, что 18 французскихъ линейныхъ кораблей очень и очень нужны Англіи. Ясно, что Франція одна на сушѣ противъ тройственнаго союза вмѣшаться не можетъ. Ясно, что введеніе въ комбинацію и Россіи нужно и Франціи, и Англіи,

почти такъ же, какъ надобно это и самой Россіи. Въ настоящее время тройственный союзъ имѣетъ главнымъ объектомъ своей внѣшней политики Россію, и потому ей непосредственно нужнѣе англо-франко-русское соглашеніе, но необходимо оно и для двухъ западныхъ державъ. Существованіе тройственнаго союза является серьезною угрозою и для нихъ.

Мы говорили выше о приближающейся переоцѣнкѣ морского могущества въ виду созданія воздушнаго и подводнаго флотовъ. Въ подводномъ судостроеніи значительныхъ результатовъ достигли, повидимому, только Франція и Англія. Франція имѣетъ уже 50 единицъ этого рода и строитъ еще 48, превосходя всѣхъ по числу единицъ, но это суда береговыя, сравнительно небольшія, хорошее оборонительное средство, еще не приспособленное для дальнихъ экспедицій. Англія построила 45 подводныхъ лодокъ и 26 строитъ. Въ ихъ числѣ нѣкоторое число дальняго плаванія съ многочисленнымъ экипажемъ и съ ходомъ въ 14 узловъ. Это уже наступательное оружіе. Германія въ глубокомъ секретѣ строитъ свою подводную флотилію. Японія имѣетъ 9, Соединенные Штаты—12. Въ Россіи считается 24, но вѣдь и эти лодки строились знаменитыми русскими строителями!!

О состояніи воздушныхъ флотовъ кое-что извѣстно только о Франціи и Германіи. Аэропланы еще не могутъ быть серьезнымъ оружіемъ. Покуда это дирижабли. Франція и Германія ихъ имѣетъ по нѣсколько. Есть всѣ основанія думать, что Англія имѣетъ ихъ не менѣе, но сооружаетъ въ большой тайнѣ. За всѣмъ тѣмъ покуда обороняться надо прежними средствами и способами, а слѣдовательно, и англо-франко-русское соглашеніе до тѣхъ поръ остается необходимостью для всѣхъ трехъ державъ. Однако, если Англія обезопаситъ себя подводными и воздушными флотами, она перестанетъ нуждаться въ упомянутомъ соглашеніи... Это не мѣшаетъ помнить тѣмъ, кто полагаетъ, что долготерпѣнію нашихъ западныхъ друзей не будетъ предѣла и что можно его испытывать всяческими способами, отталкивающими общественное мнѣніе Англіи и Франціи отъ Россіи.

На этомъ обстоятельствѣ стоитъ остановить наше вниманіе.

II.

Недавно въ Парижѣ была издана книга «Azeff et Harting» съ предисловіемъ Жореса, заключающая въ себѣ исторію дѣятельности этихъ и другихъ русскихъ провокаторовъ за границею. Исторія эта доведена до плана убійства Бурцева «союзниками» изъ С.-Петербурга. Книга была раскуплена очень скоро. Затѣмъ она вышла въ переводѣ на англійскій и нѣмецкій языки. Она производитъ огромное впечатлѣніе, злорадное въ Германіи, болѣзненное въ

Англіи и во Франціи. Такія исторіи не содѣйствуютъ укрѣпленію англійскихъ и французскихъ симпатій къ Россіи, при чемъ за Азефовъ и Гартинговъ отвѣчаетъ передъ англо-французскимъ общественнымъ мнѣніемъ русское правительство. Въ настоящее время для обѣихъ западныхъ державъ соглашеніе съ Россіей является необходимостью, настоятельною и повелительною. Оно и поддерживается, но все-таки назрѣваетъ и анти-русское настроеніе, растетъ чувство стыда за косвенное соучастіе въ этихъ актахъ провокаторовъ. Если общественное мнѣніе Англіи и Франціи будетъ питаться только такими данными объ Россіи, да извѣстіями о казняхъ и ссылкахъ, о гоненіи за религію и національность, о репрессіяхъ противъ великаго писателя изъ Ясной Поляны (послѣ Черткова схваченъ у него его секретарь г. Гусевъ) и другими того же значенія и характера, то требованія общественной совѣсти въ Англіи и во Франціи приведутъ къ нравственной необходимости найти другую комбинацію, хотя бы цѣною новыхъ матеріальныхъ жертвъ. Въ этомъ направленіи уже кое-что вырисовывается.

Протестъ англійской рабочей партіи противъ русскаго правительства былъ помѣщенъ въ привѣтственномъ адресѣ русскимъ парламентскимъ дѣятелямъ, посѣтившимъ Англію. Тогда Хомяковъ отъ имени всей группы русскихъ депутатовъ протестовалъ противъ этого протеста. Его протестъ поддержали многія англійскія газеты, «Times», «Morning Post», «Standart» и др. Однако, «Daily News», главный органъ либераловъ, отнесся очень сдержанно къ этому конфликту. Между тѣмъ, уже условленное свиданіе въ Коусѣ вызвало коллективное письмо къ Эдуарду Грею, министру иностранныхъ дѣлъ въ Англіи, собравшее многочисленныя подписи епископовъ, профессоровъ, литераторовъ, священниковъ и другихъ представителей интеллектуальной Англіи, гдѣ энергически протестовали противъ сближенія съ государствомъ, гдѣ творятся дѣла, вкратцѣ вышеупомянутыя. Опубликованіе этого письма совпало съ запросомъ по тому же вопросу въ палатѣ общинъ. Грей отвѣчалъ въ палатѣ по запросу и тѣмъ косвенно далъ отвѣтъ и авторамъ письма. Упомянувъ о томъ, что никто не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла другой державы, Грей указалъ, что Россія является теперь конституціоннымъ государствомъ, и что это важное и благое преобразованіе исторія свяжетъ съ царствованіемъ императора Николая II. Такимъ образомъ, никакъ не конституціоналистамъ, каковыми являются всѣ англичане, протестовать противъ сближенія съ конституціонной Россіей. Эти заявленія англійскаго министра въ значительной степени успокоили англійское общественное мнѣніе, произвели серьезное впечатлѣніе и внѣ предѣловъ Англіи, особенно во Франціи, гдѣ такъ сильно желаютъ, чтобы слова Грея были полною правдою. Поведеніе русскаго посольства въ Лондонѣ

во время посѣщенія Англіи русскими парламентскими дѣятелями склоняло къ тому же оптимистическому настроенію.

Между тѣмъ, состоялось Коусское свиданіе. Монархи видѣлись, министры вели переговоры. На парадномъ обѣдѣ монархи обмѣнялись тостами, при чемъ общее вниманіе обратили мѣста въ обѣихъ рѣчахъ о посѣщеніи Англіи членами Государственной Думы. Англійскій король видѣлъ въ этомъ посѣщеніи доказательство, что дружба связываетъ не только правительство, но и націи. Русскій императоръ благодарилъ за радушный пріемъ членовъ Государственной Думы. И эти тосты склоняли къ оптимизму. И во Франціи эти вѣсти принимали съ восторгомъ, хотя вѣсти изъ самой Россіи продолжали быть печальными.

О постановленіи французской палаты, пригласившей правительство не допускать иностранной тайной полиціи дѣйствовать во Франціи, мы говорили въ прошлой нашей бесѣдѣ. Клемансо обѣщалъ, но скоро палъ. Однако, правительство Франціи не поправѣло, а полѣвѣло. Все это—симптомы, очень значительные. Все это похоже на *условія* англо-франко-русскаго соглашенія...

Задумываются наши западныя друзья и надъ другимъ вопросомъ, вытекающимъ изъ соглашенія, именно, насколько Россія въ силахъ выполнить свою роль, возлагаемую на нее соглашеніемъ? Что она не имѣетъ флота,—это извѣстно. Соединивъ свои флоты, англо-французы могутъ обойтись безъ русскаго. Но имѣетъ ли Россія сильную армію, способную отвѣтить возможнымъ задачамъ? Ревизія сенатора Гарина показываетъ, что порядокъ снабженія арміи всѣмъ для нея необходимымъ нисколько не улучшился за четыре года, протекшихъ со времени заключенія портсмутскаго мира. Съ такимъ снабженіемъ нельзя воевать съ серьезнымъ противникомъ, какъ нѣмцы и даже австрійцы...

Думаютъ думушку наши друзья и союзники и стараются всячески себя утѣшить. Передо мною лежитъ статья «Journal des Debats», озаглавленная «L'armée russe». Газета старается доказать, что въ русской арміи все обстоитъ благополучно. Увы! если надо это доказывать, то значитъ существуетъ не мало сомнѣній. Газета сама себѣ ставитъ вопросы. Указавъ на грустныя воспоминанія изъ русско-японской войны, статья продолжается такъ: «Никто во Франціи не отрицаетъ хорошихъ качествъ русскаго солдата, и всѣ знаютъ огромную численность комбатантовъ. Однако, нельзя было не задуматься надъ вопросомъ, произведена ли въ русской арміи необходимая работа по использованію уроковъ японской войны; достаточная нравственная связь объединяетъ ли различные элементы военной организаціи; какого качества вооруженіе и въ достаточномъ ли количествѣ, какого качества снабженіе арміи и въ достаточномъ ли количествѣ; приняты ли мѣры къ ускоренію мобилизаціи этихъ многочисленныхъ массъ». Задавъ эти вопросы, авторъ статьи отвѣчаетъ на нихъ утвердительно. «Блаженъ, кто

вѣруетъ». Авторъ не желаетъ обманывать своихъ читателей, но онъ заимствуетъ данныя изъ оффиціальныхъ отчетовъ, гдѣ все всегда «обстоитъ благополучно», склады полны, запасы неистощимы, вооруженіе образцовое... А вотъ сенаторъ Гаринъ заглянулъ въ склады, поинтересовался запасами, и вышла пренепріятная заминка съ полнотой аммуниціи, съ неистощимыми запасами. Не такъ ли и съ другими элементами военной готовности? Не то, чтобы существовала увѣренность въ такомъ же бумажномъ благополучіи, но не существуетъ увѣренности и въ противномъ. Быть можетъ, оружія достаточно, а можетъ быть, и нѣтъ. Быть можетъ, зарядовъ достаточно, а можетъ быть, и нѣтъ. Быть можетъ, оружіе и снаряды хорошаго качества, а можетъ быть, и нѣтъ. И т. д. И т. д. Тамъ, гдѣ нѣтъ контроля общественнаго мнѣнія, ни парламента, гдѣ господствуютъ исключительныя положенія, гдѣ все принуждено молчать, тамъ никакое правительство не можетъ быть увѣрено, что бумажная отчетность соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Еще менѣе оно можетъ обуздать свою бюрократію и обезпечить себя отъ всякихъ случайностей.

Отсталость русской военной организаціи особенно ярко сказывается въ вопросахъ воздушнаго и подводнаго флота, а скоро эти флоты явятся необходимыми и могучими факторами борьбы и побѣды. Первый періодъ войны будетъ происходить на воздухѣ, а кто овладѣетъ воздухомъ, получитъ громадный перевѣсъ и въ сухопутной, и въ морской войнѣ. Дорожить союзникомъ, не имѣющимъ этого могучаго орудія, никто не станетъ.

Секретовъ своихъ воздушныхъ и подводныхъ флотовъ сообщать не будутъ, а для того, чтобы самимъ ихъ развивать, нужны образованіе, техника, неподкупность, а этого не получить, когда заподозрѣна и отстранена вся интеллигенція. За отсталость народы жестоко расплачиваются. Россію покамѣстъ оберегаютъ ея западные друзья, но ихъ оптимизмъ не безпредѣленъ и, если все останется по старому, они едва ли будутъ продолжать нынѣшнюю политику. Исходъ найдутъ. Это будутъ воздушные и подводные флоты. Или союзъ съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки. Или всеобщая воинская повинность въ Англіи. И т. д.

Преобразованіе Россіи на началахъ политической свободы было бы лучшимъ исходомъ не только для Россіи, но и для Англіи и Франціи. Свободная Россія дала бы англо-франко-русскому соглашенію такую силу, что главная опасность всеобщему миру, постоянно угрожающая изъ Берлина и Вѣны, стала бы до очевидности неосуществимою. Но для этого нужно, чтобы исторія еще разъ объявила русскому народу «волю»...

III.

Очень запуталась европейская дипломатія въ критскомъ вопросѣ, и былъ моментъ, когда можно было опасаться серьезныхъ осложненій.

Англія, Италія, Россія и Франція оккупировали Критъ, какъ державы-покровительницы. Подъ охраною международныхъ войскъ развивалась и устанавливалась автономія этого благодатнаго острова, населеннаго мужественнымъ и даровитымъ племенемъ, прямыми потомками критянъ Миноса, Идоменея и Меріона. Только здѣсь, да на Іоническихъ островахъ сохранилась эллинская народность въ полной чистотѣ, безъ всякой примѣси другихъ племенъ. Критяне—мусульмане не выселились на островъ, но такіе же туземцы—греки, какъ и христіане острова. Мусульманъ одна четвертая часть населенія, и вражда къ нимъ со стороны православныхъ критянъ еще не исчезла. Живущее поколѣніе еще помнитъ, что они въ рукахъ чиновниковъ Абдулъ-Гамида были орудіемъ угнетенія христіанскаго населенія. Однако, внутренній миръ не нарушался явно, а всѣ автономныя учрежденія были уже введены и правильно функціонировали, жандармерія и милиція организованы, такъ что четыре державы-покровительницы сочли возможнымъ освободить островъ отъ иностранной оккупаціи. Въ іюлѣ настоящаго года всѣ международныя войска очистили островъ и сѣли на суда, а для наблюденія оставлены въ Канеѣ военныя суда, по одному стаціонеру отъ каждой державы. Спущены были флаги четырехъ державъ, поднятъ критскій, и форты сданы критскому автономному правительству.

До сихъ поръ все шло гладко, но послѣ того, какъ совершилось только что изложенное, произошло событіе, которое слѣдовало бы предвидѣть дипломатамъ четырехъ державъ. На фортахъ и на публичныхъ зданіяхъ въ Канеѣ и провинціи критскіе флаги были замѣнены флагами греческаго королевства, т. е. демонстрировано упраздненіе турецкаго суверенитета и присоединеніе Крита къ Греціи. Критяне давно къ этому стремились, принесли для этого много жертвъ, пролили много крови... Натурально поэтому, что, какъ только ихъ родная земля очутилась исключительно въ ихъ собственныхъ рукахъ, они и совершили актъ окончательнаго отпаденія отъ Турціи и соединенія съ Греціей. Къ сожалѣнію, дипломаты четырехъ державъ этого не предвидѣли и для очищенія острова отъ международныхъ оккупаціонныхъ отрядовъ выбрали довольно опасное время.

Отпаденіе Крита по существу уже давно совершившійся фактъ. Турецкія войска давно очистили островъ. Турецкое управленіе островомъ давно упразднено, и критянамъ даровано полное само-

управленіе. Зачѣмъ-то, однако, оставили призракъ турецкаго суверенитета. Отказаться отъ этого суверенитета нынѣшнему турецкому правительству очень затруднительно. Такой отказъ его враги—реакціонеры—выставляли бы, какъ раздѣлъ имперіи: за Босніей—Болгарія, за Болгаріей—Критъ. Мусульманское населеніе могло бы увлечься этою лжепатріотическою пропагандой, и настоящему правительству было прямо невозможно допустить, чтобы *формальное* отпаденіе Крита замѣнило реальное, уже осуществившееся. Для настоящаго турецкаго правительства лучше всѣ риски войны, чѣмъ покорное согласіе на соединеніе Крита съ Греціей. Турецкое правительство и заняло немедленно воинственную позицію, мобилизовало европейскіе корпуса, сосредоточило ихъ на греческой границѣ и объявило, что силою воспротивится присоединенію Крита къ Греціи. Неувѣренные въ побѣдѣ на морѣ, турки намѣревались оккупировать Ѳессалію, какъ залогъ неприкосновенности Крита. Если бы греки воспротивились этой оккупаціи, то турки продолжили бы военныя дѣйствія и при соотношеніи силъ могли бы завоевать всю континентальную Грецію. Послѣдствія такого событія не легко предсказать. Они были бы серьезны во всякомъ случаѣ.

Державы-покровительницы пригласили критское правительство снять греческіе флаги и замѣнить критскими, но правительство острова заявило, что оно безсильно это сдѣлать, потому что населеніе не допускаетъ, и отрядъ вооруженныхъ добровольцевъ занялъ форты Канеи. Державы распорядились усилить свой флотъ въ критскихъ водахъ до трехъ стаціонеровъ отъ каждой державы, всего 12 военныхъ судовъ. Между тѣмъ, не бездѣйствовали и турки. Кромѣ уже указанныхъ военныхъ мѣръ, они начали дипломатическую кампанію нотою къ греческому правительству, въ которой константинопольскій кабинетъ приглашаетъ аѳинскій высказаться откровенно по критскому вопросу, а также принять мѣры, чтобы греческія четы не организовались въ королевствѣ, чтобы оттуда переходить въ Македонію и напацать на болгарскія и румынскія селенія преимущественно, но и на другія.

Это былъ опасный моментъ. Стоило Греціи проявить нѣкоторое упорство, и катастрофа стала бы неизбѣжна. Обнаруженное плачевное состояніе греческихъ вооруженій повело къ паденію министерства Теотокиса и образованію кабинета Ралли съ миролюбивою программою. Однако, хищникамъ Берлина и Вѣны это не было выгодно и потерять такой прекрасный случай зажечь всеевропейскій, а можетъ быть, и всемірный пожаръ было для нихъ огорчительно. И вотъ изъ Вѣны (опять тотъ же Эренталь) разсылается нота, немедленно поддержанная изъ Берлина. Эта нота можетъ быть разсматриваема, какъ подстрекательство Греціи къ сопротивленію, потому что заключала въ себѣ заступни-

чество передъ державами-покровительницами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она является и предостереженіемъ по адресу Турціи, чтобы она не очень полагалась на силу англо-франко-русскаго соглашенія. Чего достигнутъ соединенные кайзеры—покажетъ близкое будущее. Покуда это выступленіе кажется потерпѣвшимъ fiasco.

Греческое правительство, не поддаваясь подстрекательству, отвѣтило туркамъ очень сдержанно и корректно. Относительно Крита греческая нота указываетъ, что дѣла острова находятся въ рукахъ четырехъ державъ-покровительницъ безъ всякаго участія Греціи въ этихъ дѣлахъ, такъ что только къ этимъ державамъ и можно адресоваться за уясненіемъ и урегулированіемъ критскаго вопроса. Греческая нота отрицаетъ и покровительство греческихъ властей образованію четъ и ихъ вторженію въ Македонію. Къ сожалѣнію, послѣднее не совсѣмъ вѣрно, и турки во второй нотѣ настаиваютъ на этомъ. Они также желаютъ получить заявленіе греческаго правительства, не одобряющее поднятіе греческаго флага на островѣ. Едва ли греки могутъ сдѣлать такое заявленіе, не вызвавъ народнаго мятежа. Въ этомъ еще опасность, очень умаленная тѣмъ фактомъ, что четыре державы въ концѣ концовъ высадили въ Канеѣ отрядъ моряковъ, сняли греческіе флаги и удалили отрядъ на суда, съ угрозою потребовавъ удалить отовсюду греческіе флаги. Критяне покорились. Мирное разрѣшеніе какъ будто налаживается, но поля для интригъ еще осталось довольно много.

Въ то время, какъ Ближній Востокъ переживалъ тяжелый кризисъ изъ-за нѣсколько преждевременнаго очищенія Крита международными войсками, на Дальнемъ Востокѣ тоже разыгрался кризисъ, угрожавшій даже военнымъ столкновеніемъ.

Въ Кореѣ, на берегу Корейскаго пролива (въ виду острова Цусимы) лежитъ большой полуяпонскій городъ Фузанъ, съ хорошимъ портомъ, значительною торговлею и развивающеюся промышленностью. Отсюда еще до войны японцы начали строить желѣзную дорогу въ Сеулъ (столицу Кореи). Послѣ войны они продолжили эту линію до Андуня на р. Ялу, гдѣ въ 1904 году генералъ Куроки переправилъ свою армію и нанесъ пораженіе генералу Засуличу. Японцы пожелали еще продолжить желѣзнодорожную линію до Мукдена и, такимъ образомъ, связать корейскую желѣзнодорожную сѣть съ манчжурскою, китайскою и сибирскою. Сначала японцы остановились на сооруженіи узко-колейной желѣзной дороги, получили отъ Китая необходимую концессію и дорогу построили. Однако, опытъ эксплуатаціи этой линіи привелъ японцевъ къ заключенію, что узко-колейную дорогу надо замѣнить широко-колейной. Они обратились за концессіей къ китайскому правительству, которое, однако, уклонилось отъ выдачи концессіи, настаивая на томъ, чтобы японцы прежде всего удовлетворили китайскихъ поселянъ, у которыхъ

отчудили земли подъ прежнюю концессію, но поселяне вознагражденія не получили или получили недостаточно. Переговоры тянулись. Это надоѣло японцамъ. Они придвинули войска ближе къ Китаю, ихъ усилили и предъявили китайскому правительству ультиматумъ. Это и былъ опасный моментъ, но китайцы знаютъ свою слабость. Они уступили и выдали требуемую концессію.

IV.

«Вельтполитика» берлинскаго императора и восточная политика австрійскаго Эренталя обременяютъ не только бюджеты Германіи и Австріи, но и бюджеты соперничающихъ державъ. Франція давно испытываетъ это тягостное давленіе и принуждена откладывать многія культурныя начинанія ради боевой готовности, равняясь по Германіи. Пришла очередь и Англіи. Вынужденные огромные расходы на морскія сооруженія нарушили бюджетное равновѣсіе даже Англіи. Къ тому же въ Англіи прошелъ законъ о пенсіяхъ рабочимъ за болѣзни, инвалидность и старость, что тоже значительно увеличиваетъ бюджетъ расходовъ. Явилась необходимость значительно увеличить бюджетъ государственныхъ доходовъ.

Мы видѣли въ прошлой нашей бесѣдѣ, какъ въ Германіи вышли изъ подобнаго же бюджетнаго положенія. Тамъ возложили большую часть новыхъ налоговъ на бѣдные и средніе классы, меньшую часть—на промышленность и ничего—на феодальные классы. Въ Англіи либеральное министерство проектировало совсѣмъ другую бюджетную программу (на 1910 годъ). Оно предложило слѣдующіе новые налоги: на невоздѣлываемыя земли (парки, охотничьи лѣса и т. п.), на приростъ цѣнности безъ затраты труда или капитала (тоже на недвижимость, но на городскую даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ на сельскую), прогрессивный на наслѣдство (т. е. обложеніе повышается съ величиною наслѣдства), повышенный подоходный на значительные доходы. Словомъ, все это обложеніе высшихъ и богатыхъ классовъ безъ всякаго увеличенія обложенія бѣдныхъ классовъ и со слабымъ увеличеніемъ обложенія среднихъ классовъ. Этотъ демократическій бюджетъ вызвалъ бурю негодованія въ аристократическихъ и финансовыхъ кругахъ. Собираются бороться противъ бюджета всѣми силами. Въ палатѣ общинъ бюджетъ, однако, проходитъ статья за статьею, параграфъ за параграфомъ, и въ эту нѣсколько затянувшуюся сессію палата его одобритъ.

Со времени изгнанія Іакова II палата общинъ одна рѣшала бюджетные вопросы, хотя формально равноправность палаты лордовъ не была отмѣнена. Теперь лорды угрожаютъ воспользоваться этою археологіей и отказать въ утвержденіи демократическаго бюд-

жета. Если они на это дѣйствительно отважатся, предстоитъ тревожная, но глубоко интересная историческая страница.

Министерство Аристида Бріана сформировалось и вступило въ управленіе великою республикою. Вступительная рѣчь Бріана была не изъ яркихъ, особенно для такого выдающагося оратора. Видимо, онъ преднамѣренно затушевывалъ яркость. Рѣчь или всѣхъ удовлетворила, или никого. Можно сдѣлать и то, и другое заключеніе. Палата, однако, выразила довѣріе новому кабинету, и онъ приступилъ къ дѣятельности.

Первымъ яркимъ проявленіемъ этой дѣятельности было увольненіе въ отставку всего высшаго персонала морского вѣдомства. Были обнаружены злоупотребленія, министерство Клемансо карало виновныхъ въ этихъ злоупотребленіяхъ, министерство Бріана уволило виновныхъ въ слабости надзора, допустившихъ развитіе этихъ злоупотребленій. Это, несомнѣнно, вѣрнѣйшій путь къ оздоровленію всякаго вѣдомства, захворавшаго злоупотребленіемъ однихъ, апатіей—другихъ, неумѣньемъ—третьихъ. Должны отвѣчать прежде всего высшіе чины такого вѣдомства, а не «стрѣлочники», уже обратившіеся въ пословицу. У насъ это понять одни не умѣютъ, другіе не желаютъ. Если и слетитъ съ насиженнаго мѣста какой-нибудь генералъ Поляковъ или строитель Верховскій, то все же его синклитъ остается у дѣлъ, и борьба съ нимъ даже вполнѣ доброжелательному начальнику невозможна.

Другимъ яркимъ проявленіемъ дѣятельности министерства Бріана является возвращеніе на почтовую и телеграфную службу всѣхъ уволенныхъ за участіе въ почтово-телеграфныхъ забастовкахъ марта и мая этого года. Умѣніе своевременно амнистировать, не запаздывая съ этимъ актомъ умиротворенія и успокоенія, тоже принадлежитъ къ числу достоинствъ правительства, пекущагося о внутреннемъ мирѣ и благосостояніи своей страны, а не о захватѣ по возможности большей власти. Мстительность не имѣетъ никакого отношенія къ государственной политикѣ, являясь выраженіемъ совершенно личнаго чувства, не считающагося съ государственными и національными интересами. Мильранъ, въ вѣдѣніе котораго поступилъ почтово-телеграфный департаментъ, своимъ актомъ полнаго забвенія весеннихъ конфликтовъ выказалъ качества истинно государственнаго человѣка.

Англійскій парламентъ и король утвердили билль о южно-африканскомъ колоніальномъ союзѣ. До сихъ поръ отдѣльныя колоніи Капланда, Наталя, Оранжа и Трансвааля сохраняя свою внутреннюю автономію, объединились теперь въ государственный союзъ, какъ ранѣе того Австралія и Канада. Южная Африка пріобрѣтаетъ такую же самостоятельность законодательства и управленія, какою пользуются упомянутые только что колоніальные союзы Австраліи

и Канады. Конечно, ничто не примирило бы съ англійскимъ завоеваніемъ такъ прочно и такъ искренно, какъ этотъ актъ британскаго правительства. Не пройдетъ и одного поколѣнія, какъ буры станутъ вполнѣ вѣрными и преданными гражданами великой семьи британскихъ народовъ.

Русское правительство держится иной политики по отношенію къ Польшѣ, Финляндіи и даже Грузіи, даже Украйны. Въ XVIII в. и англійское правительство держалось иной политики и пришло съ этою политикою къ возстанію и отпаденію американскихъ колоній. Того же достигла и Испанія.

Изъ остальныхъ событій отчетнаго мѣсяца надо отмѣтить возстаніе въ Барселонѣ, уже подавленное и оставшееся безъ видимыхъ результатовъ, и всеобщую забастовку въ Швеціи, еще не кончившуюся. Въ Венгріи продолжается политическій кризисъ, вслѣдствіе стремленія Вѣны сохранить объединенную *австрійскую* армію, и настойчивое желаніе венгерцевъ имѣть, хотя и одну, но австро-венгерскую армію. Между Вѣной и Будапештомъ существуютъ и экономическіе раздоры, но въ дѣлахъ внѣшней политики обѣ половины имперіи сохраняютъ полную и ненарушимую солидарность. Изъ возможныхъ противниковъ Австро-Венгріи никто не долженъ разсчитывать на ея внутренніе конфликты. Внѣшняя политика австро-венгерскаго канцлера Эренталя получила новую санкцію. Императоръ Францъ-Іосифъ возвелъ своего канцлера изъ баронскаго въ графское достоинство. Графъ Эренталь оказался, дѣйствительно, искуснымъ дипломатомъ, но главная основа его искусства—хорошее знакомство съ Россіей и ея правительствомъ, вынесенное изъ продолжительнаго пребыванія его въ С. Петербургѣ въ званіи полномочнаго посла императора австрійскаго, короля венгерскаго. Отсюда онъ и попалъ прямо въ канцлеры Габсбургской имперіи. Ему доподлинно извѣстно разстройство россійской правительственной машины, и онъ билъ бы навѣрняка, если бы ему *покуда* не мѣшали англо-французы. Этого препятствія можетъ хватить не надолго. Стоитъ убѣдиться западнымъ державамъ, что на Россію надо махнуть рукою и, можетъ быть, этотъ часъ близокъ. Еще не поздно предупредить эту опасность и укрѣпить соглашеніе, обезпечивающее будущность. Для этого надобно и больше прозорливости, и больше любви къ родинѣ, чѣмъ проявляютъ русскіе сановники. Если изъ Вѣны и Берлина идетъ угроза во всѣ стороны; если изъ Парижа и Лондона идутъ гарантіи отъ всякихъ опасностей, то здѣсь, въ С.-Петербургѣ эта тяжба рѣшится въ ту или другую сторону. Національные и государственные интересы влекутъ къ Лондону и Парижу, но жажда произвола, обиліе хищниковъ, обскурантизмъ духовенства, личные интересы дворянства и многое другое тянетъ въ противоположную сторону.

С. Южаковъ.

Новыя работы по аграрному вопросу.

(Библiографическая замѣтка).

Н. Огановскiй. Закономѣрность аграрной эволюцiи. Часть I. Теорiи капиталистическаго развитiя. Общiй ходъ и фазисы аграрной эволюцiи. Книгоиздательство «Сотрудничество». Саратовъ. 1909 г. стр. 308 Ц. 1 р. 60 к.

Ник. Сухановъ. Къ вопросу объ эволюцiи сельскаго хозяйства. Соцiальныя отношенiя въ крестьянскомъ хозяйствѣ Россiи. Книгоиздательство „Сотрудничество". Москва. 1909 г. Стр. 414. Ц. 2 р. 50 к.

Въ отношенiяхъ къ аграрному вопросу, еще такъ недавно всѣхъ горячо волновавшему, въ послѣднее время наблюдается замѣтное охлажденiе. Несомнѣнно, однако, что это явленiе временное, объясняемое специфическими причинами. Вопросъ, съ которымъ связано все будущее страны — и экономическое, и политическое, и культурное ея состоянiе — не можетъ долго оставаться внѣ круга общественнаго вниманiя. Жизнь не замедлитъ, конечно, опять выдвинуть его на первый планъ въ качествѣ важнѣйшей и неотложной задачи. Не лишне при этомъ имѣть въ виду, что вновь рѣшать ее русской общественной мысли придется при значительно видоизмѣненной сельско-хозяйственной дѣйствительности. Уже теперь не трудно предвидѣть, что въ важнѣйшей своей части—въ земельной—аграрная проблема, благодаря усилiямъ правительства рѣшить ее „наоборотъ", окажется еще болѣе запутанной, а экономическое положенiе населенiя и его производительныя сылы—еще болѣе подорванными. Сложная и трудная задача окажется, такимъ образомъ, еще болѣе затрудненной и осложненной.

Разобраться въ ней для общественной мысли будетъ тѣмъ труднѣе, что теоретически аграрный вопросъ, несмотря на массу силъ, затраченныхъ на его изученiе, и на громадную литературу, имѣющуюся по этому предмету, до сихъ поръ далеко еще не выясненъ. Въ наукѣ нѣтъ не только общепризнанной, но и достаточно обоснованной теорiи сельско-хозяйственнаго развитiя. Даже вопросъ объ общемъ направленiи этого развитiя и, въ частности, какимъ путемъ можетъ и должна пойти дальнѣйшая сельско-хозяйственная эволюцiя—путемъ ли капиталистическаго, или трудового хозяйства — все еще остается спорнымъ. Какъ извѣстно, этотъ именно вопросъ раздѣляетъ, между прочимъ, два теченiя русской соцiалистической мысли. Такимъ образомъ, даже близкiе между собою люди — близкiе и по увлекающимъ ихъ идеаламъ, и по отстаиваемымъ ими интересамъ—не могутъ договориться между собою, въ какомъ направленiи слѣдуетъ въ данномъ случаѣ искать выхода...

Достаточно сказаннаго, чтобы понять, на сколько важною и

своевременною является дальнѣйшая теоретическая разработка аграрнаго вопроса. Всякую серьезную попытку хотя бы отчасти разобраться въ массѣ фактовъ сельско-хозяйственной исторіи и сельско-хозяйственной дѣйствительности можно только привѣтствовать, ибо даже небольшой шагъ впередъ въ этой сферѣ научнаго знанія можетъ имѣть не только крупный теоретическій интересъ, но и важное практическое значеніе.

Главное свое вниманіе авторы обѣихъ, изданныхъ „Сотрудничествомъ", книгъ удѣляютъ только что указанному нами основному вопросу теоріи сельско-хозяйственнаго развитія—вопросу объ общемъ направленіи сельско-хозяйственной эволюціи. Г. Огановскій подвергаетъ съ этою цѣлью критическому разбору «три теоріи капиталистическаго развитія», имѣющіяся въ русской соціалистической литературѣ, а именно: формулированную еще въ 90-хъ годовъ теорію г. Ильина, который нашелъ, что русское крестьянское хозяйство давно уже вступило въ фазу капиталистическаго развитія; позднѣйшую теорію г. Маслова, который полагаетъ, что оно непремѣнно вступитъ въ эту фазу, какъ только будутъ устранены обстоятельства, препятствующія развитію его производительныхъ силъ, и, наконецъ, послѣднюю по времени появленія, теорію г. Лященко, который, хотя и считаетъ капиталистическую фазу въ сельско-хозяйственномъ развитіи неизбѣжною, но откладываетъ ее на неопредѣленный срокъ,—до того времени, когда торговый капиталъ подготовитъ необходимыя для этого условія. Въ сжатой и выпуклой формѣ г. Огановскій излагаетъ каждую изъ этихъ теорій, затѣмъ вскрываетъ логическія и фактическія, методологическія и принципіальныя погрѣшности, допущенныя ихъ авторами, и приходитъ въ концѣ концовъ къ заключенію, что всѣ онѣ не состоятельны. Имѣющіяся въ нихъ ошибки (многія изъ нихъ уже раньше были отмѣчены въ литературѣ) подчасъ настолько очевидны, что г. Огановскій позволяетъ даже себѣ ставить въ нѣкоторыхъ случаяхъ вопросъ о добросовѣстности (напримѣръ, по отношенію къ г. Маслову—стр. 105—106). Эти и другія полемическія увлеченія не помѣшали, однако, ему признать извѣстный прогрессъ, совершенный марксистскою мыслью въ сферѣ аграрнаго вопроса въ теченіе 10 лѣтъ, протекшихъ отъ появленія теоріи г. Ильина до появленія теоріи г. Лященко.

Попутно съ разборомъ «теорій капиталистическаго развитія», г. Огановскій устанавливаетъ нѣкоторые факты, имѣющіе немаловажное значеніе при выясненіи направленія, въ которомъ происходитъ аграрная эволюція. Такъ, онъ констатируетъ, что неоднородность крестьянскихъ хозяйствъ, разсматриваемая въ ея статикѣ, вовсе не такъ велика, какъ это склонны изображать марксистскіе теоретики (стр. 19—39); что въ динамикѣ наблюдается обыкно-

венно общая «подвижка вверхъ» или «подвижка внизъ», а не рѣдко происходитъ и «нивеллировка»,—нивеллировка даже тамъ, гдѣ марксисты видятъ или предполагаютъ «дифференціацію» (стр. 104—110); что широкое участіе въ мѣновомъ процессѣ вовсе еще не доказываетъ буржуазности мелкаго земледѣльческаго хозяйства (стр. 127—130) и т. .д. Вообще этотъ отдѣлъ книги, хотя въ немъ и имѣются слабыя мѣста и спорныя положенія, представляется, на нашъ взглядъ, наиболѣе удавшимся автору.

Не ограничиваясь критическимъ разборомъ «теорій капиталистическаго развитія», авторъ знакомитъ насъ въ той-же книгѣ и съ положительными выводами изъ предпринятаго имъ изслѣдованія. Во II отдѣлѣ онъ излагаетъ свою точку зрѣнія на «общій ходъ и фазисы аграрной эволюціи»,—другими словами: даетъ свою теорію развитія сельскаго хозяйства,—развитія его не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, на протяженіи всѣхъ вѣковъ. Для обоснованія ея онъ пользуется фактическими данными и русскими, и западно-европейскими, и американскими, и австралійскими, и азіатскими,—данными древнихъ вѣковъ и новѣйшаго времени.

Въ общемъ изложеніе этого отдѣла отличается бѣглостью и разбросанностью. Отчасти это объясняется сложностью и громоздкостью самаго вопроса, а также обиліемъ и разнообразіемъ имѣющихся матеріаловъ, но въ значительной мѣрѣ, какъ мы думаемъ, и неумѣніемъ автора справиться съ поставленной имъ себѣ задачей. Такъ, онъ не формулировалъ вопросовъ, на которые должна отвѣтить его теорія, и не опредѣлилъ рамокъ предпринятаго имъ изслѣдованія. Политическіе, напримѣръ, факторы онъ то вовсе исключаетъ изъ разсмотрѣнія, сосредоточивая все вниманіе на экономическихъ, то вводитъ ихъ въ кругъ изслѣдованія. Нерѣдко, далѣе, онъ ставитъ тезисы, имѣющіе, казалось бы, отдаленное отношеніе къ основной линіи его разсужденій и, дѣйствительно, какъ оказывается потомъ, излишніе для даваемой имъ въ заключеніи схемы.

Обоснованіе многихъ положеній (нерѣдко очень отвѣтственныхъ и даже рискованныхъ) представляется не только недостаточнымъ, но подъ часъ и ненаучнымъ. Напримѣръ, желая доказать, что «эволюція распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ отъ начала до конца противоположна таковой же въ индустріи», г. Огановскій ссылается, между прочимъ, на то, что «власть надъ основнымъ средствомъ производства—землей» въ средніе вѣка принадлежала крупнымъ землевладѣльцамъ, т. е. феодаламъ, а теперь-де и въ Бельгіи, и въ Германіи, и въ Даніи, и въ Великобританіи до 3/4 земельной площади принадлежитъ (находится въ пользованіи?) среднимъ и мелкимъ хозяевамъ (152—153). Авторъ, повидимому, совершенно упускаетъ изъ виду, что «власть надъ землей» въ феодальномъ строѣ и власть надъ землею при институтѣ личной собственности качественно различны между собою, и уже поэтому

сдѣланное имъ количественное сопоставленіе ничего въ сущности не доказываетъ. Если «во всей Германіи къ концу среднихъ вѣковъ не было ни одного клочка обработанной земли, за право пользованія которымъ крестьянинъ не былъ обязанъ платить подать и отбывать повинность сеньору, королю, духовенству» (152), то и теперь—можно вѣдь сказать—нѣтъ такого клочка земли, за который крестьянинъ не былъ бы обязанъ платить подать и отбывать повинность, если не помѣщику и епископу, то муниципіи и государству. «Власть надъ землею» не исчезла, она только раздробилась, при чемъ государственная власть надъ нею дифференцировалась отъ частной и перешла въ другія руки,—правильнѣе даже сказать: органы государственной власти измѣнились. Какъ была распредѣлена въ средніе вѣка частная власть надъ землею, находившаяся въ скрытомъ состояніи, выяснить трудно и даже невозможно, а потому и сравнивать тогдашнее ея распредѣленіе съ нынѣшнимъ нельзя.

Возьмемъ другой примѣръ. Желая выяснить читателямъ лично для г. Огановскаго совершенно ясную «аксіому, что индустрія всегда была исключительно мѣновымъ производствомъ», онъ приравниваетъ барское крѣпостное и рабовладѣльческое хозяйство къ средневѣковому городскому. «Какъ ремесленники въ городахъ — пишетъ г. Огановскій—получали жизненные припасы изъ окрестныхъ деревень въ обмѣнъ на свои фабрикаты, такъ рабъ и крѣпостной холопъ получали отъ барина пропитаніе въ обмѣнъ на свои» (140). При такомъ пониманіи «мѣнового» хозяйства его можно найти всюду, гдѣ имѣется раздѣленіе труда; — даже въ замкнутомъ семейномъ хозяйствѣ обмѣнъ имѣется: жена доитъ коровъ, мужъ молотитъ хлѣбъ, и потомъ они «обмѣниваются» своими продуктами...

Терминологія, употребляемая г. Огановскимъ, вообще представляется не совсѣмъ удачной, далеко не всегда выдержанной, а мѣстами и прямо неправильной. Такъ, напримѣръ, принимая марксовское дѣленіе капитала на постоянный и перемѣнный, онъ относитъ къ послѣднему «сырье» и частью «удобреніе» (стр. 125—126), имѣя, очевидно, въ виду не перемѣнный, а оборотный капиталъ. И это не случайная обмолвка: то же самое встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ (стр. 294 и др.).

Приходится, далѣе, считаться съ тѣмъ, что сопредѣльныя понятія не всегда строго различаются авторомъ,—напримѣръ, владѣніе и пользованіе, относительные размѣры и абсолютные и т. д., — и читателямъ трудно бываетъ уяснить себѣ, о чемъ именно идетъ рѣчь. Къ кому, напримѣръ, относятся статистическія данныя на 147—149 стр., долженствующія доказать, что въ Англіи и другихъ западно-европейскихъ странахъ не наблюдается обнищанія низшихъ слоевъ, а, напротивъ, на ряду съ концентраціей капиталовъ, происходитъ общая «подвижка вверхъ»? Относятся ли эти данныя,

какъ сказано въ заголовкахъ таблицъ, къ «плательщикамъ» налоговъ (въ такомъ случаѣ онѣ ничего не доказываютъ, потому что «нищихъ» нужно искать среди не-«плательщиковъ») или же ко всему населенію?

Точно такъ же, когда авторъ доказываетъ, что «натуральные хозяйственные расходы» растутъ вмѣстѣ съ общимъ ходомъ аграрной эволюціи, то для читателя въ нѣкоторыхъ случаяхъ остается неяснымъ, имѣетъ ли авторъ въ виду абсолютные или относительные размѣры этихъ расходовъ. Между тѣмъ, этотъ тезисъ представляется однимъ изъ очень рискованныхъ,—въ обоснованіи его, казалось бы, нужно было проявить особую осмотрительность. Укажемъ, напримѣръ, хотя бы слѣдующее: съ увеличеніемъ интенсивности хозяйства, количество сѣмянъ, высѣваемыхъ на одну десятину, увеличивается, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что увеличивается натуральный расходъ хозяйства: сѣмянныя хозяйства, какъ извѣстно, все больше и больше обособляются отъ продуктивныхъ, и расходъ на сѣмена въ послѣднихъ все чаще и чаще является не натуральнымъ, а денежнымъ. Точно такъ же и въ расходахъ на удобреніе вмѣстѣ съ ходомъ аграрной эволюціи наблюдается увеличеніе денежныхъ тратъ сравнительно съ натуральными. Не сводится ли вообще увеличеніе послѣднихъ только къ большимъ затратамъ «пріемовъ живого труда», и какъ это сказывается на общемъ ихъ итогѣ и на соотношеніи съ итогомъ денежныхъ расходовъ,— остается невыясненнымъ. Но даже и тѣ данныя и соображенія, которыя приведены по этому вопросу авторомъ, какъ уже сказано, далеко не ясны. Между тѣмъ, выставленный имъ тезисъ является однимъ изъ видныхъ, и онъ неоднократно возвращается къ нему въ своихъ построеніяхъ...

Въ общемъ, «положительная» часть труда г. Огановскаго оставляетъ въ читателѣ чувство неудовлетворенности. Безспорно, въ ней имѣется много оригинальныхъ и вообще интересныхъ мыслей, много любопытныхъ и цѣнныхъ данныхъ, но о теоріи г. Огановскаго въ ея цѣломъ читатель получаетъ очень смутное представленіе и, главное, вовсе не выноситъ убѣжденія, что она достаточно обоснована.

Но что это все-таки за теорія? Какъ ее, по крайней мѣрѣ, назвать въ отличіе отъ «теорій капиталистическаго развитія», съ разбора которыхъ авторъ началъ? Въ концѣ книги настойчиво повторяется,—къ слову сказать, нѣсколько неожиданный по своей категоричности и обобщающему значенію для всей работы,—выводъ: мелкое хозяйство—самое интенсивное, среднее—самое выгодное. Интенсивностью мелкаго хозяйства и выгодностью средняго опредѣляется, по мнѣнію г. Огановскаго, основная линія аграрной эволюціи. Судя по этому, его теорію необходимо отнести къ числу «смѣшанныхъ»...

Программные выводы, которые авторъ дѣлаетъ изъ своей теоріи,

такъ же представляются нѣсколько неожиданными. Такъ, онъ является сторонникомъ «обобществленія», остается, стало быть, соціалистомъ. Но онъ и самъ предвидитъ, что читатель, усвоившій его теорію, можетъ спросить: «да нужно ли это обобществленіе»? «Мы все время,—пишетъ г. Огановскій,—подчеркивали техническія преимущества мелкаго, трудового, индивидуальнаго хозяйства. Но если этотъ типъ хозяйства имѣетъ *всѣ* преимущества передъ прочими, то дальше онъ не разовьется, и территорія любой страны превратится въ мужицкое царство—«мелкой буржуазіи», по терминологіи гг. марксистовъ. Образецъ такой страны мы имѣемъ, хотя бы въ Даніи—образецъ не плохой, но далекій отъ того идеала, къ которому мы стремимся. Не слѣдуетъ ли отсюда, что этотъ идеалъ неосуществимъ» (306). Къ счастью для идеала, мелкое хозяйство имѣетъ не «всѣ» преимущества передъ прочими,—имѣется преимущество и у средняго хозяйства: оно, какъ мы знаемъ уже, выгоднѣе. Отсюда и программный выводъ: «сочетаніе наибольшей интенсивности съ наибольшей выгодностью даетъ среднее кооперативное хозяйство—т. е. соединеніе въ одну группу нѣсколькихъ десятковъ или нѣсколькихъ мелкихъ индивидуальныхъ хозяйствъ» (307). Только такъ и только такое «обобществленіе» производства авторъ могъ связать съ своей теоріей. Еще слабѣе привязано къ ней «обобществленіе» земли. Необходимость послѣдняго г. Огановскій аргументируетъ тѣмъ, что «по послѣднимъ извѣстіямъ, въ Италіи кооперативное хозяйство начинаетъ возникать на *арендованной землѣ*... Мы думаемъ,—продолжаетъ онъ,—что первые шаги въ этомъ направленіи и будутъ дѣлаться на *чужой* или общей, а не на *своей* землѣ... Вотъ почему мы думаемъ, что кооперація въ самомъ сельскохозяйственномъ производствѣ требуетъ не только техническихъ, но и политическихъ, и психологическихъ предпосылокъ. Политическія предпосылки въ данномъ случаѣ—обобществленіе земли». (307). Такъ думаетъ г. Огановскій. Мы же думаемъ... что національзація земли имѣетъ въ свою пользу другіе аргументы, несравненно болѣе убѣдительные, чѣмъ «послѣднія извѣстія изъ Италіи»; имѣетъ она и другія задачи, несравненно болѣе важныя, чѣмъ «первые шаги» коопераціи. Думаемъ, что они извѣстны и г. Огановскому. Иначе трудно объяснить, почему онъ рѣшилъ остаться соціалистомъ наперекоръ своей теоріи. Обосновать на ней соціалистическую программу довольно трудно. Не даромъ у г. Огановскаго, пожелавшаго это сдѣлать, получилось такое куцое «обобществленіе»: «соединеніе въ одну группу нѣсколькихъ десятковъ или нѣсколькихъ мелкихъ индивидуальныхъ хозяйствъ». Если это и есть тотъ «рай», который, заканчивая первый отдѣлъ своей книги, авторъ обѣщалъ воочію показать читателямъ, то нужно сказать, что онъ довольно далеко отстоитъ отъ соціалистическаго.

Мы имѣемъ пока лишь первую часть труда г. Огановскаго. Предстоятъ еще двѣ части, которыя будутъ посвящены конкрет-

ному изложенію аграрной эволюціи въ Россіи. Выводы, къ которымъ пришелъ авторъ, будутъ подкрѣплены имъ историческими данными и провѣрены путемъ географическаго метода—на «живой исторіи», какую представляетъ изъ себя раскинутая на громадное пространство сельско-хозяйственная жизнь Россіи. Возможно, что по выходѣ этихъ дальнѣйшихъ частей труда г. Огановскаго, мы найдемъ его теорію болѣе ясной, стройной и обоснованной. Пока же... Хорошій и свѣдущій статистикъ показалъ себя—на нашъ, по крайней мѣрѣ, взглядъ — недостаточно сильнымъ, умѣлымъ и осмотрительнымъ теоретикомъ, чтобы справиться съ громадною, сложною и трудною задачею, которую онъ взялъ на себя въ полномъ ея объемѣ. Думаемъ, что было бы лучше, если бы онъ ограничился отдѣльными ея частями. Въ ней слишкомъ много неизвѣстныхъ, нужно много еще составить уравненій, да и тѣ, которыя уже составлены, не лишне провѣрить. И участіе въ этой работѣ г. Огановскаго безусловно полезно для дѣла.

Работа г. Суханова выгодно отличается отъ только что разсмотрѣнной своею стройностью и логичностью. Авторъ, прежде всего, точно формулируетъ вопросъ, которымъ онъ намѣренъ заняться. При этомъ онъ отмѣчаетъ ошибку, какую допускали въ его постановкѣ нѣкоторые другіе изслѣдователи, не разграничивавшіе въ своихъ работахъ двухъ, существенно различныхъ, вопросовъ: съ одной стороны, вопроса о мелкомъ и крупномъ хозяйствахъ, съ другой—вопроса о капиталистическомъ и трудовомъ хозяйствахъ (не лишне будетъ сказать, что не разграничилъ ихъ и г. Огановскій, и это, быть можетъ, явилось важнѣйшей помѣхой въ его построеніяхъ). „Результаты этого,—говоритъ г. Сухановъ,—оказались самые печальные. Крупное земледѣліе стало синонимомъ капиталистического, а мелкое синонимомъ некапиталистическаго, крестьянскаго, трудового» (стр. 17). До извѣстной степени это, пожалуй, соотвѣтствуетъ современной дѣйствительности, въ которой мелкое хозяйство чаще всего является трудовымъ, а крупное—капиталистическимъ. Но въ теоріи мыслимо и въ дѣйствительности возможно, что трудовое хозяйство не будетъ мелкимъ (напримѣръ, кооперативное или обобществленное хозяйство) и, наоборотъ, что крупное хозяйство не является капиталистическимъ (напримѣръ, рабовладѣльческое хозяйство). Нельзя поэтому то, что свойственно мелкому хозяйству, приписывать трудовому и то, что свойственно крупному, приписывать капиталистическому, или наоборотъ. Это отдѣльные вопросы и рѣшать ихъ нужно независимо одинъ отъ другого.

Останавливаясь на вопросѣ о сравнительныхъ преимуществахъ мелкаго и крупнаго хозяйствъ, г. Сухановъ находитъ, что это вопросъ—технико экономическій и можетъ быть правильно разрѣ-

шенъ лишь при предположенiи одинаковыхъ для того и другого соцiальныхъ условiй. Поэтому нельзя его рѣшать исключительно «индуктивно статистическимъ» путемъ, основываясь на томъ только, какое изъ хозяйствъ—крупное или мелкое—побѣждаетъ въ современномъ соцiальномъ строѣ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо уяснить себѣ, отъ чего зависитъ преимущество того или другого изъ нихъ,—не объясняется ли оно какими-либо другими ихъ свойствами, кромѣ размѣровъ. Разсмотрѣвъ съ этой точки зрѣнiя доводы, приводимые въ пользу преимуществъ мелкаго хозяйства въ земледѣлiи, г. Сухановъ не нашелъ въ нихъ «ни малѣйшаго намека на технико-экономическiя преимущества мелкаго земледѣлiя передъ крупнымъ». «Наоборотъ,—говоритъ онъ,—мы видѣли громадныя преимущества крупнаго земледѣлiя, — по существу своему и по характеру тѣ же самыя, что и въ индустрiи: это, во-первыхъ, экономiя во всѣхъ элементахъ хозяйства, во-вторыхъ, возможность использовать выгоды раздѣленiя труда и, въ третьихъ, возможность несравненно болѣе полно использовать завоеванiя техники. Правда,—прибавляетъ г. Сухановъ—многiя спецiальныя свойства земледѣльческаго процесса въ конечномъ счетѣ сильно уменьшаютъ степень всѣхъ этихъ преимуществъ крупнаго хозяйства и сильно смягчаютъ разницу между крупнымъ и мелкимъ земледѣлiемъ сравнительно съ нѣкоторыми отраслями индустрiи; но мы видѣли, что нѣкоторыя другiя спецiальныя же свойства земледѣлiя, напротивъ, требуютъ организацiи земледѣлiя въ крупныхъ размѣрахъ и сообщаютъ крупному сельскому хозяйству еще особыя преимущества передъ мелкимъ, помимо перечисленныхъ и помимо свойственныхъ крупной индустрiи» (82—83). Если же во многихъ случаяхъ современное мелкое хозяйство побѣждаетъ крупное, то благодаря лишь соцiальнымъ своимъ преимуществамъ, благодаря тому, что оно является трудовымъ; и, наоборотъ, если современное крупное хозяйство часто оказывается не въ состоянiи воспользоваться преимуществами своего размѣра, то только въ силу соцiальныхъ условiй, только потому, что оно является капиталистическимъ.

Доводы въ пользу мелкаго сельскаго хозяйства были выдвинуты, какъ извѣстно, нѣмецкими «ревизiонистами» во главѣ съ Давидомъ. Но для своей критики г. Сухановъ предпочелъ воспользоваться работой г. Быховскаго (въ I т. «Борьбы за землю»), человѣка одного съ нимъ направленiя, при чемъ отнесся къ ней съ излишнею, на нашъ взглядъ, и даже не совсѣмъ понятною рѣзкостью,—непонятною хотя бы потому ужъ, что г. Сухановъ видитъ въ этой работѣ не больше, какъ компиляцiю. Между тѣмъ, работы Давида и другихъ нѣмецкихъ и русскихъ изслѣдователей, сосредоточившихъ свое вниманiе на сравнительныхъ преимуществахъ современныхъ хозяйствъ различнаго размѣра, внесли, по нашему мнѣнiю, очень много цѣннаго въ изученiе аграрной эво-

люціи. Послѣ того, какъ вскрыта основная ошибка, а именно смѣшеніе вопросовъ о мелкомъ и трудовомъ хозяйствахъ, многія изъ высказанныхъ этими изслѣдователями соображеній и установленныхъ ими фактовъ сравнительно легко могутъ быть использованы для рѣшенія вопроса объ общемъ направленіи сельско-хозяйственной эволюціи въ болѣе правильной его постановкѣ. Не только могутъ, но и должны быть использованы. Надо сказать, что свои выводы о технико-экономическихъ преимуществахъ крупнаго хозяйства г. Сухановъ получилъ дедуктивнымъ путемъ и, хотя онъ считаетъ отнынѣ этотъ вопросъ «безспорно и безусловно» рѣшеннымъ, такъ какъ онъ убѣдился «въ полномъ фактическомъ отсутствіи доводовъ противъ технико-экономическихъ преимуществъ коллективно-крупнаго земледѣлія» (стр. 84), однако въ дѣйствительности надъ этимъ вопросомъ еще не мало придется поработать и прежде всего при помощи «индуктивно-статистическаго» метода, примѣненіе котораго въ данномъ случаѣ г. Сухановъ какъ будто отрицаетъ. Логическіе выводы изъ нѣкоторыхъ общихъ положеній должны быть провѣрены на фактахъ сельско-хозяйственной дѣйствительности. Не говоря объ ошибкахъ, достаточно въ данномъ случаѣ напомнить о возможныхъ пробѣлахъ. Если г. Сухановъ не нашелъ доводовъ противъ преимуществъ крупнаго хозяйства въ литературѣ, то это не значитъ еще, что ихъ нѣтъ и въ жизни. Главное же, при изученіи аграрной эволюціи нельзя ограничиться рѣшеніемъ логически выдѣленныхъ вопросовъ: ихъ необходимо свести въ систему, которая могла бы охватить сельско-хозяйственную дѣйствительность во всей ея живой сложности и разнообразіи.

Допустимъ, въ самомъ дѣлѣ, что тезисъ о преимуществахъ крупнаго хозяйства надъ мелкимъ безспоренъ и что при нѣкоторыхъ—«идеальныхъ», какъ выражается г. Сухановъ—соціальныхъ условіяхъ первое непремѣнно восторжествуетъ надъ послѣднимъ. Но этимъ вѣдь не опредѣляется еще ходъ аграрной эволюціи въ данномъ строѣ, при данной соціальной обстановкѣ, до наступленія «идеальныхъ» условій. Возможна вѣдь такая, напримѣръ, комбинація: трудовое хозяйство будетъ давить на капиталистическое своими соціальными преимуществами, а капиталистическое будетъ давить на трудовое своими размѣрами и связанными съ ними технико-экономическими примуществами,—и это будетъ длиться на столько долго, что «идеальныя условія» отодвинутся куда-то совсѣмъ вдаль, чуть не на безконечное разстояніе. Во всякомъ случаѣ, вопросы о судьбахъ мелкаго и крупнаго хозяйства, съ одной стороны, трудового и капиталистическаго,—съ другой, будутъ рѣшаться въ жизни не отдѣльно, не въ томъ изолированномъ видѣ, какой дала имъ наша логика, и не одинъ за другимъ, а одновременно и вмѣстѣ, въ томъ прихотливомъ и болѣзненномъ сочетаніи, какое наблюдается сейчасъ и которое обусловило ошибку ревизіо-

нистовъ. Стало быть, и изучить ихъ нужно не только отдѣльно, но и въ этомъ сочетаніи. А для этого очень и очень пригодятся тѣ данныя, которыя установлены ревизіонистами и другими изслѣдователями, которыхъ г. Сухановъ къ нимъ причисляетъ.

Переходя къ вопросу о трудовомъ и капиталистическомъ хозяйствахъ, г. Сухановъ прежде всего устанавливаетъ его границы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предѣлы своего изслѣдованія. При этомъ послѣдніе онъ постепенно все болѣе и болѣе суживаетъ. Самый вопросъ отливается для него въ такую, приблизительно, форму: если крупное хозяйство экономически совершеннѣе мелкаго, то оно, несомнѣнно, въ концѣ концовъ восторжествуетъ, стало быть, въ грядущемъ обобществленіи сельско-хозяйственнаго производства можно не сомнѣваться; вопросъ можетъ быть только въ томъ, какимъ путемъ осуществится это обобществленіе? Въ состояніи ли выполнить эту задачу капитализмъ? Только этотъ вопросъ г. Сухановъ и ставитъ. Въ дальнѣйшемъ онъ его еще больше суживаетъ.

Принципіальныхъ препятствій къ тому, чтобы капиталъ овладѣлъ сельскимъ хозяйствомъ,—нѣтъ. Возможность такая есть, осуществится ли она—это должна рѣшить жизнь. И выяснить этотъ вопросъ—вопросъ: «быть или не быть капитализму въ земледѣліи»—можно только при помощи «эмпирическаго изученія сельско-хозяйственной дѣйствительности», т. е. «индуктивно-статистическимъ» путемъ. Но подвергать для этого изученію всю почти необъятную сельско-хозяйственную дѣйствительность г. Сухановъ считаетъ невозможнымъ и излишнимъ. Онъ ограничиваетъ предѣлы своего изученія Россіей, но и это поле изученія онъ еще суживаетъ. Нужно вѣдь установить фактъ: развивается ли капитализмъ, организуетъ ли и концентрируетъ ли онъ сельское хозяйство, а для этого достаточно найти, по мнѣнію г. Суханова, «надежныхъ свидѣтелей». Помѣщичьи хозяйства—и дворянскія, и купеческія—отнести къ числу надежныхъ свидѣтелей онъ считаетъ невозможнымъ. «Вполнѣ достовѣрнымъ и безусловнымъ свидѣтельствомъ развитія капитализма—говоритъ онъ—можетъ послужить только возникновеніе и развитіе его въ сферѣ мелкаго крестьянскаго хозяйства.... Только въ этомъ случаѣ можно констатировать съ полною несомнѣнностью, что земледѣльческій капитализмъ твердо сталъ на ноги и выполняетъ и въ сферѣ сельскаго хозяйства ту же «историческую миссію», что и въ индустріи» (29).

Но и область крестьянскаго хозяйства г. Сухановъ беретъ не всю. Вопросъ о развитіи капитализма въ этой сферѣ въ русской литературѣ не разъ уже ставился, и ставился, обыкновенно, въ формѣ вопроса о двухсторонней дифференціаціи, о расслоеніи крестьянства на «капиталистовъ» и «пролетаріевъ». Г. Сухановъ находитъ возможнымъ «вполнѣ удовольствоваться одностороннимъ процессомъ роста одной группы—безъ всякаго отношенія къ состоянію всего остального земледѣльческаго крестьянства—для того, чтобы

признать наличность и развитіе капитализма въ земледѣліи» (145). Его интересуетъ, главнымъ образомъ, «ростъ именно высшихъ группъ» крестьянства, такъ какъ среди нихъ только и могутъ быть представители развивающагося сельско-хозяйственнаго крестьянскаго капитализма». Что касается другой стороны процесса—пролетаризаціи,—то вѣдь «принципіально» для развитія капитализма «не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, кто такіе тѣ рабочіе, которые создаютъ предпринимателямъ прибавочную стоимость, и откуда они взялись—хотя бы всѣ поголовно изъ-за границы» (146)...

Но и «высшія группы» крестьянства интересуютъ г. Суханова далеко не въ полномъ ихъ составѣ и не всѣми сторонами своего хозяйства. Непремѣннымъ признакомъ капиталистическаго хозяйства является наемный трудъ, и поэтому онъ считаетъ возможнымъ ограничить предѣлы своего изслѣдованія лишь хозяйствами съ наемными рабочими и изучать ихъ не всесторонне, а лишь со стороны найма, привлекая къ разсмотрѣнію другіе факторы хозяйства постольку лишь, поскольку они находятся въ связи съ условіями и формами найма.

Какъ видятъ читатели, область своего изслѣдованія г. Сухановъ—не въ примѣръ г. Огановскому—ограничилъ очень узенькою полоскою сельско-хозяйственной дѣйствительности. Не будемъ касаться развитыхъ имъ аргументовъ, въ силу которыхъ онъ долженъ былъ и могъ ограничиться этой именно полоской. Если бы онъ намъ сказалъ, что только она посильна была для него или что только она и интересовала его, то и такимъ объясненіемъ мы должны были бы удовлетвориться. Выбрать поле для изслѣдованія, это—его право, а наше—посмотрѣть, что онъ на немъ сдѣлалъ.

Поработалъ на своей полоскѣ г. Сухановъ не безплодно. Онъ отмѣтилъ интересныя соотношенія между различными явленіями сельско-хозяйственной дѣйствительности, и нѣкоторыми изъ этихъ соотношеній, вѣроятно, воспользуются дальнѣйшіе изслѣдователи, а если они не захотятъ воспользоваться, то признаютъ нужнымъ такъ или иначе съ ними посчитаться. Мы приведемъ здѣсь одно изъ этихъ соотношеній,—то, которое авторъ считаетъ важнѣйшимъ и къ которому онъ сводитъ всѣ остальныя. Формулировалъ онъ его такъ: «по мѣрѣ развитія промысловой дѣятельности производящаго населенія какой-либо мѣстности, значеніе въ ней крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ и земледѣльческаго капитализма понижается» (345). Выводъ безусловно интересный и въ высшей степени важный, хотя и формулированный съ большей категоричностью, чѣмъ давали на то право разсмотрѣнныя авторомъ данныя. Учета *капиталистическихъ* хозяйствъ по мѣстностямъ съ различнымъ развитіемъ промысловой дѣятельности, какъ онъ самъ указываетъ, имъ не дано: вмѣсто «капиталистическихъ» хозяйствъ для сопоставленія имъ взяты просто числа наиболѣе крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ (многопосѣвныхъ) или, какъ онъ выра-

жается, «сферы, въ которыхъ можетъ существовать земледѣльческій капитализмъ». Но не будемъ спорить, возьмемъ выводъ, какъ онъ формулированъ. Дѣло въ томъ, что г. Сухановъ не завершаетъ имъ своей работы, а идетъ дальше.

Фактъ онъ возводитъ въ законъ,—въ «законъ развитія сельскаго хозяйства», который онъ формулируетъ такъ: «развитіе промысловъ обусловливаетъ паденіе земледѣльческаго капитализма, является причиной разложенія капиталистическихъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій». А такъ какъ развитіе промысловъ,—хотя бы въ формѣ отхода на сторону, хотя бы отхода, скажемъ словами самого г. Суханова, «за границу»,—является, по его мнѣнію, признакомъ развитія производительныхъ силъ населенія данной «мѣстности», ея экономическаго развитія, то тотъ же законъ онъ облекаетъ и въ другую формулу. «*Высшія ступени экономическаго развитія и тѣ условія, которыя свойственны высшему развитію производительныхъ силъ*—пишетъ и подчеркиваетъ г. Сухановъ,—не только не являются условіями, въ которыхъ возможно и неизбѣжно развитіе земледѣльческаго капитализма, не только не создаютъ почвы для его расцвѣта, но *парализуютъ и исключаютъ его развитіе*» (371). Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ или,—что то же, по мнѣнію г. Суханова,—съ развитіемъ капитализма въ другихъ областяхъ, земледѣльческій капитализмъ, являющійся «спутникомъ болѣе первобытныхъ ступеней экономическаго развитія», долженъ разложиться и исчезнуть.

При помощи «маленькой заграничной экскурсіи» или, другими словами, краткой «справки» г. Сухановъ распространяетъ этотъ законъ на весь міръ и объясняетъ его такъ: «Земледѣльческій капитализмъ потому умираетъ съ ростомъ индустріи, что неблагопріятныя его свойства не позволяютъ ему обезпечить своимъ рабочимъ нормальный уровень вознагражденія труда капиталомъ и удержать въ своемъ распоряженіи рабочую силу, перетекающую въ индустрію».

Сдѣланы г. Сухановымъ и программные выводы. Таковыми являются: во-первыхъ, обобществленіе земли въ цѣляхъ обезпеченія этимъ средствомъ производства трудовыхъ хозяйствъ и вытѣсненія капиталистическихъ; и, во-вторыхъ, обобществленіе сельско-хозяйственнаго производства при помощи созданія производственной сельско-хозяйственной кооперацiи трудовыхъ земледѣльцевъ или же муниципализаціи отдѣльныхъ отраслей и отдѣльныхъ операцій сельско-хозяйственнаго производства (стр. 406—407).

Не безплодно—сказали мы—поработалъ г. Сухановъ на облюбованной имъ узенькой полоскѣ. Онъ построилъ широкую теорію и связалъ съ ней опредѣленныя программныя требованія. Когда же мы отъ «заключенія» съ его программными выводами возвращаемся къ предисловію и читаемъ тамъ, что отъ «основныхъ положеній», развитыхъ авторомъ, зависитъ судьба цѣлаго направленія (народ-

ническаго), и что «оно можетъ твердо стоять на ногахъ *только* въ случаѣ правильности этихъ положеній» (стр. 7—8), то намъ становится даже нѣсколько страшно. Ну, а вдругъ возведенная на такомъ узкомъ фактическомъ основаніи теорія автора рухнетъ!?

Не оспаривая этой теоріи и не возражая противъ связанныхъ съ нею программныхъ выводовъ, мы, тѣмъ не менѣе, думаемъ, что она далеко не достаточно обоснована г. Сухановымъ. Слишкомъ тѣсными для этого предѣлами ограничилъ онъ свою работу, и слишкомъ много за этими предѣлами остается вопросовъ, которые остались внѣ круга его зрѣнія. Попробуемъ, въ самомъ дѣлѣ, встать на точку зрѣнія противниковъ развитой г. Сухановымъ теоріи, даже просто лицъ, заранѣе къ ней не предрасположенныхъ. Пройдемъ еще разъ по лѣстницѣ ограниченій, по которой мы шли къ его „полоскѣ". Бѣгло пробѣжимъ...

Г. Сухановъ поставилъ вопросъ: въ состояніи ли капитализмъ обобществить сельское хозяйство? Но почему же онъ не поставилъ и другого вопроса: въ состояніи ли это сдѣлать кооперація? Можетъ быть, и она не въ состояніи? Можетъ быть, обобществленіе произойдетъ какимъ либо другимъ путемъ, или окажется недостижимымъ идеаломъ. Можетъ вѣдь и то быть, что въ одной своей части сельское хозяйство будетъ подготовлено къ обобществленію капитализмомъ, въ другой—коопераціей, въ третьей—муниципализаціей...

Г. Сухановъ ограничилъ поле своего изслѣдованія Россіей. Могъ ли онъ свои выводы распространить на весь міръ? Что касается его „справки", то ей можно вѣдь противопоставить цѣлый рядъ другихъ, не предпринимая даже внутреннихъ экскурсій по заграничнымъ странамъ. Взять хотя бы такую справку: Германія или Англія на много опередили насъ въ экономическомъ развитіи, а земледѣльческій капитализмъ въ нихъ будетъ вѣдь покрѣпче нашего...

Г. Сухановъ ограничилъ свое изслѣдованіе крестьянскимъ хозяйствомъ, считая только его „вполнѣ достовѣрнымъ и безусловнымъ свидѣтелемъ развитія капитализма". Пусть такъ... Для того, чтобы установить фактъ, достаточно одного безусловно достовѣрнаго свидѣтеля. Но для того, чтобы отвергнуть фактъ капиталистическаго развитія? Не требовался ли для этого „повальный обыскъ"? Если крестьянское хозяйство не видало капиталистическаго развитія, то, можетъ быть, въ дворянскомъ или въ купеческомъ оно имѣется?

Г. Сухановъ ограничилъ поле своего изслѣдованія высшими группами крестьянства, заявивъ, что до пролетаризаціи ему мало дѣла, и что въ случаѣ чего капиталисты могутъ выписать себѣ рабочихъ хоть изъ-за границы. Но если такъ, то почему же капиталисты промысловыхъ мѣстностей не выписываютъ ихъ, разъ свои уходятъ въ индустрію и не возвращаются оттуда даже при безработицѣ,—не выписываютъ ихъ, если не изъ-за границы, то изъ земледѣльческихъ мѣстностей? Не слѣдовало ли бы обслѣдовать и

низшія группы крестьянства? И не оказалось ли бы при этомъ, что въ промысловыхъ мѣстностяхъ они, пользуясь подсобными заработками, крѣпче держатся за свое земледѣльческое хозяйство, и что дѣло не въ томъ только, что рабочіе уходятъ въ индустрію, но и въ томъ, что земля и прочія средства производства не такъ быстро концентрируются?

Г. Сухановъ намѣревался сосредочить свое вниманіе на хозяйствахъ, пользующихся наемными рабочими. Почему же онъ важнѣйшій свой выводъ обосновалъ на многопосѣвныхъ, а не на батрацкихъ хозяйствахъ? Или онъ не справился съ задачей и первоначальное его намѣреніе выразилось въ томъ только, что онъ свелъ все явленіе къ невозможности для капиталистическихъ хозяйствъ въ земледѣліи выплачивать нормальную заработную плату?

Мы вовсе не думаемъ оспаривать соотношенія между промысловою дѣятельностью и сельскимъ хозяйствомъ, какое нашелъ г. Сухановъ. Полагаемъ, что въ общемъ это соотношеніе подмѣчено имъ правильно, но оно, несомнѣнно, гораздо сложнѣе, чѣмъ обрисовано въ его книгѣ. Г. Сухановъ не обслѣдовалъ его достаточно всесторонне даже въ той сферѣ, которую отвелъ себѣ для изученія. Напримѣръ, работая надъ русскими данными и сводя въ концѣ концовъ весь вопросъ къ расцѣнкѣ наемнаго труда въ индустріи и сельскомъ хозяйствѣ, онъ совсѣмъ не принялъ въ разсчетъ нашей таможенной системы, которая сильнѣйшимъ образомъ вліяетъ и на эту расцѣнку, и вообще на взаимныя отношенія между земледѣліемъ и обрабатывающей промышленностью. Представьте себѣ, что таможенная стѣна будетъ, наконецъ, снесена или сильно понижена,— безъ этого невозможно вѣдь наше дальнѣйшее экономическое развитіе. Это безусловно измѣнитъ расцѣнку труда и продуктовъ въ благопріятную для сельскаго хозяйства сторону. Что же тогда? Наступитъ эпоха расцвѣта земледѣльческаго капитализма? Но вѣдь это противорѣчитъ той же самой теоріи, согласно которой вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ земледѣльческій капитализмъ регрессируетъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Г. Сухановъ считаетъ за безспорный фактъ, что рабочіе, ушедшіе въ индустрію, «ни въ какомъ случаѣ» не возвращаются въ сельское хозяйство,—не возвращаются даже въ случаѣ безработицы (387). Въ дѣйствительности, однако, массовое «обращеніе къ землѣ» бывало. Какъ это отражалось на капиталистическихъ и трудовыхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ? И какъ это отразится, если такое «обращеніе къ землѣ» повторится? Скажется ли оно усиленіемъ земледѣльческаго капитализма, или, напротивъ, новыми завоеваніями трудового хозяйства?

Даже такой крупный фактъ современной дѣйствительности, какъ финансово-экономическая политика, и такой памятный фактъ новѣйшей исторіи, какъ «обращеніе къ землѣ», остались внѣ круга зрѣнія г. Суханова...

Какъ уже сказано, мы не вправѣ протестовать, когда изслѣдователь ставитъ опредѣленные предѣлы своей работѣ, — въ особенности, когда это дѣлается имъ не случайно, а планомѣрно. Для успѣха изслѣдованія это полезно и даже необходимо. Но мы вправѣ претендовать, когда изслѣдователь забываетъ, что онъ имѣетъ дѣло лишь съ небольшой частью фактовъ, преднамѣренно или случайно имъ самимъ выдѣленныхъ, и начинаетъ трактовать такъ, какъ будто бы онъ познaлъ весь міръ во всей его сложности.

А такую именно склонность и проявилъ въ своей книгѣ, увлеченный своими логическими построеніями, г. Сухановъ,—склонность игнорировать или забывать то, что осталось за обведенными имъ границами, что не вошло въ заранѣе намѣченную имъ схему, и даже все то, что въ предѣлахъ этой схемы почему либо не попалось ему на глаза. Не будь этого, онъ, вѣроятно, самъ бы призналъ необходимымъ несравненно болѣе тщательно изслѣдовать отмежеванную себѣ область и внимательно осмотрѣться вокругъ, прежде чѣмъ выступать со своей широкой теоріей, — въ общемъ, можетъ быть, и правильной, но слишкомъ мало еще разработанной и далеко не обоснованной.

Въ началѣ мы сказали, что всякую серьезную попытку разобраться въ фактахъ сельско-хозяйственной эволюціи можно только привѣтствовать,—въ особенности въ виду громадной практической важности аграрнаго вопроса. Думаемъ, что такъ же слѣдуетъ отнестись и къ книгамъ, изданнымъ «Сотрудничествомъ». Правда, и послѣ появленія этихъ книгъ мы не имѣемъ достаточно обоснованной теоріи сельско-хозяйственнаго развитія,—хотя авторы и думаютъ, что каждый изъ нихъ разрѣшилъ эту задачу. Но вѣдь нельзя же и разсчитывать, что мы вотъ такъ-таки сразу и получимъ нужную теорію. Еще много придется поработать, еще много нужно фактовъ установить, еще много требуется спорныхъ и темныхъ пунктовъ выяснить,—и не сразу, конечно, удастся то, что уже извѣстно и что еще будетъ узнано, свести въ одну стройную и убѣдительную теорію. Пусть г. Огановскій черезчуръ разбросался и нѣсколько пренебрежительно, быть можетъ, отнесся къ требованіямъ логики; пусть г. Сухановъ черезчуръ сузилъ фактическую основу своей работы и, быть можетъ, не въ мѣру увлекся своими логическими построеніями; во всякомъ случаѣ, въ ихъ книгахъ имѣется не мало интересныхъ фактовъ и соображеній.

Возможно,—особенно при теперешнемъ настроеніи русской интеллигенціи,—что книги гг. Суханова и Огановскаго не получатъ достаточно широкаго распространенія. Широкіе круги читающей публики, вѣроятно, скорѣе заинтересовались бы новѣйшими фактами русской сельско-хозяйственной дѣйствительности, воспользоваться которыми ни тотъ, ни другой авторъ не имѣли еще воз-

можности, чѣмъ переработкой старыхъ фактовъ дореволюціоннаго періода. Вѣроятно, эти широкіе круги скорѣе бы заинтересовались какимъ нибудь новымъ споромъ—хотя бы о «національномъ лицѣ» г. Струве,—чѣмъ старымъ споромъ между марксизмомъ и народничествомъ, который многимъ кажется при данныхъ условіяхъ не важнымъ и, главное, прискучившимъ. Но найдутся, конечно, люди, которые понимаютъ, что разобраться необходимо во всей массѣ фактовъ сельско-хозяйственной исторіи и сельско-хозяйственной дѣйствительности, а не въ тѣхъ только, какими даритъ и будетъ дарить насъ насильно видоизмѣняемая сельско-хозяйственная жизнь Россіи. Найдутся люди, которые понимаютъ, что вопросъ, оказавшійся съ самаго начала и являющійся до сихъ поръ, несмотря на происшедшее сближеніе, спорнымъ между марксизмомъ и народничествомъ, имѣетъ значеніе и независимо отъ той роли, какую играютъ сейчасъ эти направленія въ жизни, что этотъ важный вопросъ дастъ о себѣ знать при всякой группировкѣ общественныхъ силъ, какъ бы она ни была отлична отъ прежней. Эти люди прочтутъ книги г.г. Суханова и Огановскаго,—и прочтутъ ихъ съ интересомъ и не безъ пользы.

А Пѣшехоновъ.

Новыя книги.

Августъ Стриндбергъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ третій. Изданіе В. М. Саблина. Москва 1909 («Супружескія идилліи». «Пасха». «Соната призраковъ»). Ц. 1 руб.

Чудакъ Стриндбергъ. Такъ опредѣляетъ Стриндберга—въ его отношеніи къ женщинѣ—авторъ одного обширнаго изслѣдованія относительно проблемъ, связанныхъ съ институтомъ брака.

Этому «чудаку» и принадлежатъ повѣсти и драмы рецензируемаго третьяго тома.

Передъ читателемъ цѣлая вереница ироническихъ «супружескихъ идиллій» и—если есть кто-нибудь виноватый, то виновата всегда—ворогъ Стриндберга—женщина. Ибо нѣтъ такого порока и недостатка, котораго не было бы у женщинъ Стриндберга. Кто всей душою хочетъ и жаждетъ семейнаго уюта? Конечно, герой Стриндберга. А кто, наоборотъ, рвется изъ дому, разрушая этотъ желанный герою уютъ? Конечно, женщина! («Неудача»). Нужно ли при этомъ говорить, что только мужчина обладаетъ настоящимъ родительскимъ чувствомъ, которое заставляетъ его противиться попыткамъ эмансипированной жены отдать своего ребенка—немедленно

послѣ рожденія—въ воспитательный домъ («Естественныя препятствія»)? Нужно ли говорить, что женщины только притворяются ненавидящими куреніе и попойки,—на самомъ же дѣлѣ охотно курятъ и пьютъ коньякъ съ «друзьями» въ то самое время, когда добронравный мужъ сидитъ дома и оплакиваетъ разрушенную мечту о счастьи вдвоемъ («Неудача»)? Нужно ли, наконецъ, говорить, что женщина ничего не умѣетъ и ни на что не способна—даже въ кругу обычныхъ женскихъ заботъ и дѣлъ? Стриндбергъ настолько «чудакъ», что женитъ ради конкретнаго доказательства на состоятельной дѣвушкѣ молодого адвоката и отправляетъ ихъ въ имѣніе жены хозяйничать («Единоборство»). Все происходитъ, какъ и слѣдовало ожидать по Стриндбергу. Жена ведетъ хозяйство. Кухарка ежемѣсячно расходуетъ, т. е. ставитъ въ счетъ, 20 фунтовъ кофе, и «женщинѣ» никогда не приходитъ въ голову, что 20 фунтовъ кофе—черезчуръ много для какой угодно большой семьи! Но вотъ случайно привлекается къ чисто женскому дѣлу «мужчина», который въ жизнь свою не соприкасался ни съ чѣмъ, кромѣ юриспруденціи, и сразу замѣчаетъ воровство и кухарки, и остальной прислуги! Къ счастью, вмѣшательство мужчины произошло во время, и грозившее скорое раззореніе было предотвращено!

Въ этихъ чудачествахъ пропадаетъ и то серьезное, что вѣрно отмѣчаетъ Стриндбергъ въ своемъ ироническомъ анализѣ «супружескихъ идиллій».

Нельзя не отмѣтить особо двухъ разсказовъ: «Кукольный домъ», «Противъ платы» и пьесу «Пасха».

Это—своеобразные полемическіе выпады Стриндберга противъ Ибсена, апологета женщины, когда-то заявившаго, что онъ вѣритъ въ будущее обновленіе міра,—вѣритъ, что оно произойдетъ усиліями «рабочихъ и женщинъ», которые еще не изуродованы рутинной культурой.

Въ этихъ вещахъ Стриндбергъ зло дополняетъ и «разъясняетъ» нѣкоторыя пьесы и нѣкоторыхъ излюбленныхъ героинь Ибсена. Сообразно съ этимъ, у Стриндберга даны ситуаціи, аналогичныя Ибсеновскимъ, но при этомъ вскрыты всѣ «дефекты», внушенные Ибсену его романтическимъ отношеніемъ въ женщинѣ.

Разсказъ «Кукольный домъ» носитъ открыто полемическій характеръ. Въ немъ сообщается, какъ одинъ мужъ благополучно вышелъ изъ непріятнаго положенія, когда его «куколка»-жена начиталась Ибсеновскаго «Кукольнаго дома» и запротестовала противъ своего положенія «экономки» и «любовницы» со званіемъ «жены». Мужъ умѣло возбудилъ ревность жены, ухаживая за ея пріятельницей, феминисткой, и все дѣло кончается очень пріятно для мужа.

Другой разсказъ «Противъ платы» вноситъ поправку къ «Геддѣ Габлеръ», выясняя, какъ и какимъ путемъ можно преодолѣть физическую недоступность героинь въ родѣ Гедды, заставивъ ихъ въ

благородной формѣ — ради торжества феминизма — торговать собой.

Наконецъ, пьесой «Пасха» Стриндбергъ исправляетъ дефекты Ибсеновскаго «Джона Габріэля Боркмана». Во-первыхъ, подчеркивается, что жена не можетъ не знать, что дѣлаетъ ея мужъ—дѣлецъ и растратчикъ чужого имущества, а потому наравнѣ съ нимъ должна быть привлечена къ отвѣтственности по закону, чего не сдѣлалъ въ своей драмѣ Ибсенъ. Во-вторыхъ, ходомъ событій выясняется, что горе семьи Боркмана заключалось въ томъ, что около нихъ не было преданныхъ хорошихъ мужчинъ: около Ибсеновскаго героя были только женщины, хотя и одаренныя. У Стриндберга, располагающаго запасомъ превосходныхъ героевъ для всѣхъ разсказовъ 3-го тома, и для пьесы находится сказочно добрая фея въ мужскомъ перевоплощеніи. Фея (одинъ изъ серьезныхъ кредиторовъ) все устраиваетъ, прощаетъ долги, уничтожаетъ денежныя претензіи и даже хлопочетъ, чтобы губернаторъ устранилъ арестъ жены банкрота за то, что она «знала» о рискованныхъ операціяхъ мужа съ ввѣренными ему капиталами! Все это дѣлается какъ-разъ наканунѣ Пасхи!

Развѣ не подходитъ къ этому полемисту благодушное слово «чудакъ»?

Со всѣмъ тѣмъ этотъ «чудакъ» все-таки Августъ Стриндбергъ. Онъ даетъ страстныя, яркія страницы. Вы можете улыбаться при чтеніи, но вы дочитаете и, навѣрное, не останетесь къ разсказываемому равнодушны. Слишкомъ много въ разсказываемомъ страстности, желчи, энергіи и вѣры въ абсолютную правду того, что разсказывается.

Однимъ изъ переводчиковъ названъ г. Ю. Балтрушайтисъ. Но и у него встрѣчаются такія словесныя вольности: «*фотогеновая* лампа»; «сидятъ... и читаютъ, *имѣя* лампу посерединѣ»; «отрываетъ листки отъ календаря и бросаетъ ихъ *въ солнечные лучи*, которые падаютъ въ комнату»!

А. А. Корниловъ. Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1881). Историческіе очерки. Изданіе журнала «Русская Мысль». М. 1909. Стр. 263. Ц. 1 р. 25 к.

Г. Корниловъ поставилъ себѣ трудную и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарную задачу—охватить въ одной цѣльной и связной картинѣ исторію русскаго общественнаго движенія за время царствованія Александра II. Эта задача до сихъ поръ никѣмъ еще не была выполнена, и, какъ первая попытка такого рода, книга г. Корнилова представляетъ безспорный интересъ, тѣмъ болѣе, что въ ней имѣются нѣкоторыя серьезныя достоинства. Авторъ ея внимательно и добросовѣстно изучилъ весьма значительный печатный матеріалъ, относящійся къ царствованію Александра II, и далъ своему из-

слѣдованію, построенному на этомъ матеріалѣ, достаточно широкую постановку. Отводя центральное мѣсто въ своемъ изложеніи анализу правительственной дѣятельности изучаемой имъ эпохи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ довольно обстоятельно излагаетъ различные фазисы политическаго движенія, развивавшагося въ теченіе этой эпохи въ нѣдрахъ общества. Политическіе проекты губернскихъ комитетовъ, обсуждавшихъ крестьянскую реформу, и позднѣйшіе проекты земскихъ собраній, реакціонная, либеральная и радикальная журналистика 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, революціонные кружки и общества, возникшіе и дѣйствовавшіе въ эти годы, всѣ эти различныя проявленія политическаго движенія нашли себѣ оцѣнку и освѣщеніе въ книгѣ г. Корнилова, и такимъ образомъ послѣдняя, дѣйствительно, передаетъ своему читателю, хотя и въ сжатой формѣ, важнѣйшіе факты исторіи общественнаго или, точнѣе выражаясь, политическаго движенія въ Россіи за время царствованія Александра II.

Правда, не всегда освѣщеніе, даваемое г. Корниловымъ излагаемымъ имъ фактамъ, можно признать вполнѣ удачнымъ и не всегда можно согласиться съ его оцѣнкою этихъ фактовъ. Одинъ изъ критиковъ книги г. Корнилова нашелъ возможнымъ сравнивать ее съ извѣстнымъ трудомъ А. Н. Пыпина «Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I». Въ дѣйствительности, однако, подобное сравненіе могло бы служить лишь къ явной невыгодѣ для книги г. Корнилова. Въ послѣдней нѣтъ ни того мастерства изложенія, ни той глубины содержанія, какія отличаютъ работу покойнаго Пыпина. Излагая воззрѣнія различныхъ общественныхъ группъ и разныхъ политическихъ лагерей. г. Корниловъ обычно довольствуется лишь краткой характеристикой существа такихъ воззрѣній, не углубляясь въ основы породившаго ихъ міросозерцанія, и благодаря этому его повѣствованіе часто получаетъ чрезмѣрно упрощенный, чтобъ не сказать—поверхностный, характеръ. Въ виду этого книга г. Корнилова, заключая въ себѣ не лишенное серьезнаго интереса изложеніе ряда крупныхъ историческихъ фактовъ, далеко не раскрываетъ, однако, передъ глазами своего читателя картины историческаго прошлаго въ такой полнотѣ и съ такою яркостью, какъ это дѣлаетъ по отношенію къ болѣе раннему періоду работа А. Н. Пыпина.

На ряду съ этимъ приходится отмѣтить и еще одну особенность книги г. Корнилова. Сохраняя съ внѣшней стороны въ своемъ изложеніи тонъ научнаго безпристрастія по отношенію къ самымъ различнымъ политическимъ теченіямъ, авторъ въ дѣйствительности весьма далекъ отъ такого безпристрастія и не только самымъ недвусмысленнымъ образомъ даетъ читателю почувствовать свои симпатіи къ опредѣленной политической группѣ, но до такой степени увлекается этими симпатіями, что онѣ порою закрываютъ передъ нимъ истинный характеръ историческихъ фактовъ. Въ своей пере-

дачѣ разнообразныхъ перипетій политическаго движенія при Александрѣ II г. Корниловъ рѣшительно выдвигаетъ впередъ русскій либерализмъ этой эпохи, сильно преувеличивая его роль и приписывая ему гораздо больше значенія и вѣса, чѣмъ онъ имѣлъ на самомъ дѣлѣ. Говоря о группѣ тверскихъ земскихъ либераловъ, авторъ впадаетъ даже въ мало подходящій къ его въ общемъ весьма спокойному изложенію патетическій тонъ и съ умиленіемъ повѣствуетъ о «святомъ народномъ дѣлѣ, которому служила» эта группа (192). Къ лагерю либераловъ авторъ почти безъ всякихъ оговорокъ причисляетъ, между прочимъ, и Герцена. Если вѣрить г. Корнилову, «Колоколъ» Герцена «съ перваго дня своего изданія и до пріѣзда въ Лондонъ Михаила Бакунина въ 1862 г. былъ органомъ либеральнаго движенія въ Россіи» (94). Больше того,— Герценовскій «Колоколъ», по словамъ г. Корнилова, былъ въ сущности, наравнѣ съ Катковскимъ «Русскимъ Вѣстникомъ», органомъ дворянской оппозиціи, поскольку послѣдняя имѣла либеральный характеръ. «Либеральная отрасль этого направленія (политическихъ стремленій дворянства) — категорически утверждаетъ г. Корниловъ—опиралась въ литературѣ частью на «Русскій Вѣстникъ» Каткова (до 1861 г.), частью и на заграничный «Колоколъ» Герцена» (106). За сравнительно скромной программой первоначальныхъ преобразованій, выставленной Герценомъ въ концѣ 50-хъ годовъ, г. Корниловъ умудрился не замѣтить ни того значенія, какое издатель «Колокола» придавалъ этимъ преобразованіямъ, ни самой сущности его пропаганды и такимъ путемъ получилъ возможность зачислить Герцена конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ въ лагерь либераловъ. Неудивительно, конечно, что при такомъ взглядѣ на Герцена дѣятельность его въ болѣе поздніе годы представляется г. Корнилову исполненной ошибокъ и противорѣчій. Съ самымъ серьезнымъ видомъ г. Корниловъ заднимъ числомъ преподаетъ Герцену уроки либеральной мудрости и утверждаетъ, что «послѣ манифеста 19 февраля Герцену слѣдовало пріостановиться и прежде, чѣмъ продолжать свою публицистическую работу, пристальнѣе вглядѣться въ перестраивающуюся заново русскую жизнь». «Нельзя не видѣть,—говоритъ онъ—что послѣ 1861 года Герценъ начинаетъ шататься, двигаться ощупью и мало-по-малу теряетъ почву подъ ногами». «Герцену—поясняетъ г. Корниловъ— не доставало въ это время всего больше сознательнаго, вдумчиваго и основаннаго на твердомъ знаніи фактовъ отношенія къ родной русской дѣйствительности» (163).

Не менѣе рѣшительны и не менѣе подчасъ неожиданны и характеристики, даваемыя авторомъ другимъ дѣятелямъ изучаемой имъ эпохи, не принадлежавшимъ къ либеральному лагерю. Такъ, Чернышевскій, если вѣрить г. Корнилову, «въ сущности не зналъ досконально русской дѣйствительности» и «никогда не изучалъ какъ слѣдуетъ сельскаго быта и русскихъ сельско-хозяйственныхъ

отношеній» (78). И все это строгое сужденіе всецѣло основывается на томъ обстоятельствѣ, что Чернышевскій не признавалъ справедливымъ выкупъ у помѣщиковъ личности крестьянина, а выкупаемую землю считалъ возможнымъ оцѣнивать по ея дѣйствительной стоимости. По мнѣнію г. Корнилова, это значило «выводить такія цифры выкупа, которыя были бы для помѣщиковъ явно раззорительны» (77—8), и могло свидѣтельствовать лишь о незнаніи «русскихъ сельско-хозяйственныхъ отношеній». «Свои взгляды и аргументы — продолжаетъ онъ свою характеристику Чернышевскаго—онъ черпалъ изъ западныхъ арсеналовъ, но, конечно, не изъ манчестерскихъ, а изъ соціалистическихъ. По своему міросозерцанію онъ былъ фурьеристъ, и это сообщало его построеніямъ нѣсколько отвлеченный характеръ, а положительные проекты его дѣлало весьма непрактичными при всей ихъ простотѣ и прямолинейности. За то весь строй его мыслей отличался необыкновенной послѣдовательностью, а критика его, особенно въ глазахъ читателей, не знавшихъ непосредственно русскихъ сельско-хозяйственныхъ отношеній, представлялась неизмѣнно побѣдоносной и неопровержимой. Но по той же причинѣ на ходъ работъ въ губернскихъ комитетахъ и въ редакціонныхъ коммиссіяхъ непосредственнаго вліянія «Современникъ» имѣть не могъ» (78). Подобнымъ же образомъ и въ другихъ частяхъ своей книги г. Корниловъ усиленно подчеркиваетъ отвлеченность и непрактичность представленій «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ», равно какъ тѣхъ радикальныхъ круговъ русскаго общества, отраженіемъ мнѣній которыхъ служили названные журналы. Аналогичный характеръ носитъ у автора и изложеніе исторіи революціоннаго движенія 60-хъ и 70-хъ годовъ, которое въ его изображеніи является, въ прямую противоположность движенію либеральному, въ значительной мѣрѣ оторваннымъ отъ условій русской дѣйствительности. Правда, сообщаемые самимъ г. Корниловымъ факты нерѣдко противорѣчатъ такому изображенію, но въ этихъ случаяхъ и самое изложеніе автора становится противорѣчивымъ и запутаннымъ.

Наиболѣе характернымъ, пожалуй, примѣромъ такой запутанности является изложеніе г. Корниловымъ заключительнаго момента царствованія Александра II, момента, съ которымъ такъ тѣсно связалась легенда о готовившейся будто бы Лорисъ-Меликовымъ «конституціи», не осуществившейся лишь благодаря событію 1 марта 1881 г. Передавая содержаніе этой пресловутой «конституціи», самъ г. Корниловъ замѣчаетъ: «очевидно — гора родила мышь и, если бы эти предположенія были торжественно объявлены 1 марта 1881 года, то они многихъ бы разочаровали». «Но—немедленно прибавляетъ онъ — нельзя отрицать одного, что возстановленіе нормальнаго и болѣе или менѣе свободнаго теченія дѣлъ въ земствахъ и фактическое облегченіе цензурнаго гнета, подъ которымъ до того времени находилась наша печать, само по себѣ

не могло не способствовать развитію и упроченію въ обществѣ либеральныхъ идей и соотвѣтствующихъ потребностей, а это, при спокойномъ теченіи дѣлъ, само собой привело бы, въ концѣ концовъ, къ созыву представительнаго собранія, такъ какъ земскіе люди, конечно, разбили бы вдребезги работу бюрократическихъ коммиссій» (257). И вслѣдъ затѣмъ, указавъ на «прямое и формально выраженное одобреніе», какое встрѣтила дѣятельность Лорисъ-Меликова въ земскихъ собраніяхъ, г. Корниловъ продолжаетъ: «но революціонеры, увлеченные всецѣло идеей захвата власти и направившіе почти всѣ свои силы на организацію террористической борьбы съ правительствомъ, не хотѣли отступиться хотя бы на время отъ этой послѣдней» (257). Внутреннее противорѣчіе, заключающееся въ этихъ утвержденіяхъ, осталось, повидимому, совершенно незамѣтнымъ для ихъ автора. И случаевъ подобнаго противорѣчія, нужно сказать, въ книгѣ г. Корнилова не такъ ужъ мало, такъ какъ факты, о которыхъ онъ повѣствуетъ, довольно плохо мирятся съ той тенденціей, какой онъ хотѣлъ бы ихъ подчинить.

Указанные недостатки, конечно, сильно понижаютъ значеніе работы г. Корнилова. Но, и отмѣчая ихъ, приходится все-таки сказать, что названная книга, во всякомъ случаѣ, въ настоящее время представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ первая и не лишенная своихъ достоинствъ попытка систематическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ популярнаго изложенія исторіи политическаго движенія въ Россіи въ знаменательную эпоху, охваченную царствованіемъ Александра II.

Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ. Литературное наслѣдіе. Томъ второй. Пер. подъ редакціей Аксельрода, Засуличъ и Кольцова. Кн-во „Освобожденіе труда“. Одесса. 1908. 541 стр. Цѣна 2 р. 25 к.

Въ «Русскомъ Богатствѣ» уже была помѣщена (октябрь 1908 г.) библіографическая замѣтка по поводу вышедшаго перваго тома «Литературнаго наслѣдія» Маркса и Энгельса, обнимавшаго ихъ произведенія съ марта 1841 г. по мартъ 1844 г. Лежащій передъ нами второй томъ содержитъ небольшую замѣтку Маркса «Критическія примѣчанія къ статьѣ: Король Прусскій о соціальной реформѣ» (августъ 1844), огромную совмѣстную работу Маркса и Энгельса «Святое семейство или критика критической критики» (1844—1845) и цѣлый рядъ мелкихъ статей обоихъ авторовъ въ нѣмецкихъ соціалистическихъ журналахъ 1845—1846 гг. Какъ и въ первомъ томѣ, всѣ статьи снабжены очень цѣнными введеніями, примѣчаніями и біографическими замѣтками Фр. Меринга.

Первая изъ этихъ статей полемизируетъ съ Руге по поводу голоднаго возстанія силезскихъ ткачей, соціальное значеніе и сознательность котораго Марксъ сильно преувеличиваетъ: такъ какъ силезскіе ткачи уничтожали какъ машины, такъ и торговыя

книги, то Марксъ приписываетъ имъ стремленіе бороться не только съ явными врагами—капиталистами, но и съ тайными—банкирами (стр. 63). Вообще на разсужденіяхъ Маркса этого періода лежитъ еще печать незрѣлости. Онъ считаетъ, напр., сочиненія Вейтлинга «геніальными», называетъ Рикардо «циничнымъ» и предпочитаетъ ему Макъ-Куллоха (стр, 53); впослѣдствіи, какъ извѣстно, Марксъ перемѣнилъ эти мнѣнія на прямо противоположныя. Неудовлетворительна также даваемая въ этой статьѣ критика государства, суть которой резюмируется извѣстнымъ чисто анархическимъ афоризмомъ Маркса: «существованіе государства и существованіе рабства неразрывны» (стр. 60). «Чѣмъ могущественнѣе государство, говоритъ Марксъ, чѣмъ политически развитѣе страна, тѣмъ менѣе она склонна искать причину соціальнаго зла въ принципѣ государства, т. е. въ теперешнемъ строѣ общества, дѣятельнымъ самосознающимъ и оффиціальнымъ выраженіемъ котораго является государство, тѣмъ менѣе она склонна понять общій принципъ этого зла».

«Святое семейство», представляющее полемику съ братьями Бауэрами и ихъ единомышленниками, утратило теперь почти всякій интересъ. Значительная часть этой работы состоитъ изъ мелочныхъ придирокъ и брани по адресу разбираемыхъ авторовъ; здѣсь дается также подробнѣйшій, на сорока страницахъ (139—178), разборъ ошибокъ, совершенныхъ Эдгаромъ Бауэромъ при переводѣ книги Прудона о собственности на нѣмецкій языкъ. Столь же подробно критикуются замѣчанія Шелиги на прогремѣвшій тогда романъ Евг. Сю «Парижскія тайны», послѣ чего слѣдуетъ растянувшаяся на 50 страницъ критика героевъ самого романа. Марксъ, напр., пишетъ: «мы изобличимъ «чистое» лицемѣріе Рудольфа (героя романа) въ его отношеніяхъ къ maître d'école, къ графинѣ Сарѣ Макъ-Грегоръ и къ нотаріусу Жаку Феррану» (стр. 361), и затѣмъ слѣдуютъ три страницы изобличеній и т. д., и т. д. Среди этой неудобочитаемой словесности ярко выдѣляются превосходныя отдѣльныя страницы, посвященныя критикѣ спекулятивнаго метода Гегеля (стр. 181—185, 203—204 и др.) и французскому матеріализму (265—271). «Обыкновенный человѣкъ, говоритъ Марксъ, напр., не предполагаетъ, что сказалъ что-то особенное, выразившись, что существуютъ яблоки и груши. Но философъ, выразивъ эти сущности въ спекулятивныхъ терминахъ, сказалъ что-то необыкновенное. Онъ совершилъ чудо: изъ недѣйствительнаго созданія разума, «плода вообще», онъ произвелъ дѣйствительныя, реальныя существа—яблоко, грушу и т. д... Всякое существованіе, которому онъ даетъ спекулятивное выраженіе, представляется ему результатомъ творческаго акта его собственнаго разума». Но «само собой разумѣется, что спекулятивный философъ лишь потому способенъ проявить такое безпрерывное творчество, что онъ общеизвѣстныя, созерцаемыя въ дѣйствительности

свойства яблока, груши и т. д. выдаетъ за изобрѣтенныя имъ опредѣленія, давая абстрактнымъ формуламъ, которыя создаются исключительно разумомъ, названія дѣйствительныхъ вещей и принимая свою собственную дѣятельность, проявляющуюся въ томъ, что онъ самъ переходитъ отъ представленія яблока къ представленію груши, за самодѣятельность абсолютнаго субъекта, «плода вообще». На спекулятивномъ языкѣ операція эта означается словами: понимать субстанцію, какъ субъектъ, какъ внутренній процессъ, какъ абсолютное лицо. Такой способъ пониманія составляетъ отличительный признакъ гегелевской методы» (стр. 184—185). Эту убійственную характеристику философіи Гегеля не мѣшало бы твердо помнить нынѣшнимъ поклонникамъ Гегеля изъ числа марксистовъ.

Въ этой же статьѣ Марксъ, подъ вліяніемъ утопистовъ и Прудона, повторяетъ свои рѣзкія нападки на государство и даже на такъ называемыя неотъемлемыя права человѣка. Уже въ Еврейскомъ вопросѣ я показалъ, — говоритъ Марксъ, — что «признаніе человѣческихъ правъ современнымъ государствомъ имѣетъ такой же самый смыслъ, какъ признаніе античнымъ государствомъ рабства. Именно подобно тому, какъ античное государство имѣло своей естественной основой рабство, точно такъ же современное государство имѣетъ своей естественной основой буржуазное общество, равно какъ человѣка буржуазнаго общества, т. е. независимаго человѣка, связаннаго съ другимъ человѣкомъ исключительно узами частнаго интереса и безсознательной естественной необходимостью, раба своего промысла и своей собственной, а равно и чужой своекорыстной потребности. Современное государство признало эту свою естественную основу, какъ таковую, въ всеобщихъ человѣческихъ правахъ» (стр. 250—251). Вообще эта статья интересна, главнымъ образомъ, для установленія того вліянія, которое имѣли на слагавшееся міровоззрѣніе Маркса болѣе ранніе соціалисты.

Остальныя статьи Маркса и Энгельса представляютъ второстепенныя ихъ работы за періодъ 1845—1847 гг., когда были написаны (не вошедшія въ настоящее изданіе): Положеніе рабочаго класса въ Англіи, Нищета философіи, Коммунистическій манифестъ и др. Рѣчь Энгельса на собраніи въ Эльберфельдѣ говоритъ о неизбѣжности и близости революціи; рѣчь его въ Лондонѣ характеризуетъ интернаціонализмъ пролетаріата. Отрывокъ изъ Фурье о торговлѣ очень интересенъ, какъ показатель того значенія (и вліянія), которое имѣлъ Фурье для Энгельса. Слѣдуетъ отмѣтить также заявленіе Энгельса, что «демократическое движеніе во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ стремится, въ конечномъ счетѣ, къ политическому господству пролетаріата» (стр. 503).

Въ разсужденіяхъ Маркса не разъ уже въ это время пробивается струя экономическаго матеріализма (напр., на стр. 469, 513, 523 и др.). И опять-таки здѣсь встрѣчается рядъ мѣстъ,

вызывающихъ недоумѣніе. Такъ, напр., Марксъ говоритъ, что «уничтоженіе собственности на землю составляетъ самый важный вопросъ для англійской промышленной буржуазіи (?!), и борьба противъ хлѣбныхъ законовъ имѣла именно этотъ смыслъ» (стр. 516).

Въ общемъ, и настоящій томъ «Литературнаго наслѣдія» показываетъ, насколько неразработано было міровоззрѣніе Маркса даже въ то время, когда онъ писалъ свои крупныя работы, имѣющія до сего времени огромное вліяніе и авторитетъ.

Шарль Жидъ. Кооперація. Пер. подъ ред. и съ предисловіемъ П. Тотомьянца и съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Кн—во „Прометей". Спб. 1909 г. 272 стр. Ц. 1 р. 25 коп.

Авторъ настоящей книги, проф. Ш. Жидъ,—чрезвычайно усердный пропагандистъ кооперацiи и вмѣстѣ съ тѣмъ давнишній практическій дѣятель на этомъ поприщѣ. Книга его составилась изъ цѣлаго ряда рѣчей, произнесенныхъ въ теченіе 1886 — 1903 гг. и освѣщающихъ кооперацію съ самыхъ различныхъ сторонъ: авторъ даетъ, такъ сказать, философское обоснованіе кооперацiи, находя солидарность во всемъ мірѣ, начиная съ товарищества солнечныхъ системъ и строенія кристалловъ по опредѣленному уставу; онъ обстоятельно перечисляетъ «двѣнадцать преимуществъ кооперацiи» и подробно говоритъ объ ея врагахъ, большихъ и малыхъ,—коммерсантахъ и купцахъ, чувствующихъ въ ней серьезнаго конкурента, кухаркахъ, не получающихъ въ кооперативныхъ магазинахъ своего су на франкъ, женщинахъ вообще, которымъ не нравится скромная дѣловая обстановка этихъ магазиновъ, и т. п. Кромѣ того нѣсколько рѣчей проф. Жида излагаютъ исторію кооперативныхъ идей и предпріятій во Франціи, начиная съ Фурье, характеристикѣ котораго посвящена блестящая рѣчь, и кончая недавними съѣздами и конгрессами кооператоровъ.

Авторъ считаетъ себя соціалистомъ, вѣруя въ то, что разумныя существа, живя въ обществѣ, сумѣютъ разрѣшить соціальный вопросъ, т. е. согласовать справедливость со свободой, — но его соціализмъ имѣетъ довольно своеобразный характеръ. Онъ признаетъ преходящій характеръ капиталистическаго строя, основаннаго на наемномъ трудѣ и нетрудовомъ доходѣ монопольныхъ собственниковъ капитала, но въ то же время онъ считаетъ нужнымъ сохранить за капиталистами право не только на справедливое вознагражденіе за ихъ трудъ по управленію предпріятіями, но и на процентъ и на погашеніе ихъ капитала (стр. 245); точно также въ отличіе отъ коллективистовъ онъ считаетъ невозможной и не нужной централизацію производства на основѣ общественной собственности, представляя себѣ нормальный общественный строй въ видѣ ряда крупныхъ и мелкихъ свободныхъ ассоціацій (стр. 81). Единственный путь къ такому строю идетъ, по его

мнѣнію, черезъ организацію потребительныхъ обществъ, которыя сперва овладѣваютъ торговлей, затѣмъ организуютъ для своихъ членовъ производство различныхъ предметовъ обрабатывающей промышленности и, наконецъ, овладѣваютъ добывающей промышленности. Кооперація, говоритъ проф. Жидъ, «должна служить для мирнаго, но коренного преобразованія дѣйствующаго экономическаго строя, способствуя переходу владѣнія орудіями производства и вмѣстѣ съ тѣмъ экономическаго главенства отъ производителей, удерживающихъ ихъ теперь, къ потребителямъ» (стр. 102). Авторъ полагаетъ, что «именно благодаря коопераціи, антагонизмъ, существующій между буржуазіей и рабочими, можетъ быть уничтоженъ» (стр. 76), такъ какъ въ коопераціи тѣ и другіе выступаютъ въ качествѣ потребителей, интересы которыхъ солидарны. «Потребители, объединенные въ товарищества, говоритъ проф. Жидъ, не могутъ имѣть враждебныхъ интересовъ между собою: они могутъ имѣть только одинъ интересъ, общій для всѣхъ,—доставлять себѣ наибольшій избытокъ благъ, при возможно меньшихъ расходахъ, и этотъ интересъ является единственнымъ для общества въ его цѣломъ и всего человѣчества» (стр. 96). Вообще авторъ исходитъ изъ отвлеченнаго представленія о потребителѣ, которому нужно только встать на ноги и заявить свои потребительскія права, чтобы общественная жизнь пошла совсѣмъ иначе. Подражая знаменитой фразѣ аббата Сійэса, онъ говоритъ, что въ настоящее время потребитель ничто, но онъ долженъ быть всѣмъ (стр. 87). «Мы стоимъ на кооперативной точкѣ зрѣнія, а не на коллективистской, говоритъ онъ, потому что потребитель намъ представляется жертвой экономическаго строя, еще болѣе угнетенной, чѣмъ рабочій» (стр. 240). Врядъ-ли можно признать правомѣрность такого противопоставленія, да и вообще авторъ упускаетъ изъ виду, что для того, чтобы потреблять, люди должны имѣть источникъ дохода, а противоположность интересовъ и борьба въ этой сферѣ очень мало затрагивается потребительными обществами.

Въ связи съ этимъ упущеніемъ авторъ слишкомъ легко раздѣлывается съ наиболѣе серьезнымъ возраженіемъ противъ потребительныхъ обществъ, а именно съ тѣмъ, что ихъ капиталы слишкомъ ничтожны, чтобы вытѣснять или хотя бы успѣшно конкурировать съ крупными частно-хозяйственными предпріятіями. Проф. Жидъ замѣчаетъ по этому поводу только то, что онъ вѣруетъ «въ сохраненіе и, можетъ быть, даже развитіе мелкой собственности и мелкаго производства. Статистика скорѣе подтверждаетъ послѣднее положеніе, чѣмъ противное» (стр. 54). Въ дальнѣйшемъ проф. Жидъ уже не возвращается къ этому далеко не обоснованному положенію и только мелькомъ упоминаетъ о возможности крупнаго производства и въ коопераціяхъ (стр. 173). Въ одномъ мѣстѣ авторъ сравниваетъ кооперацію съ той бочкой масла, которая выливается около корабля во время бури и усмиряетъ бу-

шующія волны. Это сравненіе идетъ дальше, чѣмъ думаетъ самъ авторъ: дѣйствительно, масло прекращаетъ волненіе, но только возлѣ самаго корабля, а не во всемъ соціальномъ морѣ.

Очень цѣнной частью книги Жида является отчетливое разграниченіе значенія и судебъ потребительныхъ и производительныхъ коопераций. Опытъ Франціи, какъ и другихъ странъ, по его словамъ, «доказалъ, что производительное товарищество, самостоятельное и функціонирующее собственными средствами, безсильно внести какое-либо значительное преобразованіе въ дѣйствующій порядокъ вещей». Они или раззорились, или же «превратились въ общества мелкихъ хозяевъ, заставляя работать подъ своей командой и на себя болѣе или менѣе значительное количество наемныхъ рабочихъ» (стр. 99 и 100). Другое дѣло потребительныя общества, которыя «должны быть предпочтены производительнымъ потому, что представляютъ общій интересъ, между тѣмъ какъ послѣднія представляютъ всегда интересы корпоративные или частные. Потребительныя общества, хорошо организованныя, являются, сверхъ того, необходимымъ предварительнымъ условіемъ существованія производительныхъ: только первыя смогутъ доставить послѣднимъ тѣ три элемента, которыхъ они теперь лишены, а именно: управляющихъ, капиталы и сбытъ (стр. 123)

Авторъ полагаетъ, что кооперативы могутъ и должны сыграть видную роль въ подготовкѣ народныхъ массъ къ веденію общественнаго хозяйства. «Если народъ хочетъ достигнуть положенія, къ которому онъ стремится, т. е. занять мѣсто командующихъ классовъ, — первой задачей его является пріобрѣтеніе необходимыхъ знаній, чтобы взять въ свои руки управленіе экономической жизнью страны». Это и достигается въ кооперацiяхъ. «Въ кооперативахъ онъ получаетъ чисто экономическое воспитаніе: онъ научается основывать предпріятія, пускать ихъ въ ходъ, находить сбытъ, предвидѣть будущее, находить способныхъ людей и, найдя ихъ, руководствоваться ихъ указаніями; онъ научается также цѣнить силу пріобрѣтеннаго богатства, понимать экономическій ходъ вещей, составлять бюджетъ», и т. д., и т. д.

Въ общемъ можно пожелать каждому дѣлу такихъ усердныхъ приверженцевъ, какимъ является проф. Жидъ по отношенію къ коопераціи. Переводъ книги удовлетворителенъ. Можно только пожалѣть, что его редакторъ, г. Тотоміанцъ, не дополнилъ статистическихъ данныхъ, приводимыхъ авторомъ и относящихся самое позднее къ 1893 г. (стр. 112 и далѣе), болѣе современными свѣдѣніями.

Наброски современности.

XXI.

О современныхъ политикахъ.

Не такъ давно въ одной изъ петербургскихъ газетъ былъ разсказанъ довольно пикатный и вмѣстѣ съ тѣмъ очень характерный для переживаемаго нами момента эпизодъ. Въ г. Челябинскѣ пріѣхалъ депутатъ Государственной Думы г. Владиміровъ. Мѣстные жители изъ числа интересующихся третьей Думой обрадовались его пріѣзду, какъ возможности удовлетворить свое любопытство на счетъ хода думскихъ дѣлъ. Но пріѣзжій гость, онъ же и депутатъ, рѣшительно уклонился отъ всѣхъ подобныхъ разговоровъ. «Я, господа,—категорически заявилъ онъ—политикой не занимаюсь» *).

Г. Владиміровъ, явившійся героемъ только что разсказаннаго эпизода, въ своемъ родѣ, несомнѣнно, смѣлый человѣкъ. Едва-ли многіе изъ его товарищей по Государственной Думѣ рѣшились бы открыто присоединиться къ его столь опредѣленному въ своей простотѣ заявленію. Наоборотъ, большинство членовъ третьей Думы, судя по ихъ собственнымъ словамъ, не только усердно занимаются политикой, но то и дѣло совершаютъ «важные политическіе шаги». Даже въ лѣтнюю пору, въ каникулярное для Государственной Думы время, рядъ думскихъ фракцій, если не въ полномъ своемъ составѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ видныхъ представителей, умудрился совершить «важный политическій шагъ» въ видѣ визита за границу. Объ этомъ визитѣ и объ его значеніи шла уже рѣчь на страницахъ «Р. Богатства» въ послѣдней «Хроникѣ внутренней жизни» А. Б. Петрищева, но читатели, надѣюсь, не посѣтуютъ на меня, если я попытаюсь на короткое время возвратить ихъ вниманіе къ этому эпизоду или, вѣрнѣе, къ нѣкоторымъ его сторонамъ, также характернымъ для переживаемаго момента и въ свою очередь не лишеннымъ извѣстной доли пикантности.

Въ поѣздкѣ депутатовъ за-границу участвовали представители «господствующей въ Думѣ партіи»—октябристовъ и ея ближайшихъ сосѣдей справа и слѣва—«умѣренно-правыхъ», съ одной стороны, «прогрессистовъ» и «конституціоналистовъ-демократовъ»—съ другой. И едва успѣла эта немного пестрая по своему составу депутація сойти на англійскій берегъ, какъ въ нашихъ умѣренно-оппозиціонныхъ газетахъ началось восхваленіе ея высокаго политическаго значенія.

---

*) „Рѣчь“ 20 іюня.

„Нельзя скрывать отъ себя,—писала петербургская „Рѣчь“—что лондонскій визитъ предпринимается въ такую минуту, когда политическій горизонтъ густо заволоченъ черными тучами... Но — продолжала газета— тѣмъ большее значеніе можетъ имѣть лондонскій визитъ. Во-внѣ онъ будетъ первымъ откровеніемъ русскаго общественнаго мнѣнія, сдѣлавшагося государственнымъ. Внутри онъ напомнитъ о необходимости держаться элементарныхъ условій цивилизованнаго общежитія... Онъ содержитъ въ себѣ—торжественно заключала газета—принципіальное признаніе основныхъ началъ русской политической свободы и связаннаго съ нимъ внутренняго національнаго единства“ *).

Не менѣе патетически высказывалась о «лондонскомъ визитѣ» и другая петербургская либеральная газета, нынѣ покойное уже «Слово».

„Какъ ни старались многіе этому воспрепятствовать,—завѣряла она своихъ читателей—а поѣздка нашихъ депутатовъ въ Лондонъ стала большимъ политическимъ событіемъ“ **).

Когда же въ Петербургъ пришло извѣстіе о пріемѣ думскихъ депутатовъ англійскимъ королемъ, отзывы «Слова» приняли характеръ еще болѣе увѣренный, до нѣкоторой степени напоминая собою торжественныя пророчества извѣстныхъ предсказателей судьбы.

„Этимъ событіемъ—писала газета—еще болѣе подчеркивается политическое значеніе встрѣчи представителей двухъ народовъ, закрѣпляющей ихъ взаимныя симпатіи и взаимное уваженіе, столь важныя для зародившагося въ новыхъ условіяхъ русской жизни политическаго сближенія Англіи и Россіи... Ни въ международномъ, ни въ національномъ отношеніяхъ поѣздка въ Англію нашихъ депутатовъ не можетъ не оставить своего благотворнаго слѣда“ ***).

Сначала эти заявленія о важномъ политическомъ значеніи заграничной поѣздки думскихъ депутатовъ появлялись лишь на страницахъ органовъ либеральной прессы. Органы, стоящіе правѣе, до поры до времени хранили молчаніе, какъ бы выжидая событій. Но поѣздка окончилась для оффиціальныхъ русскихъ сферъ совершенно благополучно, оппозиціонные депутаты, принявшіе въ ней участіе, вели себя до такой степени благонадежно, что не только не создали для этихъ сферъ никакихъ затрудненій, но даже поспособствовали устраненію затрудненій, возникшихъ независимо отъ ихъ воли,— и на страницахъ умѣренно-консервативныхъ и ярко-реакціонныхъ органовъ въ свою очередь появились удостовѣренія важности «лондонскаго визита».

Октябристскій «Голосъ Москвы» аттестовалъ поѣздку думскихъ депутатовъ въ Англію, какъ «событіе огромнаго политическаго значенія, приковавшее къ себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра». Особенно же важно въ этомъ событіи, по словамъ названной газеты, было то обстоятельство, что въ составъ депутаціи вошли представители различныхъ думскихъ группъ и, тѣмъ не менѣе, между ними не возникло никакихъ разногласій.

---

*) „Рѣчь“, 29 мая.
**) „Слово“, 11 іюня.
***) „Слово“, 13 іюня.

„Въ опредѣленіи сущности нашего новаго государственнаго строя и его ближайшихъ задачъ—съ видимымъ удовлетвореніемъ писала октябристская газета,—предъ лицомъ Англіи и всей Европы сошлись представители всѣхъ входящихъ въ составъ депутаціи парламентскихъ группъ, отъ Милюкова до гр. Бобринскаго". И это единодушіе участниковъ депутаціи—утверждала далѣе газета—„съ одной стороны, разсѣяло передъ глазами Европы туманъ, окутавшій нашъ обновленный строй, а съ другой—развернуло передъ нами болѣе или менѣе опредѣленныя перспективы ближайшаго будущаго" *)...

Немного погодя, о серьезномъ значеніи поѣздки думскихъ депутатовъ въ Англію заговорило и суворинское «Новое Время». Только послѣднее, со свойственной ему осторожностью, сдѣлало это въ гораздо менѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ, чѣмъ московская октябристская газета.

Во всякомъ случаѣ, не говоря уже о самихъ участникахъ депутатской поѣздки, и либеральные, и консервативные, и реакціонные органы сошлись на признаніи за нею значенія «важнаго политическаго шага». И это согласіе шло и дальше, какъ будто распространяясь, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, и на вопросъ о томъ, въ чемъ собственно выразилось такое значеніе и какимъ именно путемъ было оно достигнуто. Если, по словамъ октябристскаго «Голоса Москвы», проѣхавшіеся за границу думскіе депутаты своимъ единодушіемъ «разсѣяли передъ глазами Европы туманъ, окутавшій нашъ обновленный строй», и вмѣстѣ развернули передъ Россіей «болѣе или менѣе опредѣленныя перспективы ближайшаго будущаго», то приблизительно то же самое утверждало по поводу заграничной поѣздки депутатовъ и либеральное «Слово».

„Да, вотъ она, подлинная правда жизни,—писала въ свойственномъ ей приподнятомъ стилѣ только что названная газета въ моментъ посѣщенія третье-думскими депутатами Лондона.—Какъ ни дави ее, а она выпрямится. Непривлекательна наша дѣйствительность. Но на тускломъ фонѣ ея вспыхиваютъ моментами яркіе огоньки. И тогда становится ясно, что недаромъ велась борьба, что мы не стоимъ на мѣстѣ, а идемъ неуклонно впередъ, что результаты, достигнутые обществомъ за послѣдніе годы, кладутъ непрходимую грань между недавнимъ политическимъ прошлымъ и тѣмъ свѣтлымъ будущимъ, которое должно вернуть Россію къ временамъ ея величайшаго могущества.

„Въ событіе громадной исторической важности развернулась поѣздка нашихъ депутатовъ въ Англію. Что ни день, то шире и шире раздвигаются границы чествованія. Что ни новый пріемъ, то рельефнѣе обозначается внутреннее содержаніе взаимныхъ привѣтствій. Твердо и опредѣленно Россія присоединилась къ семьѣ конституціонныхъ народовъ. И представители страны, въ лицѣ членовъ Государственной Думы, сумѣли это сдѣлать въ формахъ, исключающихъ самую возможность предположеній о какихъ либо въ этомъ смыслѣ разногласіяхъ между Верховнымъ Главою Имперіи и ея парламентомъ.

„Рѣчи, произнесенныя на торжественномъ завтракѣ у лордъ - мэра,

*) Цитирую по „Слову", 23 іюня.

должны были высоко поднять престижъ нашихъ депутатовъ въ англійскомъ общественномъ мнѣніи.

„Съ искусствомъ, котораго никто не способенъ такъ хорошо оцѣнить, какъ сыны издавна свободной Великобританіи, распредѣлены были роли между А. И. Гучковымъ и П. Н. Милюковымъ.

„Предъ лицомъ всего міра лидеръ меньшинства разрушилъ нелѣпую легенду о томъ, что отношенія между русской оппозиціей и русскимъ Монархомъ отличаются чѣмъ-либо отъ типа, установившагося въ странахъ съ развитой конституціонной жизнью" *).

Иначе говоря, значеніе депутатской поѣздки, какъ «важнаго политическаго шага», по словамъ апологетовъ этой поѣздки, свелось къ тому, что участники поѣздки, въ роли «представителей страны», «предъ лицомъ всего міра» заявили: въ Россіи имѣется конституція и нѣтъ никакой борьбы между властью и населеніемъ за исключеніемъ развѣ борьбы, протекающей въ строго конституціонныхъ формахъ. А такое заявленіе, по словамъ тѣхъ же апологетовъ «лондонскаго визита», должно было получить тѣмъ большую цѣнность, что въ Европѣ вообще и въ Англіи въ частности находились лица, сильно сомнѣвавшіяся въ справедливости обоихъ заключавшихся въ немъ утвержденій. Аргументаціи этихъ лицъ былъ противопоставленъ авторитетъ «представителей страны», и такимъ образомъ создалось «политическое значеніе» депутатской поѣздки, Въ признаніи этого факта съ безпартійнымъ «Словомъ» оказалась вполнѣ солидарной и оффиціозная ка-детская «Рѣчь».

«Теперь—писала названная газета послѣ рѣчи г. Милюкова, послужившей отвѣтомъ на манифестъ англійской рабочей партіи,—уже вопросъ не въ томъ, имѣетъ ли визитъ думской депутаціи политическій характеръ... Неожиданно событія приняли такой оборотъ, что депутатамъ пришлось рѣшительно выступить на защиту оффиціальной Россіи. Передъ лицомъ этихъ событій, принявшихъ неслыханные размѣры и грозившихъ окончательно подорвать международный престижъ Россіи, если бы народные представители остались къ нимъ равнодушными, исчезли всѣ внутреннія несогласія, старые, далеко не законченные счеты, и своими рѣшительными выступленіями депутатамъ удалось повернуть англійское общественное мнѣніе и исчерпать инцидентъ. Престижъ оффиціальной Россіи возстановленъ, но народные представители взяли на себя отвѣтственность, увѣряя иностранцевъ, что пропасть между оффиціальной и не-оффиціальной Россіей уже засыпана» **).

Послѣднія строки приведенной цитаты могутъ, пожалуй, на первый взглядъ показаться какимъ-то страннымъ и некрасивымъ недоразумѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, казалось бы, если «народные представители» увѣряли «иностранцевъ» въ существованіи въ Россіи тѣхъ или иныхъ порядковъ, того или иного положенія, то сами-то они должны были быть убѣждены въ наличности этихъ порядковъ и этого положенія. Какъ будто и обидно для достоинства лицъ, именующихъ себя народными представителями, допускать мысль, что «иностранцамъ»-то они давали торжественныя увѣренія

*) „Слово", 21 іюня.
**) „Рѣчь", 22 іюня.

о русскихъ порядкахъ, а про себя оставались при особомъ мнѣніи на счетъ дѣйствительной стоимости этихъ торжественныхъ увѣреній. Было бы поэтому нисколько не удивительно, если бы кое-кому изъ читателей приведенныя выше строки представились диковиннымъ недоразумѣніемъ, неизвѣстно какъ попавшимъ на столбцы ка-детской газеты. Въ дѣйствительности, однако, тутъ нѣтъ никакого недоразумѣнія. И тѣ же самыя либеральныя газеты, которыя такъ восхваляли важность депутатской поѣздки и цѣнность произнесенныхъ ея участниками за-границей рѣчей, рядомъ съ такими восхваленіями, нисколько не смущаясь, заявляли, что въ этихъ рѣчахъ, собственно говоря, далеко не все было правдой.

„Уже и настоящій визитъ русской депутаціи—писало „Слово" — оказалъ большую услугу Россіи. Нѣкоторая реабилитація нашей дѣйствительности, столь удачно проведенная нашей депутаціей, явилась необходимымъ актомъ закрѣпленія новаго строя Россіи въ глазахъ западнаго міра. Надо, однако, помнить, — немедленно добавляла газета—что новый строй закрѣпленъ пока лишь формально, что подъ его вывѣской все еще проводится цѣликомъ содержаніе стараго порядка. И это рѣзкое противорѣчіе между формою и сутью стоитъ сейчасъ единственнымъ препятствіемъ на пути нашего практическаго сближенія съ культурнѣйшей націей, нашей совмѣстной съ нею и взаимно плодотворной работы" *).

Итакъ, по словамъ газеты, англичанамъ была преподнесена русской думской депутаціей искусная «реабилитація русской дѣйствительности» и именно это-то искусство «реабилитаціи» и должны были, по мнѣнію газеты, выраженному съ простодушіемъ, которое почти что можно было принять за иронію, оцѣнить «сыны издавна свободной Англіи». Не менѣе, если не болѣе, опредѣленно выражалась по этому поводу и «Рѣчь» въ нѣкоторыхъ изъ своихъ статей, посвященныхъ оцѣнкѣ поведенія думскихъ депутатовъ въ Англіи.

Депутаты — писала названная газета—„прилагаютъ чрезмѣрныя усилія, чтобы поднять авторитетъ Россіи, и, подъ вліяніемъ этихъ усилій, нерѣдко будущее, желательное представляютъ въ качествѣ настоящаго, дѣйствительнаго" **).

И ка-детская газета даже не скрывала отъ своихъ читателей, въ чьихъ собственно интересахъ производился этотъ подмѣнъ дѣйствительнаго желаемымъ и настоящаго будущимъ, а только огорчалась, что тѣ сферы, которымъ былъ наиболѣе полезенъ такой подмѣнъ, оказывали какъ будто недостаточно энергичное содѣйствіе ему

Пріемъ „нашихъ членовъ парламента" въ Англіи,—писала „Рѣчь" въ одной изъ своихъ передовыхъ статей—„пріобрѣтаетъ, несомнѣнно, все болѣе серьезное политическое значеніе. Вопреки дружескимъ наставленіямъ оффиціоза, во всѣхъ рѣчахъ, даже и въ привѣтствіи короля, отмѣчается значеніе представительнаго строя. Можно сказать, что оно подчеркивается даже больше, чѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. На англичанъ рѣчи могутъ произвести впечатлѣніе, будто бы и въ самомъ дѣлѣ разница между нашими и ихъ порядками исчерпывается тѣмъ, что у нихъ *the parliament*, а у насъ *a parliament*. Такому заблужденію прежде всего должна бы, ка-

*) „Слово", 25 іюня.
**) „Рѣчь", 20 іюня.

залось, радоваться оффиціальная Россія, ибо оно благопріятно отразилось на отношеніи къ ней англійскаго общественнаго мнѣнія. Но оффиціозное телеграфное агенство, напротивъ, прибѣгаетъ къ весьма мелкимъ ухищреніямъ, чтобы смягчить силу конституціонныхъ заявленій ораторовъ и замолчать участіе оппозиціи" *).

Для конституціонно-демократической газеты, повидимому, явилось совершенно непонятнымъ то простое обстоятельство, что «конституціонныя заявленія ораторовъ» могли быть и, дѣйствительно, были удобны и выгодны оффиціальной Россіи только за-границей. Задумавшись надъ этимъ обстоятельствомъ, газета, быть можетъ, сумѣла бы объяснить себѣ и оставшіяся для нея загадочными дѣйствія оффиціознаго телеграфнаго агенства. Во всякомъ случаѣ, это маленькое недоумѣніе нисколько не помѣшало, а скорѣе даже помогло другимъ разъясненіямъ газеты. Какъ явствуетъ изъ нихъ, «наши члены парламента» придали своей заграничной поѣздкѣ «серьезное политическое значеніе» именно тѣмъ, что ввели англійское общественное мнѣніе въ заблужденіе относительно русскихъ порядковъ и такимъ путемъ создали въ Англіи настроеніе, благопріятное для оффиціальной Россіи. То, что осталось недоговореннымъ въ этихъ разъясненіяхъ конституціонно-демократической газеты,—недоговореннымъ, быть можетъ, потому, что для нея самой оно было неясно,—то было откровенно и полностью договорено нѣкоторыми изъ самихъ участниковъ депутатской поѣздки, какъ только они переѣхали изъ Англіи во Францію и стали бесѣдовать съ французскими журналистами. Такъ, г. Гучковъ, и въ Англіи не безъ паѳоса повѣствовавшій въ своихъ рѣчахъ о «работахъ» Думы 3 іюня, во Франціи спеціально занялся восхваленіемъ третьей Думы вообще и партіи октябристовъ въ частности и перечисленіемъ важныхъ «реформъ», проведенныхъ за послѣднее время въ Россіи.

„Мы — говорилъ онъ своимъ собесѣдникамъ-французамъ — уже улучшили положеніе крестьянъ, освободивъ ихъ отъ владычества „міра", давъ имъ возможность сдѣлаться личными земельными собственниками и предоставивъ имъ рѣшать свои общинныя дѣла совершенно самостоятельно. Мы позаботились обезпеченіемъ рабочихъ на случай болѣзни, мы улучшаемъ земство и дѣлаемъ большія усилія для пріобщенія русскаго народа къ мѣстному самоуправленію. Наконецъ, мы работаемъ надъ задачей первостепенной важности: надъ реформой низшаго образованія; черезъ 4 или 5 лѣтъ Россія будетъ покрыта школами, которыя будутъ распространять самое современное образованіе среди самыхъ отсталыхъ частей нашего народа. Всѣ эти реформы осуществляются медленно, шагъ за шагомъ. Но онѣ твердо идутъ къ своей цѣли, т. е. къ подготовкѣ Россіи къ широкому самоуправленію".

Съ еще большей прямотой и вмѣстѣ съ тѣмъ съ гораздо большимъ простодушіемъ высказался другой участникъ депутатской поѣздки и «членъ парламента», г. Максудовъ.

«Мы чувствуемъ потребность—заявилъ онъ французскимъ журнали-

*) „Рѣчь", 15 іюня.

стамъ—въ извѣстномъ смыслѣ исправить мнѣніе Европы о третьей Думѣ. Намъ кажется, что къ ней относятся съ нѣкоторой неосновательной подозрительностью. Въ Европѣ знаютъ, что эта Дума создана подтасованнымъ въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ избирательнымъ закономъ. Ее разсматриваютъ, какъ неустойчивый компромиссъ между силами прогресса и реакціи. Ее изображали безсильной, безмолвной. Мы желали разсѣять эти несправедливыя обвиненія. Европѣ пора получить вѣрное представленіе о положеніи вещей въ Россіи. Мы имѣемъ дѣло съ огромнымъ народомъ, не сознающимъ еще съ достаточной ясностью преимущества представительнаго правленія. Двѣ первыя Думы, неопытныя въ политикѣ и недостаточно дисциплинированныя, мало сдѣлали для того, чтобы упрочить довѣріе къ представительству. Намъ приходится работать скромно, избѣгая всякаго ненужнаго шума. Мы уже достигли осязательныхъ результатовъ. Прежняя взаимная подозрительность между коронными министрами и Думой почти исчезла; страна съ каждымъ днемъ все болѣе заинтересовывается дѣятельностью нашего парламента. Но, чтобы довести наше дѣло до конца, нужно, чтобы мы были такъ же хорошо поняты заграницей, какъ и внутри страны, нужно, чтобы вы обезпечили намъ вашу симпатію и поддержку» *).

Эти заявленія участниковъ депутатской поѣздки окончательно дорисовываютъ ея дѣйствительный характеръ. Мы можемъ остановиться на нихъ и подвести нѣкоторые итоги. Простое сопоставленіе приведенныхъ выше отзывовъ и заявленій достаточно ясно показываетъ, къ чему въ дѣйствительности свелось «серьезное политическое значеніе» заграничной поѣздки «нашихъ членовъ парламента». Они постарались убѣдить западно-европейское и, прежде всего, англійское общественное мнѣніе, что внутри Россіи все обстоитъ болѣе или менѣе благополучно, что въ ней вовсе нѣтъ безпощадной борьбы между властью и населеніемъ, что Россія въ существѣ своего государственнаго строя не отличается отъ цивилизованныхъ странъ Запада и, подобно имъ, обладаетъ конституціей, быть можетъ, еще недостаточно широкой, но, во всякомъ случаѣ, уже успѣшно дѣйствующей. Они попытались исправить мнѣніе Европы о третьей Думѣ, преслѣдуя въ этой попыткѣ вполнѣ опредѣленную цѣль. Аттестуя себя реформаторами и конституціоналистами, вынужденными дѣйствовать среди «народа, не сознающаго еще съ достаточною ясностью преимущества представительнаго правленія», но тѣмъ не менѣе достигшими уже «осязательныхъ результатовъ» и, въ частности, хорошо уживающимися съ «коронными министрами», они тѣмъ самымъ старались исправить испорченную за-границей репутацію русскаго правительства и русской исторической власти. И результатомъ всѣхъ этихъ стараній должно было явиться введеніе европейскаго общественнаго мнѣнія въ заблужденіе на счетъ истинныхъ порядковъ русской жизни.

Въ полной мѣрѣ, правда, такой результатъ не былъ достигнутъ. Въ Западной Европѣ и, прежде всего, въ Англіи, составлявшей главный предметъ усилій думской депутаціи, нашлось все-

*) Цитирую по «Рѣчи», 28 іюня.

таки не мало осторожныхъ людей, которые не рѣшились на-слово повѣрить торжественнымъ заявленіямъ участниковъ депутаціи и считали не лишнимъ сопоставить эти заявленія съ фактами русской дѣйствительности. Выводы, которые получались изъ такого сопоставленія, оказывались обыкновенно говорящими далеко не въ пользу депутаціи, и благодаря этому послѣдней пришлось быть свидѣтельницей двухъ рѣзко различныхъ по отношенію къ оффиціальной Россіи теченій англійскаго общественнаго мнѣнія. Коекакія свѣдѣнія объ этомъ проникли и въ русскую печать. Между прочимъ, даже чрезвычайно оптимистически настроенному лондонскому корреспонденту «Рѣчи», принявшему на себя роль восторженнаго барда успѣховъ русской депутаціи въ Англіи, пришлось отмѣчать, что, помимо успѣховъ, депутаціи довелось испытывать и нѣкоторые конфузы или, по меньшей мѣрѣ, попадать въ довольно щекотливыя положенія. Даже тѣ изъ англичанъ, которые устраивали пріемы въ честь русскихъ депутатовъ, порою не могли воздержаться отъ намековъ, долженствовавшихъ играть роль нравоученій для заѣзжихъ гостей. Такъ, президентъ лондонской торговой палаты, Альбергъ Спайсеръ, на обѣдѣ, данномъ послѣдней русскимъ депутатамъ, началъ свою рѣчь съ указанія на то, что гости «прибыли въ страну, въ которой торговля выросла на основѣ личной свободы, свободныхъ учрежденій и религіозной терпимости». «Нужно ли прибавлять, — съ горечью замѣчалъ по этому поводу корреспондентъ к.-д. газеты, — что ни нѣмцамъ, ни французамъ Спайсеру и въ голову не пришло бы указать на связь процвѣтанія торговли съ религіозной терпимостью. Это слишкомъ избитая истина, чтобы угощать ею на обѣдѣ, но въ данномъ случаѣ это оказалось, повидимому, умѣстнымъ, и напоминаніе о томъ, что, кромѣ тарифовъ, торговыхъ музеевъ и торговыхъ палатъ есть еще и не менѣе важныя для торговыхъ сношеній и процвѣтанія коммерціи свобода личности, свободныя учрежденія и религіозная терпимость,—далеко не было лишнимъ» *). Приходилось русскимъ депутатамъ слышать подобныя напоминанія и съ другихъ сторонъ, и при томъ въ гораздо менѣе мягкой формѣ. Въ Лондонѣ депутаты были приглашены въ соборъ Св. Павла послушать проповѣдника, говорившаго о великомъ значеніи Думы для Россіи и о будущемъ расцвѣтѣ послѣдней, но въ тотъ же день въ знаменитомъ Вестминстерскомъ аббатствѣ епископъ Герфордскій «выступилъ съ очень рѣшительнымъ протестомъ противъ все еще продолжающагося въ Россіи режима произвола и жестокости» **). Англійскія газеты въ первое время оказались «слишкомъ заняты разными мѣстными дѣлами, чтобы отвести много мѣста депутаціи изъ Россіи» ***). До нѣкоторой степени это измѣнилось послѣ появленія

*) «Рѣчь», 16 іюня.
**) «Рѣчь», 20 іюня.
***) «Рѣчь», 15 іюня.

извѣстнаго манифеста англійской рабочей партіи, но въ спорѣ, который завязался въ результатѣ этого манифеста между иниціаторомъ поѣздки русскихъ депутатовъ, проф. Пэйрсомъ и кн. Кропоткинымъ, спорѣ, имѣвшемъ своимъ предметомъ сущность русскихъ государственныхъ порядковъ, побѣда, какъ отмѣчала та же «Рѣчь», осталась не на сторонѣ Пэйрса. И, во всякомъ случаѣ, послѣ этого спора, какъ и до него, англійскія либеральныя газеты довольно рѣшительно высказывались въ томъ смыслѣ, что Англіи приходится различать между русскимъ народомъ и русскимъ правительствомъ и стремиться, главнымъ образомъ, къ сближенію съ первымъ, которое въ настоящее время скорѣе противоположно, чѣмъ равносильно, сближенію со вторымъ. Даже послѣ состоявшагося уже свиданіе въ Коусѣ одна изъ либеральныхъ англійскихъ газетъ, цитированныхъ нашимъ телеграфнымъ агенствомъ, писала: «Встрѣча монарховъ, конечно, имѣетъ значеніе оффиціальнаго сближенія и другого характера не носитъ. Если русское правительство желаетъ нашей дружбы, то оно должно ясно понять, на какихъ условіяхъ мы, въ качествѣ націи, согласны дать ему эту дружбу» *).

И, нужно прибавить, участникамъ думской депутаціи случалось попадать въ щекотливыя положенія не въ одной только Англіи. Когда «члены нашего парламента» переѣхали во Францію и, говоря словами «Рѣчи», «явились въ Парижъ, чтобы скрѣпить узы дружбы и стереть грань между оффиціальной и неоффиціальной Россіей», ихъ встрѣтили здѣсь газетныя разоблаченія по дѣлу Гартинга-Ландейзена и вызванная этими разоблаченіями сенсація. «Не во-время она разыгралась—огорченно писала тогда «Рѣчь»— какъ разъ въ тотъ моментъ, когда думская депутація переплыла Ламаншъ и вниманіе Парижа должно было быть сосредоточено на ней. Правда, эта неожиданность не ослабитъ, а скорѣе даже усилитъ интересъ къ депутатамъ. Но имъ-то она врядъ-ли облегчитъ ихъ трудную задачу» **). Впрочемъ, эта «трудная задача» встрѣтила себѣ препятствіе не только въ дѣлѣ Гартинга-Ландейзена. Нашлись для нея и нѣкоторыя другія препятствія. Характеристикой ихъ можетъ служить хотя бы то обстоятельство, что какъ разъ передъ пріѣздомъ русскихъ депутатовъ во Францію различныя парижскія юридическія общества получили отъ англійской «лиги реформы уголовныхъ каръ и тюремнаго режима» предложеніе присоединиться къ предпринимаемому ею международному процессу противъ обращенія съ политическими заключенными въ русскихъ тюрьмахъ ***). Неудивительно, конечно, что въ такихъ условіяхъ участникамъ депутатской поѣздки во Франціи, какъ и въ Англіи, далеко не удалось

*) «Daily News». Цитирую по «Рѣчи», 25 іюля.
**) «Рѣчь», 25 іюня.
***) «Рѣчь», 15 іюня.

въ той мѣрѣ, какъ они этого добивались, «стереть грань между оффиціальной и неоффиціальной Россіей».

Не будемъ, однако, слишкомъ придирчивы. Кое-что «члены нашего парламента», во всякомъ случаѣ сдѣлали и кое-чего достигли. Въ извѣстной мѣрѣ, поскольку имъ позволили это обстоятельства, они съ своей стороны посодѣйствовали заблужденію на счетъ русскихъ порядковъ, если не всего европейскаго общественнаго мнѣнія, то, по крайней мѣрѣ, тѣхъ лицъ и тѣхъ общественныхъ круговъ въ западной Европѣ, которые сами по тѣмъ или инымъ мотивамъ ничего не имѣютъ противъ такого заблужденія. Нѣкоторую, пусть не особенно устойчивую, опору для оффиціальной Россіи участники думской депутаціи, несомнѣнно, этимъ путемъ, если не нашли, то укрѣпили. Въ нѣкоторой, пусть не особенно значительной, степени, они все же уменьшили ту разобщенность, какая существовала между оффиціальной Россіей и общественнымъ мнѣніемъ Англіи и Франціи, вліяющимъ на политику этихъ государствъ. Когда годъ тому назадъ часть членовъ англійской палаты общинъ выступила съ протестомъ противъ слишкомъ большого сближенія Англіи съ оффиціальной Россіей, выразившагося въ поѣздкѣ короля въ Ревель, положеніе англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ оказалось довольно труднымъ. «Всѣ чувствовали,—писалъ тогда лондонскій корреспондентъ «Рѣчи»—что поѣздка короля непопулярна», и въ день парламентскихъ дебатовъ по этому вопросу «сторонники сэра Эдуарда Грея не могли не испытывать нѣкоторой тревоги» *). Англійскій министръ нашелъ тогда выходъ изъ затруднительнаго положенія лишь въ указаніи на существованіе въ Россіи конституціи и въ ссылкѣ на мнѣніе по этому вопросу русскихъ либераловъ, которые сами стремятся къ возможно болѣе тѣсному сближенію Англіи съ оффиціальной Россіей. Теперь протестъ противъ такого сближенія повторился въ Англіи съ новой силой. Но за то теперь и министерство имѣло возможность отвѣтить на такой протестъ съ еще большей рѣшительностью, ссылаясь на то, что бывшіе въ Англіи члены русской Думы всѣ именовали себя «народными представителями», всѣ говорили о существованіи въ Россіи конституціи и всѣ отожествили себя съ оффиціальной Россіей. Подобный же отвѣтъ могъ быть данъ протестантамъ и во Франціи.

Нѣкоторый результатъ заграничная поѣздка думскихъ депутатовъ такимъ образомъ безспорно дала. И не трудно представить себѣ, что для большинства ея участниковъ, состоявшаго изъ умѣренно-правыхъ и октябристовъ, такой результатъ явился вполнѣ желательнымъ и согласованнымъ съ ихъ интересами. Трудно лишь было бы согласиться съ тѣмъ, будто со стороны этого большинства данная поѣздка явилась важнымъ или хотя бы только

*) «Рѣчь» 28 августа 1908 г.

вполнѣ сознательныхъ политическимъ шагомъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ эпизодахъ своей политической карьеры, умѣренно-правые и октябристы не измѣнили своей роли «услужающихъ» при правительствѣ. Создавая за-границей «реабилитацію русской дѣйствительности», они въ сущности послужили лишь простымъ орудіемъ въ направляющей ихъ рукѣ и ихъ «важный политическій шагъ» былъ совершенъ ими не столько самостоятельно, сколько по указкѣ. Въ концѣ концовъ этотъ шагъ могъ быть совершенно съ такимъ же успѣхомъ сдѣланъ и тѣмъ депутатомъ Владиміровымъ, который заявилъ челябинцамъ, что онъ не интересуется политикой. Отсутствіе интереса къ политикѣ не помѣшало г. Владимірову засѣдать и голосовать въ Думѣ, не помѣшало бы оно ему, вѣроятно, и принять участіе въ поѣздкѣ въ Лондонъ и Парижъ въ качествѣ свидѣтеля существованія русской конституціи.

Нѣсколько иной характеръ носило участіе въ этой поѣздкѣ представителей конституціонно-демократической партіи. Они, конечно, не задавались одною только простою цѣлью—ввести въ заблужденіе европейскую публику путемъ реабилитаціи передъ нею русской дѣйствительности. Ихъ тактика, если только можно въ данномъ случаѣ употребить это слово, была одновременно и сложнѣе, и наивнѣе. Вопреки извѣстной поговоркѣ, согласно которой «отъ слова не станется», наши конституціоналисты-демократы давно уже воспитали въ себѣ убѣжденіе, что отъ слова-то именно и «станется». Стоитъ лишь говорить, что въ Россіи есть конституція,—она и въ самомъ дѣлѣ будетъ. Сообразно этому внутри Россіи между правительствомъ г. Столыпина и конституціонно-демократической партіей довольно долго тянулся оригинальный споръ. Правительство законодательствовало и распоряжалось по своей волѣ, не считаясь ни съ какими ограниченіями, а конституціоналисты-демократы настойчиво и упорно увѣряли себя и другихъ, что въ Россіи существуетъ конституція. Въ концѣ концовъ сами представители конституціонно-демократической партіи стали какъ будто догадываться, что такой споръ является, по меньшей мѣрѣ, безплоднымъ и что въ ихъ собственномъ, столь торжественно провозглашаемомъ, тезисѣ имѣется какая-то существенная неправильность. Но тутъ представилась возможность перенести тотъ же самый споръ на новую почву—международную, и опять блеснула мысль: авось, отъ слова «станется». Слово и было пущено въ ходъ. «Передъ лицомъ всего міра» г. Милюковъ поспѣшилъ заявить о своей лойяльности и о существованіи въ Россіи конституціи, и на этотъ разъ послѣднее его заявленіе было подверждено не только его товарищами по третьей Думѣ изъ другихъ партій, но и предстовителями правительства въ лицѣ чиновъ лондонскаго и парижскаго посольствъ. Споръ оказался какъ будто законченнымъ, и притомъ законченнымъ въ пользу конституціоналистовъ-демократовъ. Когда же вслѣдъ затѣмъ на свиданіи англійскаго короля и рус-

скаго императора въ Коусѣ въ рѣчахъ обоихъ монарховъ было упомянуто о пріемѣ первымъ изъ нихъ русскихъ депутатовъ, конституціоналистамъ-демократамъ представилось, что они одержали полную побѣду. Нашлись и люди, готовые привѣтствовать такую побѣду.

«Кто осмѣлится теперь сказать,—восклицали «Биржевыя Вѣдомости»— что Россія не конституціонное государство? Кто осмѣлится теперь подъ личиной вѣрноподданства отрицать то, что признано русскимъ монархомъ?»*)

Впрочемъ, въ Россіи такихъ людей нашлось не такъ ужъ много и въ качествѣ свидѣтельствъ побѣды конституціонно-демократическимъ органамъ пришлось привлекать показанія заграничной прессы.

Въ итальянской печати—писалъ, напримѣръ, «Рѣчи» ея римскій корреспондентъ—«особое значеніе придается упоминанію короля Эдуарда о посѣщеніи Англіи русскими депутатами, которые, какъ представители народа, своимъ посѣщеніемъ острова укрѣпили связь между англичанами и русскими. Тѣмъ самымъ король Эдуардъ оффиціально призналъ въ Россіи конституціонный строй. Отвѣтная рѣчь императора, въ свою очередь признавшаго важность поѣздки русскихъ депутатовъ, еще болѣе подчеркиваетъ устойчивость конституціоннаго строя въ Россіи. Такимъ образомъ, императоръ предъ лицомъ всего міра говоритъ, какъ конституціонный монархъ... Въ свою очередь и радикальная печать посвящаетъ «признанію Думы и конституціи» обширныя статьи, приравнивая день 20 іюля къ 17 октября. Тогда конституція была обѣщана, теперь дано завѣреніе ее реализовать, согласно обѣщаніямъ» **).

Такимъ образомъ, побѣда какъ будто была одержана полная: «король Эдуардъ оффиціально призналъ въ Россіи конституціонный строй». Но если нѣсколько странною являлась эта формулировка побѣды, то въ концѣ концовъ не менѣе странный характеръ былъ присущъ и самой побѣдѣ. Какъ только завершенный, казалось бы, ею споръ переносился съ международной почвы на русскую, такъ сейчасъ же онъ, по признанію самой торжествовавшей побѣду стороны, оказывался не только не законченнымъ, но и ведущимся все въ тѣхъ же старыхъ, нисколько не измѣнившихся условіяхъ.

«Потихоньку да полегоньку,—писала какъ-то «Рѣчь» еще до завершенія этого спора на международной почвѣ—вмѣсто обѣщанныхъ послѣ успокоенія реформъ, мы дошли до того, что опять чиновникъ считаетъ себя самовластнымъ распорядителемъ судебъ великой страны и тщится направлять всю жизнь страны изъ петербургскихъ канцелярій. Но это же невѣрно, скажутъ намъ, это невозможно при существованіи представительныхъ учрежденій. Напротивъ! «Обновленный строй» придалъ бюрократіи еще болѣе смѣлости, ибо, распоряжаясь самовластно, она вмѣстѣ съ тѣмъ переноситъ отвѣтственность за послѣдствія на народныхъ представителей». ***)

Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, споръ завершился, думскіе депутаты заявили въ Европѣ о существованіи русской конституціи, и конституціонно-демократическая пресса зарегист-

*) «Бирж. Вѣдомости», 22 іюля.
**) «Рѣчь», 27 іюля.
***) «Рѣчь», 19 іюня.

рировала побѣду, достигнутую этимъ заявленіемъ. Въ Европѣ — писала «Рѣчь» послѣ всего этого—чрезвычайно «серьезно отнеслись къ заявленію народныхъ представителей, «принадлежащихъ къ различнымъ партіямъ», что въ Россіи существуетъ конституція. И вопросъ—продолжала газета—теперь въ томъ, постарается ли правительство доказать на дѣлѣ правильность этого отвѣтственнаго заявленія или же оно будетъ отвѣчать на это по прежнему продолженіемъ чрезвычайной охраны и всѣми сопровождающими ее послѣдствіями». *) «Хотѣлось бы думать,—меланхолически замѣчала та же газета черезъ нѣсколько дней — что признанная Европой русская конституція будетъ признана окончательно и у насъ и явится, наконецъ, дѣйствительнымъ, творческимъ факторомъ русской жизни **). Эта меланхолическая неувѣренность не замедлила въ дальнѣйшемъ уступить мѣсто полному разочарованію. «Какія бы колебанія вверхъ и внизъ ни испытывалъ на отечественномъ и международномъ рынкѣ шаткій курсъ нашей конституціи,—писала «Рѣчь» всего черезъ день — домашнія дѣла идутъ своимъ предустановленнымъ чередомъ и военный судъ продолжаетъ методически правильно назначать порціи смертныхъ казней, каторги и т. д.» ***). Прошло еще немного времени, и газета успѣла убѣдиться, что дѣло не только въ военномъ судѣ и что, по крайней мѣрѣ, «на отечественномъ рынкѣ», самый «курсъ нашей конституціи» въ сущности никакимъ колебаніямъ и не подвергался. «Международныя событія послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, въ связи съ нѣкоторыми фактами внутренней жизни (напр., полтавскими торжествами),—писала теперь к.-д. газета—дали поводъ говорить о пришествіи новой эры и пробудили надежду на то, что затянется рана, которая зіяетъ въ государственномъ организмѣ съ того момента, какъ поколеблена была вѣра въ прочность обновленнаго строя». Но поводъ говорить о новой эрѣ, по мнѣнію газеты, исчезъ послѣ разъясненій, данныхъ русской конституціи въ оффиціозной «Россіи», разъясненій, согласно которымъ эта конституція существуетъ, но «можетъ быть нарушена, когда признано будетъ, что она ведетъ къ гибели страны». «Новая эра—заключала «Рѣчь»—такимъ образомъ завершилась: послѣ кругосвѣтнаго путешествія мы оказались на томъ же мѣстѣ, откуда тронулись въ путь» ****).

Для того, чтобы убѣдиться въ отсутствіи въ русской жизни какой-либо новой эры, не стоило, пожалуй, и предпринимать «кругосвѣтнаго путешествія». Но, во всякомъ случаѣ, разъ ужъ оно было предпринято, заключительнымъ его этапомъ неизбѣжно должно

*) «Рѣчь», 12 іюля.
**) «Рѣчь», 22 іюля.
***) «Рѣчь», 23 іюля.
****) «Рѣчь», 3 августа.

было явиться это глубокое разочарованіе. Въ сущности оно вытекало уже изъ самаго характера провозглашенія новой эры, и предусмотрѣть его неизбѣжность, казалось бы, было не такъ трудно даже тѣмъ, кто провозглашалъ и привѣтствовалъ эту новую эру.

«Пока въ Россіи существуетъ законодательная палата, контролирующая бюджетъ, русская оппозиція останется оппозиціей Его Величества, а не Его Величеству»,—заявилъ г. Милюковъ въ своей лондонской рѣчи.

И въ тотъ же самый день, когда эти слова лидера конституціонно-демократической партіи были переданы по телеграфу въ русскія газеты, напечатавшая ихъ «Рѣчь» заключала свою передовую статью о русскомъ «хаотическомъ бюджетѣ» и о работѣ Думы въ этой области такими словами:

«При существующихъ условіяхъ результаты долгой и тщательной работы Государственной Думы едва-ли искупаютъ даже тѣ неудобства и осложненія, которыя вызываются затягиваніями въ учрежденіи текущей росписи» *).

А нѣсколько дней спустя та же самая газета писала о результатахъ думской работы слѣдующее:

«Въ области бюджета эти результаты еще менѣе замѣтны, чѣмъ въ сферѣ законодательства. Если бы какое-либо лицо, незнакомое со всѣми подробностями обсужденія бюджета Государственною Думою, поставило себѣ цѣлью выяснить, путемъ сличенія бюджетовъ на 1908 и 1909 гг. съ бюджетами стараго режима, вліяніе народнаго представительства въ Россіи на финансовое хозяйство страны, то заключеніе подобнаго изслѣдователя, безъ сомнѣнія, оказалось бы вполнѣ отрицательнымъ для Государственной Думы: бюджетъ и въ общемъ, и въ подробностяхъ сохранилъ прежній характеръ; въ порядкѣ веденія хозяйства страны перемѣнъ, очевидно, не произошло» **).

Иначе говоря, к.-д. газета, руководимая г. Милюковымъ, сама постаралась разъяснить своимъ читателямъ всю призрачность того условія, на существованіи и серьезномъ значеніи котораго настаивалъ г. Милюковъ, пріурочивая къ нему всю свою политическую позицію. Достаточно, пожалуй, одного этого эпизода, чтобы по достоинству оцѣнить серьезность лондонскихъ заявленій г. Милюкова. Но въ позиціи, занятой послѣднимъ, была и другая любопытная сторона, къ которой въ свою очередь стоитъ нѣсколько присмотрѣться.

Въ Россіи существуетъ законодательная палата, контролирующая бюджетъ, поэтому въ Россіи существуетъ конституціонный строй,—таковъ былъ тезисъ, провозглашенный г. Милюковымъ и его товарищами по заграничной поѣздкѣ, тезисъ, признаніе котораго въ Лондонѣ и Парижѣ, по словамъ единомышленниковъ г. Милюкова, знаменовало собою важный политическій шагъ, серьезную побѣду русскаго прогресса. Не будемъ уже говорить о томъ, въ какой степени можетъ осуществляться и дѣйствительно осуществляется у насъ контроль Думы надъ бюджетомъ. Не будемъ говорить и о томъ, что наша «законодательная палата» на практикѣ является второстепеннымъ и далеко не необходимымъ факторомъ

*) «Рѣчь», 21 іюня.
**) «Рѣчь», 5 іюля.

въ дѣлѣ законодательства и что наиболѣе важные законодательные акты то и дѣло проходятъ безъ всякаго ея участія. Возьмемъ исключительно другую сторону вопроса. Въ представленіи г. Милюкова и его товарищей конституціонный строй какъ будто вполнѣ отожествляется съ существованіемъ представительныхъ учрежденій. Есть въ Россіи Дума, хотя бы Дума 3 іюня,—значитъ, есть и конституція. Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстоитъ значительно сложнѣе. Въ дѣйствительности понятіе конституціоннаго строя неразрывно связано, съ одной стороны, съ обязательнымъ участіемъ представительныхъ учрежденій въ дѣлѣ осуществленія законодательной власти, съ другой—съ наличностью нѣкоторыхъ неотъемлемыхъ личныхъ правъ гражданъ. Если бы г. Милюковъ не забылъ объ этой сторонѣ дѣла, онъ могъ бы сообщить англичанамъ рядъ любопытныхъ свѣдѣній о современной русской жизни, которыя помогли бы имъ разъяснить себѣ подлинный характеръ русской «конституціи» и понять, почему эта конституція провозглашается въ Европѣ и нуждается въ признаніи со стороны короля Эдуарда. Въ этомъ случаѣ возможенъ былъ бы даже цѣлый рядъ глубоко поучительныхъ по своему содержанію параллелей.

Гг. Гучковъ и Милюковъ могли безпрепятственно разговаривать въ Лондонѣ и Парижѣ о существованіи русской конституціи, и эти разговоры не только не вызывали никакого видимаго недовольства со стороны русскаго правительства, но представители послѣдняго, въ лицѣ нѣкоторыхъ чиновниковъ дипломатическаго корпуса, принимали даже участіе въ нихъ. Иначе складывалось дѣло для тѣхъ думскихъ депутатовъ, которые собирались побесѣдовать съ своими избирателями внутри Россіи. Когда, напримѣръ, депутатъ отъ рабочихъ Екатеринославской губерніи, г. Кузнецовъ, пріѣхавъ въ Екатеринославъ, обратился къ мѣстной администраціи за разрѣшеніемъ сдѣлать докладъ о дѣятельности третьей Думы, его просьба встрѣтила рѣшительный отказъ. Мало того,—надъ г. Кузнецовымъ, пока онъ жилъ на родинѣ, былъ учрежденъ неослабный полицейскій надзоръ, и, стоило депутату отправиться съ нѣсколькими знакомыми на прогулку, какъ вслѣдъ за ними немедленно являлась полиція и обыскивала всѣхъ ихъ, послѣ чего самого г. Кузнецова, въ уваженіе къ его «высокому званію» депутата, освобождала, а всѣхъ товарищей его неизмѣнно забирала въ тюрьму *). Несомнѣнно, если бы англичане, слушавшіе рѣчь г. Милюкова о существованіи въ Россіи конституціи, заодно узнали отъ него, что русскіе депутаты могутъ публично разсказывать о работахъ своей «законодательной палаты» въ Англіи или во Франціи, но никакъ не въ Россіи, и освѣдомились о томъ, что русскій обыватель подчасъ за одинъ разговоръ съ своимъ избранникомъ-депутатомъ рискуетъ попасть въ тюрьму, они получили бы

*) „Рѣчь“, 5 и 10 іюля.

несравненно болѣе точное представленіе о русскихъ порядкахъ, чѣмъ то, какое имъ далъ г. Милюковъ съ товарищами. Но только тогда, пожалуй, король Эдуардъ и не призналъ бы «русской конституціи».

При желаніи русскіе депутаты могли бы ознакомить англичанъ и съ нѣкоторыми другими особенностями дѣйствующей у насъ «конституціи». Такъ, напримѣръ, повѣствованіе г. Гучкова о связи, существующей между Государственной Думой и учрежденіями мѣстнаго самоуправленія, могло бы быть дополнено хотя бы указаніями на то, какъ мѣстные губернаторы воспрещали городскимъ думамъ и земскимъ собраніямъ обсуждать школьный проектъ лиги образованія или какъ другіе губернаторы обязывали волостныя правленія не выписывать газетъ «лѣваго направленія», причемъ въ число послѣднихъ включались даже «Биржевыя Вѣдомости» и «Голосъ Москвы». Говоря о связи «нашего парламента» со страною, депутаты могли бы указать и на такое характерное выраженіе этой связи, какъ штрафы, налагаемые на газеты за разборъ рѣчей, произнесенныхъ въ Думѣ представителями правительства, или даже за простую перепечатку свѣдѣній, сообщенныхъ въ Думѣ. Характеръ связи, существующей между Думой и страною, несомнѣнно, могъ бы обрисоваться англичанамъ въ результатѣ подобныхъ сообщеній съ достаточною ясностью.

Быть можетъ, еще болѣе любопытныя для англичанъ сообщенія могли бы сдѣлать русскіе депутаты, если бы они захотѣли разсказать кое-что о томъ, какъ понимаетъ дѣйствующій у насъ «конституціонный» порядокъ право собраній. Всего за какіе-нибудь два мѣсяца до заграничной поѣздки депутатовъ существующему въ Петербургѣ ученому Вольному Экономическому Обществу не разрѣшено было собраться для обсужденія доклада объ указѣ 9 ноября. Около этого же времени администраціей были приняты крутыя и рѣшительныя мѣры для предупрежденія празднованія рабочими дня 1 мая, мѣры, о характерѣ которыхъ могутъ дать понятіе хотя бы два слѣдующіе эпизода, разыгравшіеся въ провинціи и оглашенные въ газетахъ. «Въ Лубнахъ,—разсказывала газетная телеграмма о первомъ изъ нихъ—полиція отбираетъ у всѣхъ владѣльцевъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій подписку, что они немедленно сообщатъ полиціи имена тѣхъ рабочихъ и приказчиковъ, которые 1 мая не явятся на работу; лубенскій исправникъ грозитъ строгой административной карой хозяевамъ, которые не выдадутъ забастовщиковъ» *). Въ Петроковѣ—гласило другое газетное сообщеніе — мѣстный генералъ-губернаторъ Казнаковъ издалъ обязательное постановленіе о томъ, что 1, 2 и 3 мая воспрещаются всякія публичныя сборища. Среди рабочихъ произведены массовые аресты. По всѣмъ фабри-

*) «Рѣчь», 26 апрѣля.

камъ вывѣшены объявленія, что въ случаѣ забастовокъ перваго и второго мая будутъ произведены аресты черезъ десятаго или черезъ пятаго рабочаго» *). Если бы думскіе депутаты изъ числа конституціоналистовъ-демократовъ не свели понятіе конституціи къ существованію Думы, они должны были бы, конечно, вспомнить о массѣ подобныхъ эпизодовъ, переполняющихъ современную русскую жизнь и составляющихъ главное ея содержаніе, на фонѣ котораго существованіе Думы для русскаго обывателя имѣетъ весьма небольшой практическій интересъ.

Русскій обыватель уже привыкъ къ тому, что существованіе Государственной Думы нисколько не мѣшаетъ существованію положеній объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Но для англійскаго слуха слова «конституція» звучитъ вполнѣ опредѣленно и съ нѣкоторыми дѣйствіями безусловно не соединяется. И, несомнѣнно, англичане, слушавшіе заявленія г. Милюкова о существующемъ въ Россіи конституціонномъ порядкѣ, не могли вполнѣ оцѣнить ихъ соль. Это было бы возможно для нихъ лишь въ томъ случаѣ, если бы они тутъ же узнали отъ оратора, что при этомъ порядкѣ кіевскій губернаторъ можетъ, какъ онъ и сдѣлалъ это въ прошломъ году, выслать на три года въ Вологодскую губернію студента, не снявшаго шапки при исполненіи народнаго гимна, а любой сельскій урядникъ обладаетъ полною возможностью каждаго, не вывѣсившаго на своей лавкѣ въ царскій день флага, торговца «взять на замѣтку, какъ идущаго въ разрѣзъ съ правительствомъ». Если бы русскіе депутаты, говоря о нашей «конституціи», указали на возможность при ней подобныхъ фактовъ, представленіе англичанъ о русскомъ конституціонномъ строѣ, конечно, много выиграло бы въ ясности и точности. Но тогда опять-таки король Эдуардъ, пожалуй, не призналъ бы русской конституціи, и важная политическая побѣда, заключавшаяся въ такомъ признаніи, не была бы достигнута.

Въ чьихъ собственно интересахъ была одержана эта побѣда и кому она пошла на пользу,—на этомъ, думается, нѣтъ надобности особенно долго останавливаться. Рѣчи о русской конституціи, раздававшіяся въ Западной Европѣ, конечно, ничего не измѣнили въ Россіи. Отъ слова и на этотъ разъ ничего не сталось. Наоборотъ, упомянутыя рѣчи, успокаивая европейское общественное мнѣніе и до нѣкоторой степени примиряя его съ оффиціальной Россіей, только облегчали задачу послѣдней и благодаря этому въ сущности сливались въ своеобразную политическую симфонію съ тѣми порядками русской дѣйствительности, по отношенію къ которымъ онѣ должны были, казалось бы, звучать такимъ рѣзкимъ диссонансомъ. Конституціонныя рѣчи, предназначенныя для Европы, остались рѣчами, а подъ ихъ сладкіе звуки на русской почвѣ продолжала развиваться все та же система произвола и безправія. И стоитъ только,

*) «Рѣчь», 15 апрѣля.

не закрывая умышленно глазъ, оглянуться кругомъ, чтобы увидѣть безконечный рядъ уродливыхъ плодовъ этой системы.

Не такъ давно въ газетныхъ телеграммахъ была разсказана чрезвычайно простая по нынѣшнимъ временамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невыразимо трагическая въ своей простотѣ исторія, разыгравшаяся въ Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Земскій начальникъ Коваленко, находясь въ гостяхъ у помѣщика, узналъ, что крестьянинъ села Корнеевки совершилъ потраву экономическихъ посѣвовъ. Коваленко приказалъ стражникамъ немедленно позвать къ нему виновника для выясненія дѣла. Крестьянинъ, однако, отказался идти въ виду поздняго времени. Тогда земскій начальникъ самъ помчался въ село и приказалъ стражникамъ окружить домъ ослушника и открыть стрѣльбу. Въ результатѣ этой стрѣльбы жена виновника потравы была смертельно ранена *).

Исторія эта, повторяю, по нынѣшнимъ временамъ чрезвычайно простая, почти что можно сказать, принадлежащая къ разряду обычныхъ. И, надо думать, земскому начальнику Коваленку, такъ энергично расправившемуся съ виновникомъ потравы на помѣщичьей землѣ и въ своемъ рвеніи не остановившемуся даже передъ смертной казнью жены этого виновника, и въ голову не приходило, что такая расправа находится въ разногласіи съ русской «конституціей» или, еще болѣе того, можетъ караться послѣдней. Вѣроятнѣе всего, г. Коваленко вовсе не задумывался надъ вопросомъ о соотношеніи своихъ дѣйствій съ русской конституціей, а дѣйствовалъ просто по внезапному вдохновенію и благопріобрѣтенному административному навыку. Но если бы даже дѣло происходило иначе и г. Коваленко предварительно обдумалъ способъ своихъ дѣйствій съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія нынѣшнему «конституціонному строю», эти дѣйствія врядъ-ли могли бы получить другой характеръ. Вѣдь главной, если не единственной, основой нашего «конституціоннаго строя» служитъ принципъ «твердой власти». Въ только что разсказанномъ эпизодѣ престижъ твердой власти, поколебленный ослушаніемъ крестьянина, былъ блестяще возстановленъ земскимъ начальникомъ. И если при этомъ возстановленіи пострадала отъ пули стражника жена виновнаго крестьянина, то въ глазахъ г. Коваленка это, конечно, является не болѣе, какъ досадною, но въ сущности совершенно ничтожною случайностью.

Жизнь обывателя, въ особенности обывателя, провинившагося передъ начальствомъ или же близкаго къ провинившемуся, не имѣетъ особенно большого значенія въ нашемъ конституціонномъ строѣ. Это извѣстно не только земскому начальнику Коваленку. Мнѣ приходилось какъ-то писать о дѣлѣ бывшаго пабіаницкаго полицеймейстера Іонина, обвиненнаго въ убійствѣ политическаго заключеннаго Гризеля и приговореннаго судебной палатой къ 12 годамъ

*) „Рѣчь", 31 іюля.

каторги. Послѣ того сенатъ, въ который перешло дѣло, оправдалъ Іонина, и въ настоящее время онъ, какъ сообщаютъ газеты, вновь состоитъ на службѣ, на этотъ разъ въ должности завѣдующаго канцеляріей петербургской одиночной тюрьмы («Крестовъ») и занимается вербовкой членовъ въ «союзъ русскаго народа» *). Въ другихъ подобныхъ же случаяхъ дѣло устраивается еще проще, вовсе не доходя до суда. За послѣдніе мѣсяцы въ газетахъ было напечатано нѣсколько документовъ, въ которыхъ говорится объ убійствахъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ въ 1906—7 гг. политическихъ арестантовъ ихъ конвоирами, но лица, поименованныя въ этихъ документахъ, какъ виновники и соучастники убійствъ, остаются непривлеченными къ суду. Заглохли и нѣкоторыя возбужденныя было дѣла по обвиненію полицейскихъ чиновниковъ Гольдингенскаго уѣзда Курляндской губерніи въ совершеніи пытокъ надъ политическими заключенными, а сами обвинявшіеся чиновники получили повышеніе по службѣ **).

За то свѣдѣнія о пыткахъ и истязаніяхъ, совершаемыхъ надъ заключенными и по обще уголовнымъ, и по политическимъ дѣламъ, продолжаютъ и въ настоящее время приходить изъ самыхъ разнообразныхъ угловъ Россіи. Пытаютъ и истязаютъ всевозможными способами арестантовъ въ селахъ, пытаютъ и истязаютъ ихъ и въ городахъ. Въ селѣ Бербеницахъ Лохвицкаго уѣзда, по разсказу газетнаго корреспондента, урядникъ со стражникомъ, пытая заподозрѣннаго въ воровствѣ крестьянина, поставили его босыми ногами на раскаленную до-красна чугунную сковороду ***). Въ селѣ Каменкѣ Екатеринославской губерніи, какъ выяснилось на происходившемъ съ полгода тому назадъ судебномъ процессѣ, урядникъ Лебедкинъ практиковалъ цѣлую систему пытокъ: арестованнымъ надѣвали на шеи колодки, били по пяткамъ, отбивали легкія ****). Въ началѣ текущаго года, по словамъ газетъ, «ужасающія вещи» были раскрыты въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи въ дѣятельности завѣдующаго сыскной частью въ уѣздѣ Чернявскаго. «Для того, чтобы доказать плодотворность своей дѣятельности,—разсказывалъ корреспондентъ «Рѣчи»—Чернявскій хваталъ совершенно невиновныхъ людей и посредствомъ побоевъ, истязаній и пытокъ заставлялъ ихъ сознаваться въ преступленіяхъ, которыхъ они никогда не совершали... По показаніямъ опрошенныхъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, въ томъ числѣ урядниковъ и стражниковъ, Чернявскій установилъ такую систему: изъ нѣсколькихъ арестантовъ и десятскихъ, которымъ онъ давалъ деньги и поилъ водкой, онъ создалъ своихъ помощниковъ—палачей, въ распоряженіе которыхъ передавалъ новыхъ арестованныхъ. Длин-

*) „Рѣчь", 28 іюля.

**) „Рѣчь", 3 іюля.

***) „Рѣчь", 7 марта.

****) „Рѣчь", 18 декабря 1908 г.

ный рядъ потерпѣвшихъ показываетъ, что ихъ нещадно били, вырывали волосы, кололи острыми предметами, даже жгли огнемъ. Медицинскимъ осмотромъ установлены случаи перелома реберъ, разрыва барабанной перепонки и другихъ тяжкихъ поврежденій». «Чернявскій—заканчивалъ свой разсказъ корреспондентъ—продолжаетъ службу, но перемѣщенъ завѣдующимъ сыскною частью по политическимъ дѣламъ. Одинъ урядникъ, показывавшій противъ Чернявскаго, переведенъ, другой уволенъ со службы» *). Иногда истязанія надъ заключенными совершаются иначе, по установленнымъ правиламъ. «Въ здѣшней тюрьмѣ — сообщала въ половинѣ іюня телеграмма изъ Пскова — 16 политическихъ каторжанъ подверглись экзекуціи розгами; каждому дано по 100 ударовъ» **).

Бьютъ, впрочемъ, заключенныхъ не только въ сельскихъ холодныхъ, не только въ сыскныхъ отдѣленіяхъ и тюрьмахъ. Въ наши конституціонные нравы начинаетъ понемногу входить и избіеніе арестантовъ на судѣ, во время судебнаго разбирательства. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ приходилось упоминать о случаѣ избіенія стражей подсудимаго въ засѣданіи севастопольскаго суда. Недавно подобный же случай произошелъ въ Казани. Когда находившійся подъ стражей подсудимый позволилъ себѣ выразить недовольство обвинительнымъ приговоромъ, вынесеннымъ ему, одинъ изъ конвойныхъ тутъ же, на глазахъ у публики, присяжныхъ засѣдателей и судей, избилъ его ***). Залы судебныхъ засѣданій становятся въ настоящее время свидѣтелями и другихъ, въ своемъ родѣ, пожалуй, не менѣе поучительныхъ сценъ. Не далѣе, какъ на дняхъ, въ петербургскихъ газетахъ была напечатана телеграмма изъ Орла за подписями нѣсколькихъ адвокатовъ. «Во временномъ военномъ судѣ—говорилось въ ней—слушается дѣло 26 лицъ, обвиняемыхъ въ принадлежности къ максималистской группѣ с.-р. партіи. Во время судебнаго засѣданія на всѣхъ подсудимыхъ имѣются короткія наручныя цѣпи, которыми они соединены другъ съ другомъ. Этимъ они лишены возможности что-либо записывать; одному нельзя встать. Защита стѣснена. Защита ходатайствуетъ о принятіи мѣръ къ освобожденію рукъ неосужденныхъ подсудимыхъ въ залѣ засѣданія, которое продлится еще дней пять» ****). Газеты не сообщали, имѣло ли успѣхъ это ходатайство и были ли сняты съ орловскихъ подсудимыхъ оковы на время засѣданій суда.

Кандалы теперь нерѣдко сопровождаютъ заключенныхъ не только въ залу суда, но и въ больницу. Тифозныхъ заключенныхъ то и

*) „Рѣчь", 16 апрѣля.
**) „Рѣчь", 14 іюня.
***) „Рѣчь", 24 мая.
****) „Рѣчь", 3 августа.

дѣло доставляютъ въ больницы въ кандалахъ и подчасъ не расковываютъ даже передъ смертью. И не только тифозныхъ. Лѣтомъ текущаго года въ Петербургѣ въ городскую психіатрическую больницу св. Николая Чудотворца былъ отправленъ изъ дома предварительнаго заключенія на четыре мѣсяца для испытанія умственныхъ способностей арестантъ Куммингъ, присланный въ больницу въ кандалахъ. Врачи больницы отказались было принять больного въ кандалахъ, но послѣ настойчивыхъ требованій тюремнаго начальства, прокурорскаго надзора и городской управы подчинились, и Куммингъ былъ помѣщенъ въ больницу закованнымъ. Однако видъ больного въ оковахъ такъ сильно дѣйствовалъ на остальныхъ больныхъ и на самый больничный персоналъ, что администрація больницы уже черезъ нѣсколько дней обратилась въ окружный судъ съ просьбой перевести Кумминга обратно въ тюрьму, предлагая устроить наблюденіе за нимъ въ тюремной обстановкѣ *). Такимъ образомъ, психическій больной или, по крайней мѣрѣ, человѣкъ, въ которомъ предполагали такого больного, оказался, какъ бы по совѣту врачей, заключеннымъ въ тюрьму и носящимъ на себѣ кандалы. Дѣло же объ отказѣ врачей принять закованнаго больного въ больницу продолжаетъ идти своимъ чередомъ и, хотя пока городской юрисконсультъ высказался въ пользу врачей, но было бы, пожалуй, еще рискованно предсказывать, каково будетъ окончательное рѣшеніе этого дѣла при нашемъ конституціонномъ строѣ, дѣятели котораго такъ энергично стараются оставить кандалы на больныхъ, что уже нѣсколько разъ добивались не только практическаго, но и теоретическаго разрѣшенія этого вопроса въ благопріятномъ для себя смыслѣ.

Всѣ только что приведенные факты, взятые въ отдѣльности, пожалуй, мелки и незначительны, но менѣе всего они могли бы быть названы случайными. Въ концѣ концовъ изъ массы такихъ именно фактовъ складывается главное содержаніе русской жизни въ переживаемую нами эпоху и въ нихъ отражаются особенности этой эпохи. Глубокое пренебреженіе въ человѣческой личности, полное и откровенное отрицаніе за обывательской массой не только гражданскихъ, но даже просто человѣческихъ правъ,—это, быть можетъ, наиболѣе характерная черта дѣйствующаго сейчасъ въ Россіи государственнаго порядка. И, когда къ этому порядку прилагается названіе конституціоннаго строя, такое названіе звучитъ, какъ горькая и язвительная насмѣшка. Можно, однако, представить себѣ тѣ побужденія, въ силу которыхъ строители этого порядка и ихъ прислужники оказываются порою вынужденными прибѣгать къ подобному эвфемизму. Сладкіе звуки рѣчей о благополучно существующей въ Россіи конституціи должны отвлечь вниманіе третьихъ лицъ отъ звона надѣваемыхъ на народныя массы цѣпей.

*) „Слово", 26 и 28 іюня.

Но именно поэтому для людей, считающихъ себя защитниками народной свободы, присоединяться къ такимъ рѣчамъ,—значитъ наносить ударъ тому дѣлу, какое они хотѣли защищать, и помогать тому, которому думали воспрепятствовать. И, если тѣмъ не менѣе такое присоединенiе произошло на нашихъ глазахъ, то оно можетъ служить лишь своеобразнымъ свидѣтельствомъ того, какъ далеко ушли дѣятели рѣшившейся на него партiи по пути безпринципнаго оппортунизма и какъ сильно разошлись они съ тѣмъ дѣломъ, которому когда-то собирались служить. Во всякомъ случаѣ, зрѣлище г. Милюкова, сообща съ г. Гучковымъ и гр. Бобринскимъ занятаго реабилитацiей русской дѣйствительности и доказывающаго Европѣ существованiе русской конституцiи, невольно заставляетъ вспомнить мужественнаго депутата Владимiрова. И невольно хочется спросить: что лучше со стороны лицъ, именующихъ себя «народными представителями»: откровенный ли отказъ отъ всякаго интереса въ политикѣ или замѣна политики наивнымъ политиканствомъ? Быть можетъ, правильнѣе было бы спросить: что хуже? Но, пожалуй, и на тотъ, и на другой вопросъ одинаково трудно отвѣтить.

В. Мякотинъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ статью Н. С. Русанова «Западный соцiализмъ и русскiй соцiализмъ» Герцена (№ 7) вкрались слѣдующiя опечатки:

	Напечатано:	*Должно быть*:
Страница 171, строка 18 снизу:	зрителемъ	учителемъ
Страница 181, строка 19 снизу:	врачъ	врагъ
Страница 185, строка 5 сверху:	Миллемъ	Луи-Бланомъ

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

На покрытіе штрафа въ 1000 р., наложеннаго за № 4 „Русскаго Богатства“: отъ К. Попеско, изъ Кишинева—50 к.; изъ У-ча—5 р.; отъ подписчика № 2107—1 р.; отъ полит. Туруханскаго края—1 р. 12 к.; отъ ссыльныхъ Усть-Важки—1 р.; отъ С. Ф. Петрова, изъ с. Боготолъ—2 р.; отъ д-ра А. Когана, изъ м. Красное—1 р.; отъ в-ча Діомидова, изъ с. Абатскаго—1 р.; отъ Н. М., изъ Житоміра—35 к.; отъ Бончъ Осмоловской, изъ м. Мошны—1 р.; отъ Л. Крузе, изъ Варшавы—1 р.; отъ Т. Устименко, изъ Верхн.-Ломова—2 р.; отъ подписчицы № 3540—5 р.; отъ В. А. Нирнима—1 р.; отъ В. А. Ефремова—1 р.

Итого. . . . 23 р. 97 к.

А всего съ прежде поступившими . . . 143 р. 47 к.

Редакторъ-издатель *Вл. Короленко.*

PHOSPHATINE
FALIÈRES

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 040242171